Владислав

КРАПИВИН

ПОРТФЕЛЬ КАПИТАНА РУМБА

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Портфель капитана Румба (Сборник)

Владислав Петрович Крапивин

Аннотация
Владислав КРАПИВИН. «Портфель капитана Румба»
ПОРТФЕЛЬ КАПИТАНА РУМБА. Морской роман-сказка для детей школьного, послешкольного и пенсионного возраста [empty link]
ПРЕДИСЛОВИЕ И ПОСВЯЩЕНИЕ
Часть I. ГОРОД ГУЛЬСТАУН
Часть II. ШХУНА «МИЛЫЙ ДЮК»
Часть III. КОРОЛЕВСТВО НУКАНУКА
Часть IV. КЛАД БОТОНЧИТО
Часть V. СЫЩИК НУС
Часть VI. ДВЕ ПУГОВИЦЫ
Часть VII. ПАРОХОД «НОВАЯ ГОЛЛАНДИЯ»
Часть VIII. ГЛАВНОЕ ЖЕЛАНИЕ
ЭПИЛОГ
«Я БОЛЬШЕ НЕ БУДУ», ИЛИ ПИСТОЛЕТ [empty link] КАПИТАНА СУНДУККЕРА. Повесть-сказка [empty link]
ВСЯКИЕ НЕПРИЯТНОСТИ
ГЕНЧИКА ПОХИЩАЮТ

СТАРШИЙ СПАСАТЕЛЬ КУБРИКОВ
КАК ЗОВУТ БРИГАНТИНУ
ЮНЫЕ ГОДЫ КАПИТАНА СУНДУККЕРА
ДРАМА И ЛЮБОВЬ ЕЛЕНЫ БУБЕНЦОВОЙ
МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ КАПИТАНА СУНДУККЕРА
СКЛЕЙКА РАЗВИТЫХ СЕРДЕЦ
ЮНЫЙ ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ
ДУХ КАПИТАНА
ПЛАВАНИЕ
УЖАС
ВЫСТРЕЛ
ОСКОЛКИ
МЛАДШИЙ СПАСАТЕЛЬ БУБЕНЦОВ
НАСЛЕДСТВО
«ЧОКИ-ЧОК»,. ИЛИ РЫЦАРЬ. ПРОЗРАЧНОГО. КОТА. Повесть-сказка
Часть I [empty link]. ДОМ НА УПИЦЕ КРАЙНЕЙ [empty link]
Часть II. ПОГРАНИЧНАЯ ОБЛАСТЬ
Часть III. КОРОЛЕВСТВО
Часть IV, очень короткая. О ТОМ, ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ

Аннотация

XIX век. Искатели приключений отправляются на поиски портфеля пиратского капитана Чарльза Роберта Румба, в котором, согласно легенде, хранятся сокровища капитана. Однако вместо сокровищ друзья находят совсем иное...

Вторая книга дилогии — «Пистолет капитана Сундуккера» — повествует о событиях, происходящих уже в наше время. В руки современных школьников попадает оружие, когда-то принадлежавшее известному капитану.

В сборник также вошла повесть «Чоки-чок, или Рыцарь Прозрачного кота» — о приключениях в стране Астралии, находящейся «где-то рядом».

Владислав КРАПИВИН
«Портфель капитана Румба»

ПОРТФЕЛЬ КАПИТАНА РУМБА Морской роман-сказка для детей школьного, послешкольного и пенсионного возраста [empty link]

ПРЕДИСЛОВИЕ И ПОСВЯЩЕНИЕ

Много лет я командовал ребячьим отрядом «Каравелла». Даже носил звание командора. Мальчишки и девчонки в этом отряде занимались парусным делом и очень любили морские истории.

Давным-давно, в 1975 году, в предновогодние дни, мы оказались на занесенной снегами туристской базе на севере Урала. Стоял жгучий мороз, носу не высунешь. И вот, чтобы скоротать вечер у потрескивающей печурки, я начал рассказывать ребятам историю о портфеле капитана Румба, о мальчике по имени Дик и его дядюшке — папаше Юферсе. Впервые… А потом рассказывал множество раз — когда собирались у костров, у свечи или у корабельного фонаря в кают-компании «Каравеллы».

Начинал я повествование всегда по-разному. Например, так:

«За окном каменной каморки сгущались холодные сумерки, а в каморке этой сидели у холодного камина старый разорившийся трактирщик и его десятилетний племянник…»

Или так:

«Это случилось в те времена, когда паровозы были похожи на дымящиеся походные кухни, парусников на морях и океанах плавало не меньше, чем пароходов, а самолеты — даже те, что напоминали коробчатые воздушные змеи из реек и ткани, — существовали только на чертежах...»

Или еще:

«Ранним зимним вечером по пустым портовым переулкам бежал человек. За ним бежали еще трое, и один время от времени стрелял в воздух...»

Вот такие непохожие начала. Но дальше речь шла об одном и том же: о событиях то загадочных, то смешных, то страшных. И конечно, о море и парусах.

Поскольку ребята вырастали быстро и на их место в наш отряд приходили новые, слушателей у меня всегда хватало...

Рассказал я о всех этих приключениях и своему взрослому другу Евгению Ивановичу, который понимает толк в морских делах и в морских книгах. И с той поры он постоянно требовал: «Садись и пиши!» Он даже нарисовал для будущей книги портреты главных героев...

И мой младший сын однажды с упреком сказал мне: «Я уже вырос, а ты все только рассказы-

ваешь, а не пишешь». (Ему было тогда шесть лет, и он впервые оказался в яхтенном походе по большому озеру с остановкой на живописном полуострове Гамаюн.)

Но я боялся. Думал: напишу, ребята будут читать все это в напечатанной книжке, а мне больше нечего будет рассказывать.

Однако пришло время и свой капитанский мостик в «Каравелле» я уступил молодым командирам — пускай они, как и я, покомандуют три десятка лет! И стал таким образом командором в отставке.

Сразу появилось много свободного времени. И я наконец взялся за перо.

Эту книгу я посвящаю очень разным людям, которые одинаково любят паруса, —

*моряку, художнику и писателю Евгению Ивановичу Пинае-ву,*пятнадцать лет подряд заставлявшему меня написать о том, что было в портфеле капитана Румба, и

*своему сыну Алешке,*капитану яхты «Румб», на которой он не раз занимал призовые места в штормовых парусных гонках.

30 сентября 1990 года

Автор

Часть I
ГОРОД ГУЛЬСТАУН

1. САМОЕ НАЧАЛО. — ОГОНЬКИ В ОКНАХ. — У ХОЛОДНОГО КАМИНА.

История эта берет начало в портовом городе, который жители привыкли называть не иначе как «наш старый добрый Гульстаун».

Ранним зимним вечером, накануне праздника Рождества, город и в самом деле выглядел добрым и уютным. Снег мягко падал на бронзовые памятники, на чугунные тумбы портовых причалов, на реи и снасти стоявших в гавани судов. На судах приветливо горели иллюминаторы. А на берегу светились окна с частыми переплетами. Снаружи у окон висели разноцветные ребячьи чулки. Известно, что Дед Мороз по имени Санта-Клаус в ночь перед праздником кладет в каждый чулок свой подарок.

Праздник светился даже в редких окошках громадных портовых зданий. Там среди складов и пустующих вечерами мастерских прятались кое-где жилые каморки. В них обитали одинокие грузчики, сторожа, старые работницы флотских

прачечных, отставные матросы и всякий полубродячий береговой люд. Но и эти бедняки в тот вечер, собравшись по двое, по трое, разжигали сложенные из булыжников камины и готовились встретить праздник за бутылочкой недорогого вина. И на каждом столе был рождественский фаршированный гусь. Пускай не настоящий, а испеченный из дешевой ржаной муки и размером не с гуся, а с галку, но все-таки с яблочной начинкой…

Лишь в одном окошке, у самой крыши высокого склада, не было света. И чулок у форточки не висел, несмотря на то что в комнатушке за этим окном жил со своим старым дядюшкой десятилетний мальчик.

Вы, конечно, догадались, что это были Дик и папаша Юферс.

Никакого праздника у них нынче не ожидалось. Ведь чтобы Санта-Клаус принес подарок, взрослые должны заранее написать заказ и выложить в кассе дед-морозовской конторы хотя бы пару медных монет. А у папаши Юферса не осталось ни одной. Да и в чулках у Дика были такие дыры, что никакой подарок там все равно не удержался бы.

Не было у дядюшки с племянником и дров для

камина, последние щепки сгорели еще утром. Поэтому теперь в камине горела лишь сальная свечка, тоже последняя. А они сидели и смотрели на огонек. Он был так мал, что снаружи окно казалось черным. Но все-таки он был живой — смотришь, и делается немного теплее.

Папаша Юферс кутался в потертый клетчатый плед. Он сидел в скрипучем просторном кресле с резной спинкой и львиными лапами вместо ножек. Кроме дощатой кровати и раскладного железного стола с разобранного на утиль парохода, это была единственная мебель в каморке. Поэтому Дик устроился рядом с креслом на корточках. Время от времени Дик рассеянно зевал, прикрывая озябшие коленки полами куцего пальтишка, и посапывал маленьким, похожим на воробьиный клюв носом…

Пока дядюшка и племянник так сидят и молчат, можно рассказать о них подробнее. Ведь это главные герои нашей книги.

2. ФОТОГРАФИЯ. — ЧТО ТАКОЕ «ЮФЕРС». — ГВОЗДИК.

Описание книжных героев начинают обычно с внешности. Но сейчас, в полумраке, дядюшку и мальчика не разглядеть. Поэтому посмотрим

на фотографию в ракушечной рамке — она висит сбоку от камина. За окном, над недалеким причалом, зажегся на мачте парохода «Колумбия» белый топовый огонь. Свет с быстрыми мазками теней от снегопада полосой прорезался сквозь стекло и упал прямо на снимок.

Это — добротная фотография тех давних времен. Твердая, на плотном картоне. Кстати, она да еще заслуженное кресло с потертой кожей на сиденье — все, что осталось у папаши Юферса и Дика от прежней жизни…

Папашу Юферса мы видим на гнутом венском стуле, который для него маловат и жидковат. На папаше модные клетчатые брюки, светлый сюртук и полосатый жилет. А поверх жилета, обтягивающего обширный живот, — тяжелая часовая цепочка с брелоком-якорем. Голова у папаши Юферса лысая, с клочками седых волос на висках. Лицо круглое, глазки тоже круглые, а нос вообще затерялся среди пухлых щек. Дядюшка старается смотреть строго, но видно, что это человек добродушного нрава, хотя, возможно, временами и вспыльчивый.

Следует сказать, что именно за свою округлость дядюшка получил прозвище Юферс. Объясняю тем, кто не знает. Юферс — это большой выпук-

лый блок из твердого дерева. Такими блоками на корабле натягивают стоячий такелаж — ванты, штаги и другие крепкие тросы, которые поддерживают мачты и стеньги. Колесика внутри юферса нет, а просверлены в нем три отверстия. И поэтому юферс похож на голову толстяка с глазками без бровей и удивленно округлившимся маленьким ртом…

Теперь о Дике. На снимке он стоит рядом с дядюшкой и держит в опущенной руке твердую соломенную шляпу. Ну прелесть что за мальчик! Скромный, послушный, причесанный. В матросской курточке с двумя рядами светлых пуговиц, в отутюженных брючках до колен и блестящих башмаках, поверх которых надеты белые чехлы с кнопками. И полосатые чулки вовсе не драные, а совсем еще новые, с отворотами и с кисточками по бокам… В общем, сразу видно, что сняты дядюшка с племянником, когда жилось им вполне счастливо…

Но не следует слишком полагаться на фотографию. Ведь, по правде говоря, даже в хорошую пору жизни дядюшка Юферс редко надевал выходной костюм. Обычно его видели в полосатой матросской фуфайке. А Дик часто бегал босиком и растрепанные, как пеньковая конопатка, волосы

прикрывал не модной шляпой с ленточкой. Носил он матросский берет с мохнатым помпоном, но в конце концов помпон оторвал и привязал к нему нитку, чтобы играть с котом поварихи тетушки Марты. Берет сделался плоским и на маленьком щуплом Дике выглядел громадным.

Однажды, года три назад, папаша Юферс и Дик гуляли по причалам. И попался им навстречу капитан российского клипера «Кречет» Аполлон Филиппович Гущин-Безбородько. Они с папашей Юферсом давно были знакомы, но не виделись несколько лет и сейчас шумно обрадовались друг другу. Потом командир «Кречета» сверху посмотрел на Дика и спросил густым басом:

— А это что за карандаш под блюдцем?

Дик левым глазом глянул вверх из-под берета. И сказал бесстрашно:

— Здрасте, капитан! Я — Дик.

— Да-а? — удивился Гущин-Безбородько. — Это прекрасно!.. Только, по-моему, ты не просто Дик, а Гвоз-Дик. Замечательный гвоздик под шляпой. А? — И он объяснил дядюшке и племяннику, что «гвоздик» по-русски то же самое, что «тэк» по-английски, «нагельхен» по-немецки, «клавито» по-испански и так далее, на десятке всяких языков.

Это очень понравилось Дику. Не каждому повезет получить имя от капитана знаменитого клипера. В тот же день все в таверне дядюшки Юферса узнали, что племянник хозяина с этой поры не Дик, а Гвоз-Дик, так и будьте добры его называть. Все быстро к этому привыкли. Тем более что было в маленьком Дике и по правде что-то от крепкого острого гвоздика.

Он почти не плакал, если сильно расшибался или когда попадало от портовых мальчишек. Только съеживал плечи и, прищуря один глаз, сердито смотрел из-под берета. А потом научился крепко и быстро давать сдачи. Кулачки у него были твердые, как кубики для игры в кости. Папаша Юферс ворчал:

— Дикки, если ты хочешь стать капитаном, то, конечно, не должен давать себя в обиду. Но с какой стати ты поставил фонарь нашему юному соседу Джекки Тимсону? Его родители говорят, что он вовсе не задевал тебя!

— Но Тимсон стрелял из рогатки в тети-Март кота! А ты сам говорил, что надо защищать всех, кто слабее!

Папаша Юферс вздыхал и натягивал на уши племянника берет. Он любил Гвоздика. И тот любил дядюшку. Хотя и не всегда слушался.

Надо признаться, что Гвоздика порой баловали. Как не приласкать сироту? Отец был штурманом на «Генерале Джексоне» и потонул вместе с пароходом семь лет назад. А мать — сестра папаши Юферса — умерла еще раньше от сильной простуды.

С самого малолетства жил Гвоздик у дядюшки. Все, кто работал в заведении папаши Юферса, относились к хозяйскому племяннику по-приятельски. Зазывали на кухню, угощали вкусненьким, делали ему игрушки. Гости таверны сажали Гвоздика себе на колени, гладили по голове и порой дарили заморские диковинки: то клешню большущего омара, то раковину «Антильский шлем», то стеклянного китайского дракончика. А капитан Аполлон Филиппович Гущин-Безбородько однажды наградил его деревянной куколкой, внутри которой сидела еще одна, а в той еще, и так шесть раз. И всех их звали одинаково — Матти Рёшкинг…

Гвоздик был не жадный. Многие подарки моряков он передаривал в школе одноклассникам. И даже Джекки Тим-сону через день после драки отдал японский прозрачный шарик, внутри которого плавали игрушечные, но совсем как настоящие рыбки…

3. СЛАВНАЯ ТАВЕРНА. — КНИГА ПАПАШИ ЮФЕРСА. — ПЕЧАЛЬНЫЙ КОНЕЦ. — УЧИТЕЛЬ НУС.

Таверна папаши Юферса называлась «Долбленая тыква». Возможно, потому, что над приземистым деревянным домом поднималась круглая надстройка, увенчанная желто-зеленым куполом. Словно и в самом деле кто-то вырастил громадную тыкву, разрезал, выдолбил половину и водрузил ее на широкую, досками обшитую башню. Над «тыквой» на шесте вертелся, как водится, флюгер-кораблик, а под ним скрещивались железные стрелы, они показывали норд, зюйд, ост и вест.

Моряки со всех сторон света прекрасно знали «Долбленую тыкву». Какой бы пароход или парусник ни приходил в Гульстаун, матросы его и боцманы, штурманы и сам капитан спешили навестить папашу Юферса.

Очень славно было в этой береговой таверне. Под потолочными балками, в табачном дыму покачивались, разумеется, модели кораблей. По углам стояли, конечно, громадные бочки с начищенными медными кранами. Само собой, что на окнах вместо штор висели разноцветные

флаги морского сигнального свода, а в простенках красовались, упираясь в потолок, носовые деревянные фигуры со старых бригов и фрегатов: зубастые львы и усатые султаны в чалмах, суровые рыцари и лукавые русалки. То и дело звенела музыка: в стеклянном шкафу двигались рычажки, зубчатые барабаны и шестеренки, а среди них неторопливо крутился медный диск с частыми дырками музыкальной записи. Дисков было в запасе много, их меняли по заказу гостей, и колокольчики в шкафу играли самые разные мелодии. Но, пожалуй, еще лучше были песни, которые то в одном, то в другом углу затягивали морские бродяги (и, конечно, подхватывал весь зал). Ох, какие песни! Душа замирала… Пели здесь и «Малютку Дженни», и «В гавань входит черный клипер», и «В пятницу у мыса Горн», и «Плыла по Миссисипи старая лошадь», и «У моей малютки Джулы зубки в ряд, как у акулы», и (ближе к ночи, притомившись) знаменитую колыбельную:

Горю, малыш, не поможешь слезами.
Спи, беби, в лунной тени у бизани.

Надо признаться, что не всякий час гости «Долбленой тыквы» вели себя мирно. Порой случались тут споры и потасовки. Ну да иначе было бы

просто неприлично: что за портовая таверна, если ни одной драки за день? Но кончалось все, как правило, без большого урона — синяками, шишками да парой сломанных стульев. И тут же — шумным примирением, звяканьем сдвинутых кружек и новой дружеской песней.

Дело в том, что в «Долбленую тыкву» никого не пускали с оружием, это было железное правило. За его исполнением строго следил одноглазый отставной матрос по прозвищу Бобби Брам-стеньга (он был очень длинный).

— Сеньор капитан! — окликал он какого-нибудь гордого испанца в фуражке с галунами. — Соблаговолите оставить ваш кортик на вешалке, он никуда не денется… Мучо граси-ас[1], капитан, вот ваш номерок…

— А ты, приятель! — останавливал он тут же другого гостя. — Зачем этот длинный «смит-вессон»? Он будет мешать тебе за столом, когда ты набьешь брюхо! Тетушка Марта приготовила сегодня отличное баранье жаркое…

Тетушка Марта с двумя поварами хозяйничала на кухне, где шипело, булькало, дымилось и восхитительно пахло. Иногда ей помогали Гвоздик

---

[1] Примечания: 1
Большое спасибо *(исп.)*.

и сам папаша Юферс. Дядюшка любил и умел готовить. Но чаще он проводил время в главном зале, за стойкой, в своем любимом кресле. Под рукой у дядюшки всегда были толстая клеенчатая тетрадь и остро очиненный карандаш. Нет, не для того, чтобы вносить в нее свои доходы и долги посетителей. Папаша Юферс внимательно слушал и записывал морские истории!

Это было страстное увлечение папаши Юферса. Можно сказать даже, главное дело его жизни.

Стоило дядюшкиному уху уловить чей-то интересный рассказ, как он подсаживался поближе. А Гвоздик обычно устраивался рядом. Папаша Юферс лихо строчил карандашом, а Гвоздик замирал от интереса. Он приоткрывал рот и кончиком языка нащупывал темную родинку, сидевшую у самого уголка рта. Когда Гвоздик был маленький, дядюшка рассказал ему, что это — яблочное семечко. Будто бы оно прилипло, когда Дик угощался яблочным пудингом, да так и приросло. Сначала Гвоздик старался слизнуть родинку, а потом привык просто трогать ее языком, если задумывался или слушал что-то интересное.

А послушать было что! На маленьком остром носу Дика от любопытства даже зажигалась искорка.

Рассказывали, конечно, и про Летучего голландца (каждый раз по-своему), и про знаменитых корсарских капитанов, и про бури у мыса Горн. А были истории — ну, совершенно сказочные! О приключениях юнги с галиота «Старый павиан» среди корабельных гномов. О говорящем коте с «Лизелотты», который предсказывал кораблекрушения. О морском узле «кукиш сатаны», который иногда завязывается сам собой на такелажных концах, и если не сумеешь развязать — человек ты конченый… И о том, например, как однажды на полубак «Мавритании» спустился из облаков громадный металлический таз с иллюминаторами и тремя ногами. Из него вышли безголовые парни в десять футов ростом, ухватили подшкипера Бобби Думмера и улетели с ним неведомо куда. Потом Думмера видели в Кейптауне, в трактире «Барабан». Бедняга с перепугу пил там беспробудно целый месяц и рассказывал несусветные вещи: будто летал не то на Луну, не то на Солнце…

По ночам, когда Гвоздик смотрел сны про плавания и приключения, папаша Юферс переписывал из тетради услышанные за день рассказы в толстую книгу с гладкими листами. И тихо вздыхал от волнения. Была у дядюшки мечта: когда все

листы окажутся заполненными, он отнесет рукопись в издательство «Гульстаун и весь мир» — туда, где выпускают в свет сочинения о географических открытиях и толстые романы. Может быть, там напечатают и его книгу — «Удивительные истории, слышанные и записанные папашей Юферсом в таверне «Долбленая тыква» и других местах».

Однажды дядюшка не выдержал и пошел в издательскую контору, хотя в рукописной книге оставалось еще немало чистых листов. В издательстве прочитали все «Удивительные истории», а потом редактор — пожилой господин с похожими на сапожные щетки бакенбардами — вежливо объяснил дядюшке:

— Господин Юферс, рукопись ваша весьма любопытна. Да-с… Но в ней, на наш взгляд, чего-то недостает. Как бы это выразиться… какой-то главной, самой интересной истории. Так сказать, стержня!.. Не огорчайтесь. Когда эта история у вас появится, будем рады встретиться с вами опять…

Дядюшка все-таки, конечно, огорчился. И даже обиделся. Но потом подумал, что ничего не потеряно. Новых историй впереди еще достаточно, а в книге пока хватает незаполненных страниц!

Однако вскоре стало не до книги.

…Ох, как не хочется из уютной «Долбленой тыквы» возвращаться в нетопленую каморку. Но пришло время рассказать о печальном.

Дело в том, что денежные дела папаши Юферса шли не так хорошо, как могло показаться. Пока он по-дружески встречал в «Долбленой тыкве» моряков, пока записывал истории и мечтал увидеть их напечатанными в толстом томе с цветными картинками, в городском банке у него копились не доходы, а долги. Где-то папаша Юферс не вернул вовремя ссуду с процентами, где-то неправильно уплатил налоги, кто-то надул его с векселями. И однажды банк предъявил хозяину «Долбленой тыквы» сногсшибательный счет. И дядюшка схватился за голову. Но хватайся — не хватайся…

Когда разоряется честный и добрый человек, принято искать виноватого. Думают обычно, что его обманул, ограбил, пустил по миру какой-то вероломный злодей. Но здесь не было злодея. Банковские чиновники и сам директор даже сочувствовали папаше Юферсу. Разрешили оттягивать, насколько можно, платежи, подсказывали, как выпутаться из беды. Каждый из них был по-своему неплохой человек. Но все вместе — со своими бумагами, кассами, костяными счетами и чернильницами — они составляли

машину по имени «Коммерческий банк Гульстауна». А машина, как известно, ничего не чувствует и никого не жалеет.

Все кончилось за два месяца. «Долбленая тыква» была продана, мебель и одежда тоже пошли с торгов. А когда бывший хозяин таверны уплатил последнее жалованье своим бывшим помощникам, оказалось, что у них с Гвоздиком нет за душой ничего. Еле-еле наскребли медяков, чтобы снять каморку под крышей склада. Конечно, иногда помогали друзья, но богачей среди них, увы, не было. Тетушка Марта уехала вместе с котом в деревню. Бобби Брам-стеньга устроился подметальщиком в городском парке, другие работники таверны тоже разошлись кто куда… Папаше Юферсу обещали место портового сторожа, но это лишь весной, а до весны-то еще надо было дотянуть…

Гвоздику пришлось уйти из прежней хорошей школы — там требовалось платить за учение. Дядюшка, вздыхая, записал его в бесплатную школу для бедняков. И попал Гвоздик в класс к учителю Шпицназе.

Учитель этот — костлявый, с бледными глазами и тонкой улыбочкой — никогда громко не ругался, но учеников держал в строгости. Причем

степень строгости зависела от его настроения. Если настроение было сносное, тогда еще кое-как можно жить. А если господин учитель приходил в школу, поругавшись с квартирной хозяйкой или посмотрев плохой сон, тогда держись, ребята. Ученики сидели не дыша и пуще всего боялись встретиться с господином Шпицназе глазами. Но он в любом шевелении усматривал нарушение порядка и все равно находил виноватого. И тогда он брал в углу тонкую трость, удобно усаживался на стуле у классной доски и ласково говорил:

— Ну-с, прошу-с, голубчик, ступайте сюда… — При этом длинный плоский нос его белел, а ладони потели от удовольствия. Несчастный понуро шел и укладывался животом к учителю на колени. И орал, и дрыгал ногами, потому что господин Шпицназе так обрабатывал беднягу тростью, что над штанами повисало облако пыли и они, бывало, даже лопались по шву…

Окончив педагогическую процедуру, господин Шпицназе обводил бледными глазами класс:

— Ну-с, кому еще напомнить о дисциплине? Прошу-с…

За эту вот зловещую ласковость и получил он прозвище «Нус-Прошус». Впрочем, чаще его звали просто «Нус» (похоже сразу на «нос» и на

«гнус», не правда ли?).

Гвоздика до поры до времени злая судьба обходила стороной. Но вот однажды Нус пригляделся и спросил:

— А что это вы, милый мой, показываете мне, своему наставнику, язык?

Гвоздик испугался, но не очень. Он встал и объяснил господину учителю, что это просто привычка: трогать языком родинку. И на всякий случай сказал: «Простите, я больше не буду».

— Очень хорошо, что не будете. А чтобы вы скорее избавились от столь дурной привычки, мой долг вам помочь. Прошу-с…

Гвоздик вздохнул и пошел. Но когда Нус-Прошус взял его за плечо, случилось небывалое. Учительский стул полетел в угол, а сам наставник взмахнул в воздухе лаковыми башмаками, грохнулся на четвереньки и в таком положении выбежал за дверь, открыв ее головой. Вслед ему полетели обломки трости. Все обмерли. А Гвоздик стоял и смущенно потирал коленку, о которую перешиб палку господина Шпицназе.

Дело в том, что Гвоздик, хотя и был тонкий и маленький, знал кое-какие приемы. Лихие матросы из экипажа канонерской лодки «Не тронь меня» научили его, как даже щуплый мальчик может

бросить через себя взрослого дядьку. Главное, чтобы неожиданно…

Ученик Дик и учитель Шпицназе были исключены из школы одновременно. Гвоздик — за то, что осмелился поднять руку на своего наставника. А Нус — потому, что позволил на глазах всего класса разрушить учительский авторитет.

Говорили потом, что Шпицназе пошел служить агентом в частную сыскную контору. А Гвоздик оказался на неожиданных и бессрочных каникулах, которые совсем его не радовали.

4. СТАРОЕ КРЕСЛО. — ЗАГАДКА «ЛАКАРТЕРЫ». — СОКРОВИЩА — ПРОКЛЯТИЕ КАПЕР-АДМИРАЛА РОЙВЕРА. — «ЭТО НЕ МАМА».

— Дядя Ю,— осторожно сказал Гвоздик, — у нас ничего не осталось от той краюшки, которая была на обед?

— Ох, Дикки… Ты же сам замел последние крошки и кинул в рот. Завтра утром что-нибудь придумаем…

— До утра можно совсем отощать… — Гвоздик делал вид, что шутит.

— Тебе, Дикки, тощать некуда, ты и так насто-

ящий гвоздик. А я все равно не похудею. Даже в голодном детстве я был круглый, как буква О в названии бригантины капитана Румба.

— Дядюшка, но ведь бригантина-то называлась «Лакарте-ра», — подумав, заметил Гвоздик. — Там нет буквы О.

— Вот именно. Значит, я был еще круглее… — папаша Юферс тоже пытался шутить.

Помолчали.

— Дядя Ю, а правда, что твое кресло с «Лакартеры»?

— Святые угодники, покровители моряков! Я же сто раз говорил об этом!

— Но я не помню, как оно оказалось в таверне. Не сам же капитан Румб тебе его подарил!

— Еще бы! Я капитана и в глаза не видел, хотя мечтал об этом, когда был мальчишкой… Зато я слышал про него много рассказов — от тех, кто знал славного Ботончито…

— А почему у него такое прозвище?

— По-испански это значит «Пуговка». Говорят, капитан был широк в плечах и носил густые усы, но рост имел очень маленький, а нос — пуговкой…

— Как у тебя? — хихикнул Гвоздик.

— Цыц, негодник! Вздумал смеяться над дя-

дюшкой…

— А кресло-то… Расскажи.

— Я купил его, когда распродавали имущество разорившейся пароходной компании «Лунная дорога». А туда оно попало тоже с торгов. Когда шхуну-бриг «Лакартера» обнаружили недалеко от берегов Западной Африки, целехонькую, но без единого человека, все имущество с нее было распродано с аукциона. Вот любимое кресло Ботончито и попало в ту «лунную контору». А потом уже ко мне… Правда, говорят, у капитана Румба было два таких кресла, но нашли там только одно…

— Дядя Ю, а куда девались капитан и команда «Лакартеры»? Правда, что рассказывают, будто их унесли марсиане?

— Думаю, что марсианами тут не пахнет. Ходили слухи, будто потом капитана Румба, старого и облысевшего, видели на маленьком острове Крабья Клешня, это у северного берега Новой Колумбии. Вроде бы он там служил маячным смотрителем. Да… И с ним были его боцман, кок и старый корабельный пес… А «Лакартеру» они бросили, скорее всего, чтобы запутать следы. За ними охотились все, кому не лень. Уж больно много слухов ходило о сокровищах капитана

Румба.

— Но ведь сокровищ на «Лакартере» не нашли!

— Конечно! Разве капитан был такой дурень, чтобы оставлять их, когда покидал бригантину? Да и не возил он их с собой, а зарыл, как водится, на каком-то острове в Тихом океане. Так все говорят… Теперь никто не найдет.

— А ты думаешь, капитан Румб не вернулся за кладом?

— Едва ли… Это ведь не просто, если человек окопался на берегу… А может, капитан и не хотел…

— Почему?!

— Всякое болтают, — вздохнул папаша Юферс. У него не было настроения разговаривать. Но не хотелось и обижать племянника. Даже совесть царапнула: «У тебя-то, у старой брюквы, хоть какая-то искорка есть впереди, а у мальчика — никакого проблеска…» Дело в том, что в углу у камина дядюшка Юферс прятал бутылочку испанского вина «Кровь матадора». Последнюю из старых запасов. И сегодня перед сном он собирался сделать два-три добрых глотка, чтобы ощутить хотя бы капельку праздника. А племянника-то этим не порадуешь.

И оставалось одно: порадовать занимательной

историей.

— Видишь ли, Дикки… моряки поговаривают, будто сокровище капитана Румба было проклято капер-адмиралом Джугги Ройбером по прозвищу Красный Жук…

— Знаменитым корсарским адмиралом? Но ведь он жил гораздо раньше капитана Румба!

— Ты прав, малыш. Но ходят слухи, что Ботончито потревожил вечный покой адмирала Джугги.

— Как это?.. — Гвоздик придвинулся к дядюшке Ю поплотнее. Он, как вы знаете, был храбрый мальчик, однако если речь идет о вечном покое да еще при слабом огоньке свечи…

— А вот так… Красного Жука, когда он скончался от раны, полученной в бою с фрегатом «Адвенчер», похоронили у берегов Гаити на островке Омблиго Нэгро, что означает, как известно, «Черный Пуп»… Ну вот, прошло много лет, и никто не посещал последний приют старого корсара. Но однажды у Омблиго Нэгро бросила якорь «Лакартера». Капитан высадился на Пуп и отыскал пещеру, где в тайном каменном гроте, в долбленой колоде из обрубка мачты покоился Джугги Ройбер… Ты что, Дикки? Может быть, тебе страшновато?

— Ни капельки… Только зябко, поэтому я вздра-

гиваю.

— Прижмись ко мне покрепче… Капитан Румб приказал разобрать каменную стенку, постучал согнутым пальцем по колоде, которая висела в гроте на якорных цепях, и велел поднять окованную крышку. Под ней лежал скелет в парадном красном камзоле, с белым париком на черепе и в желтых морских сапогах с отворотами. Колода покачивалась, и, наверно, поэтому челюсть у черепа шевелилась… Ты что-то сказал, мой мальчик?

— Н-нет… дядюшка Ю…

— Ну, ладно… При свете фонаря блестело адмиральское шитье на камзоле, а от пуговиц разлетались ослепительные искры! Потому что пуговицы были украшены бриллиантами! На каждую из них можно было купить новый трехмачтовый корабль с грузом индийских пряностей… дело в том, что из-за этих-то пуговиц и пробрался в могильный грот капитан Румб. Он слышал про них много разговоров и решился наконец проверить, правду ли болтают в портовых кабаках морские бродяги. А решиться было непросто. Все моряки твердили, что с Красным Жуком шутки плохи — хоть с живым, хоть с мертвым… Однако сейчас капитан Румб увидел блеск

драгоценностей и почти позабыл о страхе. Да и чего было бояться? Рядом стояли здоровенные матросы, и у каждого за поясом по три пистолета!.. Капитан прочитал молитву и острым ножом сбрил с камзола мертвеца все пуговицы до единой. Правда, при этом он почтительно сказал:

«Прости меня, старина Джугги. Тебе эти игрушки ни к чему, а нам пригодятся. Одну из пуговиц я отдам на строительство церкви Поминовения всех сгинувших в океане…»

Но капер-адмирал Джугги Ройбер по прозвищу Красный Жук не поверил капитану Румбу. Нижняя челюсть у него зашевелилась пуще прежнего, и мертвец проскрежетал:

«Я тебя не прощаю, пройдоха Ботончито! Знай, что отныне твои сокровища не принесут тебе счастья!.. И пошел вон из моей пещеры!» — Костлявая нога в желтом сапоге поднялась и согнулась, будто капер-адмирал хотел дать пинка нечестивцу. В это же время раздался глухой шум, и…

В это время раздался глухой шум, и в камине появились ноги в желтых матросских сапогах. Они качались.

— Ма-ма-а-а!! — завопил Гвоздик и зажмурился.

Вы помните: у Гвоздика не было мамы. Но что

остается кричать мальчишке в такой жуткий миг?

Ноги дернулись, и хозяин их упал из дымохода на дно камина. Свеча погасла.

— Это не мама, — раздался высокий, но, безусловно, мужской голос. — Это я… Очень извиняюсь, что так внезапно. Как говорил мой дедушка, любая неизвестная узкость среди скал все же лучше, чем дверь в таможенную контору… На чем это я так неудобно сижу? А, это железная шишечка на каминной решетке… Одну минуту, господа, у меня где-то были серные спички…

5. ИЗВИНЕНИЯ АВТОРА. — БЕГ ПО КРЫШАМ. — О РЕЗИНОВЫХ ПУЗЫРЯХ И ДРУГОМ ТОВАРЕ. — ШКИПЕР ДЖОРДЖ И ЕГО ДЕДУШКА. — ДРОВА.

Здесь читатели могут упрекнуть меня: вы, мол, уважаемый автор, повторяете приключенческий трюк с камином. В самом деле, писатели неоднократно рассказывали, как их герои используют дымоход, чтобы проникнуть в разные помещения или, наоборот, покинуть их. Вспомним гимнаста Тибула в «Трех толстяках» и симпатичную Солоху в «Ночи перед

Рождеством», фарфоровых трубочиста и пас-

тушку в сказке Андерсена или, наконец, злосчастного Волка в «Трех поросятах»… Да, все это уже случалось. Но что поделаешь? У героя моей истории просто не было другого выхода. Вернее, входа. Поэтому я прошу прощения и продолжаю свой роман.

…Зашипела, зажглась лиловым огоньком серная головка. И с горящей палочкой в руках незнакомец выбрался из камина. При свете спички (да еще при свете фонаря на «Мавритании») можно было рассмотреть мятую широкую шляпу из кожи, суконную куртку и худые, перемазанные сажей руки. Лицо было тоже худое, со вздернутым носом и темными усиками.

Гвоздик слегка пришел в себя, сообразил, что это не капер-адмирал Ройбер, а вполне живой человек. И, разумеется, не грабитель, потому что грабить в этой комнате было нечего.

Дядюшка Юферс тоже справился с удивлением.

— Раз уж вы… гм… вошли, давайте зажжем снова свечку, — ворчливо проговорил он.

— Охотно… Ох, эта шишка на решетке… Прошу прощения…

Свечка зажглась, и опять стало посветлее. Незнакомец оказался молодым и симпатичным,

глаза блестели.

— Ай-яй! — воскликнул он. — Это что же? Значит, я попал к папаше Юферсу? А этот молодой человек — ваш племянник? Ради одной такой приятной неожиданности стоило проделать путешествие по крышам, хотя я трижды чуть не съехал на мостовую, что привело бы к очень грустным последствиям…

— Это действительно я, — отвечал дядюшка с некоторым раздражением. — Но вас я, кажется, не имею чести знать…

— Так, и что же вы думаете, я этого не понимаю? — вовсе не обиделся незнакомец. — Разве папаша Юферс мог запомнить всех посетителей своего знаменитого заведения! Однако, если я возьмусь утверждать, что кто-то из моряков не знает хозяина «Долбленой тыквы», так меня поднимут на смех все портовые мальчишки от Порто-Бланко де Маэстра до Мариуполя…

— Увы, бывшего хозяина…

— Я слышал о ваших неприятностях! Кто мог подумать, что судьба окажется к вам бессердечнее, чем рыночный меняла, который дает за один полновесный дукат всего одиннадцать паршивых оловянных пфеннигов!.. Вместо прекрасной «Тыквы» такая, с позволения сказать, скромная

квартира…

— Но и вы, кажется, не в карете ездите, — обиделся за дядюшку Гвоздик.

— Мальчик прав! О чем говорить! Кареты у меня не было даже в лучшую пору жизни. Меня утешает лишь то, что вместо кареты я имею маленькую славную шхуну «Милый Дюк», и она…

— «Милый друг»? — переспросил Гвоздик. Ему было уже совсем не страшно и очень интересно. Как-никак приключение.

— «Милый Дюк», юноша. Дюк — это… Хотя сначала я должен объяснить, почему явился в гости столь необычным путем!

— Да уж, сделайте милость, — проворчал папаша Юферс.

— Я шел по улице адмирала Ансона и высматривал наемный экипаж, чтобы поехать за город, где в одной уютной бухточке стоит мое судно. Так хотелось встретить праздник в кругу славных товарищей и вспомнить за дружеским столом хорошие времена. Казалось бы, кому это может помешать? Так нет же, три джентльмена в полицейской форме разглядели меня у освещенной витрины и проявили странное желание вступить в беседу. Я совсем не хотел отнимать время у этих славных людей, которым давно уже полагалось

быть дома и рассказывать своим детям под елкой трогательные рождественские истории! Чтобы не затруднять этих господ, я ускорил шаги, а они — тоже. И как-то незаметно мы перешли на рысь, а потом и на размашистый бег. Мало того, одному из этих джентльменов пришло в голову достать свой револьвер и на бегу выпалить в воздух. Скорее всего, этот приветливый господин хотел порадовать меня и своих коллег праздничным салютом. Но мне досталась от мамы крайняя нервная возбудимость, и я решил продолжить свой путь уже не по мостовой, а по крышам. С детства люблю крыши, и ни один дворник не мог поймать меня среди труб и чердаков моего родного города, где я не был уже восемь лет… Прошу прощения, господа, воспоминания детства всегда отвлекают меня… Увы, на сей раз я не учел, что имею дело с профессионалами. Верные своему долгу слуги закона проворно следовали за мной по крышам портового квартала. Вы скажете: что было делать? Правильно! Я стал искать спасительную печную трубу. Но все жители старого доброго Гульстауна сидели у семейных очагов, и горячий дым возносился из каждой трубы. Мне и так предстоит жариться в преисподней за многие неблаговидные поступки, и я совсем не хотел

торопить события. И наконец, увидев трубу, над которой дыма не было, я возблагодарил судьбу и… вот… право, господа, я не имел желания кого-ни-будь беспокоить визитом. «Это, — решил я, — труба сушильной печи на складе, которая погашена, поскольку все встречают праздник. А в пакгаузе, среди тысяч тюков и бочек я отсижусь, пока не стихнет этот неприличный шум, и аккуратно выберусь наружу…» Еще раз приношу свои извинения вам, господин Юферс, и вам, молодой человек…

— Хотелось бы знать, однако, почему полиция пожелала познакомиться с вами, — придирчиво проговорил папаша Юферс. — Вы с виду моряк и не похожи на жулика или взломщика…

— Вы правы, сударь! Я моряк всей душой! Шкипер Джордж, с вашего позволения. Или капитан Джордж Седерпауэл, если угодно… Ах, господа, мама не раз говорила мне в детстве, чтобы я выбрал себе спокойное береговое ремесло. «Мальчик мой, — говорила она, — если ты не станешь ходить в школу так же часто, как наш сосед дядя Жан Козловский в питейное заведение месье Шнеерсона, ты кончишь, как твой папа, который был боцманом на барке «Черный пудель», никогда не жил дома, ничего не заработал на старость

и потому не дожил до старости, а умер от горячки, когда судно возвращалось домой через Босфор…» Но как, я вас спрашиваю, может сделаться из человека сухопутный житель, если морская соль была растворена у него в крови раньше, чем он появился на свет? Мой прадедушка служил бомбардиром на каперском бриге славного капитана Христофориди, а дедушка Анастас Сидоропуло был известен как самый умелый шкипер и самый лихой… гм, торговец в наших гостеприимных водах. А я унаследовал от дедушки любовь к парусам, неприязнь к полицейским и таможенным чинам и его честное имя… Уже потом портовые конторщики переделали эту древнюю фамилию на привычный их слуху европейский манер…

— Стойте, стойте! — оживился папаша Юферс. — Значит, вы тот шкипер, про которого сам премьер Кроуксворд вспоминал в разговоре с журналистом «Гульстаунских ведомостей»? Он грозил вас повесить, как только вы попадете в руки властей!

— Увы! Наш премьер очень вспыльчивый человек, это не делает ему чести. И кто бы мог сказать, что глава правительства проявит такую мелкую мстительность из-за партии детских игрушек, которые я недавно привез в страну, забыв слу-

чайно, что они у нас под запретом?

— А что за игрушки? — оживился Гвоздик.

— Ах, мальчик, это всего-навсего невинные резиновые пузыри с пищалками! Их надуваешь, а они начинают смешно кричать «уйди-уйди-уйди!». Так и что же? Господину Кроуксворду пришло в умную голову, будто это намек, чтобы он уходил в отставку! И вот — запрет. Над этим смеются все торговцы в портовых лавках от Макао до Бердянска!..

Дядюшка Юферс возбужденно потирал руки. Будто повеяло на него прежним воздухом «Долбленой тыквы».

— Но слышал я, — усмехнулся он, — что дело не только в резиновых пузырях. Будто бы еще капитан Седерпауэл без позволения правительства вывез и продал на каком-то дальнем острове партию нарезных ружей системы «Браунинг».

— Ах! — воскликнул шкипер Джордж. — Чего только не болтают злые языки! Какая там «партия»! Несколько дюжин! И не «Браунинг», а «Бергман»... Так и что? Не мог же я отказать в маленькой любезности королю независимого острова Нукану-ка, его величество всегда был так добр ко мне!.. Что?.. Мое чуткое ухо ловит шум снаружи. Ах, господин Юферс, не случилось

бы еще гостей из камина! В мундирах и с кобурами…

— Гм… Я полагаю, что они все-таки пойдут через дверь. Хотя от этого не легче, — обеспокоился папаша Юферс.

— Они пойдут к тому, над чьей трубой нет дыма! — воскликнул шкипер Джордж. — Папаша Юферс, во имя святого Рождества, разожгите скорее камин!

— Легко сказать! У нас ни щепки!

— Папаша Юферс! На такое дело годится любая мебель! Вы ведь не позволите несчастному скитальцу морей отправиться в тюрьму, когда все люди встречают праздник!

Но что делать? Стол железный, кровать не разломаешь без топора, а его у нас нет!

— А кресло!..

— Вы с ума сошли! Это кресло с «Лакартеры»!

— Папаша Юферс! Если оно дорого вам как память, я расплачусь всей выручкой от груза «Милого Дюка»!

— Вы дурень, шкипер Седерпауэл! При чем тут выручка! В этом кресле сидел сам знаменитый Ботончито!

— Ну, что ж… — печально произнес шкипер Джордж. — Наверно, хорошо сидел. Мне сидеть

будет не так уютно, когда господа из полиции проводят меня в береговую тюрьму под названием «Желтая Молли»... Я пойду, господин Юферс. Пускай меня арестуют на улице, не хочу причинять вам лишние неприятности. Как рассуждал мой дедушка, «если тебе грозит возможность быть продырявленным из ружья, имей совесть, не надевай чужую жилетку...». До свиданья. Мальчик, слушайся дядю...

— Дядя Ю! — воскликнул Гвоздик. — Нельзя же так! Ты сам говорил, что моряки должны выручать друг друга!

— Я не моряк, а трактирщик! Причем разорившийся, — огрызнулся папаша Юферс. И сбросил с себя дырявый плед. — Почему я не могу подумать полминуты, прежде чем расстаться с последней любимой вещью?.. А-а-а, пропади такая жизнь! — Он поднял тяжелое кресло над головой и обрушил на половицы. Отскочили деревянные львиные лапы. Хрустнула спинка. Дядюшка тяжело прыгнул на сиденье и затоптался на нем.

...Через минуту кресло превратилось в дрова. Сперва лакированное дерево не хотело гореть, но шкипер Джордж своим тяжелым ножом нащепал из ножек лучины, и пламя загудело в камине. Не празднично, а как-то злорадно. Шкипер и

Гвоздик побросали в огонь все обломки и даже кожаную обивку спинки — чтобы гуще шел дым из трубы. На полу остались железные пружины, а папаша Юферс прижал к животу квадратную кожу с сиденья — последнюю память о кресле капитана Румба.

За дверью на лестнице послышались решительные шаги нескольких человек.

— Идут… — выдохнул шкипер Джордж. — Все-таки идут!

Клянусь табакеркой дедушки Анастаса, это они!.. — Он опустился на корточки и быстро полез под кровать, потому что иного укрытия в каморке не было.

6. СЕРЖАНТ РУППЕРС. — НАХОДЧИВОСТЬ ГВОЗДИКА. — СВИНАЯ КОЖА. — EL TESORO CARDINAL.

В дверь крепко и официально застучали.

— Кого там принесло! — бесстрастным голосом ни в чем не виноватого человека откликнулся папаша Юферс.

— Портовая полиция! Отоприте!

Ворча, дядюшка отодвинул засов. Трое заснеженных полицейских шагнули в каморку. Запахло зимой и сырым сукном.

— Просим прошения, — прогудел пожилой грузный сержант. — Мы разыскиваем опасного контрабандиста. У вас его нет?

— Разве что вот он, — хмыкнул папаша Юферс и кивнул на Гвоздика. Тот, сияя безбоязненной улыбкой, глядел на полицейских.

— Понимаете, преступник ускользнул в какую-то каминную трубу, — слегка виновато разъяснил сержант. — Нам показалось, что именно над вашей трубой нет дыма, вот мы и…

— Дровишки сухие, без дыма горят, — с горьким юмором сказал папаша Юферс.

— Однако для порядка надо бы осмотреть комнату…

— Валяйте… — с храбростью отчаяния отозвался дядюшка.

— Кроме как под кроватью, и смотреть негде… — весело подал голос Гвоздик. Он тоже понимал, что единственный выход — это нахально идти навстречу опасности. — Только, ох, и паутины там!

— Да ладно, сержант, пошли по домам, — заворчал один из полицейских. — А то наследим тут слякотью. Он небось удрал через мастерские. Теперь ищи-свищи…

— Апчхи! — раздалось в этот миг под кроватью. Все замерли. Первым опомнился Гвоздик.

— Будь здоров, дядя Ю! — закричал он. — Видишь, опять простудился! Я говорил тебе: надевай шарф, когда выходишь на улицу! Просто нет с тобой сладу, как с маленьким…

— Хм… будьте здоровы, — нерешительно проговорил сержант. И хотел было нагнуться, но, видимо, у него болела поясница.

— Вчера была ужасная сырость… апчхи, — ненатурально сказал папаша Юферс.

А Гвоздик подскочил и весело пригляделся к начальнику полицейского патруля:

— Ой, господин сержант, я вас знаю! Ваша фамилия Руп-перс! Помните, весной мальчишек отнесло от берега на самодельном плоту и вы догоняли его на лодке? Я там тоже был. Вы еще обещали сообщить каждому домой, чтобы нам попало как следует!

— Н-да… — отозвался сержант. — Было что-то подобное. Только вот сообщить я, к сожалению, так и не собрался…

— Я ничего не знал об этом деле, — сурово заявил папаша Юферс. — Уж я прописал бы тебе путешествие на плоту!.. Что делать с такими сорванцами, господин сержант?

— И не говорите! У меня у самого трое. Дома — дым коромыслом…

— Дядя Ю! — опять подскочил Гвоздик. — Почему бы тебе не угостить сержанта Рупперса и господ полицейских стаканчиком вина в честь праздника? Они так продрогли, а у тебя ведь есть бутылочка!.. Господин Рупперс такой добрый, даже не нажаловался тогда!..

— В самом деле… апчхи, — сказал папаша Юферс. — Бутылочка «Крови матадора». А, господа? К сожалению, стакан У меня всего один, однако можно и по очереди. А я глотну из горлышка… А то вы и в самом деле станете чихать, как я…

Сержант Рупперс переступил сырыми ботинками.

— Весьма благодарен. Только сами понимаете, мы на службе.

— Не отказывайтесь, господин Рупперс, — быстро прошептал Гвоздик сержанту. — А то он выпьет всю бутылку сам и уснет, а мне будет скучно…

— Что он там шепчет? — притворно заворчал папаша Юферс. — Не слушайте этого негодника, господин сержант, он всегда подшучивает над старым дядюшкой… А что касается службы, то ей не помешает глоточек старого испанского!

Помощники сержанта одобрительно закрях-

тели…

С «Кровью матадора» было покончено в два приема. После чего полицейские пожелали дядюшке и племяннику счастливого Рождества и загрохотали башмаками по лестнице. Дядюшка помахал им вслед пустой бутылкой и задвинул засов.

Тогда, пятясь, выбрался из-под кровати шкипер Джордж.

— Как говорил мой дедушка…

— Не знаю, что говорил ваш дедушка, а у меня теперь ни любимого кресла, ни даже глотка в бутылочке. Последней радости не осталось. И присесть не на что. Разве что постелить прямо на пол эту кожу…

— По-моему, лучше прибить ее на стену, — предложил Гвоздик. — Будет все-таки память о кресле. И о капитане Румбе…

— Кресло-то было красивое. А кожа что? Раньше на ней было золотое тиснение, да все вытерлось… Хотя с другой стороны…

— А что с другой стороны? — подвинулся к дядюшке Гвоздик.

— Я вспомнил, как писал великий Андерсен: «Позолота сотрется, а свиная кожа останется…»

— Да я не про Андерсена! Тут что-то написано

на другой стороне. На коже!

— Где?

Все трое столкнулись над кожей головами у догорающего огня. На шероховатой изнанке темнели буквы и цифры:

La Cartera del Botonchito
El tesolo cardinal
S — 22°32’0 — 61°44’ [2]
Jsla Quijada del tiburon
*Abajo de*г *en espejo*[3]

— Клянусь «Дюком», это координаты… — пробормотал шкипер Джордж.

— Ботончито… — выдохнул Гвоздик. — Капитан Румб…

— Главное сокровище… — обмирая, прошептал папаша Юферс. — Это по-испански. Остров Акулья Челюсть…

— Совсем рядом с островом Нуканука! — воскликнул шкипер Джордж. — С ума сойти! Клянусь кремневым пистолетом дедушки, у меня еще не было такой удачи!.. Сеньоры, вперед!

---

[2] Примечания: 2

Охотников искать этот остров автор предупреждает: координаты даны условно, с большим смещением.

[3] Примечания: 3

Вниз от г в зеркале.

— Куда? — подскочил Гвоздик.

— Мальчик еще спрашивает! «Милый Дюк» готов к отплытию!

— Прямо сейчас? — испугался папаша Юферс.

— Или у вас завтра торжественный бал с шампанским и ананасами? Или вам надо собрать много чемоданов?

— Я только захвачу с собой свою рукопись!

— Давно бы так! Конечно, мой «Дюк» — не клипер «Ариэль», но через три месяца, если повезет, мы окажемся на месте!..

— Дядя Ю! Это будет твоя лучшая морская история!

— Дикки, положи в карман зубную щетку! И застегни пальто… Ох, какое куцее! Подтяни чулки, а то ознобишь коленки… Ну и что же, что дыры, все-таки теплее… Где твой берет? Как это «давно потерялся»? Тогда надень как следует капюшон… Что значит «натирает уши»! Я тебе сам сейчас так их натру!.. Капитан Седерпауэл, вы не боитесь брать на судно такого упрямого мальчишку?

7. ТРОПИНКА СРЕДИ СКАЛ. — НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА. — МОРКОВКА. — СОЖАЛЕНИЯ ГВОЗДИКА. — «МИЛЫЙ ДЮК».

Втроем они осторожно спустились по пыльной и гулкой железной лестнице. Гвоздик первым высунул нос на улицу: нет ли опасности. В сумерках по-прежнему сыпались с высоты мягкие хлопья. Но теперь тянул ветерок, и снегопад превратился в пушистую метель. Никого за метелью не было видно.

Пустынными переулками папаша Юферс, шкипер Джордж и Гвоздик выбрались на улицу Короля Якова. Здесь горели желтые фонари и была стоянка наемных экипажей. Кучер в заваленной снегом шляпе согласился отвезти трех пассажиров к заставе «Коровьи ворота», но ради праздника и метели заломил тройную цену.

Шкипер Джордж не стал торговаться:

— Вперед! — и первым полез в крытый кожей возок.

Ехали около получаса. Мягко покачивало. Гвоздику стало чудиться, что все это — во сне. Но нет, все было по правде. Экипаж остановился, и пришлось выбираться под летящий снег. Теперь он уже не казался мягким и ласковым. Против-

но прилипал к щекам и холодными пальцами хватал сквозь прорехи за ноги. А ветер, дувший вдоль обрывистого берега (разумеется, в лицо) стал резким, продувал жидкое пальто и хотел сорвать капюшон.

За каменной аркой заставы кончились лачуги с бледно светившимися окошками. Сквозь метель и низкие летящие облака иногда проглядывал месяц. При его размытом бегущем свете путешественники двинулись по берегу. Среди камней вилась тропинка, но местами ее совсем занесло, и снег набился Гвоздику в широкие разношенные ботинки.

Дядюшка Юферс вздыхал и сопел, как больной слон. И наконец спросил:

— Далеко ли еще?

— Недалеко, господа! Уютная бухточка, где стоит «Милый Дюк», совсем рядом… А там нас ждет ужин в маленькой, но теплой кают-компании и общество надежных друзей… Вперед!

Это только так говорилось — «вперед!». А на самом деле тропинка по камням и гранитным уступам повела вниз. А потом потянулась по карнизу над морем. Теперь сверху были скалы, а внизу обрыв. Под ним ворочались и ворчали невидимые за снегом волны. И пришлось еще

долго идти вот так, в снежной мгле, над опасной пустотой, хватаясь за скальную стену и осторожно ставя ноги между каменными осколками.

Гвоздик двигался впереди. Шкипер Джордж объяснил:

— Если ты поскользнешься, я успею схватить тебя за шиворот… А вы, папаша Юферс, держитесь за хлястик моей куртки… Осторожнее, скоро поворот.

Гвоздик первым обогнул скалу. И… увидел в обрывках лунного света неподвижного человека. Резким движением человек откинул плащ, и разлетелся ярко-лимонный свет фонаря. Гвоздик шарахнулся назад. Он узнал незнакомца.

Это был учитель Шпицназе.

Вернее, бывший учитель. А сейчас — агент сыскного бюро.

— А-а! — весело сказал сыщик Нус. — Наконец-то! Я продрог, ожидаючи вас на этой тропинке… Ай-ай-яй, мальчик совсем озяб. Ну, ничего… — Он точным движением поставил фонарь на выступ скалы и достал из-за пазухи длинный пистолет. — Руки вверх, господа. И не надо делать глупостей. Если вы вздумаете бежать или сопротивляться, я могу нечаянно выстрелить в мальчика. Это будет крайне печально для всех нас. Вы ведь очень

любите вашего племянника, папаша Юферс? Что касается меня, то я обожаю своего бывшего ученика, хотя между нами и были некоторые недоразумения…

Левой рукой сыщик Нус вытащил из кармана железные наручники. Они качались на цепочке и звенели, как шлюпочные уключины, когда гребцы несут их к пристани.

— Господин Седерпауэл, весьма сожалею, но эти браслетики мне придется надеть на вас… Не надо движений, капитан! А то я и правда могу нажать на спуск! — И господин Шпицназе сунул пистолет прямо под нос Гвоздику. От ствола пахло сгоревшим порохом и холодным железом.

Обрывки перепуганных мыслей прыгали в голове у Гвоз-дика. Хоть снова кричи «мама»… Но вы же знаете, что он был находчивый мальчик. И одну спасительную мысль ухватил за хвост!

— Как же вы сможете выстрелить, если в дуле торчит морковка?!

— Что? — Нус повернул ствол к себе, чтобы разглядеть морковку.

Бах! — Гвоздик головой ударил сыщика в тощий живот.

— А-а-а!! — Нус, пытаясь задержаться на тропинке, замахал над обрывом руками. Трах! — это

он то ли нарочно, то ли с перепугу нажал спусковой крючок, и на голову Гвоздика посыпались со скалы каменные крошки. Выстрел сослужил плохую службу господину Шпицназе. Отдача пистолета толкнула его в руку, и равновесие окончательно нарушилось. Жалобно вопя, сыщик Нус полетел в темную кашу из метели и волн…

И — словно не было господина Шпицназе. Если бы не фонарь.

Шкипер Джордж взял фонарь с уступа.

— Пригодится… Хорошо, что этот шпион ждал нас один. Частные сыщики любят работать в одиночку, это их ошибка… Мальчик, ты герой!

Но Гвоздик совсем не чувствовал себя героем.

— Я не хотел… Он теперь потонул, да?

— Ох, какие неприятности… — постанывал папаша Юферс и прижимал к груди свою рукописную книгу, завернутую в грубую кожу от кресла.

— Хм… Возможно, что и не потонул, а выбрался внизу на скалы, — с ненатуральной бодростью сказал шкипер Джордж. — И не переживай так, юнга. Ведь этот негодяй чуть не пристрелил тебя!

— Все равно… — зябко вздохнул Гвоздик.

— Вперед! — велел шкипер Джордж и взял его

за руку.

Через минуту они оказались на берегу тесной бухточки с

обрывистыми берегами. По выбитым в скале ступеням спустились на галечный пляж. Здесь не было волн, и темная вода лишь слабо лизнула ботинки Гвоздика. За метелью Гвоздик разглядел обрисованные снегом снасти небольшого парусника без огней, тот стоял на якоре в палукабельтове от берега.

Шкипер Джордж помахал фонарем и лихо засвистел.

— Это вы, капитан? — донесся со шхуны зычный голос.

— А кто же еще?! Может быть, господин премьер Кроук-сворд решил самолично нанести вам праздничный визит? Спускайте ялик, бездельники, и поскорее, со мной гости! Готовьтесь поднять грота-стаксель и кливер да поработать на шпиле! Сейчас мы потихоньку выползем из бухты, а потом я за праздничным столом кое-что расскажу вам!..

Часть II
ШХУНА «МИЛЫЙ ДЮК»

1. ПРОБУЖДЕНИЕ. — В ОКЕАНЕ. — ПЕДРО ОХОХИТО И ШКИПЕР ДЖОРДЖ. — ГВОЗДИКА УЧАТ МОРСКИМ НАУКАМ. — ОСТРОВ ТЕНЕРИФ.

Снег летел так стремительно и густо, что забивал открытый для крика рот. В этой жуткой метели опять возник сыщик Нус. Поднял пистолет. Было ясно, что на этот раз он промаха не сделает. И бежать некуда. Гвоздик безнадежно зажмурился. Выстрела не было… Гвоздик опять открыл глаза.

Над ним, под выгнутой балкой, качался стеклянный шар с медным донышком и проволочными кольцами. Вокруг были тесные дощатые стены. Гвоздик лежал под шерстяным одеялом на узкой деревянной койке, раздетый. Койку и все вокруг медленно поднимало и опускало… Гвоздик понял наконец, что балка держит на себе палубу и называется «бимс». А шар под ней — корабельный фонарь. Огня в фонаре не было,

на стекле горела солнечная точка. Потому что в прозрачный люк пробивался луч.

Снег и сыщик Нус отодвинулись далеко, спрятались в дальнем уголке памяти. Потому что (ура!) Гвоздик был, без сомнения, на шхуне «Милый Дюк», а шхуна шла в океане.

Вторая койка напротив была пуста. Одежда Гвоздика лежала на прибитом к переборке стуле. Гвоздик натянул штаны и рубашку, сунул ноги в заскорузлые высохшие ботинки, чуть не упал от нового плавного качка и полез по крутому трапу к люку. Поднял, отвалил тяжелую крышку с квадратным иллюминатором.

Он увидел высокое бледно-синее небо с клочьями серых и желтых облаков. Увидел мачты с круто выгнутыми гафельны-ми парусами, с густой сеткой снастей. На передней мачте, над косым фока-триселем надувалась и слегка дрожала тугая ткань поставленных на реях (как у бригов и фрегатов!) прямых парусов. Марсель и брамсель! На утреннем солнце ткань казалась желтоватой, с золотистым отливом. Над верхним реем, подрагивая крыльями в потоках воздуха и не отставая от шхуны, неслись две громадные чайки… Гвоздик задохнулся от тихого восторга.

Стукнувшись коленками о комингс люка, он

выбрался на палубу.

За кормой виднелась туманная, далекая уже земля. Впереди и вокруг была серовато-синяя Атлантика. Она мягко, словно великанскими ладонями, поднимала и опускала шхуну на пологих волнах. Эти складки океана — без гребней, гладкие, длиной чуть ли не в кабельтов — были почти незаметны, и только ритмичные ощущения медленных взлетов и падений давали почувствовать, как дышит океан.

Резкая свежесть охватила Гвоздика, ветер забрался под рубашку. Ведь как-никак время-то было зимнее. Но он только обнял себя за плечи и не ушел с палубы.

Неподалеку стоял у штурвала синеглазый бородач в широченной вязаной фуфайке. Он подмигнул Гвоздику.

Ба-бах! — раздался двойной выстрел. Гвоздик подскочил и оглянулся. Горбоносый дядька в шляпе, похожей на ведро, стоял у фальшборта и продувал двухствольный пистолет. А в воздухе переливались и сыпались в воду стеклянные осколки.

Стрелок посмотрел на Гвоздика. И обрадовался:

— Салюд, мучачо![4] Иди сюда!

Гвоздик, покачнувшись на ушедшей опять из-под ног палубе, подошел.

— Здрасте…

— Салюд! — вновь обрадовался стрелок. — Я про тебя все знаю! Ты — Гвоздик, и я буду звать тебя Клавиш! Потому что я испанец! Меня зовут Педро Охохито, что означает, разумеется, «Меткий глаз»! Но, чтобы оправдывать это славное имя, мне приходится упражняться каждое утро… Подсоби мне, Клавито! Сейчас я перезаряжу пистолет, а ты подбросишь две бутылки! Договорились?

— Конечно! — радостно согласился Гвоздик.

С десяток пустых бутылок разной формы стояли у ног Охохито. Он шомполом забил в стволы заряды. Двухствольный пистолет был музейного вида, с кремнями в клювах курков.

— Это старое, но прекрасное оружие, — гордо пояснил Охохито. — Оно досталось мне от прадедушки дона Альфонсо Карлоса Хосе Марии де Кастаньетто де ла Кабанья. Дон Альфонсо был знаменитый человек в Антильских водах, ему грозил отрубить голову сам губернатор Ямайки сеньор Лопес Квадрига, но не успел… Ты готов?

---

[4] Примечания: 4
Привет, мальчик! *(исп.)*

Бросай!.. Нет, постой! Скажи, куда стрелять? Расшибить у каждой бутылки дно или отбить горлышко?

— Горлышко! — воскликнул Гвоздик, не веря, что Охохито и правда выстрелит столь метко. И присев, швырнул вверх две тяжелые бутылки. Ба-бах! — горлышки у обеих бутылок отлетели, словно срезанные ударом сабли.

— Ну, что? — горделиво сказал Охохито.

— С ума сойти! — искренне восхитился Гвоздик.

— Вот видишь!.. А теперь смотри: на грот-мачте, вон там, ниже салинга, сидит муха. Сейчас я…

— Охохито! — раздался звонкий знакомый голос. Над люком у грот-мачты возникла голова шкипера Джорджа. — Что тебе сделала несчастная муха, которая так же, как все, хочет жить, радоваться и кушать свою долю земной пищи! Опять ты дырявишь пулями рангоут вместо того, чтобы идти на камбуз и… я уж не говорю — приготовить вовремя завтрак, но хотя бы помыть посуду после вчерашнего ужина!

— Капитан! — с достоинством отвечал Педро Охохито. — Посуда вымыта, а что касается завтрака, то его взялся готовить папаша Юферс. Он сказал, что берет камбузное хозяйство на себя!

Отныне вы не будете обвинять меня, потомственного кабальеро, что я использую для котлет стоптанные подошвы ваших старых башмаков!.. Клавито, не верь, когда про Педро Охохито рассказывают небылицы. Это от зависти, мучачо! Никто из этих болтунов не может попасть на лету дикому гусю прямо в глаз. Но эти люди думают, что если меткий Педро умеет без промаха настрелять дичи, то он должен так же умело жарить ее! Они выбрали меня коком, но разве я просился на эту должность? Я имею звание подшкипера по категории испанского коммерческого флота и мог бы даже стать вторым помощником капитана!..

— Ну и будь им, если хочешь, только не проси прибавки к жалованью. Или можешь считать себя начальником судовой артиллерии. Правда, у нас нет пушек, но бывают же адмиралы без флота и министры без портфеля… Смотри, мальчик совсем продрог, слушая нашу несерьезную беседу! Гвоздик, иди в кубрик, тебе дадут горячего бразильского кофе и без лишних формальностей зачислят в дружный экипаж нашего «Милого Дюка»… Эй, старина Питер, увались-ка малость под ветер, а то сейчас брамсель начнет полоскать, как полковое знамя!..

Все, кто ходил под парусами, знают, что суд-

но при хорошем ветре сродни музыкальному инструменту. Гудит на мачтах тугое полотно, струнно поют натянутые тросы, бьют в звонкий борт пенные гребешки, и звуки певуче отдаются в гулком корпусе, как в скрипке или гитаре… Эта музыка отзывается и в душе у всякого прирожденного моряка. А если тебе десять лет и ты первый раз в океане, и если нет ни штилей, ни грозных бурь, а шхуна при ровном зюйд-осте в пять баллов бежит к юго-западу курсом то галфвинд, то крутой бакштаг, а старый голландский лаг, брошенный с кормы, мотает ровную скорость в четырнадцать узлов… В общем, вы поверите, что каждое утро Гвоздик просыпался в состоянии тихого ликования, а дни за днями летели стремительно, как встречные чайки.

Совершенно некогда было скучать. С утра он помогал дядюшке Юферсу на камбузе, потом все по очереди учили юнгу матросским наукам. Боцман Том Бензель, добродушно ворча (не на Гвоздика, а на белый свет и на свой ревматизм), показывал морские узлы. Причем такие хитрые, каких не было и в Такелажном атласе Адмиралтейства. Научил даже, как вязать и (главное!) как развязывать «кукиш сатаны». При этом сказал только: «Смотри, чтобы не узнал наш храбрый Беппо…»

Здесь сразу надо сказать про Беппо. По-настоящему его звали Боб Мак-Каррон, он был шотландец. Но смуглый, с глазами как маслины, он очень походил на южанина. Вот и прозвали его Беппо Макарони, говорили, что итальянец. В ту пору существовало мнение, что итальянцы среди моряков — самые суеверные. А уж суевернее, чем Беппо, наверно, вообще было никого не сыскать. Он боялся поглядеть через левое плечо на пролетающего альбатроса и говорил, что на трап надо ступать только с правой ноги; начиная заплетать такелажный конец, обязательно обвязывал запястье шерстяной ниткой — от нечистой силы; ужасно боялся историй о мертвецах и всегда отходил в сторонку, если на баке затягивали песню:

Отчего так екнуло в печенке
И ползут (ох!) по спине мурашки?
Это кто же там сидит в бочонке,
Весь такой мохнатенький и страшный?

Но зато Макарони подарил Гвоздику кожаный морской пояс с пряжкой в виде скрещенных якорей…

Братья-близнецы Джим и Джон по прозвищу Два Сапога Пара учили Гвоздика стоять у штурвала и держать курс по компасу. И это дело он усвоил раньше, чем наловчился отличать Джима и Джона друг от друга… Бородатый старина Питер объяснял Гвоздику, как разбирать морские сигналы…

Короче говоря, все старались и приласкать Гвоздика, и обучить его чему-нибудь полезному — и Харро Бланко (большущий одноухий негр с Антильских островов), и вежливый японец Сакисаки, и Боб Кривая Пятка (который любил плясать, но обязательно падал в конце танца), и даже всегда надутый Чинче (что означает «Кнопка»). Чинче за свой короткий рост был обижен на всех в мире и только на Гвоздика никогда не сердился. Играл с ним в чехарду. Потому что хорошо мальчишке быть единственным ребенком среди взрослых — все тебя любят и балуют, — но ведь хочется порой с кем-нибудь поиграть поребячьи.

Но надо сказать, что Гвоздик не очень позволял себе роль балованного мальчика. Ясно же, что он хотел стать настоящим моряком и понимал: надо корабельную науку изучать всерьез. Поэтому старательно повторял названия снастей и очень

охотно слушал капитанского помощника Сэмюэля Сэмюэльсона, когда тот объяснял про карты и штурманские инструменты.

У помощника было прозвище Сэм Ошибка. Потому что он отличался деликатностью и каждый разговор начинал так: «Может быть, я ошибаюсь, но…» Однако при прокладке курса он сроду не ошибался. «Милый Дюк» бежал как по ниточке прямо к порту Санта-Крус на Канарских островах. Там решено было сделать запасы для дальнего и уже безостановочного рейса.

Чем ближе к югу спускался «Милый Дюк», тем становилось теплее. Гвоздик уже бегал по шхуне без рубашки и босиком. И с нетерпением смотрел вперед, чтобы первым закричать: «Земля!»

Но хотя Гвоздик и соскучился по суше за две недели плавания, долго на берегу задерживаться не хотел. С нетерпением ждал, когда кончится погрузка. Город не очень обрадовал его. Конечно, звучит здорово: «Санта-Крус, остров Тенериф», но улицы оказались пыльными, жители какими-то скучными, а пальмы походили на большие швабры. И только знаменитый Тенерифский пик радовал Гвоздика в дни стоянки. Его белый конус висел в небе выше облаков как бы без всякой опоры и казался осколком чужой планеты. И он

был виден еще целый день после того, когда сам остров и город скрылись за кормой…

2. ОТ ОСТРОВА ТЕНЕРИФ ДО МЫСА ГОРН. — ВЕЧЕРНИЕ ИСТОРИИ. — МАМА ШКИПЕРА ДЖОРДЖА. — ПАРУС НА ГОРИЗОНТЕ.

Что еще сказать про это плавание? «Милый Дюк» резво бежал по Атлантике проторенным путем. Этот путь описан во многих сочинениях о кругосветных плаваниях девятнадцатого века. Там есть и про летучих рыб, и про китов, и про светящееся по ночам море, когда по воде разбегаются огненные струи, спирали и шары, и про блеск южных созвездий, и про небывало яркие закаты. Все это видел Гвоздик и был счастлив…

Помощник капитана Сэм Ошибка однажды сказал:

— Какая славная погода! Может быть, я ошибаюсь, но, если так пойдет, через три дня будет экватор…

Беппо Макарони трижды плюнул через плечо.

Но зря Беппо боялся — ничего плохого не случилось. И экватор перешли при ровном восточном ветре в три балла и небольшой пологой волне. Дядюшка Юферс, привязав бороду из пеньки и водрузив жестяную корону, исполнил роль Неп-

туна. Сперва Гвоздика, а потом и всех остальных (в том числе и самого папашу Юферса с короной) окатили морской водой, после чего был устроен праздничный обед, который оказался не хуже, чем в «Долбленой тыкве»…

Южнее экватора началась опасная зона, где мореплавателей подстерегают изнурительные штили. Но судьба оказалась благосклонной к «Милому Дюку»: небольшой, но не стихающий ветерок сдвинул шхуну по громадному земному глобусу еще ниже — в полосу пассатных ветров. С неделю шли к западу, блаженствуя в спокойном теплом воздушном потоке, потом опять круто взяли к зюйду, чтобы пересечь известные своим скандальным характером южные сороковые широты. Здесь шхуну потрепало, но вполне терпимо, и Гвоздик почти не боялся. Видимо, бог морей Нептун симпатизировал шкиперу Седерпауэлу. Или Гвоздику?

Делалось все холоднее, хотя в этом полушарии было лето. И вот однажды рано утром, в середине февраля, шкипер Джордж разбудил Гвоздика и папашу Юферса в их тесной двухместной каютке, похожей на дощатый ящик. Позвал на палубу. Было пасмурно и зябко, с юга ветер гнал небольшую волну. Реяли громадные альбатросы. Справа

в тумане возвышалась темная скала.

— Мыс Горн, — сказал шкипер Джордж с таким удовольствием, словно сам поставил этот мыс тут, на южном кончике Америки. — Нет, господа, это невероятно! Обойти кап-Горн в тихую погоду! Такое случается раз в сто лет! А?..

— Мы ведь еще не обошли, — осторожно заметил Макарони и на всякий случай поскреб ногтем по деревянному планширу. Но он зря опасался. Все кончилось благополучно, и «Милый Дюк» взял курс на норд-вест, опять в тропические воды.

…Снова светилось море. Снова небывало яркими гроздьями горели в черном небе южные созвездия. А когда вставала круглая луна и размотывала через весь океан свою серебряную дорогу, можно было задохнуться от изумления такой красотой…

Порой казалось Гвоздику, что не осталось никого на планете, кроме экипажа «Дюка». И земли никакой нет, а только океан. Прежняя жизнь, Гульстаун, таверна, твердые берега и каменные улицы вспоминались смутно и без сожаления. Пожалуй, только о Джекки Тимсоне думал Гвоздик с легкой грустью. Хоть и ссорились иногда, а все-таки были приятелями…

Лишь одно черное воспоминание портило временами радость плавания: как закричал и ухнул со скалы бывший учитель Шпицназе. Но думал об этом Гвоздик все реже и реже. Прошлые, «сухопутные» дни казались удивительно далекими.

И еще плохо, что почти не было на «Дюке» книжек. Только навигационные справочники и Библия на испанском языке. Библию читал Макарони, а Гвоздик почти не понимал по-испански. Оставалось одно: слушать по вечерам истории из книги дядюшки. Гвоздик, правда, их знал почти наизусть, но все равно усаживался вместе со всеми по вечерам на баке. Зажигали пузатый фонарь, и папаша Юферс читал рассказ за рассказом о таинственных или смешных случаях, о всяких приключениях.

Случалось, что истории рассказывал и кто-то из матросов — еще не известные папаше Юферсу. Тогда дядюшка хватался за карандаш…

— …Ох и славный был рулевой наш Генри Дрок по прозвищу Восьмерка, — говорил, почесываясь, Боб Кривая Пятка. — Это, значит, когда я плавал на «Серебряной курице» с капитаном Кнопом… При ровном ветре и на спокойной воде Генри мог крутить такие вензеля, что пенным следом выписывал свое имя. Будто конькобежец где-нибудь

на застывшем канале в Голландии.

— Ну, выписать восьмерку — не хитрое дело, если, конечно, команда не зевает на парусах, — ревниво замечал негр Харро Бланко, тоже отличный рулевой.

— Да не восьмерку, а слово «Генри»! — доказывал Кривая Пятка. — Я же объясняю вам!..

— Однако вы немножко врете, Пятка-сан. Извините… — не верил Сакисаки. — Так, простите, не бывает.

— Ха! «Не бывает»! Он мог еще и не такое! Однажды он поспорил на пять золотых с боцманом Дудкой, что отточенным, как карандаш, бушпритом въедет в окно таможенной конторы и выбьет им стальной зуб в пасти старшего инспектора Друмма, которого все терпеть не могли, он был взяточник. Этот Друмм имел привычку торчать у окна за своим письменным столом и пялить глаза на рейд. А контора была у самого берега…

— И выбил? — удивлялся простодушный старина Питер.

— А как же! Подкатил к пирсу круто-круто в бейдевинд, привелся до мордотыка[5], въехал по инерции бушпритом сквозь стекло — и готово…

---

[5] Примечания: 5

Специфическое морское слово. Означает положение судна, когда ветер дует навстречу.

Но боцман Дудка золотые не отдал, заспорил. «Ты, — говорит, — попал не в стальной зуб, а в тот, что рядом». Уточнять же было некогда, потому что, само собой, пришлось уносить ноги с рейда. Хорошо, что был отвальный ветер… Да эту историю знают все в порту Сан-Кармазо.

— Кстати, недалеко от Сан-Кармазо есть островок с заброшенным маяком, — вступил в беседу боцман Бензель. — Слышал ли кто-нибудь из вас, как Билли Большой Карман однажды нашел там черную непрозрачную бутылку, и когда откупорил…

Ну и так далее. Иногда — такие истории, что живот болит от смеха. А иногда озноб по коже. Только о капитане Румбе почти не говорили вслух. Беппо Макарони утверждал, что, возможно, дух Ботончито летает здесь, неподалеку, и лучше его не раздражать праздной болтовней.

— Может быть, я ошибаюсь, но, по-моему, дух, если он и вправду есть, должен обитать на острове Акулья Челюсть, — возражал Сэм Ошибка.

— Что такое для духа несколько сотен миль! Дух летает быстрее звука, — объяснял Макарони и, ежась, оглядывался.

Шкипер Джордж назидательно предупреждал:

— Беппо, ты плохо кончишь, если не переста-

нешь верить во всякую чепуху. Моя мама уж на что суеверный человек, но и то говорит иногда: «Приметы надо уважать, но самая плохая примета, если ты дурак. Тут, сколько ни плюй через плечо, все равно будешь иметь неприятности…»

— Значит, у вас есть мама? — однажды осторожно спросил Гвоздик.

— Есть, — вздохнул шкипер Джордж. — По крайней мере, я надеюсь… Последнее письмо я получил от мамы полгода назад в Марселе. Мама пишет, что стала часто болеть и не может одна ходить к воскресной службе. Кто ей поможет? Разве что добрая Соседка тетя Рива, с которой они играли, когда еще были девочками. Тетя Рива сама не ходит в церковь, но всегда ждет маму на лавочке, пока не кончится обедня… Ах, когда я вспоминаю свою старенькую маму, то прямо-таки вижу, как она сидит в своей комнатке с канарейкой и смотрит на стену, где висит картинка с надписью «Мамочке от Жоры в день ангела». Это я нарисовал ей, когда был такой же, как ты, Гвоздик… На картинке большой корабль, на палубе стоит мальчик и машет матросской шляпой маме, которая осталась на берегу… Кто бы мог подумать, что все так печально кончится в жизни…

— Но ведь вы можете приплыть домой и повидаться с мамой!

— Да, конечно… Только сначала я должен подождать, когда забудется небольшой шум, который я устроил у берегов моего родного города. Мы помогали уйти за границу двум очень порядочным людям, и пришлось немножко пострелять над головами пограничной стражи…

Дни бежали за днями, и конец пути был уже недалеко. Всем хотелось поскорее на землю. Хотелось увидеть зелень и отведать свежей пищи и ключевой воды. Надоела еда из оскудевших трюмных запасов. Конечно, дядюшка Юферс был отличный повар, но что можно приготовить из консервов и залежалой крупы на воде, пахнущей разбухшими бочками?.. Впрочем, никто не жаловался и не болел. А Гвоздик, тот вообще чувствовал себя великолепно. Кожа его несколько раз обгорела на солнце и облезла и наконец стала шоколадной, как у туземца южных островов, а волосы сделались почти белыми. Он стал заправским юнгой, и дядюшка уже не вздрагивал и не кричал жалобно «вернись немедленно», когда видел племянника высоко на салинге.

Вот оттуда, с высоты, Гвоздик и закричал однажды:

— Парус за кормой! Кажется, опять тот самый!

3. ТАИНСТВЕННЫЙ ПАРУС. — СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ! — ДОГАДКА СЭМА ОШИБКИ. — ОБМЕН ЛЮБЕЗНОСТЯМИ. — ДУПЛЕТ. — НОВАЯ ОПАСНОСТЬ.

Здесь пора сказать, что от самого Тенерифа за «Милым Дюком» следовало какое-то суденышко. Оно всегда держалось в нескольких милях за кормой. Иногда оно исчезало, а потом опять над горизонтом белело крылышко. В трубу можно было разглядеть, что это одномачтовый кораблик с большим гафельным гротом и рейковым топселем. Сперва на «Дюке» удивлялись. Потом привыкли. Решили, что кругосветные путешественники. В то время как раз пошла мода на плавания вокруг света в одиночку и маленькими экипажами на крепких и хорошо оснащенных яхтах.

— Скучновато небось одним-то, — рассуждал боцман Бензель. — Вот и держатся за нами, как на длинном буксире. А близко не подходит, потому что они деликатные…

— Да просто догнать не могут, — горделиво говорил шкипер Джордж. — За «Дюком» угонится

не всякий.

Когда «деликатный попутчик» исчезал с горизонта, о нем даже тревожились. И скучали. И только Макарони намекал, что это, возможно, преследует «Дюка» призрак капитана Румба…

— …Сейчас наконец разглядим, что за призрак, — озабоченно сказал шкипер Джордж. — Клянусь очками моего дедушки, это яхта «Фигурелла»! Она в Санта-Крусе торчала у соседнего причала, и рожа ее капитана вызывала у меня память о нехорошем… Кстати, его зовут Ганс фон Драгенногер.

— Не в обиду тебе будь сказано, Джордж, но у них явное преимущество хода, — опасливо заметил папаша Юферс.

«Фигурелла» подходила все ближе. Когда между ней и «Дюком» оставалось не больше двух кабельтовых, на яхте щелкнул ружейный выстрел и вдоль мачты побежали разноцветные флажки.

— Чего-чего? — удивился Гвоздик.

Он был уже не на салинге, а на палубе, и ждал, когда ему дадут посмотреть в трубу. Но сейчас и без трубы он разглядел флажки. А читать сигналы юнга Гвоздик умел теперь прекрасно:

— Требуют лечь в дрейф и спустить паруса!

— *Категорически* требуют! — воскликнул

шкипер Джордж. — Сэм, ты когда-нибудь видел подобную наглость?

— Может быть, я ошибаюсь, но, по-моему, пора проверить, как работают затворы наших «бергманов»...

Не опуская подзорную трубу, шкипер Джордж возгласил:

— Когда я был маленький, мама говорила мне много раз: «Жора, если хочешь спокойно дожить до приличного возраста, никогда не связывайся с агентами сыскных служб». Так и что вы думаете? Разве я когда-нибудь хотел иметь среди них близких знакомых? Но эти общительные господа го и дело искали со мной встреч. И вот опять вместо того, чтобы любоваться бескрайними просторами Великого океана, где, казалось бы, никому не тесно и каждый может мирно плыть по своим делам, я вижу судно, арендованное частной сыскной конторой «Добберман энд Пинчер», чтобы догнать нашего «Милого Дюка»!

— Почему вы так думаете? — перепугался папаша Юферс.

— А как я должен думать, если я вижу на борту «Фигуреллы» среди других малосимпатичных личностей старого знакомого по фамилии Шпицназе?.. Гвоздик, доброе дитя мое, ты напрас-

но грустил о судьбе этого живучего субъекта. Посмотри, вот он, без всякой простуды, стоит на палубе и приветливо машет руками, словно здесь его любимая теща…

— Правда?! — Гвоздик схватил трубу и увидел среди бандитского по внешности люда на «Фигурелле» своего бывшего учителя. И ощутил большое облегчение, хотя радоваться было нечему.

Боцман Бензель между тем раздавал ружья и патроны.

— Однако они лихие ребята, если перли за нами через два океана, — заметил старина Питер. — Одного не пойму: неужели мы стоим того, чтобы гнаться за нами вокруг шарика?

— Стоим, старина, стоим! — оживленно разъяснил шкипер Джордж. — Думаешь, им нужны мы? Им нужен клад Ботончито! Возможно, ради нашего ареста красавчик Нус плыл за нами на рейсовом пароходе до Санта-Круса. А там подслушал наши разговоры о сокровище капитана Румба и решил, что есть возможность окупить все затраты. Вот и связался со славным капитаном Драгенногером, пообещавши ему крупную долю… Мы слишком громко говорили о наших делах на палубе и на улицах…

— Оно все понятно, только немножко непонятно, — сказал Боб Кривая Пятка, загоняя в казенник «бергмана» длинный патрон. — Если нужно им сокровище, ловили бы нас на обратном пути, когда мы с добычей. А сейчас-то чего ради?

— Может быть, я ошибаюсь, но, по-моему, они сожрали все свои припасы и выпили воду, — деликатно заметил помощник Сэм. — Не рассчитали малость. И теперь хотят получить от нас и сухари, и сведения, где золото зарыто…

— Но их же не больше, чем нас! — храбро воскликнул Гвоздик. — Дядя Джордж, можно я тоже возьму ружье?

— Марш в кубрик! — перепуганно гаркнул дядюшка Юферс. Он был очень расстроен. Гвоздик, разумеется, не пошел.

— У них преимущество в маневре, — заметил Харро Бланко. — И, кажется, егерские многозарядные карабины. Ох, нехорошо…

«Фигурелла» тем временем догнала «Милого Дюка» и шла с наветра примерно в полукабельтове от шхуны.

— Шкипер Седерпауэл, именем закона! Спускай паруса и сдавайся! — закричал в рупор сыщик Нус.

Шкипер Джордж взял свой рупор — мятый и

заслуженный.

— Это какой же такой закон дает тебе право, Нус, останавливать в нейтральных водах судно чужой державы?! «Милый Дюк» приписан к порту независимого государства Нуканука! И то, что вы делаете, по всем законам считается пиратством!.. Эй, боцман, поднимите-ка наш флаг!

И под гафель пополз оранжевый, с белым солнцем посредине и пальмовыми листьями по углам флаг Нукануки.

Экипаж «Фигуреллы» разразился гоготом и свистом. Вспухли синие дымки, и щелкнуло несколько выстрелов. Видимо, целились по флагу.

— Ах, как не хочется устраивать неприличную свалку в океане, который называется «Пацифик», что означает не только «Тихий», но и «Мирный», — вздохнул шкипер Джордж. — Гвоздик, мальчик мой, шел бы ты и правда вниз. Эти нехорошие дяди с «Фигуреллы» настроены, кажется, совершенно хулигански.

Рыжебородый «дядя» в нелепой, старинного вида треуголке (видимо, капитан Драгенногер) заорал, надрывая легкие:

— Эй, на «Дюке»! Майнай паруса, гробокопатели! Если поделитесь припасами и скажете, где

зарыт сундучок, так и быть, отпустим домой!

— Я же говорил, — сказал помощник Сэм.

— Но сначала я выпорю вашего юнгу! — закричал господин Шпицназе. — Я не злопамятен и не сержусь на него за случай на узкой тропинке, но обязан сделать то, что не успел в школе! Этого требуют законы педагогики!

— Клавито, хочешь, я отстрелю этому типу нос, когда он повернется в профиль? — спросил Педро Охохито.

— Лучше перебей им дирик-фал! Грот упадет, и вдобавок ноком гафеля кого-нибудь брякнет по голове…

— Тогда уж и гафель-гардель, — сказал Педро. — Пусть всю эту компанию накроет парусиной…

— Ох, Педро! — встревожился Гвоздик. — Но ведь топсель-шкот не даст упасть ноку. Надо сперва стрелять по шкоту!

Этот разговор профессионалов, конечно, непонятен сухопутному читателю. Но он доказывает, что Гвоздик хорошо изучил хитрости бегучего такелажа. А также то, что в эти опасные минуты он не терял головы.

«Фигурелла» и «Дюк» между тем сближались бортами.

— Смотрите-ка, они убирают топсель, чтобы не

обгонять нас! — воскликнул шкипер Джордж. — Уж не хотят ли они устроить маленький абордаж? Приготовьтесь, мальчики…

— Минуточку, капитан, — сказал Охохито. — Не забывайте, что я начальник судовой артиллерии.

Ба-бах! — разнесся над водой звонкий дуплет. Большой парус «Фигуреллы» дрогнул. Слышно было, как завизжали блоки. Тонкое бревно гафеля дернулось и поехало к палубе, собирая парусину в хлопающие складки. Парус обрушился на головы пиратов, из-под него послышались проклятия и грохнули выстрелы. Пуля отколола щепку от грот-мачты «Милого Дюка».

— Ну что же, у нас есть передышка, — хладнокровно заметил шкипер Джордж. — Возможно, мы успеем под прикрытие могучих береговых фортов его величества Катикали, если джентльмены на «Фигурелле» не будут спешить с ремонтом… Однако что за безобразие? Куда девался ветер? Я так не играю…

Ровный зюйд-ост утих. В жаркой тишине беспомощно качались обвисшие паруса шхуны.

— Капитана-сан! — закричал вахтенный матрос Сакисаки. — Шквал с норд-веста, извините! Очень нехорошо!

На северо-западе стремительно распухало темное облако.

— Брамсель и марсель долой! — завопил шкипер Джордж. — Фока-трисель, стакселя и кливера долой!.. Боцман, грота-трисель на двойные рифы и крепить втугую, чтобы держал против ветра!.. Сейчас мы получим настоящую трепку, это вам не шпана с «Фигуреллы»!..

4. НАЧАЛО БУРИ. — СУДЬБА «ФИГУРЕЛЛЫ». — СТРАШНЫЕ КАРТИНЫ УРАГАНА. — «ГВОЗДИК, ДЕРЖИСЬ!» — ВЕЗ СОЗНАНИЯ.

Обычно тропические шквалы проносятся быстро. Устроят большой шум, крепко потреплют попавшиеся на пути корабли и рассеются на бескрайнем океанском просторе… Но этот шквал оказался началом долгой бури. Небо и вздыбившуюся воду охватила темно-зеленая мгла. Сквозь нее сверху лишь изредка пробивался тускло-похоронный свет. «Милого Дюка» швыряло с гребня на гребень, швыряло в пропасти и укладывало то на левый, то на правый борт. Ветер вопил и ревел, как тысячи пиратов, разозлившихся друг на друга. «Фигурелла» при первых же порывах шквала исчезла неизвестно куда. Скорее всего,

она перевернулась и потонула, потому что (если Сэм Ошибка был прав) экипаж перед этим слопал все свои запасы, которые были загружены в трюм, и не мог заменить их балластом, отчего судно потеряло остойчивость. Но к этому выводу пришли позже, при спокойной погоде, а во время бури рассуждать было некогда.

Потом все говорили, что, сколько ни ходили по морям, а в такой свирепый ураган сроду не попадали. Видимо, океан спохватился, что плавание наших путешественников до сей поры было слишком благополучным, и решил отыграться за все разом.

Гвоздика загнали вниз, а дядюшка Юферс помогал матросам крепить паруса и рангоут, пока это было еще возможно.

В тесной каюте, однако, было страшнее, чем наверху. Гвоздика кидало с койки на койку, хотя он и цеплялся изо всех сил за деревянные стойки-пиллерсы. Он видел, как на иллюминатор люка то и дело наваливается темная толща воды, и боялся, что всех смоет с палубы… Сколько прошло времени, понять было невозможно. Гвоздик наконец не выдержал и вскарабкался к люку. Головой и плечами поднял тяжелую крышку. На четвереньках выбрался на вздыбленную, мыль-

но-скользкую палубу. Крышку тут же захлопнуло могучим ударом воздуха и отрезало путь вниз. Гвоздика приподняло и опрокинуло на спину.

То, что он увидел, было ужаснее всякого жуткого сна. В зеленом сумраке носились, как воющие привидения, столбы пены. Отчаянно мотался штурвал, и привязанные к нему мотались, как тряпичные куклы, Два Сапога Пара. Люди хватались за тросы и, кажется, пытались что-то делать, но ударами гребней их отрывало от снастей и швыряло друг на друга.

Волны вставали до неба и гремели, будто канонада. Они показались Гвоздику твердыми, как горы мутного бутылочного стекла. Одна такая гора воздвиглась над Гвоздиком и обрушилась на него страшной тяжестью. Эта тяжесть смыла мальчишку, потащила его по мокрым доскам. Спиной Гвоздик проломил столбики ограждения фок-мачты и застрял там. Волна схлынула, снова открыв картину бури.

— Гвоздик, держись! — крикнул ему маленький Чинче. Но тут же нависла новая волна — такая, что сразу стало ясно: вот она — погибель!

— Ма-ма-а! — закричал Гвоздик. И умолк под тоннами воды.

К счастью, застрял он крепко, его не унесло.

Чинче и Харро Бланко схватили Гвоздика, дотащили до люка, спустили юнгу в кубрик. Следом упал дядюшка Юферс. Гвоздика уложили на койку и прихватили к ней свернутым в жгут одеялом. Раскачка бури сделалась, кажется, ровнее. Но Гвоздик уже ничего не чувствовал.

Даже тогда, когда ураган пронесся, оставив на плаву истерзанного, но уцелевшего «Дюка», Гвоздик не пришел в себя — только метался в бреду. У него началась лихорадка.

Часть III
КОРОЛЕВСТВО НУКАНУКА

1. КТО-ТО СТРАШНЫЙ. — ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО КАТИКАЛИ ЧЕТВЕРТЫЙ. — ИСТОРИЯ БРИГА «ЭКСПЕДИЦИЯ». — КОЛДОВСТВО ТЕТУШКИ ТОНГИ.

Очнулся Гвоздик от того, что его мяли, гладили и натирали чем-то пахучим. Он увидел над собой большущее темно-коричневое лицо. Морщинистое, с похожим на растоптанный башмак носом, широченными губами — не розовыми, а почти белыми. Губы разъехались в улыбку, за ними показались длинные желтые зубы, и Гвоздик опять перепуганно закрыл глаза.

А громадные мягкие ладони все мяли и терли его, и это было немного щекотно, однако он терпел. Потому что кто его знает, это чудовище. Из-под опущенных ресниц Гвоздик видел, как вокруг страшного лица колышутся косматые седые кудри, а под оттянутым ухом качается медное кольцо размером с блюдце. «Дядя Ю...» — хотел позвать Гвоздик, но опять провалился то ли в

обморок, то ли в сон.

Когда он пришел в себя, дядюшка Юферс был рядом и улыбался. А сквозь плетенные из тростника стены било солнце.

— Кто меня тискал, такой ужасный?..

— Молчи, молчи! — всполошился дядюшка. Потому что больным всегда говорят, что им вредно разговаривать.

— Молчу, — покорно согласился Гвоздик.

— Это была знаменитая колдунья Тонга Меа-Маа. Двоюродная сестра здешнего короля.

— Значит, мы приплыли на Нукануку?!

Потрепанный бурей «Милый Дюк» действительно добрался до Нукануки и встал в бухте Тагао. Встретили его торжественно. Король Таи-Буанга-Меа Катикали Четвертый сам прибыл на шхуну. Его величество был в белом атласном жилете парижского пошива, галстуке-бабочке на голой шее и в пышной юбке из кокосовых волокон. Про жилет он сказал:

— Французы приходили на «Красотке Жанне», жемчуг выторговывали, а этот наряд я у них выменял на дюжину кокосов. Ну, как? — И покрутился перед шкипером Джорджем.

— Отлично, ваше величество, — похвалил тот. — Изящно и недорого. Но только надо бы и

штаны заодно… — У короля и капитана Седерпауэла были давние приятельские отношения.

— Штаны — это пфуги, — заявил Катикали Четвертый, что в примерном переводе означало «несусветная чепуха». — Шотландские лорды носят пиджаки и жилеты с юбками, и никто к ним не придирается. А в них ведь тоже королевская кровь.

Король был довольно образованный молодой человек. Знал по-английски и по-французски, дважды плавал на купеческих судах в Сидней и разбирался в политике. Он был известен своей скромностью и добрым нравом. На острове хватало хлебного корня таро, бананов, кокосовых орехов и съедобных крабов, жители разводили свиней, ловили рыбу, и жизнь была безбедная. Катикали Четвертый поэтому вполне справедливо полагал, что чем реже король вмешивается в дела народа, тем народ счастливее. Большую часть времени его величество проводил в плетенном из тростника обширном дворце, сочинял научный труд по истории своего государства и записывал его на сушеных листьях дерева орона нуканукским алфавитом, который изобрел сам. А исполнительную власть (ежели таковая оказывалась необходима) поручил осуществлять

старшей двоюродной сестре Тонге Меа-Маа, которая и была фактически правительницей столицы (и единственного населенного пункта на острове Нуканука). Столица именовалась Уонги-Тутоа, что означает «деревня», и вполне отвечала своему названию.

Впрочем, король не был столь уж беспечен, как могло показаться. Он заботился о просвещении. Организовал для ребятишек школу, где сам давал уроки (и Тонга Меа-Маа тоже). Правда, учебный год здесь длился столько, сколько в европейских школах каникулы. А здешние каникулы — наоборот. («Живут же люди», — сказал Гвоздик, узнав про такое.)

Не чурался его величество и контактов с другими государствами. Изредка в бухту Тагао приходили иностранные парусники и пароходы. Торговцы скупали жемчуг, кокосы и разные тропические редкости. Платили тканями, железными инструментами и всякими предметами европейского обихода. Какой-то португалец продал королю свой граммофон с единственной пластинкой «Песенка о прекрасной Марианне». Португальских слов никто не понимал, а мелодию все очень полюбили, и Катикали объявил ее государственным гимном.

Надо сказать еще об одном, очень разумном указе короля. Зная о горьком опыте других островов, его величество запретил иностранцам привозить на Нукануку крепкие напитки. Объявления об этом были сделаны на пальмовых досках и прибиты к столбам на берегу бухты Тагао. Они сообщали на английском, французском, испанском и русском языках, а также на языке Нукануки (новым алфавитом), что с нарушителями королевского указа поступят «в соответствии с древними обычаями этой страны».

— А что за обычаи? — спросил однажды короля шкипер Джордж. Его величество потупился и вздохнул:

— Пленников кушали. Непросвещенные были времена.

Увы, именно так поступили полсотни лет назад жители

Нукануки с экипажем французского брига «Экспедиция». Бриг сел на рифы левее входа в Тагао, французы выбрались на сушу и почему-то повели себя с островитянами, как завоеватели. Что было делать… Впрочем, съели не всех. Большинство удрало в открытое море на шлюпках, и судьба этих людей неизвестна. Нукануксы разобрали бриг по досочкам, завладели имуществом, а брон-

зовые пушки установили на стенах коралловой крепости. В назидание другим приплывающим на остров. Эти четырнадцать орудий (а также мудрая политика здешних королей) служили причиной того, что нуканукцы до сих пор сохраняли независимость, в отличие от других островов архипелага. Конечно, сейчас любой крейсер мог бы разнести из своих орудий строптивое королевство в пыль, не обращая внимания на старинные пушчонки форта. Но, как подсчитали в Европе, это военное предприятие обошлось бы дороже, чем вся Нуканука с ее кокосами и мелким жемчужным промыслом. Подумаешь, клочок суши, двенадцать миль в окружности!.. А для всяких недобрых морских бродяг и авантюристов небольшая, но умелая армия Катикали Четвертого имела нарезные ружья «бергман» — благодаря услугам шкипера Джорджа.

— …Нет, сейчас никого не кушают, — разъяснил его величество капитану «Милого Дюка». — Но, прочитавши объявления, никто и не привозит на берег ни одной бутылки. И тебе, Жора, не советую. Если уж твоим ребятам станет невтерпеж, пусть керосинят на шхуне.

— Нам не до того, государь. Чиниться надо.

Жители деревни встретили моряков радостно

и хотели устроить праздник с танцами у костра. Но потом отказались: всех беспокоило здоровье мальчика — он бредил и никак не приходил в себя. За лечение взялась Тонга Меа-Маа.

Через день старая Тонга сказала дядюшке Юферсу:

— Не бойся, Ю, у меня еще никто не помирал.

И правда, Гвоздик пришел в себя и начал стремительно выздоравливать. Он уже не съеживался, когда громадная и грозная на вид колдунья нависала над ним, чтобы натереть еще одной целебной мазью и размять косточки. Он звал ее «тетя Тонга» и улыбался ей. Но все-таки слегка побаивался. А тетушка Тонга добродушно урчала, бормотала и наконец объявила, что «завтра этот маленький лягушонок будет бегать и прыгать, потому что злой дух Гугли-мумга испугался мудрого колдовства и улетел насовсем».

Так и получилось. Утром Гвоздик поднялся веселый и будто с тугими пружинками в теле. Целый день он скакал и радовался. Но когда встречался с тетушкой Тонгой, почему-то робел. Сидели в нем то ли остатки страха, то ли какое-то смущение…

2. НОВЫЕ ДРУЗЬЯ. — ГЛОБУС. — «ГОНЯЙ-ПИНАЙ». — О НОЧНОМ ИСПЫТАНИИ.

С местными мальчишками Гвоздик быстро подружился. Они были хорошие ребята: веселые, ничуть не драчливые и любопытные. Особенно славным оказался Туги — мальчик чуть постарше Гвоздика. Правда, он слегка важничал, потому что недавно его назначили барабанщиком королевской гвардии. Но важничал только перед местными ребятишками, а не перед гостем.

Скоро Гвоздик выучил сотню-другую слов на здешнем языке и смог рассказывать новым друзьям о своем путешествии. И о том, сколько на Земле всяких городов и стран. И как много там разных людей и всяких чудес.

Ребята очень удивились, когда узнали, что Земля круглая, как тыква ипу-харе. В своей школе они этого еще не проходили. На тыкве, твердой и будто лакированной, как школьный глобус, Гвоздик рыбьей костью нацарапал, как умел, все части света. Потом ткнул туда, где, по его мнению, был остров Нуканука. И туда, где Гульстаун. Прикинул в уме, посчитал и сообщил, что если такое расстояние топать пешком — ни спать, ни есть, а только шагать без устали, — придется

идти полгода. То есть примерно шесть лун.

— Оваи-ваи! — удивлялись ребята. Но верили. И только тощая девчонка по имени Цыца-ига (что означает «заноза») сказала, что все это пфуги.

Но гораздо больше мальчишки удивлялись и радовались не тыкве-глобусу, а другому шару. Гвоздик с помощью боцмана Бензеля сшил его из обрезков мягкой кожи и набил паклей-конопаткой. Юным жителям Нукануки Гвоздик рассказал, что с недавнего времени в Европе стала очень модной игра, которая называется «football». В переводе на здешний язык это означает «гоняй-пинай». Гонять кожаный шар можно лишь ногами, а руками лапать — табу. Только тот, кто стоит в воротах между двумя пальмами, имеет право ловить мячик в ладони.

Ух какие футбольные бои разгорались на большой поляне позади плетеного королевского дворца! Его величество сам иногда смотрел на матч и порой кричал, подскакивая:

— Дунга-куау, тяпа! — Это означало: «Куда ты лупишь, мазила!»

Девчонки тоже просились в игру, но Гвоздик объяснил, что «football» только для джентльменов, а леди могут лишь подбадривать игроков криками и махать на краю поля платочками.

Цыца-ига опять надулась и даже сказала: «Фаитуха, ка-кангла». То есть «ладно, вы меня еще вспомните, обормоты несчастные».

Во время плавания Гвоздик загорел так, что отличался от местных ребятишек только светлой кудлатой головой. Ходил он, как и все здешние мальчишки, в юбочке из мягкого мочального лыка с дерева орона, это было очень удобно. Скоро Гвоздик почувствовал себя прирожденным островитянином и радостно сказал об этом приятелю Туги. Но тот возразил. Надо, мол, чтобы стать настоящим нуканукским мальчишкой, пройти испытание.

— Какое испытание? — Гвоздик замер от сладкого страха.

— Ночное. В полнолуние надо побывать на караи-мораи. Это такое место, где стоят изваяния наших предков. А души их ночью приходят на караи-мораи, чтобы потанцевать и подкрепиться оставленными для них угощениями… Если не испугаешься, значит, настоящий мумги-нуканука.

— Одному идти? — поежился Гвоздик.

— Что ты! Один ты и дорогу не найдешь! Вместе пойдем. И еще ребят позовем…

Гвоздик облегченно заулыбался. Знал бы он…

3. ЛУНА И ДЖУНГЛИ. — МОЛЧАЛИВЫЕ ПРЕДКИ. — ИХХАПУРИ. — ПОСВЯЩЕНИЕ В РЫЦАРИ.

Днем экипаж «Милого Дюка» чинил потрепанную бурей шхуну. А ночевали все на берегу, в шалашах из тростника и банановых листьев. У дядюшки Юферса и Гвоздика был свой шалаш.

Когда белая полная луна принялась светить в щели, а дядюшка стал мирно похрапывать, Гвоздик выбрался наружу. За деревней, на лужайке со сломанной пальмой, его ждал Туги, а с ним еще целая дюжина мальчишек, среди них Нуяма, Чабо и маленький храбрый Утути-Коа.

— Никому не проболтайся, — предупредил Туги. — Родители говорят, что духи сердятся на ребят за такие прогулки, а священные нямма-лопаи могут даже съесть, если поймают. Конечно, это предрассудки, но взрослым разве объяснишь…

— А кто такие эти нымм… нямм… как их… лопай?

Туги объяснил, что это драконы, которые живут в глубине острова и очень редко подходят к деревне. Они похожи на зубастых ящериц, только размером с лодку и на высоких ногах.

— Я один раз видел, — шепотом сказал храбрый

Утути-Коа.

Надо заметить, что драконы и правда жили тогда на Нукануке. Видимо, это были потомки доисторических ящеров. Говорят, их родственники до сих пор водятся на острове Комодо, но больше нигде на Земле теперь таких животных не осталось…

— Ты не бойся, — успокоил Туги, — нямма-лопаи ночью спят, да и вообще они от людей держатся подальше.

Но у Гвоздика все равно по коже бегали колючие шарики…

Долго шли гуськом по душным зарослям, в которых пахло сладкими соками и душистым цветком «кикито». Лианы хватали живыми щупальцами за плечи, за локти, за ноги. Твердые жесткие листья хлопали по ушам. Луна запускала в чащу тонкие прямые пальцы и, казалось, тоже хотела схватить мальчишек. Иногда насмешливо кричала в чаще ночная птица Куау.

У Гвоздика просто душа замирала и таяла — так было замечательно, страшно и любопытно…

В конце концов Туги вывел всех на обширную поляну, озаренную белой луной. Посреди поляны темнело плоское строение из каменных плит, над ним стоял шест, на шесте висело что-то вроде

метлы. А вокруг торчали из травы трехметровые, вытесанные из бревен идолы. С глубокими глазницами, прямыми носами и костяными зубами, вставленными в большие круглые рты.

Мальчишки с почтением стали обходить эти скульптурные портреты предков. У подножия каждого предка лежали бананы и лепешки из муки хлебного корня. Стояла в кокосовых скорлупах вода (она блестела, будто круглые зеркальца).

Храбрый Утути-Коа остановился перед идолом, покрытым хитрой резьбой.

— Это мой прапрадедушка, великий воин Утути-Касуи Касуса-Пунга, — вполголоса, но гордо объяснил он.

— Симпатичный, — вежливо прошептал Гвоздик. Ему не хотелось чем-нибудь, даже случайно, обидеть этих таинственных жителей караи-мораи. Хоть и деревянные, а кто их знает…

— Куау-ау-ау! — опять закричала в черных джунглях ночная птица, и все присели на корточки. Потом Туги прошептал, что теперь надо «быстро-быстро делать топ-топ в заросли, потому что скоро начнется всякое ой-ой-ой…».

Они укрылись на краю караи-мораи за широкими листьями дикого банана. И тихо дышали, ожидая страшное. Гвоздик хотел спросить, видел

ли кто-нибудь раньше, как танцуют под луной духи предков. Но он боялся разжать губы.

— Куау!! — раздался птичий вопль над самой головой. Кто-то пискнул от испуга. И в этот миг из каменной хижины посреди поляны выскочило странное существо — с человеческим телом, но с зубастым черепом чудовища вместо головы. Оно заплясало, высоко подбрасывая костлявые ноги, и черная ломаная тень от него заплясала еще страшнее. Потом существо завыло, растопырило руки и скачками кинулось туда, где сидели мальчишки.

— Это Иххапури! Бежим! — скомандовал Туги, и все ринулись сквозь джунгли к деревне. Лишь через несколько минут остановились на крошечной полянке, сбились в кучку. Туги посчитал всех. Запутался, посчитал опять и сказал перепуганно:

— Дюжина и один. А было дюжина и два…

— Его схватил Иххапури, — всхлипнул Чабо. — И сожрал…

Гвоздику было очень жутко, но он собрал последние крохи смелости:

— Как это сожрал? Не имеет права. Пошли обратно! Нас же много…

Но в эту минуту из черных зарослей выбрался

Утути-Коа.

— Где ты там застрял?! — накинулись на него.

— Хотел посмотреть поближе на Иххапури… А он и не побежал за нами! Поплясал, повыл, а потом пошел к моему предку Утути-Касуи Касуса-Пунга, взял его лепешку и стал жрать…

— Вот поймал бы он тебя, — с облегчением сказал Туги. — И вместо лепешки…

— Пфуги, — отмахнулся Утути-Коа. — Зря улепетывали. Надо было еще посмотреть. А вы струсили.

— И я струсил, — вздохнул Гвоздик. — Значит, я не выдержал испытания?

Все наперебой закричали, что выдержал. Еще как! Ведь он до конца был вместе со всеми и даже храбро предлагал вернуться за Утути-Коа!.. А то, что все перепугались, так это понятно. Ведь на караи-мораи появился не обыкновенный дух, а страшный Иххапури, который раз в году ночует в каменном доме посреди поляны предков и караулит тех, кто случайно забрел ночью на это священное место. Чтобы слопать…

Теперь всем, кроме Утути-Коа, было неловко, что удирали так быстро и что самый маленький оказался смелее всех. Поэтому дальше шли с излишне шумным разговором и громким смехом.

И лишь на краю деревни остановились. Примолкли.

Потому что в деревне был переполох. Перекликались женщины, бегала малышня. Перед хижиной Тонги Меа-Маа горел костер. Сам король стоял тут же вместе с дядюшкой Юферсом. Оба о чем-то спрашивали старую колдунью.

Как стало известно после, дядюшка Юферс проснулся среди ночи, не увидел в шалаше племянника и поднял шум. От шума проснулась деревня. Матери мальчишек, сбежавших да караи-мораи, тоже всполошились. Разбудили его величество и Тонгу.

— Придут, никуда не денутся, — успокаивала их Тонга.

Увидев сбившихся в кучку путешественников, жители разом успокоились. Тут же разошлись по хижинам, досыпать. И его величество, зевнув, тоже отправился почивать во дворец.

— А скажите-ка, мои ненаглядные, — очень ласково начала Тонга Меа-Маа, — куда это вы ходили в такую пору, когда все дети должны баи-баи, чтобы не сердить злых духов?

Все, надув губы и опустив головы, молчали.

— Королевский барабанщик Туги! — возгласила правительница деревни. — Почему ты не

отвечаешь, когда старая Тонга ждет с таким нетерпением?

— На караи-мораи, — буркнул Туги, потому что никто в королевстве Нуканука (даже сам король!) не смел говорить Тонге Меа-Маа неправду.

— А разве вы не знаете, что духи наказывают тех, кто не слушается старших? У этих детей начинают болеть животы и на ушах вырастают болячки!

— Пфуги… — еле слышно возразил королевский барабанщик.

Тонга Меа-Маа подбоченилась и сказала:

— Баха-какава.

Гвоздик понял: «Иди сюда, радость моя ненаглядная…»

Туги надулся пуще прежнего и пошел. Тетушка Тонга погрозила ему пальцем, взяла «ненаглядную радость» под мышку, подняла на нем коротенький подол мочальной юбки и вляпала звонкий, как пистолетный выстрел, шлепок. Потом отпустила. Туги упал на четвереньки, отбежал так шагов на пять, вскочил, вытер под носом и пробубнил:

— Буу-фига… — Это переводится примерно так: «Ну и подумаешь, делов-то…»

— Биба! — деловито велела тетушка Тонга. То

есть «следующий». И следующий, почесываясь, пошел… А остальные без лишних слов, только с тихими вздохами, встали в послушную очередь. И Гвоздик смущенно посопел и встал тоже. Куда деваться-то! Если сбежишь, получится совершенно не по-товарищески. И к тому же кто знает, может быть, это была заключительная часть испытания, чтобы стать настоящим «мумги-нука-нука»… Он успел встать даже не последним, а в середине очереди. А когда хитрый и верткий Таи-Кикина сунулся вперед, чтобы скорее избавиться от неприятностей, Гвоздик сказал:

— Куда лезешь? Ты тут не стоял, занимай в хвосте…

Получившие шлепок пританцовывали и облегченно хихикали. Считалось, что теперь они прошены и злые духи им больше не грозят. Наравне со всеми Гвоздик получил звонкое прощение и тоже заприплясывал. Тетушка Тонга грозила ему пальцем, но глаза у нее были не сердитые.

Оказалось, что дядюшка находился неподалеку. Теперь, когда все кончилось благополучно, он был настроен благодушно и, похохатывая, сказал Гвоздику:

— Можно считать, что тебя посвятили в рыца-

ри. Ведь это была рука королевской сестры, то есть великой герцогини.

Обидно только, что «посвящение в рыцари» видела ехидная Цыца-ига. Она выглядывала из-за пальмы, строила рожи и радовалась.

— Девчонки на всей Земле одинаковы. Я думаю, это она про нас наябедничала, — сказал Гвоздик приятелю Туги (он еще не знал, что тревогу поднял дядюшка).

— Завтра ночью я подсуну ей на циновку сушеного хаки-кусаи, — пообещал Туги.

Гвоздик не знал, что такое хаки-кусаи, но догадался, что визга будет много.

4. НЕПРИЯТНОСТИ С «МИЛЫМ ДЮКОМ». — ГВОЗДИК УСТРАИВАЕТ СКАНДАЛ. — ВМЕШАТЕЛЬСТВО ТЕТУШКИ ТОНГИ. — ПЛАВАНИЕ НА УПИ-ПРОА.

Читатели могут возмутиться: почему такой длинный рассказ про Нукануку и ни слова о сокровище? Неужели героям нашей истории расхотелось искать его?

Ничего подобного! Всем не терпелось отправиться на поиски. Но король сказал, что плыть

к Акульей Челюсти имеет смысл, когда пройдет полнолуние и ветер «мури-мури» сменится на ветер «мури-кеоко». Иначе прибой не даст войти на шлюпке в тесную бухточку Акульей Челюсти, вдребезги расшибет о камни. Да и шхуне будет удобнее держаться на якоре, когда ветер с восхода: стоянка окажется тогда под защитой высоких скал.

Но со шхуной случилась неприятность — как раз когда луна пошла на убыль и можно было бы плыть к Челюсти, боцман Бензель обнаружил в трюме течь. В нескольких местах обшивка разошлась, и вода набиралась в трюме. Конопаткой здесь было не обойтись. Оставалось одно: выгрузить балласт, вытащить «Дюка» на плоский берег и заняться ремонтом днища. Иначе «Милый Дюк» не перенес бы обратного плавания в Гульстаун.

Переправить судно на сушу помогли дружные и веселые жители деревни. В общем-то, большой беды не случилось, но поиски сокровища опять откладывались. Все, конечно, расстроились.

Тогда король Катикали Четвертый сказал, что на Акулью Челюсть несколько человек могут добраться на большой парусной лодке упи-проа. От Нукануки до этого скалистого островка всего лишь полсотни миль. Для упи-проа это раз плю-

нуть («гугги-макака»). Предки ходили на таких лодках даже на Самоа и Фиджи. Если выйти в плавание утром, то при ровном боковом ветре (а такой как раз и подул!) будешь на месте в середине дня! До вечера можно заниматься поисками, переночевать на берегу, а на следующий день вернуться…

Конечно, не было уверенности, что клад отыщется сразу. Уж очень загадочной казалась испанская фраза, говорившая, где зарыто сокровище. Какая-то буква в кружочке и направление «вниз от зеркала»! Или «в зеркале»? Но решили, что по крайней мере это будет первая разведка. Там, на месте, глядишь, станет понятнее, что к чему…

Самая большая (королевская!) упи-проа могла вместить шестерых. Король сказал, что капитаном он будет сам. А в помощники взял командира своей личной гвардии Кеа-Лумули. Разумеется, был включен в экипаж папаша Юферс. Он считался даже главой экспедиции. Шкипер Джордж тоже сказал, что поплывет на Челюсть, а распоряжаться ремонтом «Дюка» оставил помощника Сэма Ошибку. Затем неожиданно напросился Беппо Макарони.

Все очень удивились:

— Да ты же, Беппо, со страху помрешь! Вдруг там и правда призрак Ботончито! Ка-ак вылезет из-за скалы да ка-ак…

Но Макарони серьезно объяснил, что поэтому он и хочет поехать. При поисках кладов надо соблюдать серьезные правила, «а вы, неучи и пентюхи, никаких примет не знаете и, с нечистой силой как договариваться, сроду не слыхали…»

— Ну, ладно, — согласился шкипер Джордж, посмеявшись. — Осталось одно место. Есть еще желающие в гости к призраку? — И он обвел глазами матросов.

— А я!! — взвыл Гвоздик.

Тут все заговорили, что ему плыть не надо. Хотя это и не очень опасно, однако мало ли что!.. Ночевать придется на сырых камнях, а мальчик еще недавно так сильно болел…

Гвоздик просто задохнулся от такой несправедливости. А потом — ух и тарарам он устроил! Что такое получается? Разве не он уговорил дядюшку Ю сжечь в камине кресло? Если бы не это, никто бы и не узнал о сокровище! А кто спихнул с тропинки Нуса, когда спешили на шхуну?.. А в плаванье как было? Если кастрюли на камбузе чистить, так скорее «где наш юнга»! А клад искать — сразу «ты маленький»!

Гвоздик даже сделал вид, что пустил слезу (а может, и по правде пустил). И в этот момент явилась на шум Тонга Меа-Маа. Величественная, в мочальной юбке до пят, в суконной безрукавке, в медных кольцах и со своим колдуньим жезлом, на котором брякали костяные погремушки. Она узнала, в чем дело, подмигнула Гвоздику и заявила, что духи гневаются, если кто-нибудь обижает ребенка.

Король зачесал в затылке и почтительно объяснил грозной кузине, что для полной нагрузки и управления веслами и парусом нужно шесть взрослых.

— Ну так возьмите шестого взрослого, кто поменьше, — мудро рассудила тетушка Тонга. — И мальчика в придачу. Два маленьких — это один большой…

Взяли вместе с Гвоздиком коротышку Чинче.

А тетушка Тонга дала на прощание Гвоздику большой засахаренный банан. Погладила по голове: «Ах ты, мой паи-паи…»

Паи-паи — это были пушистые одуванчики, которые росли среди здешней тропической травы. Совсем такие же, как на окраинах Гульстауна, только очень большие…

Океан катил пологие нестрашные валы. Ров-

ный ветер надувал похожий на полумесяц парус. Лодка мчалась, чиркая по воде боковым поплавком. Эти поплавки из долбленых стволов были укреплены на длинном поперечном коромысле и не давали опрокинуться узкому корпусу упи-проа. Гвоздик устроился на носу. Он делал вид, что все еще дуется на дядюшку и шкипера Джорджа. А на самом деле ему было неловко за недавние слезы. Хотя и почти ненастоящие, но все равно…

Упи-проа не плыла, а буквально летела над волнами. Наперегонки с большими чайками и летучими рыбами. Иногда набегали шипучие гребни и перекатывались через Гвоздика. Он развеселился и хохотал. Несколько раз он видел, как мчатся за лодкой косые плавники акул, но ничуточки не боялся.

Скоро на безоблачном горизонте замаячило темное пятнышко. Потом оно превратилось в торчащий из моря зуб. Рядом с ним выросли другие зубья. И наконец после полудня лодка подошла к серой гряде скал, которые полукругом подымались из воды. Действительно, будто брошенная среди волн акулья челюсть — вроде тех, что сушатся под плетеными крышами нуканукских шалашей, только в миллион раз

больше. Ревущий белый прибой вставал у скал — не подойдешь. Но король Катикали повел свой корабль вокруг острова, и с другой стороны стал виден проход между скалами. Здесь, с подветренной стороны, прибоя не было, только толща воды тихо поднималась и опускалась, когда проходила мимо островка пологая зыбь.

Убрали парус, взяли узкие весла и, слушаясь команды Катикали, осторожно ввели лодку в бухту между острых камней…

5. ЧУЖИЕ СЛЕДЫ. — БУКВА «R». — ЗАКЛИНАНИЕ В КРУГЛОМ ГРОТЕ. —

ЕЩЕ ОДНА НАДПИСЬ. — АНКЕРОК.

Однажды Гвоздик был со школьной экскурсией в старинном замке рыцаря Саграмура, недалеко от Гульстауна. И сейчас ему показалось, что он опять попал во внутренний двор средневекового замка. Остроконечными башнями подымались вокруг темно-серые скалы. Разносилось между ними звонкое эхо — от ударов прибоя, который штурмовал этот замок снаружи, и от воды, которая потоками вливалась в щели между скал с одной стороны и уходила в горловину бухты с другой. Круглая бухточка была в поперечнике

примерно полтораста футов (это с полсотни метров). Солнце стояло почти в зените, скользящими лучами освещало скальные обрывы. А на них…

— Да что же это такое! — вскричал дядюшка Юферс.

В замке Саграмура туристам категорически запрещалось писать на стенах — под угрозой большого штрафа. Но здесь штрафовать нарушителей было некому. И, наверное, поэтому всюду красовались надписи: названия кораблей, имена и даты. Хотя Акулья Челюсть лежала и не на оживленном судовом пути, но за несколько веков здесь побывало немало народу. И каждый, видимо, считал долгом оставить о себе память. Надписи были выбиты железом, выведены суриком и белилами, а то и копотью от свечи или факела. Испанские, английские, голландские и вообще не поймешь какие. Были даже иероглифы.

— Здесь побывали тысячи людей! — простонал папаша Юферс. — Какой тут может быть клад?..

Шкипер Джордж сказал:

— Не будем отчаиваться с первой минуты, господа. Как говорил мой дедушка…

— Ах, оставьте в покое вашего дедушку, капитан! Если сокровище здесь и было, его давно

нашли и вывезли!

— Как знать, почтеннейший папаша Юферс. Дедушка говорил: «Не пошаривши в кармане, не клянись, что ты без гроша»… Ботончито был не дурак и, конечно, умел прятать то, что не хотел подарить другим…

— Но тогда мы все равно ничего не отыщем, — уныло возразил папаша Юферс, вертя головой. — Какое тут зеркало, какое «эр» в кружочке? Ничего не понимаю…

— А я понимаю! — Гвоздик подскочил так, что лодка закачалась с носа на корму. — Смотрите! Вон туда! «Миррор» — это ведь «зеркало»! И указатель!

На плоском скосе скалы, высоко над водой было выведено белилами:

1800
THE SHIP MIRROR

Мазали такой щедрой кистью, что все цифры и буквы как свеженькие. С последней ножки, когда писали, потекла краска да так и застыла — тонкой полоской с каплей на конце. Будто стрелка! Вниз!

— Ура! — вскричал папаша Юферс и чуть не опрокинул лодку, хотя она и была с поплавками.

— Что бы вы делали без меня? — горделиво сказал Гвоздик.

— Тише, тише, что вы… — зашептал Макарони. — Разве можно хвастаться и радоваться раньше срока! Сорвете дело…

И все притихли.

Лодку вытащили на плоский кусок суши у подножия одной из скал — подальше, чтобы не заливало. Потом по уступам и карнизам, а кое-где и по колено в воде пробрались в то место, на которое указывала от буквы R стрелка. Здесь, у самой воды, открылась за скальными обломками щель. Вход куда-то?

Дядюшка Юферс ринулся вперед, застрял, его с трудом вытащили обратно. Шкипер Джордж засветил фонарь, двинулся первым. Гвоздик — за ним. Потом остальные. Папаша Юферс, пыхтя и постанывая, протискивался сзади всех.

Пахнущий сыростью тесный коридор оказался коротким. Вскоре фонарь осветил стены круглого грота. Искатели сокровища заоглядывались. Они были теперь словно в большущем каменном бокале, перевернутом вверх дном. И… здесь тоже белели и темнели надписи, хотя и не так часто, как на скалах.

— Да-а… — печально сказал дядюшка Юферс. —

Может, и был здесь когда-то клад. Только достался не нам…

— Но ведь мы еще не искали, — возразил Чинче.

— А где тут искать… — вздохнул опечаленный шкипер Джордж. В самом деле, стены грота были ровные, словно отесанные. Без всяких намеков на ниши или щели.

— Сами виноваты, — сумрачно объявил Беппо Макарони. — Кто же так разыскивает клады? Влезли, как в портовый кабак. Тихонько надо, и обязательно следует прочитать заклинание.

— И сразу появится бочка с золотом, — хмыкнул шкипер Джордж. — Ох ты, Вермишели… то есть Макарони.

Но остальные отнеслись к словам Беппо серьезнее. Папаша Юферс нерешительно спросил:

— А какое заклинание… господин Мак-Каррон?

— Если бы я знал! В этом-то и есть главный секрет… Но иногда надо полагаться на быструю догадку… Гвоздик, тебе ничего не приходит в голову?

— Не-а… — потерянно отозвался Гвоздик. — А что… должно прийти?

— Да все равно! Хоть считалка для игры какая-нибудь…

— Я все позабыл, — пробормотал Гвоздик и отвернулся. Взгляд его упал на короля Катикали и его начальника гвардии. Кеа-Лумули был невозмутим, а король явно расстроен. Ведь ему была обещана пятая часть сокровищ: поиски-то велись на территории его королевства (хотя его величество не скрыл, что на Акульей Челюсти он всего второй раз в жизни, а о капитане Румбе никогда не слыхал). Добавление в казну было бы совсем не лишним! Ведь королевство-то, честно говоря, совсем не богатое… Как у короля из считалки! У которого вместо дворца — домишко!

Гвоздик быстро зашевелил губами:

Жил король в своем домишке;
Завелись в домишке мышки.
Королевский кот хохочет,
Он ловить мышей не хочет.
Говорит коту король:
«Ты не ту играешь роль.
Тунеядец, а не кот,
Вот!»

При этом «вот» полагалось ткнуть пальцем в того, кто попал под счет. Но сейчас, шевеля губами, Гвоздик ни на кого не смотрел. Взгляд

его прыгал по надписям на стенах. И при последнем слове — под мысленный восклицательный знак! — глаза уперлись вот во что:

1823 г.
ШЛЮПЪ ОТКРЫТІЕ

А чуть пониже:

ЗДЪСЬ БЫЛЬ ВАСЯ

Гвоздик не знал русских букв. Но буква Я — последняя в слове «Вася» — просто щелкнула его по глазам! Будто R, только перевернутая, как в зеркале… В зеркале?!

И написана в круглой вмятине, словно кто-то вдавил в камень донышко кастрюли!

Гвоздик подскочил так, что его мочальная юбочка взлетела до подмышек.

— Ваше величество, дайте, пожалуйста, топорик! Скорее!..

У короля торчал за плетеным поясом маленький стальной

топор с узорчатой рукояткой.

— Спасибо, ваше величество!.. Чинче, иди сюда! Присядь… Вот так! — Гвоздик взлетел на широкие плечи коротышки и застучал обухом по камен-

ной стене. Пониже буквы Я.

Тук! Тук! Тук! — отдавались в тишине глухие удары. А потом — бух! — отозвалась под камнем пустота. Гвоздик взвизгнул от радости и ахнул топориком изо всех сил. Обух пробил тонкую плитку, открылась черная дыра. Гвоздик сунул руку.

— Там что-то круглое… Бочонок!

Вмиг была разломана хитрая — под гранит — штукатурка! Папаша Юферс и шкипер Джордж приняли бочонок на руки. Он был небольшой — шлюпочный анкерок.

— Пуда два, — заметил папаша Юферс. — Гм… Если бы он был полон золота, то весил бы потяжелее…

— Почему полон? — нервно сказал шкипер Джордж. — А не хотите, если половина? Все равно это миллионы…

Макарони только шептал какие-то заклинания. Потом он сказал, что не надо бы открывать бочонок здесь. Лучше отнести его к лодке, пообедать, а потом уж…

На Макарони замахали руками. Тут же топориком выбили у анкерка днище. В бочонке оказалось что-то завернутое в промасленную парусину. Ее торопливо размотали. Под парусиной

открылась тонкая кожа, ею было обмотано что-то, похожее на тяжелую подушку. Размотали и кожу. Увидели, что «подушка» обернута плотной бумагой и обвязана пеньковым тросом.

Размотали трос, торопливо разорвали бумагу. А под ней…

Под бумагой оказался большой пузатый портфель из коричневой потрескавшейся кожи. С двумя медными замками. С такими портфелями ходят на службу банковские чиновники и адвокаты.

Портфель был наполнен чем-то тяжелым. Дядюшка Юферс и шкипер Джордж щелкнули замками, откинули кожаные клапаны. Переглянулись, оглядели всех. И, ощущая торжественность момента, приподняли и опрокинули портфель над каменным полом. Тусклый блеск хлынул под ноги искателям сокровищ.

Но это было не золото. Это были медные пуговицы.

Часть IV
КЛАД БОТОНЧИТО

1. УНЫНИЕ. — МАКАРОНИ ПОДОЗРЕВАЕТ КОЛДОВСТВО. — «ВСЕ НЕ ТАК ПРОСТО». — КЛЕЕНЧАТАЯ ТЕТРАДЬ.

Не передать словами общего удивления и огорчения. Папаша Юферс как-то даже похудел и сморщился.

— Ох, елки-палки, — вздыхал шкипер Джордж. — Как говорил мой дедушка… Впрочем, дедушка Анастас ничего не говорил по этому поводу. За всю богатую приключениями жизнь ему не преподносили столь увесистую дулю с маком.

— Как ребята расстроятся, когда узнают про такую шутку, — бормотал коротышка Чинче.

— Да… Недаром ходили слухи, что Ботончито был большой шутник, — горько сказал папаша Юферс. — Вот, видать, и решил посмеяться над любителями чужих сокровищ. Пускай, мол, ищут, а когда найдут… Небось хихикает сейчас в гробу…

— Тише, тише, — перепугался Макарони. — Воз-

можно, его дух сейчас здесь, и…

— Ну и хорошо, что здесь! — подскочил Чинче. — Пусть слышит! Скотина ты, капитан Румб! И жулик! Правильно Красный Жук дал тебе пинка, когда ты украл его пуговицы!

Макарони чуть в обморок не грохнулся. Зажал уши. Черные громадные тени в свете фонаря шевелились на стенах.

— Те пуговицы нам очень пригодились бы, — уныло сказал шкипер Джордж. — Но Ботончито оставил их, конечно, себе, а в портфель положил одни медяшки. И правда парень с юмором…

— Т-с-с… — опять испугался Макарони. — Нельзя так… Может быть, господин капитан Румб нарочно превратил монеты в медные пуговицы. Потому что мы говорили о нем без уважения.

— Тьфу на тебя! — в сердцах сказал Чинче.

Лишь король Катикали и его телохранитель вежливо молчали. Правда, Кео-Лумули тихонько прошептал своему повелителю:

— Оваи-ваи, сколько украшений…

Но король ответил строгим шепотом:

— Помолчи. Нехорошо радоваться, когда люди расстроены.

Гвоздик сидел на корточках и молча перебирал пуговицы. Макарони сказал ему с укоризной:

— Ты, наверное, выбрал не то заклинание…

Гвоздик ответил серьезно и насупленно:

— Пфуги ты говоришь, Макарони. Эти пуговицы никогда не были монетами. И шутки тут нет. Здесь тайна какая-то…

Пуговиц было несколько тысяч, и почти все разные. Но, безусловно, все — морские! Видимо, с матросских, офицерских и адмиральских мундиров, со странных форменных камзолов и сюртуков.

Больше всего было пуговиц с отчеканенными якорями — одиночными и скрещенными, самых разных форм и размеров, простых и оплетенных узором из витых канатиков. Были пуговицы и с разными гербами, корабельными пушками, со вздыбленными львами, с буквами и цифрами — наверное, обозначениями флотских экипажей. С парусными кораблями всяких видов, с непонятными узорами и значками. Были и совсем гладкие, но, несомненно, тоже с морской одежды…

— Все не так просто. Надо разобраться, — сказал Гвоздик. И стал горстями складывать пуговицы в растопыренный портфель… И костяшками пальцев зацепил надорванную шелковую подкладку.

За подкладкой что-то было! Плоское и твердое!

Гвоздик рванул шелковый лоскут и вытащил толстую тетрадь в клеенчатых корочках.

— О-о! — сказали все разом. Гвоздик отогнул обложку.

На первой странице бледными коричневыми чернилами

было выведено округло, по-старинному:

Жизнеописание
славного капитана
Чарльза Роберта Румба,
составленное по его собственным
рассказам
Джоном Бугелем,
судовым казначеем и писарем
с бригантины «Ла Картера».

— О-о! — опять сказал дядюшка Юферс. — Это уже кое-что… Это может оказаться очень полезным для моей книги…

— И объяснит, почему такой клад! — воскликнул Гвоздик. — Читай, дядя Ю!

Но тут решительно вмешался Макарони. Заявил, что хватит дразнить судьбу. Найденные в кладах записи не читают, как дешевые газетки, купленные у горластых мальчишек-раз-носчиков. Надо вернуться на стоянку, спокойно

подкрепиться, прочитать молитву против злых сил и тогда уж…

На этот раз никто не спорил. Портфель с пуговицами (а заодно и пустой бочонок) унесли к лодке. Расстелили на гравии одеяла. Из привезенных с собой сучьев и щепок разложили костер, потому что солнце уже ушло за верхушки скал. Пообедали вяленым мясом, лепешками и кокосовым молоком. Затем устроились поудобнее, и папаша Юферс взял тетрадь. Откашлялся…

2. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ РОБЕРТА РУМБА. — ЗЛОПОЛУЧНАЯ ПУГОВИЦА. — ПЛАВАНИЕ НА «БРЕТОНЦЕ». —

ШТОРМ. — ЮНГА ПУГОВКА СТАНОВИТСЯ КАПИТАНОМ.

— «Наш славный капитан Чарльз Роберт Румб родился далеко от моря, в местечке Гринхаус, в семье владельца небольшой бакалейной лавки…[6] — начал папаша Юферс. — Господу было угодно рано призвать к себе родителей мальчика,

[6] Примечания: 6

Следует отметить, что жизнеописание капитана излагается здесь не точно, как в тетрадке, а по тексту, который потом отредактировал папаша Юферс. Кроме того, убраны старинные обороты и сделаны некоторые сокращения.

и с четырех лет осиротевший Боб оказался на воспитании у своего дядюшки.

Дядюшка был портным. Он славился добродушием нрава и поколачивал племянника не чаще двух раз в неделю, да и то если был не совсем трезв. Мальчик рос послушным и тихим. Огорчало дядюшку и его почтенную супругу лишь то, что племянник плохо осваивает ремесло закройщика. И однажды, сломав аршин о шею Боба, дядюшка заявил, что ничего путного из мальчишки никогда не получится. Однако он оказался не прав.

Когда мальчику шел четырнадцатый год, он окончил городскую школу. Учился Боб хорошо, познал начальные действия математики и научился писать красивым почерком. Последнее обстоятельство, в совокупности с аршином дядюшки Филиппа, послужило тому, что Боб оставил добрых родственников и поступил младшим писцом в адвокатскую контору господина Адамса…

Два года прошли спокойно и незаметно. Усердием своим юный Роберт Румб заслужил любовь служащих и уважение самого Абрахама Адамса. Хозяин даже слегка повысил ему жалованье, а в названии должности убрал слово «младший». Дя-

дюшка Филипп теперь почтительно здоровался с племянником, так заметно пошедшим в гору…

Таким образом, уважаемые читатели этой истории могут убедиться, что многочисленные легенды, повествующие, будто капитан Румб был потомственным моряком, сыном знаменитого корсара, не имеют ничего общего с истиной. Возможно, эти легенды рождены морским звучанием фамилии нашего капитана, ибо известно, что «румб» — это деление на шкале корабельного компаса…

Казалось, небом было предназначено, чтобы Роберт Румб всю жизнь благополучно прослужил в почтенной адвокатской конторе и, возможно, получил бы даже должность старшего стряпчего. Но судьба судила иначе…

Однажды на тихой улице Гринхауса Роберт увидел заезжего моряка. Тот был в треуголке, с длинным палашом на поясе, в ботфортах и с множеством блестящих пуговиц на суконном сюртуке. Гордый и независимый вид этого человека поразил юношу. На мирного клерка повеяло ветром открытого океана и морских сражений. И горячее желание видеть мир проснулось в неокрепшей душе. Роберт завороженно следил, как моряк спешит к наемному экипажу. В этот

миг с фалды форменного сюртука незнакомца отлетела и упала в пыль светлая пуговица.

Роберт подхватил ее.

— Сударь, вы потеряли пуговицу! — крикнул он, однако моряк лишь отмахнулся и вскочил в коляску.

И юный Роберт Румб остался со своей находкой.

Это была выпуклая пуговица из желтого металла, размером с пенсовую монету. На ней очень тонко отчеканен был галеон с раздутыми парусами. Роберт залюбовался чудесной медной картинкой. И грустно подумал:

«Неужели мне суждено всю жизнь провести в нашем славном, но таком маленьком и скучном Гринхаусе и никогда не увидеть моря, кораблей и дальних стран?»

После этого случая такие мысли уже не покидали его. Роберт перечитал все книги о путешествиях, которые нашлись в городской библиотеке и у знакомого священника… А еще через год Роберт с рекомендательным письмом господина Адамса отправился в большой портовый город Гульстаун и поступил там в большую контору «Гольденбах энд компани»…»

— Значит, он жил в нашем городе! — подско-

чил Гвоздик.

— Я же тебе это и раньше говорил, — сказал дядюшка Юферс, хотя никогда не говорил этого. И стал читать дальше: — «Здесь Роберт Румб после службы мог ходить в большую библиотеку и сколько угодно читать о дальних плаваниях. Кроме того, он стал часто бывать в порту. Смотрел на моряков, на корабли и порой нерешительно спрашивал капитанов, не нужен ли им в экипаже юнга. Но Роберту неизменно отвечали «нет».

Дело в том, что Роберт Румб имел весьма небольшой рост и, кроме того, с детства страдал некоторой хромотой. К тому же характер у него в ту пору оставался робкий и стеснительный. Кому на корабле был нужен низкорослый застенчивый мальчик с ковыляющей походкой?! Огорченный Роберт возвращался в свою узкую комнатку на шестом этаже и садился опять за книгу о кругосветном плавании или разглядывал свою коллекцию.

Здесь пора известить вас, уважаемые читатели, что оставшаяся у Роберта Румба морская пуговица толкнула его к невинному, но сильному увлечению. Он стал, где только можно, искать пуговицы от морских форменных одежд и собирать их так же, как иные увлеченные люди собирают

старые монеты, заморских бабочек или другие редкости…»

— А, вот оно что! — громко сказал Чинче. На него недовольно посмотрели и стали слушать дальше.

— «Именно это увлечение, ставшее в скором времени страстью, как раз и привело будущего капитана впервые на палубу корабля. Но привело, увы, вопреки его хотению.

Вот как это случилось.

Однажды в октябре, пасмурным вечером, Роберт возвращался из конторы. В пустынном переулке ему встретились два моряка. Один был ничем не примечателен — с виду обычный боцман с торгового судна. Второй удивлял своим высоким ростом и худобой. На нем была кожаная шляпа с пряжкой и суконный редингот со светлыми пуговицами. В лучах уличного фонаря Роберт наметанным глазом в один миг разглядел эти пуговицы.

Они были восхитительны!

На каждой были оттиснуты два стоящих на задних лапах льва. Львы опирались на шток адмиралтейского якоря.

Когда дело касалось пуговиц для коллекции, Роберт становился смелее. Он пошел за незнаком-

цами. Те стали ускорять шаги, но Роберт нагнал их и учтиво обратился к высокому:

— Прошу прощения, сударь. Возможно, моя просьба покажется вам странной и даже невежливой, но, выслушав меня, вы, может быть, поймете единственную страсть бедного клерка и со снисхождением отнесетесь к моему чудачеству…

Далее, поспешно хромая рядом с длинным моряком, Роберт поведал о, своем увлечении и с новыми извинениями просил проявить добросердечие и продать ему пуговицу, обещая за нее все свое недельное жалованье.

Моряки остановились.

— А какую именно пуговицу, сударь, вам хотелось бы получить? — спросил высокий не совсем приветливым голосом.

— Мне все равно, господин капитан… Хотя бы вот эту, с обшлага. Ее отсутствие будет совсем незаметно, и… Ай!

Это восклицание имело ту причину, что с двух сторон под ребра Бобу уперлись пистолеты.

— Тихо… — приглушенным басом велел моряк, похожий на боцмана. — Если птичка чирикнет, мы спустим оба курка… Иди с нами и не вздумай сопротивляться.

О каком сопротивлении могла идти речь! На улицах пусто, да к тому же бедный юноша совсем ослабел от страха. Впрочем, он боялся не столько за себя, сколько за свою коллекцию, с которой никогда не расставался. Пуговицы лежали в одном из отделений его большого конторского портфеля.

Безлюдными улочками пленника привели в глухой уголок гавани и велели взойти на бриг с названием «Бретонец». Тут же бриг начал вытягиваться на верпе из бухты, а миновав маяк, поставил паруса…

Роберта Румба между тем привели в каюту, и моряки во главе с высоким незнакомцем (он оказался в самом деле капитаном) приступили к пленнику с грозными вопросами: кто подослал его следить за экипажем «Бретонца»? Оказалось, в пустотелой пуговице на капитанском обшлаге была спрятана тонкая бумажка со списком контрабандных товаров и названо место, где эти товары следует погрузить на бриг. Капитан месье де Кря по прозвищу Длинный Мушкет лишь час назад получил пуговицу от верного человека, сам пришил ее к рукаву, и вдруг встречается хромой коротышка с такой подозрительной просьбой!

Роберту объяснили, что, если он будет запи-

раться и не расскажет чистосердечно о своих шпионских планах, ему вставят между пальцами тлеющие пеньковые фитили или поджарят пятки. А если и после этого он проявит упрямство, его утопят с чугунной балластиной на шее в ночном неприветливом море.

Роберт плакал и клялся, что не имел злого умысла. Он так горячо говорил про свою любовь к морякам и так жалобно просил о снисхождении, что наиболее мягкосердечные начали ему верить. А когда он в доказательство своего увлечения морскими пуговицами высыпал на стол коллекцию, поверили и остальные. Не совсем поверили, но больше, чем наполовину: Однако осторожности ради решили на берег Боба не отпускать. Пусть плавает юнгой на «Бретонце», тогда уж ни с кем посторонним не встретится и ничего не разболтает…

Увы, морская жизнь оказалась вовсе не похожей на мечту! Боб по сути дела оставался пленником. В портах его не пускали на берег, запирали в кубрике. Он делал всякую черную работу и постоянно получал от команды пинки и зуботычины. Правда, он научился вязать морские узлы, заплетать такелажные концы, работать с парусами и даже стоять у штурвала. Но эта

корабельная наука не приносила ему радости, ибо она была омрачена неволей и отсутствием друзей. К тому же вместо тропических островов и заморских стран Роберт видел лишь пасмурные побережья северных морей и заливов. Именно в этих водах плавал «Бретонец», промышляя торговыми делами — не столько честными, сколько в обход таможенных правил…

Одно утешение оставалось у юнги Боба — его коллекция. Ее, к счастью, не отобрали. Кому нужны медные пуговицы и без того несчастного хромоножки! Не золото ведь. И бывало, что вместе с пинками и насмешками Роберт получал от матросов и капитана новые пуговицы — в награду за работу. Длинный Мушкет иногда позволял себе быть добрым и в конце концов подарил Бобу одну из пуговиц со своего редингота.

Самую первую пуговицу — ту, которую он подобрал на улице в Гринхаусе, — Роберт считал талисманом и носил на шее, на черном шелковом шнурке. Над этим чудачеством тоже смеялись, и постепенно за коротышкой-юнгой прочно закрепилось прозвище Ботончито — Пуговка. Так впервые назвал его кок-испанец, так его потом звали всю жизнь…

Подневольное неприкаянное существование

продолжалось около года. И надо сказать, что, несмотря на все тяготы, юнга Боб постепенно осмелел, окреп душою и телом и порой даже храбро огрызался на обидчиков. Среди матросов теперь было несколько таких, которые сделались не то что его приятелями, но, по крайней мере, относились к Бобу по-человечески. Да и сам Длинный Мушкет любил иногда позвать Ботончито в свою каюту и потолковать с ним о разных книгах. Однажды капитан даже обмолвился, что надо бы со временем перевести Боба из юнг в матросы и назначить ему постоянное жалованье…

Но, к сожалению, достойный капитан «Бретонца» был подвержен распространенной среди морских волков слабости: он употреблял слишком большие порции рома и потому однажды скончался в своей каюте от сердечного приступа.

Капитана по обычаю похоронили в море, зашив его в парусину и привязав к ногам чугунную чушку от балласта. После того огорченная утратой команда с капитанским помощником Беном Вудро по прозвищу Большая Чума устроила поминальный ужин, где к бочонку с ромом приложились все, не исключая вахтенных. В это время, на беду, ветер стал крепко свежеть и к утру достиг силы шторма.

Дело было у норвежских берегов — скалистых и опасных, если к ним подходить ближе, чем позволяет приличие. Зимнее небо заволокло облаками, пьяные матросы еле держали штурвал (а точнее — держались за него, чтобы не упасть). Верхние паруса не успели убрать, их сорвало. Горластый и толсторожий Большая Чума слегка протрезвел от страха.

Шторм ревел, и, где находится бриг «Бретонец», никто не мог сообразить. Определиться по солнцу с помощью секстана не было, конечно, никакой возможности, потому что не было солнца. Да и не осталось после кончины капитана де Кря на «Бретонце» человека, который умел бы всерьез обращаться с мореходными инструментами. Оставалась еще возможность найти на карте место судна по счислению. Но никто с перепою не помнил, когда начался ветер и сколько раз менял направление. К тому же у Большой Чумы были крепкие кулаки, но не было никаких способностей к математике. А острые скалы в окружении шипящей пены могли показаться в любой момент с любой стороны. Требовалось немедленно проложить правильный курс, чтобы убраться из опасного места. И здесь у Бена Вудро сработали остатки сообразительности. Он велел притащить

из кубрика в капитанскую каюту «этого хромого цыпленка Ботончито».

— Ты ведь умный парень, раздери тебя ведьмы! Вот тебе карта, если не хочешь кормить вместе с нами селедок!

Роберт, конечно, не имел штурманского опыта, но математику знал и в меркаторских картах научился разбираться, читая морские книги. К тому же он в отличие от других был трезв и сумел приблизительно сосчитать, куда отнесло «Бретонца» от места погребения капитана. Сумел и прочертить курс, которым следовало плыть, чтобы не оказаться на скалах Норд-Цанге. И затем — от страха отправиться к селедкам и от злорадства, что его обидчики сейчас смотрят на него как на последнюю надежду, — Роберт Румб гаркнул:

— Убрать все тряпки с реев! Ставь фока-стаксель и штормовой грота-трисель! Шевелись, гнилые медузы!.. Эй, на руле! Левый галс и держать круто до отказа, если не хотите, чтобы вас размазало по камням, как рыбью требуху!

Экипажу «Бретонца» не хотелось быть размазанным по камням и в силу этой причины было не до обид. Все кинулись по местам, «Бретонец» стал приводиться к ветру и, ныряя среди гребней, пошел круто в бейдевинд. Смертельные скалы

Норд-Цанге в брызгах и реве воды возникли в кабельтове с подветра и благополучно остались за кормой…

Когда опасность миновала, а ветер стал спокойнее, Большая Чума подошел к Роберту и, пряча неловкость за насмешливым хмыканьем, похлопал юнгу по плечу.

— А наш хромой петушок показал, что котелок у него иногда варит, хе-хе… Придется выдать мальчику в награду дюжину пуговиц, а, ребята?

Но «ребята» смотрели на Чуму сумрачно и шутку не поддержали. Роберт понял, что настал момент, когда решается судьба. Он выдернул из-за кушака Большой Чумы два пистолета. Выстрелом из одного он сбил с капитанского помощника шляпу, а другой упер ему в толстый живот.

— Отныне меня зовут капитан Чарльз Румб! Ясно тебе, Бен Вудро?.. Или капитан Ботончито, если угодно! Но именно капитан!.. Может быть, кто-то не согласен? Вы, тухлые тресковые головы, не умеющие раздвинуть параллельную линейку и два разделить на два!.. Тогда идите пьянствовать дальше! Впереди еще гряда Китовый Позвоночник, и у вас будет возможность присоединиться к капитану де Кря!.. Тихо, месье Большая Чума, руки по швам! Итак, повтори: как меня зовут?

— Э-э… вас зовут… господин капитан Чарльз Роберт Румб Ботончито, сэр, — произнес Бен Вудро, глядя на граненый ствол, упершийся ему в поддых. — Что прикажете, капитан?

— Все по местам! Фор-марсель ставить! На руле, два румба под ветер!..

…Морские волки любят решительность и умение. Вечером, собравшись на юте, экипаж решил, что лучше Роберта Румба им и вправду не найти капитана. Были, конечно, и недовольные, но их новый капитан высадил в первом же порту…»

3.
«ЛАКАРТЕРА». — ДАЛЬНЕЙШИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА РУМБА. — СЛУХИ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ. — ШЛЮП «ЧЕРНАЯ ДЕВОЧКА». — КЛЕВЕТА.

Было уже совсем темно. Костер почти погас, потому что запаса дров с собой взяли немного. Но ярко горел крупный корабельный фонарь, вокруг него, кутаясь в одеяла, сидели все, кто слушал историю капитана Ботончито. Светил между скал ущербный месяц, вздыхала вода — набегала на камни и гравий отмелей и отступала опять… А дядюшка Юферс все читая:

— «В одном из шведских доков «Бретонца» хорошенько починили. Грот-мачту с реями заменили другой — с гафелем и гиком. Теперь вместо прямых парусов там ставили гафельный грот и топсель, таким образом бриг превратился в бригантину. Капитан Румб поменял и название судна. Бригантина получила название «La Cartera», или попросту «Лакартера». Возможно, это в честь любимого портфеля капитана Румба. Известно, что по-испански «ла картера» означает именно «портфель». В экипаже бригантины было много испанцев, и капитан Румб научился хорошо говорить на этом звучном и красивом языке…

Сменив парусное вооружение, капитан Румб установил на судне шестнадцать карронад среднего калибра. Пушки «Лакартере» были необходимы, потому что Ботончито с экипажем добровольцев отправлялся в дальние и опасные плавания…»

Далее дядюшка Юферс читал о кругосветном плавании капитана Румба, о его приключениях у африканских берегов, об участии «Лакартеры» в морских боях с южанами во время войны Северных и Южных Американских Штатов. О торговле с туземцами и стычках с соперниками на океан-

ских дорогах. Капитан Ботончито сделался одним из тех морских бродяг, которые смысл жизни видят в плаваниях, необыкновенных событиях, открытиях и преодолении опасностей. Корабли таких капитанов были в прошлые времена как бы крошечными независимыми плавающими государствами. Эти моряки не имели подданства, а в отношении ко всем правительствам всегда находились в состоянии полувойны-полумира. Таможенные службы всех портов света обвиняли (и не без причин) эти экипажи в контрабандной торговле, но моряки считали, что каждый имеет право на вольную дорогу в океане, а платить налоги с товаров, за которые уже уплачена честная цена, — это значит кормить и без того сытых чиновников… Надо сказать и то, что капитанами таких вот вольных парусников было сделано немало географических открытий — не столь громких, как у Кука и Лаперуза, но тоже полезных для мореплавания.

— «Недруги распускали про славного Ботончито грязные слухи, — читал дядюшка Юферс. — Говорили даже, что он занимался пиратством. Это черная клевета, за которую Господь покарает на этом или на том свете всех, кто в ней виновен… Да, капитан Румб захватывал чужие

купеческие корабли и не раз одерживал славные победы, пользуясь своим умением и храбростью, быстрым ходом «Лакартеры» и меткостью своих канониров. Но это была честная война, «Лакартера» имела каперское свидетельство, всегда выступая на стороне тех, кто сражался во имя справедливости… А когда каперство было запрещено международным соглашением, капитан Румб нападал только на тех, кто забыл Божьи заповеди и человеческую добродетель.

Враги обвиняли капитана Румба в жестокости. Но, клянусь Небом, он лишь однажды предал смерти двух человек не в бою, а после захвата в плен. Это были гнусный Жоао Кавергаш — капитан «Черной девочки» — и его помощник Томми Кочерга. Работорговля была тогда уже запрещена во всем мире, но «Черная девочка» тайно возила из Африки захваченных негров для плантаторов Бразилии. Ботончито с налета взял этот шлюп на абордаж, и когда на захваченном судне были открыты трюмы, моряки содрогнулись. Из трехсот несчастных пленников почти четверть была мертва — больше всего дети. Одни задохнулись ужасным трюмным воздухом, другие погибли от нехватки воды и пищи.

Ботончито приказал умерших похоронить в

море, а Кавергаша и Кочергу вздернуть на ноках грота-рея. Поступать так с работорговцами международные законы предписывали всем военным судам. А то, что «Лакартера» не считалась официально военным кораблем и не принадлежала ни одной стране, разве меняло дело? Жоао Кавергаш и Томми Кочерга от этого не были добрее, а несчастные негры счастливее…

Экипаж «Черной девочки» Ботончито высадил в шлюпки и, дав им запас воды и провизии, посоветовал молить милости и прощения у Господа, который, может быть, не оставит их в открытом океане. Половину своих матросов капитан Румб перевел на «Черную девочку», после чего шлюп и бригантина двинулись к Берегу Слоновой Кости, где и передали освобожденных африканских жителей под покровительство колониальных властей.

Власти приняли несчастных, обещая способствовать их возвращению в родное племя. Но затем стали придирчиво интересоваться документами и родом деятельности «Лакартеры». Пришлось уносить ноги, оставив «Черную девочку» портовой страже, хотя шлюп был, по совести, законным призом капитана Румба…

Что касается экипажа «Черной девочки», то

Господь и в самом деле оказался милостив к этим негодяям. Их подобрал французский фрегат, и потерявшие остатки совести разбойники, умножая свои прегрешения, заявили, что они моряки с честного торгового судна, которое ограбил вероломный пират Ботончито… С той поры военные корабли разных стран неустанно охотились за «Лакартерой», но море и ветер всегда спасали славного капитана Румба и его быструю бригантину…»

4. БОГАТСТВО БОТОНЧИТО. — ПРОКЛЯТИЕ КАПЕР-АДМИРАЛА РОЙВЕРА. — ГДЕ СПРЯТАТЬ КЛАД? —

ПОСЛЕДНИЕ СВЕДЕНИЯ О ПЛАНАХ КАПИТАНА РУМБА.

— «Следует сказать, что капитан Румб никогда не стремился к наживе. Его домом всегда был корабль, его радостями — морская жизнь и приключения, а его богатством — коллекция медных пуговиц, которая за годы плаваний многократно выросла и заполнила весь заслуженный капитанский портфель.

Многие из экипажа «Лакартеры», заработав опасным промыслом свою долю богатства, поки-

дали бригантину, чтобы посвятить дальнейшую жизнь мирному существованию на суше. На их место приходили другие, помоложе. Но были и такие, кто навсегда связал свою судьбу с Ботончито. Среди них Бен Вудро по прозвищу Большая Чума, который под влиянием капитана поумнел и стал добрее душой.

…Когда экипаж делил прибыль от торговых сделок или добычу после веселой схватки с противником, капитан предавался своему невинному, похожему на детскую игру увлечению. Он раскладывал на столе в каюте, перебирал и разглядывал свое медное богатство. Каждую пуговицу он помечал номером, зарисовывал ее в тетрадь и кратко писал, откуда она здесь и кому раньше принадлежала. За любой пуговицей чудилась ему занимательная история, многие радовали красотой чеканного узора… Теперь в коллекции было много пуговиц с камзолов, сюртуков и мундиров известных капитанов и адмиралов. И всякая новая находка приводила нашего капитана в бескорыстное ликование.

Именно это стремление обладать пуговицами всех морских знаменитостей толкнуло капитана Румба на отчаянный шаг, который потом осуждали многие.

Я всего-навсего судовой казначей и писарь, я не судья нашему капитану и потому расскажу честно и без вымысла историю с пуговицей Джугги Ройбера по прозвищу Красный Жук, а Бог решит, сильно ли согрешил капитан Румб, беспокоя прах старого капер-адмирала. И надеюсь, простит ему этот грех.

Прежде всего должен сообщить всем, кто любит истину, что рассказы о бриллиантовых пуговицах Джугги Ройбера — пустая выдумка. Я сам был в пещере и держал фонарь, когда поднимали крышку над гробом Красного Жука (упокой, Господи, его душу и прости все неправедные дела). Пуговицы были самые простые, медные и даже без всякого рисунка, плоские. Капитан Ботончито осторожно срезал одну из них и сказал со всяческим почтением:

— Прости, Красный Жук, что я тебя потревожил, но для меня большая честь иметь одну из твоих пуговиц. А чтобы ты не обижался, я оставлю тебе другую, из чистого золота. — И стал прикалывать булавкой золотую пуговицу к камзолу мертвеца.

И тут случилось то, что стало причиною многих недоразумений и легенд.

Нам всем было в тот момент не по себе, фонарь дрожал и качался в моей руке, тени метались,

и череп Красного Жука порой казался ожившей маской. И вдруг раздался звук громкого чихания и слова: «Ох, будь ты проклят!..» В тот же миг на головы нам свалился наш судовой кок Бубби Хвост.

Этот жуликоватый и хитрый парень, зная о планах капитана, решил выследить нас. Он думал, что речь идет о сокровище, и хотел, видимо, поживиться (хотя потом утверждал, что им двигало только жгучее любопытство). У него хватило смелости раньше нас пробраться в пещеру и затаиться в маленькой незаметной нише над гротом, где был замурован в своей колоде Красный Жук. Пока подымали крышку и капитан отрезал пуговицу, Бубби пытался разглядеть, что же там происходит. Сверху было плохо видно, и он свесился из ниши, забыв об осторожности.

Дальше — непонятное.

Капитан Румб утверждает, что именно Бубби чихнул и вскрикнул, а потом уж свалился на нас (ударив меня по спине каблуком сапога). Я не могу не верить капитану, однако и мне, и всем, кто был там (а это еще два матроса), показалось, что чихнул и произнес проклятие сам капер-адмирал Ройбер. В том клялся и окаянный наш кок.

Великодушный капитан простил не в меру

любопытного Бубби, предупредив только, чтобы тот не болтал лишнего. Но Бубби — то ли от чрезмерного желания поразить приятелей, то ли от пережитого страха — шепнул в кубрике, что Красный Жук проклял капитана Ботончито и похищенную им пуговицу. И что теперь экипажу «Лакартеры» ни в чем не будет удачи, пока пуговица с камзола Джугги Ройбера находится на бригантине.

Конечно, это глупые выдумки! Кто бы там ни произнес «Ох, будь ты проклят», слова эти выражали только досаду неуместного чихания и никак не означали проклятия в адрес капитана Ботончито. Однако суеверия часто поселяют в душах необразованных людей беспочвенные страхи. Некоторые матросы начали с той поры нехорошо коситься на портфель капитана, а двое даже попросили списать их на берег…»

— Макарони, там тебя не было? — не выдержал шкипер Джордж. Но остальные не стали смеяться, потому что не терпелось узнать, что случилось дальше.

— «…Нет, удача не оставила капитана и команду «Лакартеры», но и успехов особых в делах не было. В это же время капитан Румб начал подумывать о том, где бы ему спрятать свое сокровище

до той поры, пока он не состарится и не сделается смотрителем какого-нибудь маяка. Тем более что ожидалось одно опасное дело. Нет, капитан вовсе не боялся, что пуговица Красного Жука принесет неудачу. Но ведь неудача могла случиться и просто так, по причинам превратностей морской судьбы. И тогда вместе с бригантиной погибла бы и коллекция. Этого капитан страшился больше всего. Потому он и решил схоронить свое сокровище на островке Акулья Челюсть, который уже посетил однажды и на котором знал укромный уголок. Он понимал, что зарывать клад на острове, часто посещаемом судами, может показаться неразумным. Однако не лишена остроумия мысль, что вещь, спрятанная на оживленном перекрестке, порой оказывается укрыта лучше, чем в сугубо тайном месте.

Да и нет у нас времени заниматься поисками специального, никому не известного острова для сокрытия капитанского клада. Сейчас, когда я дописываю это повествование, «Лакартера» стоит на якоре у скал Акульей Челюсти и экипаж готовит ее к плаванию в Атлантику, к берегам Западной Африки. Капитан получил известие, что в середине марта оттуда отправляется трехмачтовая шхуна «Пантера» с невольниками в

трюме. Наш славный Ботончито поклялся на своей любимой пуговице изловить эту шхуну и вздернуть ее капитана, пудреного красавчика Билли Цирюльника, на грота-гафеле.

Если Бог даст нам удачу в абордажной схватке, экипажу «Лакартеры» придется перейти на шхуну, оставив нашу милую славную «Лакартеру» на волю волн, потому что за долгие годы бригантина обветшала и уже не может служить как прежде. Ни продавать на дрова, ни топить в океане «Лакартеру» капитан не хочет. Он говорит, что, если кто-нибудь потом наткнется в открытом море на опустевшую бригантину, это породит новые загадки и легенды. А создавать легенды, по словам капитана, столь же приятное занятие, как собирать медные пуговицы…»

5. ДОГАДКИ О ДАЛЬНЕЙШЕЙ СУДЬБЕ — БОТОНЧИТО. — РИСУНКИ В ТЕТРАДИ. — КОГДА МЕДЬ ДОРОЖЕ ЗОЛОТА. — БЛЕСТЯЩИЕ ПЛАНЫ. — ОПАСЕНИЯ МАКАРОНИ. — СТРАШНОЕ ЗРЕЛИЩЕ…

Папаша Юферс кончил читать, и все заговорили:

— Так вот оно что…

— Ясно теперь, что за пуговицы…

— Занятно, конечно…

— Понятно, почему «Лакартеру» нашли посреди океана пустую! — звонко сказал Гвоздик. — Весь экипаж с капитаном перебрался на «Пантеру», когда ее захватили. Команду с «Пантеры» наверняка высадили в шлюпки, а негров отвезли домой…

— Другое непонятно, — заметил шкипер Джордж. — Почему Ботончито оставил кресло на бригантине, если там на коже были координаты…

— Да… — папаша Юферс заскреб в затылке. — А может, его просто забыли впопыхах, или в каюте было два одинаковых кресла и по ошибке схватили не то…

— А может быть… это нарочно! — подскочил от своей догадки Гвоздик. — Ботончито хотел подсунуть людям еще одну тайну! Сам-то он и без этой кожи помнил место, где спрятан клад.

— Да зачем же он стал бы рисковать! — не поверил шкипер Джордж. — Давать шанс другим! Ведь он сам наверняка рассчитывал вернуться за кладом!

— Он рассчитывал вернуться скоро, — вздохнул папаша Юферс. — Раньше, чем кто-нибудь найдет кресло. И оторвет обивку. Да вот не получилось

у него… Кстати, я никогда не слышал от моряков про шхуну «Пантера»…

— Может быть, она потонула во время шторма, а капитан спасся и потом жил на маяке, — вздохнул Гвоздик. — И всю жизнь, до последнего дня, тосковал о своем сокровище. Ведь судна-то у него уже не было… Дядя Ю, а дальше ничего не написано? Тетрадка вон какая толстая!

Но оказалось, что в одной корочке сшиты две тетради. В одной, потоньше, было жизнеописание капитана Румба, а в толстой — сделанные пером рисунки пуговиц с номерами и пояснениями, кому эти пуговицы раньше принадлежали… Все стали разглядывать рисунки, и дядюшка Юферс опять вздохнул:

— Да, у каждой пуговицы своя история. Да что нам с того? Мы — то этих историй все равно не знаем.

— Но мы знаем историю коллекции! — воскликнул Гвоздик. — И знаем историю самого капитана Румба! Это как раз то, что надо для твоей книги, дядя Ю! Целый роман получится! Пусть кто-нибудь тогда откажется напечатать!

— Гм… пожалуй, — приободрился папаша Юферс.

А король Катикали вдруг сказал удивленно:

— Сви-ваи, не понимаю! Разве славный капитан Румб не мог попросить друзей, чтобы съездили за его кожаной торбой с желтыми украшениями? Тогда он мог бы до конца дней играть этими круглыми штучками и радовать свою старость…

— А кто поплыл бы? — хмуро возразил шкипер Джордж. — Кабы это были золотые пуговицы и капитан бы пообещал ими поделиться… А так что? Для него это — сокровище, а для других, прямо скажем, простые медяшки по копейке штука. Как говорил мой дедушка, не всякий грош в карман хорош…

— Да при чем тут ваш дедушка! — опять подскочил Гвоздик. — Он ничего не понимал в пуговицах!.. Дядя Ю, а ты? Неужели ты тоже еще не догадался?! Эти медяшки дороже золота! Здесь столько пуговиц всяких знаменитостей! И вообще: это же *коллекция капитана Румба*|У кого есть еще такая?

Дядюшка Юферс крепко хлопнул себя по лысине.

— Мальчик прав! Отчего это мы упали духом? Я уверен: любитель морских редкостей лорд Виксфорд за самую завалящую пуговицу из этого портфеля даст не меньше фунта стерлингов и собственную душу в придачу.

— Зачем нам его душа?! — горячо заспорил Гвоздик. — И продавать коллекцию не надо! Дядя Ю, нам хватит и тех денег, что тебе дадут за книгу. А коллекцию мы выставим в «Долбленой тыкве», когда выкупим таверну обратно! Под стеклами, как в музее. Знаешь, сколько народу повалит к нам! И каждому мы будем продавать твою книгу, она разойдется по всему свету!

— Ты умница! — восхитился дядюшка Юферс.

— Мы закажем художнику большой портрет капитана. Пусть напишет масляными красками! — продолжал раскручивать радостные планы Гвоздик. — И назовем таверну «Долбленая тыква имени капитана Ботончито»!

— Да… Но… — дядюшка Юферс опять начал скрести лысину. — Никто ведь не знает, как выглядел капитан Румб.

— Никто, значит, и не придерется!.. Мы попросим художника срисовать портрет с Чинче! — веселился Гвоздик. — Они с капитаном одного роста. Надо только будет пририсовать усы!

— Я их отращу заранее, настоящие, — пообещал Чинче. Он чувствовал себя именинником. Ведь история капитана Румба доказывала, что знаменитостью может стать человек даже совсем небольшого роста…

— Ох… — вдруг встревожился дядюшка Юферс. — Но как же мы забыли, Дикки… Ведь сокровище принадлежит не только нам, оно общее. Мы не можем забрать коллекцию себе…

— Ничего, — сказал шкипер Джордж. — Забирайте, папа-ша. А экипаж «Дюка» станет вашими компаньонами. Вместе **мы з**аварим такое дело, что даже в моем родном городе будут ахать и завидовать на всех рынках и причалах. И наконец я смогу послать приличную сумму маме, чтобы она не имела нужды в старости и отдала наконец долг тете Соне…

— А… его величество? — осторожно сказал дядюшка Юферс. — Мы обязаны поделиться и с нуканукцами.

— Но нельзя же разорять коллекцию! — испугался Гвоздик.

Его величество согласился, что разорять такую коллекцию

неразумно. Как видите, он действительно был просвещенный мрнарх и добрый человек. Он разъяснил, что готов получить свою долю от прибылей новой таверны потом. Только пусть капитан Жора даст ему в виде задатка два корабельных фонаря: один для дворца, а другой для школы.

На том и порешили.

Слать улеглись еще не скоро. Разглядывали при свете фонаря пуговицы. Читали выцарапанные на изнанке номера и узнавали по тетради, какая находка откуда.

Нашлись пуговицы адмирала Ансона и капитана Кука, известного корсара Хосе Альвареса по прозвищу Пикадор и командира русского шлюпа «Сокол» Коломенцева. И многих других славных моряков… Но много пуговиц было без номера и без рисунка в тетради. Видимо, Ботончито не успел зарисовать каждую. Ведь в коллекции было не меньше пяти тысяч экспонатов!

— Да, здесь еще придется поломать голову, — солидно сказал Гвоздик. — Может быть, следует обратиться к научной литературе… А ты что вздыхаешь, Макарони?

— Да! — поддержал Гвоздика шкипер Джордж. — Ты, Беппо, снова решил капнуть соленую слезу в кастрюлю общей радости?

Макарони вскинул руки с горестным недоумением:

— Святые силы! Неужели никто на понимает?! Ведь где-то среди этих пуговиц есть и та, что *с камзола Джугги Ройбера*|Пускай мы ее не нашли, но она здесь! Значит, над кладом — проклятие

Красного Жука! — Беппо вздрогнул, оглянулся. — И это проклятие (тьфу, тьфу, тьфу…) перейдет на нас!

— Если вы думаете, что Макарони во всем плох, так и нет, — заявил шкипер Джордж. — У него есть одно хорошее свойство. При самой сильной бессоннице, если я его слушаю, меня сразу тянет спать… — При этих словах шкипер Джордж решительно завернулся в одеяло и улегся рядом с погасшим костром, закрыв шляпой лицо. Остальные тоже, посмеявшись, начали укладываться. У Гвоздика, правда, от слов Макарони пробежали вдоль позвоночника царапистые холодные шарики, но он храбро сказал, что Беппо совершенно спятил, и тоже лег, положив голову на мягкий дядюшкин живот.

Обратное плавание протекало без приключений. Все, кроме Макарони, деликатного Катикали и молчаливого Кеа-Лумули, живо обсуждали планы на будущее.

После полудня подошли к Нукануке, обогнули скалу у входа в бухту Тагао и…

— Что это! — жалобно и тонко воскликнул шкипер Джордж. А остальные онемели, пораженные страшной и печальной картиной. На плоском берегу, куда вытащили для ремонта «Милого Дю-

ка», лежал обгоревший остов без мачт, с черными провалами в борту и днище…

Часть V
СЫЩИК НУС

1. БОЛЬШАЯ ПЕЧАЛЬ. — ХРАБРАЯ РЕЧЬ — ГВОЗДИКА. — КАК ВЫТЬ ДАЛЬШЕ? — ЗЛОУМЫШЛЕННИК.

У меня рука не поднимается подробно описывать отчаяние путешественников. Больше всех убивался шкипер Джордж. Он сел на песок у сгоревшей шхуны и всхлипывал, как маленький мамин сын, который впервые пошел гулять один и был побит нехорошими уличными мальчишками. Помощник Сэм Сэмюэльсон подходил несколько раз к своему капитану и осторожно начинал:

— Может быть, я ошибаюсь, но…

— Замолчите, Сэм! — вскрикивал шкипер Джордж. — Вы всегда ошибаетесь! Но почему так непостижимо ошибся я, капитан Седерпауэл?! Зачем я оставил вас командовать ремонтом, зная, какой вы растяпа?.. — Он держал себя за виски, мычал и раскачивался, словно круглая куколка, которую нельзя положить набок. Такой куколкой в «Долбленой тыкве» однажды развлекал

окружающих боцман с русского парохода «Генерал-адмирал Апраксин». Куколка была русская, но почему-то с китайским именем — Вань-Кавстань…

Не только шкипер Джордж, но и все моряки были в великом огорчении. Папаша Юферс, правда, нерешительно попытался утешить их обещаниями, что, когда он издаст свои «Удивительные истории» и с помощью коллекции Ботончито добьется счастья и процветания, у капитана Седерпауэла и его Экипажа будет новая шхуна. Его, однако, не слушали!.. Подумаешь, пуговицы! Неужели можно всерьез думать, что жалкие медяшки кому-то принесут богатство?

Папаша Юферс был человек мягкий и быстро поддавался общему настроению. Поэтому вскоре он горевал вместе с остальными. А тут еще Макарони со своим бормотанием о проклятой пуговице добавлял уныния:

— Говорил ведь я, что будет несчастье… Говорил…

Пожалуй, один Гвоздик не впал в отчаяние. Конечно, он тоже был опечален гибелью «Милого Дюка», но не так, чтобы терять голову. Во-первых, он не видел беды, если придется еще пожить на славном острове Нукануке. Во-вторых, он

справедливо считал, что если уж отправились на поиски сокровищ, то надо быть готовым к любым приключениям. А приключения — это, как известно, неприятности, о которых интересно вспоминать…

Гвоздик пошептался с королем Катикали, подошел к сидящим у сгоревшего «Дюка» морякам и топнул о песок голой пяткой.

— Как вам не стыдно! Такие взрослые дядьки, а хнычете, как маленькие дети, которых в наказание оставили без компота!

— Не без компота, а без «Милого Дюка», — горько отозвался шкипер Джордж, не переставая раскачиваться. — Две большие разницы…

— Но ведь могло быть еще хуже! — звонко сказал Гвоздик. — Дядя Джордж, если бы вы тогда не прыгнули так удачно в каминную трубу, вы могли бы сейчас находиться в тюрьме «Желтая Молли». А то и подальше, если бы господин премьер сдержал свое обещание! Согласитесь, что здесь все-таки уютнее…

— Да! Но… — попробовал заспорить шкипер Джордж.

— Подождите! Вы могли потонуть во время бури, как потонула «Фигурелла»! А сейчас мы живем и едим кокосы!

— М-м…да. Но…

— Постойте! Мы могли найти вместо клада фигу, а нашли портфель капитана Румба! Пускай Макарони трясется и ноет о проклятье Красного Жука, это пфуги!.. Ну, конечно, на золото можно все купить быстрее: и корабль, и таверну, и много чего… А зато коллекция капитана Румба — это в тыщу раз интереснее! Вот увидите, она принесет нам удачу! Не зря же мы мечтали об этом на Акульей Челюсти!

Гвоздик никогда раньше не говорил перед взрослыми таких длинных речей. Но теперь он чувствовал, что обязан вернуть морякам и дядюшке бодрость духа. И разгорячился:

— Неужели вы не понимаете? Ведь Ботончито оставил нам свое наследство! А этот капитан всегда был удачливым! Значит, и мы будем… Молчи, Макарони, ты хнычешь так противно, будто девчонка, которая боится спать в темной комнате!..

Гвоздик и сам побаивался когда-то спать один в темной комнате, но сейчас позабыл про это.

— Ведь главное, что мы живы, здоровы и все вместе!

Шкипер Джордж покачался еще, встал и отряхнул штаны.

— Пожалуй, мальчик прав. Как говорил мой де-

душка, «ты еще не мертвый, если у тебя чешется в ноздре»… Но, черт возьми, как мы выберемся с Нукануки? Бывает, что здесь годами не появляется судно…

Гвоздик заговорил опять. Снисходительно и даже чуточку горделиво. Он имел на это право.

— Пока мы тут стонали и плакали, я беседовал с его величеством. Король говорит, что его предки плавали через океан на больших плотах. Мы тоже построим плот. С мачтой! Паруса-то наши, к счастью, не сгорели. Его величество сказал, что в эту пору океан всегда спокоен, мы с северо-восточным ветром поплывем в те воды, где постоянные пароходные линии. Нас, как потерпевших кораблекрушение, должны доставить в ближайший порт бесплатно… А кроме того, король обещал подарить нам несколько жемчужин, чтобы первое время на берегу мы не голодали.

— Я всегда говорил, что Катикали Четвертый — лучший монарх на планете! — еще больше приободрился шкипер Джордж.

Но старина Питчер поскреб бороду и усомнился:

— Да, оно конечно… А только что будет, если мы не повстречаем ни одного судна? Сколько так плавать-то?

Гвоздик уверенно объяснил:

— Ну и пусть не повстречаем! С этим ветром через месяц мы окажемся у восточного берега Австралии, там большой город Сидней. Мы в нем устроим выставку пуговиц и прославимся! Все жители города будут стоять в очередь за билетами!

— Браво, Дикки! — воскликнул папаша Юферс. — Я уверен, что портфель Ботончито всем нам принесет счастье!

А помощник Сэмюэльсон опять подошел к шкиперу Джорджу:

— Капитан, может быть, я ошибаюсь, но…

Шкипер Джордж снова расстроился и закричал тонким голосом:

— Зато я не ошибаюсь и обещаю совершенно точно: если я не успокоюсь до вечера, то разжалую тебя в помощники кока! Сколько раз я говорил, что надо быть осторожнее с огнем! Почему ты допустил, чтобы судно загорелось? Разгильдяйство…

— Капитан, вы так огорчились, что до сих пор не хотели меня слушать, — с укоризной произнес помощник Сэм. — Здесь не разгильдяйство, а злой умысел. Мы поймали поджигателя… Эй, там, приведите *этого]..*

Через полминуты все увидели, как братья Два Сапога Пара ведут кого-то под руки — тощего и в лохмотьях. Пленник слабо упирался и причитал. Сзади его подгонял пинкам Харро Бланко.

Когда пленника подвели ближе, Гвоздик охнул от удивления. Это был господин Шпицназе. Сыщик Нус.

2. ОБЩЕЕ ВОЗМУЩЕНИЕ. — ЧТО ДЕЛАТЬ — С ПОДЖИГАТЕЛЕМ? — ПРИГОВОР. — РАСЩЕПЛЕННАЯ ПАЛЬМА. — ТАЙНЫЙ СОВЕТ ГВОЗДИКА.

Ух, какое негодование поднялось в экипаже сгоревшего «Дюка», хотя для большинства поимка Нуса не была новостью. Стрелок Охохито вытащил пистолет и клялся, что Теперь-то уж точно отстрелит шпионский нос, только пусть этого подлого негодяя отпустят шагов на пятьдесят, иначе не интересно. А шкипер Джордж ссылался на дедушку Анастаса, который утверждал, что сыщиков и поджигателей следует вешать на рее за левую ногу. Король Катикали предложил для этой цели новую кокосовую веревку. Но туг вспомнили, что весь рангоут «Милого Дюка» сгорел и вешать шпиона не на чем.

Тогда приступили к допросу. Дрожащий от страха Нус-Прошус рассказал, что во время бури его смыло с «Фигуреллы» и больше о ней он ничего не знает. К счастью, он уцепился за спасательный круг, который тоже сорвало с яхты. И два дня носился по волнам. А потом его, несчастного, вынесло на берег Нукануки, и он увидел в бухте «Милого Дюка».

Нус понимал, что от встречи с экипажем шхуны ждать хорошего не приходится. Поэтому скрывался в джунглях, а еду добывал на площадке с идолами…

— А, так это вы напугали нас ночью! — воскликнул Гвоздик.

Нус-Прошус, ежась и охая, признался, что так и было. Он как раз хотел взять несколько лепешек и бананов, когда услышал шаги и голоса ребят. Не успел убежать с поляны и спрятался в каменной хижине посреди караи-мораи. Но потом стал бояться, что мальчишки туда заглянут и обнаружат его. И решил сам напугать их! Надел на голову валявшейся в хижине череп какого-то громадного зверя и выскочил…

— Ах, если бы мы были не такие трусы! — покаянно сказал Гвоздик. — Мы тогда поймали бы этого щпиона, и он не смог бы поджечь «Дюка»…

Вот видишь, Макарони, к чему приводят всякие дурацкие страхи!..

— Но я совсем не хотел поджигать шхуну! — клялся Нус. — Я забрался в нее, чтобы найти кусочек сыра или окорока. Мне ужасно надоели все эти здешние бананы и кокосы, я чувствовал, что слабею. А еще я хотел отыскать какую-нибудь одежду… Когда я искал, мне почудились на шхуне чьи-то шаги, я бросился прочь и уронил кокосовый светильник… Я его позаимствовал перед этим в одной пустой хижине… Я больше не буду.

Король Катикали сказал, что раз этого «кусаифуфа» (что означает «болотная козявка») нельзя повесить по европейским правилам, остается поступить с ним по обычаю жителей Нукануки. С предателями и бессовестными лазутчиками здесь всегда обходились так: защемляли их любопытный нос в пальмовом стволе — крепко, чтобы нельзя было выдернуть, — и оставляли преступника в этом положении…

— Навсегда? — со страхом спросил Гвоздик.

Король объяснил, что мучения длились недолго. В жестокие непросвещенные времена рядом с приговоренным разжигали костер, а в ствол втыкали отточенный нож. Костер постепенно разгорался, осужденного поджаривало все креп-

че, но у него оставался выбор: изжариться совсем или отхватить себе нос ножом и освободиться. После этого он получал прощение… Сейчас обычаи смягчились и с несчастным поступают гуманнее: поджигают не костер, а небольшой фитиль, который ведет к бочонку с порохом. Фитиль горит несколько минут, и у осужденного есть некоторое время подумать: вознестись к предкам, разом окончив мучения, или опять же освободиться с помощью ножа…

Сыщик Нус затрясся и хотел упасть на колени, но ему не дали. Шкипер Джордж выразил сомнение: стоит ли изводить целый бочонок пороха для такого недостойного субъекта. А Гвоздик просто прошептал:

— Ой… не надо…

Его величество разъяснил, что можно прибегнуть и к еще более милостивому наказанию: недалеко от защемленного преступника поставить блюдо с аппетитно пахнущей едой. Правда, зажатый в дереве нос не так хорошо ощущает запахи, но все-таки чувствует. Особенно когда наказанный проголодается. А выбор все тот же: отправиться к предкам (только не от взрыва, а тихо, от голода) или расстаться с носом…

На этом и порешили. Воины короля повели

несчастного господина Шпицназе на поляну позади деревни, где торчал голый ствол от сожженной молнией пальмы. Нус жалобно канючил, чтобы его отпустили. Тогда он сразу уплывет с Нукануки. Говорил, что к острову прибило ялик, сорванный с «Фигуреллы», и он спрятал эту лодку в береговых зарослях. Вот на этом суденышке он и отправится в море. Лучше уж погибнуть в открытом океане, чем здесь. А может быть, ему и повезет: доплывет до другого острова или будет подобран проходящим судном.

Но ему говорили: «Какой хитрый!»

— Простите, я больше не буду… — опять хныкал Шпицназе. Совсем как ученики, которых он в школе приглашал для воспитательной обработки тростью. Но Гвоздик не злорадствовал, ему было не по себе. Только спорить он боялся — очень уж единодушно все решили защемить поджигателя.

Остатки пальмы расщепили топориком. Нус-Прошуса вынудили сесть, чтобы ствол проходил у него между колен. Половинки ствола развели, заставили сыщика засунуть между ними длинный шпионский нос. Щель крепко взяла господина Шпицназе в плен. Он гнусаво завопил, задергался, но напрасно. Гвоздик поскорее ушел…

«Так ему и надо, диверсанту проклятому», —

думал Гвоздик. Но все равно ему было тошно. К вечеру он пробрался на поляну со сломанной пальмой. Зрители давно разошлись, и теперь здесь никого не было. Кроме Нуса, разумеется. Господин Шпицназе сидел в прежней позе, осторожно поматывал головой и тихонько скулил.

Гвоздик подошел поближе, встал сбоку. Сыщик Нус услыхал, скосил на него глаз. В глазу было страдание.

Сами виноваты… — нерешительно сказал Гвоздик.

— Конечно, виноват, — прохныкал Нус. — Я все понял. Если бы меня простили, я стал бы совсем другим человеком… Попроси за меня, Дик, а?

— Меня не послушают, — вздохнул Гвоздик.

— Ну, тогда… отрежь для меня хотя бы кусочек свинины, очень хочется кушать…

Гвоздик оглянулся: не видит ли кто его преступную доброту? Взял воткнутый в пальмовый ствол нож. Отрезал от куска мяса вкусный пахучий ломтик и дал господину Шпицназе. Тот сунул мясо между деревом и подбородком, укусил, заурчал и опять захныкал:

— Конечно, я только продлеваю свои мучения. Но что делать? Отрезать себе нос я все равно не смогу…

Гвоздику было и противно, и жаль этого глупого шпиона.

— Зачем отрезать-то! — сердито сказал он. — Совсем, что ли, ума нет? Расковыряйте ножом вокруг носа дерево. За ночь успеете… И уматывайте с острова, пока целы. Ялик-то ваш никто не искал пока, значит, он на месте…

3. СТРОИТЕЛЬСТВО ПЛОТА. — ГВОЗДИК ГУЛЯЕТ В ОДИНОЧЕСТВЕ.— ВЕРОЛОМНОЕ НАПАДЕНИЕ. —

БЕСЕДА ЗАХВАТЧИКА И ЖЕРТВЫ. — ЕЩЕ ОДИН КОШМАР.

Плот строили из деревьев као-кио и остатков «Милого Дюка». Просторный, прочный, с большой плетеной каютой на корме и высокой мачтой для марселя и брамселя от шхуны. Связывали бревна, стучали молотками, настилали палубу, вытесывали рулевые весла… Папаша Юферс готовил на костре завтраки, обеды и ужины. Гвоздик помогал то ему, то строителям. Но работников хватало и без мальчишки, поэтому у Гвоздика было время, чтобы поиграть с ребятами или погулять вокруг деревни…

Сначала Гвоздик не решался в одиночку ухо-

дить далеко от хижины. Однако в конце концов осмелел. Особенно когда выяснилось, что никакого Иххапури на краи-мораи не было…

В джунглях было интересно и очень красиво. Солнце протыкало воздух золотыми спицами. На лианах горели желтые и Ярко-алые цветы. Пестрая птичья мелочь шуршала в листьях и порой вырывалась на свет, как залп из елочной хлопушки. В траве шастали дикие мыши и длинные холодные ящерицы, но вредных и кусачих среди них не было, и скоро Гвоздик перестал их бояться…

Иногда попадались поляны, окруженные пальмами. Среди полян стояли одинокие банановые деревья. На них сидели ушастые, с обезьяньими повадками птицы туи-панга и скандально кричали на мальчишку. А над травой и пушистыми головками паи-паи летали голубые и желтые, с переливчатыми узорами бабочки. Каждое крыло у таких бабочек было с ладонь Гвоздика.

Гвоздик радовался всему, что видел, но порой шевелилась в душе и печаль. Потому что скоро уплывет он с Нукануки и, кто знает, увидит ли когда-нибудь еще эту красоту.

«Когда вернемся домой, попрошу дядю Ю купить цветные карандаши и краски, — думал

Гвоздик, — и попробую нарисовать все это… Только сумею ли?» Рисовать он и раньше любил, но это были картинки с кораблями, солдатиками и рыцарями. А сейчас хотелось, чтобы рисунки были не как игры в войну, а получилась бы вот такая спокойная и разноцветная жизнь.

Однажды Гвоздик отошел далеко от деревни. Оказался на круглой поляне. Бирюзовая бабочка-великанша села на широкий, как сковородка, лист. Шагах в пяти от Гвоздика. Он стал подкрадываться, чтобы рассмотреть как следует… И холодные костлявые руки схватили его за бока!

Гвоздик взвизгнул, но чужая ладонь зажала ему рот.

— Тихо, дитя мое, тихо… — услышал он зловещий шепот. И увидел себя в лапах сыщика Нуса…

С неделю назад, когда обнаружилось, что Нус расковырял дерево и удрал, все решили, что он бежал с Нукануки на ялике. То ли на другие острова, то ли в открытый океан — в надежде встретить корабль. И Гвоздику в голову не приходило, что когда-нибудь в жизни он еще повстречает господина Шпицназе. И вот — нате вам!

Нус улыбался и прочно держал мальчишку, прижимая к себе. Холодные влажные пальцы

сыщика играли на ребрах Гвоздика, будто на клавишах. А ладонь не давала дышать. Гвоздик замычал, задергал ногами от удушья, щекотки и ужаса. Господин Шпицназе освободил его рот, но опять строго сказал:

— Ти-хо…

И Гвоздик увидел у своего живота кривой блестящий нож. Тот самый!

— Не дергайтесь, сударь, — сказал Нус-Прошус. — Теперь ваши коварные приемы бесполезны.

Какие уж там приемы! Гвоздик совсем обмяк с перепугу.

— Зачем вы меня поймали? — жалобно прошептал он.

— Когда обращаются к старшему, надо говорить «господин» и называть фамилию.

— Что вы хотите со мной сделать, господин Нус… Ой! Господин Шпицназе…

У Нус-Прошуса нос побелел, как бумага, и только ссадины от дерева остались на нем темными.

— Сейчас мальчик пойдет с любимым учителем в одну уютненькую, всеми забытую пещерку, где когда-то предки нынешних дикарей складывали косточки съеденных пленников… Там я свяжу птенчику лапки и крылышки, чтобы не улетел.

Ротик тоже придется завязать: лишний шум нам ни к чему. И мальчик посидит в компании чистеньких белых черепов с дружелюбными улыбочками, пока господин Шпицназе ходит с письмом к друзьям и дядюшке… В письме будет сказано, что господин Шпицназе готов отдать папаше Юферсу племянника Дика в обмен на сокровище. Дядюшка и все остальные так любят милого Гвоздика! Они ведь не захотят, чтобы мальчика подвесили на дереве и выпотрошили его, как рыбку, и потом утопили несчастного ребенка среди коралловых рифов?

— Но… господин Шпицназе! Это сокровище вам совершенно ни к чему! — очень убедительно прохныкал Гвоздик. — Там же только медные пуговицы! Они нужны лишь тем, кто умеет рассказывать морские истории…

— Нехорошо обманывать старших, Дик! Ай-яй-яй… Пойдем, голубчик. Не бойся, это будет недолго. Как только этот жулик Сидоропуло и твой дядюшка отдадут мне сокровище и я отчалю с ним на ялике, я крикну с воды, где тебя искать… Конечно, это случится после заката, когда туземцы боятся водяных духов (ха-ха) и не отходят на своих лодках от берега… Не успею я отплыть и на полмили, как ты окажешься в родных объятиях…

Но сначала я, конечно, сделаю то, что не успел в школе, выпорю тебя хорошенько. Не правда ли, ты это заслужил?

— Я же вам помог убежать… посоветовал, — всхлипнул Гвоздик.

— Это говорит о том, что ты еще не совсем испорченный мальчик и урок послужит скорейшему твоему исправлению, потому что… Что?.. А?.. А-а-а-а-а!! — Нус-Прошус выпустил Гвоздика, выронил нож и на четвереньках бросился прочь. Секунду или две Гвоздик обалдело смотрел Нусу вслед. Потом рывком обернулся…

И чуть ли не без памяти завалился спиной в траву.

4. СТРАШНАЯ ПАСТЬ. — ТЕТУШКА ТОНГА ПРИХОДИТ НА ПОМОЩЬ. — КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Прежний ужас оказался пустяком по сравнению с новым! Нус — он хотя и злодей, но все-таки знакомый, все-таки человек. А тут в двух шагах от Гвоздика стояло зеленое чудовище. Пузатый крокодил на лошадиных ногах и с гребнем на спине. Выпуклые, размером с небольшой кокос глаза красновато блестели и слезились. С морды свисала похожая на тину борода. Чудовище опустило длинную башку и растопырило пасть.

Из пасти пахнуло остатками кислой пищи. Гвоздик увидел желтые зубы — каждый размером с банан. Между ними торчали мокрая трава и какие-то ошметки. Под красными сводами складчатого нёба уходила в черноту глотка-труба.

И шевелился, истекал слюной широченный, похожий на розовый матрас язык.

Гвоздик понял, что сейчас язык этот подхватит его как мошку и втянет *туда*...И желтые частоколы зубов — хряп!

— Ма-ма-а!!

Обратите внимание: третий раз в нашей истории Гвоздик закричал «мама».

— Что, моя детка?! — раздался в ответ могучий голос. — Что случилось? Я иду!

Грозная Тонга Меа-Маа возникла из чащи и вмиг оказалась рядом. Она огрела чудовище по носу жезлом с погремушками.

— Брысь, негодник!

Дракон захлопнул пасть, присел и, виляя трехметровой спиной, засеменил прочь, как напроказившая такса. Тонга Меа-Маа подхватила Гвоздика на руки.

— Что, мой маленький? Эта паршивая ящерица испугала тебя? Не бойся, моя белая мышка, нямма-лопаи не едят мальчиков и девочек. Они

даже бабочек не едят, а только траву и ветки. Наверное, этот лентяй и бродяга решил, что ты хочешь угостить его бананом. Я его иногда подкармливаю, вот он и разбаловался…

Гвоздик на руках у тетушки Тонги дрожал и всхлипывал.

«Так вот они какие, эти нямма-лопаи!.. Мало ли, что ребята болтают ради интереса! Тетушка Тонга лучше знает… Значит, эта пасть просила угощения, только и всего? А я-то чуть в обморок не свалился от ужаса!..»

Конечно, следовало забрыкаться, вырваться и убежать, чтобы в одиночестве пережить свой стыд… Но Гвоздик лишь сильнее прижался к Тонге Меа-Маа и всхлипнул опять.

— Не плачь, мой маленький кокосик, Меа-Маа не даст мальчика в обиду…

Тетушка Тонга принесла Гвоздика в свою хижину, усадила на мягкую циновку, развела огонь в камельке и стала готовить в глиняной чашке сладкий пузырящийся напиток кучапа — из тыквенного сока и сахарного тростника. Большущая, темно-коричневая, в седых кудрях, в серьгах и ожерельях, она сидела У огонька, иногда оглядывалась на Гвоздика и улыбалась большими белыми губами. Гвоздик смущенно вздыхал и

тоже улыбался.

Потом он сел рядом с тетушкой Тонгой. Смотрел, как булькает в глиняной посуде сок, и придвигался все ближе, ближе, пока не коснулся щекой могучего локтя колдуньи. Она погладила его по голове широченной мягкой ладонью.

— Сейчас, моя рыбка, будем пить вкусный кучапа…

Гвоздик вздохнул опять, просунул голову между оттопыренным локтем и толстым боком тетушки Тонги. Вывернул шею, глянул снизу вверх тетушке в лицо. Как мышонок из норы.

— Ма-а…

— Что, мой ласковый бубенчик?

А он ничего. Просто так, само собой получилось. Вроде бы кусочек имени и в то же время похоже на «мама»…

По правде говоря, приторный горячий кучапа не очень-то нравился Гвоздику. Но он послушно выпил полную скорлупу кокоса и сказал «туихахабо» (спасибо то есть)… И наконец решился: рассказал, как попал на поляне в лапы сыщику Нусу.

— Оваи-ваи! — заволновалась тетушка Тонга. — Я велю воинам проверить каждую нору, каждый кустик в округе!.. Но, наверно, этот пфу-

ги-какабура уже изо всех сил гребет от острова на своей краденой лодке. Что ему теперь делать на Нукануке?.. Жаль, что нельзя послать погоню, духи не велят отплывать от берега после захода солнца.

— Разве уже заход? — удивился Гвоздик.

И в самом деле — в щелях плетеных стен не было солнечного света. Гвоздик вдруг почувствовал, что очень устал от переживаний и у него слипаются глаза. Надо было идти в шалаш к дядюшке. Но вместо того, чтобы подняться, Гвоздик прошептал:

— Маа, можно я еще посижу у тебя немножко?

— Иди ко мне, мой пушистый паи-паи…

Тонга Меа-Маа посадила Гвоздика себе на колени, обняла и стала покачивать, басовито и негромко напевая:

Уаме а мау-о кок,

Ита хуата-уок…

Гвоздик не разбирал слов песни и не знал, что называется она «Огонек, на котором жарят неприятеля». Старинная была песня из давних, непросвещенных времен. Однако пела ее Тонга Меа-Маа ласково и, наверно, сама не думала о словах. И Гвоздик уснул под эту колыбельную.

5. ЗАБОТЛИВЫЙ КОРОЛЬ. — ТОРЖЕСТВЕННЫЕ ПРОВОДЫ. — НЕОЖИДАННАЯ ЗАДЕРЖКА. — МУДРОЕ РЕШЕНИЕ ТЕТУШКИ ТОНГИ. — ПЛОТ УХОДИТ В ОКЕАН.

Король Нукануки — Таи-Буанга-Меа Катикали Четвертый — очень заботился о путешественниках. Он не только приказал снабдить их запасами пресной воды и всякой пищи. Не только наградил каждого, в том числе и Гвоздика, крупной жемчужиной. Он еще подарил морякам бронзовую пушку — одну из тех, что попали на остров с французского брига. Точнее, это была маленькая широкая мортира. Формой и размером она походила на русский медный прибор для кипячения воды (называется он то ли «самохвал», то ли «самопал», Гвоздик не помнил точно). Такая штука была в свое время среди дядюшкиных редкостей в таверне. К мортире король выдал три пороховых заряда: один — чтобы салютовать при отплытии, а еще пару — чтобы выпалить, когда на горизонте покажется какое-нибудь судно. Уж в этом-то случае плот будет обязательно замечен…

Накануне отплытия устроили большой праздник с плясками у костров и угощением. Танцева-

ли все: и островитяне, и моряки. Даже дядюшка Юферс прыгал, ухватив за талию хорошенькую коричневую девушку. Только Гвоздик почти не веселился. Он задумчиво сидел у огня рядом с Тонгой Меа-Маа, и она гладила его отросшие пушистые волосы…

Отправление в рейс было обставлено со всяческой торжественностью. Жители острова стояли по берегам бухты Тагао и махали пальмовыми ветками. На уплывающих надели венки из цветов. Граммофон проиграл песенку о прекрасной Марианне. Загудела акулья кожа на барабанах, в которые ловко били юные королевские барабанщики — ими командовал, конечно, Туги…

К притихшему Гвоздику подошла необычно смущенная Цыца-ига и подарила свистульку из плоской перламутровой раковины. А потом убежала, растолкав провожающих локтями.

Под гул барабанов был распущен четырехугольный парус (бывший марсель «Милого Дюка»), и плот медленно двинулся к выходу из бухты. Взлетел на мачту оранжевый флаг королевства Нуканука. С крепости грянуло салютом орудие, выбросило тугой белый дым. Охохито приложил к запалу мортиры фитиль, и та бухнула в ответ с такой упругой силой, что плот вздрогнул и все

присели.

Только Гвоздик не вздрогнул. Он будто даже не слышал грохота. Стоял неподвижно и смотрел на берег. Потом…

Потом случилось то, что сломало всякую торжественность.

— Нет!! — крикнул Гвоздик и бросился с плота в воду.

Плавать научился он здесь отлично. Поэтому в несколько взмахов достиг отмели, выскочил на песок и помчался туда, где в своем парадном платье и ожерельях стояла громадная седая Тонга Меа-Маа.

Гвоздик обхватил тетушку Тонгу, как могучее дерево. Прижался к ней.

— Маа…

Она тоже обхватила его большущими ладонями.

— Маа… Не поеду, не хочу без тебя!

Конечно, был убран парус, и плот подтянули к берегу. Толпа обступила Тонгу Меа-Маа и плачущего мальчика. Коричневые сморщенные старики качали головами. Мальчишки и девчонки смотрели насупленно и понимающе. Взрослые шумно обсуждали неожиданное событие. Сквозь толпу протолкались дядюшка Юферс, шкипер

Джордж и Чинче.

— Дикки… Ты что же это… Пойдем, ехать надо… А, Дикки… — Дядюшка топтался вокруг, будто у кипящего «самопала» (или «самохвала»), когда неизвестно, как его ухватить.

А Гвоздик уже рыдал в полную силу. Это были не те наполовину притворные слезы, когда его не хотели брать на Акулью Челюсть. Сейчас было настоящее горе. Нестерпимое. Гвоздик отчаянно держался за тетушку Тонгу и вскрикивал, что никуда не поедет без Маа. А она прижимала его, что-то бормотала и сердито ворчала, поглядывая на всех из-под седых бровей.

— Но, Дикки… Если ты не поедешь… тогда как же я?.. — жалобно сказал дядюшка Юферс.

— Не знаю… Оставайся тоже…

— А как же наша таверна? И коллекция… Так славно все было задумано… Неужели ты всего этого не хочешь?

— Хочу… — Рыдания опять встряхнули Гвоздика. — А без Маа не хочу!

Дядюшка Юферс осторожненько взял племянника за плечо, но Гвоздик дернулся и лягнул воздух ногой. А Тонга Меа-Маа заурчала, как тигрица, у которой трогают детеныша.

Совершенно растерявшийся папаша Юферс

оглянулся на шкипера Джорджа. И на Чинче. Коротышка Чинче важно сказал:

— Тут, капитан, дело нешуточное…

Шкипер Джордж сдвинул с затылка на лоб шляпу.

— Так что же, по-вашему, разве я не понимаю?.. Когда меня первый раз увозили от мамы, я рыдал почти так же. А ехать-то было всего полсотни верст, в гости к тетушке Соне…

Хорошо, когда капитан помнит свою маму.

Однако никто ничего не мог придумать. И оторвать от тетушки Тонги Гвоздика не могли. Да и не пытались. И тогда все решила сама мудрая Тонга Меа-Маа.

Она обвела всех насупленным взглядом и сообщила вот что. Раз уж так получается, она едет с мальчиком в Европу. Да! И не надо попусту вопить, бренчать погремушками и рвать на себе от горя мочальные юбки. Король уже достаточно умный и взрослый, чтобы обходиться без няньки. У всех мальчиков и девочек на острове есть свои маа, а у этого мальчика нет. Когда малыш станет большим, Тонга Меа-Маа вернется на Нукануку, время летит быстро. А посмотреть, как живут в Других королевствах, ей давно хотелось. Может быть, найдет там что-то полезное и для своей

страны… А кроме того, она так полюбила своего паи-паи, что если расстанется с ним, то высохнет от горя, как старая банановая кожура на солнце… Поэтому пусть братец-король выписывает иностранный паспорт!

Простодушные жители Нукануки были, конечно, опечалены отъездом любимой Тонги. Но восхищение ее мудростью было сильнее печали. И к тому же все радовались за Гвоздика, который просто обмирал от неожиданного счастья.

Отплытие отложили на сутки. Вечером снова устроили праздник. На этот раз Гвоздик резвился вместе со всеми. Он так разошелся, что даже пустился в пляс вместе с Цыцей-игой, которая, конечно, была счастлива (хотя и вздыхала порой по поводу скорого расставания). На другое утро опять состоялись торжественные проводы. Тонга Меа-Маа с двумя рогожными тюками взошла на плот, где для нее срочно построили отдельную каюту.

— Мадам, вы будете украшением нашего общества, — сказал галантный капитан Седерпауэл.

— Да уж само собой, — отозвалась тетушка Тонга и глянула на шкипера Джорджа столь величественно, что он оробел.

Снова били барабаны и звучал граммофонный

гимн.

— Гвоздик, приплывай опять! — кричала из толпы Цыца-ига.

— Ладно-о-о!

Грянуло орудие на форте, и в ответ, сотрясая плот, бухнула мортира. И самодельный корабль неторопливо двинулся в океан. Теперь уже окончательно.

Часть VI
ДВЕ ПУГОВИЦЫ

1. ГВОЗДИК И ЗВЕЗДЫ. — МИРНАЯ ЖИЗНЬ НА ПЛОТУ. — МАКАРОНИ ОПЯТЬ БОИТСЯ. — СТОЯНКА НА ОСТРОВЕ. — СИГНАЛ ТРЕВОГИ.

Вновь наши путешественники оказались в открытом океане. Добрый, спокойный ветер наполнял паруса и двигал самодельное судно к юго-западу. Длинная зыбь приподнимала и опускала плот столь бережливо, что он почти не поскрипывал.

Было новолуние, ночи стояли черные, и небо опять развешивало над Гвоздиком такое количество сверкающих звездных миров, что он замирал. Сядет у входа в тростниковую каюту, положит голову на колени дремлющей Маа и смотрит, смотрит в глубину Вселенной. Она была тысячеэтажная, эта Вселенная, — громоздила над мальчиком бесконечные ярусы пространств, усыпанные миллиардами ярких фонариков, каждый из которых был тайной. И все вместе они сливались в одну громадную тайну.

И появились у Гвоздика обычные в таких случаях мысли:

«Почему мир такой бесконечный, а я такой крошечный?»

«А что значит «крошечный» и что значит «бесконечный»? Может быть, разница такая громадная, что она где-то исчезает, не выдержав этой громадности, и тогда получается, что бесконечно маленький и бесконечно большой — одно и то же?»

«Ведь если я живу и вижу эти звезды и эту бескрайность, значит, это не случайно? Не зря же есть на свете я, Гвоздик… А для чего — я? А для чего вообще все на свете? Откуда взялось?.. Говорят, Бог создал. Ну, ладно. А *зачем*? И почему среди всех он создал еще и меня?..»

Гвоздик мысленно проводил между звездами строгие прямые линии, и они образовывали разные фигуры или превращали пространство в грани неохватно великого кристалла. Иногда в этих построениях чудилась какая-то разгадка — словно вот-вот возникнут очертания стройного громадного здания и тогда придет открытие всех тайн… Но веки начинали склеиваться, и Гвоздик засыпал под ласковые прикосновения ладоней и бормотание тетушки Тонги…

Потом наступало утро. Гвоздик с подзорной трубой забирался в наблюдательное гнездо на мачте, чтобы звонко завопить, когда покажется дым или парус. Иногда ему казалось, что и правда возникает на краю океана белое крылышко. Но оно таяло, и горизонт опять делался пустым и ровным, будто край синей, чисто вымытой тарелки.

Ну и пусть! В конце концов, плот двигался куда положено, и жизнь текла на нем спокойно и беззаботно. Матросы несли по очереди вахту у рулевого весла, чинили одежду, вспоминали прошлые приключения и порой (обычно задумчивым вечером) пели корабельные песни. Начинали чаще всего с «Черного сундучка»:

Стало море злее и угрюмей, ребята.

Плюньте через левое плечо.

Что везем мы в нашем темном трюме, ребята?

Только черный, только черный сундучок! —

И молчок…

Песня была зловещая, но пели ее весело, и даже Макарони не боялся.

Папаша Юферс целыми днями писал историю

плавания и поисков клада — для будущей книги. Запаса бумаги у него не было, но, к счастью, в тетради с рисунками пуговиц оборотные стороны листов оказались чистыми. В углу шалаша, положив тетрадь на бочонок, дядюшка Юферс вдохновенно строчил свое сочинение пером из чайкиного крыла. Делать чернила из сока тропических ягод куси-куси научила его тетушка Тонга.

Он так увлекся своим писательским трудом, что даже перестал волноваться за Гвоздика. А то сперва было: «Не свались с плота, акулам попадешь… Почему ты ничего не ешь?.. Ты не заболел ли опять, а?..»

Впрочем, теперь в этой роли дядю Ю вполне заменяла тетушка Тонга. Тряслась над мальчишкой, как будто он девочка из пансиона, а не юнга, который обошел на паруснике полсвета! Только и слышно было: «Паи-паи, не упади с мачты!..

Паи-паи, выпей кокосового молочка!.. Паи-паи, не дразни акулу, она откусит тебе голову!..»

Дело в том, что треугольные плавники то и дело чертили воду неподалеку от плота. И вот Гвоздик сделал «приманку»: стащил у Боба Кривой Пятки старый растоптанный башмак и забрасывал его с кормы на пеньковом шнуре. Ближняя акула

обязательно устремлялась к башмаку — наверно, от него аппетитно пахло. Гвоздик быстро тянул приманку, акула мчалась за ней и, бывало, выскакивала головой на плот. Гвоздик замирал от восторга и ужаса, видя костяные пилы зубов, украшавших разинутую пасть. И взвизгивал, отскакивая. Тетушка Тонга, увидев такое, ахала и хватала негодного мальчишку на руки. И несколько раз он даже получил звонкого шлепка. Дрыгал ногами и хохотал.

Он очень любил тетушку Тонгу. Но, чтобы Маа не воспитывала его каждую минуту, придумал хитрость: подговорил негра Харро Бланко научить ее гаданию на картах (тот немного умел, а у матросов была растрепанная колода). Тонга Меа-Маа, как мы знаем, была слегка ведьма и очень увлеклась новым для нее видом колдовства. Она часами теперь сидела над картами, раскладывая головоломные пасьянсы… А кроме того, она приохотилась играть в шахматы с вежливым и хитроумным Сакисаки, который искусно вырезал их из попавших под руку деревяшек.

Шкипер Джордж и Сэм Ошибка каждый раз в полдень с помощью секстана и хронометра определяли место плота в океане и отмечали его на карте. Хорошо, что инструменты и карты во

время пожара были не на шхуне, а в шалаше, и уцелели…

Так спокойно прошло десять дней.

На одиннадцатый день обнаружили, что в плоту ослабли стяжки и разболтались несколько бревен. Впрочем, ничего страшного. Тем более что на горизонте показался островок. Решили высадиться, подремонтировать свой корабль и провести ночь на твердой земле. Для отдыха и разнообразия.

Островок был крошечным атоллом — такое кольцо из коралловых глыб с дюжиной тонких пальм на берегу, с круглой внутренней лагуной ярдов двести шириной и с белым песком на отмелях.

С боковым ветром, работая еще и веслами, въехали в горловину бухты и приткнулись к песку. Починили плот быстро. Гвоздик всласть накупался на отмели, куда не могли сунуться нахальные акулы, погонял среди камней здоровенных сердитых крабов и был доволен жизнью.

Когда среди пальм засветилась половинка молодой луны, развели костер и приготовили ужин. А к полуночи, после бесед и песни о черном сундучке, улеглись — кто на плоту, кто под пальмами.

…Проснулись от частых медных ударов. Это бил в оставшийся от «Дюка» корабельный колокол перепуганный Гвоздик.

— Вставайте! Скорее! Там «Фигурелла»!

Под утренним ветром, изящно накренившись, яхта пиратов — целая и красивая — скользила в лагуну.

2. ПУЛИ НАД ГОЛОВАМИ. — МАКАРОНИ ДАЕТ СОВЕТ. — ЗАЛП КАРТЕЧИ. — НЕОЖИДАННЫЙ ИСХОД СРАЖЕНИЯ.

— Тревога! — заорал боцман Бензель. Все, кто успел, расхватали ружья (их было на плоту всего шесть).

Яхта с пенным шорохом пронеслась в двух сотнях футов от плота. С нее дали трескучий, с голубым дымом залп. Свистнуло над головами. Гвоздик присел.

— Иди немедленно в каюту! — закричал на него дядюшка Юферс. Как будто стены из жердей и веток могли защитить от пуль! Тонга Меа-Маа поступила более умно и героически — заслонила Гвоздика от яхты. Но он тут же высунул голову из-за тетушки — чтобы все видеть. Впрочем, пираты стреляли пока просто для испуга, поверх людей.

У берега «Фигурелла», не сбавляя хода, лихо сделала поворот через фордевинд (в просторечии говорят «скрутила фор-дака») и помчалась обратно — к выходу из лагуны. Это было очень красиво. Бурлила кильватерная струя, паруса золотились под низким еще утренним солнцем. Но из-за борта опять ударил дымный залп, и у Гвоздика противно ослабли колени.

Людей на «Фигурелле» не было видно. Поручни ее пираты предусмотрительно обвесили плотными капковыми матами.

Это такие штуки вроде тугих матрасов — для коек и для сооружения спасательных плотиков. Из-за них и стреляли. И лишь когда яхта опять пронеслась мимо плота, над бортом возник их краснорожий клочковато-рыжий капитан в наполеоновской треуголке.

— Эй! — заорал он. — Выкладывайте сокровище! И тогда можете плюхать на своем дровяном складе дальше, не тронем! А иначе перестреляем, как перепелов на лужайке!..

На всем ходу «Фигурелла» проскочила выход из лагуны, там, на большой воде, развернулась опять и снова понеслась в бухту.

Лагуну она пересекала буквально за полминуты. И каждый раз капитан орал в рупор угрозы

и требования отдать клад. А пули свистели над головами все ниже, и одна расплющилась о железное кольцо на мачте рядом с Гвоздиком.

У Гвоздика все смешалось в ушах. Какая-то каша из выкриков, споров, залпов, команд. И голова кругом…

— Приготовиться к стрельбе! — вопил помощник Сэм, забыв свое «может быть, я ошибаюсь».

— Отставить! — кричал шкипер Джордж. — Они же за укрытием! А мы — как бумажные солдатики на столе…

— Я говорил!.. Я говорил!.. — громко хныкал Макарони. На него ругались:

— Замолчите, Макарона-сан! И без тебя тошно, извините…

— Заткнись, Беппо, дурак!

«Фигурелла» опять пронеслась мимо, и рыжий капитан прогорланил, что дает на размышления пять минут.

У Гвоздика прыгали отрывки мыслей: «Нус, наверное, врал, когда говорил, что его унесло с яхты… А все-таки красиво… Наверно, очень больно, когда попадает пуля… Нуса после бури пираты послали на ялике на остров. Чтобы украл клад. А сами ждали в открытом море… Нус нечаянно поджег «Дюка» и потому попался. А они нас вы-

следили… Какой мятый рупор у капитана… Тот же самый, что в прошлый раз… В прошлый раз!»

— Охохито! Перебей им фалы из пистолета! Как тогда!

— Ну и толку-то, — беспомощно сказал шкипер Джордж. — Они подгребут к плоту и без парусов. И всех издырявят в упор…

— Да и пистолет не заряжен! — жалобно крикнул Охохито. — Пороху нет! Разве что наковырять из пушки!..

Мортира была заряжена заранее — чтобы грохнуть, как только появится вдали судно. Это был единственный, аварийный заряд. (Помните, сперва их было два, но один истратили на салют при повторном отплытии.)

Но все-таки орудие было готово к выстрелу!

— Капитан! Давайте по ним из пушки! — подскочил Гвоздик.

— Чем? Кокосом, что ли?

— Эх, если бы у нас была картечь! — горевал Охохито. «Фигурелла» опять бежала к выходу из лагуны, и Охохито вдохновился. — Смотрите! Там валы идут наискосок, и яхта обязательно всходит на волну. И тогда палубу видно! На секунду! Можно одним залпом вымести всех разбойников! А если кто и уцелеет, больше не сунется!

— У нас все равно нет картечи! — отчаянно воскликнул шкипер Джордж.

— Но ведь есть пуговицы, — быстро и вкрадчиво сказал Беппо Макарони. — Чем не картечь?

— Беппо, ты спятил! — закричал папаша Юферс.

— Нет, это вы все спятили! — взвыл Макарони. — Я вам говорил, что нельзя связываться с этим проклятым кладом! Послушайте меня хоть раз в жизни! Если мы выпалим пуговицами — сразу две выгоды! Избавимся от врагов и от проклятия!..

— А ведь это, пожалуй, единственный выход, — сказал шкипер Джордж. И посмотрел на Охохито. — Справишься, Педро?

— О-о-о… — застонал папаша Юферс. Схватился за клочья волос на висках и замотал головой. — Наша коллекция! Это была моя последняя надежда!..

— Если мы не отобьемся, у нас не будет совсем никакой надежды! — заявил шкипер Джордж. — Мы сами можем сколько угодно рисковать головами, но не забывайте, что с нами женщины и дети! — Он был теперь строгий и решительный командир.

— Может быть, я ошибаюсь, но тогда лучше

просто отдать портфель пиратам, — осторожно посоветовал Сэм Ошибка. — И они оставят нас в покое.

— Не оставят, — горько отозвался шкипер Джордж. — Эта шпана уверена, что мы плывем с золотом! Они начнут пытать нас, чтобы мы отдали настоящее сокровище, а не пуговицы. И прежде всего возьмутся за самого маленького… Несите картечь!

Братья Два Сапога Пара притащили портфель с коллекцией (а яхта между тем снова пронеслась мимо, и несколько пуль опять свистнули над головами).

— О-о-о! — снова простонал папаша Юферс. — Оставьте хоть немножко на память… А, наплевать! Не надо! Пропадай все пропадом! — Он вдруг топнул ногой и вместе с Охохито начал торопливо загружать пуговичную картечь в пасть мортиры.

Гвоздик сперва тоже хотел ухватить горсточку на память и сунуть в карман. Он забыл, что на мочальной юбочке карманов нет. А когда вспомнил, махнул рукой. Горсточка — все равно не коллекция. Если хотя бы хватило времени выбрать самые интересные пуговицы! Но времени не было. Да и не до того, когда трясутся коленки.

Честно говоря, Гвоздик очень боялся пиратов. Поймают ведь и в самом деле замучают…

Охохито засунул в мортиру вместо пыжа свою скомканную шляпу. Навел толстый короткий ствол в рассчитанную заранее точку пространства. Запалил пеньковый фитиль.

— Дик! — взвизгнул вдруг дядюшка Юферс. — Иди в каюту! Незачем смотреть, как стреляют по живым людям!

Гвоздик и не хотел смотреть. Но глаза у него распахнулись от страха сами собой, а ноги приросли к настилу. «Фигурелла» опять пронеслась мимо. Теперь с нее не стреляли, только капитан Драгенногер злорадно прокричал в рупор:

— У вас осталась минута! Вы еще не надумали? Ха-ха!..

К счастью, пираты не видели мортиру. Ее заслоняла могучая тетушка Тонга (хотя она думала, что заслоняет не орудие, а Гвоздика).

Яхта летела к выходу из лагуны. Все замерли. И вот недалеко от горловины атолла нос «Фигурелллы» плавно поднялся на пологом гребне. Узкая палуба со стрелками и капитаном стала на миг видна как на ладони.

Бум-м!!! — потрясла мортира плот. Медная картечь рванулась из тугого дымного выхлопа и

свистнула по вражескому судну… Увы! Наверно, волна оказалась короче рассчитанной — яхта раньше срока клюнула носом и подставила под выстрел вздыбившуюся корму. И все сокровище капитана Румба врезалось в свешанный с гакабортного ограждения капковый мат — от того полетели клочья!

— Проклятье! О, горе мне! — взревел несчастный начальник судовой артиллерии. И в отчаянии сел на палубу… Но…

Но!

Бывают же счастливые случайности!

Одна — одна-единственная! — пуговица (как стало известно позже) пронеслась выше мата, чиркнула по кормовому планширу и пробила сзади штаны у толстого матроса, который стоял за штурвалом.

— Ай-яй-яй-яй! — Бедняга схватился за пробоину.

Красавицы-яхты капризны по своей натуре. Они не любят, когда бросают руль. Да еще в столь опасных местах, как узкий выход из лагуны! «Фигурелла» оскорбленно рыскнула носом к ветру и со всего размаха воткнулась корпусом в россыпь коралловых глыб левее горловины бухты. Несколько пиратов с воплем перелетели

через поручни и грянулись — кто на камни, кто в воду. Топсель и носовые паруса заполоскали, а тяжелый гафель от удара сорвался (как тогда, от выстрелов Охохито!), и громадный грот опять накрыл разбойничий экипаж. Ругательства и жалобные вопли понеслись из-под парусины.

— Охаи-кукураи, мхуто вувуга![7] — взревела Тонга Меа-Маа. Сорвала ствол мортиры с лафета, подняла его над головой, как пустой бочонок, прыгнула с плота на берег и помчалась к потерпевшей крушение «Фигурелле». Она явно собиралась обрушить бронзовую тяжесть на головы тех, кто посмел подвергать опасности ее ненаглядного паи-паи!

Нельзя было терять ни секунды! Гвоздик выхватил из-за пояса сидящего Охохито незаряженный пистолет.

— Вперед! На абордаж! — Если вместе с Меа, то ничего не страшно…

Матросы, шкипер Джордж и дядюшка Юферс с грозными криками помчались за Гвоздиком и Тонгой. Кое-кто палил в воздух из «бергманов».

---

[7] Примечания: 7

Когда тетушку Тонгу потом просили объяснить значение такого боевого клича, она стеснялась и говорила, что «это непереводимое выражение, оставшееся в нуканукском языке со старых непросвещенных времен».

Капитан «Фигуреллы», только что выбравшийся из-под паруса, увидел стремительное чудовище с пушкой над головой, открыл рот и поднял руки.

Экипаж яхты сдался на милость победителей.

3. ПОСЛЕ БОЯ. — ЗЛОПОЛУЧНАЯ ПУГОВИЦА. — ОБЛИЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ КАПИТАНА СИДОРОПУЛО. — НОВЫЙ ЭКИПАЖ «ФИГУРЕЛЛЫ».

Вскоре оба экипажа собрались на берегу. Побитые и перепуганные пленники со своим капитаном Гансом фон Драген-ногером кучкой сидели на песке под охраной Двух Сапогов Пара с ружьями. Только несчастный рулевой сидеть не мог. Он в сторонке лежал на животе, штаны с него были сняты, и Тонга Меа-Маа деловито мазала ему рану целебным кокосовым бальзамом. Дядюшка Юферс, поглядывая на эту операцию, высказался, что засевшую в рулевом пуговицу стоило бы извлечь и вернуть в коллекцию. Но тут взмолился Макарони:

— Ни в коем случае! Не надо опять дразнить судьбу! Ведь это наверняка *та самая* пуговица! Когда она вылетела из пушки, сразу стала искать,

на кого бы перенести проклятие Ройбера! И нашла, нам на счастье… Пусть она там зарастает в новом хозяине! Тогда она сможет делать пакости только ему! А он это вполне заслужил!

На сей раз все решили, что Беппо прав. Дядюшка Юферс повздыхал и тоже согласился. В конце концов, стоило ли сожалеть об одной пуговице, когда остальная коллекция сохранилась!

Счастливый и гордый победой, Гвоздик забыл недавний страх, сидел под пальмой и выковыривал пуговицы из дырявого, как терка, мата. Они были закопченные порохом, но вполне целые.

Шкипер Джордж прохаживался перед пленными, поглядывал на них через плечо и говорил петушиным голосом:

— Ха! Ха! И еще три раза ха! Эта мелкая шпана с дешевой приморской барахолки вздумала связываться с капитаном Сидоропуло и его дружной командой, где начальником артиллерии Педро Охохито! Если я расскажу это в своем родном городе, даже старые нищие по всем улицам и причалам от Малой Карантинной гавани до Молдаванского квартала за мысом Желтая Бородавка станут смеяться до боли в кишечнике!.. Клянусь памятью о «Милом Дюке», вас всех следовало бы повесить на гафеле и краспицах по закону о

борьбе с пиратством!.. Что? Не пираты? Выполняли поручение полицейского агента Шпицназе? Расскажите это вашему дедушке, когда он спит после обеда, заткнувши желтые сморщенные уши ватными пробками! Вы хотели отобрать последнее достояние у несчастного старика и у этого бедного ребенка, который неприкаянно мотается по Тихому океану, когда другие дети по утрам ходят в школу, а вечером пьют сладкий компот и ложатся спать в мягкие кроватки… Скажите спасибо этому мальчику! Когда я смотрю на него, сердце мое становится мягким, как начинка перезрелого банана… Мадам! Это невыносимо! Почему ваш пациент стенает, как старый писарь из портовой конторы, которого лишили прибавки к жалованью, и он боится идти домой к своей супруге тете Сильве? Скажите ему, что мужчины должны молча страдать от огнестрельных ран…

«Фигурелла» была отличным судном! Не только быстрым, но и удивительно прочным. Когда ее стащили обратно на воду, оказалось, что в корпусе — ни единой пробоины. Правда, корпус был более узкий и не такой вместительный, как у старого доброго «Дюка», но вполне обширный, чтобы на яхте без большой тесноты разместились наши путешественники. Капитану Драгенногеру

и его незадачливым пиратам оставили плот (без мортиры, конечно), кое-какие припасы и настоятельные советы не попадаться больше на пути…

Вскоре после полудня «Фигурелла» была готова к плаванию. Гордо развернулся под гафелем флаг королевства Нука-нука, и яхта с новым экипажем отправилась в путь. Ее бывшие хозяева печально смотрели с берега. А наши друзья — на них, е палубы. И следует заметить, смотрели без особого злорадства, Сэм Ошибка даже сказал со вздохом:

— Возможно, я ошибаюсь, но ведь они, по сути дела, такие же морские бродяги и охотники за приключениями, как мы. Только нам повезло, а им нет…

Но шкипер Джордж был не согласен, он даже рассердился:

— Вот тут ты действительно бестолково ошибаешься, Сэм Сэмюэльсон! Сравнил! Ты стал бы стрелять в живых людей и охотиться за ними, как за рябчиками, чтобы завладеть металлическими погремушками? Пускай хоть золотыми!..

— Ну… — смутился капитанский помощник. — Они ведь тоже никого не подстрелили. Может быть, они палили так, для страха, а попадать не хотели…

Гвоздик вспомнил, как рядом с его головой рас-

плющилась пуля, поежился и ничего не сказал.

4. ДИСЦИПЛИНА. — УЕДИНЕННЫЙ УГОЛОК. — РАЗМЫШЛЕНИЯ ГВОЗДИКА. — ПАРОХОД «КАПИТАН РУМБ». — ДЖОН КУКУНДА, ЭСКВАЙР.

Плавание на настоящем паруснике ох как подтягивает людей. Это вам не тихоходный плот, на котором целыми днями можно лежать кверху пузом… Голос шкипера Джорджа окреп. Все теперь, слыша его, отвечали «да, капитан», «слушаю, капитан». Боцман Бензель тут же нашел для каждого матроса работу, помощник Сэмюэльсон всех расписал по четким вахтам у парусов и штурвала. Гвоздик вспомнил, что он корабельный юнга, и подпоясал свою мочальную юбочку матросским поясом, который еще на «Милом Дюке» ему подарил Макарони.

Все чаще стали попадаться парусники и пароходы. Но теперь они, конечно, были не нужны нашим путешественникам. Яхта «Фигурелла» курсом крутой бакштаг мчалась со скоростью пятнадцать узлов к восточному берегу Австралии.

По всем расчетам в Сиднее должны были оказаться через неделю.

Было на «Фигурелле» тесновато, но Гвоздик все же отыскал себе уединенный уголок — недалеко от носа яхты, между стенкой передней рубки и основанием бушприта, у толстых бухт запасного троса, закрепленных на палубе.

Гвоздик часто сидел в этом своем закутке. Смотрел на выгнутые ветром стаксель и кливер — парусина была то неподвижной, то по ней пробегала чуть заметная живая дрожь. А еще он смотрел в зеленые изломы океанской глубины, где проносились темные тела рыб и порой гнались за яхтой коварные акулы. Иногда наблюдал, как отлетают от борта крылья воды. Или как повисает над мачтой распластанный в небе альбатрос.

Но чаще всего Гвоздик не просто так сидел здесь. Он был занят работой: чистил закопченные пуговицы. Коллекция была свалена в парусиновое ведро. Гвоздик брал почерневшую пуговицу, натирал ее до блеска суконкой и прятал в портфель Румба. Работа была не скучная. Во-первых, интересно было разглядывать изображения на пуговицах. Во-вторых, никто не мешал при этом думать о самых разных вещах.

И Гвоздик думал. О том, как вернутся они домой, как будет напечатана дядюшкина книга, как

выкупят обратно «Долбленую тыкву»… А можно «Тыкву» не выкупать (дядя Ю говорит, что не следует ловить за хвост прошлое), а купить, если хватит денег, небольшой пароход. Назвать его «Капитан Румб», поставить у причала в гавани Гульстауна и на нем устроить гостиницу для моряков. И новую таверну! И выставку с пуговицами и портретом! И с портфелем капитана Румба, и с бочонком, в котором этот портфель был спрятан, и с мортирой, которая спасла путешественников от пиратов. И со всякими морскими редкостями… Пусть будет плавучий музей!

Тетушка Тонга ведала бы на пароходе хозяйством, а дядюшка Юферс командовал бы кухней и встречал гостей. И пароход «Капитан Румб» прославился бы на все моря и океаны!

Однажды Гвоздик поделился своими планами с дядюшкой, и папаша Юферс их весьма одобрил. И все остальные тоже одобрили. Каждый добавлял к этим планам что-то свое.

Решили, что, когда надоест Гульстаун, можно будет отдавать швартовы и отправляться в путешествие. Гвоздику, когда он поступит в морское училище, не придется хлопотать, чтобы каждое лето наниматься практикантом на какое-нибудь судно. Матросскую и штурманскую практику он

сможет проходить на своем любимом пароходе…

И конечно, «Капитан Румб» время от времени будет заходить на Нукануку, чтобы тетушка Тонга могла побывать на родине, а Гвоздик повидаться с барабанщиком Туги, с храбрым Утути-Коа, с Цыцей-игой и другими друзьями. И с его величеством Катикали Четвертым.

В общем, будущее складывалось так замечательно, что Гвоздик начинал даже бояться, как Макарони: не сглазить бы! Он даже незаметно плевал через левое плечо и, чтобы притормозить радужные мечты, начинал вспоминать события суровые и печальные: бурю, сгоревшего «Дюка», нападение пиратов… А как там господин Шпицназе? Доплыл куда-нибудь на своем ялике? Или его подобрал в океане какой-нибудь корабль? Или… Нет, не хочется думать про такое. Конечно, он порядочный негодяй, сыщик Нус, но все-таки…

Решив, что о грустном он поразмышлял достаточно, Гвоздик опять начинал вспоминать хорошее. Например, футбольную игру на Нукануке. А сам тер, тер пуговицу за пуговицей…

Вот так сидел он однажды, слушал бурление воды за бортом и работал суконкой. Пуговица попалась большая, с непонятным узором, похо-

жим на арабскую вязь. Гвоздик надраил ее уже до чистого блеска, полюбовался, провел суконкой по меди еще раз и отшатнулся к рубке от упругого толчка воздуха.

Казалось, рядом лопнул большой резиновый пузырь. Воздух в этом пузыре был теплый, пахнущий имбирем и корицей — словно распахнули духовку и вынули только что испекшийся душистый кекс. Гвоздик зажмурился от неожиданности. Раскрыл глаза и рядом с бухтой троса увидел… существо.

Ни на кого не похожее!

Это был шар величиной с большой арбуз. На верхней половине его располагалось румяное лицо: голубые, сидящие близко друг к другу глазки, вздернутый нос и капризный красный ротик. По сторонам от глаз торчали мясистые розовые уши. Нижнюю часть шара обтягивало черное сукно с костяными пуговицами спереди. Внизу сукно вытягивалось в дудки, под которыми блестели похожие на черные стручки башмаки…

Но я сейчас описываю незнакомца неторопливо и упорядоченно. А если говорить о первом впечатлении Гвоздика, то ему прежде всего бросился в глаза цилиндр! Высоченная черно-блестящая шляпа, какие носят министры и дипломаты.

Были у существа и руки. Они росли прямо из-под ушей. Голые, тонкие, с редкими волосками, но с твердыми белыми манжетками на запястьях.

Левой рукой шар приподнял цилиндр и, глядя на Гвоздика, сказал скрипучим голоском:

— Позвольте представиться. Джон Кукунда, эсквайр.

— Здрасте… — робко отозвался Гвоздик. — Простите, я не понял…

— Что ты не понял? — спросил странный Джон Кукунда с ноткой раздражения.

— Я не понял, кто вы… Почему эсквайр?

— Ну… — Кукунда, кажется, слегка смутился. — Мне казалось, что так принято представляться в Европе. Кажется, в стране, которая сейчас называется Англия…

«Это сон, — подумал Гвоздик. — Видимо, я задремал тут на солнышке. Надо не удивляться, а продолжить разговор…»

— Эсквайр — это ведь дворянское звание, — вежливо сказал он. — Значит, вы дворянин?

— Гм… А почему бы мне и не быть дворянином? — Маленький нос Кукунды горделиво покраснел, а глазки заблестели. — По крайней мере, мой род и я сам древнее любого короля!

— Да? — осторожно отозвался Гвоздик.

— Ты сомневаешься? — подозрительно спросил Джон Кукунда, эсквайр.

— Нет, что вы! Я просто удивился: откуда вы здесь появились? По-моему, раньше вас на яхте не было…

— Ты все еще ничего не понял?! — капризно изумился Кукунда. — Из этой вот штуки, конечно! — Он протянул длинный палец к пуговице в ладони Гвоздика.

5. КТО ТАКОЙ ДЖОН КУКУНДА. — О ЕДИНСТВЕННОМ ЖЕЛАНИИ. — ПУГОВИЦА НА ШНУРКЕ. — КОНЕЦ ПЛАВАНИЯ.

— Ты тер, тер ее, и в конце концов я не выдержал, — раздраженно сказал Кукунда. — Да и что поделаешь, если должность такая… — Он, помогая себе руками (которые доставали до палубы), подковылял к бухте троса, сел у нее и растопырил ноги в лаковых башмачках.

— А! — обрадовался Гвоздик. — Я понял! Пуговица арабская, вы жили в ней, как в лампе Аладдина! Значит, вы джинн!

Кукунда поморщился.

— Ну, джинн… Можно и так сказать. Это на-

звание появилось в Аравии в эпоху зарождения мусульманства. Но вообще-то мы древнее самых древних цивилизаций. В каменном веке нас называли «угу». Потому что более сложные слова люди тогда еще не придумали… Признаться, я предпочитаю именно это название, хотя оно и простовато на первый взгляд…

— Но… вы все-таки, значит, как те самые… из «Тысячи и одной ночи»?

Кукунда опять поморщился.

— Ты, как все люди, слишком упрощенно мыслишь… Ну, ладно, пусть оттуда, если тебе хочется… Именно в ту пору мы стали популярны, но тогда же появился и этот дурацкий обычай: загонять нас то в лампу, то в кувшин, то в пуговицу. Конечно, с одной стороны это разумно — металлическая оболочка позволяет сохранять энергию практически без потерь. Но попробуй посидеть несколько столетий в такой тесноте!

— А… как же вы оказались в этой пуговице? — осторожно поинтересовался Гвоздик.

— Ну, это длинная история, — неохотно сказал Кукунда. — Честно говоря, сам напросился, надоело болтаться без работы. Не думал, что застряну в этой штуке надолго… Пуговица в свое время принадлежала знаменитому алжирскому пирату

Барбароссе, потом кочевала с халата на халат, с мундира на мундир. Последним из ее хозяев был неудачливый турецкий адмирал Ахмет Капудан-паша… И никто из этих бестолковых мореплавателей не догадался потереть пуговицу и вызвать меня на помощь. Не знали, какое счастье с ними рядом, невежды!

— А вы… значит, вы можете творить всякие чудеса?! — подскочил Гвоздик. Но, по правде говоря, не очень обрадовался, потому что все равно ведь это сон… В этот миг трубно прозвучало над палубой:

— Паи-паи, где ты, мой мальчик? Пора кушать!

Кукунда подскочил и вмиг оказался внутри бухты троса,

похожей на большой тюрбан. Хлопнул сверху ладонью по цилиндру — тот стал плоским, как тарелка.

— Тсс! Никому ни слова про меня, — свистяще прошептал Кукунда из «тюрбана».

— Паи-паи!..

Пришлось идти в клетушку с иллюминатором и есть кокосовую кашу, порядком надоевшую. Зато потом тетушка Тонга дала шоколадку — из запасов, найденных в кладовой «Фигуреллы».

Гвоздик торопливо вернулся на нос.

Нет, не похоже все это было на сон — так длинно и подробно. Кукунда по-прежнему сидел в мотке троса.

— Ты никому не проболтался про меня?

— Конечно, нет… А почему вы боитесь? Познакомились бы с остальными. Знаете, как все обрадуются! Особенно дядя Ю!

— Ни в коем случае! Про угу должен знать лишь его хозяин! А если узнают другие, вся его волшебная сила пропадет!

— Да?.. А кто же ваш хозяин?

— Здрасте! — Кукунда сердито вылез из бухты. — Кто же, как не ты! Ведь благодаря тебе я выбрался из пуговицы!

— И значит… — робко начал Гвоздик.

— Что? — подозрительно сказал Кукунда.

— Ну… и теперь, выходит, вы должны выполнить мои желания?

— Не желани-я, а желани-е! — почему-то рассердился Кукунда. — Ты начитался глупых сказок, будто мы только и делаем, что творим чудеса. А на самом деле, угу, или, как ты выражаешься, джинны выполняют всего одно повеление хозяина!

— Извините, я ведь только спросил…

— Не думай, что мне жалко, — смягчился Кукунда. — Но такова наша природа. Выполнив

чье-то желание, угу разряжается и должен копить энергию несколько десятков лет… По сути дела, что такое угу? Сгусток энергетических полей, природа которых до сих пор не понятна ни людям, ни даже нам самим. Может быть, лет через сто наука разберется… Ну, давай!

— Что? — вздрогнул Гвоздик.

— Желание! Повеление!.. Что ты хочешь?

— Я… не знаю. А вы все, что угодно, можете сделать?

— Не говори глупости! Желание должно касаться лишь тебя или немногих людей… Построить изумрудный дворец — пожалуйста, если хочешь. А вот прекратить вращение Земли или отменить, скажем, англо-бурскую войну — тут прошу прощения. Очень уж много там переплетается желаний и судеб, эту энергетическую сеть не разорвать… Обычно золото просят. Хочешь тысячу бочек?

— На кой оно мне? — испугался Гвоздик. — У нас пуговицы есть. С ними интереснее… А когда на готовенькое, это скучно даже…

— Гм… Ты рассудительнее, чем показалось вначале, — заметил Кукунда. — Но тогда что же для тебя сделать?

— А вы… с вами что будет, когда вы исполните

желание? — смущенно поинтересовался Гвоздик.

Джон Кукунда вздохнул:

— Что… Рассеюсь и полечу легким облачком по Вселенной накапливать новую силу от звездных лучей. А потом буду бродить по свету, искать новое пристанище.

— А это… интересно?

— Что может быть интересного на свете, когда тебе четыреста тысяч лет… Ну, так какое же у тебя желание?

— Вам не терпится, что ли? — с досадой сказал Гвоздик.

— Н-нет… Мне здесь вполне хорошо. Признаться, я думал, что тебе не терпится.

— По-моему, тут подумать надо, — рассудил Гвоздик. — Ведь одно-единственное желание-то надо выбрать. Всего-навсего! Можно я не буду торопиться?

— Не торопись, — одобрительно согласился Кукунда.

— А ничего, что некоторое время вам придется быть со мной? — стеснительно спросил Гвоздик.

— Это не хуже, чем все остальное, — слегка ворчливо ответил Кукунда. — Вот что… Я, конечно, опять заберусь в пуговицу, а ты носи ее на

шее, на шнурке… На! — он выдернул из башмака и протянул черный шелковый шнурок.

Гвоздик тут же протянул шнурок в петельку пуговицы и связал его узлом «кукиш сатаны». Надел на шею, как амулет.

— Но вам, наверно, там опять будет неловко и тесно…

— Что поделаешь… Ты почаще вызывай меня, когда сидишь тут один. Чтобы я мог поразмяться и поболтать.

— Надо для этого опять тереть суконкой?

— Можешь даже пальцем… Я буду появляться сразу…

— Эй, Гвоздик! — закричал с кормы Боб Кривая Пятка. — Куда ты опять девал мой башмак?

— Да не трогал я! Сам потерял где-то, а с меня трясешь!

— Ну да, «не трогал»! Небось опять акул дразнил! — Слышно стало, как Боб зашлепал босой подошвой, двигаясь на нос.

Вновь будто лопнул пузырь! Кукунда превратился в желтое облачко, оно закрутилось, вытянулось и тонкой полоской скользнуло в пуговицу на груди у Гвоздика. Пуговица на миг стала очень теплой…

Дядюшка Юферс ворчал на племянника: зачем

таскает пуговицу на шнурке? Этак всю коллекцию растащить можно, если такая мода пойдет. Но потом смирился. Племянник-то упрямый…

Конечно, Гвоздик был счастлив, что у него есть свой собственный настоящий джинн. Жаль только, что нельзя похвастаться ни перед кем… Гвоздик теперь по несколько раз в день укрывался в своем закутке, вызывал Кукунду, и они беседовали о том о сем. Один раз Гвоздик спросил:

— Господин Кукунда, а почему у вас такое имя? Ну, ка-кое-то… не волшебное, не старинное…

Тот хмыкнул:

— У меня было множество имен. В каменном веке меня звали У-Ау. А в Аравии — Иекокконан Коканд-ибн-Даххар.

Вот я и переделал это имя в Джона Кукунду. Чтобы приспособить к твоему произношению.

— Спасибо, — вежливо сказал Гвоздик.

— Пожалуйста… Я и внешность себе выбрал такую, чтобы тебе понравиться. Ты в тот момент с удовольствием вспоминал кожаный шар, которым играл с друзьями, вот я и подумал, что тебе будет приятно…

— Значит, вы умеете читать мысли?

— Иногда… — уклончиво ответил Кукунда.

— Эй, Дикки! — закричал из рубки дядюшка Юферс. — Австралия на горизонте! Разве ты не видишь? Скоро будем в Сиднее! Ищи свои штаны и рубашку, пора превращаться в белого ребенка!

Часть VII
ПАРОХОД «НОВАЯ ГОЛЛАНДИЯ»

1. ПРЕВРАЩЕНИЕ ГВОЗДИКА. — ПОЛОСА УДАЧ. — КОРОЛЕВСКИЙ ПАСПОРТ. — ОБИДА КУКУНДЫ. — ГУЛЯЮЩИЙ ДЖИНН.

Оказалось, что сделаться снова белым, то есть с европейской внешностью, ребенком не так-то просто. Даже легонький летний костюм, купленный для мальчика в Сиднее, казался Гвоздику тяжелым и негнущимся, как брезентовая роба гульстаунского пожарного. А твердые башмаки и круглая соломенная шляпа — те вообще были издевательством над человеческой природой. Кроме того, костюм ведь не делает островитянина светлокожим. Белая ткань только подчеркивала многослойный и навеки въевшийся в Гвоздика загар. И пассажиры «Новой Голландии» с удивлением оглядывались на мальчика с кофейной шеей, шоколадным лицом и крепкими икрами цвета мореного дуба. Некоторые даже держали пари, что это внук той громадной темнокожей старухи, которая занимает великолепную каюту

на пятой палубе. Скорее всего, он сын какого-то туземного богача и едет в Европу, чтобы поступить в колледж, а бабка сопровождает его. Другие возражали, что не может мальчик быть коренным островитянином, поскольку он племянник пожилого джентльмена, занявшего каюту напротив старухиной. Этот пассажир хотя и покрыт загаром, но в допустимых пределах и, безусловно, белый по рождению…

Впрочем, вскоре все разъяснилось, и каждый на «Новой Голландии» с удовольствием узнал, что этот столь обжаренный южным солнцем ребенок — тот самый Гвоздик, о котором так много писали газеты.

…Что же было в Сиднее?

Поскольку приносящая несчастья пуговица осталась вы помните где, для наших путешественников наступила полоса удач. Началось с того, что молодой репортер из газеты «Пор-товые новости» рыскал в поисках этих самых новостей в порту и увидел подходившую к причалу для малых парусников «Фи-гуреллу». Яхта была хотя и потрепана, однако все равно очень красива. Может быть, пожаловал в гости очередной миллионер?

Миллионера журналист на яхте не нашел, зато

узнал и увидел такое…

Этот выпуск «Портовых новостей» разошелся в полчаса. А за следующим стояли очереди, поскольку был обещан подробный очерк господина Юферса, одного из участников удивительных приключений, о которых сообщалось накануне. И очерк появился: «Тайна капитана Ботончито».

На «Фигуреллу» кинулись корреспонденты всех сиднейских газет. Фоторепортеры с деревянными ящиками на треногах толкались, роняли тяжелые кассеты, громко извинялись и шепотом ругали друг друга. Помощник Сэм Сэмюэльсон в новом белом кителе сдерживал напор газетчиков:

— Господа, господа, не все сразу! Может быть, я ошибаюсь, но, по-моему, случится то, чего мы избежали в океане: яхта опрокинется!

Газеты трубили:

«СХВАТКА НА КОРАЛЛОВОМ АТОЛЛЕ!»

«ТАИНСТВЕННЫЙ ГРОТ НА АКУЛЬЕЙ ЧЕЛЮСТИ!»

«ЧИТАЙТЕ ИСТИННУЮ БИОГРАФИЮ КАПИТАНА РУМБА!»

«КОГО ПРОКЛЯЛ КАПЕР-АДМИРАЛ РОЙБЕР?»

«ВСЯ ИСТОРИЯ ФЛОТА В ПУГОВИЦАХ!»

«КОГДА МЕДЬ ДОРОЖЕ ЗОЛОТА!»

Медные пуговицы и вправду оказались дороже золота. Два владельца музейных залов наперебой предлагали папаше Юферсу устроить выставку. Тот вспомнил свое коммерческое прошлое и заломил солидную цену. Ему, не торгуясь, выписали чек.

Фотографы попросили Гвоздика (к его удовольствию) снова облачиться в тропический наряд и снимали в разных положениях: Гвоздик рядом с мортирой; Гвоздик пересыпает пуговицы; Гвоздик дует в свистульку, подаренную ему девочкой на острове Нуканука; Гвоздик показывает, как дразнил на плоту акул!..

Дядюшку Юферса тоже снимали. И Тонгу Меа-Маа. И всех моряков (которым пришлось у портовых торговцев купить паспорта с другими именами — на всякий случай)...

Но больше всего шума было из-за рукописи «Удивительных историй». Узнав о ней из газет, первым примчался директор издательства «Пятый континент» господин Кингбукк. За ним — главный редактор детского издательства «Кенгуру». Первый предлагал напечатать полное собрание «Историй» в одном толстом томе. Вто-

рой — отдельными выпусками для школьников: это будут тонкие, но большого формата книги на прекрасной бумаге и с цветными картинками!

Что? У господина Юферса всего один экземпляр рукописи? Это пустяки, в наш-то век техники и прогресса! Машинистки размножат рукопись за несколько дней. «В два счета и за наш счет!» Договоры можно подписать немедленно! Сегодня же господин Юферс получит аванс!

Следующим появился сотрудник парижской книгоиздательской фирмы «Энциклопедия морей», который путешествовал по Австралии. Он заказал машинописную копию для себя и тут же купил билет на клипер австралийско-британской линии, чтобы под всеми парусами мчаться в Плимут, а оттуда во Францию.

— Но имейте в виду, господа, я оставляю за собой право напечатать книгу и в родном Гульстауне, — солидно говорил папаша Юферс.

— О чем разговор! Мы специально отметим это в нашем соглашении. Главное, что мы успеваем первыми!.. Вам выписать чек или желаете получить наличными? Фунтами или долларами?..

Королевские жемчужины можно было оставить на память…

Все перебрались с яхты в прекрасные номера

отеля «Ливерпуль». Шкипер Джордж потихоньку подыскивал покупателя для знаменитой «Фигуреллы». Конечно, прекрасная была яхта, но хотелось что-нибудь попросторнее, с трюмами для торговых грузов. Что-то похожее на старого доброго «Дюка». Забегая вперед, скажу, что такую надежную шхуну капитан Сидоропуло и его экипаж нашли и купили. Но уже после отплытия Гвоздика, дядюшки Юферса и Тонги Меа-Маа на «Новой Голландии» в Европу.

Кстати, при оформлении билетов произошла заминка. И чуть не кончилась крупной неприятностью. Всем известно, что белые жители Австралии даже сейчас иногда косо поглядывают на темнокожих. А в те времена это было в порядке вещей. И чиновник в отделе оформления виз придрался:

— А эта… э-э… леди… Кто она и почему едет с вами?

— Видите ли… — оробел папаша Юферс.

— Я ничего не «вижу», — оборвал дядюшку чиновник. Он был похож на господина Шпицназе. — Аборигенам для выезда в Европу нужны специальные документы… У… этой дамы они есть?

Грузная, грозная, в европейском платье, но с

туземными Погремушками Тонга Меа-Маа сурово засопела. Она все понимала! Достала из модного ридикюля сушеный лист дерева орона и с размаха выложила его черед чиновником. Стол от хлопка слегка присел, его хозяина прижало к спинке кресла.

— Что это такое?! — взвизгнул он. — Что вы мне подсовываете! Сено какое-то… Это насмешка над королевским служащим! Я… полицию…

Тут Гвоздик оставил вконец оробевшего дядюшку и быстро, на цыпочках, подбежал к чиновнику. Зашептал ему на ухо:

— Тише… Что вы!.. Это же герцогиня Тонга Меа-Маа кеу Тутуота, двоюродная сестра его величества Катикали Четвертого! Короля независимого государства Нуканука! Разве можно называть сеном паспорт с королевской подписью? Скандал будет…

— Э-э… но… — слегка опешил клерк. Он, как и все чиновники, боялся скандалов. — Откуда я вижу, что это паспорт? Что на нем? Где доказательства?

— Вот доказательство, — веско обронила Тонга Меа-Маа кеу Тутуота. И на лист упала крупная розовато-белая жемчужина.

— М-м… да… Одну минуту, сударыня… Соблаго-

волите присесть… — Чиновник приподнял лист, будто вглядываясь в Нуканукские буквы. При этом жемчужина как бы сама собой «катилась в приоткрытый ящик стола. — Действительно…

Прошу прощения, ваше высочество, но тут несколько неразборчиво… Молодой человек, вы не могли бы продиктовать имя герцогини, чтобы я вписал его в паспорт латинским шрифтом? А то могут найтись невежды, которым незнакома письменность королевства… э… Нукакака…

Гвоздик толстой самопишущей ручкой чиновника сам начертал на сушеном листе орона полное имя и титул тетушки Тонги. А чиновник сказал, что на всякий случай оформит копию паспорта ее высочества на гербовой бумаге. В общем, все кончилось благополучно. А то уж Гвоздик думал, что придется просить помощи у Кукунды!

Признаться, в эти шумные и полные событий дни Гвоздик вспоминал про сидящего в пуговице джинна нечасто. Уж очень много было впечатлений. Отвыкший от городской жизни Гвоздик теперь как бы снова родился для нее. С дядюшкой Юферсом ходил в театр и музеи, со шкипером Джорджем и коротышкой Чинче — в цирк и зоопарк. (Чинче, кстати, отрастил густые усы, и с него уже дважды рисовали портрет Ботончито

для газет.) Лишь с тетушкой Тонгой Гвоздик гулял нечасто — она обиделась на австралийцев и не любила выходить из гостиницы.

Пуговицу Гвоздик всегда носил на шее, но вызывал Ку-кунду редко: постоянно люди кругом. Хорошо хоть, что спальня в гостинице у Гвоздика была отдельная… и вот однажды вечером, в этой спальне, Кукунда крепко обиделся:

— Сам гуляешь, а я сиди в медной фиговине!.. Давай выкладывай скорее свое повеление, и я пойду… Лучше уж болтаться в межзвездном пространстве, чем корчиться в такой тесноте…

— Ну не могу я так сразу придумать желание! — взмолился Гвоздик. — Потерпи немножко! — Както незаметно он перешел с Кукундой на «ты».

— Ага! Ты развлекаешься, а я терпи!.. Давай тогда так: пока ты в Сиднее, я тоже буду развлекаться. Самостоятельно… Давно бы загулял, да угу не имеет права никуда отлучиться без позволения хозяина… Не жизнь, а рабство сплошное…

— Ну пожалуйста! — виновато воскликнул Гвоздик. И тут же испугался: — Ой, а если что-нибудь случится, когда тебя нет? Как раз когда ты окажешься нужен!

— Ну вот! Одиннадцать лет жил без меня — и ничего! А теперь неделю не проживешь, да?

— Мне еще нет одиннадцати… — буркнул Гвоздик.

— Будет через месяц. Это уже почти…

— А ты откуда знаешь?

— Я много чего знаю… И не дрожи, ничего с тобой тут не случится. Я мало-мальски умею заглядывать в будущее. Ну, я пошел!

— Постой! А ты не боишься? Люди же сбегутся. Ты… ну, вид-то у тебя не совсем человеческий, сам понимать должен…

— Это уж мое дело, — сердито сказал Кукунда. Превратился в дымную струю и скользнул в щель окна.

…На следующий день, когда на шумной улице дядюшка стоял в очереди за газетами со своим новым очерком, а Гвоздик разглядывал соседние витрины, мальчика окликнул смуглый джентльмен. Он был в строгом европейском костюме и в ослепительно белом высоком тюрбане с драгоценным камешком. Видимо, богатый турист из Индии.

— Могу я поговорить с юным господином?

— Да, сударь, — светски ответил Гвоздик. И гордо подумал, что вот даже индусы интересуются им. Что значит газетная слава! — К вашим услугам…

Он шагнул к джентльмену в тюрбане и… остановился. Было что-то неуловимо близкое, привычное в этом господине, хотя Гвоздик никогда его раньше не видел. Может быть, чуть заметный имбирный запах?

— Ку… кунда? — нерешительно сказал Гвоздик.

— Собственной персоной… Ну, как?

— А почему ты… почему вы… такой?

— Что же это, — чуть капризно сказал Кукунда, — неужели, делая чудеса для людей, сам я не имею права побыть в благородном человеческом облике?

— Имеете, конечно! Но почему именно индийский облик-то?

— Видишь ли… Индийскую философию я предпочитаю всем остальным. На мой взгляд, она наиболее полно раскрывает связи человеческого «я» со Вселенной, хотя есть, конечно, и спорные мотивы… Впрочем, тебе это, наверно, непонятно.

— Не совсем понятно, — тихо сказал Гвоздик. — Но интересно…

— Ну что ж, побеседуем когда-нибудь. А пока… башмаки твои больше не будут жать ноги, а костюм тереть кожу… Нет-нет, это не выполнение желания, а маленький подарок.

Подошел с газетами дядюшка. Кукунда нагнул тюрбан:

— С вашего позволения, Чандрахаддур Башкампудри, профессор Академии магических наук в Калькутте. Беседовал с вашим племянником, господин Юферс… Такой молодой человек, и успел уже испытать столько приключений! Весьма польщен знакомством…

— Я тоже весьма польщен! — раскланялся папаша Юферс.

— Мы отплываем на «Новой Голландии» через пять дней! — звонко сказал на прощанье Гвоздик. Будто бы просто так, а на самом деле напомнил Кукунде: «Не опоздай».

2. ПРО ОКЕАНСКИЕ ПАРОХОДЫ. — ПРОЩАНИЕ И ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ. — ПИСЬМО ШКИПЕРА ДЖОРДЖА.

Стоял июнь — месяц для Австралии зимний, но было очень тепло. Пестрая, по-летнему одетая толпа пришла на проводы «Новой Голландии» как на праздник.

Пароход — с белыми надстройками и четырьмя желтыми трубами (громадными, как водонапорные башни), с бесчисленными рядами иллюминаторов на черном борту — возвышался

над причалом, словно многоэтажное здание. А точнее — целый город.

По сути дела, это и был плавучий город — с улицами, площадями, фонтанами, театром, бассейнами, площадками для танцев и тенниса, ресторанами, библиотеками и даже настоящим садом. Сейчас такие уже не строят. Конечно, нынешние лайнеры тоже громадины, там полно удобств, они набиты электроникой, действует моментальная связь с любым городом земного шара, в каютах — цветные телевизоры и кондиционеры. Космические спутники помогают прокладывать курс и предупреждают об ураганах… Но излишний рационализм, стремление к сверхскоростям, деловитость нашего века наложили свой отпечаток на современные океанские суда.

А в корабельном убранстве той поры, в размерах этих океанских гигантов ощущался размах инженерной мысли, которая разгулялась, впервые ощутив силу техники, но не совсем пока отказалась от прошлого. Судостроительная наука, несмотря на новейшие достижения, еще сохраняла в себе романтику эпохи фрегатов и парусных линейных кораблей. Над трубами «Новой Голландии» возвышались пять опутанных снастями

исполинских мачт со стеньгами и реями. При желании можно было, наверно, даже поставить паруса. Впрочем, едва ли могла возникнуть такая необходимость. Паровые котлы чудовищной мощности двигали «Новую Голландию» через океаны с равномерной скоростью восемнадцать узлов, а это, как известно, рекордное достижение знаменитого парусного клипера «Катти Сарк»…

Желтые трубы парохода были украшены черными полосами, на которых изображены два танцующих страуса эму, а над ними — голубая звезда. Это был знак судовой компании «Австралиа стар», которой и принадлежала «Новая Голландия».

Разумеется, простор, удобства и роскошь были для тех, у кого водились немалые деньги. Но, как мы знаем, нашим героям в конце концов повезло, и дядюшка Юферс не поскупился на приличные каюты для тетушки Тонги и для себя с Гвоздиком.

Конечно, сперва Гвоздик заявлял, что лучше бы дождаться, когда шкипер Джордж купит новую шхуну, и вернуться в Европу всем вместе. Но, во-первых, шхуны пока еще не было, а Гвоздику приходилось думать о подготовке к школе — он и так пропустил целый учебный год. Во-вторых,

шкипер Джордж говорил, что ему надо сперва навести справки: вдруг еще не позабылось дело с контрабандными ружьями и пузырями «уйди-уйди». Правда, из газет было известно, что премьер Кроуксворд вместе со своим правительством загремел в скандальную отставку, но кто знает… В-третьих, дядюшка намекал, что неприлично подвергать неудобствам и опасности парусного плавания леди Тонгу Меа-Маа. Тут он, пожалуй, хитрил. Видимо, и самому ему уже хватило приключений, и сейчас он предпочитал описывать их, сидя в каюте со всеми удобствами. Да и сам Гвоздик, оказавшись в корабельных апартаментах, понял, что совсем неплохо прокатиться вокруг мыса Доброй Надежды с таким комфортом.

Провожать папашу Юферса, Гвоздика и тетушку Тонгу пришел весь экипаж «Милого Дюка». Наперебой жали руки, подбрасывали Гвоздика в воздух и говорили, что где-то через полгода обязательно встретятся в Гульстауне.

— Если у вас и в самом деле появится свой пароход, — сказал помощник Сэмюэльсон, — то, может быть, я ошибаюсь, но, по-моему, понадобится и экипаж. И мы могли бы ходить не только на нашей будущей шхуне, но и на пароходе.

— Отлично! — воскликнул папаша Юферс. А Гвоздик запрыгал от радости.

Правда, не все моряки с «Милого Дюка» решили пойти на новую шхуну. Сакисаки сообщил, что соскучился по родине и уезжает к себе на остров Хонсю. Там он купит маленький домик и откроет мастерскую бумажных фонариков.

— Приезжайте в гости, Гвоздик-сан…

Боб Кривая Пятка на танцах в городском парке познакомился с симпатичной горничной гостиницы «Королевский фрегат». В конце танца он упал, девушка бросилась его поднимать, оба они очень смеялись и через день решили пожениться. Поэтому Боб оставался в Сиднее.

— А башмак мой ты все-таки утопил, — сказал Гвоздику Боб на прощанье.

— Не топил я! Ты сам потерял!

— Утопил, утопил. Да ладно, я не сержусь… — Он поскрипывал новыми лаковыми туфлями.

Шкипер Джордж на глазах у Гвоздика сунул в конверт сложенный вчетверо лист и зеленый банковский билет с портретом королевы Виктории и несколькими нолями. Заклеил, отдал юнге.

— Передай, когда зайдете в Кейптаун, на какое-нибудь черноморское судно…

На конверте было написано:

Россія,
Одесса,
Малый Портовый спускъ,
домъ 3, напротивъ аптеки,
Мадамъ Сидоропуло
Ксеніи Христофоровне
въ собственныя руки

Гвоздик уже умел разбирать русские буквы, да и без того было ясно, кому письмо.

— Обязательно передам! — И он спрятал конверт под матроску, рядом с пуговицей.

Кукунда, кстати, сидел уже в пуговице. Он честно забрался в нее за час до отплытия.

3. ПРОГУЛКИ ПО «НОВОЙ ГОЛЛАНДИИ». — ФУТБОЛИСТЫ. — ТИХОЕ МЕСТО ПОД ТРАПОМ. — КУКУНДА ПОКАЗЫВАЕТ ХАРАКТЕР. — ОПЯТЬ О ЕДИНСТВЕННОМ ЖЕЛАНИИ.

Сперва дядюшка Юферс и тетушка Тонга боялись отпускать Гвоздика бродить по пароходу. Смешно, конечно, однако на крошечных су-

денышках и на плоту они волновались из-за мальчика меньше — там он все время был рядом. А на многоэтажной громадине с сотнями помещений, коридоров, трапов и переходов заблудится или, чего доброго, провалится в какой-нибудь люк! Ищи потом…

Но не станешь же все дни держать непоседливого мальчишку в каюте или водить за ручку. И привыкли наконец, что Гвоздик часами шастает по «Новой Голландии», где столько интересного. Тем более что пассажиры с удовольствием знакомились со знаменитым мальчиком, приглашали в гости.

Среди пассажиров оказались несколько ребят, понимающих в футболе. На верхней палубе нашлась подходящая площадка, а пассажирский помощник капитана мистер О’ Брайен сам вручил игрокам настоящий кожаный мяч. Океан был спокоен, качки не ощущалось, играть можно было, как на суше…

Но через несколько дней Гвоздик стал чувствовать, что ему наскучила шумная жизнь. Вспомнилась Нуканука, плот, плавание на «Фигурелле» — то время, когда он часто оставался один на один с океаном и звездным небом. И Гвоздик нашел себе на «Новой Голландии» укромный

уголок. На таком громадном пароходе сделать это было гораздо легче, чем на «Фигурелле».

В носовой части судна, под широким трапом, ведущим на верхнюю палубу, стоял оранжевый рундук с запасными спасательными жилетами. Рядом, у самых поручней, торчала невысокая труба вентиляции с изогнутым и направленным вперед раструбом. Здесь же была крышка небольшого люка. Гвоздик устраивался на крышке, за рундуком его не было видно. Здесь лишь изредка пробегали матросы, а пассажиры совсем не заглядывали. Гвоздик сидел, вспоминал, размышлял и смотрел сквозь поручни, как далеко внизу катит свои валы Индийский океан…

С Кукундой Гвоздик встречался по вечерам в своей отдельной детской спальне трехкомнатного каютного номера. Кукунда появлялся из пуговицы в прежнем «шаровидном» облике и был жизнерадостен. Наверно, он хорошо погулял в Сиднее. Болтали о том о сем, иногда Кукунда рассказывал удивительные вещи о жизни в каменном веке: про охоту на доисторического носорога или про визит марсиан в племя уу-нуу — они прилетели на блестящей штуке, похожей на таз для варенья…

— А почему сейчас не прилетают? — допыты-

вался Гвоздик.

— Прилетают иногда, только не лезут со знакомствами. Не хотят. Марсианская душа — потемки…

А однажды Гвоздик увидел Кукунду на прогулочной палубе. Неожиданно! В образе профессора Чандрахаддура Баш-кампудри. Изящный индус развлекал дам фокусами. Доставал из рукавов своего английского пиджака пышные розы и дарил их со сдержанными поклонами. Дамы ахали и аплодировали.

Профессор встретился глазами с Гвоздиком, слегка смешался, торопливо откланялся и пошел к мальчику.

— А ну, шагай за мной, — сказал Гвоздик одними губами. И направился в свой уголок под трап. Не оглядываясь. Кукунда, вздыхая, шел за ним. Под трапом Гвоздик сел на люк, сощурил правый глаз, а левым снизу вверх глянул на индуса. — Ну-ну… Гуляем? Без спросу…

Индус в неуловимый миг превратился в увенчанный цилиндром шар. Хлопнул по цилиндру ладонью, чтобы тот сплющился и не торчал из-за рундука. Потом заявил довольно развязно:

— А чего! Я никакого запрета не нарушил. Ты же сам разрешил!

— Я разрешил тебе гулять в Сиднее!

— А здесь тоже Сидней! Пароход принадлежит сиднейской компании, значит, здесь его территория! По закону!

— По любому закону это — свинство. Не выкручивайся.

— А что, мне так и сидеть в пуговице? Рабство такое!

— Если бы ты попросил по-честному, разве я не отпустил бы?

— Ну, вот и отпусти!

— Ну, и… А если ты понадобишься, где тебя искать?

— Я себе купил каюту. Как настоящий профессор! Номер тридцать четыре, на третьей палубе. Первый класс!

— Это же на другом конце парохода! И на два этажа ниже! Полмили бежать, если что…

— Никуда бежать не надо, потри пуговицу, я услышу! Это же недалеко.

— Ну смотри…

И правда, Кукунда появлялся по первому вызову. Гвоздик несколько раз проверял.

Скоро профессор Башкампудри стал любимцем пассажиров. Показывал им удивительные фокусы с огненными шарами и живой коброй, дарил

дамам пузырьки с индийскими благовониями. Он заглядывал в гости к папаше Юферсу, а с тетушкой Тонгой даже подружился. Вдвоем они часами сидели в каюте и рассуждали о тонкостях древней магии.

— Какая женщина! — говорил Кукунда Гвоздику.

— Ну, ты это… смотри, — сказал однажды Гвоздик ревниво. — Давай без ухаживаний.

— А тебе жалко?

— Жалко!.. К тому же есть дамы и помоложе, а Тонга — совсем пожилая…

— А я?! Забыл, сколько мне лет?

— Тем более… нечего романы крутить.

Кукунда надулся (он был сейчас в виде шара).

…Потом они чуть не поссорились еще раз. Гвоздик спросил, откуда Кукунда взял деньги на пароходный билет.

— А что тут такого? Плевое дело! — Кукунда-шар сдвинул на затылок сплющенный цилиндр. — Превратил в банкноты несколько эвкалиптовых листьев…

Гвоздик подозрительно сказал:

— Слушай… А ты вот всякие превращения устраиваешь, фокусы показываешь. Наверно, ты расходуешь на это свою волшебную силу, а?

— Боишься, что тебе не останется? — огрызнулся Кукунда.

Гвоздик слегка опасался именно этого. Но проворчал:

— Я ведь только спросил…

— Трачу я, конечно, — неохотно признался Кукунда. — Но ведь самую малость. Не бойся, на твою долю хватит… если вдруг не запросишь чего-нибудь сверхгромадного.

— А чего, например?

— Ну, гениального таланта какого-нибудь… Или мирового господства.

— А вдруг запрошу! — заявил Гвоздик. Назло Кукунде.

— Ну у тебя и аппетит!

— Это уж мое дело! А твое дело — выполнять! — брякнул Гвоздик. И засопел, потупился. Начал лизать рядом с уголком рта родинку-семечко. Стало очень стыдно.

Они были вдвоем в уголке под трапом. Кукунда-шар, пока Гвоздик сердито и смущенно смотрел в сторону, превратился в профессора Башкампудри. Тот сел рядом с Гвоздиком на крышку люка, взял мальчика за плечи и сказал без обиды:

— Давай поговорим всерьез.

— Извините меня, пожалуйста, — через силу

пробубнил Гвоздик.

— Пустяки… Я действительно должен выполнять твое желание, когда ты его придумаешь. Но беда, что ты держишь меня заложником. Золота не хочешь, чудес никаких не хочешь… Давай подумаем вместе, что тебе нужно… Может быть, правда сделать тебя великим, пока я в силах? Кем бы ты хотел быть?

— Я хочу быть тем, кто есть, — насупленно ответил Гвоздик. — Мальчиком. Это сейчас. А потом хочу вырасти и стать капитаном… Но я и так им стану, без всяких чудес.

— Правильно. Ты Молодец. Думай еще…

И Гвоздик стал думать. Изо всех сил. Самые необыкновенные желания вспыхивали у него в голове. Какое выбрать?

Профессор угадал одну из мыслей Гвоздика. И сказал со вздохом:

— Только не проси бессмертия.

— Не можете, да? — тихо отозвался Гвоздик.

— Почему же… Вполне могу. Только очень это грустное дело — жить вечно. Те, кого ты любишь, уходят, уходят один за другим, а ты с ними прощаешься, прощаешься… — и так без конца… Это во-первых. А во-вторых, каждый человек и так бессмертен, только немногие пока знают это…

Вернее, бессмертно человеческое «я». Однажды рожденное, оно вечно пребывает во Вселенной, обретая разные формы и сливаясь со Всеобщим разумом мира…

— Это вы про душу, что ли? — робко спросил Гвоздик.

— Можно сказать и так… Дело ведь не в названии. А в том, что все мы — частички Вечной Мысли, а она — одно из свойств Мироздания… Непонятно, да?

— Немножко понятно… Я про такое думал, когда смотрел на звезды. Только словами это объяснить трудно…

— Словами трудно… — согласился профессор.

— Знаете что? Можно я подумаю еще? Про желание… — попросил Гвоздик. — Ну, хоть до завтра.

— Ладно… — профессор погладил его по голове. — Ты славный мальчик, мне тоже не хочется покидать тебя навеки так скоро… — Он поднялся. — Я пойду. А ты, если я понадоблюсь, зови. Появлюсь немедленно…

Кукунда исчез, а Гвоздик по-прежнему сидел на люке. Ни о чем не думалось всерьез. Он снял с шеи пуговицу, помахивал ею, крутил на шнурке.

Крутил, крутил, все быстрее — понравилась такая игра. И вдруг… шнурок сорвался с паль-

ца! Пуговица пиратского адмирала Барбароссы свистнула в воздухе и улетела в пасть вентиляционной трубы.

4. ОТЧАЯННЫЕ МЫСЛИ. — ПУТЬ В ГЛУБИНУ. — УДИВИТЕЛЬНЫЙ ТИЛЛИ-ТЕГУС. — В ТРЮМАХ КИПЯТ СТРАСТИ.

Внутри у Гвоздика ухнуло от испуга. Он даже зажмурился и замычал — такой ужасной показалась потеря. Неужели навсегда он лишился надежды на чудо? Кукунда, если они и встретятся, теперь, наверно, смотреть не захочет на Гвоздика. Ну а если и захочет, никакое желание выполнять все равно не станет. Гвоздик потерял на это право.

Жалость какая! Хоть плачь… Да еще и от дядюшки влетит за то, что посеял старинную редкую пуговицу.

Прямо хоть самому в трубу вниз головой!..

Но до раструба не допрыгнуть, не забраться в него. А кроме того, Гвоздик знал, что эти трубы идут далеко вниз, в самые глубины пароходного корпуса. Они — для проветривания машинных помещений и трюмов. Загремишь в тартарары футов на полсотни… А если поискать другой

путь? Есть же где-то проход в трюм!.. Господи, но как же найдешь пуговицу в громадной утробе плавучего города? Как внизу отыщешь, куда именно выходит труба?

А если через этот люк? Куда он ведет?.. Да и наверняка заперт… Гвоздик без всякой надежды ухватился за скобу на крышке, поднатужился… Крышка нехотя поднялась, чавкнув резиновой прокладкой. Гвоздик отвалил ее, тяжеленную, глянул в пахнущую железом темноту. Вниз уходила узкая квадратная шахта. Глубоко-глубоко светился тусклый желтый квадрат. Одна стенка шахты примыкала к железному стволу трубы. На выпуклости этого ствола виднелись скобы-ступеньки. Ура!

Не размышляя ни секунды, Гвоздик уцепился за край люка, спустил ноги, ступил на первую скобу. И полез вниз.

Это было непросто. Ухала под ним страшная глубина. Давил душный сумрак. А скобы приварены были далеко друг от друга — на взрослых матросов рассчитаны. Пока от одной до другой дотянешься подошвой — душа уходит в пятки. Зато по коленкам эти железяки стукают сами собой, искать не надо! Просто брызги из глаз!.. Но Гвоздик упрямо спускался. Светлый квадрат лю-

ка вверху делался все меньше, желтый квадрат внизу — все ближе… И вот последняя скоба! Под Гвоздиком было тускло освещенное пространство железной палубы. До нее — футов семь. Гвоздик ухватился за нижнюю скобу, свесил ноги, повис. Разжал пальцы.

Он отбил сквозь подметки ступни, упал на четвереньки, поднялся. Глянул вверх. Квадратное отверстие шахты чернело в потолке — не допрыгнешь. «Как же я заберусь обратно?» А круглого зева трубы не было совсем. «Значит, она кончилась раньше? И пуговица сюда не падала? Вот еще незадача…»

Надо было искать выход. Гвоздик поддернул порванные штаны, промокнул обшлагом капельки крови на коленях, выпрямился. Помещение было просторное и низкое, освещенное пыльными электрическими лампочками в решетчатых чехлах. Тянулись во все стороны изогнутые трубы с медными колесами вентилей. Где-то ровно дышали котлы. И — никого…

Стукая башмаками по железу, Гвоздик пошел наугад. Грустно ему стадо. Пуговицу не найти, выбраться бы самому…

— Господин Гвоздик, — услышал он вдруг шумный шепот. — Постойте, пожалуйста, послу-

шайте…

Из-за клепаной железной колонны выглядывала большущая бородатая голова в полосатом колпаке. Гвоздик перепугался так, что прямо хоть взлетай с разбега в квадратную черноту шахты и марш-марш наверх по скобам. Но ничего подобного, конечно, он не сделал. Только съежился! А через пару секунд разглядел, что лицо у головы добродушное. Глазки под густыми бровями были приветливые, щеки — будто два розовых шарика, нос похож на растоптанный башмак (как у тетушки Тонги!), а толстый рот смущенно улыбался.

— Извините, пожалуйста, если я напугал вас… — И хозяин волосатой головы неловко выбрался на свет. Это был толстячок ростом Гвоздику до плеча. В мешковатом парусиновом халате, из-под которого выглядывали мясистые ступни — пятидесятого, наверно, размера! И руки были большущие — до самой палубы.

— Вы кто? — выдохнул Гвоздик.

— Ах, простите! Позвольте представиться: Тилли-Тегус. Я из местных жителей. Из обитателей, так сказать, здешних недр. Я понимаю, вы, скорее всего, о нас не слышали и потому несколько удивлены. Однако я все объясню…

— Вы… корабельный гном, что ли? — спросил

Гвоздик. Все еще робко, но уже без прежнего страха.

— Вы правильно угадали! — Тилли-Тегус радостно подскочил и всплеснул ручищами. — Замечательно!..

— Я слышал про корабельных гномов от моряков и от дядюшки… И шкипер Джордж рассказывал, что у них на «Милом Дюке» раньше жил гном Фома Нилыч, но не выдержал заклинаний Макарони и сбежал на другую шхуну… Но я думал, что это шутка.

— К сожалению, не шутка, это случилось на самом деле. И очень жаль. Если бы Фома Нилыч остался на «Милом Дюке», то ни за что не позволил бы ему сгореть…

— Ой, а вы откуда про все про это знаете? И про пожар…

— Видите ли, корабельные гномы очень осведомлены о всяких морских делах. Такая у нас должность…

— Вот дядя Ю удивится, когда узнает, что я вас видел!

— Передайте ему привет. Мы о нем слышали много хорошего. Прекрасный писатель!

— Благодарю вас, — вежливо сказал Гвоздик. — Дяде будет очень приятно узнать ваше мнение…

А можно поинтересоваться, много вас тут?

— Ох, много нас, господин Гвоздик…

— Не говорите мне «господин», я же не взрослый дядька…

— Тогда и вы зовите меня попросту — Тилли… Да, нас много. Раньше мы обычно жили в одиночку или парами, а теперь вот, когда стали строить такие громадины, решили попробовать поселиться вместе, как наши лесные и пещерные родственники. Что делать, времена меняются… Тут у нас что-то вроде городка получилось. И ничего, живем. Я, кстати, староста…

— Рад познакомиться, — шаркнул подошвой Гвоздик.

— Уверяю вас, я тоже весьма рад. И у меня к вам громадная просьба, господин… ох, простите, Гвоздик! Я как раз хотел выбраться на поверхность, чтобы разыскать вас. По просьбе всего населения.

— По просьбе? По какой?.. И как вы про меня узнали?

— Сию минуту объясню!.. Время от времени мы поднимаемся на верхние палубы и незаметно (чтобы, упаси Господи, никому не помешать) смотрим, как и что делается на свете. Надо же расширять кругозор… И вот два наших самых

молодых жителя однажды увидели, как вы, госп… ох, Гвоздик, играете с другими мальчишками большим кожаным шаром…

— Мячом!

— Да-да… Фу-у-ут-балль! Так, да?.. И вот решили попробовать эту игру у нас. Что плохого, вы скажете? Ничего! Только, простите, с той поры в городе кошмар! Все с ума посходили. Матчи каждый день! Игроки чуть не дерутся, болельщики вопят так, что, наверно, на верхней палубе слышно! А почему? Да потому, что никто по-настоящему не знает правил! Каждый придумывает свои и кричит, что они самые правильные… Милый Гвоздик, мы вас просто умоляем! Будьте судьей на сегодняшней игре! Вы избавите нас от нового скандала и заодно во время матча научите игроков настоящим правилам! Все гномы так будут вам благодарны!.. Мы вам памятник

поставим на площади![8]

— Да что вы... — смутился Гвоздик. — Не надо, я и так... Но только у меня беда: понимаете, пуговица сверху сюда скатилась... Не поможете ли найти, а?

— Это раз плюнуть! — горячо заверил Тилли-Тегус. — После игры мы обшарим каждую щель. Не то что пуговицу — любого микроба, если надо, отыщем!

— Тогда хорошо!.. Ой, а я не опоздаю к ужину? А то тетя Тонга разволнуется и дядя Ю ворчать станет.

— Успеете! Идемте скорее!

Так все удачно складывалось! И любопытно! Будет для дядюшки Ю новая история!

---

[8] Примечания: 8

У автора этого романа в папке «Любопытные факты» хранится вырезка из газеты «Сидней-ньюс» 1930 года. Статья называется «Морские великаны прошлого». Вот отрывок из нее: «Недавно был разобран на металл еще один из ветеранов знаменитой пароходной линии «Аустралиа стар» — пароход «Новая Голландия». В одном из трюмов была сделана любопытная находка: мраморная статуя мальчика. Выполнена она весьма изящно и сделала бы чест ь мастерам античности. Однако нет сомнения, что это относительно недавняя работа: мальчик изображен в почти современной одежде. Он стоит, азартно подавшись вперед, куда-то показывает рукой и дует не то в свисток, не то в раковину. На постаменте этой необычайно живой скульптуры непонятная надпись. Один из сотрудников публичной библиотеки попытался расшифровать иероглифы и сообщил, что на языке древнего карликового племени они означают: «Уважаемый и любимый маленький железный шип». К сожалению, такая расшифровка весьма сомнительна и ничего не объясняет.

5. НЬЮ-ГНОМБОРО. — ВЕЛИКАЯ БИТВА НА СТАДИОНЕ. — ЛЕКЦИЯ ГВОЗДИКА. — БЛАГОПОЛУЧНЫЙ КОНЕЦ ИГРЫ. — ЧАЙ-С-ЛИМОНОМ. — ОПЯТЬ ЛОВУШКА!

Вслед за Тилли-Тегусом Гвоздик пролез под толстой изогнутой трубой, затем они миновали железную дверцу. И оказались в высоком коридоре с громадным количеством всяких тюков и ящиков по сторонам. Здесь тоже горели лампы, ярче прежних.

«Видимо, грузовой трюм», — подумал Гвоздик.

Шли долго — будто по улице. Иногда коридор делал повороты, встречались на пути железные переборки с задраенными дверьми. Тилли-Тегус щелкал пальцами, и двери отодвигались с послушным рокотом подшипников…

Не сразу Гвоздик начал замечать перемены. Однако в конце концов его стало охватывать ощущение, будто он идет по настоящим улицам и переулкам. Ящики, оплетенные тросами тюки, обшитые мешковиной кипы товаров неуловимо менялись и все больше напоминали домики. Странно так! Смотришь в упор — ящик как ящик. Глянешь чуть в сторону — и кажется, что в нем

появились окошки, сверху — острая черепичная крыша с трубой, а спереди — крылечко со столбиками и навесом… И такое впечатление, что домиков этих множество, они толпятся, становятся в неровные ряды, громоздятся друг над другом, как на горных склонах. Коридорный потолок исчезал куда-то, затягивался серой дымкой, свет множества ламп соединился в одно желтое пятно, которое светило, как солнце сквозь облачную пелену.

Гвоздик тряхнул головой, и тогда все эти нагромождения вокруг перестали наконец притворяться корабельными грузами. Честно превратились в сказочный городок.

Домики были разноцветные, с хитрыми украшениями, флюгерами над гребнями крыш, с узорчатыми переплетами на окнах. Они соединялись лесенками, мостиками, арками и решетками изгородей. Всюду стояли столбики с фонарями старинного вида. Посреди садика с деревьями в кадках бил маленький фонтан. Позади домов поднимались круглые башни средневекового замка — в них еще угадывались очертания больших бочек.

Красоту портили, пожалуй, только частые надписи углем и мелом. На дощатых заборах и

кирпичных стенах там и тут было нацарапано: «Тулли-Тубус — глупый пень», «Вилли-Пупус + Пумпа-Бумпа = любовь», «Барракуды» — лучшая команда», «Акулы» — победят!» Среди других надписей белели крупные буквы: ЗДЪСЬ БЫЛЪ ВАСЯ.

Как известно, Гвоздик уже выучил славянский алфавит и понимал, что к чему. «Ну и Вася, — подумал он. — Везде успел…» Впрочем, он догадывался, что Васи, скорее всего, разные…

— Как у вас тут здорово!

— Это наш главный город. В удаленных местах есть еще деревеньки, а здесь столица. Называется Нью-Гномборо…

— «Нью» — это ведь значит «новый»… — заметил Гвоздик. — Выходит, есть где-то еще и старый Гномборо?

— Был… — вздохнул Тилли-Тегус. — Каждый раз, когда пароход приходит в порт, случается разгрузка-погрузка, и наш город рассыпается, исчезает. Мы вынуждены отсиживаться в дальних трюмных закутках, а потом строить заново. Поэтому вот все время — «Нью»…

— А разве никто не замечает, что грузы превращаются в дома? — удивился Гвоздик.

— Что вы! Они превращаются только на время рейса!

— А если, когда идет плавание, кто-нибудь спустится сюда? Ну для проверки. И увидит такое…

— Никто не увидит, — с удовольствием сообщил Тилли-Тегус. — Конечно, мы строим город и раздвигаем пространство, но все это с помощью некоторых сказочных приемов. А взрослые, как известно, уверены, что сказок не бывает. Поэтому ничего и не замечают. Дети же здесь никогда не появляются. Вы — первый за всю историю… Идемте скорее, нас очень ждут. Видите, как пусто на улицах! Это потому, что все на стадионе…

Стадион оказался почти как настоящий, только поменьше. Над площадкой подымались ярусы скамеек. Они были забиты длиннобородыми гномами в пестрых колпаках и халатах и гномихами — румяными старушками в чепцах и передниках с оборками. Когда Тилли-Тегус через проход под трибуной вывел Гвоздика на поле, зрители захлопали и одобрительно засвистели (причем свистели даже старушки). Гвоздик очень смутился, хотя, казалось бы, уже привык и к славе, и к шумным встречам, когда жил в Сиднее. Он потупился и стал ковырять башмаком траву (она была искусственная — толстый ворсистый ковер).

Тилли-Тегус поднял руку.

— Уважаемые гномы! — возгласил он. — Этот

замечательный мальчик Гвоздик, о котором вы все слышали, настолько добр, что без лишних слов согласился принять ваше приглашение и судить сегодняшнюю встречу между командами «Акулы» и «Барракуды»! Ура!

Ух, что поднялось на трибунах! Какой радостный рев! Гвоздик даже испугался, что весь Нью-Гномборо сейчас рассыплется, словно карточный городок. Минут десять бушевали трибуны, а Гвоздик сперва буквально засыхал от смущения, но в конце концов освоился и даже помахал над головой ладонью.

Наконец зрители поутихли, заиграли блестящие трубы маленького оркестра, и на поле выкатились двумя вереницами обе команды. «Акулы» — в зеленых трусах и желтых майках, «Барракуды» — во всем белом с голубыми полосками. Правда, майки висели мешками, а трусы на коротких гномьих ножках достигали пяток, но все-таки форма! Как полагается.

Тилли-Тегус начал церемонно представлять всех игроков судье. Гвоздик пожимал большие мягкие ладони, и в голове у него путались похожие друг на друга имена:

— Телли-Тигис…

— Буги-Кугис…

— Куги-Бугис…

— Топи-Тапус…

— Тапи-Топус…

И так далее!.. Лишь одного гнома — очень румяного, с ясными желтыми глазами и бородой веером, звали удивительно и не похоже на других: Чай-с-Лимоном!

Принесли мяч. Он оказался самодельным, как на Нукану-ке, только тяжелее. Плотно набитый шерстью. Гвоздик положил его на центр поля, игроки разбежались по местам, заправили в трусы бороды. Все выжидательно притихли. Гвоздик посмотрел на большие часы — они светились над стадионом на высокой башне с флюгером. Было ровно шесть. Гвоздик строго скомандовал:

— Матч!

И вмиг желто-зеленые и белые слиплись в большущий вопящий шар, который покатился на Гвоздика. Тот еле успел отскочить. Трибуны взорвались ревом… Из «шара» выскочил Чай-с-Лимоном и, подхватив свои зеленые трусы, погнал мяч к воротам.

— Куда! — орали с трибун. — В свои гонишь! Протри бородой гляделки!

Чай-с-Лимоном растерянно остановился. Мяч у него тут же отобрали, пестрая орущая толпа

ринулась в другую сторону… Летали по воздуху колпаки и клочья бород. Мелькали сцепившиеся игроки. Разносились боевые кличи. Бело-желто-зеленая куча металась по площадке от ворот к воротам, вратари то и дело лезли в общую свалку. Гвоздик еле успевал увертываться. Ну, посудите сами, какое тут судейство? Он через две минуты охрип, стараясь навести хоть какой-то порядок. И наконец — вот удача-то! — вспомнил, что у него в кармане свистелка из маленькой раковины. Та, что подарила ему при расставании Цыца-ига. Гвоздик постоянно таскал ее с собой.

Он выхватил плоскую ракушку и подул изо всех сил. Пронзительный свист разнесся, наверно, не только над стадионом, а по всем трюмам «Новой Голландии». Трибуны вмиг притихли. Куча игроков рассыпалась, и они сели на ковер, упираясь ладонями и раскинув большущие босые ступни. Их похожие друг на друга простодушные лица были растерянными.

— Господа! — звонко и обиженно сказал Гвоздик. — Что же это делается?!

— Что? — нерешительно спросил один из игроков. На него цыкнули.

— Я вам говорил! — громким шепотом упрекнул прибежавший с трибун Тилли-Тегус. — Какой

стыд…

Гвоздик решительно усадил обе команды в круг, стал в середине и сообщил, что у них не футбол, а вроде охоты первобытного племени за диким индюком. У футбола же есть свои строгие законы. С полчаса он растолковывал правила всем этим притихшим тути-мотусам и моти-тутусам.

— А главное правило такое: играть вежливо, быть джентльменами.

— «Мены» — это ведь люди, — придирчиво заметил Чай-с-Лимоном. — А мы гномы.

— Ну, будьте тогда… джентльгномами! — решительно потребовал Гвоздик. — И, пожалуйста, не жульничайте во время игры. Иначе никакого интереса!

— Почему это? — не поверил кто-то из игроков.

— Ну, сами-то подумайте!.. Вот, например… Вы любите арбузы?

— Да-а!! — отозвались обе команды и толпа на трибунах.

— Тогда представьте… Скажем, раздобыли вы арбуз. Но внутри он оказался пустой…

— У-у-у!..

— Да! Снаружи — как новенький, а внутри высох. Вот вы его разрезали, корки выбросили, а

себя по пузу поглаживаете, делаете вид: ух, как я наелся!

— Зачем? — удивился кто-то.

— Чтобы соседи завидовали…

— Но ведь в пузе-то все равно пусто! — подал голос Чай-с-Лимоном.

— Вот именно! Так же и в игре, если вы нечестно победили, не по правилам! С виду настоящая победа, а на самом деле… как пустое пузо, сколько его ни надувай!

Сперва все молчали, потом одобрительный шепот зашелестел над стадионом, словно крылья летучих мышей. Негромко и с почтением население Нью-Гномборо обсуждало речь юного судьи. Дивились его уму и здравости суждений. Наконец капитан желто-зеленых «акул» встал, отряхнул трусы и пообещал:

— Мы будем играть без жульничества. И это… по-джентль-гномски.

Капитан «Барракуд» тоже поднялся и протянул «акуле» руку. Трибуны зааплодировали.

…Ну, названия «джентльгномской» игра эта, возможно, и заслуживала, а что касается настоящего джентльменства… Впрочем, правила старались не нарушать и специально не хитрили. И судью слушались. Тем более что Гвоздик теперь

не командовал голосом, а дул в свисток. Но порой судье доставалось крепко. Гномы, хотя и были без обуви, по мячу лупили от души, и он — тугой, увесистый — несколько раз вляпывал в Гвоздика и сбивал его с ног. Но судью тут же поднимали, вежливо отряхивали и просили прощения.

Матч закончился со счетом пятнадцать — пятнадцать. Правда, последний гол в ворота «барракуд» показался Гвоздику малость спорным. Но, поколебавшись чуть-чуть, Гвоздик засчитал его — чтобы получилась ничья и все радовались одинаково.

И гномы радовались! Гвоздика подхватили на руки и сделали с ним круг почета мимо трибун. Зрители вопили и рукоплескали. Гвоздик чуть не оглох.

Когда Гвоздика поставили на ноги, он увидел перед собой веселого Чая-с-Лимоном. Тот широко улыбался, а из-под бороды у него… спускалась на шнурке пуговица! *Та самая!*

Гвоздик так удивился и обрадовался, что вскрикнул тут же без всяких размышлений:

— Эй, да это же моя пуговица!

Чай-с-Лимоном перестал улыбаться. Взялся за шнурок.

— Еще чего!

— Честное слово, моя! Она в трубу улетела, я и полез искать…

— Чаек, отдай, пожалуйста, — строго сказал Тилли-Тегус. — Нехорошо.

— Еще чего! — опять заявил Чай-с-Лимоном и сильно покраснел, а желтая борода его растопырилась. — Я ее дома нашел, в печке. Когда золу выгребал!

— Ну, вот! Она через трубу в печку и залетела!

— А печка-то чья? Моя! Есть такое правило:

Если в мой карман влетело,

То кому какое дело!

— Это нехорошее правило, Чай, — заговорили наперебой гномы. — Оно совсем даже устаревшее… Отдай сейчас же. Что господин Гвоздик про нас подумает!

Чай-с-Лимоном громко заревел, размазывая бородой слезы.

Все растерялись и примолкли. «Вот ведь какая дурацкая история…» — смущенно подумал Гвоздик. И сказал виновато:

— Если бы это обыкновенная пуговица была, я бы, конечно, подарил. Но она… очень-очень важная для меня…

— А для меня… тоже важная, — пыхтел и всхли-

пывал Чай-с-Лимоном. — Красивая такая… Как что найдешь, сразу отбирают… — Он вдруг перестал плакать, помигал и быстро предложил: — А давай тогда меняться! На свисток!

— Ох… мне ведь его подарили. На память… — растерялся Гвоздик. Но часы уже показывали без четверти восемь, а ровно в восемь начинался ужин. — Ладно, держи!

Под укоризненное молчание гномов сопящий Чай-с-Ли-моном стащил через голову шнурок. Вцепился в свистульку и сунул Гвоздику пуговицу. Засопел сильнее и быстро затопал прочь.

— Вы уж простите его, пожалуйста, — неловко попросил Тилли-Тегус. — Он прямо совсем еще дитя…

Сперва Гвоздика провожало множество народа. Но постепенно толпа редела. А когда вместо улиц Нью-Гномборо потянулись опять штабеля грузов, провожающих осталось трое: Тилли-Тегус и оба футбольных капитана. Пришли наконец в помещение с трубами, где в потолке чернел квадратный зев шахты. Капитан «Акул» встал на четвереньки, капитан «Барракуд» забрался на него, а Тилли-Тегус подхватил Гвоздика, чтобы поставить на капитанские плечи. Оттуда можно было дотянуться до нижней скобы. В этот момент

забухали по железу тяжелые ступни. Из-под коленчатой трубы поспешно вылез Чай-с-Лимоном. Отводя глаза и вытирая бородой под носом, он буркнул:

— На… раз тебе подарили… — и сунул Гвоздику свисток-ракушку.

— Спасибо! — обрадовался Гвоздик. — А я тебе пуговицу подарю! Не эту, но тоже красивую. Брошу в трубу.

— Ага… — заулыбался Чай-с-Лимоном.

— Зачем же бросать, — сказал Тилли-Тегус. — Мы надеемся, что вы еще побываете у нас в гостях.

…Подъем прошел быстро. Прямо как на лифте. Потому что Тилли-Тегус лез вслед за Гвоздиком и подсаживал его мягкой, как подушка, ладонью. Когда Гвоздик выбрался наружу, Тилли-Тегус по пояс высунулся из люка, пожал Гвоздику руку и пропал. Гвоздик опустил тяжелую крышку и оглянулся. Над спокойным океаном горел красивый разноцветно-полосатый закат.

«Ох и будет мне сегодня…» — подумал Гвоздик.

В этот миг чья-то рука ухватила его поперек живота. А потная ладонь зажала Гвоздику рот.

6. ЗНАКОМЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ. — СНОВА О СОКРОВИЩАХ. — КРАТКАЯ БЕСЕДА О ПЕДАГОГИКЕ. — ЗУБЫ.

Гвоздик замычал, задергал ногами и скосил глаза. И увидел, что держит его крючконосый бородатый дядька в черных очках.

Этого тощего нелюдимого пассажира Гвоздик замечал и раньше. Тот был одет в узкий клетчатый костюм, замшевые гетры с кнопками и украшенное клапанами кепи. Этакий турист-спортсмен, сверхсдержанный и ни с кем не вступающий в беседы.

«Турист» знакомым шепотом приказал:

— Тихо… Не пикать, малютка.

Он усадил обмякшего от страха Гвоздика на люк, прислонил к трубе, одной рукой уперся ему в грудь, а другой стянул с лица, как единую маску, темные очки, похожий на стручок перца нос и курчавую бородку.

— Ну — с?.. Прошу любить и жаловать. Не ожидали, мой милый?

Конечно, Гвоздик не ожидал! И теперь с перепугу даже забыл, что стоит лишь чиркнуть по пуговице…

— Что вам опять от меня надо? — в отчаянии

прошептал он.

— Пуговки, мой мальчик!.. Не те медяшки, про которые твой дядюшка хитро раструбил в газетах, чтобы замести следы, а настоящие! Бриллиантовые пуговицы Джугги Ройбера!

— Да нету же их! Честное слово! — шепотом взмолился Гвоздик. — И совсем даже никогда не было! Это выдумки!

— Обманывать нехорошо, — ухмыльнулся Нус-Прошус. — Мальчиков за это наказывают… — Он вдруг ухватил Гвоздика за бока, вскинул и посадил на планширь палубного ограждения.

— Тихо… — опять велел он зловеще, потому что Гвоздик невольно вскрикнул. — Еще легкий писк — и птенчик полетит из гнездышка вниз. И никто не узнает, никого рядом нет.

За спиной Гвоздика была жуткая пустота, далеко внизу бурлила вдоль борта пенная вода. Вот ужас-то…

— Я же вам самую-самую настоящую правду говорю, — со слезами зашептал Гвоздик. — Ну, чего вы зря гоняетесь за нами?

— Зря ты упрямишься. Тебя плохо воспитали. Слушай и запоминай! Я знаю, что пуговицы у твоего дядюшки в портфеле. Ты тихонько достанешь их и принесешь мне… Конечно, ты сейчас

думаешь: «Только меня господин Шпицназе отпустит, как я кинусь и подниму шум на весь пароход!..» Не поднимешь, детка. Я принял меры. Если ты не будешь держать язычок на привязи, я знаю, как быстро и незаметно отправить на тот свет и дядюшку, и твою коричневую колдунью, и тебя самого... Понял? — И Нус качнул Гвоздика назад так, что он чуть не потерял равновесие и сдержанно вскрикнул опять.

Нус-Прошус хихикнул:

— Ну, не буду, не буду... если ты станешь слушаться. Мы договорились? Завтра утром принесешь пуговки и будешь молчать об этом, как маленькая смирная рыбка. По крайней мере до того часа, как я сойду в Кейптауне. А там, ха-ха, можете меня искать... Но, конечно, сначала я сделаю то, что не успел в школе. Это моя учительская обязанность. Школьник не может вырасти полезным для общества человеком, если его ни разу как следует не выпороли...

Как ни перепуган был Гвоздик, он все же сказал удивленно:

— Вы ведь сейчас не учитель и даже не сыщик, а просто жулик!

Нус-Прошус не обиделся:

— Одно другому не мешает. Страсть к педаго-

гике — это врожденное чувство, и стремление воспитывать детей может ощущать в себе человек любой профессии. Во мне это будет до самой смерти. И потому я считаю своим долгом… хе-хе… довести наше общее с тобой дело до конца… Ну-с, ты понял меня, любезный ученик? — Господин Шпицназе втянул сквозь зубы воздух, оскалил улыбку и близко-близко придвинул к Гвоздику лицо с бледным носом, на котором темнели рубцы от пальмы.

Это было так отвратительно! И страха не осталось, только злость. Резкая, толчком! Гвоздик, не думая, качнулся вперед и цапнул сыщика зубами за нос!

— И-и-и! — завопил Нус-Прошус и отпустил мальчишку. Но не просто отпустил — сильно толкнул от себя!

Гвоздик взмахнул руками и полетел в океан.

Часть VIII
ГЛАВНОЕ ЖЕЛАНИЕ

1. ПАДЕНИЕ. — ПРЕДАТЕЛЬСТВО КУКУНДЫ. — ОДИНОЧЕСТВО. — КАК УМИРАЮТ В ОКЕАНЕ. — ПАРУСА В НОЧИ. — ЕЩЕ ОДИН СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ.

Вот тут бы опять закричать «мама!». Но у Гвоздика перехватило горло — от длинного, похожего на жуткий сон падения. Ведь летел-то он все равно что с многоэтажного дома…

К счастью, он упал головой и руками вниз, и поэтому не очень расшибся о воду. Но все же удар оглушил его. А инерция потащила вниз, в толщу воды. Очнувшись, Гвоздик задергался, закарабкался из этой соленой, давящей глухоты наверх. Вынырнул наконец. Сразу же его накрыл с головой, завертел, отбросил от парохода пенистый гребень. Гвоздик вынырнул опять.

Черный борт с многими рядами круглых, уже светящихся окон проносился мимо, как бегущая улица фантастического города. Долго, бесконечно. А Гвоздик машинально, беспомощно махал

руками в глупой надежде приблизиться к этой стремительной улице, догнать, уцепиться. А горы воды опять накрывали и отшвыривали его… А потом вдруг прекратился бег этой черной стены с тысячей желтых иллюминаторов. На темнеющем небе обрисовалась высокая круглая корма, труба, задняя мачта в паутине такелажа. И «Новая Голландия» стала быстро уходить от мальчишки, которого играючи перебрасывали с вершины на вершину водяные холмы кильватерного следа…

Конечно, Гвоздик пробовал кричать. Но горло тут же забивало соленой горечью. Он кашлял, барахтался опять и наконец сообразил, что надо держаться спокойнее. Иначе — конец.

Держаться на воде он мог долго. Слава богу, на Нукануке во время купаний с мальчишками было время научиться. Правда, сейчас мешали башмаки. Но Гвоздик, набравши воздуха и кувыркаясь, ухитрился расшнуровать их и стащить. «Прощайте, голубчики»… Он уже начал соображать и разбираться в обстановке. «Новая Голландия» быстро удалялась. След от нее стал спокойнее, водяные бугры сделались пологими и постепенно сливались с длинной, почти незаметной океанской зыбью. Когда такая волна приподнимала Гвоздика, он видел сияющий ог-

нями и чернеющий кружевом рангоута пароход, который теперь вовсе не казался большим…

Гвоздик был уверен, что вот-вот, сию минуту на «Новой Голландии» загремят, зазвенят сигналы тревоги, разнесутся над водой усиленные рупором капитанские команды. Пароход остановится, запоют блоки спускаемых шлюпок. Потому что не бывает же так, чтобы человека бросили одного-одине-шенького в океане… Ну скоро вы там?! Чего резину тянете!..

Однако «Новая Голландия» уходила все дальше, огни ее превращались в светлое, размытое в сумерках облачко, и Гвоздик понял наконец, что спасти его может только чудо…

Чудо!

Вот бестолочь-то! Как сразу не сообразил! Правду говорят, что от страха люди теряют голову… Облегченно заулыбавшись, Гвоздик перевернулся на спину. Нащупал на груди заветную пуговицу. Вот и пришло время главного желания. Что может быть главнее жизни, если тебе одиннадцать лет (да и то не полных, а без недели)?! Надо только задумать так, чтобы он, Гвоздик, не просто оказался на «Новой Голландии», а чтобы все при этом узнали про коварного Нуса и подлый сыщик наконец расплатился за все… В общем, надо ска-

зать так: «Кукунда, сделай, чтобы кто-то видел, как Нус меня скинул, и чтобы подняли тревогу и меня сейчас подобрала шлюпка, а этого негодяя схватили и посадили в канатный ящик…»

Оттягивая удовольствие и улыбаясь, Гвоздик полежал еще в теплой воде, которая ласково баюкала мальчишку. Как Маа…

«Ох, да они же там с ума сходят от беспокойства!»

Гвоздик пальцем зачиркал по пуговице. «Интересно, в каком виде появится Кукунда? Как шар или как профессор? На лодке, на крылышках или просто поплавком на воде?»

Кукунда не появлялся никак…

Это было непостижимо! Вопреки всем волшебным правилам!

«Заснул он, что ли? Ну я ему…»

Гвоздик тер пуговицу все сильнее, ожидая, что вот-вот раздастся знакомый хлопок воздуха и теплый имбирный запах облачком повиснет у лица…

Не было Кукунды!

Может быть, пуговица не действует потому, что мокрая? Гвоздик жарко и отчаянно подышал на нее. Стал тереть опять.

Нет…

Наверно, сигнал вызова был слышен Кукунде лишь на небольшом расстоянии, в пределах парохода. И сейчас Джон Кукунда, эсквайр, профессор Башкампудри небось развлекает фокусами ахающих дам, а о Гвоздике думать забыл!

А может быть… нет, не может… но все-таки… Вдруг это нарочно! Не стало Гвоздика — и джинн свободен от неволи! Я, мол, ничего не слышал, виноватых нет…

Гвоздик отпустил пуговицу, всхлипнул. Посмотрел сквозь мокрые ресницы вверх. Небо стало звездным. Скоро взойдет луна, а пока бесконечные созвездия выстраивали над Гвоздиком сверкающие этажи Вселенной. Их искрящийся свет лучисто вспыхивал и рассыпался среди слезинок…

Сейчас звезды не радовали, не манили Гвоздика. Они были равнодушные и чудовищно далекие…

И впервые мальчик Гвоздик ощутил, что такое безнадежное, последнее одиночество… Он отчаянно, протестующе вскрикнул. Но горло горело от морской соли, и раздался только хрип… Да и какой смысл кричать, если ты в мире совершенно один? Кому кричать? Себе? Богу? «Может, это потому случилось, что я не любил молиться и

ленился ходить в церковь?.. Господи, прости и помилуй… Нет, теперь уже поздно…»

Почему-то вдруг представилось, как два его башмака медленно опускаются в толще беспросветной воды. Наверно, они уже далеко от поверхности… И сам он скоро будет вот так же… «А может, их уже с налета ухватила в зубастую пасть акула? Как башмак Боба Кривой Пятки… Нехорошо, что я ему так и не признался… Акула сцапала этот ботинок и перекусила линь…»

Сколько здесь этих чудовищ, в бесконечном океане, где до ближайшего берега, до мыса Доброй Надежды, больше тысячи миль! И в любую минуту чудовище может с маху разорвать его, Гвоздика, пополам!.. Нет, лучше уж потонуть. Но и тонуть не хочется… Боже мой, так все было хорошо! И плавания, и приключения, и клад, и друзья… И Маа… И вдруг — единым махом!.. То, что говорил Кукунда о бессмертии человеческого «я», теперь ничуть не утешало Гвоздика. Тем более что оказался Кукунда изменником и болтуном.

Гвоздик вновь протестующе забарахтался, вода забурлила вокруг… А когда он обессиленно затих, поняв, что надо привыкать к смерти, бурление воды не исчезло совсем. Отдаленное воркование

струи слышалось в загустевшем воздухе… А может, в ушах шумит? Или… это режет воду акулий плавник? Акулы охотятся ночью? Гвоздик дернулся, глянул в сторону шума…

Совсем недалеко — смутно белея в свете звезд, переливаясь разноцветными каплями бортовых огоньков — двигалась на Гвоздика парусная громада. Гвоздик опять хрипло закричал, закашлял, вскидывая руки, погружаясь с головой и выскакивая снова… Но кто его услышит, кто увидит в темноте?.. Однако спасительная мысль встряхнула Гвоздика радостной надеждой: свисток-то с ним! Не потерялся!

Барахтаясь, Гвоздик выковырял ракушку из кармана. Толчком выдул из нее воду. Опять надул щеки. И резкий, печальный, очень громкий свист понесся в ночи. Еще… Еще…

Парусник, шелестя и бурля, прошел совсем рядом. И стал уходить… Что же это? Куда вы?

И вдруг часто, с резкой силой, загремел корабельный колокол, засвистела боцманская дудка. Громкий голос закричал команды. Вспыхнул белый луч, заметался по воде, ударил в Гвоздика слепящей звездой. Громада корабля с креном разворачивалась, обезветривая паруса. Но Гвоздик, полуослепший от прожектора, уже не видел

этого. Он только дул, дул в маленькую раковину. И сколько времени это длилось — непонятно… Плеск весел раздался совсем рядом. Крепкие и такие надежные — до обморочного счастья надежные! — пальцы ухватили Гвоздика за матроску, за локти, за бока, вытянули из воды…

— Ваше благородие, побачьте, то ж хлопчик!..

И по-английски молодой радостный голос:

— Мальчик, ты откуда? Ты можешь говорить?

— Могу… — и закашлялся опять. — С «Новой Голландии»… Я упал…

— Навались, ребята! — И вельбот дернулся так, что Гвоздика качнуло на грудь офицеру — тот прямо поверх мокрой одежды закутывал мальчишку в свой белый китель…

На борт Гвоздика подняли на руках. Но там, на палубе, он попросил:

— Пустите, пожалуйста, я сам…

С мостика спускался офицер с окладистой русой бородой. Ярко светил фонарь.

— Нашли? Слава Создателю… Ты откуда, мальчик? Давно в воде? Как ты себя чувствуешь?..

— Господин капитан… — через силу сказал Гвоздик. — Господин Аполлон… Филип-по-вич… Вы меня не помните?.. «Долбленая тыква», в Гульстауне…

Капитан стремительно присел на корточки:

— Гвоздик!.. Чудеса твои, Господи! Тесен океан…

Над капитаном, на парусиновом обвесе мостика, чернели буквы: «KRECHET». «КРЕЧЕТЪ» — было написано на спасательном круге…

Гвоздик быстро качнулся к капитану Гущину-Безбородько, прижался к нему и заплакал…

2. НА КОРАБЛЕ СПАСИТЕЛЕЙ. — КАК НУСПРОШУС ВЫБРАЛСЯ С ОСТРОВА. — ТРЕВОГА НА ПАРОХОДЕ. — РАДОСТЬ И ПРАЗДНИК. — РАЗОБЛАЧЕНИЕ НЕГОДЯЯ. — СОН…

Сначала Гвоздик попал в решительные руки веселого толстяка Петра Петровича — корабельного доктора. Тот окунул «пойманную рыбку» в горячую ванну, растер, напоил чем-то горьким и сказал наконец, что «ничего страшного, дыхание вечности еще не успело коснуться этого сорванца…». Вообще-то оно успело коснуться Гвоздика. Но сейчас он ожил и уже не чуял ни страха, ни слабости, только счастливое возбуждение.

Через полчаса он, одетый в костюм российского матроса — в подвернутых штанах и в рубахе

почти до пят — сидел в командирской каюте, глотал из кружки горячее какао и, перескакивая от события к событию, рассказывал о своих приключениях.

— Каков негодяй! — воскликнул капитан Гущин-Безбородько, услыхав, как Нус-Прошус выбросил Гвоздика с парохода. — А мы-то еще помогали этому разбойнику! Ах, кабы знать!..

Оказалось, что именно «Кречет» доставил господина Шпицназе в Австралию. Российский военный клипер зашел на Нукануку через неделю после отплытия плота. А Нус, оказывается, никуда с острова не уплывал, прятался в джунглях. Он явился на клипер, поведал грустную историю, как был смыт с яхты и попал на Нукануку, как туземцы преследовали его и подвергали пыткам. И умолял забрать его с этого ужасного острова. Моряки отнеслись к рассказу «несчастного» без доверия. Туземцы были добрые люди, а этот хнычущий тип смахивал на проходимца. Однако помогать попавшим в беду — долг моряков и всех христиан. Одели, покормили, взяли беднягу на корабль. Даже денег для него собрали среди офицеров… Достигнув Австралии, «Кречет» бросил якорь сперва не в Сиднее, а в небольшом порту Грэфтоне, где были ремонтные доки. Коварный

Нус от Грэфтона до Сиднея добрался, скорее всего, по суше, на почтовом дилижансе, и под чужим именем проник на «Новую Голландию»…

— Ах, кабы знать! — повторил Гущин-Безбородько. — Ну ничего, никуда он от правосудия не денется!

В дверь заглянул молодой лейтенант, который выудил Гвоздика из Индийского океана.

— Аполлон Филиппович! Мы тоже послушать хотим. Позвольте гостя в кают-компанию, а?

— Да вы его замучаете вопросами!

— Что вы! Мы деликатно, в меру… Там уже все собрались.

— Тогда и меня приглашайте.

— Милости просим!..

Тут надо заметить, что командир корабля не считал возможным появляться в кают-компании без приглашения офицеров — таков был обычай…

Гвоздика усадили в кресло, и он, тающий от безопасности, от счастья неожиданного спасения, снова и снова говорил о портфеле Ботончито, о Нукануке, о мерзком Нус-Прошусе…

«Кречет» пришел в Сидней через день после отплытия «Новой Голландии», и офицеры, конечно, читали в газетах о приключениях Гвоздика.

И Аполлон Филиппович рассказывал, что знает мальчишку и что даже в свое время наградил его нынешним именем, значит, Гвоздик — все равно что его крестник. Но кто мог подумать, что события получат такое продолжение!..

Кстати, никто особенно не удивился рассказу Гвоздика о корабельных гномах. Аполлон Филиппович даже сказал, что в трюме «Кречета» тоже обитает представитель этого племени, только он очень стеснительный и редко показывается наверху…

А пока шла беседа, «Кречет», разведя в помощь парусам пары, мчался в том направлении, куда ушла «Новая Голландия». Курс-то был известен — мыс Доброй Надежды. Каждые пять минут бухала на палубе сигнальная пушка.

И наконец близко к полуночи, когда у Гвоздика совсем уже слипались глаза, в кают-компанию просунул голову матрос.

— Ваше высокоблагородие! Кажись, ихний пароход!

— Догоняем? — вскочил Аполлон Филиппович.

— Никак нет! Навстречу прут и сигналят по-всякому!

Гвоздик бросился к выходу.

— Стоп, юнга, — засмеялся капитан. — Куда ты

в таком наряде? Распугаешь всех пассажиров!

Принесли высушенный и отглаженный костюм Гвоздика. Только вот башмаков не было. Зато один веселый матрос попросил:

— Ваше высокоблагородие, дозвольте подарить мальчонке мою бескозырку! Он ведь вроде бы и мой крестник. Это я его первым услыхал, а потом в луче разглядел…

«Кречетъ» — было написано на черной ленте бескозырки.

— Подари, Василий… Гвоздик, это тебе вместо прежнего берета, — сказал Аполлон Филиппович. — Теперь ты опять как гвоздик. И гвоздик ты героический, железный, хотя и не тонешь.

…Наверное, не стоит подробно рассказывать про отчаяние дядюшки Юферса и тетушки Тонги, когда ни к ужину, ни после ужина Гвоздик не появился. Не надо терзать читательское сердце. Скажем только, что переполох нарастал, как лавина. По всем палубам, по всем закоулкам был объявлен поиск. Попробовали бы не объявить, если этого требовала герцогиня Тонга Меа-Маа… Конечно, мальчика не нашли. И безутешная Маа заявила, что паи-паи наверняка упал за борт. Немедленно полный назад! Обыскать океан!

Это было безумие! Во-первых, как считал ка-

питан «Новой Голландии», мальчишка шастает где-нибудь по пароходу. Заблудился или застрял… Во-вторых, если и, не дай бог, угодил за борт, где теперь его найдешь? Да еще ночью! Сколько времени прошло! Большое, конечно, несчастье, да только что поделаешь. А разворачивать на обратный курс такую махину, жечь многие тонны лишнего угля, выбиваться из расписания! Убытков не счесть… Но тут стали возмущаться и требовать обратного курса многие пассажиры, через помощника О'Брайена предъявили капитану ультиматум. Потому что многие знали и любили Гвоздика.

Пароход описал дугу и пошел на восток, давая долгие гудки и обшаривая темную воду прожекторами. Примерно через час показался палящий из пушки русский военный корабль. Вспышками сообщил, что… о, чудо! О, счастье!

Два судна, сияя огнями, медленно сходились в океане и наконец застопорили ход в полукабельтове друг от друга. Эту чудесную картину еще больше украшала повисшая в чистом небе круглая луна. Аполлон Филиппович Гущин-Безбородько распорядился спустить капитанский вельбот. Он сам решил сопроводить Гвоздика на «Новую Голландию». По этикету, наверно, пола-

галось, чтобы капитан пассажирского парохода первым посетил командира военного корабля, да уж ладно. Пока эти штатские раскачаются…

Вельбот стрелой помчался к «Новой Голландии», пересекая на зыби лунную дорогу. Матросы «Кречета» кричали вслед «ура!». Опять — уже радостным салютом — бухнула пушка. А на сверкающем плавучем городе гремел оркестр…

Гвоздик опять едва не погиб — в объятиях Маа. Едва не захлебнулся в Ниагаре ее счастливых слез. И когда он, опять чудом оставшись в живых, освободился и задышал, к нему обратился капитан «Новой Голландии»:

— Поздравляю, молодой человек. Вы сегодня родились заново, и для всех нас это тоже счастливый день… Однако постарайтесь больше не падать за борт. Остановки в океане и поиски таких любителей купания не всегда кончаются удачей. И обходятся судовой компании в ха-арошенькую сумму…

Гвоздик возмущенно вскинул голову в помятой бескозырке:

— Да вы что! Думаете, я сам упал? Меня скинули!

— Кто? Что? Где этот негодяй? — раздалось вокруг.

— Вот этот негодяй! — послышался властный голос. Профессор Башкампудри прокладывал в толпе дорогу, а за ним два матроса тащили под руки тощего клетчатого господина.

— Это он! — закричал Гвоздик, и горячие слезы брызнули у него из глаз. — Он меня сбросил!..

— Я протестую! — громко завозмущался замаскированный Нус-Прошус. — Я впервые вижу этого мальчика!

— Врешь! — Гвоздик подскочил и одним движением сорвал с Нуса очки, нос и бородку. — Смотрите! У него на настоящем носу следы от моих зубов!

Все ахнули.

— Сударь, — сказал Нусу капитан «Новой Голландии». — До Кейптауна вам придется посидеть под арестом в вашей каюте. Далее — дело полиции... Эй, оркестр! Марш «Морской король» в честь мальчика и его славных спасителей!

...И было еще много всего: шума, поздравлений, возмущений по поводу вероломного Нуса и радостной музыки. «Новая Голландия» и «Кречет» разошлись наконец, сигналя и салютуя друг другу. Гвоздик долго махал бескозыркой морякам клипера. Особенно капитану Гущину-Безбородько и матросу Васе, который первым услыхал и

увидел Гвоздика в океанской ночи…

Несколько раз осторожно приближался профессор Башкампудри, смотрел виновато и выжидающе. Но Гвоздик делал вид, что не замечает этого… В общем, понятно кого…

Когда Гвоздик улегся в постель, Маа села у его изголовья, а дядя Ю в ногах. И так сидели до рассвета, будто боялись, что он опять исчезнет. А ему снились ботинки. Они в толще океана опускались все ниже и беседовали: «Как хорошо! Прохладно и спокойно…» — «Наконец-то мы больше не будем сидеть на ногах этого несносного бегуна! А то ведь целый день — по палубам, по ступеням, по ржавым скобам!..» — «У меня уже дыра на подошве…» — «И у меня… Ну, ничего! Дырки нам пригодятся, они будут окошками, когда мы опустимся на дно И сделаемся домиками для рыбок». — «Я предпочел бы иметь жильцом пожилого глубоководного краба-одиночку. Спокойнее…» — «Пожалуй, вы правы…»

3. УТРО. — КУКУНДА ОПРАВДЫВАЕТСЯ. — ДЯДЯ Ю И МАА БОЯТСЯ. —

КРАТКОЕ УПОМИНАНИЕ О НУСЕ. — ВИЗИТ ПРОФЕССОРА ВАШКАМПУДРИ.

Конечно, после столь бурной ночи Гвоздик проснулся поздно. Однако все же раньше дядюшки и Маа… Он сразу все вспомнил. Но вчерашние приключения казались очень далекими и ненастоящими. Можно было бы подумать, что все приснилось, но на стуле поверх одежды лежала бескозырка с надписью «Кречетъ».

Гвоздик сел в постели, надел бескозырку и стал думать обо всем понемногу. Без тревог и запоздалого страха. На потолке горела солнечная искра. И Гвоздику вдруг вспомнилось другое утро — первое утро его первого плавания, когда он проснулся в дощатой каютке «Милого Дюка». Полгода прошло. А кажется — сто лет!..

Ну, сколько бы там ни прошло, а через несколько дней Гвоздику стукнет одиннадцать. Дядюшка проговорился, что пассажиры хотят устроить в этот день праздничный обед. Ахают: «Какой удивительный ребенок, просто герой!..» А какой он герой? Все приключения сами собой случались, а он только и знал, что боялся… Но с другой стороны… не каждому все-таки повезет в таком возрасте найти клад знаменитого капитана и

совершить кругосветное путешествие!..

Гвоздик вдруг хихикнул: земной шар представился ему с ножками, с ручками и в шляпе — как Кукунда. Тут же Гвоздик насупился — вспомнил про измену. И в эту секунду из-за кровати резво выкатился живой шар в цилиндре.

— Чего пришел? — непримиримо сказал Гвоздик.

— Доброе утро! — легкомысленно отозвался Кукунда и приподнял цилиндр.

— Иди ты знаешь куда! Я тебя видеть не хочу. Дезертир.

— Ну уж, зачем уж так-то уж... Легкое недоразумение вышло. Завертелся, закрутился, потерял бдительность. Это я признаю и прошу, так сказать, прощения... Никак не думал, что этот проходимец выкинет тебя за борт... Тебе надо было сразу пуговицу тереть, а ты небось волынку тянул. На даль-нем-то расстоянии связь не действует...

— Я еще и виноват! — возмутился Гвоздик.

— Не говорю я, что ты виноват, — забубнил Кукунда. — Ну, я виноват, что теперь делать... Но, в конце концов, я же тебя и вытащил! Разве плохо все кончилось? Наоборот! Еще одно приключение, будет что вспомнить!..

— Что ты врешь! Меня матрос Вася заметил! А ты при чем?

— А кто устроил, что «Кречет» на тебя наткнулся? Вася? Когда спохватились, что тебя нет, я сразу понял, что к чему! Рассчитал наилучший вариант спасения и самый ближний корабль пустил тебе на выручку… Очень просто!

— Куда уж проще! — совсем разозлился Гвоздик. — Не мог, что ли, сразу на «Новую Голландию» меня вернуть?

— Конечно, не мог! Это было бы волшебное чудо: перенести мальчишку по воздуху на много миль! Волшебное чудо угу могут совершать лишь по желанию своего хозяина, когда он четко и ясно требует: «Сделай вот это!» А то, что тебя моряки выловили, — это чудо правдоподобное. Никто не придерется…

— Ты мне винтики против резьбы не вкручивай, — сказал Гвоздик. — Меня Вася заметил. А ты теперь примазываешься…

— Не хочешь — не верь…

— Паи-паи! — раздалось из-за двери с мощностью приглушенного пароходного гудка. — Ты уже проснулся, моя детка?

Кукунда усох и дымной струйкой втянулся в пуговицу, которая валялась на ковре у кровати.

Гвоздик подумал и надел ее на шею…

Два дня Ю и Маа не спускали с Гвоздика глаз. Первый день он вообще провел в каюте. Дядюшка говорил, что неприлично, словно какому-то босяку, ходить по пароходу без башмаков. А ботинки, как мы знаем, были уже на дне и служили домиками морским жителям.

Но, разумеется, в громадном пароходном универмаге нашлась обувь для мальчика. Вежливый продавец принес в каюту десяток коробок, на выбор. И Гвоздик вместо твердых ботинок с крючками и шнурками выбрал легонькие сандалии с дырчатым узором. Тогда они только входили в моду, но вскоре стали обычной обувью для мальчишек и девчонок многих стран…

Но и в обуви дядюшка и тетушка не отпускали мальчика от себя. Наконец он взмолился:

— Ну, что со мной сделается! Ведь Шпицназе сидит под арестом!

— Эта бестия найдет выход, — опасливо сказал папаша Юферс. — Он уже много раз ускользал…

Забегая вперед, хочу сказать, что папаша Юферс оказался прав. Через несколько дней, во время стоянки в Кейптауне, Нус-Прошус непонятным образом сумел удрать из каюты и бесследно затерялся в большом городе. Ни на пути у Гвоздика,

ни в нашем романе он больше не появится. Так что давайте скажем ему «прощай» и вернемся к нашим главным героям.

Скандальный разговор происходил в каюте у тетушки Тонги. Гвоздик доказывал ей и дядюшке, что Шпицназе сидит взаперти за дело. А почему он, Гвоздик, должен быть под постоянным надзором?.. Что? Опять свалится за борт? Пускай дядюшка — знаток всех удивительных морских случаев — скажет: где, когда было, чтобы в течение одного рейса какой-нибудь мальчишка дважды падал за борт посреди океана?

— От тебя всего можно ждать, — ворчал дядюшка. А Маа тяжело и огорченно охала.

Гвоздик применил последнее, не совсем достойное средство: хныкнул и начал тереть глаза.

— Паи-паи! — заволновалась тетушка Тонга. — Не плачь, моя птичка, не надрывай старой Маа сердце…

В этот момент в дверь постучали. И возник на пороге… профессор Башкампудри! Гвоздик машинально схватился за пуговицу.

Профессор очень вежливо попросил у госпожи Меа-Маа и господина Юферса позволения погулять с мальчиком. Неделю назад Гвоздик и он, профессор Башкампудри, вели увлекательную

беседу о некоторых свойствах Бесконечности, и хотелось бы привести к завершению некоторые возникшие идеи.

Папаша Юферс и тетушка Тонга весьма уважали профессора и полностью доверяли ему. Разумеется, Гвоздик немедленно был отпущен, а профессор удостоен всяческих благодарностей за внимание к мальчику.

Когда вышли из каюты, профессор молча направился по пароходу в уединенный уголок под трапом. Гвоздик — следом. Странно — он чувствовал себя словно в чем-то виноватым…

4. ГОРЬКОЕ ПРИЗНАНИЕ КУКУНДЫ. — КОГДА НЕ НУЖНО ВОЛШЕБСТВО. — СВОБОДА. — ТИЛЛИ-ТЕГУС. — ПРОЩАЙТЕ, ДРУЗЬЯ…

Здесь, под трапом, никого, конечно, не было. Гвоздик посмотрел на поручни и поежился, вспомнив, как недавно летел с них в океан… и вдруг сжался от испуга: а что, если Кукунда привел его сюда, чтобы вновь отправить за борт. И так избавиться от рабства.

Но тут же Гвоздик прогнал эту трусливую и глупую мысль.

Профессор сел на люк, поддернув на коленях

изящные брюки, посадил рядом Гвоздика. Тот искоса смотрел на него и трогал языком родинку-семечко. Профессор Башкампудри поправил белоснежный тюрбан и вздохнул:

— Гвоздик… я должен признаться. Мне очень стыдно, и все-таки это необходимо. Дело в том, что угу никогда не лгут, а я соврал. И теперь мое энергетическое поле сохнет и тает от угрызений совести…

Гвоздик прищурил один глаз, а другим уже с интересом глядел на виноватого Кукунду-профессора.

— Где это ты… где это вы соврали? Когда?

— В то утро, после твоего приключения… Увы, я не направлял клипер «Кречет» к тебе. Это чудо совершилось тогда само по себе… А может быть, вмешались гномы…

— Как… вмешались?

— Они умеют переговариваться друг с другом на очень больших расстояниях, между разными кораблями. Люди тоже скоро придумают такую связь, а гномы это колдовство знают давным-давно… Возможно, услыхали, что ты пропал, и дали сигнал по всем кораблям. А гном на «Кречете» незаметно подправил руль до нужного курса… А я в ту пору был ужасно растерян и забыл все

волшебство, не знал, где тебя искать…

Гвоздик почему-то смутился и не смотрел на профессора. Снял бескозырку, надел ее на колено, покрутил туда-сюда. Потом сказал:

— Ну и ладно… А заметил в воде меня все-таки Вася… Капитан Аполлон Филип-по-вич подарил ему свои серебряные часы. Я думаю, не зря…

— Не зря… А я достоин всяческого поношения, и не будет мне покоя, если ты меня не простишь… — в голосе Кукунды прорезались восточные нотки, как у муэдзина.

— Да ладно… — Гвоздик ежился, вертел на колене бескозырку и от неловкости шевелил в новых сандалиях пальцами. — Чего уж теперь… Все равно все хорошо кончилось.

— Для всех, кроме меня! — горько сказал Кукунда. — Как мне теперь смотреть в глаза другим угу? Если ты не простишь…

— Да бросьте вы, я не сержусь, — быстро и смущенно проговорил Гвоздик.

— Правда??

— Честное моряцкое…

— Какое счастье… — выдохнул Кукунда. — Я будто родился заново! Я как совсем крошечный угу, который вылетел из цветка доисторического лотоса и смотрит ясными глазами на

открывшийся ему неведомый мир… Спасибо тебе сердечное…

— Да ладно, чего там… — опять сказал Гвоздик, водя пальцем по золотым буквам на ленте.

— А теперь… — вздохнул Кукунда-профессор, — мы должны попрощаться. Чтобы я вновь не впал в соблазн современной жизни и случайно не подвел тебя. В общем, во избежание новых неприятностей… Придумывай срочно желание, и кончим на этом!

— Но я не знаю… — робко сказал Гвоздик.

— Нет уж, давай, — тихо, но твердо потребовал Кукунда. — Тянуть дальше просто опасно.

— Ну, тогда… — Гвоздик поскреб в затылке и спросил нерешительно: — Может, вы сделаете, чтобы дядя Ю и Маа больше не пасли меня так… будто неразумную овечку…

— Да это и без того скоро кончится! Зачем тратить волшебство на такие пустяки! А кроме того…

— Что?

— Не лишай радости заботиться о тебе тех, кто тебя любит.

— Какая же это радость? Они боятся так, что мучаются!

— И все равно радость… — вздохнул Кукунда. —

Когда-нибудь поймешь…

— Тогда я не знаю… Ох, вот что! Сделайте, чтобы дядя Ю и Маа никогда не болели и жили долго-долго!

— Это и так будет, без колдовства. У них прекрасное здоровье. Не тревожься… Все, кого ты любишь, будут жить долго. И даже твой приятель Джекки Тимсон, которого ты забыл, но который тебя помнит и ждет…

— Вовсе я не забыл! Я ему… кокосовую маску подарю! Рожа такая смешная, из скорлупы вырезанная! Я ее специально для этого с Нукануки везу!

— И в старой школе, где ты учился четыре года, тебя помнят…

— Вот хорошо!.. Тогда, может быть… сделать так, чтобы у нас получилось все-все, как задумано? Пусть будет настоящий пароход! И чтобы там музей и…

— Вот чудак! Ты же отказался от груды золота. А теперь хочешь, чтобы все тебе на блюдечке… Пароход будет и так, без всяких чар, надо только похлопотать и поработать. А без этого какой интерес?

— Никакого… — кивнул Гвоздик.

— Все получится, как задумано, — немного уста-

ло объяснил Кукунда. — Потому что ты отыскал клад капитана Румба, а дядюшка написал свою книгу. Вы заработали свое счастье. А чтобы не потерять его, надо стараться дальше. Без этого все равно удачи не будет, и целая армия джиннов не поможет… Ну, загадывай желание! И я полечу…

— Чего вам здесь-то не живется? — с досадой сказал Гвоздик.

— Потому что как на привязи, — тихо ответил Кукунда. — И все время ждешь: вот-вот эта жизнь кончится…

Гвоздик снял пуговицу, покрутил на шнурке и кинул за борт.

— Вот и нет никакой привязи…

— Что ты сделал!!

— А что? — слегка испугался Гвоздик. — Вам разве хуже?

— Мне — замечательно! А тебе… Ты лишился волшебной возможности!

— Ну ее на фиг, — насупленно сказал Гвоздик. — Одна морока только. И мне… и вам.

— Значит, ты насовсем отпустил меня?

— Ну, вы же сами видите…

— О господи! — счастливо простонал Кукунда. — Вот радость-то небывалая! Ты даже не представляешь! Ведь угу становится полностью

свободным только тогда, когда человек по доброй воле отпускает его!.. Теперь я могу жить вольно! Как люди!..

— И ухаживать за дамами, — тихонько ввернул Гвоздик.

— Что-что?

— Да нет, я так… Только с Маа вы уж не любезничайте слишком часто.

— Ладно, ладно… Ох, ну неужели это правда случилось? Четыреста тысяч лет ждал…

Кукунда вдруг притих, подпер щеки ладонями…

— А куда вы теперь отправитесь? — осторожно поинтересовался Гвоздик.

— Куда угодно! Я вольная птица!.. А крыша над головой и деньги для меня не проблема. Легкие чудеса я всегда могу творить без посторонних желаний… Гвоздик…

— А!

— У меня такая мысль… А что, если я поселюсь в Гульс-тауне? И когда у вас будет пароход, я стану выступать на нем перед гостями, фокусы показывать? Из меня получится неплохой артист, уверяю!

— Конечно! Дядя Ю будет очень рад…

— А ты? — нерешительно спросил Кукунда.

— Ну, и я…

Они посидели, помолчали. Кукунда вдруг усмехнулся:

— Вот ведь… Случилось небывалое счастье, а на душе вместо ликования какая-то печаль… Может, оттого, что я слишком долго ждал. Или оттого, что счастье это — сверх всякой меры и потому боится бурной радости…

— Может быть, — согласился Гвоздик. — А у меня вот печаль без всякого счастья. Влетит мне от дядюшки Ю…

— За что?!

— За пуговицу.

— Какая чепуха! Я сделаю тебе в точности такую же! Только не волшебную.

— Правда? Тогда, если можно, сделайте две! Я одну подарю гному, Чаю-с-Лимоном. Я обещал…

В этот момент шевельнулась под ними крышка люка, снизу постучали. Гвоздик и Кукунда вскочили. Крышка поднялась, из-под нее показалась бородатая голова в полосатом колпаке.

— Тилли-Тегус! — обрадовался Гвоздик.

— Добрый вечер, господа. Вы позволите мне посидеть немножко с вами?

— Сделайте одолжение, — сказал Кукунда. А Гвоздик помог Тилли-Тегусу выбраться из люка.

При этом подумал, что надо бы сказать большое спасибо за свое спасение. Но почему-то постеснялся. И к тому же кто знает: вдруг корабельные гномы были здесь ни при чем? Неловко получится…

Все трое сели на крышку, гном посередине.

— Вы знаете, хотя мы и глубинные жители, но иногда тянет посмотреть на небо, на солнышко, — признался Тилли-Тегус.

Кукунда покивал тюрбаном. Гвоздик тоже понимающе кивнул. Помолчали.

Потом Гвоздик сказал:

— У меня скоро день рождения. Приходите на праздник, господин профессор, и вы, Тилли-Тегус, ладно? И Чай-с-Лимоном пусть приходит, я приглашаю…

Гном поскреб бороду.

— Очень благодарю. Только мы не приучены к шумному людскому обществу, стесняемся. Да и выселить нас могут, чего доброго, за безбилетное проживание… Но подарок мы вам пришлем обязательно… Большую коробку с красками.

— Спасибо! Я давно о красках думаю…

И все опять замолчали. Солнце уже стало малиновым, неярким и опускалось в океан. Зажглись золотые и разноцветные ленты облаков. Такая

красота… Но тем, кто смотрел сейчас на это, было немного грустно. Не одному Кукунде, а всем троим…

Согласитесь, что слегка грустно и нам с вами. Может быть, потому, что над океаном светит закат, а он — даже самый красивый — навевает печаль. А может быть, дело в том, что сейчас мы прощаемся с нашими героями. Про то, что случилось потом, пришлось бы писать другую книгу.

А книга про портфель капитана Румба — закончена.

ЭПИЛОГ

Нет, не совсем книга закончена. В морских (да и всяких других) романах принято писать эпилоги. Они для тех дотошных читателей, которым надо — ну совершенно необходимо! — знать, что было с героями дальше.

Я в затруднении. Что было дальше, в точности я не знаю. Меня выручает лишь очень старая газета «Гульстаун миррор», попавшая ко мне совершенно случайно, в давние времена. Там на последней странице, где всякая реклама, есть объявление.

ВНИМАНИЕ!
ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!
Дамы и господа!
Девочки и мальчики!
Все большие и маленькие любители морских путешествий!

Пароход
«Капитан Румб»
акционерного общества
«Юферс и Большая компания»

1 июня сего года

отправляется в увлекательное плавание

по Атлантическому, Индийскому

и Тихому океану!

Билеты пока еще есть (хотя совсем немного)!

Если вы хотите испытать интересные приключения, увидеть заморские чудеса и побывать на замечательном острове Ну-канука, спешите в кассу, которая расположена в таверне «Новая Долбленая тыква»!

Дети, торопите родителей!

Во время плавания вы познакомитесь с музеем знаменитого

капитана Румба по прозвищу Ботончито

и узнаете о его богатой удивительными событиями

жизни. А также вас ждут всевозможные развлечения,

игры и цирковые представления.

Факир Иеккоконан Коканд-ибн-Дах-

хар
поразит ваше воображение
чудесами индийской и арабской магии.

Всемирно известный стрелок
Педро Охохито
продемонстрирует чудеса меткости.

Каждый вечер перед сном дети будут слушать сказки южных
морей, которые расскажет им
знаменитая волшебница
Тонга Меа-Маа.

А в конце плавания все дети получат на память
о путешествии толстую книгу
«Удивительные морские истории,
собранные и написанные папашей Юферсом»
с замечательными разноцветными картинками,
которые нарисовал его племянник,
юный, но уже известный художник

Ричард Гвоз-Дик.
1990 г.

«Я БОЛЬШЕ НЕ БУДУ», ИЛИ ПИСТОЛЕТ [empty link] КАПИТАНА СУНДУККЕРА Повесть-сказка [empty link]

Моему другу капитану дальнего плавания Захару Липшицу на память о нашей парусной молодости.

ВСЯКИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

1

Всю ночь по дворам гавкали собаки. Наверно, снова над огородами болтался неопознанный летающий объект. Генчик часто просыпался, но в окошко не смотрел — надоело. Натягивал на голову простыню, чтобы поскорее опять уснуть.

Мать с отцом, видимо, тоже спали плохо. Утром они поругались. Не сильно, а так, в обычном режиме. Потом отец ушел в свои мебельные мастерские, а мать стала готовиться к стирке. И, конечно, ворчала на «всю эту распроклятую жизнь, от которой лучше бы уж прямо на тот свет».

И в это время ей добавила досады Прекрасная Елена.

— Мама, в нижнем ящике комода кусок тюля лежал! Куда девался?

— Здрасьте! Я его еще весной Марье Даниловне отдала, для кухонной занавески…

— Ну что ты наделала!!! Я хотела из него накидку сшить! С блестками! А теперь как быть?!

— Спохватилась! У всех наряды давно готовы, а

ты все еще телишься…

— Да! Потому что с вами тут… Ни рубля, ни лоскутка лишнего!.. Люди-то на сцену в шелках пойдут, а я в тряпье. Да и того не найдешь!..

Вообще-то Ленка была красивая. Но когда она принималась скандалить, нос у нее краснел и набухал. В такие моменты у Генчика не было к старшей сестрице никакой жалости.

Прекрасная Елена готовилась к ежегодному конкурсу «Мисс Утятино». В поселковом Доме культуры. Тот, кто победит, получит право участвовать в конкурсе «Мисс Белорыбинск». Белорыбинской «мисс» открывалась возможность бороться за титул «мисс Загоряевская область». А дальше конкурсы «Мисс Вся Страна» и — если уж очень повезет — «Мисс Весь Белый Свет».

На самый громкий титул Елена не очень рассчитывала. Но на победы в поселковом и городском масштабах надеялась. Отец хмыкал и говорил, что «Мисс Утятино» звучит так же, как «графиня де Кривопяткина» или «маркиз Васька де Портянкин». Елена в ответ стреляла негодующими взглядами. И сотый раз перекраивала свой конкурсный наряд.

Моды менялись почти ежедневно, и с каждой перекройкой Ленкино платье становилось все

короче. По правде говоря, это уже не платье сделалось, а что-то вроде купальника с блестками. И блесток на нем было больше, чем материи.

— У кого это «все готово»? — кричала матери Ленка. — Если хочешь знать, все до последнего часа костюмы переделывают! А я хотела вообще шить заново, потому что мои лохмотья годятся только, чтобы милостыню просить на вокзале!.. — Нос у Ленки набух еще больше.

Генчик не выдержал:

— Мама! У меня где-то бескозырка была! Помнишь, с ленточкой, на которой написано «Космонавт»?

— Тебя мне еще не хватало!.. Зачем она тебе? Это до-школьничья бескозырка, в таких только в детский сад ходят!

— Не мне, а Елене. Пусть возьмет ленточку. По нынешней моде ее как раз хватит на юбку…

Генчик увернулся от брошенной в него Ленкиной босоножки. Ушел на кухню. Там он сунул палец в банку с остатками клюквенного варенья, мазнул красным соком по коленке и стал замазывать ее заранее припасенным бинтом.

Елена с матерью тоже появились на кухне.

— Что с ногой-то? — сердито забеспокоилась мама.

— Ерунда. Маленько царапнул.

— Врет он, мама! Это он куда-то на трамвае собрался. Ногу бинтует, чтобы бабкам место не уступать. «Сиди, милый, сиди, у тебя ножка болит…»

— Мам, врет она!

— Вру, да? А чего палец лижешь? Кровавую рану клюквой рисовал!

— Я щас тебе тоже кровавую… Мама, чего она пристает!

Мать махнула рукой: мне бы, мол, ваши заботы. Но все же

спросила:

— А куда это ты на трамвае настропалился?

— В «Юный техник». Там цветные проводочки продают, уцененные. Совсем почти даром…

— Опять будет своих шкелетиков плести, — подъела Елена. — И так они по всем углам, мусор один…

— Тебя не спросил!

Генчик мастерил из цветных проводков не «шкелетиков», а разноцветных человечков. Они были у Генчика и акробатами в цирке (где тарелка вместо арены), и космонавтами в пластмассовом звездолете, и солдатиками в картонной крепости. И жителями большого города, который

Генчик строил за сараем, на краю огорода. И каждый знал свое место, зря Елена болтала, что они по всем углам…

Генчик показал сестрице язык.

— Про ленточку не забудь… Мама, я пошел!

— Стой! Надень чистую рубаху, смотри, майка вся перемазанная…

И мама принесла новую рубашку — ярко-синюю, с крупными белыми горошинами.

— Ну вот, хоть немного стал на человека похож…

— На пугало он похож. Хоть в какой рубахе, все одно, — сообщила Елена. Генчик опять старательно высунул язык. Ленка опять сняла босоножку. Мать прикрикнула на обоих. А Генчику велела:

— К обеду будь дома! Поможешь белье развешивать.

— Есть, товарищ вице-адмирал!

2

Стычка с Прекрасной Еленой не испортила Генчику настроения. К тому же он умел им управлять, настроением-то. И за дверью Генчик сразу включил в себе песенку:

Ты — ковбойша, я — ковбой,

Поженились мы с тобой.
На двоих одна кобыла
И свод неба голубой…

Под эту бодрую мелодию проскакал он со второго этажа на двор, оттуда — за сарай, где в лопухах было спрятано оружие: ржавый кухонный тесак в ножнах из картона, обвитого изолентой.

Генчик сунул тесак за пояс. Точнее, за резинку на шортах. Поправил, чтобы ножны не торчали из короткой штанины. Хорошо, что рубашка навыпуск, рукоятку под ней не видать. Совсем ни к чему каждому встречному знать, что Генчик вооружен.

Между грядками с цветущим картофелем Генчик пробрался к изгороди, перелез через жерди (нож мешал, но не очень). И оказался на улице Кузнечной.

Почему дали улице такое имя, никто не знал, сроду тут не было кузниц. Были только старые деревянные дома — одноэтажные и двухэтажные — да кирпичное здание поселковой поликлиники.

Генчик это здание не любил: там ему несколько раз лечили зубы. В семь лет у него разом вывалились два передних зуба, а новые росли неохотно.

Один вообще не вырос, хотя весной десять лет стукнуло человеку. А другой вырос, но криво. Его пытались выровнять, но без успеха. Генчик иногда расстраивался, глядя в зеркало. А Елена (когда была в хорошем настроении) говорила:

— Не горюй, у тебя очень обаятельная улыбка. Оригинальная…

На косогоре у поликлиники паслась пожилая коза домохозяина Перфильева. Всем знакомая. Семена одуванчиков липли к ее мокрому носу, и она мотала головой.

— Козимода, привет! — Генчик почесал ее кудлатый бок. — Ну как, не разучилась еще разговаривать?

— Уме-ею, — отозвалась Козимода и задним копытом поскребла за ухом. Подумала и вздохнула: — Только неохота…

— Ну и правильно. Чего зря людей потешать…

Способность к человеческой речи появилась у Козимоды этой весной. Сперва был переполох, который называется «сенсация». Даже дядьки с телекамерой приезжали, собирались снять Козимоду для передачи «Хотите — верьте, хотите — нет». Но домохозяин Перфильев не разрешил:

— Потому как основная козья функция — давать молоко. А что она языком болтать научилась, так

это, извините, ее личное дело. А если вам нужна научная загадочность, то снимайте НЛО, их вон каждый вечер приносит нелегкая…

Впрочем, Козимода не очень-то болтала языком. Была она сдержанная и скромная.

— Ну, пока, — сказал ей Генчик. И вприпрыжку двинулся дальше. Бинт был намотан не туго, скакать не мешал. Только нож приходилось придерживать.

Тра-та-та и тра-та-та,
Жизнь такая красота —
Для ковбоя, для ковбойши,
Для кобылы без хвоста!

Рано утром прошел дождик, было не жарко и пахло тополями.

До трамвайной остановки путь не близкий. Но все же и не такой далекий, как раньше. Потому что в начале мая появился новый мост через Утятинский овраг и речку Утятинку, которая журчала в этом овраге.

Неизвестно откуда взялась там большая металлическая труба — около метра в диаметре и метров пять длиной. Наверно, ее потерял какой-нибудь «КамАЗ» с прицепом, когда проезжал по

краю оврага. Труба скатилась с откоса и улеглась в русло Утятинки. Ну, просто подарок с неба!

Парни из кооператива «Динозавр» пригнали в овраг бульдозер и нагребли над трубой насыпь из земли и гравия, получилась дамба. А Утятинка довольно журчала внутри металлического жерла.

Дамбу выровняли, сделали из березовых жердей перила. Можно стало с берега на берег и пешком ходить и даже ездить на легких машинах.

Поселковое начальство сперва ругалось. Потому что, во-первых, никто не разрешал такого строительства. А во-вторых, будущей весной Утятинка разольется так, что дамбу разнесет.

Но до будущей весны было далеко, а пока все жители за-овражной стороны Утятина радовались: не надо топать несколько лишних кварталов, чтобы добраться до большого моста. Дамба выводила прямо к подъему на Кленовую улицу, а там два шага до трамвайной линии…

На кобыле мы вдвоем
Гарцевать не устаем.
Я ковбой, а ты ковбойша,
И про это мы поем…

Генчик прогарцевал через дамбу, но по Кленовой улице не пошел. Свернул в Кошачий переулок, что тянется вдоль оврага. Кроме поездки в «Юный техник», было у Генчика еще оно важное дело.

Он собирался расчистить посадочную площадку.

Генчик любил летать. Этому научился в мае, когда впервые прогулялся по Кошачьему переулку. До той поры как-то не приходилось здесь бывать: дамбы-то не было, и Генчик в эти места не заглядывал.

В Кошачьем переулке Генчику понравилось. Вокруг были дома с затейливыми надстройками и крылечками. Немощеная дорога петляла среди палисадников. Вела она под горку. Ездили здесь только легковушки да мотоциклы местных жителей. И, конечно, ездить им приходилось осторожно, потому что на самом краю оврага дорога делала поворот. Если не свернешь вовремя — сразу под откос. И не помогут врытые над откосом столбики.

Разумеется, машины и мотоциклы сворачивали. А Генчик — нет!

Он выходил в этот пустынный переулок, говорил себе «внимание, старт!» и мчался под уклон.

Встречный воздух отбрасывал у него похожие на желтые стружки (как у Буратино) волосы. Холодом обдувал ноги. Рвал подол и рукава рубашки. Нарастающая скорость подносила Генчика к откосу, а там — вниз. И вот оно, сладкое замирание полета! И страх, и радость!..

Впрочем, страха с каждым разом становилось меньше. Склон — крутой, но ровный, с мягкой смесью песка и сухой глины — после нескольких метров свободного падения принимал на себя резвого мальчишку. Словно добродушный великан ловил на ладонь кузнечика.

Правда, «кузнечику» после этого приходилось из штанов, рубашки и волос вытряхивать песок и крошки, ну да это совсем пустяковая плата за счастье окрыленности…

Но на этот раз Генчик не стал разбегаться. Он подошел к столбикам, присмотрелся и съехал по осыпи осторожно. К зарослям травы-двухвостки.

Это такой сорняк, похожий на бурьян, но с гроздьями сухих семян. Семена очень похожи на двухвосток. Знаете, есть такое домашнее насекомое, столь же пакостное, как тараканы и мокрицы. У семян, как у этих двухвосток, на конце два коротеньких жальца. Ими семена так вцепляются в одежду, что потом отрываешь их

целый день. В голую кожу они не впиваются, только чуть-чуть покусывают. Сперва поскребешь и забудешь. Но часа через два появляются красные пупырышки и начинается такая чесотка, что никакого терпения. И главное — надолго. Ночью лежишь и дергаешь ногами, будто едешь во сне на велосипеде…

В прошлый раз Генчик еле увернулся от опасности. Оказалось, что трава-двухвостка разрослась в сплошную чащу и подобралась к нижнему краю осыпи. Еще чуть-чуть — и было бы такое приземление, что ой-ей…

Ну ничего, сейчас он наведет порядок.

Генчик извлек из чехла ржавый, но с отточенным краем клинок. Примерился. Изогнулся, словно лихой казак в седле, и несколько стеблей под самый корень — ж-жик!

… — Эй ты, похожий на чайник! Чего там развоевался!

Чуть в стороне от поворота дороги нависал над оврагом обшитый серыми досками дом. Острый угол дома выдавался в пустоту, и его подпирали просмоленные балки. У этого дома, держась за кривой оконный ставень, стояла тощая девчонка. С растрепанными темными косами и торчащими ушами. В пятнистом желто-малиновом платьице.

Снизу было видно, какие у нее красные в белую полоску трусики и длинные поцарапанные ноги.

И вся она была длинная. Наверно, на голову выше Генчи-ка. Ссориться не имело смысла. И Генчик миролюбиво уточнил:

— Это почему же я «похожий на чайник»?

— А вот так! У нас на самоваре такой чайник есть! Синий с белыми кружочками.

Генчик не придумал, что ответить. Почесал рукояткой ножа подбородок. И все так же мирно спросил:

— Ну и что?

— Да ничего… А траву не трогай!

— Она твоя, что ли?

— Она общая! И моя тоже! Раз под нашим домом растет!

— От вашего дома тут еще десять метров!

— А хоть тыща! Говорят, не трогай!

Генчик и не трогал больше, но девчонка сжала губы и скользнула вниз (цветное платьице взлетело до локтей). Съехала по глине на своих босоножках, как на лыжах. И вот она — перед Генчиком. Решительно смотрит сверху вниз. Косы торчат, оттопыренные уши грозно розовеют, в темных глазах — зеленые огоньки, как у сердитой кошки.

Ну да, у Генчика клинок, почти что меч, но не грозить же им девчонке. Конечно, она вредная и длинная, но ведь безоружная. Да и кончится это, скорее всего, так: нож она отберет, а Генчику надает по шее. Он в девчоночьих глазах прочитал именно такое намерение.

Генчик сказал рассудительно:

— Чего ты из себя десантника строишь? Прыгаешь человеку на голову! Лучше объясни нормально: почему нельзя вырубать колючки-то?

Она объяснила с ноткой сожаления по поводу мальчиш-киной тупости:

— Ну, это же зелень! Она воздух очищает! Зелени на Земле все меньше и меньше, надо каждую травинку беречь!

— Ничего себе «травинка»! — Генчик машинально почесал ножом ногу. — Джунгля ядовитая! Сорняк!

— Сорняк, это если он посевам мешает! А здесь он — просто трава. Растет и никому не вредит. Может, он на тебя смотрит и тоже думает: вот сорняк…

— Трава не умеет смотреть и думать, — набыченно сообщил Генчик.

— Откуда ты знаешь? Некоторые ученые говорят, что умеет! А ты — ножом. Вдруг ей больно?

Генчик вспомнил Козимоду, жующую поросль на косогоре.

— Теперь что же? И сено не косить? И скот не кормить?.. И всем помирать?

— Сено — это для пользы! А тут какая польза, если все вырубишь?

— А такая! Чтобы можно было прыгать и в колючки не въезжать!

Девчонка поглядела вверх, потом на заросли двухвостки. Все поняла. Подбородком показала на Генчиков бинт:

— По-моему, ты уже допрыгался. — В голосе ее почудилась капелька сочувствия.

— Это чепуха, — мужественно заявил Генчик. — Это даже и не здесь…

— Ну а здесь когда-нибудь голову сломаешь.

Генчик мигом нашел ход для достойного отступления:

— Как же я сломаю, если ты косить не даешь? Значит, и прыгать нельзя… Ты же здесь хозяйка, с хозяевами не спорят… — Это он снисходительно так сказал. Будто взрослый, уступающий ребенку.

Длинная девчонка стала словно поменьше ростом. Глянула виновато.

— Можно ведь, наверно, и другое место найти.

Для прыж-ков-то…

— Может, и найду, — вздохнул Генчик. — А ты… скажи, ты по правде думаешь, что траве больно, когда рубят?

Она свела маленькие пушистые брови.

— Я в этом просто уверена.

Генчик вдруг представил, как его этим вот ножом — по ногам. Это тебе не клюквенное варенье…

Он сумрачно затолкал клинок в ножны. И протянул девчонке.

— Ладно, бери…

— Зачем? — Она вроде бы даже испугалась.

— В хозяйстве пригодится. Мне-то он был нужен только вот для этого, — Генчик кивнул на заросли. — А теперь чего я буду с ним таскаться…

Девчонка неуверенно взяла «оружие».

— Им можно лучину колоть для самовара, — посоветовал Генчик. — У вас же есть самовар.

— Ага… — Она неуверенно улыбнулась. И Генчик вдруг увидел, что один зуб у нее малость кривой. Как у него. И тогда он весело спросил:

— А правда, у вас такой чайник есть? — И оттянул подол рубашки.

— Правда, — она заулыбалась пошире. — А что? Красивый чайник…

«Вот поглядишь на него и меня вспомнишь», — подумал Генчик. И стал глядеть вверх, на откос, потому что вдруг застеснялся.

Девочка сказала:

— Видишь ли… эта трава полезна еще вот чем. Она может разрастись и тогда укрепит эту осыпь. А то наш дом уже совсем съезжает в овраг. Он старый, еще прадедушкин.

— Не съедет. Подпорки-то вон какие крепкие, — сказал Генчик. Он по-прежнему смотрел вверх.

— А ты… если тебе нравятся всякие прыжки и полеты, приходи к нам, — тихо сказала она. — У нас на дворе качели есть, большущие. Прямо дух захватывает…

— Может, и зайду…

— Сейчас? — откровенно обрадовалась девочка.

— Сейчас не могу. Надо в магазин… Ну, пока.

И Генчик по тропинке рядом с осыпью стал легко подыматься к Кошачьему переулку. И посвистывал сквозь дырку от зуба:

Ты — ковбойша, я — ковбой,
Поженились мы с тобой…

Ему хотелось оглянуться, но он не решился. И сказал себе, что это было бы несолидно.

3

Когда-то Утятино считалось отдельным поселком. И Окуневка, что на другом берегу Верх-Утятинского озера, была самостоятельным большим селом. Но потом они стали районами Белорыбинска. Их соединили с городом кварталы новых домов. Но не везде соединили. Кое-где между поселками и городской окраиной лежали болота, рощицы и сады с редкими дачами — как в давние времена, когда Белорыбинск был еще Красноры-бинском.

Трамвайная остановка Утятинская располагалась на пригорке, и с нее видно было, как дымит трубами, блестит стеклами многоэтажек и втыкает в небо острие телебашни городской центр. А у самого пригорка темнело камышами Тарелки-но болото, где, говорят, развелась в последние годы всякая нечисть. Из-за нарушенной экологии…

Генчик передернул плечами.

Подъехал дряхлый вагончик дачной линии — он ходил от коллективных садов до кольца в Зеленом квартале. Оттуда разбегались две линии: одна Окуневская, по берегу озера, другая — Городская, в главный район Белорыбинска.

В полупустом вагоне Генчик без приключений

доехал до Зеленого квартала. Здесь вокруг площади стояли девятиэтажки салатного цвета.

А на самой площади был небольшой рынок. До «Юного техника» оставалось всего два перегона по Окуневской линии. Можно бы и пешком, но не хотелось. Жарко уже было.

Пока не подошел трамвай с нужным номером «семь», Генчик бродил вдоль столиков, за которыми тетушки продавали вперемешку все на свете: помидоры и кружевные лифчики, черешню и домашние туфли, зеленый лук и старинные подсвечники… Любопытно!

Из-за любопытства Генчик и потерял бдительность. Недалеко от пивного киоска его «прихомутали» пятеро.

— Эй ты, покалеченный! Куда торопишься?

— На трамвай, — робко сообщил Генчик. Хотя понимал, что никакое смирение тут не поможет. Выходов два: или «ноги-ноги», или откупайся. И при этом все равно можешь заработать по шее.

Обступили Генчика со всех сторон.

Главным в компании был, видимо, пацан с животиком и пухлой рожей.

«Круглый», — мысленно обозвал его Генчик.

Круглый облизал толстые губы и выдохнул:

— Откуда такой? А?

— Из Утятина. Я…

— Здесь тебе не Утятино, а Зеленка. Другое государство. Про таможенные сборы слыхал?

Генчик слыхал, но ответил наивно:

— Не…

— Бестолковый, — сочувственно вздохнул высокий тонкий парнишка (с виду даже симпатичный, с волнистыми темными волосами до шеи и глазами, как сливы). Он держал в опущенной руке накрытую тряпицей клетку. Интересно, кто в ней? Хотя какое там «интересно»! Смыться бы подобру-поздорову…

Еще двое пацанов — чуть постарше Генчика — в пестрых шароварах и одинаковых черных свитерах (в такую-то жару!) «пасли» пленника со спины. Лица их были без всякого выражения, как деревяшки. Такие и не запомнишь…

Еще один — ростом с Генчика — стоял чуть в стороне. Смотрел словно из темных ямок — такие были у него глазницы. Молчаливый и насупленный. «Бычок», — машинально подумал Генчик.

Тот, что с клеткой, спросил, сделавши улыбку:

— Сам выложишь валюту? Или будешь дрыгаться и звать маму?

У Генчика что за валюта? Самая мелочь, чтобы купить три-четыре моточка уцененных провод-

ков…

— Потрясти? — деловито пропыхтел один из тех, что в свитере.

Круглый масляно улыбнулся.

— Обождите… Буся, покажи ему Шкурика.

Симпатичный Буся снял с клетки тряпицу. Генчик обмер.

В клетке, сунув острый нос между проволок, шевелил усами крупный грязно-рыжий крысенок. Он стоял на задних лапах, а передними, похожими на черные обезьяньи ручки, держался за проволочные прутья. И красными глазками смотрел прямо на Генчика! Понимающе и злорадно!..

Это, конечно же, был не просто крысенок! Это был детеныш крыс-мутантов, что развелись недавно в окрестных болотах! Эти существа назывались «шкыдлы». В газетах писали, что они ужасно коварные и умные твари. Правда, один известный профессор доказывал по телевизору, что никаких шкыдл не бывает. Но как же не бывает, когда вот…

Жуть и отвращение тряхнули Генчика крупным ознобом. Он беспомощно округлил рот.

Буся томно улыбался.

— Шкурик, давай мы тебя выпустим, ты по-

шаришь у мальчика за пазухой, нет ли там потайного кармана с денежками… Шкурик любит таких смирных мальчиков.

Несмотря на ужас, Генчик видел и понимал все четко. Краем глаза он различил, что спасительная «семерка» уже стоит на остановке.

Пробиться бы…

Буся открыл клетку… Господи, как он может брать эту тварь в руки?!

— Я… папе скажу. Он здесь… — хныкнул Генчик. И вдруг заорал, будто отец и правда был неподалеку: — Па-па-а!!

На миг они поверили. Генчик рванулся назад, распихал тех, кто в свитерах, и — к трамваю! Тот уже ехал. Генчик догнал, вскочил на заднюю площадку. Встал. Дышал он со всхлипами.

— Каждодневное у вас хулиганство, — сказал толстый пенсионер с удочками. — Распустили вас родители.

— А родители, они нонче сами такие же, — поддержала его тетка, которая со своей корзиной занимала на заднем сиденье два места. — Ребенку ноги пообрезает, а им и дела нет до этого…

— Вот взять бы тебя за ухо да в милицию, — увесисто произнес худой усатый дядька со множеством орденских ленточек на пиджаке.

И щелкнул пальцами — будто и правда хотел за ухо.

Генчик сказал со звоном:

— Меня в милицию, да? А их… вон тех! Их куда? Пятеро на одного!

За стеклами сзади видно было, как вся компания рысью спешит за трамваем. В погоню! Буся прижимал Шкурика к рубахе. Генчик опять задрожал. Но трамвай набирал ход, враги отставали.

Общественное мнение разом склонилось в пользу Генчика.

— Вот шпана проклятая! — вознегодовала тетка с корзиной. — Загоняли ребенка! — Она поставила корзину на пол. — Ты, мальчик, сядь, а то еле на ногах держишься.

— Да ничего. *Я*…спасибо…

— Садись, садись, — добродушно велел дядька с орденскими планками. — Вон у тебя и нога пораненная.

Варенье давно уже просочилось через марлю и вполне создавало нужную видимость.

— Спасибо, — опять выдохнул Генчик. И скромно присел. А в трамвае пошел разговор о том, что воспитания нынче нету никакого. Отсюда кошмарный рост безнадзорности и детская пре-

ступность.

— Шагу ступить уже нельзя. У моей соседки на прошлой неделе сумку крест-накрест распороли и все акции треста «Купи-Дон» тю-тю…

— Куда катимся? Чем дальше, тем жутче…

— Раньше тоже всякого хватало. Но был порядок…

— А сейчас властям на все наплевать, кроме собственной зарплаты и дачи…

— Горячей воды с апреля нету…

— Вечером на улицу не выйдешь, сплошной страх…

— И жулики, и НЛО эти, — вставил слово пенсионер с удочками. — Позавчера в первом часу ночи этакая плоская штука размером с фонтан плюхнулась прямо на грядки. Полкан зашелся от лая. А она — фр-р! — и в небо, и нету ее… Я, граждане, про это безобразие написал статью в «Вечерний Бе-лорыбинск», чтобы навели порядок. А редактор говорит: «Нам про такие явления печатать не рекомендуют, есть устное указание председателя горсовета, чтобы зря не будоражить общественность». Я говорю: «Дак уже и горсовета никакого нету и председателя ихнего, а есть выбранная демократическим путем городская Дума». А он: «Председателя нет, а указание оста-

лось». Вот так! Пошел я тогда в эту Думу…

Чем кончился разговор в городской Думе, Генчик не узнал — «семерка» остановилась у «Юного техника». Генчик всем сказал «до свиданья» и, прихрамывая на всякий случай, сошел в тень тополей на улице Новомосковской.

Магазин был в просторном полуподвале. Там стояла чудесная прохлада, и Генчик под ее влиянием совсем успокоился. Повеселел. Тем более что колечки монтажных проводов в самом деле оказались на витрине. Они были самых разных цветов! И продавались почти что задаром! Потому что у них была повреждена изоляция. Для электрических приборов это опасно, а для маленьких человечков — безвредно. Ух, сколько новых жителей скоро появится в городе Генчика!

Мурлыкая про ковбойшу и ковбоя, Генчик запихал покупку в карман и направился к выходу. И… сквозь дверное стекло увидел, что злодейская компания тут как тут. И Круглый, и Буся, и Бычок. И двое в свитерах. Буся держал навесу клетку, накрытую тряпицей. Клетка рывками качалась.

Они стояли напротив дверей магазина. Шеренгой. Они терпеливо ждали добычу.

Белый свет буквально померк в глазах у Ген-

чика.

ГЕНЧИКА ПОХИЩАЮТ

1

Впрочем, свет померк вообще. Для всех. Из-за крыш показалась грозовая туча. Тополя с шумом пригнули верхушки. Сверкнуло, грохнуло. И тут же грянули об асфальт упругие струи.

Генчик с удовольствием смотрел, как улепетывают его недруги.

Но… они улепетнули только до трамвайной остановки. Там был широкий навес. Под навесом ежились застигнутые грозой прохожие. И вражья компания ежилась. Но, пританцовывая от долетающих брызг, все пятеро неотрывно смотрели на дверь магазина. Это Генчик видел даже сквозь частую завесу ливня.

…Ну, откуда *в людях*эта гадостная зловредность? Шел человек, никого не трогал, и на тебе! — налетает целая стая! Как шакалы на кролика!.. Ладно, если бы им просто деньги были нужны, а то ведь главная радость: поймать и поиздеваться! И как от них спасешься, чем их проймешь? Сказать, словно кот Леопольд из мультика: «Ребята, давайте жить дружно»? Вот

смех-то будет — гогочущий, злорадный! Бандюги паршивые… Да еще Шкурик этот пакостный! Как они его не боятся, мерзость такую? Наверно, потому, что сами такие же… Генчик точно помрет, если к нему близко поднесут эту зверюгу…

Гроза гремела, блистала и бурлила за окнами полуподвала. Генчик бродил от прилавка к прилавку и время от времени вздрагивал. Не от грозы, а от мыслей о Шкурике… Дождь когда-нибудь кончится. Придется выйти. Не будешь сидеть в «Юном технике» всю жизнь, как политический беженец в иностранном посольстве. В конце концов наступит обеденный перерыв, и тогда уж точно: «Мальчик, ну-ка брысь!» А те не уйдут. Им такая охота — одно удовольствие.

Вместе с Генчиком бродили по магазину те, кого застала здесь гроза. И среди них — высокая старуха. На старухиной одежде темнели следы капель — она появилась, когда уже начался дождь. Может быть, поэтому длинное лицо старухи было недовольным. Глаза ее под блестящими квадратными очками раздраженно метались. Она что-то хотела купить в отделе канцтоваров, но сразу поругалась с молоденькой продавщицей, пригрозила «взять жалобную книгу» и отошла, стуча каблуками.

Походка у старухи была как у Петра Первого. Держалась она прямо, словно к позвоночнику ей привязали палку от швабры. Была у старухи и настоящая палка — узловатая отполированная трость. Коричневая, под цвет костюма. Костюм состоял из широких брюк и просторного жакета, под которым виднелась похожая на тельняшку кофта.

«Ну и атаманша», — подумал Генчик. Сумрачно и завистливо. Такой атаманше, конечно, ничего не стоило бы своей тростью разогнать целую шайку мелкой шпаны…

А ему, Генчику-то, что делать? Может, подойти к продавщице (которая посимпатичнее на вид) и честно сказать: «Тетенька, меня там хулиганы караулят. Есть у вас запасной выход?»

А что? План и правда неплох! Есть в нем что-то от кино про разведчиков… Но сперва надо подождать, когда кончится дождь. А он все шумел за окнами, и гром звучал, как взрывы снарядов, часто и неутомимо.

Генчик в углу магазина присел на край широкой кадки с искусственной пальмой. Достал кольцо синего провода. Зубами оторвал кусок длиною с карандаш и начал мастерить пру-жинчика.

Пружинчиками назывались его человечки. Потому что ручки, ножки и туловища были у них обмотаны спиральными витками. А головка — круглая петелька. Ступни и ладони — тоже петельки, только узкие. Делать пружинчиков — искусство нехитрое, когда есть навык. Раз-раз — и проволочный человечек вот он. Генчик посадил его на забинтованное колено и принялся мастерить второго… И вдруг почувствовал взгляд.

Сквозь квадратные очки-окошки за Генчиком наблюдала старуха. Они встретились глазами. Старухины глаза были непонятные. Стуча башмаками и палкой, она прошагала к Генчику. Он теперь смотрел на нее снизу вверх, как лягушонок на цаплю.

— Ну-ка покажи… — Голос у нее был густой и строгий.

Генчик робко протянул пружинчиков — готового и недоделанного.

— Да не это, — старуха поморщилась. Взяла человечков, толкнула их в нагрудный карман на рубашке Генчика. — Пальцы!

Она крепко ухватила Генчика за кисть руки, потянула ее вверх. Он испуганно встал. Старуха решительно ощупала его пальцы — от большого до мизинца. На правой руке, потом на левой…

— Оч-чень замечательно. То, что нужно… Идем!

— Куда? — пискнул Генчик.

— Есть дело. — Старуха снова прочно ухватила его. И к двери…

— Там же ливень… — только и выговорил он.

— Уже кончается.

В самом деле, грозу будто разом отодвинули. Гром раскатывался теперь в отдалении, шумный дождь превратился в чуть заметную морось. В ней заиграли искры солнца.

Старуха решительно вытащила Генчика наружу. Из духоты — в резкие запахи мокрой листвы, в прохладу, которая покусывала кожу крошечными брызгами.

Генчик вдохнул свежесть, а потом протестующе затормозил по мокрому асфальту сандалиями.

— Куда вы…

— Идем, идем!

Генчик беспомощно оглянулся. И… опять за ним с ухмылками следили пятеро. Нет, лучше уж со старухой. От нее он, в конце концов, сумеет удрать. Лишь бы она увела его подальше от этих…

И Генчик засеменил рядом со старухой, как послушный внук.

Свернули за угол. Там стоял у газона серый «Запорожец». Ужасно старой конструкции, но вымытый дождем и потому блестящий, словно только что из автомагазина.

Старуха дернула на себя дверцу.

— Полезай на заднее сиденье.

— Зачем? Я не…

Тут пятеро показались из-за угла. Старуха произнесла с ехидцей:

— Мне казалось, ты не прочь убраться подальше от этих мест.

Вот карга! Все разглядела!

— А куда вы меня повезете?

— Куда надо.

— Мне надо домой, — жалобно уточнил Генчик.

— Оч-чень замечательно. Садись. — И он от легкого толчка оказался в душной, пахнущей бензином кабине.

Старуха втиснулась за баранку («Запорожец» застонал). Мотор закашлял, машина дернулась. Генчик от рывка запрокинулся, задрав колени. Старуха насмешливо смотрела на него из переднего зеркальца. Генчик торопливо сел как положено. Старуха умело вертела рулем. Ее изображение продолжало поглядывать на Генчика.

Поверх очков. Очки съехали вниз по носу. Нос был длинный и прямой, но самый кончик его загибался вперед: там словно был приклеен шарик из хлебного мякиша. На этом шарике очки и застряли.

Генчик неловко отводил глаза и думал, что, может быть, старуха и не вредная, а просто со странностями. Кажется, она похожа на тетю Полли из книжки про Тома Сойера: снаружи суровая, а характер добрый. Увидела, что хулиганы караулят мальчишку, и решила спасти…

«Запорожец» трясло и заносило на скользких ухабах. Седой кукиш на темени старухи отчаянно мотался. Генчик перевел взгляд с кукиша на окно и вдруг понял, что они едут не в ту сторону.

— Ой… Мне ведь в Утятино!

— В самом деле? А мне в Окуневку.

— Но вы же обещали… что домой!

— Я имела в виду: домой к себе, — и коварная «тетя Полли» добавила газу.

Генчик понял, что его похитили.

О похищениях детей Генчик слышал и читал много раз. Похищали с разными целями. Иногда ради выкупа. Иногда чтобы поиздеваться. Есть такие «любители» (вроде тех гадов со Шкуриком). Замучают до смерти и зароют где-нибудь… А еще

ходили слухи, что украденных людей по частям продают за границу. Для пересадки всяких органов… Ой, мамочка! Вот это называется спасся от врагов!

Старуха движением носа подбросила очки. Они блестели «оч-чень» иронично.

— Кажется, я знаю твои глупые мысли.

— П-почему… г-глуп-пые? — Генчик сделал вид, что заикается просто от тряски.

— Посуди сам… — Старуха крутнула руль, объезжая лужу. — Если бы я хотела тебя украсть, то разве стала бы делать это на глазах стольких свидетелей? В том числе и на глазах твоих «друзей» с трамвайной остановки! И толкать тебя в столь примечательную машину с заметным для всех номером! Да и сама я — фигура заметная…

«Машину можно перекрасить, а номер сменить. А «фигура»… Может, она и не старуха, а переодетый бандит! Недаром шагает как дядька!..» Ох, зачем он, Генчик, отдал девчонке нож! Было бы хоть какое-то оружие…

— Ты просто должен выполнить одну работу…

— Ага… — встряхиваясь, горестно догадался Генчик. — А потом вы меня лик… ик… видируете…

— Вот уж не думала, что у тебя такая дурная

голова!.. Впрочем, тут главное не голова, а твои пальцы…

«Значит, уже и пальцы пересаживают!» — ахнул про себя Генчик. И понял, что самое время выкатываться из машины на ходу. Ручку на себя, дверь — плечом, и марш! Но скорость была такой, что едва ли останешься цел. От удара о дорогу можно рассыпаться так, что хоть сразу продавай по деталям.

Есть еще один выход — зареветь. Но стыдно…

«Запорожец» между тем распугал домашних уток в луже на Кольцовской улице, поплутал среди мокрых заборов, пересек по глинистым колеям пустырь и нырнул в туннель под насыпью железной дороги. После туннеля он, царапая дверцы о кусты, проехал еще немного. Фыркнул и встал, словно стукнулся бампером о пень.

Старуха выбралась и придержала дверцу.

— Выходите, сударь. Но прежде, чем дать стрекача, подумайте: стоит ли? Неужели у нынешних мальчиков совсем не осталось вкуса к приключениям?

«Это смотря к каким…» Генчик сумрачно выбрался из кабины. Заподжимал ноги в высокой мокрой траве. Две колеи среди этой травы вели к старинным, с деревянными узорами воротам.

Ворота были кривые, узор потрескавшийся.

На левой половине ворот желтел кусок фанеры. На нем чернели крупные буквы:

Уважаемые грабители!
В этом доме нет ничего ценного.
В любое время можете зайти и убедиться.
Домовладелица З. И. Корягина

Все это было странно. Скорее всего — маскировка. И безлюдье кругом. Мокрая чаща и тишина. Можно сгинуть без следа…

— Я открою ворота, загоню машину. Подожди. — И старуха (видимо, З. И. Корягина) прошагала в калитку.

Ну вот, самый момент, чтобы «ноги-ноги». Фиг она его догонит со своей клюкой. В кусты — и только его, Генчика, и видели!

Но… Генчик не двигался. Сам не понимал, почему. Только нагнулся и сумрачно поправлял намокший бинт.

Ворота заскрипели и разъехались. Старуха вышла из них как император из дворца. На Генчика не посмотрела. Села в «Запорожец» и въехала на нем во двор. Там выбралась из машины опять и сказала громко, в пространство:

— Заходи, раз не сбежал!

Конечно, она была притворщица. Баба Яга. Заманит, а там: «Садись-ка, милый, на лопату, я тебя в печь…» Подумал так Генчик и… пошел. Что-то было тут сильнее страха. Непонятная такая тяга. Да и драпать теперь — это совсем уж стыд…

В обширном дворе (не двор, а скорее запущенный сад) стоял приземистый дом. Весь настолько перекошенный, что одни окна были в метре от земли, а у других нижний край прятался в траве. Большие были окна. С точеными шишками на карнизах. А одно окно — особенное, восьмиугольное, совсем большущее. С хитрым узором деревянного переплета.

Таким же косым и удивительным, как весь дом, оказалось Ступенчатое крыльцо. С козырьком из чугунного узора, с дверными створками, на которых вырезаны были красавцы-павлины (перья их хвостов кое-где пообломались).

Хозяйка поднялась на крыльцо. Оглянулась.

— Проходи.

Генчик покорился судьбе. Старуха пропустила его вперед.

В сенях было полутемно, в широкой прихожей — тоже. Мерцало узкое зеркало. Чуть ощутимо пахло то ли ванилью, то ли корицей (Генчик не

разбирался в пряностях).

С неожиданной мягкостью старуха спросила:

— Ты не обидишься, если попрошу снять обувь? Я вчера выскребла полы…

Генчик дрыгнул ногами, стряхнул сандалии. Ступил на вязаный половик.

— Иди за мной. Сюда…

Это была комната с восьмиугольным окном. Снаружи темнели мокрые кусты сирени. Воздух от этого был зеленоватый. Это все, что сначала увидел Генчик. Потому что почти сразу он зажмурился от знакомого ощущения…

Под ногами были прохладные половицы. Не крашеные, а из голого дерева, которое, когда моют, для чистоты скребут еще ножом.

Такой пол был в деревянном доме у бабушки (когда бабушка была еще жива и маленький Генчик ездил к ней в село Загорье). Так замечательно было ступать по этим доскам босыми ногами!

Вот поэтому он и закрыл глаза. От сладкого воспоминанья.

А когда открыл — увидел корабль.

Корабль был длиной около метра. А если считать с наклонной, торчащей впереди мачтой (кажется, называется «бушприт»), то еще больше.

Хотя не было парусов и между мачтами торчала пароходная труба, Генчик сразу понял: это парусник. Вроде «Дункана» из кино про детей капитана Гранта. Две откинутые назад мачты были высокие, стройные, в окружении натянутых снастей. А корпус — узкий, остроносый. Быстроходное судно.

Была в паруснике та особая красота, которая манит в дальние края.

Генчик тихонько засопел от восхищения.

Модель стояла слева от окна, на столике с витыми ножками. Старуха, сменившая твердые башмаки на войлочные туфли, подошла к модели.

— Ну-с, вот это и есть работа.

— А что тут делать-то? — почтительным шепотом удивился Генчик. Он уже ни капельки не боялся. Босыми ступнями он впитал из деревянных половиц ласковость и успокоение. — Это ведь совсем уже готовый… корабль.

— Не совсем. Здесь еще немало возни с такелажем. Со снастями. А я… смотри! — Старуха размашисто повернулась к Генчику (он даже вздрогнул). Протянула руки.

Старухины пальцы, которыми она недавно так крепко хватала Генчика, были корявые и

узловатые. И пятнистые, словно в разросшихся веснушках.

— Вот, юноша. Лет через шестьдесят, возможно, и ты узнаешь, что такое артрит, полиартрит, ревматизм, остеохондроз и высокое артериальное давление. Все прелести, от которых старые руки дрожат и не слушаются… А твои пальцы — я в магазине ими просто залюбовалась: как ты делаешь тонкую работу! Здесь такая же…

— Но я же не знаю… не умею… — Генчик робко вскинул на хозяйку модели глаза. — А тот, кто строил этот корабль, он где? Он разве больше не может?

Старуха сделалась еще прямее и строже, чем обычно. И объявила с высоты роста:

— Довожу до вашего сведения, что это судно строила я, Зоя Ипполитовна Корягина. Вот этими самыми руками. — И зашевелила «клешнями».

— Ой… — не сдержал недоверия Генчик.

— Что «ой»?

— Правда вы?

Зоя Ипполитовна Корягина поджала губы. Потом хмыкнула:

— А вам, молодой человек, казалось, что такие модели мастерят обязательно отставные капитаны в тужурках с якорями и закопченными

трубками в зубах?

Генчику, по правде говоря, казалось именно так. И он не стал отпираться, кивнул.

В голосе старухи появилась горькая нотка:

— Нет, голубчик. Эту бригантину строила я. Несколько лет. Должна признаться, что это было радостью и смыслом жизни… Но я не рассчитала. Пальцы стали отказывать раньше срока. И я не могу уже ввязать ни одной выбленки.

— Чего… ввязать?

— Видишь тросы по бокам у мачт? Они называются ванты. На них полагаются ступеньки…

— Ага! Чтобы на мачты лазить! Я видел в кино!

— Вот-вот! Они-то и называются «выбленки». Их надо делать из суровых ниток, привязывать особыми узлами.

— Я ведь не знаю никаких морских узлов…

— А тут и нужны-то всего два! На крайних вантах — «задвижной штык», а на средних — «выбленочный». Это элементарно! Ты освоишь мигом! Садись… — Твердыми (вот тебе и больные!) пальцами она ухватила Генчика за плечо. Почти силой посадила на фигурный, с протертым плюшевым сиденьем стул. И… охнула: — Я старая невежа! Опять хватаю ребенка, будто заложника. Срам… И даже не спросила, как тебя зовут… А?

— Генчик… Гена Бубенцов.

— Гена-Генчик… — Зоя Ипполитовна открыла в улыбке крупные зубы — все желтые, как у курильщика, а один золотой. — Генчик-Бубенчик. Тебя никто так раньше не звал?

Он даже испугался. Сказал шепотом:

— Звали… Давно, бабушка…

— Наверно, ты очень звонко смеешься, когда тебе весело. Да?

— Не знаю. Обыкновенно…

— По-моему, мы найдем общий язык, — сообщила Зоя Ипполитовна. — Ох, а что у тебя с ногой? Кровоточит!

Клюквенный сок на бинте от сырости распустился алой гвоздикой.

Генчик сказал в упор:

— Маскировка. Варенье. Чтобы всяким вредным теткам не уступать место в трамвае. — Откровенность эта была в отместку за недавние страхи.

— Гм… Я вижу, голова у тебя хитроумная.

Генчика опять потянуло за язык:

— Вам же главное не голова, а пальцы.

— Да! Ты не прост… Впрочем, поделом мне… Ну а как все же насчет работы? Согласен?

— Ага. Только… — Генчик провел глазами по снастям и мачтам.

— Что?

— Тут ведь работы этой небось на целое лето…

— Ну-ну! Глаза боятся, руки делают. Сколько сможешь и захочешь. А потом буду искать кого-нибудь еще… Да ты не бойся, я ведь расплачусь.

— Разве в этом дело… — вздохнул Генчик.

— А в чем?

— Не напортить бы…

— У тебя получится отлично!

Ну, может, не отлично, а на «четверку» получалось.

Вязать задвижной штык и выбленочный узел Генчик научился в два счета. Минут через двадцать он, посапывая от старания, уже ловко привязывал к вантам поперечные нитки-ступеньки.

— Зоя Ипполитовна, а ничего, что не сильно натянуты?

— Все правильно, они и должны слегка провисать. Ты молодчина!

Пальцы у Генчика и правда были ловкие. Скоро корабельная работа стала казаться ему привычной. Только у мачтовых площадок (они назывались «марсовые») приходилось трудновато: ванты сходились вплотную друг к другу…

Зоя Ипполитовна с книгой на коленях сидела

неподалеку. Сидела так же прямо, как и ходила. «Как она скоблит полы с такой негнучей спиной?» — подумал Генчик. Он почему-то сразу решил, что хозяйка живет в доме одна. Время от времени Генчик поглядывал на нее. Иногда они встречались глазами. Зоя Ипполитовна в улыбке открывала золотой зуб (он светил, как маяк).

— Ты умница, Генчик-Бубенчик. Ты мой спаситель.

Она была теперь без кофты, в блузке, похожей на тельняшку.

— Зоя Ипполитовна, можно я положу на палубу пружинчика?

— Кого?

— Вот этого человечка. Пусть поживет на корабле.

— А! Конечно, конечно… Какой славный. Наверно, у тебя много таких?

— Ага. Целое… население. — Генчик усадил синего пру-жинчика у корабельной трубы. — Они у меня для всяких игр…

Эх, если бы у Генчика был такой корабль! Он подобрал бы для него самых ловких и красивых пружинчиков. И поплыли бы они вокруг света…

Но он не очень завидовал. Ведь парусник был сейчас немного и его. Потому что Генчик помогал

налаживать оснастку!.. А пружинчик (которого будут звать Мичман) потом поселится у Генчика в городе и будет рассказывать местным ребятишкам, как служил на бригантине. И про шторма, и по всякие приключения… Генчик от удовольствия водил по губам кончиком языка.

— Зоя Ипполитовна… А вы раньше на флоте служили, да?

— Что ты, голубчик! Я совершенно сухопутная особа, всю жизнь была бухгалтером. Сперва простым, потом главным…

— У-у… — не сдержался Генчик.

— Что значит «у»! Бухгалтерская должность тоже требует умения и смелости. В ней, должна тебе сказать, немало подводных рифов и мелей…

— Да нет, я ничего… — Генчик от смущения закачал босыми ногами.

— Ну а кроме того… я служила бухгалтером в речном порту. Одно дело, когда за окнами пыльная улица, а другое, когда пароходные трубы и мачты. Не морская гавань, конечно, но все-таки…

— Но все-таки, — охотно согласился Генчик, работая пальцами.

— Одно время я даже носила форму. В пятидесятых годах у всех работников портовой конторы

были, как у капитанов, кителя и погоны с якорями и штурвалами… Вот так-с…

— А где вы научились такие модели строить? На реке-то на нашей таких парусников не бывает..

— О! Это у меня еще с детства, дорогой мой! Я с дошкольных лет обмирала о парусах и путешествиях. Читала Жюля Верна и Стивенсона… А ты какие-нибудь морские книжки читал?

— Конечно! «Приключения капитана Врунгеля». И «Остров сокровищ»… И про капитана Немо… — Генчик зачесал ногу о ногу, стараясь вспомнить еще. Не вспомнил. — Но я же не только про море люблю. Еще про космос, про индейцев… А еще «Повести Белкина», которые Пушкин написал. Знаете?

— Представь себе, да! Значит, тебя потянуло к классике?

— К чему? А!.. Это Ленка принесла из библиотеки. Она на первом курсе тогда училась, ей надо было сдавать экзамен про Пушкина.

— И как тебе сочинения Александра Сергеевича?

— Здорово! Лучше всех — «Выстрел»!

— Да? Почему же?

— Ну… потому что конец такой… Этот Сильвио не стал стрелять, хотя мог ведь убить того гра-

фа запросто. А он не захотел… и все сделалось хорошо…

— Все сделалось хорошо, — повторила Зоя Ипполитовна. И почему-то вздохнула.

— Мне там только одно не понравилось…

— Что же?

— Когда Сильвио по мухам стрелял. Ради забавы…

— Тебе что же, стало жаль мух?

— Ну, не знаю… вообще…

Зоя Ипполитовна встала у Генчика за спиной.

— Ты… значит, из тех, кто и муху не обидит? Наверно, и не дерешься никогда?

Генчик пошевелил под рубашкой лопатками.

— Почему? Я могу! Если полезут, я… Вот у нас в летнем лагере, в том году, был Мишка Жираф, такая приставала, дак мы с ним два раза…

Зоя Ипполитовна похожей на краба растопыренной пятерней осторожно взлохматила его волосы-стружки. Молча.

Генчик сказал насупленно:

— Может, вы думаете, что я тех, на остановке, боялся?.. Ну да… Когда врагов пятеро, а ты один… Зоя Ипполитовна, а почему так? Идешь, ни к кому не лезешь, а они на тебя… — И тут у Генчика не ко времени защекотало в горле.

Зоя Ипполитовна опять взъерошила ему макушку.

— Это, Бубенчик, давняя философская задача. Ты ни к кому не лезешь, а они на тебя… Почему?.. Ох! Я старая эгоистка! Ты же наверняка голодный!

— Нет, я… не очень. Я…

— Сейчас! — Она пошлепала туфлями из комнаты и вернулась с кружкой и тарелкой. В кружке — молоко, в тарелке — печенье.

— К сожалению, ничего горячего я сегодня не готовила…

Молоко было приятно-холодное. Печенье пахло так же, как все в доме — какой-то пряностью. Генчик хрустел им, прихлебывал из кружки. Потом откинулся на спинку стула. Нижние ванты на задней мачте были теперь все со ступеньками.

— Зоя Ипполитовна, мне домой пора. Белье развешивать… — На старинных часах (деревянный орел, держащий блюдо с циферблатом) была уже половина второго. — Я, наверно, даже опоздаю!

— Не опоздаешь! Я тебя довезу мигом!.. Ох как славно ты поработал… Сейчас, Генчик-Бубенчик, скажи честно и без лишней скромности: сколько я должна тебе за этот труд?

Он сказал честно:

— Ну что вы такое говорите! Просто даже слушать не хочется!

— Ты… это серьезно?

Генчик сердито повел плечом: какие тут шутки?

— Ты, видимо, несовременный ребенок… — Зоя Ипполитовна опять почему-то вздохнула. Генчик слегка обиделся:

— Почему несовременный, если я в современное время живу?

— Я не в том смысле…

— Да знаю я, в каком! Ленка тоже так про меня говорит иногда… Зато сама вся такая современная! «Мисс Утятино»…

— Ты, наверно, часто с ней ссоришься?

— Не так уж. Не каждый день… А современный — это тот, кто жвачку с пузырями все время жует? Я тоже ее жевал, аж челюсти болели. И вкладыши собирал, чтобы в Турцию послать. Говорили, что, если пошлешь, от турецкой фирмы будет премия: компьютер или заграничная путевка…

— Ну и что же?

— А ничего. Шиш на кукурузном масле… С тех пор и не жую.

— Ну вот. Значит, ты вообще-то не против награды? Почему же у меня отказываешься?

— Потому что… мне и так тут интересно. Я будто играю. И вообще…

— Что, Генчик, «вообще»?

— Ну… так… — Не будешь ведь говорить про ласковое дерево половиц.

— А еще-то придешь? — тихо спросила Зоя Ипполитовна. И стала будто пониже ростом, как обычная бабушка.

— А можно?

— Ты еще спрашиваешь!

— Я хоть завтра…

— Правда?

Генчик заулыбался:

— Я вам пружинчика оставлю. Заложником.

— Не заложником, а почетным гостем…

СТАРШИЙ СПАСАТЕЛЬ КУБРИКОВ

1

На дворе ждала неприятность. Не пожелал заводиться «Запорожец». Ну никак!

Зоя Ипполитовна била себя по бокам длинными руками.

— Негодная керосинка! Конечно же, опять сел аккумулятор… Как же я тебя повезу?

— Да вы не расстраивайтесь, — мужественно сказал Генчик (хотя кошки скребли на душе). — Только скажите, как добраться до трамвая…

— Но тебе же очень далеко ехать!

— Вообще-то да… Вот если бы зимой, то можно прямиком через озеро, по льду. С этого берега нашу улицу видать…

— Не ждать же зимы!.. А! Идем! Пошли… — И она опять крепко ухватила Генчика за руку. Видимо, по привычке.

Вышли со двора, поплутали среди тесных заборов и могучего чертополоха. По дощатым лесенкам — вверх и вниз — перебрались через насыпь железной дороги. И оказались на пологом озерном берегу.

Зоя Ипполитовна широко шагала по тропинке и все держала Генчика за руку. Он семенил рядом, путаясь сандалиями в жесткой траве «пастушья сумка».

— Да отпустите уж вы меня. Теперь-то я не сбегу.

— Ох! Извини, пожалуйста. Это называется «инерция поведения». На почве старческого возраста…

— Ну, не такой уж он у вас и старческий…

— Генчик Бубенцов! Ты истинный джентльмен… Ого! Нам сопутствует удача! Смотри…

У мостков, с которых обычно полощут белье, приткнулась широкая моторка. Точнее, катерок с откинутым брезентовым верхом. На корме возился с подвесным мотором парень в тельняшке и фуражке-мичманке. Он хлопнул мотор по кожуху, выпрямился и с удовольствием потянулся.

— Любезный капитан! — зычно окликнула его Зоя Ипполитовна. — Позволено ли мне будет обратиться к вам с просьбою?

Моторист секунды две изумленно молчал. Потом одернул тельняшку.

— Сударыня! Я весь внимание!

Светский тон моториста не вязался с его внешностью. Парень был коренаст и широкоплеч.

Лицо круглое, но не пухлое, а с крепкими скулами. Нос — как сапожок. Под «сапожком» топорщились светлые усики. Под стать усикам были брови — как две белые зубные щетки. И такие же щетинистые светлые волосы торчали из-под мичманки. В общем, Ваня-тракторист из комедии «Комаровские женихи», которую недавно показывали в передаче «Старые киноленты».

Зоя Ипполитовна, однако, отдала должное манерам «капитана».

— Благодарю вас. Не могли бы вы доставить на тот берег мальчика? Он очень спешит! Выражаясь по-флотски, у него форс-мажор. Чрезвычайные обстоятельства!

Хозяин моторки жизнерадостно глянул на Генчика и галантно заверил собеседницу:

— Нет ничего проще, мадам. Как говорят в Европе, «но проблем».

— Еще раз благодарю. А… сколько я должна вам заплатить за этот незапланированный вояж?

— Сударыня! О чем вы говорите! Вы же только что сообщили, что у мальчика форс-мажор! Помогать людям в экстремальных ситуациях — моя обязанность!

— Мне везет сегодня на встречи с благородными людьми, — тоном пожилой графини сообщила

Зоя Ипполитовна. — Надеюсь, капитан, я могу без опаски доверить вам юного пассажира?

— Мадам! — возгласил «капитан» в порванной на боку тельняшке. — Я старший спасатель водной станции номер два! Обратитесь к начальству, и оно со всей ответственностью подтвердит вам, что Петр Кубриков (то есть я) не похитил и не утопил ни одного ребенка! Как, впрочем, и взрослого!.. Через пять минут мальчик будет в полной сохранности на том берегу. Слово чести!.. Если, конечно, не скиснет двигатель. Но и в этом случае я доставлю вашего внука на сушу. Хотя бы как дрессированный дельфин…

Зоя Ипполитовна не стала объяснять, что Генчик — не внук. Патетическая речь старшего спасателя Кубрикова явно понравилась ей.

— Ну что, Бубенчик? Пойдешь в плавание?

— Ага!

Петр Кубриков сделал под козырек — это для Зои Ипполитовны. А для Генчика — приглашающий жест:

— Прошу вас, сэр!

В тот же миг катерок закачался от Генчикова прыжка.

— Эй! Ты пятками днище пробьешь!

— Не-е! Я легонький! — Генчик, согнувшись,

ухватился за низкий поручень, а другой рукой помахал Зое Ипполитовне. Она отсалютовала ему тростью — как маршальским жезлом.

Петр Кубриков оттолкнул моторку от хлипкой пристани. Сел за баранку, похожую на самолетный штурвал.

— Устраивайся рядом…

Генчик уселся на горячее от солнца клеенчатое сиденье со спинкой. Кубриков щелкнул тумблером, и мотор кашлянул. Потом взревел.

Кубриков надавил ручку газа. Катерок так взял с места, что Генчика вдавило в спинку.

— Ух ты!..

Кубриков заложил широкий вираж. Генчика прижало к борту. Он восторженно взвизгнул. Потом оглянулся. За кормой громадным веером стояла вздыбленная вода — с пенным гребнем и тучей брызг. В брызгах горели радуги. Вода медленно опала, но радуги еще какое-то время держались в воздухе. Так, по крайней мере, запомнилось Генчику.

Генчик радостно глянул на Кубрикова.

— Как в самолете!

— А тебе часто приходилось летать?

— Не… Ни разу. Но мне так кажется…

— Значит, у тебя хорошее воображение, —

одобрил Кубриков. И сбавил газ. Катерок пошел теперь потише. И ровно, по прямой.

Кубриков протянул широкую, в пятнах смазки ладонь.

— Будем знакомы. Петр. Можно Петя. Кубиков…

— Геннадий. То есть Генчик… А вы разве не Кубриков? Мне послышалось там, на берегу…

— Правильно послышалось. Иногда бывает, что и Кубриков. Это, так сказать, псевдоним. Для большей приобщенности к морской тематике…

Ресницы у Пети — в отличие от остальной белобрысой растительности — были рыжеватые. На них горели желтые солнечные точки. А глаза — очень голубые. Ну прямо как матросский воротник.

— Вы на флоте служили, да?

— Служил я как раз наоборот, на самом сухопутье. Крутил

баранку в погранчастях. Как говорится, среди горячих песков и отвесных скал. Зато сейчас, можно сказать, у меня флотская жизнь.

— Ну да, — осторожно согласился Генчик. — Хотя здесь и не совсем море…

— А я здесь тоже «не совсем». Случайно и временно. Так вот распорядилась судьба-зло-

дейка. — Бирюзовый взгляд Пети Кубрикова затуманился. Петя отвел глаза и стал прищуренно смотреть вперед.

Генчик спросил с робким сочувствием:

— А что случилось?

— Да так… Не будем сыпать соль на свежие раны.

Генчик притих. Не хотел он сыпать соль. Потом, чтобы прогнать неловкость, сказал:

— Хороший катер. Это какая марка?

— «Нептун»… Славная посудинка, если только мотор не барахлит. А сегодня он как раз меня замучил. Я там, у вашего пирса, больше часа с ним возился. Даже пообещал судьбе: обязательно сделаю нынче какое-нибудь доброе дело, если эта тарахтелка починится… Она и починилась! А тут как раз ты с бабушкой! Сразу выпал случай исполнить обещание!

— А без обещания… значит, вы меня не повезли бы? — слегка расстроился Генчик.

— Ну почему же! Повез бы! Как не помочь хорошим людям!

Генчик тут же представил себя на месте Кубрикова. Там, у пристани. И словно глянул голубыми Петиными глазами на берег. На высокую старуху в квадратных очках и растрепанного пацаненка

с перемазанным бинтом на колене и в синей с белыми горошинами рубашке.

— А разве было видно, что мы хорошие?

— У меня, брат, глаз на людей…

Генчик мигом понял, что надо ловить счастье за хвост.

— Тогда сделайте еще одно доброе дело!

— Не очень трудное?

— Не очень! Дайте мне порулить! Хоть чуть-чуть! Я еще ни разу в жизни…

— Ну, берись… Только вон туда, к рыбачьим лодкам, не ходи, а то придется делать сразу кучу добрых дел — вылавливать утопающих и разматывать с винта снасти…

Генчик и Петя поменялись местами. Генчик радостно вцепился в пластмассовые «рога» полукруглого штурвала.

— Не стискивай, держи одной рукой. А вторую — сюда, на ручку газа. Это чтобы скорость менять… Только не дергай, надо плавно… Не спеши, тогда все получится…

И у Генчика получилось!

Сперва катер «ВС-2» марки «Нептун» подергался, пометался по воде, выписывая загогулины, но скоро Генчик понял, что к чему. И лихо заложил несколько широких стремительных виражей.

Не хуже, чем сам Кубиков-Кубриков. И опять повисли в солнечном воздухе радуги.

Жаль только, что все это недолго. Через несколько минут берег оказался рядом. Озеро — не океан…

— Ну а причаливать буду я сам. Это, брат, дело тонкое… — Петя опять перебрался к рулю.

Он мягко подвел суденышко к лодочному пирсу у Тележного спуска.

Потом Петя проводил Генчика вверх, до угла Кузнечной улицы. Опять протянул крепкую ладонь.

— Будь здоров, Генчик. Заходи в гости на станцию номер два. Я вижу, есть в тебе флотская жилка.

— Ага… Обязательно зайду! Ой…

— Что?

— Вон Елена идет! Сестра…

Прекрасная Елена (стук-стук каблучками-шпильками) грациозно двигалась вдоль забора. Видать, направлялась в Дом культуры на репетицию. И, конечно, тут же узрела любимого братца. В компании незнакомца, одетого в рваную тельняшку.

— Это Петя, — поспешно сообщил Генчик. — То есть Петр Кубриков. Он прокатил меня на мотор-

ке. Он старший спасатель.

Петя светски наклонил голову в мятой мичманке. Елена, однако, глянула неласково.

— Очень хорошо. Но, судя по всему, Петр… Кубриков не обещал своей маме помочь развешивать белье. А *кое-кто* обещал. И *кое-кому* будет дома такая нахлобучка, что не помогут все на свете спасатели. Даже самые старшие…

— Ничего не будет! — Генчик храбро показал сестрице язык, а Пете помахал рукой. И нырнул за угол, в тень тополей. Оставил вдвоем старшего спасателя Кубрикова и Елену Бубенцову — претендентку на почетное звание «Мисс Утятино».

2

Нахлобучки не было. Белье помог развесить пришедший на обед отец (и они с мамой помирились).

Вторую половину дня Генчик мирно провел на краю огорода, за сараем, где мастерил пружинчиков. Он их расселял в своем городе. И вспоминал все хорошее, что случилось сегодня: Зою Ипполитовну, ее корабль; девочку, которая назвала Генчика чайником; Петю Кубрикова с медными искрами на ресницах. Радуги над водой… Правда, вспомнились и враги с отвратительным Шку-

риком в проволочной клетке. Но Генчик дернул плечами и прогнал из памяти эту пакость.

Когда Генчик улегся спать, ему опять стала вспоминаться Зоя Ипполитовна. Представилось, будто она в своей комнате с прохладными половицами и запахом ванили (или корицы?), в сумерках, без света, стоит перед моделью. И осторожно трогает уснувшего на палубе пружинчика. Гладит узловатым мизинцем… Кто знает, может быть, так оно и было…

3

Утро было прекрасное. Даже мама с отцом не препирались, не дулись друг на друга. А Елена пела арию «У любви как у пташки крылья…». И примеряла на голову какую-то кружевную фиговину с бисером.

Генчик отпросился гулять до обеда.

— А если чуть-чуть задержусь, не ругайтесь!

— Я вот тебе задержусь, — для порядка сказала ему вслед мама. А он — на двор, на огород и — через изгородь, на Кузнечную.

Жаль, что Зоя Ипполитовна живет так далеко. Сейчас,

значит, бегом на трамвай, потом — еще на один, а дальше — по запутанным переулкам

Окуневки.

Не нарваться бы опять на компанию Круглого и Буси с их гадостным Шкуриком…

А может, забежать на водную станцию номер два? Вдруг там окажется Петя Кубриков со своим «Нептуном»? Может, опять перевезет через озеро?

Конечно, это бессовестно — так часто напрашиваться в пассажиры. У старшего спасателя и без того забот хватает. К тому же горючего, наверно, мало. С бензином сейчас везде трудности. И все-таки…

Генчик остановился на взгорке, заскреб затылок. Куда повернуть? И… вот везенье! С высоты он увидел край озера, мостки у Тележного спуска и знакомый катерок у мостков! И самого Петю в тельняшке и мичманке.

Расстояние до берега Генчик преодолел, можно сказать, на бреющем полете.

— Здрасте! — Он лихо затормозил на досках сандалиями.

— О! Привет! Откуда ты взялся?

— Оттуда… Из дома. А вы тут дежурите, да?

— Можно сказать и так. А вообще-то я очки искал. Вчера, когда причалили, выронил из кармана. Жаль, хорошие очки от солнца, друг привез

с Гавайских островов…

— Не нашли?

— Нет. Наверно, провалились под доски, в траву, а там их кто-то отыскал.

— Подождите… — Генчик юркнул под мостки. Ползал там минут пять. Мусор сыпался за ворот и в волосы. Грязный бинт, который Генчик по привычке намотал сегодня на колено, развязался и застрял в траве.

Генчик сердито сунул его в карман. И виновато выбрался на солнце.

— Нету. Нигде…

— Да. Я и сам тут искал, искал… Ладно, переживу. Иди сюда, побеседуем за жизнь, как говорят в Одессе.

Генчик с готовностью сиганул в моторку. И ойкнул: снова Петя скажет «пробьешь днище». Но Петя сказал:

— А сестра твоя… она где?

— Елена? Дома. А что?

— Да ничего… Просто вчера показалось, что вы с ней сегодня утром куда-то собирались. В Дом культуры, кажется…

— Не утром, а вечером! И она без меня! Чего я там не видел? Конкурс красоты! Пфы…

Петя, кажется, слегка затуманился. Наверно,

опять пожалел потерянные гавайские очки.

— Ну, ладно. Кому конкурс, кому работа. Пора в объезд по акватории… А ты куда собрался?

— А я опять… на тот берег. У вас туда случайно не будет пути сегодня?

— Случайно будет, — понимающе сказал Петя. — Раз уж ты тут случайно оказался. Поехали…

Когда моторка набрала ход, Генчик с чувством произнес:

— Ох и спасибо вам! А можно вас попросить…

— Сначала можно я попрошу?

— Ага… А что?

— Давай будем с тобой на «ты». Я ведь еще неженатый, бездетный. Молодой снаружи и внутри.

— Ладно… давай. А можно, чтобы скорость потише?

— Ты что? Боишься?

— Вот еще, «боишься»! Просто… чтобы плавание было подольше. А то ж-жик — и там…

— Понял. Малый ход…

Нос катерка опустился, мотор застучал неторопливо. В корму стали поддавать крутые гребешки — с берега дул теплый плотный ветер и разгонял зыбь.

— Так и поедем, — решил Петя. — Если бабушка не успела соскучиться по внуку.

— Да она вовсе не моя бабушка! Мы только вчера познакомились!

И Генчик без утайки поведал вчерашнюю историю. Не скрыл даже, как спасался от зловредных парней и Шкурика и как боялся, что старуха — коварная похитительница.

— А по правде-то она совсем не такая!.. И корабль у нее знаешь какой замечательный! Ну, в точности как настоящий, только будто его какой-то волшебник уменьшил. Она его несколько лет строила…

— Значит, есть в старой женщине морская закваска, — со всей серьезностью заметил Петя Кубриков.

— Есть… Она раньше в портовой конторе работала. И морские узлы знает! Она мне вчера два узла показала: «выбленоч-ный» и «задвижной штык»… Петь, а ты все морские узлы знаешь?

— Всех, наверное, никто не знает. Их чуть ли не четыре тысячи. Но кой-какие мне, конечно, известны. Такая, брат, профессия. Например, «беседочный». Очень полезный в нашем спасательном деле. Он образует петлю, которая не затягивается. Это важно, когда человека такой петлей вытягивают из воды… А если сам оказался за бортом, должен уметь завязать петлю вокруг

себя одной рукой, одним взмахом…

— Петя, покажи!.. Вот на этом! — Генчик выдернул из кармана серый, жгутом свернувшийся бинт.

— Ну что ты! На таких тесемках узлы не вяжут. Возьмем вот что… — Петя дернул к себе с носовой палубы швартовую снасть — плетеный, толщиной в палец трос. А бинт бросил за борт. Потом выключил мотор. — Ляжем в дрейф. А то не успею научить, как будем у берега. Вот, смотри. Один конец закрепляем на судне, другой у тебя в руке. Обносишь вокруг туловища — раз! Делаешь на нем колечко — два. Перехватываешь, просовываешь руку, протягиваешь кончик… три! Готово…

— За три секунды! — восхитился Генчик.

— Теперь попробуй сам… Нет-нет, одной рукой… Работай пальцами… Вот так!

Конечно, не все сразу было «вот так». Но минут через пятнадцать Генчик уже довольно ловко завязывал у себя вокруг пояса широкую петлю. Движением кисти и пальцев. И Петя сказал, что у него, у Генчика, морской талант.

— Петя, а можно я теперь скакну за борт? А ты мне бросишь конец и спасешь!

— Ну… не так сразу. Потренируйся еще…

— А говоришь «талант»…

— Талант, пока на суше или в лодке. А на воде вон какая зыбь. Ишь, раскачало… Да и мотор пора заводить, а то остынет — не запустишь. Садись…

Мотор запустился сразу. Но тут же и заглох.

— Ну вот, накаркал я… — Петя защелкал тумблером. Чертыхнулся и полез на корму. Пенный гребешок хлестнул ему в лицо. Петя, отплевываясь, потянул мотор на себя. Из воды показался металлический «хвост» с винтом.

— Ой… — сказал Генчик.

— Тьфу, зараза! — сказал Петя.

Потому что оба увидели сразу: на ось винта был намотан марлевый жгут.

— Это я виноват! — раскаялся Генчик. — Мой бинт…

— Я виноват! Знал ведь, что нельзя бросать за борт всякую дрянь!.. У тебя есть ножик?

— Нету…

— И у меня нет. Я, голова дырявая, дал его вчера нашему сторожу, банку консервную открыть, а назад не взял…

Петя вытащил из-под сиденья коробку с гайками, масленками и мелкими инструментами. Поковырял бинт на оси отверткой. Но марля намоталась с небывалой плотностью.

— Кажется, мы сели крепко…

Волны между тем нарастали, качало все сильнее. Генчик ощутил в себе приключенческое замирание.

— Значит, у нас корабельная авария?

— Вроде того.

— Тогда… может быть, поднять сигнал бедствия?

— Ну, это уж черта с два! Не хватало, чтобы старшего спасателя Кубрикова спасали посторонние… Сначала поднимем что-нибудь другое!

— Что?

— Во-первых, настроение. Во-вторых, парус.

— У тебя есть парус?! — возликовал Генчик.

— Припас на всякий случай. Самодельный. Ну-ка…

Петя поднял лежавшие вдоль бортов две дюралевые

жерди, соединил их концами. Получилась двуногая штука вроде буквы А без перекладины. Нижние концы Петя вставил в гнезда у бортов. Генчик помогал. А гребешки хлестали через борт — ну прямо как в кино про надвигающийся шторм.

От верхушки двуногой мачты спускались несколько веревок. Одну протянули к носу, другую к корме. Закрепили. К третьей веревке (Петя

сказал, что это «фал») прицепили деревянную перекладину с квадратной парусиной. Нижние углы паруса короткими снастями оттянули к скобкам на бортах. Потом вдвоем потянули фал.

И парус полез вверх, и ветер тут же рванул его, и катерок накренился, и вода (почему-то очень холодная) хлестнула Генчика по ногам.

— Ого… — сказал Генчик со старательной небрежностью. — Так, пожалуй, и вверх дном оказаться недолго…

— Ерунда. Мой «Нептуша» остойчивый. Обвяжись-ка беседочным узлом и лезь на нос. Я буду править веслом, а ты командуй. Мне-то из-за паруса не видать, что там по курсу.

Генчик со страховочной петлей под мышками уселся на носовой палубе. Ухватился покрепче за крышку люка. За плечами у Генчика туго надувалась парусина. Ветер вырывался из-под нижнего края и сквозь намокшую рубашку холодил спину. А солнце жарко светило в левую щеку. И озеро под этим солнцем было очень синим. С белыми щетками гребешков.

На середине озера волны стали пологими. Они догоняли неторопливый парусник, поднимали его и плавно уходили к далекому берегу. Впрочем, не к такому уж далекому.

В груди у Генчика был тихий восторг. Надо же, какое счастье привалило человеку: настоящее парусное плавание!

— Лево руля!.. Петь, еще левее! Чтобы прямо к мосткам!

— Есть… Так правильно?

— Точно идем!

— Я закреплю весло… — Петя закрепил. И высунул голову из-под паруса. — Хорошо ты устроился…

— Ага! Иди сюда!

— Нельзя, нос будет перегружен. Парусник с перегруженным носом — не ходок.

— Петь, а ты плавал на больших парусных кораблях?

В ответ Генчик услышал молчание, потом протяжный вздох. Оглянулся. Глаза у Пети были скорбные, медные искры на ресницах погасли.

— Не пришлось пока, Генчик… Должен был этим летом идти в плавание на учебном фрегате «Дружба». А вместо этого — сюда…

— Почему?

— Я ведь вообще-то курсант мореходного училища в городе Северобалтийске. Весь наш курс пошел на летнюю практику под парусами, а меня сослали в ваш Белорыбинск…

— За что?! — возмутился Генчик, заранее зная, что Петя Кубриков ни в чем не виноват.

— Было за что… За дуэль… — Петя прищуренно смотрел из-под паруса мимо Генчика. Вдаль.

— Как за дуэль? За правдашнюю? — радостно обмер Генчик.

— За неправдашнюю не сослали бы. Хорошо хоть, что не исключили. Начальник воспитательной части — мужик с пониманием. «Тяни, — говорит, — лямку на дальнем озере и благодари судьбу, что легко отделался…»

— Петя, расскажи! — взмолился Генчик. — Что за дуэль-то? На пистолетах? — Картины из повести «Выстрел» встали перед Генчиком ярко, как в цветном телевизоре.

— Не на пистолетах, на холодном оружии… Есть на нашем курсе один тип. По прозвищу «Левый Кит». Сынок одного большого чиновника из пароходства. Этакий упитанный субъект, который думал, что ему все позволено… Ясен портрет?

— Вполне!

— Тогда продолжаю. Однажды сидели мы в курилке… Я вообще-то не курю, но тоже был там, ради компании. Ну, разные морские байки, анекдоты и все такое прочее. И о девушках, конечно… И вот этот Левый Кит, хмыкая и облизываясь,

начал об одной девушке говорить всякие гадости. А мы ее, кстати, все знаем, хорошая такая, в техникуме учится, что рядом с училищем… Как ты думаешь, что мне было делать?.. Правильно… Ну, я не сильно, а слегка по уху… Он, когда поднялся с песка, — на меня. Нас растащили. И, конечно, сразу разговор о секундантах… В училище есть небольшой музей, в нем кой-какое старинное оружие, в том числе и пара длинных палашей. Раньше с такими гардемарины ходили. Эти палаши добыли мы из музея хитрым способом, пошли в дальний угол нашего парка, разметили фехтовальную дорожку. В общем, как полагается…

— Можно же было поубивать друг друга, — выразил Генчик запоздалое опасение.

— Ну… я-то убивать не собирался. Думал, что припру Кита к забору, приставлю острие к пузу и заставлю извиняться. Потому как в фехтовальном деле кое-что смыслю. Кит, правда, тоже смыслит, но справедливость-то была на моей стороне, а это, брат, всегда помогает…

— Думаешь, всегда? — вздохнул Генчик.

— Почти… Но только мы начали, как проклятый Кит скакнул по-дурацки и подвернул ногу. Бросил оружие, сидит на травке, держится за ступню и стонет. В это время нас и накрыл вах-

тенный офицер… Секундантам — по выговору. Киту тоже выговор, только не простой, а строгий. А я оказался главный виновник и зачинщик.

— А почему не Кит?

— Потому как удар по уху был нанесен с моей стороны… Вот таким образом я не под небом Атлантики, а здесь…

Генчик сочувственно посопел.

— Ну, ничего, — бодро сказал Кубриков. — Может, оно и к лучшему…

«Куда уж к лучшему», — подумал Генчик, представив небо Атлантики и паруса фрегата. Но Петя разъяснил:

— Никогда не знаешь заранее, какие сюрпризы готовит тебе матушка-жизнь. И в каком месте ждут тебя самые радостные встречи. Вот… с тобой, например, познакомились. Разве это плохо?

— Да мне-то просто замечательно!

— И мне хорошо… Готовь швартов! И одерживай, чтобы не стукнуться! — Катерок подходил к пристани. С шумом упал парус…

На берегу Генчик нетерпеливо подпрыгнул:

— Я сбегаю к Зое Ипполитовне, попрошу нож!

— Лучше поищи осколок от бутылки.

Осколков на берегу хватало. Острым стеклянным краем Петя Кубриков перепилил на оси

винта тугой марлевый жгут.

— Вот и все. Будем нести службу дальше. Я — патрульную, ты — по наладке такелажа…

— Увидимся еще, да?

— О чем разговор!

КАК ЗОВУТ БРИГАНТИНУ

1

Зоя Ипполитовна, увидев Генчика, не скрыла удовольствия.

— Доброе утро, Бубенчик! Признаться, я волновалась: придешь или нет?

— Я же обещал!

Без лишних слов Генчик устроился на стуле перед моделью. Потому что дело есть дело. Но прежде, чем взяться за оснастку, Генчик подмигнул синему пружинчику — тот сидел на палубе у передней мачты…

— Ты, кажется, поинтересовался, как мне спалось? — переспросила Зоя Ипполитовна. — Благодарю. Довольно сносно…

Генчик смутился.

— Это я пружинчика спросил. Вот его…

— А! Думаю, что ему снилось кругосветное путешествие… А тебе?

— А мне ничего. Уснул — будто выключился насовсем. Я всегда крепко сплю…

— Счастливый человек… И, судя по твоему бодрому виду, настроение у тебя прекрасное. Не

то, что вчера. А?

— Конечно! Вчера меня шпана ловила, а сегодня я с хорошим человеком подружился. Знаете с кем? С тем спасателем, который меня вчера на моторке увез. А сегодня он меня опять сюда переправил!..

Генчик с подробностями рассказал все, что случилось. И про аварию, и про волны, и про парус. И про Петину печально-романтическую судьбу.

Но работал Генчик не только языком, а еще и пальцами. Вернее, пальцы работали сами. Они уже привыкли к делу и машинально вязали узелки на тугих нитях стоячего такелажа.

Узнав о причине, по которой Петю сослали на Верх-Утя-тинское озеро, Зоя Ипполитовна вскинула голову:

— Подумать только! Значит, есть еще рыцари в наше время!

— Да!

— А на первый взгляд он показался мне… как-то несколько простоват.

— Внешность бывает обманчива, — умудренно заметил Генчик.

— Ты прав…

— А знаете, что Петя мне показал? Беседочный узел! Вы умеете его вязать?

— М-м… Увы, не помню.

— Хотите, покажу? — Генчик радостно крутнулся вместе со стулом. — Только надо веревку…

— Хорошо. Ты уже вон сколько выбленок привязал, тебе необходима разрядка. Идем.

Они вышли на заросший двор. Зоя Ипполитовна сняла с гвоздя на заборе моток толстого бельевого шнура. Генчик, горя вдохновением, вмиг забрался по кривому стволу на старую яблоню. Там, в трех метрах от земли, привязал шнур к толстой ветке. И съехал по нему вниз.

— Ты как Тарзан…

— Ага!.. А можно отрезать лишнее? А то неудобно завязывать.

— Что делать, режь… — Зоя Ипполитовна принесла кухонный нож. И Генчик опять вспомнил девочку, которая сравнила его с чайником. И стало еще веселее.

Генчик лихо перепилил шнур и зажал в правой ладони капроновый разлохмаченный конец.

— Смотрите! Р-раз! Два! Три!.. — Он раскинул руки, поджал ноги и полетел над травой, схваченный широкою петлей. Давило под мышками, резало грудь, и все же полет был радостный! Ветер ерошил волосы, свистела и чиркала по ногам трава…

— Постой, постой! Как бы не было беды!

— Не будет! — Генчик затормозил сандалиями. — Петля ведь не затягивается!

— Я боюсь, что обломится сук.

— Что вы! Я же легонький!.. Я иногда вообще летаю по воздуху!

— Да? Каким же образом?

— Вот таким! — Генчик выскользнул из беседочной петли, встал на цыпочки и опять раскинул руки. — Разбегусь вниз по улице, а там овраг. И я над склоном — ж-ж-ж... На посадку. Там мягко...

— А! Понимаю! Когда летишь над склоном, кажется, что полет замедляется! И ты — как птица... Правда?

Генчик опустил руки.

— Правда... А вы откуда знаете?

— Голубчик мой! Я ведь не всегда была старой развалиной! Когда-то мне тоже было десять лет. И сейчас кажется, что не так уж давно... Не веришь?

— Почему же? Я верю! — Генчику подумалось, что Зоя Ипполитовна была похожа на ту девчонку — защитницу зелени в овраге.

— Это хорошо, что кто-то еще верит... — Зоя Ипполитовна замолчала, покивала своим мыс-

лям и присела на бревно. Оно лежало в лопухах у забора.

Генчик потоптался рядом с повисшей веревкой. Шагнул к забору и тоже сел. На другой конец бревна.

— Зоя Ипполитовна… — Он слегка спотыкался на ее длинном имени.

— Что, друг мой?

— Значит… вы тоже летали?

— А как же! Я была совсем не пай-девочка. Вечно ходила с перевязанными коленками. Причем ссадины были настоящие, не как у некоторых… — Квадратные очки блеснули.

Генчик шмыгнул носом с дурашливой виноватостью.

— У меня ведь тоже бывают настоящие. Полным-полно…

— А летала я по-всякому. И над откосом, как ты, и на больших качелях, и с обрыва в воду… Чаще всего не одна, а со своим другом. С Ревчиком. Жили мы в одном дворе и учились в одном классе…

— Как его звали-то? — не понял Генчик.

— Звали его Тима. А фамилия немножко странная — Ревва. Через «е» и с двумя «вэ». Вот я и звала его «Ревчик». А вредные мальчишки, разумеется, дразнили — «Рёва».

— А он что… разве часто слезы пускал? — Генчику стало неловко за давнего незнакомого Ревчика.

— Вовсе нет! Но по характеру был тихий, совсем не драчун, а таких часто обижают. И мне приходилось за него заступаться. И учить всяким проделкам. В проделках я всегда была первая. Впрочем, он не отставал…

— А говорите, что тихий…

— Тихий — это ведь не значит боязливый… Больше всего мы любили летать с плотины. В жаркие дни… Недалеко от дома был пруд с плотиной… Возьмемся за руки, разбежимся — и в воду. Как можно дальше! И вот это время — от края плотины до воды — был настоящий полет… А потом брызги и прохлада. Вода была зеленая, прозрачная, мы ныряли с открытыми глазами и в глубине отлично видели друг друга. Дурачились, играли в догонялки… Боже мой, это ведь все было на самом деле…

Зоя Ипполитовна сняла очки и стала протирать их концом косынки, надетой как галстук. Генчик неловко поднялся.

— Надо вязать дальше. Там еще полным-полно работы…

— Сначала я напою тебя чаем! С ореховым пе-

ченьем!

— Нет, сперва довяжу до марсовой площадки…

В комнате Зоя Ипполитовна села недалеко от Генчика. Стала смотреть, как он укрепляет на вантах ступеньки.

— Удивительные пальцы… Бубенчик, я не мешаю тебе своей пристальностью?

— Не-а… Зоя Ипполитовна, можно спросить?

— Пожалуйста!

— А вот вчера… вы меня только из-за пальцев увезли с собой? Или…

— Что «или»?

— Или решили защитить от тех… потому что вспомнили, как заступались за Ревчика?

— Гм… Вам, молодой человек, не откажешь в проницательности… Хотя должна сказать, что Ревчика я обрисовала не совсем правильно. Не был он таким уж тихоней. И однажды, когда ко мне привязались хулиганы, очень даже отчаянно полез в драку… А потом и профессию выбрал себе храбрую…

— Летчика, да?

— Угадал…

Зоя Ипполитовна, кажется, опять загрустила.

Генчик подумал: спросить или лучше не надо? И не удержался:

— Зоя Ипполитовна… Он потом на войне погиб, да?

— Что?.. Нет, вовсе он не погиб. С чего ты взял? Да и не было уже войны, когда он окончил училище… Он был летчиком на Севере, в геологоразведке. А потом… что с ним стало потом, я не знаю…

— А почему вы… — И Генчик сбился. Даже пальцы в нитках запутались. Он засопел.

— Я понимаю, что ты хочешь спросить. Почему не поженились, когда выросли?

Генчик сопел и, кажется, розовел ушами. У Зои Ипполитовны очки поехали на кончик носа. Она пальцем вернула их на переносицу.

— Видишь ли, голубчик, не всегда детская дружба кончается свадьбой… Когда выросли, появились у каждого свои сердечные увлечения. Дело обычное. После школы он уехал. Была, конечно, переписка и встречи, но чем дальше, тем реже. Наконец я с мужем переехала на время в Москву, Ревчик тоже сменил место службы, адреса затерялись…

— Жалко… — тихо выдохнул Генчик.

— Да. Очень хотелось бы узнать, где он теперь, Тима Ревчик. Я пыталась, но следов не нашла… Но все же кое-что осталось.

— Что? — оживился Генчик.

— Детские годы, они ведь никуда, милый мой, из памяти не деваются. А для старого человека они порой важнее, чем нынешняя жизнь. И вот там-то, в этой памяти, всегда есть белобрысый курносый, как ты, мальчик в синей матроске… Это сейчас воротники с якорями можно увидеть только на малышах, а тогда матросские костюмы носили и школьники. И, кстати, очень славно выглядели. И всем нравилась песня о веселом ветре из фильма «Дети капитана Гранта»…

— Это где «кто весел, тот смеется, кто хочет, тот добьется», да?

— Именно, именно… Кстати, Ревчик очень любил строить кораблики. И меня научил. А потом мы построили вместе трехмачтовый фрегат. Не такой большой, конечно, как эта модель. Из куска сосновой коры. Назывался «Фенимор Купер». Как наш любимый писатель… Ты читал Купера?

— Ага. «Зверобой»…

Книжка про Зверобоя показалась Генчику не очень интересной. Конечно, хорошо, что про индейцев, но уж слишком тягучая какая-то. Признаваться в этом не хотелось, и он быстро переменил разговор:

— Зоя Ипполитовна! А эта бригантина как на-

зывается? На ней ничего не написано… Может, тоже «Фенимор»?

Зоя Ипполитовна потрогала шарик на носу.

— Видишь ли, у нее довольно необычное название. Разумеется, я скажу, если тебе интересно…

— Конечно, интересно!

— Ладно… «Я больше не буду».

— Что не будете? — очень удивился Генчик.

— Друг мой! Название такое!.. «Я больше не буду»!

— Вот это да… — Генчик заморгал.

— Странно звучит?

— Еще бы…

— Однако встречаются в истории флота и другие не менее странные названия. Да… Был, например, броненосец «Не тронь меня!». Была, говорят, быстроходная шхуна по имени «Всем корму покажу»… Валентин Катаев писал про черноморскую шаланду «Ай, Пушкин, молодец!».

— Ага! В книжке «Белеет парус одинокий».

— Да-да… А один французский мореплаватель назвал свое судно «Пуркуа па?». Это, как известно, по-русски означает «Почему бы и нет?».

— Я знаю! В кино про мушкетеров так поют: «Пуркуа па? Пуркуа па?» А у этой-то бригантины откуда такое имя?

— Длинная история. Хочешь послушать?

— Пуркуа па? — весело нашелся Генчик.

— Тогда… сначала я покажу тебе того, кто дал бригантине это название. Идем…

2

Зоя Ипполитовна взяла Генчика за плечо и с некоторой важностью подвела к двери между комодом и шкафом. Генчик отчего-то слегка оробел. Зоя Ипполитовна надавила старинную медную ручку.

— Ну, ступай…

И Генчик перешагнул порог.

— Ой…

Со стены напротив смотрел в упор на Генчика рыжебородый моряк. Смотрел с большого портрета в тяжелой (кажется, бронзовой) раме.

Глаза у моряка были чисто-голубые, как у Пети Кубрикова. Но брови не белобрысые, а бурые и клочкастые. Клочкастыми были и бакенбарды медного цвета. Такого же оттенка спутанные волосы торчали из-под околыша и козырька мятой фуражки.

На фуражке — скрещенные якоря в обрамлении колючих листьев (Генчик помнил, что эта штука называется «краб»).

На моряке была полосатая фуфайка, а поверх нее — черная тужурка с тяжелыми флотскими пуговицами. У груди моряк держал в коричневых пальцах бинокль — большущий, с медными кольцами и винтами. Сразу видно — морской.

Позади моряка были сизые клубы тумана, размытые всплески волн, а сквозь туман проступали силуэты парусов.

Похоже, что моряк только что смотрел в бинокль и оторвался от него, услышав шаги. И теперь глядел на гостя. Во взгляде не было строгости. И не было насмешки бывалого человека над оробевшим пацаненком. Было, пожалуй, понимание: «Я вижу, что тебе интересно. Заходи, поговорим...» Так что Генчик зря вздрогнул в первый момент.

— Ух ты... — сказал он наконец. — Это кто?

— Это мореплаватель Томас Джон Сундуккер. Он же Фома Иванович Сундуков. Владелец и капитан судна «Я больше не буду». И, кстати, мой двоюродный прадедушка.

— Ух ты... — сказал Генчик снова. И повел взглядом в сторону Зои Ипполитовны, чтобы посмотреть: есть ли сходство? И сказал «ух ты» третий раз. Потому что взгляд его до Зои Ипполитовны не дошел — стал цепляться за множество

необычных вещей.

Между окон висел обшарпанный спасательный круг — красно-белый, с черной надписью «Св. Гавріилъ». Под кругом был прислонен к стене коричневый штурвал с точеными рукоятками и медным ободом — ростом с Генчика. Повсюду висели желтые (явно старинные) карты, фотографии в рамках и непонятные инструменты. По углам стояли два большущих глобуса на подставках с витыми ножками. На подоконниках лежали тяжелые корабельные блоки, чернела круглым жерлом большая модель морской пушки, блестел шаровидным стеклом древний керосиновый фонарь…

Да всего и не перечислишь! Тем более что среди множества морских предметов попадались вещи совсем неожиданные и к флоту отношения не имеющие. Например, тяжелые резиновые калоши, большущий кирпич с клеймом «Ф-ка бр. Красновыхъ», могучий амбарный замок, маленькие (явно детские) ботинки несовременного фасона — высокие и с пуговками.

И еще много всякой старины…

— Прямо музей, — прошептал Генчик.

— Пожалуй, ты прав. Маленький музей капитана Сундук-кера. Кстати, собирать эту коллекцию

начал сам Фома Иванович. Вот, посмотри. Эту деревянную ногу он привез с Антильских островов…

И Генчик увидел в углу рядом с глобусом дубовый самодельный протез.

— Как у Джона Сильвера…

— Да! Именно так! Капитан и утверждал, что нога принадлежала этому знаменитому персонажу. Возможно, он фантазировал. Но нельзя не признать, что вещь действительно старинная и весьма пиратского вида…

Генчик с уважением потрогал искусственную пиратскую ногу.

— …А на пароходе «Святой Гавриил» будущий капитан совершил свое первое плавание. И выпросил круг на память. Он был коллекционер по природе… Я, признаться, тоже. Поэтому с детства начала собирать все, что имело отношение к прадедушке. Вот, например, ботинки, в которых он пошел в первый класс гимназии… А калоши принадлежали его старшему брату, Филиппу Ивановичу Сундукову, который был моим родным прадедушкой… Конечно, это не морская вещь, но зато семейная реликвия. Памятник эпохи…

У Генчика от частого верчения головой болела шея.

— Ой, а это что? Корабельный колокол?

— Да.

— С той бригантины?

— Смотри сам.

Колокол висел рядом с дверью. Он был размером с небольшое ведро. Видимо, его чистили регулярно — на меди горел ослепительный солнечный блик. Но глубоко вырезанные в металле буквы были черными: наверно, в них набилась «пыль веков», которую не выковырять. Эти буквы на нижнем крае колокола складывались в слова:

Я БОЛЬШЕ НЕ БУДУ

Язык колокола напоминал чугунную грушу с петлей. В петлю был вплетен кусок толстого троса: берись и звони.

У Генчика зачесались ладони.

— Зоя Ипполитовна, можно я звякну? Один разик! Чуть-чуть…

— Ударь не чуть-чуть, а как следует. Капитану нравится, когда колокол подает голос.

И Генчик ударил. От души. Так, что над верхним косяком двери поднялось облачко пыли, а в раме задребезжало треснувшее стекло. Генчик оглянулся на портрет. Капитан Сун-дуккер смотрел одобрительно. Генчик заметил наконец, что

сходство с правнучкой действительно есть. По крайней мере, носы у них одинаковые — прямые, но с шариками на конце. Фамильная черта.

Генчик почесал указательными пальцами в ушах.

— Зоя Ипполитовна! А кто рисовал портрет? Он тоже старинный, да?

— Н-ну, не совсем. По правде говоря, это — моя работа.

— Ваша?! — у Генчика от изумления перестало звенеть в ушах. — Значит, вы художница?

— Бог с тобой! Какая я художница? В молодости по-люби-тельски увлекалась живописью, занималась в местной студии. Тогда и написала прадедушку… Лет сорок назад.

— Вы прямо как знаменитый Репин, — искренне сказал Генчик. И капитан Сундуккер взглядом выразил согласие с такой оценкой.

— Что ты, Бубенчик! Это у тебя просто… восторженное детское впечатление. А профессионалы усмотрели бы здесь массу недостатков… Хотя, пожалуй, это моя лучшая работа за всю жизнью Далась она мне с великими трудами. Писала-то я с маленькой старой фотографии…

— Очень замечательный портрет, — опять выразил восхищение Генчик. — И рама красивая…

— Рама в самом деле старинная. Было время, когда антикварные вещи не ценились, их продавали совсем дешево, вот я и купила в комиссионном магазине… Конечно, этот багет достоин классического полотна, а не холста с дилетантскими потугами, но я не удержалась от соблазна, вставила прадедушку…

Эту речь Генчик понял так, что Зоя Ипполитовна опять критикует свою работу.

— Как бы вы ни говорили, а портрет хороший! Вот!.. Только знаете что?

— Что, Бубенчик?

— Надо модель поставить под портретом! Чтобы корабль был вместе с капитаном.

— Я так и собираюсь сделать. Но лишь тогда, когда мы с тобой ее полностью достроим… Конечно, для полноты коллекции здесь нужен корабль. Я поняла это давно, потому и взялась за такую работу… А теперь идем пить чай.

— Но потом я еще здесь все посмотрю, ладно?

— Сколько хочешь.

— А вы расскажете про капитана Сундуккера?

— Если тебе интересно…

— Еще бы!

ЮНЫЕ ГОДЫ КАПИТАНА СУНДУККЕРА

1

За столом, похрустывая ореховым печеньем, Генчик спросил:

— Сундуков — это настоящая фамилия, а Сундуккер — псевдоним, да? Как Кубиков и Кубриков?

— Ты прав.

— А название бригантины… Откуда оно такое взялось?

— Тут, Бубенчик, длинная и немножко смешная история. Началась она еще в давнем детстве капитана. В ранние свои годы Фомушка Сундуков то и дело повторял такие спасительные слова. И потом осталась у него эта привычка.

— Видать, круто воспитывали Фомушку, — посочувствовал Генчик.

— Как тебе сказать… Папаша его был торговец и владелец небольшого литейного завода. Но не какой-нибудь там пузатый и бородатый буржуй и купчина, а человек довольно просвещенный. Любил он всякие инженерные новшества, ездил набираться опыта за границей, библиотеку соби-

рал… Одна беда, на сына Фомушку не оставалось времени. А матери у Фомушки не было, скончалась она, когда сын был еще совсем кроха… И вот для воспитания наследника пригласил Иван Никодимович Сундуков женщину иностранного происхождения. Как тогда говорили, «выписал из столицы». Это была пожилая незамужняя англичанка, мисс Кнопперинг… Давай подолью еще чайку.

— Спасибо, я внутри и так булькаю от перелива. Лучше я буду вязать выбленки, а вы рассказывайте.

— Труженик ты… Ладно… Мисс Кнопперинг, судя по всему, привязалась к мальчику, но внешне этого не показывала. Характер у нее был истинно британский, сдержанный. Гувернантка по всем статьям. И Фомушку держала в строгости.

— Драла небось… — поежился Генчик.

— Представь себе, нет, хотя в ту пору такая педагогика была повсеместна. Середина девятнадцатого века… Мисс Кнопперинг умела не только словом, но и взглядом так показать свое неудовольствие, что Фомушка мигом становился шелковым. Опускал виноватую, с рыжими локонами голову и жалобно говорил:

«Я больше не буду…»

«То-то же, — смягчалась мисс Кнопперинг. — Однако тебе придется за свою провинность выучить еще одно стихотворение по-английски…»

А провинности у Фомушки были самые обычные, мальчишечьи. То высадит стекло стрелой из лука, то штаны порвет на заборе, то сбежит со двора, чтобы погулять вдали от дома… Надо сказать, был Фомушка характера довольно смирного, с другими мальчишками играл редко, гулял чаще всего один, драк опасался. И все же сидел у него внутри этакий чертик. «Маленький рыжий бес», — говорила мисс Кнопперинг по-английски. Он-то и подзуживал Фомушку, разжигал в нем страсть к путешествиям. Сперва путешествия были по ближним переулкам, потом по шумному городскому базару, а затем и по дальним окраинам — где-нибудь у заброшенных мельниц или на старом кладбище. И жутко, и заманчиво…

Однажды на незнакомой улице изловила Фомушку ватага вредных мальчишек. Ну, дело обычное, ты знаешь…

— Да уж… — опять поежился Генчик.

— Прижали перепуганного Фомушку к забору, и старший — этакий атаман в холщовой рубахе и отцовском картузе — грозно спрашивает:

«Почему ты такой рыжий? А?!»

Фомушка перепугался, конечно. Хлопает глазами. Икнул он со страху, и сами собой выскочили привычные слова:

«Я больше не буду…»

Мальчишки со смеху взялись за животы. И отпустили пленника, даже пинка не дали на прощанье… И смекнул Фомушка, что эти слова в опасных случаях жизни могут стать спасительными. Особенно когда говоришь их искренним тоном и смотришь чистыми голубыми глазами… И стал он пользоваться этим средством так часто, что мисс Кнопперинг в конце концов заявила:

«Мне надоело, май бой. Чем постоянно выбалтывать эту заученную фразу, лучше звякай в колокол».

На литейном заводе папаши Сундукова как раз готовили небольшие колокола для станций. В ту пору начинали строить железные дороги. В доме было несколько таких колоколов — товарные образцы. Один из них мисс Кнопперинг попросила у хозяина и заказала мастеру надпись. Ту самую…

Генчик хихикнул. Зоя Ипполитовна покивала:

— Да… И повесила этот колокол в детской.

«Когда что-нибудь натворишь, май бой, звякай без лишних слов. Я буду знать, что, во-первых, ты

виноват, а во-вторых, раскаиваешься. Но если не успеешь ударить в колокол, пеняй на себя…»

Фомушка был проворен и успевал. Вернувшись домой после лазанья по крышам или игры в Робинзона, он дергал спасительный конец колокола (называемый, кстати, «рында-булинь»). «Динь-дон, — слышалось в доме. — Я больше не буду…» Мисс Кнопперинг вздыхала и покачивала головой с седым валиком прически.

Надо сказать, что Фомушка был честный малый. Только раз в жизни он не исполнил свое «я больше не буду» — это когда обещал мальчишкам перестать быть рыжим. Тут уж ничего от него не зависело. Зато во всех других случаях твердо держал слово. Если речь шла о разбитой фарфоровой вазе, то, сами понимаете, обещание было железное — эту вазу Фомушка никогда больше не разобьет…

Генчик сочувственно хихикнул. Фомушка был ему симпатичен. Генчик представлял его себе так же ясно, как рыжего одноклассника Яшку Семухина.

— А дальше что было? Как он моряком-то сделался?

— Дальше… «Динь-дон», «динь-дон» — и мальчик подрастал. Появилась у него любимая книж-

ка. Нашел он ее в отцовской библиотеке. Была она старинная даже по тем временам, напечатана еще при Екатерине Великой. И называлась «Сказания о мореплавании. Как оное начиналось и возрастало, какие время от времени приносило пользы…» Ну и так далее. Перевел ее с французского мичман Российского флота Михайло Веревкин. Я тебе ее потом покажу, если хочешь…

— Конечно, хочу!

— Фомушка эту книгу прочитал вдоль и поперек. Говорилось в ней о морских путешествиях во все времена, даже в самой глубокой древности. И «маленький рыжий бес» начал, разумеется, подзуживать девятилетнего Фомушку: «Отчего бы тебе самому не попробовать?»

Первое плавание было недолгим — по речке Внуковке, похожей на обычный ручей. Кораблем стала широкая бадья, в которой кухарка Настасья замачивала для стирки тяжелые скатерти. Минут десять холодная весенняя вода несла бадью и храброго капитана довольно спокойно. Потом их закружил водоворот. К счастью, над речкой нависали густые ветлы. Фомушка ухватился за ветки и совсем не героически завопил.

От дома было уже с полверсты, но мисс Кнопперинг чутким ухом (а может быть, внутренним

чутьем) восприняла отдаленный сигнал бедствия. Подобрав юбки, она кинулась к берегу, сквозь кусты и старый репейник. Потом храбро вошла в воду, зацепила изогнутой ручкой зонтика Фомушкин воротник и выволокла путешественника на сушу. Изрядно промокшего.

Дома, раздевая неудачливого мореплавателя и развешивая сырую одежду, мисс Кнопперинг хранила молчание. Ледяное и многообещающее. Фомушка же улучил момент и скользнул наконец к колоколу: «Динь-дон!»

— Поздно, господин Сундуков-младший, — заявила мисс Кнопперинг. — На сей раз это не поможет.

— Но я же правда больше не буду! — подтвердил Фомушка жалобными словами «колокольное обещание». И глаза его испустили голубой невинный свет.

— Негодный мальчишка…

— Но я в самом деле больше не буду! Честное слово…

И, как всегда, Фомушка слово сдержал. Путешествовать в бадье он просто-напросто не мог — посудина уплыла вниз по Внуковке и, возможно, достигла дальних широт, о которых мечтал ее капитан. А он завел себе просторную лодку.

— И далеко он на ней уплывал? — спросил Генчик.

— Не очень далеко. Не следовало сердить мисс Кнопперинг… Но однажды Фомушка отважился на очень серьезное путешествие. Прямо скажем, отчаянное. Потому что сидеть дома ему не позволяла совесть.

Было Фомушке Сундукову в ту пору одиннадцать лет. Он уже учился в гимназии, но мисс Кнопперинг оставалась его домашней воспитательницей.

— А при чем тут совесть-то?

— Фомушка считал, что всякий, кто любит русский флот и море, должен сражаться на бастионах Севастополя. В ту пору как раз шла Крымская война. Англичане, французы и турки осадили Севастополь с моря и с суши. А нашей обороной командовал адмирал Нахимов… Радио и телевизоров тогда еще не было, но первобытный телеграф уже существовал: этакие мачты с семафорными перекладинами. И газеты с боевыми сводками выходили довольно регулярно. В сводках сообщалось, что дела у севастопольских защитников идут неважно. И Фомушка наконец понял, что без него нашим солдатам и матросам бастионы не отстоять.

В губернском городе в ту пору, летом тысяча восемьсот пятьдесят пятого года, собиралось в помощь Севастополю ополчение. И Фомушка решил, что его место — там. Если не возьмут в стрелки, можно стать хотя бы барабанщиком.

О мальчишках-барабанщиках, которые принимали участие в разных войнах и совершали всякие подвиги, Фомушка не раз читал в исторических романах…

И вот, Бубенчик, хочешь верь, хочешь нет, но этот рыжий сорванец ухитрился на своем дощанике за неделю добраться до губернской пристани. Сперва вниз по Внуковке, затем уже по большой реке… Ночевал у костра или под лодкой, питался прихваченной из дома провизией. И наконец предстал пред очи замотанного тысячей забот начальника ополчения. И отрапортовал. Так, мол, и так, ваше высокоблагородие, прибыл для защиты славного русского города от басурманов…

— Тут-то бедняге и досталось, — опять посочувствовал Фомушке Генчик.

— Представь себе, нет. Полковник хорошо знал Фомуш-киного отца. У того на заводе отливали чугунные кожухи для пушечных бомб и гранат. Полковник сказал, что ценит мужество юного

радетеля за Отчизну, однако взять его на войну не может, ибо на сей счет существуют суровые запретные инструкции. И если он, начальник ополчения, инструкции эти нарушит, отвечать придется перед высшим военным командованием, а то и перед самим государем императором.

Короче говоря, храброго беглеца умыли, накормили и в тот же день отправили обратно — с чиновником, который как раз ехал на Сундуковский завод по делу, касаемому военных заказов. В письме к папе Сундукову начальник ополчения просил учесть благородство Фомушкиных порывов и не наказывать его слишком строго.

Иван Никодимович, изрядно потрепавший себе нервы за ту неделю, облегченно перекрестился, увидевши наследника живым и невредимым. Письмо прочитал, но благородных порывов Фомушки во внимание не принял и жалобно сказал:

— Мисс Кнопперинг, оставили бы ваши идеи гуманного воспитания и выпороли бы наконец этого паршивца. Это ваша прямая обязанность. Таких негодных мальчишек дерут не только в России, но и во всей просвещенной Европе. И ничего, кроме пользы…

— Я обдумаю ваше предложение.

— Обдумайте, сделайте милость. А то у меня руки не доходят, голова кругом от работы…

Мисс Кнопперинг увела обмякшего от дурных предчувствий Фомушку из отцовского кабинета. Причем не в детскую увела, а в свою комнату. Чтобы хитрый Фомушка не добрался до колокола.

И вскоре из открытого окна донеслось:

— Ой! Не надо!.. Что вы делаете! Хватит! Больше не буду! Ой-ей-ей, хватит уже! Ай!..

Дети прислуги, сидевшие во дворе на дровяном штабеле, сочувственно завздыхали и запереглядывались.

— Крапивой небось… — поежилась маленькая Катя, дочка кухарки Настасьи.

— Не-е, когда крапивой, так не вопят, — со знанием дела вздохнул Прошка, сын кучера Архипа. — Это хворостина. Из того ивняка, что на берегу…

Но они ошибались. Мисс Кнопперинг и на этот раз осталась верна своим принципам, не послушала Сундукова-стар-шего. С точки зрения Фомушки, она поступила более жестоко. Положила перед ним толстый том с английской поэзией восемнадцатого века и стала отмечать карандашом те стихи, которые в наказание за свой «легкомысленный и безответственный посту-

пок» должен был выучить несчастный беглец.

Английский язык Фомушка вообще не терпел. А зубрить в таком количестве — это же страшнее смерти! Он пытался остановить беспощадный карандаш:

— Ну, хватит уже! Я столько не вынесу! Ой-ей-ей!..

— И еще вот эти две строфы… И эти…

— Ай, больше не надо!..

— И еще вот это прекрасное стихотворение, где говорится о пользе хорошего поведения и уважении к наставникам и родителям…

Потом Фомушка несколько дней сидел над книгой. И копилась в нем злая досада. И наконец она сделалась сильнее привычной робости перед непреклонной мисс.

— Это вы нарочно надо мной издеваетесь, — заявил он своей мучительнице. — Потому что я хотел воевать против ваших англичан, которые нахально лезут на Севастополь!

— Глупый мальчишка! — Мисс Кнопперинг, кажется, впервые в жизни растеряла свою сдержанность. Она отвернулась к окну, прижала к глазам кружевной платочек и стала говорить, что приехала в Россию маленькой девочкой и считает эту страну своей. И что лично ей Севасто-

поль совершенно не нужен. И что всякая война — это вообще дело, противное Божьим заповедям. Непонятно, как здравомыслящие люди могут им заниматься. А еще ужаснее, когда в войну пытаются влезть бестолковые мальчишки. И если бы одного из них — негодного рыжего неслуха — на этой войне настигла пуля, зачем бы ей, одинокой старой мисс, жить на свете?..

В душе у Фомушки зацарапалось раскаяние. Он подошел, потоптался рядом, подержал мисс за шлейф на платье.

— Я больше не буду…

— Глупое дитя. Если бы ты знал, что я пережила за эту неделю… Можешь оставить книгу и ничего больше не учить, раз тебе ненавистны англичане и их язык…

— Ага, «можешь не учить», когда я уже все вызубрил…

— И очень этим огорчен, да?

— Я больше не буду…

— Что не будешь? Заниматься английским?

— Бегать в Севастополь…

И Фомушка сдержал обещание. Тем более что скоро пришло известие: севастопольские бастионы, к сожалению, пали и близилось окончание войны.

А к мисс Кнопперинг Фомушка стал относиться несколько иначе. Оказалось, что в глубине души он даже любит ее. Оно и понятно: по сути дела, никого на свете у Фомушки больше не было. То есть были еще отец и старший брат, но, вечно занятые своими делами, о Фомушке они вспоминали лишь изредка.

И, пожалуй, о мисс Кнопперинг только и жалел юный Фома Сундуков, когда через год снова пустился в дальний путь. Было ему тогда двенадцать с половиной…

— А куда он пустился?

— В плавание… Сперва он с торговцами, которые спешили на ярмарку, вновь добрался до губернского города. А там проник на пароход «Святой Гавриил» — тот со всякими товарами собирался идти вниз по рекам. Все дальше и дальше — по одной реке, по другой. Так Фомушка оказался на Иртыше, а потом и на Оби…

Конечно, когда рыжего незаконного пассажира обнаружили под тюками на палубе, капитан надрал ему уши. И хотел ссадить на ближайшей пристани. Но потом задумался. Фомушка бессовестно сочинил, что он круглый сирота, деваться ему некуда. И умолял взять в юнги. Расторопный малец, готовый без всякой платы, за одни

харчи, делать всякую работу, был на пароходе весьма кстати. К тому же он знал английский язык. Хотя и не любил его Фомушка, но выучил досконально — попробуй не выучить, когда над душой стоит мисс Кнопперинг. Капитан смекнул, что мальчишка будет полезен в переговорах с английскими купцами — те иногда на своих парусниках добирались до Обской губы: за пушниной, икрой и русским скобяным товаром.

С одним таким купцом Фомушка сговорился, что пойдет к нему подручным кока. И перебрался на шхуну «Блэк перл», прихватив с парохода на память спасательный круг. Надо сказать, у Фомушки уже тогда проявилась склонность к собиранию сувениров и редкостей…

— А дома-то у него небось все на ушах стояли, — озабоченно заметил Генчик. — Искали, наверно.

— Сначала да… Однако вскоре Фомушка с пути прислал одно письмо, потом другое: не тревожьтесь, мол, начал самостоятельную жизнь. Но писал он с таким расчетом, чтобы его не догнали и не вернули… Сперва письма были с российскими штемпелями, потом с британскими и американскими…

— С американскими?

— Да… Сначала Фомушка плавал на англий-

ских парусниках и пароходах. И надо сказать, везде мальчишку брали с охотой. Потому что большой платы он не просил, хотел лишь как можно больше познать толк в морских делах. Скоро он умел не только драить палубу, чистить посуду на камбузе и заплетать пеньковые концы. Порой доверяли ему и вахту у штурвала. А среди штурманов находились неплохие люди, рассказывали любопытному пареньку кое-что о хитростях навигации…

В постоянных плаваниях Фомушка окреп, раздался в плечах. И выглядел года на два взрослее, чем был на самом деле.

Но забиякой не сделался. Осталась у него привычка в трудные моменты смотреть чистыми голубыми глазами и самым искренним тоном обещать: «Я больше не буду». Надо сказать, это часто помогало ему выпутаться из трудных положений.

Однажды, когда оформляли судовые документы, строгий портовый чиновник придрался: почему русский юноша оказался за границей без нужных бумаг? Кто он такой? И не удрал ли из дома?

«Я больше не буду…» — жалобно сказал Фома. Чиновник махнул рукой. А чтобы у парня больше

не было неприятностей, в свидетельство записал не «Фома Иванович Сундуков», а «Томас Джон Сундуккер». Фамилия получилась на голландский манер. Фома не спорил. Лишь бы не списали с корабля! На этом корабле Фома собирался плыть в Америку…

Можно сказать, что здесь и кончаются детские годы Фомушки Сундукова. Дальше начинается история матроса и капитана Сундуккера, мореплавателя, искателя приключений.

— А вы про них расскажете, про эти приключения?

— Тебе еще не надоело слушать?

— Нисколечко! Вы будто книжку вслух читаете!

— Гм… немудрено. Я ведь так подробно копалась в прадедушкиной биографии, даже записи делала. Потому и говорю как по писаному… Но давай-ка сделаем перерыв. У тебя небось пальцы онемели и спина затекла.

— Маленько… Зоя Ипполитовна, а можно я еще посмотрю те… всякие морские вещи? И портрет…

— Конечно, Бубенчик…

2

Теперь Генчик разглядывал капитанские редкости не спеша и со вкусом. По очереди рассмотрел все гравюры и фотографии со старинными пароходами и фрегатами. Полистал толстую книгу «Лоція Балтійскаго моря». На ее титульном листе был оттиснут штамп:

«Captain Thomas J. Sunducker»

Потом Генчик покрутил скрипучий такелажный блок, постоял перед сухой от старости картой Атлантического океана

(на ней были корабли с пузатыми парусами и колючая роза ветров); посмотрел в открытое окно сквозь медную раздвижную трубу. В старинных стеклах трубы дрожали радужные блики, но приближала она здорово! Листья на верхушке дальней яблони качались будто у самого носа Генчика.

— Зоя Ипполитовна, а кирпич этот откуда?

— О! Кирпич от фундамента дома, где Фомушка провел свое детство. К сожалению, дом не сохранился… А вот эта развалюха, в которой я живу… и которую, по правде говоря, очень люб-

лю… принадлежала моему деду. Сыну Филиппа Ивановича Сундукова, старшего брата Фомушки… Филипп Иванович был совсем не такой, как Фома: о дальних странах не мечтал. Он после кончины отца своего Ивана Никодимовича унаследовал завод и продолжал дело. Характером он отличался добрым, жадностью не страдал, брату-путешествен-нику всегда старался помочь…

— А капитан Сундуккер бывал в этом доме?

— Один раз. Навещал племянника, Арсения Филипповича, моего деда. Тот тогда только женился, дом получил от отца в подарок. Была здесь целая усадьба… Но, к сожалению, фабрикантом Арсений Филиппович оказался никудышным, после смерти отца разорился. Только и осталось у него, что этот дом — почти пустой после распродажи имущества. Поступил дед на службу и кончил свои дни мелким чиновником железнодорожного ведомства. Было это перед Русско-япон-ской войной, когда моему папе Ипполиту Арсеньевичу шел всего пятый год. И осталась моя бабушка одна с четырьмя ребятишками. Кроме Ипполита, были десятилетний Федор да совсем маленькие близнецы: Костя и Лизочка… Как жить? Пенсия за мужа — крохотная. Стала бабушка сдавать комнаты небогатым дачникам, так и тянула семью

до семнадцатого года.

Когда случилась революция, старшему, Федору то есть, было уже двадцать два. Из-за близорукости на фронт его, на Первую мировую войну, не взяли, служил он чертежником в литейных мастерских — это бывший завод его дедушки. И был там в подпольной организации, революционер, значит. И после переворота сделался у красных каким-то начальником… Поэтому, наверно, и дом у бабушки не отобрали. А еще, может быть, потому, что детишек много, да и бедность — пожалели. А кроме того, на отшибе дом-то, никому не нужен. Это уж потом дорогу проложили, а тогда было не подобраться… Ох, да что это я тебя своей родословной мучаю!

— Ничуть не мучаете. Это интересно, — вежливо сказал Генчик. И стал крутить большой глобус. Это был не простой глобус, а звездный. С белыми контурами созвездий на черном шаре и с латинскими названиями: «Centaurus», «Perseus», «Andromeda».

— Он тоже морской, да?

— Разумеется! Штурманский. С его помощью определяли, где какая в небе звезда, а по звездам — координаты судна в открытом море…

Генчик сел на корточки, щекой прислонился к

лаковой, немножко липкой поверхности шара: не сохранился ли в глобусе запах соленых волн и тропических берегов? Нет, пахло только сухой краской и медью от широких колец с градусными делениями. Но зато…

— Зоя Ипполитовна, это что?!

За подставкой глобуса, в пыльном углу лежал длинный пистолет! С деревянной изогнутой ручкой, с поржавевшим граненым стволом.

Генчик вытащил оружие на свет. Обтер пистолет о рубашку.

— Ох, вот он где! — обрадовалась Зоя Ипполитовна. — А я искала, искала… Пора наводить здесь генеральный порядок. Да все руки не доходят…

— Зоя Ипполитовна, он настоящий?

— Нет, Бубенчик. Это игрушка Фомушки Сундукова. Он ее смастерил в десятилетнем возрасте. Вырезал из березы ручку, на свалке у отцовского завода отыскал трубку для ствола… А курок делать не стал, это ведь не огнестрельное оружие. Видишь, тут стерженек. На него надевалась резинка, он цеплялся головкой за этот выступ. Нажимаешь крючок — и щелк!.. Фомушка стрелял из него мелкими бусинами и дробью из отцовских охотничьих припасов. И маленькими горошинами…

Да, курка — такого, как у кремневых пистолетов — не было. И спусковой крючок — явно самодельный, из толстой проволоки. Но все же пистолет был очень похож на боевое оружие пиратских времен.

Фомушка постарался: вырезал на ручке узоры-завитушки, отшлифовал ее. Теперь дерево было темным от старости.

Генчик нацелился пистолетом в окно — за окном, на заборе, сидела ворона — растрепанная и пыльная. Каркала. Увидев пистолет, ворона затрепыхалась и рванула прочь.

— То-то же, — сказал Генчик.

— Кстати, капитан Сундуккер был отличным стрелком… Однажды он дрался на дуэли с другим капитаном и демонстративно отстрелил с его груди три пуговицы…

— А почему они поссорились?

— Не знаю, с чего началось. Может быть, поспорили, чье судно лучше… Это случилось в Китае, в португальской колонии Макао. Противником капитана Сундуккера оказался владелец бригантины «Лакартера», знаменитый в ту пору Чарльз Роберт Румб, которого кое-кто обвинял в пиратстве… В общем, слово за слово, и Румб обозвал Сундуккера рыжей шваброй, а тот своего собесед-

ника — визгливой коротышкой. Видимо, перед этим не обошлось без хорошей порции мадеры, которой славились местные таверны… Ну, и как водится в таких случаях, взяли секундантов и отправились на пустынный берег. Условились стрелять три раза с двадцати шагов. Из американских барабанных «кольтов», которые в ту пору только вошли в моду…

На морском воздухе оба капитана слегка остыли. К тому же они вовсе не были кровожадными и не считали за геройство без нужды палить по живым людям. Это ведь не ковбои в нынешних фильмах. Каждый сообразил, что дырявить из револьвера своего коллегу-капитана из-за глупой перебранки — дело нехорошее… Но как быть? Отступать гордость не позволяла.

Капитану Румбу по жребию выпало стрелять первым. Он хмыкнул и почти не глядя тремя выстрелами продырявил на противнике высокую морскую фуражку. Она не слетела, потому что держалась на подбородочном ремешке.

«Ах, вот что! — сказал капитан Сундуккер. — Ладно же…»

Капитан Румб на всякий случай встал боком и закрылся пистолетом. Так часто поступают дуэлянты. Но это как раз и нужно было Сундуккеру.

Бах-бах-бах! — он навскидку отстрелил на сюртуке Чарльза Роберта Румба три медные пуговицы. И тогда… храбрый капитан Румб зарыдал.

Дело в том, что одна из пуговиц была очень редкая. С мундира то ли Лаперуза, то ли Кука. Румб пришил ее на сюртук для своей морской удачи, как талисман. И вот…

— Ой, я знаю! — подпрыгнул Генчик. — Я читал книжку про этого Румба! Он собирал коллекцию морских пуговиц и возил ее в своем портфеле! А потом зарыл клад на острове…

— Совершенно верно! Представляешь, какая была для него утрата?

«Как вам не стыдно, капитан! — всхлипывал Румб и отворачивался, когда его утешали. — Вы имели право застрелить меня насмерть, но при чем тут пуговица! Она была украшением моей коллекции… Это совершенно бессовестно с вашей стороны, Томас Джон Сундуккер!»

Капитан Сундуккер топтался рядом и виновато вздыхал. Он сам был коллекционером, любил морские редкости и понимал горе своего недавнего противника.

«Честное слово, я больше не буду…»

Конечно, он говорил правду. При всем желании он не смог бы еще раз отстрелить такую знамени-

тую пуговицу: где ее возьмешь-то? Она от удара пули улетела неизвестно куда. Но капитану Румбу от этих обещаний было не легче.

Наконец капитан Сундуккер понял, что делать. У него тоже был старинный морской мундир. Сундуккер повел Румба к себе в каюту и торжественно срезал с мундира пуговицу.

«Это пуговица русского адмирала Лазарева, который прославился во многих плаваниях и сражениях. Берите…»

«О-о!» — гость обрадованно сжал подарок в ладони.

Не исключено, что наш капитан Сундуккер присочинил насчет пуговицы. Но если и так, то исключительно чтобы утешить Румба. А тот был доверчив и радовался от души. После этого капитаны стали друзьями и участвовали в нескольких совместных рейсах…

— Зоя Ипполитовна, а у вас тут нет еще какого-нибудь капитанского оружия? Настоящего! «Кольта» или кортика?

— К сожалению, нет… Кортики носили только военные моряки, а Фома Иванович был торговый капитан. А всякие «кольты» и «смит-вессоны»… я и не пыталась их раздобыть. С милицией неприятностей не оберешься.

— Ну, ничего. Такой пистолет тоже хорош… — Генчик опять нацелился в пространство. — Ой, а это кто? — Поверх ствола Генчик увидел на стене фотографию мальчишки. В рамке под стеклом. Размером с тетрадку. Раньше он этот снимок — в углу у окна — не замечал. — Фомушка Сундуков, да?

— Что ты! Тогда и фотографий таких не было. Это… Тима Ревва. Тот самый Ревчик, о котором я рассказывала…

Генчик теперь и сам видел, что сморозил глупость. Снимок был, конечно, старый, но не девятнадцатого же века. И надпись «Варяг» на бескозырке мальчика — без твердого знака на конце.

— Здесь ему, наверно, столько же лет, сколько тебе, — тихо сказала Зоя Ипполитовна. Генчик почему-то смутился.

Курносый, со светлой челкой, Ревчик смотрел со снимка чуть напряженно и вопросительно: «А ты что тут делаешь?»

Генчик почесал пистолетом коленку и стал глядеть в сторону.

— Зоя Ипполитовна, а он… Ревчик знал про капитана Сундуккера?

— Конечно! Мы вместе все это и придумали!

— Что придумали?!

— Ой… Я хотела сказать, что мы часто играли в капитана Сундуккера. Будто мы матросы на его бригантине. Придумывали всякие новые приключения.

Генчик опять посмотрел на снимок. Теперь лицо Ревчика было не таким напряженным. Даже с капелькой улыбки.

— А у меня тоже бескозырка есть! Только я ее давно не ношу… Ха! Я ленточку с нее хотел Ленке, сестре, подарить, чтобы она юбку сшила. А она меня босоножкой… У нее, у Ленки, сегодня конкурс красоты. Сейчас небось весь дом на уши поставила, наряд свой доделывает…

Вспомнив про дом, Генчик спохватился:

— Мне ведь давно уже пора! Еще на трамвае целый час пилить…

— Никаких трамваев! Сегодня мой «Мерседес-Бенц» на ходу! Я мигом домчу тебя к родным пенатам.

— Да что вы! Я и так…

— Никаких «так». Не рассуждать.

— Есть не рассуждать!.. Зоя Ипполитовна, пружинчик пусть еще на палубе поживет, ладно?

— Я думаю, пусть он живет там всегда. Сперва будет матросом, а потом, глядишь, дослужится

до капитана.

— Будет капитан Пружинкер!

— Да. Поехали…

Поездка получилась прекрасная. Одно ее только подпортило: на улице Зеленой Генчик увидел из окошка машины вчерашних врагов. Круглого, Бусю и еще двух — в развесистых свитерах. Буся нес клетку, в которой — бр-р! — возился гадостный зверь Шкурик.

Генчик торопливо осел на сиденье, чтобы злодеи не разглядели его. Очень уж приметна его синяя в белый горошек рубашка…

Зоя Ипполитовна, кажется, ничего не заметила. Подвезла Генчика к самому дому.

— Ну что, Бубенчик? Ждать мне тебя завтра?

— Обязательно ждать!

ДРАМА
И ЛЮБОВЬ ЕЛЕНЫ БУБЕНЦОВОЙ

К обеду Генчик все-таки опоздал. Но его не ругали. Всем было не до него. Отец после перерыва опять ушел в мастерские. Прекрасная Елена то металась по комнатам, то вертелась перед зеркалом в своем мини-наряде из кружев и блесток: до конкурса оставалось два часа… А мама держалась за щеку: у нее разболелся зуб.

Наконец мама со стоном пожелала Елене ни пуха ни пера и пошла в поликлинику, потому что «сил моих больше нету…».

Потом, уложив в сумку конкурсное одеяние, заспешила Елена. Генчик ей тоже сказал:

— Ни пуха ни пера… — Все же родная сестра, хотя временами и вредная.

— Ой, Генчик, боюсь я…

— А ты плюнь три раза через левое плечо. Помогает.

— Тьфу-тьфу-тьфу! — послушалась Елена. — Генчик, а ты можешь, пока я там, подержать замочком пальцы? Тоже помогает, говорят…

— Ладно, подержу.

Это Генчик, разумеется, просто так сказал. Ненормальный он, что ли, полдня ходить со сцепленными пальцами? Так закостенеют, что потом ни выбленку привязать, ни пружинчика сделать, ни даже фигу показать, если будет необходимость.

Генчик привычно разогрел на плите суп и капустные шницели. А пообедав, запер квартиру, повесил на шею ключ и с горстью пружинчиков в кармане пошел за сарай. Там, в игрушечном городе Генчика, играли его соседи с первого этажа — семилетние двойняшки Вовка и Анюта. Генчик им это не запрещал: малыши были славные, деловитые. Сейчас они прокладывали в городе трамвайные рельсы из расплющенной алюминиевой проволоки.

Втроем они расселили в городе новых пружинчиков, построили у рельсов павильончик трамвайной остановки. Потом Вова и Анюта убежали смотреть мультики про кота Леопольда. Генчику домой не хотелось. Он пошел к однокласснику Феде Акулову.

— Карасик, пошли на пляж. Окунемся, а то жара такая…

Федя на прозвище не обижался. Карасик так Карасик.

В самом деле, не Акулой же его звать. Он был покладистый и смирный человек, послушный в школе и дома. Генчику он честно сказал:

— Мне без старших на пляж ходить не велят. А украдкой я не хочу.

Генчику дома тоже было строго сказано: «Одному купаться не сметь!» Но сейчас он рассудил, что если с Карасиком, то, значит, не один. А Феде разъяснил:

— Ты ведь в августе родился, а я в марте. Значит, я почти на полгода старше. Со мной ты имеешь право.

Карасик снял круглые очки, почесал ими переносицу, подумал. И нашел, что в словах Бубенцова есть логика.

— Ладно. Только ты за мной приглядывай, я плавать почти не умею.

— Если хочешь, я тебя буду на веревке держать. Называется страховочный конец.

— Смеяться станут.

— Пусть! Мы скажем, что разучиваем морские узлы. Есть такой специальный спасательный узел, беседочный называется. Я тебя научу. Веревка найдется?..

Они больше часа плескались в прогретой воде, на мелководье у Второй водной станции. Генчик

все поглядывал: не появится ли поблизости моторка с Петей Кубриковым? Но, видимо, старший спасатель нес вахту в другой части акватории… Генчик почти научил Федю беседочному узлу. Но под конец купания Карасик уронил очки. Генчику пришлось долго нырять с открытыми глазами — в воде со взбаламученным песком. Хорошо, что глубина была всего по грудь.

Очки нашлись, и счастливый Карасик сказал, что пора домой. И влез в широкие, не по размеру, джинсы… Генчик лихо завязал свою «горошистую» рубашку узлом на животе. Конечно, не беседочным, а так, по-простому. А на груди распахнул.

— Пускай загар еще поприлипает.

— Ты и так уже загорелый, — позавидовал Карасик. — Не то что я…

— Ну, на тебе тоже есть загар, — утешил Генчик.

— Нет, я всегда почему-то бледный. От природы…

— Это на первый взгляд. А когда снимаешь очки, на переносице белая полоска. И видно, что нос все же потемневший от солнца.

— В самом деле? — обрадовался Карасик. Приспустил очки, потер переносицу. Затем вернул

очки на место. Генчик сразу вспомнил Зою Ипполитовну: она делала это тем же движением.

Вспомнились и все недавние события: авария с мотором, плавание под парусом, рассказ о детстве капитана Сундуккера. И капитанская коллекция, и пистолет… И фотография мальчика Тимы, Ревчика…

И Генчик вдруг подумал, что Федя, пожалуй, похож на Ревчика. Если не лицом, то характером. Только едва ли Карасик станет летчиком, с очками в авиацию не берут.

Генчику стало жаль Карасика и захотелось сделать для него что-нибудь хорошее. Может, рассказать про капитана

Сундуккера и его удивительные вещи? Нет, наверно, нельзя так сразу. Надо сперва спросить у Зои Ипполитовны.

— Карасик… Федь, знаешь что! Если хочешь, пойдем завтра купаться снова!

— Пойдем, конечно!

— Только надо придумать, чтобы очки у тебя больше не слетали.

— Я привяжу к дужкам предохранитель. Вот такой… — Карасик чуть не по локоть запустил руку в просторный карман и вытащил моток белой тонкой резины. — Я это купил, когда хотел

самолетную модель строить. А потом расхотел…

Оторвали резиновую ленточку, привязали к очкам. Примерили.

— Теперь не свалятся, — одобрил Генчик. — Федь, а можно я себе немного резины возьму? Для одного дела…

— Да бери хоть всю!

Всю резину Генчик не взял, отхватил около метра. У него появилась одна очень удачная мысль. С прицелом на завтра… И по дороге к дому Генчик от удовольствия мурлыкал песню про ковбойшу и ковбоя.

Мама оказалась уже дома. Сердитая. Потому что к стоматологу не попала: тот работал с утра до обеда. А завтра будет с обеда до вечера, так что ждать еще сутки…

— А тебя где носило? Купался небось? Не отпирайся, я вижу!

— Я же не один, а с надежным человеком. С таким серьезным, в очках… — Генчик не удержался, хихикнул. — Он их утопил, а я нашел на дне…

— И это надежный человек? Кто его родители? Я попрошу, чтобы всыпали ему как следует. А тебе всыплю сама…

Генчик сказал рассудительно:

— Мама, зачем тебе чужие страдания? Ведь у

самой зуб болит.

— Не болит! Я зашла к одной знакомой, к экстрасенсу. Она его заговорила до завтра… Так что не рассчитывай на снисхождение.

— Мам… Я больше не буду. — Генчик спрятал хихиканье внутри себя. Вышло вполне серьезно. Мама очень удивилась.

Никогда раньше сын таких слов не говорил, считал ниже своего достоинства.

— Что ты не будешь, нечистая сила?

— Купаться с человеком, который теряет очки! — Генчик, помня про резинку, пообещал это со всей честностью.

Мама сказала, что когда-нибудь она все-таки возьмется за Генчика всерьез. И пошла на кухню. Он — следом.

— Ну, чего ты такая… недовольная жизнью? Ведь зуб-то уже не болит!

— А вдруг заболит раньше, чем к врачу попаду? Этого и боюсь… А еще за Елену переживаю. Как она там?

— Ох, я забыл! — И Генчик торопливо сцепил пальцы замочком. — Да ты, мам, не бойся. Она уже, наверно, «Мисс Кнопперинг»…

— Кто-кто?

— Ой, то есть «Мисс Утятино»!.. Хотя нет, рано

еще. Там небось эта волынка до самого вечера…

Но вот наступил и «самый вечер». Давно уже пришел с работы отец (хмурый из-за всяких неприятностей в мастерских). Поужинали. Посмотрели двухсерийное кино «Большое приключение Зорро». А Прекрасная Елена не объявлялась. Мама была как на иголках. Наконец не выдержала:

— До утра у них там, что ли, этот конкурс!

— Наверно, обмывает свою корону на праздничном банкете, — язвительно заметил Генчик. Но на душе у него тоже кошки скребли.

Отец повозился на скрипучем стуле.

— Пускай только придет. Не захочет больше никаких корон…

— Ты забыл, что ей почти двадцать лет, — печально сообщила мама.

— Она сама забудет, когда получит ремня…

Генчик хихикнул, но кошки заскребли сильнее.

А потом уже не кошки, а прямо тигры зацарапали — когда стрелки перевалили за одиннадцать. Генчик решительно закусил губу и двинулся к выходу.

— А ты куда?!

— Ну, «куда-куда»… Сейчас вернусь.

На улице было душно и сумрачно. Вообще-то июньские ночи светлые, в половине одиннадцатого только-только прячется солнце. Но сегодня, будто для пущего напряжения нервов, скопились черные облака. В отдалении погромыхивало, навалились густые сумерки. Лишь на северо-западе тускло светилась над крышами, под кромкой туч, закатная щель.

Дом культуры был не близко, на другом краю Утятина. Но Генчик помчался со скоростью мотоцикла и оказался там через десять минут. Только зря. Еще издалека он увидел, что в окнах всех этажей темно.

Свет был заметен лишь за дверью главного входа. Запа-ленно дыша, Генчик подошел. На цыпочках. Потянул на себя тяжелую дверь — без надежды на успех. Надо же, открыто! Генчик шагнул в зябкий мраморный вестибюль.

У стола с желтой лампой грелась чайком грузная тетка.

— Это что за птаха залетная? — спросила она из-за кружки. — Чего тебе не спится?

— А конкурс… который «Мисс Утятино»… он давно закончился?

— Здрасте пожалуйста! Да уж три часа с той поры прошло! А тебе что за интерес?

— Сестра пропала, — честно сказал Генчик. — Днем ушла сюда и до сих пор нету. Родители извелись…

— Гуляет где-то. Дело молодое. Участница сестра-то?

— Да нет, просто зрительница, — соврал на этот раз Генчик. — Пойду я…

— Иди. Да не переживай шибко-то…

У порога Генчик не выдержал, оглянулся:

— А вы не знаете, кто первое место занял?

— Как не знать! Вот список у меня, для сведения. Потому что целый вечер звонят, спрашивают: кто у вас нынче эта «мисс»?

— Не Бубенцова случайно?

— Вовсе даже нет. Наденька Ерохина… А Бубенцова… Постой-ка… у нее шестое место. Вот так. Она тебе кто?

— Знакомая, — буркнул Генчик. И спохватился, что все еще держит пальцы замочком.

Вахтерша, видать, что-то поняла. Вздохнула.

— Хочешь леденчик? Апельсиновый…

— Не хочу, — горько сказал Генчик. До конфеток ли человеку, когда родная сестра пропала. Пропала во всех отношениях.

Обратно Генчик не бежал. Шагал, весь опутанный тревожными мыслями. И самое страшное

подозрение обожгло его на полпути: а что, если Елена пошла к озеру и утопилась? Она же вон как мечтала о почетном титуле, и вдруг такой удар!

Генчик остановился — будто сандалии приклеились к асфальту. А кругом было совсем темно — ни одного фонаря. Гром накатывал все ближе, вспыхивали зарницы. Именно при такой погоде кинулась в Волгу молодая женщина Катерина из пьесы «Гроза». Лена рассказывала про это дело Генчику, когда готовилась к экзамену по литературе. Генчик тогда сказал: «Ну и дура». А Ленка возразила со вздохом: «От большого горя чего не сделаешь...»

А вдруг правда?

Что делать-то?

Вдали горело неяркое окошко — в кривой будке телефо-на-автомата. Позвонить! Генчик помнил номер Ленкиной подруги Анжелы. Может, Прекрасная Елена сидит у нее, заливает беду слезами?

Генчик, будто камень из рогатки, метнулся вперед. Сандалия зацепилась за росший в щели асфальта лопух. Генчик грянулся вперед носом и на животе ехал по бугристому тротуару до самой будки. Искры из глаз — как фейерверк на карнавале. И среди них — тоже как искра — мысль, что

теперь можно будет пользоваться бинтами без всякого лукавства.

У будки Генчик приподнялся и сел. Со стонами. И вдруг заверещал. С отчаянного перепуга. Из бурьяна рядом с будкой высунул голову черт. Рогатый, бородатый!

— Ма-ма-а!!

Черт блеющим голосом сказал:

— Им-ме-ей соображение. Какая же я мама…

— Тьфу ты! Козимода!.. Шастаешь ночью, людей пугаешь…

— Ты, м-ме-ежду прочим, тоже шастаешь…

Генчик с кряхтеньем встал. В локтях и коленках — будто по вколоченному гвоздю. И живот горел от царапин.

— Я сестру ищу. Елену. Домой не вернулась… Слушай, а ты ее не видела?!

Козимода качнула бородой.

— Видела. Недавно. На этом м-ме-есте. Она шла к озеру с каким-то… джентль-ме-еном.

— Я ей покажу джентльмена! — Генчик опять простонал и сжал зубы.

— Догоняй нем-ме-едля… Подожди! Тебе нужна м-ме-едицина…

Мокрым теплым языком Козимода облизала Генчику оба колена. Боль в них сразу поубави-

лась.

— Спасибо, Козимодушка. А можно еще локти? И вот тут!.. — Генчик задрал рубашку. Похихикал от щекотки…

— До утра заживет, — пообещала Козимода. — У меня верный м-ме-етод…

Генчик еще раз сказал спасибо и спешно заковылял по Ромашкинскому переулку. Здесь на столбах горели фонари. При слабом их свете Генчик разглядел впереди две фигуры. «Джентльмен» — коренастый, в пиджаке с широкими плечами — был неизвестно кто. А его спутница — несомненно Елена.

Генчик снял сандалии и сунул за пояс. Двинулся по теплому асфальту бесшумными широкими шагами, догнал парочку. Ленка была уже не в конкурсных блестках, а в обычной кофточке и юбке «повышенной короткости». Она тихонько смеялась и что-то говорила «джентльмену» (ее голова у него на плече).

«Ну, подожди, красавица!»

Они Генчика так и не услышали. Он, приседая на ходу, достал из кармана резинку, которую подарил Карасик. Изо всех сил оттянул конец и хлестко вляпал им Ленке по юбке.

— Ай! Мама!.. Кто это?! Генка! Хулиган!

Генчик отскочил.

— Я хулиган?! А ты кто?! Родители уснуть не могут, а наша краса ненаглядная гуляет с кем-то всю ночь!.. Ой…

«Ой» — потому что спутник Прекрасной Елены тоже, конечно, оглянулся. Для защиты, с грозным видом. И близкий фонарь осветил его лицо.

— Петя…

Кубиков-Кубриков сразу утратил грозный вид.

— Ага… это я… А что, уже очень поздно, да? Лена, у вас будут неприятности?

То, что «джентль-м-ме-еном» оказался старший спасатель Кубриков, меняло, разумеется, дело. О таком поклоннике для Елены можно было только мечтать. Генчик мигом сообразил, какие великие выгоды сулит ему это обстоятельство. Как укрепится его дружба с будущим морским капитаном!

— Петя, ты здесь ни при чем! Но ей-то надо понимать, что дома беспокоятся!.. Вот вернешься, принцесса, будет тебе…

— А что ей будет? — виновато спросил Петя.

Генчик опять вспомнил Козимоду:

— Папин рем-ме-ень…

— Не говори глупости, дурак! — взвизгнула Елена. — Петя, не слушайте его… Генка, марш

домой! И скажи, что никуда я не девалась.

— Да, Генчик, — заторопился Петя. — Ты там скажи… Я Лену скоро доставлю к самой вашей двери. Безопасность гарантируется…

— Ладно уж…

— Мы тебя проводим, — спохватилась Елена.

Генчик ехидно сказал:

— Я не из тех, кого провожают по ночам. — И босиком помчался домой.

— Где тебя носит?! — напустилась мама. — Одна куда-то провалилась, и второй следом за ней! Вгоните нас с отцом в могилу!

Генчик спешно залез под одеяло, чтобы не успели разглядеть его ссадины. И уже из постели, через дверь, известил родителей:

— Никуда она не провалилась. Гуляет по улицам под ручку с одним юношей. Дело молодое… Скоро он приведет ее домой.

— Я вот покажу ей юношу, — с великим облегчением пообещала мама.

— Не надо! Он хороший человек, я его знаю. Будущий капитан дальнего плавания… Глядишь, поженятся…

— Я им поженюсь, — в свою очередь пообещал отец. И, судя по скрипу кровати, стал укладываться.

Елена появилась, когда за окном зашумел наконец ливень. В темноте прокралась к себе за перегородку. Отец с матерью ровно дышали, демонстрируя равнодушие.

Генчик задремал. Но Елене, видимо, не спалось. Она приоткрыла дверь, тихонько прошлепала к постели брата, села на краешек.

— Чего тебе? Ненормальная какая-то… — Гром за окном заворчал, соглашаясь с Генчиком.

Сестра щелкнула настольной лампой. Генчик сердито зажмурился. Потом приоткрыл один глаз. Елена была в длинной ночной рубашке, с распущенными волосами.

— Братик, я тебя так люблю! — Она сдернула с Генчика одеяло и простыню, рывком усадила его себе на колени, прижала. Как малыша…

Он сердито подергался и притих. Ленка была горячая. От нее пахло косметикой и шампунем.

— Не меня ты любишь, а… кого-то еще… — буркнул Генчик. И устроился поудобнее.

— Дурень… Ох, как ты ободрался! Где это?

— Искал кого-то в темноте…

— Ох и бука ты… Генчик! Я такая счастливая!

— Несмотря на шестое место? — не удержался он от ехидства.

— Ты уже знаешь! Ну и пусть… Сперва я чуть

не заревела от горя. А потом… выхожу на улицу, а он ко мне… Говорит: «Здравствуйте, Лена. Вы меня не помните? Я так и думал… А можно мне с вами чуть-чуть поближе познакомиться?» Я говорю: «Какой смысл со мной знакомиться? У меня шестое место…»

— А он, — хихикнул Генчик, — тебе в ответ: «Это для глупой комиссии шестое, а для меня вы самая первая…»

— Ой! Откуда ты знаешь?

— Догадался. Что другое он мог сказать!

— Генчик, мы потом пошли, пошли… Он про море рассказывал, про корабли… Он такой славный…

— А про дуэль рассказал?

— Про дуэль? Про какую?

— Ну, почему он здесь на практике оказался…

— Нет. А почему?

Генчик с удовольствием поведал историю Петиной дуэли. И добавил наставительно:

— Видишь, какой он рыцарь в душе.

— Я вижу…

Лена улыбалась и покачивала Генчика. Он так и уснул у нее на коленях. И не слышал, как сестра уложила его.

Генчику редко что-нибудь снилось, но на этот

раз увидел сон. Будто он должен драться на дуэли с длинным черноволосым Бусей — хозяином Шкурика. У Буси в секундантах вся его зловредная компания. А у Генчика — Федя Карасик (или Тима Ревчик) и Козимода. Появилась Зоя Ипполитовна — строгая и будто незнакомая. Дала Генчику и Бусе прямые блестящие сабли. И велела:

— Сходитесь.

Генчик бесстрашно пошел на Бусю. «Я не буду его убивать, а прижму к забору и заставлю извиняться». Но у Буси на рубашке зашевелился нагрудный карман, из него высунул морду Шкурик! У Генчика сразу ослабли колени. Он попятился.

— Не см-ме-ей! — потребовала Козимода. Генчик начал отмахиваться палашом — от Буси и от Шкурика. Попятился снова и спиной полетел в яму. В черную пустоту. Проснулся с колотящимся сердцем. Он тут же уснул опять и увидел еще какие-то сны, но не запомнил…

МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ КАПИТАНА СУНДУККЕРА

1

Кривой приземистый дом Зои Ипполитовны стоял в глубине заросшего двора. Или сада — как хотите, так и называйте. Вокруг поднимались старые яблони, клены и рябины. А в дальнем углу двора вздымалась высоко в небо темная вековая ель.

Земля поросла высокой травой, которую культурные садоводы однозначно обозвали бы сорняками. Был здесь и репейник, и лиловый кипрей, и всякий чертополох. А между ними — густые одуванчики, подорожники и мелкая ромашка.

То, что в августе появлялось на яблонях, было мелкой кислятиной.

— Но зато цветут они, восхитительно, — с мечтательной ноткой говорила Зоя Ипполитовна. — А клены осенью чистое золото…

В траве были протоптаны тропинки: к поленнице, к водопроводному крану, к мусорному ящику и к будочке с окошком в виде бубнового туза на двери.

Все это хозяйство окружал забор. Когда-то был он сколочен из одинаковых, закругленных сверху досок, но потом не раз его чинили, заменяли доски всяким горбылем, тонкой коричневой вагонкой, кусками фанеры. Подпирали забор тут и там разными балками и жердями.

Снаружи забора тоже росли рябины, клены, а еще — мелкая ольха. Такая, что не продерешься. Чаща эта покрывала почти всю территорию, где располагалась «усадьба» Зои Ипполитовны Корягиной (урожденной Сундуковой).

Территория была треугольная и небольшая — полсотни шагов по каждому краю. С двух сторон ее границами служили насыпи — высокая и пониже. На высокой лежали рельсы для поездов, по другой тянулась Окуневская трамвайная линия. Неподалеку они пересекались. Красные трамваи резво проскакивали под решетчатыми конструкциями небольшого железнодорожного моста.

Еще два моста — каменный для трамваев и железный — для товарных и пассажирских составов — пересекали темный овражек. Он доверху зарос такой колючей и ядовитой зеленью, что трава двухвостка по сравнению с ней была как ласковый котеночек перед тигром. Генчик однажды сунулся туда, в глубину: посмотреть на ручей,

журчащий в этих джунглях. И потом двое суток расчесывал руки-ноги.

Ручей бежал в Верх-Утятинское озеро. А овраг служил третьей границей здешнего замкнутого кусочка земли.

— Бермудский треугольник, — с удовольствием говорила Зоя Ипполитовна. — Почти недоступное и, главное, никому не нужное пространство.

В самом деле, крошечный треугольный участок поселковому начальству был ни к чему. Площадь крохотная, приличного здания здесь не выстроишь. Даже мусорную свалку (для которых всякие власти всегда ищут место) не оборудовать. Насыпи и овражек начисто исключали возможность подъезда всяких «МАЗов», «КрАЗов» и прочих самосвалов. Через бетонный туннель под рельсовым полотном едва мог протиснуться лимузин-малютка вроде допотопного «Запорожца» Зои Ипполитовны.

Кстати, она сама этим «Запорожцем» накатала коротенькую дорогу от насыпи до своих ворот.

В общем, никто в «Бермудском треугольнике» хозяйку не беспокоил, дом снести не грозил, «оттяпать» участок не старался. Мало того! Лет двенадцать назад начальство речного порта похлопотало, чтобы сюда провели телефон.

Как-никак в ту пору бухгалтер Корягина была ценным специалистом. Потом протянули во двор и водопроводную трубу. А электричество здесь было еще с древних, «царских» времен.

Одно плохо — почтальоны сюда не добирались. За газетами, письмами и пенсией Зоя Ипполитовна ходила в ближнее отделение связи.

— Зато здесь у меня полный суверенитет. Тишь, гладь и божья благодать.

Впрочем, «тишь» была так себе. Рано утром начинали дребезжать за забором трамваи. К десяти часам вечера они стихали, но тогда особенно тяжелым становился гул катившихся неподалеку поездов. Они так сотрясали пространство, что звезды между черными листьями дрожали и метались, как испуганные жуки-светляки. И тревожно звенела в шкафу тонкая посуда.

Но Зоя Ипполитовна говорила, что этот шум и дрожание земли давно уже сделались для нее частью тишины.

— Если бы однажды поезда перестали ходить, я не могла бы спать…

Генчик однажды не удержался, спросил:

— А вам не страшно по ночам одной?

— Страшно? Что за глупости! Бояться надо злых людей, а не одиночества. Это во-первых. А

во-вторых… я не одна. Дух капитана Сундуккера незримо бродит по комнатам. — И очки ее заблестели насмешливо.

Генчик внутренне поежился.

— Я как раз про злых людей и говорю! Если появятся грабители, дух вам не поможет.

— Но ты же видел объявление на воротах!

— Думаете, воры ему поверят?

— Если не поверят, пусть зайдут и убедятся, что красть нечего.

— Ага, «нечего»! Такая куча редкостей!

— Голубчик мой! Эти редкости интересны только мне! И, может быть, тебе… А для остальных — это просто утиль!

— Ну уж, утиль! Это музейные ценности!

— Какие там ценности! Все считают, что в этом древнем доме живет сумасшедшая старуха, у которой за душой ничего, кроме всякой рухляди…

— Кто это так считает?! Будто вы… сумасшедшая? Сами они…

— Окрестное население. И не только. Даже мои родные дочери в глубине души разделяют это мнение.

— У вас есть дочери?!

— Здрасте! А ты, милый мой, полагал, что я всю жизнь была бесплодна, как сухая смоковница?..

Я ведь говорила, что у меня был муж, он работал преподавателем истории в речном техникуме и умер пятнадцать лет назад. А обе дочери давно уже взрослые, одна в Новосибирске, другая в Москве. И у каждой по две своих дочери, мои внучки… Только вижу я их редко. Самой ездить в гости нынче накладно, да и дом надолго не оставишь… А мамаши своих дочек не склонны отпускать к ненормальной бабке. Да и что этим девочкам из музыкальных и английских школ делать на треугольном пустыре? Зачем им старое корабельное барахло и какой-то капитан Сундуккер?.. По правде говоря, мне хотелось, чтобы родился хоть один внук, мальчишка…

Разговор этот случился жарким июньским днем, на дворе. Генчик только что потанцевал под упругим садовым душем и теперь в одних плавках болтался на самодельных качелях, сушился. А Зоя Ипполитовна сидела на крылечке и что-то рисовала в большом альбоме. При последних словах она быстро глянула из-за крышки альбома, поверх очков.

Генчику что сказать в ответ? Не виноват он, что нет у Зои Ипполитовны внуков. Он засопел, начал чесать друг о дружку изжаленные в овраге ноги. Качели завертелись. Это была все та же

веревка с петлей беседочного узла, только в петле Генчик сделал сиденье из дощечки.

Совершив несколько оборотов, Генчик опять встретился взглядом с Зоей Ипполитовной.

— А что вы там рисуете?

— Гм… Признаться, я рисую тебя.

— Ой! — Он выпрыгнул из петли. — Можно посмотреть?

— Ну… если не будешь сильно критиковать.

Критиковать тут было нечего. Хотя Зоя Ипполитовна и

жаловалась на больные пальцы, карандаш этим пальцам был послушен. Генчик на ватманском листе увидел себя как в зеркале.

Похожие на стружки завитки волос, задорно сморщенный нос, улыбка до ушей. И криво растущий зуб (рядом с «совсем беззубой дыркой»), И даже родинка на подбородке.

И все же Генчик не удержался от замечания:

— Похоже. Только какой-то я слишком тут… жизнерадостный…

— Ты порой таким и бываешь. Я ухватила момент…

Генчик опять неловко засопел. Он хотел сказать другое: «слишком смелый». На карандашном наброске Зоя Ипполитовна ухитрилась даже сде-

лать искорки в глазах. И в этих искорках горело веселое бесстрашие. Неужели она забыла, как он прятался от хулиганской компании? Правда, сейчас он этих типов уже не боится. Но это не от природной смелости, а… изменились условия, вот что.

От неловкости Генчик решил придраться к другому:

— Неужели я такой тощий?

— Ну, голубчик, тут уж ничего не поделаешь. Как говорится, нечего на зеркало пенять…

У «портретного» Генчика голова была вскинута на тоненькой, как стебель, шее, колюче торчало вздернутое плечо, остро выпирали из-под кожи ключицы.

— Потолстеешь еще. Ближе к пенсии, — утешила Зоя Ипполитовна.

— Не, я и тогда не буду… Зоя Ип-политовна, а это уже готовый портрет?

— Это пока проба. Потом сделаю эскиз акварелью. И если получится, то, может быть, возьмусь за настоящую работу. Масляными красками…

— Ух ты!.. Будет как портрет капитана?

— Поменьше размером, большого холста у меня нет. А что касается художественного уровня, то это как получится…

— Хорошо получится! — Генчик подпрыгнул. — Зоя Ипполитовна. А когда настоящий портрет будет готов, вы этот ют… куда денете? Можете мне его подарить?

— Гм… Если вы, сударь, будете себя хорошо вести. И не станете то и дело скакать перед пожилой дамой в голом виде.

— Но я же не совсем же в голом!.. А в одетом виде я не могу все время залезать под душ. А не залезать тоже не могу, потому что расплавлюсь тогда, как пластилиновый…

И он опять ускакал под изогнутую трубу с медной «многодырчатой» тарелкой на конце. И пустил на себя упругий дождик. И радостно заверещал под струями. Запрыгал — тощий и блестящий, как чертенок, сделанный из коричневого стекла…

Зоя Ипполитовна с крыльца смотрела, как Генчик танцует среди множества маленьких радуг. И тупым концом карандаша подпирала нижнюю губу — придерживала улыбку. Она сидела на солнышке, ничуть не боясь «расплавиться». Горячие лучи для старых костей — одна радость.

…Но все это было уже потом, когда Генчик хорошо познакомился с хозяйкой «Бермудского треугольника» и стал в ее доме, можно сказать,

своим человеком.

А в то утро, после ночных приключений с Прекрасной Еленой, Генчик впервые приехал к Зое Ипполитовне на трамвае. Искать Петю Кубрикова и снова просить его о плавании на тот берег он счел неудобным. Чего доброго, Петя решит, что Генчик использует его влюбленность в Елену.

Зоя Ипполитовна взад-вперед ходила у своих ворот. То ли прогуливалась, то ли поджидала Генчика. Сдержанно обрадовалась:

— О! Весьма приятно!.. А я сперва тебя и не узнала.

Генчик был в черной кепке-бейсболке с надписью NEVADA.

В желтой футболке и разноцветных болоньевых шароварах. Потому что утром увидел: со вчерашними ссадинами на улицу лучше не соваться. Все прохожие будут пялить глаза — кто с сочувствием, а кто и с ухмылкой. Это одна причина. А другая (и главная) та, что в прежнем наряде его опять могли углядеть недруги.

Осторожность оказалась не лишняя. На пересадке, где рыночная площадка, Генчик снова заметил своих врагов: и Круглого, и Бусю, и двоих в свитерах, и насупленного лобастого Бычка. И Шкурика!

Судя по всему, компания работала. Давала представление для столпившихся зрителей.

Уповая на свою «маскировку» (и надев еще темные пластмассовые очки), Генчик пробрался поближе.

Главным артистом оказался… Шкурик. Мальчишки в свитерах держали натянутую веревку, а Шкурик на ней акробат-ничал. Ухватившись черными ручками, он вертелся на ней как макака! А потом даже прогулялся по веревке на задних лапках. После этого он потанцевал на асфальте — под губную гармошку, на которой пиликал Буся.

Зрители аплодировали. Пятеро мальчишек деловито перекликались. Из этой переклички Генчик узнал, что круглого так и зовут — Круглый. Тех, в одинаковых свитерах, — Миха и Гоха. А насупленного — разумеется, Бычок.

Бычок один из всех был молчалив. Без слов обходил зрителей и протягивал перевернутую соломенную шляпу. Кое-кто бросал в нее бумажки и монетки.

— Дамы и господа, граждане и товарищи, мадамы и месье! — беззастенчиво голосил Буся. — Проявите щедрость и уделите немножко ваших дивидендов на пропитание талантливого шкыдленка! Он с малого возраста остался без

мамы и папы и должен зарабатывать трудовой хлеб собственным артистическим трудом!

Одна пухлая дама дернула плечами и заявила на всю площадь:

— Фу, какая гадость! Крысиный цирк!

Дама была неприятна, однако со словами ее Генчик вполне согласился. И попятился за чужие спины, когда Буся оказался поблизости. При этом Генчик уронил очки и шарить под ногами толпы не решился. Наплевать. Все равно они старые, треснутые…

2

Это был третий день работы Генчика над моделью. Ванты на бригантине «Я больше не буду» почти все уже были со ступеньками — с выбленками. Оставалось совсем немного — на вантах у фор-брам-стеньги (Генчик уже знал, что это такое).

Можно было не торопиться. Генчик с удовольствием потоптался босыми ступнями на прохладных половицах, подошел к «той самой» двери.

— Можно я еще немного посмотрю капитанские вещи?

— Сколько угодно! Смотри и трогай все, что

хочешь!

Генчик взял с подоконника тяжелый пистолет.

— Зоя Ипполитовна! А можно я попробую выстрелить?

— Да ведь резинки-то нет!

— Я принес.

— Тогда стреляй на здоровье. Только не по экспонатам. И не по стеклам…

Генчик вытащил из кармана резинку — ту, что подарил вчера Карасик. Сделал из нее тугую петлю, надел на пистолет. Оттянул ударник, надавил спуск. Пистолет звонко и охотно щелкнул — будто был сделан лишь вчера, а не лежал без дела полторы сотни лет!

В кармане у Генчика была горсть сухого гороха, специально добытая из маминых припасов. Но оказалось, что трубка узкая, в нее входят лишь самые мелкие горошины. Генчик выбрал только с десяток подходящих.

Он вкатил одну горошину в ствол. Опять оттянул головку ударника. Направил пистолет в открытое окно. Там среди веток был виден верхний край поленницы. На ней стояла мятая консервная банка.

— Зоя Ипполитовна, можно я сшибу эту жестянку?

— Попробуй… Вообще-то из нее пьет Варвара, это бродячая кошка. Очень независимая особа, которая иногда заходит ко мне на двор, я ее подкармливаю… Генчик, если собьешь, поставь обратно. А ты надеешься попасть?

— Я постараюсь.

— Ну, постарайся… — Она, конечно, не верила, что Генчик попадет.

Он и сам не очень верил. Но вдруг получится?.. Генчик прицелился, положив длинный ствол на локоть левой руки.

Щелк! Банка со звоном улетела за поленья.

— О! Да ты прямо как Сильвио из повести «Выстрел»!

Генчик со скромной важностью дунул в ствол, хотя, конечно, там не было порохового дыма. И решил пока больше не стрелять. Второй раз едва ли так повезет, и портить впечатление не хотелось.

С видом знатока он сообщил:

— Меткая система. Потому что ствол длинный…

Да, оружие было такое замечательное, что Генчик не расстался с ним даже на время такелажной работы. Сидел у стола, а тяжелый пистолет держал на коленях. На всякий случай заряженный.

Генчик проворно вязал на верхних вантах выбленки, а хозяйка прибиралась в соседней комнате, где коллекция. То ли она случайно задела колокол, то ли качнула нарочно — он звякнул.

— Зоя Ипполитовна! Вы сперва говорили, что это колокол с бригантины! — вспомнил Генчик. — А потом сказали, что его завела в доме мисс Кноп… перинг. Для воспитания…

— Все верно! — громко сообщила Зоя Ипполитовна в открытую дверь. — Сперва он висел у Фомушки в детской, а потом перекочевал на судно… Только это случилось не сразу… Прежде чем у Томаса Сундуккера появился свой парусник, ему пришлось хлебнуть немало приключений…

— Расскажите! Ну пожалуйста…

— Ох. Если подробно рассказывать, на это не один день уйдет.

— Ну, пусть не подробно! Хоть чуть-чуть…

— Получилось так, что, поплавав на английских судах, Фома нанялся матросом на американский пароход. Очень уж хотелось побывать в Новом Свете. Посмотреть прерии, индейцев, бизонов и Ниагарский водопад…

Но увидел он совсем другое. В то время в Америке была в разгаре Гражданская война, северяне воевали с южанами, боролись за отмену рабства.

Фома, конечно, тоже был против рабства и решил, что северянам надо помочь… Он побывал в разных переделках. Участвовал в нескольких сражениях, когда служил матросом на военном пароходе. Особенно крупной была битва с крейсерскими судами южан — «Алабамой» и «Сэмтером». «Алабама» тогда чуть не пошла ко дну… Фома отличился тем, что спас мальчишку-негра. Это был маленький раб капитана «Алабамы». Во время боя он решил сбежать к северянам и бросился в воду, прихватив надутый мешок из просмоленной парусины. В мешок попала пуля, негритенок стал тонуть недалеко от парохода северян. И Фома кинулся за борт — на выручку. Вытащил беднягу… Где-то у меня была вырезка из американской газеты тех времен. С рисунком: отважный молодой Томас Джон Сундуккер и спасенный им темнокожий мальчик… За это дело Фоме даже дали медаль…

А потом война кончилась, рабство отменили, и Фома вернулся в Россию. Для этого он попросился на русский корвет «Варяг». В то время в Нью-Йорк заходила российская эскадра — этакий политический демарш, чтобы поддержать северян в их справедливой войне. Офицеры «Варяга», услыхав о приключениях юного земляка, взяли

его на корабль, хотя это и противоречило уставу. И поплыл он на родину то ли пассажиром, толи матросом-вольноопределяющимся. И по пути набирался новых морских знаний…

Конечно, Фома побывал дома, поудивлял отца, мисс Кнопперинг и старшего брата рассказами о своих похождениях, а затем уехал в Керчь и поступил там в мореходные классы. Под именем Томаса Сундуккера. Потому что именно на это имя были у него все бумаги, которые подтверждали его матросский и штурманский опыт.

Окончив классы, получил Томас Сундуккер штурманское свидетельство и какое-то время ходил помощником капитана то на пароходах, то на парусных судах. В том числе и на знаменитых чайных клиперах — в их дальних рейсах из Китая и Австралии в Европу.

И снова были в жизни Томаса Сундуккера всякие приключения. В том числе и такие, за которые могло ему крепко влететь от разных морских властей. Выручала его все та же привычка: жалобные слова «я больше не буду» и чистый взгляд голубых глаз… Что ты делаешь?!

А Генчик делал вот что. Вскинул пистолет и опять пальнул в отрытое окно.

— Там кошка!

— Разве можно стрелять в живых существ!

— Но я же не прямо же в существо! Я ей под лапы, чтобы напугать!

— А если бы ты случайно попал в бедное животное?

— А если бы животное сожрало воробьенка? Там на заборе воробьиха и воробьята! Эта шкыдла подбиралась к ним!

— Серая и тощая?

— Да!

— Это Варвара. Совершенно беспардонная личность… Я пыталась ее воспитывать, но без малейшего результата. Конечно, ты прав, что пресек ее варварское намерение…

— Варварство Варвары… — хихикнул Генчик.

— Вот именно…

— А когда у капитана Сундуккера появилась бригантина?

— В тысяча восемьсот восемьдесят втором году. В ту пору Томас Сундуккер был уже закаленным морским волком и немало поплавал по всем океанам… Отец его к тому времени умер, и старший брат честно поделил с Фомой наследство. У капитана завелись наконец деньги для покупки собственного судна…

Он купил эту не новую, но крепкую бриганти-

ну у судовладельца Роберто Картахены в порту Нинья Бланка на Антильских островах. И торжественно повесил над носовой палубой тот самый колокол — он специально привез его с собой. На память о детских годах, о первых плаваниях по речке Внуковке и о родном доме.

— Надеюсь, он будет напоминать вам о том, что в любых ситуациях следует вести себя разумно. С одной стороны осмотрительно, с другой благородно, — сказала Фоме Ивановичу на прощанье мисс Кнопперинг — уже старенькая, но по-прежнему строгая. Она продолжала оставаться в доме Сунду-ковых на правах члена семьи.

— Я больше не буду, — привычно отрапортовал Фома Иванович. — Ох, то есть, наоборот, буду: осмотрительно и благородно…

В Нинье Бланке он и зарегистрировал свою бригантину. Вернее, зарегистрировал ее чиновник, появившийся на судне в отсутствие капитана.

Портовое начальство в тех местах было, прямо скажем, разгильдяйское. Чиновник пришел со своими бумагами после хорошей порции гаванского рома. Бригантина называлась «Эсмеральда», но этот представитель власти на борт с названием не взглянул. Узнав, что капитан в отлучке, чиновник направился прямо на полубак:

он решил списать название судна с колокола. Потому что по морской традиции на колоколах обычно написано корабельное имя.

Увидав русские буквы, этот грамотей важно поморгал, потом кликнул вахтенного матроса и потребовал, чтобы тот прочитал надпись. По слогам, внятно. Матрос послушался. И чиновник, выдыхая ромовые пары, старательно вписал в судовые документы:

«Ya bolshe nje budu».

Когда капитан Сундуккер попытался объяснить ошибку властям, в портовой конторе заупрямились. А потом сказали, что за переделку бумаг придется платить новый налог. При этом назвали такую сумму, что Фома Иванович махнул рукой и подумал, что, может быть, здесь вмешалась судьба. Подумаешь, «Эсмеральда»! Самое обычное имя. А в названии «Я больше не буду» можно было усмотреть особый смысл. И не спутаешь его ни с каким другим!..

Вот такая, мой друг, история…

— А дальше?

3

— Ну, дальше было много всего… Официально считалось, что капитан Сундуккер занимается торговлей и китобойным промыслом. Но торговля была лишь для того, чтобы хватило денег на жалованье матросам да на ремонт парусника. Матросов, кстати, капитан подбирал таких же, как он сам, — искателей приключений и бродяг по натуре. А что касается китов, то капитан Сундуккер не подстрелил ни одного. Потому что считал это дело жестоким и бессовестным..

Патент китобоя и торговца нужен был капитану Сундуккеру только для официального представительства. А вообще-то он часто ходил из порта в порт без всякой коммерческой цели, собирал морские редкости и ввязывался во всякие истории. В те, после которых ему всякий раз приходилось обещать, что больше не будет. Имя капитана Сундуккера в конце девятнадцатого века было хорошо известно среди моряков. Так же, как имя его старшего приятеля капитана Румба… Этакие знаменитые капитаны-неудачники.

— Почему неудачники?

— Да так уж получилось… Семьей капитан Сундуккер не обзавелся до конца жизни. Была у

него в молодости сильная, но несчастная любовь, и после этого все свои силы он решил отдать морским открытиям… В открытиях ему с одной стороны везло, а с другой — никак…

— Что-то непонятно…

— Сейчас объясню… Гораздо раньше Амундсена капитан Сундуккер сумел пройти Северо-Западным проходом, во льдах. Это проливы, которые вдоль северных берегов Америки соединяют Атлантику и Тихий океан. Пройти-то прошел, но доказать это не сумел. Ученых на паруснике не было, а капитану и его матросам не верили…

Потом капитан Сундуккер отыскал в Тихом океане таинственный остров Тагио-Пойо. Тот самый, который пытались найти многие мореплаватели, а наш знаменитый Крузенштерн доказал, что его вовсе нет… Остров, однако, был, и на нем жило мудрое племя пагуасов.

— Папуасов?

— Нет, па-гу-асов. Они подарили капитану Сундуккеру старинное базальтовое блюдо с таинственными знаками — это был древний календарь. Осколок от него сохранился, я тебе потом покажу… Но опять никто не хотел верить капитану Сундуккеру. А найти остров снова он уже не мог, хотя отлично знал координаты. И капитан

пришел к выводу, что Тагио-Пойо появляется лишь изредка, а потом уплывает (или проваливается) в какой-то другой мир. Это была одна из первых догадок о параллельных пространствах, про которые сейчас очень много говорят…

— Это те пространства, откуда прилетают НЛО, да?

— Не исключено. Однако в те времена кто мог поверить рассказам о каких-то иных обитаемых мирах? И конечно, за капитаном Сундуккером все больше укреплялась репутация фантазера. В портовых тавернах и на кораблях говорили: «Он, по правде сказать, лихой моряк, но не может обойтись без всяких сказок…» А капитан Сундуккер никогда не врал…

Ох, нет! Один раз ему все-таки пришлось пуститься на обман.

Это случилось на одном из тропических островов. Не помню точно его название. Что-то вроде Татуа-Матуа. Туда зашел за водой и кокосами русский паровой клипер «Козерог», он совершал учебное кругосветное плавание. Местный князек, личность хитрая и вероломная, сперва принял моряков хорошо, наобещал, как говорится, золотые горы. Но потом обманом заманил на берег двух матросов и мичмана и заявил, что не

отпустит их без выкупа. И потребовал в обмен на пленников вельбот красного дерева.

Разбазаривать казенное имущество командир клипера не имел права. А самое главное, не было никакой уверенности, что этот туземный король, получив вельбот, выполнит обещание.

Переговоры ни к чему не привели.

Конечно, орудия клипера могли в несколько минут смешать хижины поселка с кораллами и песком. Но ведь и многих островитян — тоже. Очень уж не хотелось морякам так поступать. Да и матросы с мичманом могли пострадать при обстреле.

В это время зашла в бухту бригантина «Я больше не буду». Капитан Сундуккер был знаком с местным правителем. Вот и говорит: «Давайте я улажу это дело».

Взял он с собой кусок мыла и поехал к вождю. И стал перед ним надувать мыльные пузыри. В присутствии многих жителей. Надо сказать, что это занятие капитан любил еще в детстве. Пузыри у него получались большие и радужные, все соседские ребята глазели и даже взрослые…

Ну вот, надул Фома Иванович несколько пузырей и обратился к вождю:

«Великий правитель страны Татуа-Матуа! Я дам

тебе кусок этого волшебного вещества. С его помощью ты сам сможешь надувать такие летучие шары. А когда ты сумеешь надуть шар величиной больше самой крупной тыквы аху-татаху, на тебя снизойдут великие удачи и процветание. На острове расплодится столько сытых свиней, что для пересчета не хватит пальцев на руках и ногах всех твоих подданных. А владыки соседних островов наконец убедятся в твоем богатстве, мудрости и силе и все разом признают тебя своим повелителем… Только нужно выполнить ряд условий. Во-первых, перед надуванием шаров следует с ног до головы обмазаться кокосовым маслом. Во-вторых, надувать их следует лишь тогда, когда над морем взойдет полная луна. Что же еще?.. Ах, да! Если у тебя на острове есть чужеземцы, ты должен отпустить их с миром. Присутствие посторонних нарушит колдовство…

Когда матросы и мичман живые-здоровые вернулись на клипер, капитан Сундуккер сказал их командиру:

«Конечно, нехорошо обманывать наивных дикарей. Но ведь не оставалось другого выхода… К тому же я больше не буду».

И правда, он больше никогда не дурачил мыльными пузырями князька Татуа-Матуа. И даже не

подходил к тому острову.

Эта история стала известна во многих портах. Моряки смеялись:

«Капитан Томас верен себе. Он любит пускать мыльные пузыри…» — Это они намекали на рассказы о его открытиях.

— И он никого не вызвал на дуэль?!

— Нет, конечно! Если бы даже он уложил двух-трех насмешников из пистолета, разве это было бы доказательство? Болтать стали бы меньше, но больше верить все равно не стали бы… А кроме того, тебе же известно, что капитан Сундуккер вовсе не был кровожаден…

— Да… А капитан Румб ему верил?

— Да, старый друг ему верил. Именно он посоветовал капитану Сундуккеру, как укрепить свой авторитет. «Открой, — говорит, — какой-нибудь географический полюс. И тогда уж никто не посмеет назвать тебя фантазером…»

Но он ведь так и не открыл, да? — вздохнул Генчик.

— Увы… Когда капитан Сундуккер готовил экспедицию на Северный полюс, стало известно об успехе Роберта Пири… Позднее Фома Иванович нацелился на Южный полюс, но его опередили Амундсен и Скотт. Капитан Сундуккер от досады

дергал себя за рыжие бакенбарды. В них, кстати, было уже много седины. Иногда капитан даже плакал, запершись в каюте.

Огорчали капитана не только собственные неудачи. Печально то, что никак не исчезала на Земле людская жестокость. На всем белом свете воевали: буры с англичанами, турки с греками, перуанцы с аргентинцами, племена нанда-кау с племенами кау-мамба. И так далее. А на Дальнем Востоке прогремела война России и Японии.

Кстати, к тому времени относится одна из последних достоверных историй о капитане Сундуккере… Ты не устал слушать?

— Ничуточки!

4

— Обстоятельства сложились так, что капитан Сундуккер никогда не плавал под российским флагом. Купив бригантину, он собирался сделаться русским капитаном не только по натуре, но и по документам, но не удалось. Когда он захотел вернуть себе российское подданство, вышел скандал. Какой-то чиновник паспортного ведомства (они, видимо, везде одинаковы) начал тянуть волынку и запросил колоссальную взятку. У Фомы Ивановича лопнуло терпение. «Как мыльный

пузырь», — говорил он потом. Капитан обошел с тыла чиновничий стол, снял со стены большой портрет государя-императора и аккуратно поставил его в угол. А хозяина стола повесил вместо портрета на крюк. Зацепил штанами…

Представляешь, какой поднялся крик?

Конечно, потом, в жандармском отделении, капитан Сундуккер говорил, что больше не будет. И разумеется, сдержал обещание. Хотя бы потому, что этот чиновник перестал быть чиновником: с перепугу он заболел и был отправлен на пенсию — с повышением в звании и правом ношения статского мундира…

— А капитана не посадили в тюрьму?

— Нет. Заклинание «Я больше не буду» помогло и на сей раз. Фома Иванович отделался штрафом и предписанием немедленно покинуть территориальные воды Российской империи…

Русского паспорта ему так никогда и не дали. Но в душе капитан оставался Фомой Сундуковым. И однажды душа эта очень возмутилась. Дело было во время Русско-японской войны. Капитан с грузом скобяных изделий шел в Шанхай и вдруг увидел, что японский миноносец в нейтральных водах остановил русский госпитальный пароход. На белом пароходе были большие красные кре-

сты и не было оружия. Но командир миноносца потребовал, чтобы экипаж, врачи и раненые сошли в шлюпки, и собирался пустить плавучий госпиталь на дно.

Капитан Сундуккер флажками сигнального свода запросил японцев: что, мол, за безобразие? С каких это пор международные правила позволяют топить суда с красными крестами?

Командир миноносца был поражен нахальством маленького парусника. Деревянная лоханка с двумя мачтами, под каким-то непонятным колониальным флагом (не то Французская Гвиана, не то Северное Британское Борнео) смеет вмешиваться в планы военного корабля его величества императора Страны восходящего солнца!

Однако природная учтивость взяла в японце верх, и он приказал передать, чтобы шхуна «Ya bolshe nje budu» шла своим путем. В порт назначения. Или куда подальше…

Капитан Сундуккер вскипел. Он терпеть не мог, когда его бригантину называли шхуной. Это разные типы судов. Бригантина, считал он, гораздо благороднее и красивее.

На бригантине были подняты на грот-стеньге новые флаги: «Требую прекратить пиратскую акцию. Иначе…» Не знаю уж какими флагами

обозначалось угрожающее многоточие…

Японцы для острастки пальнули из мелкого орудия — впереди по ходу сумасшедшего парусника.

Ветер был достаточно свежий. Бригантина сделала лихой поворот оверштаг, подошла ближе и подняла еще один сигнал: «Предупреждаю последний раз. Считаю до трех…» И затем вдоль фор-брам-стеньги поползли очень красивые флаги. Сначала длинный треугольный вымпел с красными и белыми вертикальными полосками, а под ним — синий прямоугольный флаг с белым косым крестом…

— Как Андреевский, только наоборот!

— Да. Вместе это означало: «Дальше идут числа…» Затем поднялся флаг с косицами, из белой и синей вертикальных половинок. В данном случае это была цифра «один» (все это по тогдашним, а не по нынешним правилам).

Через несколько секунд угрожающе пополз вверх еще один флаг, тоже с косицами. Совершенно красный. Это была цифра «два».

И наконец заполоскал на ветру белый с красным кружком посредине вымпел. Некоторые сухопутные люди могли бы решить, что этим вымпелом, похожим на японский государствен-

ный флаг, бригантина приветствует миноносец и просит прощения за дерзость. А на самом деле это была грозная цифра «три»…

Помощник капитана Сундуккера — громадный седой негр Боб Бобсон — в это время самолично заряжал гарпунную пушку.

Поскольку парусник Томаса Джона Сундуккера был приписан к разряду китобоев, крупная гарпунная пушка всегда стояла на полубаке бригантины, под колоколом. На первый взгляд она годилась лишь для охоты на простодушных и миролюбивых морских животных, но никак не для сражений. Однако пустотелые, похожие на стальные бутылки наконечники гарпунов были наполнены новейшей мощной взрывчаткой с завода в городе Глазго. А вместо пробок в этих «бутылках» торчали американские контактные взрыватели компании «Куксон энд компани»…

Эти гарпуны не раз выручали капитана Сундуккера при встречах с наглыми и жестокими пиратами южно-китайских вод. И потом уже все пираты знали, что связываться с бригантиной «Я больше не буду» себе дороже.

Но японские военные моряки этого, увы, не знали…

Итак, Боб Бобсон вставил гарпун в пушку…

Кстати, этот капитанский помощник был не кто иной, как негритянский мальчишка с «Алабамы» — тот, кого Фома Сундуккер спас во время давнего сражения… Тогда они вскоре расстались, а потом случайно встретились опять — через много лет, когда Фома Иванович был уже капитаном. Оказалось, что дела у Боба идут скверно. Северяне победили, рабство по закону было отменено, однако неграм жилось все равно несладко. Боб мыкался кочегаром на разных пароходах, ходивших по Миссисипи.

Капитан Сундуккер по старой дружбе взял Боба в свой экипаж. С той поры они были неразлучны… Ох, я отвлеклась!

Ну вот, Боб Бобсон стоял у заряженной пушки, вымпел цифры «три» трепетал на ветру, а японский миноносец, конечно, не думал убираться.

Капитан Сундуккер вздохнул. Не был он любителем бранных утех.

— Стреляй, Бобби, делать нечего…

По сравнению с бригантиной миноносец был, разумеется, великая сила. Но по военным понятиям — не слишком грозная боевая единица. Даже без всякой брони под ватерлинией. А именно туда, ниже уровня воды, угодил гарпун.

Мало того, что дыра во-от таких размеров! Еще

и паропровод перебило, горячий пар не давал матросам спуститься к пробоине…

Миноносец под белым с красным лучистым солнцем флагом лег на борт и загудел, как раненый слон. Матросы флота его императорского величества посыпались с палубы в воду, как горох с наклонившегося стола. И поплыли к русским шлюпкам. Уже не ради захвата, а лишь бы не потонуть. Потом наш пароход-госпиталь доставил спасшихся в нейтральный порт…

Кое-кто их офицеров тоже оказался в воде. Но большинство из них, в том числе и командир миноносца, не выдержали такого скандала — поражения от деревянной посудины. Прямо на мостике гибнущего корабля гордые самураи сделали себе харакири… Знаешь, что это такое?

— Знаю, — вздохнул Генчик. — Все-таки их немножко жаль…

— Да. Капитан Сундуккер тоже жалел их, когда узнал о таком конце… Он так и сказал, когда дело разбиралось в американском консульстве.

— Где разбиралось?

— В американском консульстве, в Шанхае. Дело в том, что американцы тогда сочувствовали японцам, хотя открыто в войну не вмешивались. Капитана Сундуккера задержали в Шанхае и

обвинили в незаконном вмешательстве в дела воюющих держав. Назвали его поступок пиратством… Уж не знаю, имел ли право американский консул устраивать такую разборку, но факт есть факт. Впрочем, Штаты всегда не очень-то считались с международными правами…

В общем, проводили капитана Сундуккера в консульство, чтобы учинить допрос и расправу… Но тут ему опять повезло: консулом оказался старый знакомый капитана — они вместе служили на крейсерском пароходе «Пума» во время войны северян и южан.

— Томас, старый хрыч, это ты?! Седой уже, а все еще безобразничаешь, как мальчишка! Японцы рассказывают, что ты утопил их миноносец с помощью какой-то секретной торпеды!

— Это китобойный гарпун!..

Капитан Сундуккер поведал, как все было. И чем больше говорил, тем недоверчивее качал головой его приятель.

Под конец капитан сказал, разумеется, что больше не будет.

— Знаю, знаю я это твое любимое обещание!

— Но честное же слово, Билли, я больше не буду… Посуди сам! Как я могу снова пустить под воду самурайское корыто, которое и без того на

дне морском?

— Ты неисправим, Томми… Никому больше не рассказывай эту историю. Все равно никто не поверит, что можно потопить военный корабль плевком из гарпунной пушки. Опять будут говорить, что «капитан Сундуккер надувает свои мыльные пузыри»…

Вот так и кончилась эта история.

— А дальше что было?

— Дальше… еще много всего. Но капитана постоянно мучили две мысли. Одна — по поводу всего человечества: почему людей на Земле никак мир не берет? А вторая — о собственной судьбе: отчего он такой неудачник? Самое обидное, что не сумел открыть ни одного полюса…

И вот однажды в португальской таверне «Потроха барракуды» Фома Иванович в компании знакомых капитанов поклялся, что он все-таки найдет на нашей планете свой полюс. Никому еще не известный. И не какой-нибудь там магнитный, или полюс холода, или, наоборот, жары, а совершенно особенный.

«Если, конечно, на это хватит моей жизни», — добавил он с осторожным вздохом.

С той поры больше никто не видел капитана Сундуккера и его бригантину. Какое-то время

ходили о ней всякие слухи, но потом и они позабылись. Людям было не до того: Первая мировая война, революция в России, по всей планете дым коромыслом. Кому какое дело до старого чудака-капитана, который известен был только всякими своими фантазиями. Этакий капитан Врунгель начала двадцатого века…

— Жалко…

— Да. Но, может быть, это и правильно, когда старые капитаны не умирают на пенсионной постели, а вот так уходят в неизвестность… Как ты думаешь?

— Не знаю… Наверно, правильно. Только плохо, что мы не знаем: открыл он свой полюс или нет?

— Да, это огорчительно, — покивала Зоя Ипполитовна и подхватила очки. — О! Да ты уже кончил всю работу!

— Я уже давно кончил. Просто сижу и слушаю.

— Ты молодчина, Бубенчик! Просто не знаю, как тебя отблагодарить. От денег ты в тот раз отказался…

— Этого еще не хватало!

— Да… Но награду ты все-таки заслужил. От меня и… от капитана Сундуккера. Может быть, ты выберешь какую-ни-будь вещь из капитанской коллекции? А? Конечно, если это не портрет…

Генчик неловко повздыхал, поцарапал босой пяткой половицу. И не выдержал:

— Я бы, наверно, выбрал… Только это, наверно, очень ценный… экспонат… Конечно, его нельзя…

— Скажи, о чем речь?

— О… пистолете…

— Господи боже ты мой! — обрадовалась Зоя Ипполитовна. — Разумеется, я тебе его подарю! С величайшим удовольствием!.. Да, это памятная для меня вещь, Фомушкина игрушка, но… ты ведь тоже теперь не совсем равнодушен к капитану Сундуккеру! А?

— Еще бы!

— Только обещай исполнить два условия…

— Хоть тыщу!

— Во-первых, ты никогда не будешь стрелять ни по воробьям, ни по кошкам, ни… вообще ни по кому живому…

— Само собой! — Генчик даже слегка обиделся. — А второе условие?

— Ты будешь иногда заходить ко мне в гости.

— Я и сам хотел попросить! Вы же не все еще рассказали про капитана! А я не всю коллекцию разглядел!.. Хотите, я в ней генеральную уборку сделаю? Все рамки на фото починю, все медяшки

надраю… И надо ведь еще паруса на бригантине привязать! Я помогу!

— Договорились!

СКЛЕЙКА РАЗВИТЫХ СЕРДЕЦ

1

Прекрасная Елена рыдала у себя за перегородкой. Ну, не совсем рыдала, однако шумно хлюпала носом и подвывала в подушку. Опять у нее случились неприятности. Какие именно, спрашивать было неразумно. В ответ услышишь: «Иди отсюда, дурак, не суйся не в свое дело!»

Генчик и не совался.

Свесив ноги со второго этажа, он сидел на подоконнике и постреливал из пистолета. По всяким случайным мишеням, что попадались на глаза: по пустой яичной скорлупе, валявшейся у сарая, по бельевым прищепкам на веревке, по мячику, который забыли в траве Вова и Анютка.

Мячик от каждого попадания подпрыгивал, как синий испуганный поросенок. Прищепки вертелись на шнуре, будто акробаты. А скорлупа — та вмиг разлетелась белым фейерверком. Длинный тяжелый пистолет бил без промаха. Плохо только, что «калибр» требовал лишь самых мелких «пуль». Приходилось их долго выбирать из рассыпанного на подоконнике гороха.

Удачные выстрелы радовали Генчика. Но больше ничего не радовало. Не будешь ведь целый день торчать в окне с пистолетом. А чем еще заняться, Генчик не знал.

Погода была так себе: теплая, но сырая, порой сыпал мелкий дождик. Зоя Ипполитовна уехала на два дня в деревню к какой-то своей знакомой. Возиться в игрушечном городе было не с руки — Генчик укрыл его от дождя широким куском полиэтилена. Да и не хотелось без помощников, а Вова и Анютка куда-то ушли с родителями.

Федя Акулов, Карасик, был, наверно, дома. Но после недавнего случая идти к нему Генчик не решался.

А случилось вот что.

Три дня назад Генчик и Карасик отправились в сквер у кинотеатра «Агат» попрыгать на батуте. Это такая резиновая площадка вроде громадного надувного матраса. А над матрасом — трехголовый дракон на растопыренных лапах — для развлекательности. Покупаешь билет (совсем не дорогой), снимаешь сандалии и целых пятнадцать минут можешь прыгать и кувыркаться от души. Вместе с десятком других счастливчиков. Вообще-то развлечение несерьезное, для дошколят, но почему иногда и не порезвиться?

И порезвились. И очень довольные вышли из сквера. И здесь Генчик услыхал:

— Эй ты, забинтованный! А ну, тормози!

Это были Буся и «одинаковые» Гоха и Миха (в своих нелепых, почти до колен, свитерах). Хорошо хоть, что без Шкурика!

Генчику и в голову не приходило, что «недруги» могут оказаться здесь в «несвоем» районе. Поэтому он был без маскировки, в прежней сине-горошистой рубашке. И даже коленка забинтована, как раньше. Не для какой-то хитрости, а чтобы все приметы были как в тот день, когда познакомился с девочкой у оврага.

Почему-то Генчик часто ее вспоминал. Ходить мимо ее дома стеснялся, но надеялся, что когда-нибудь встретит на улице. И сегодня подумал: «Вдруг она тоже придет поскакать?» И оделся так, чтобы узнала.

Но девочка не пришла, а узнали его Буся, Гоха и Миха…

Ну а дальше — как всегда в таких случаях: прижали к забору, похихикали, подразнили, дали пару затрещин. Генчик хныкал и отбивался, но не очень. Потому что все равно без пользы, только еще сильнее их разозлишь.

Во время «разборки» Буся то и дело поправлял

на носу темные очки. Очки были Генчика — те самые, что он потерял в толпе, когда смотрел выступление Шкурика. Но заявлять свои права было глупо.

Взрослые дяди-тети шли мимо и не вмешивались. Наверно, говорили себе для успокоения совести: «Мальчики просто играют». А громко кричать «помогите» Генчику было стыдно.

Помощь пришла с неожиданной стороны.

— М-ме-ерзавцы! — услышал Генчик. И трое врагов услышали. Оторопели. Видно, с говорящими козами они до сей поры не сталкивались. Козимода рыла копытом траву, глаза ее горели, как стоп-сигналы.

Гоха и Миха отвесили челюсти. Буся помигал и быстро сказал:

— Айда, парни, отсюда, ну их. Тут все какие-то психи, шуток не понимают.

И они пошли прочь — все скорее, скорее…

— В м-ме-елицию вас…

— Спасибо, Козимода, — грустно сказал Генчик. — Ты меня который раз выручаешь.

Он стер со щек слезинки, перемотал съехавший бинт, заправил вывернутые карманы. Погладил Козимоду по хребти-стой спине и пошел домой.

На углу Кузнечной он услыхал:

— Бубенцов, подожди…

Из-за кустов желтой акации появился Карасик. Весь такой… будто побитый больше Генчика. Когда Генчика схватили, Карасик сразу рванул в сторону, с глаз пропал. Генчик думал, что он уже дома сидит.

— Я… понимаешь, я хотел кого-нибудь позвать. Больших… А никого нету… А я…

— Да ладно… — Генчику было неловко, словно это он, а не Карасик драпанул с поля битвы.

— Я… видишь ли… все равно я драться не умею… поэтому…

— Ну и правильно сделал, — поморщился Генчик. У него вдруг запоздало заболело плечо, по которому крепко стукнули. — Что тебе оставалось-то? Я бы тоже драпанул, если бы успел…

— Ты — другое дело. Тебя держали. А я хотел…

— Раскокали бы тебе очки, вот и все, — сумрачно сказал Генчик.

Карасик снял очки, стукнул себя ими по щеке. Он волочил ноги, и его просторные джинсы цеплялись за головки подорожника.

Совсем тихо Карасик проговорил:

— Ничего я не хотел… и не думал. Трус я, вот и все. Бросил тебя…

— Ну, хватит тебе… — опять поморщился Ген-

чик. — Подумаешь. Всякое бывает с перепугу…

— Нет, не хватит, — уже решительно сообщил Карасик. — Я понимаю. Я хотел с тобой как следует подружиться, но зачем тебе такой друг…

— Карасик, да брось ты!

— Нет, не брошу… Ты только никому не говори про этот случай, ладно?

— Ладно, — пошептал Генчик. А что ему оставалось?

— Может быть, я когда-нибудь сделаюсь… храбрее. И тогда мы опять… А теперь прощай. — Карасик снова надел очки и смотрел сквозь них горько и твердо. Потом нагнул голову и быстро пошел от Генчика.

А тот стоял и окликнуть не решался.

Нет, Генчик не осуждал Карасика. Потому что сам — тоже не храбрец. Еще неизвестно, как бы он вел себя на месте несчастного Феди Акулова. Может быть, тоже стреканул бы в кусты. Да еще потом придумывал бы всякие героические оправдания. Карасик — тот хоть честно признался…

Жаль Карасика. И себя почему-то жаль… Ох и запутанная эта штука — жизнь!

А тут еще Елена действует на нервы.

— Может, уж хватит выть? Москва слезам не верит…

— Замолчи, дубина! Тебя не спросили!..

— Я — дубина, ты — бревно. И притом давным-давно… С Петей, что ли, поругалась? — наконец осенило Генчика.

— Больно он мне нужен, твой дурацкий Петя!

Ну, все ясно! Генчик крутнулся на подоконнике, прыгнул в комнату. Взял со спинки стула любимую рубашку.

— Пойду выяснять обстоятельства…

— Не смей! Кому сказала!

— Ладно, ладно. Я к Зое Ипполитовне…

Про Зою Ипполитовну Елена, мама и папа уже знали. Однажды она подвезла Генчика до дома и встретилась с родителями. Отец и мать одобрили знакомство Генчика. Совсем даже не плохо, что сын помогает по хозяйству пожилой женщине. Это лучше, чем болтаться по улицам или плести бесконечное число пружинчиков.

Папа сказал:

— Она, видать, дама образованная. Глядишь, и научит чему-нибудь полезному.

Мама, правда, заметила, что лучше бы Генчик побольше помогал ей, а не какой-то родственнице непонятного капитана. Но это так, для порядка.

Только Елена отнеслась к Зое Ипполитовне без одобрения. После рассказа Генчика о коллекции

капитана Сундуккера сестрица выразила мнение, что «бабка явно чокнутая». Под стать Генчику. Тот показал Елене язык. Лопатой…

Сейчас Елена не знала, что Зоя Ипполитовна в отъезде. И поверила:

— Ну и ступай к своей сумасшедшей капитанше…

— Сама такая!

— Замолчи, дубина!

— Я — дубина, ты — бревно. Я — глина, ты —… чисто золото!

— Я маме скажу. Она тебе даст «золото»!

— Скажи, скажи. Только больше не реви.

2

Старшего спасателя Петю Кубрикова Генчик нашел на рабочем месте — на причале водной станции номер два. Петя разложил на газете детали разобранного мотора и тупо смотрел на них, сидя на корточках.

Генчик обошелся без предисловий.

— Поругались, что ли? — спросил он у обтянутой тельняшкой спины.

Спина дрогнула, Петя повернул похудевшее лицо. Глаза у Пети были скорбные.

— Все ясно, — кивнул Генчик. — Наверняка это

она виновата. Что за поганый характер!

— Нет, я виноват…

— Ты?! Да ты же в нее по уши… А она небось это… — Генчик артистически повертел задом. — Мисс Простоквашино… А теперь лежит и подушку пропитывает. Иди к нам, мириться будете!

Петя трагически мотнул головой.

— Она мне никогда не простит…

— Что не простит?

— То, что я ей все врал про себя… И тебе врал… Никакой я вовсе не курсант, меня в училище медицинская комиссия не пустила. Я окончил курсы мотористов и вот… тут…

Генчик присвистнул.

Потом сел рядом на корточки.

— Значит… и дуэли не было?

— Не было… — вздохнул Кубиков-Кубриков. — Ничего…

— А зачем ты про все это… сочинял?

Петя съежил плечи. Суетливо переложил на газете железки. Признался шепотом:

— Сдуру… Хочется ведь красивой жизни-то. Вот и придумывал… А вчера признался ей. В порыве искренности…

Генчику стало жаль Петю. Так же, как обиженного судьбой Карасика. Даже сильнее.

— Но так рассказывать.... Это ведь тоже талант... — Генчик хотел его чем-то утешить. Подумал и бухнул: — С таким талантом ты, может быть, станешь писателем!

Петя позвенел железками. Пробурчал:

— Черта с два я им стану...

— Главное начать! Ты попробуй!

— Да я уже... пробовал...

— Правда?! — изумился Генчик.

— Ну... вот... — Петя, ежась и не глядя на Генчика, переложил шестеренки и пружинки с газеты на голые доски причала. А газету — рваную и промасленную — сунул Генчику.

Это были «Белорыбинские ведомости».

— Вот... — Петя стеснительно ткнул ногтем в верх страницы. Там было написано: «Творчество молодых. Петр Кубриков. Лепестки ромашки. Рассказ».

— Ух ты!.. — И Генчик уткнулся носом.

Рассказ был про любовь. Про то, как двадцатилетний шофер Вася встречает девушку, как по вечерам кладет на ее крыльцо ромашки. Ну и так далее... Вообще-то всякие сочинения про любовь Генчик терпеть не мог. Но Петин рассказ показался ему прекрасным. Тут не в содержании дело! Дело в том, что он именно Пети Кубрикова!

Того самого, который сидит рядом на корточках!

До этой минуты Генчик и помечтать не мог, что у него будет друг-писатель. Такой, чья фамилия набрана в газете крупным шрифтом!

— Я же говорил! У тебя же талант!

— Да ну… — зарделся Петя. — А вот еще… Вот здесь.

В углу страницы опять была фамилия: П. Кубриков. А под ней стихи.

ПАРОМЩИК

Во сне я видел гулкие шторма,
Я бредил в детстве книжкой Стивенсона.
Звала в дорогу штормовая тьма,
Будили душу сладкие муссоны.

Я был уверен: буду жить всегда
В крутых волнах и океанском громе…
Но вот прошли все юные года,
И я служу тихонько на пароме.

Жду пассажиров, трубочку курю
(Все старые матросы трубку курят)
И корабли мальчишкам мастерю
Ножом, приобретенным в Сингапуре.

Стихи понравились Генчику еще больше, чем рассказ. Правда, чересчур грустные, зато такие, что…

— Прямо за душу берут, — сказал Генчик.

Петя зарделся сильнее.

— Значит… не совсем плохо?

— Что ты! Наоборот!.. А Елена что говорит?

— Да ничего. Она и не знает…

— Не знает?! Ты совсем без головы, да? Почему ты ей это не показал?!

— Не успел я… Понимаешь, я хотел ей все про себя… по-честному. И признался, что не курсант. А она как взвилась!.. «Ты, — говорит, — такое же трепло, как все остальные. Пустая, — говорит, — и никому не нужная личность! Я тебе верила, а ты… ты вероломно эксплуатировал мое доверие…» Ну, может, не совсем так, но в этом смысле. И бегом от меня. Прыгнула в трамвай…

— А теперь лежит и воет, — со сдержанным злорадством сообщил Генчик. — Ладно, пойду.

— Куда?

— Такое мое дело: склеивать ваши разбитые сердца… А ты сиди тут и не вздумай топиться с горя. А то знаю я вас, влюбленных…

— Все равно она меня больше видеть не захочет.

— Потерпи до завтра… В крайнем случае, если очень страдаешь, сочиняй пока стихи про несчастную любовь…

— Издеваешься? — жалобно сказал Петя.

— Да ничуточки! Просто поэтам страдания иногда полезны. Это мне Ленка говорила, когда про Лермонтова учила для экзамена… Может, и тебя когда-нибудь будут изучать в школе.

— Иди ты… — сказал Петя. С грустью, но и с капелькой надежды. Не в том смысле, что будут изучать, а что Генчик устроит примирение.

— Иду, — хмыкнул Генчик. Похлопал Петю по крепкому полосатому плечу, сунул под резинку на поясе газету и пошел. Домой. А по дороге думал о странностях любви, которая так осложняет людям жизнь. А что, если и он, Генчик, попадется когда-нибудь в эти сети? Чем черт не шутит! Вот ведь вспоминается почему-то чуть ли не каждый день та девчонка, что живет в доме над оврагом.

И она словно отозвалась на его мысли:

— Эй, Чайник!

3

Генчик не обиделся. Обрадовался.

— Если я Чайник, ты Поварешка!

Она тоже не обиделась:

— Здравствуй!

— Привет!

— Я иду и вижу: кто-то знакомый шагает, синий с горошками.

— А я нарочно это рубашку не снимаю. Чтобы ты издалека разглядела!

Это была такая отчаянная правда, что, конечно же, звучало как шутка.

— Нога-то все еще не вылечилась? — Девочка посмотрела на бинт.

— Это не для лечения! Просто способ, чтобы тетки в трамвае с места не сгоняли!

— Какой ты находчивый! — Не поймешь, с подковыркой она это или с уважением. Наверно, с тем и с другим.

— Ага, я такой! — дерзко согласился Генчик. И вдруг опять засмущался. Завздыхал, глядя в сторону.

— А почему не заходишь? — совсем по-свойски спросила девочка. — Обещал ведь…

— Да все как-то… времени нету.

— Значит, уже не хочешь летать с берега?

— Но там же колючки!

— Да нет никаких колючек! Ты разве не слышал? На той неделе на откос летающая тарелка хлопнулась! А когда улетела — на склоне ни од-

ной травинки. Чистая глина и песок!

— Вот это да!

— Конечно «да»! Я там уже сто раз прыгала… Хочешь?

— Я… хочу!

Девочка взяла Генчика за руку. И он сразу перестал стесняться. И они побежали сперва по Кузнечной, потом через дамбу и вниз по Кошачьему переулку. Желто-малиновое платьице девочки трепетало, как маленький костер.

Скорей, скорей… И — ура! Радость полета, счастливое замирание в груди!..

Девочку звали по-мальчишечьи — Саша. И этим она еще больше понравилась Генчику.

Они раз пять прыгнули с откоса. Потом покачались у нее во дворе на больших качелях. Затем Саша показала коллекцию пластмассовых африканских зверей (такое у нее было увлечение), а Генчик рассказал про город и пружинчиков. Чуть не начал говорить и про капитана Сундуккера, но спохватился: может быть, это нельзя. Ведь капитан — не его тайна, а Зои Ипполитовны.

После этого они еще несколько раз прыгнули с откоса — несмотря на то что глина была влажная после дождика и прилипала к ногам и одежде.

— Ох и перемазались мы, — сокрушалась Саша,

очищая Генчика сзади.

— Ничего, глина сама осыплется, когда высохнет… Плохо только, что в глине какие-то твердые крошки, раньше их не было.

— Это не крошки! Посмотри, это шарики такие, оплавленные! Я же говорю, здесь посадка летающей тарелки была, от нее они и остались! Такие же шарики находят, где Тунгусский метеорит грохнулся, я читала…

Генчик взял в ладонь смесь влажной глины и песка. И правда, в ней попадались гладкие, будто из черного стекла, шарики. Величиной с крупную дробину!

— Ух ты! Мне такие и нужны!

Генчик набрал столько «боеприпасов», что шорты поехали вниз от тяжести в карманах. Генчик подхватил их, поправил под резинкой газету и вспомнил:

— Пора домой. У моей сестры душевная травма, надо лечить…

— Несчастная любовь? — с пониманием спросила Саша.

— Вот именно.

— Тогда иди… Придешь еще?

— Обязательно!

Елена уже не ревела, сердито возилась на кухне

с посудой.

— Припудри нос. Он у тебя как стручковый перец.

— Сам ты… стручок недозрелый. Убирайся.

— Пожалуйста… Между прочим, я был у Пети.

— Катись со своим Петей… Оба трепачи бессовестные…

— Ты все-таки совершенно неисправимая дура, — грустно сообщил Генчик. — Прямо как в глупой кинокомедии. Вместо того чтобы нормально поговорить с человеком, разобраться спокойно, сразу истерика. Что за безмозглые курицы эти старшие сестры…

— Иди отсюда, пока не получил теркой по загривку!

— Лучше сядь на нее и успокойся.

— Ты такой же болтун, как твой друг Петенька.

— Да не болтун он! Бестолковая… Думаешь, почему он тебе эти истории рассказывал? Понравиться хотел? Больно ему это надо! Тут совсем другое… Это знаешь как называется?

— Бессовестное вранье, вот как!

— Никакое не бессовестное! Наоборот!.. У него это плод творческой фантазии, вот! Потому что он писатель!

— Че-во? — Елена уронила в кастрюлю с водой

дюжину ложек.

— Да! Его, может, потом будут в институтах изучать! Как Пушкина и Лермонтова! И Горького! А ты будешь локти грызть… что проглядела такого жениха… — Он увернулся (вот они, настоящие-то летающие тарелки!) и прыгнул за дверь. Захлопнул, потом *опять приоткрыл.*

Елена заметала в совок осколки.

Генчик сунул в дверную щель газету.

— Почитай, а потом уж бей посуду… — И ушел заниматься пистолетом.

Шарики были — ну как по заказу.

Генчик пальнул из окна по спичечному коробку, что валялся на тропинке у калитки. Коробок взвился в воздух!

Ну и ну! Генчик и раньше стрелял метко, но сейчас получился просто чемпионский выстрел. Ведь до цели метров двадцать, и к тому же Генчик вскинул пистолет почти не целясь.

— Ай да я, — сказал себе Генчик. И погладил пистолет: — Ай да ты!..

Прекрасная Елена возилась за перегородкой. Натренированным ухом Генчик определил, что она перед зеркалом пудрит нос. И надевает свои самые лучшие сережки.

Потом она ушла из дома, бросив на ходу:

— Я к Анжеле…

— Иди, иди к Анжеле…

Генчик знал, что Елена идет к Пете. Мириться. И она понимала, что он это знает.

ЮНЫЙ ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ

1

Да, пистолет оказался изумительный! Бил без промаха, видно, очень старался Фомушка Сундуков, когда мастерил это оружейное чудо.

Полторы сотни лет назад!

А что, если здесь волшебство? Может, Фомушка знал какое-то заклинание, специально для меткости? И старательно бормотал его, когда выстругивал изогнутую деревяшку и приматывал к ней проволокой железный ствол! В старину ведь было много всяких заклинаний, и, говорят, некоторые помогали…

Или дело не в самом пистолете, а в «пулях»? В тех шариках, что нашел Генчик в сыпучей овражной глине? Там, где садилась летающая тарелка… Может быть, в этих тяжелых и блестящих, как черное стекло, бусинках таится звездная сила?

Иногда Генчику даже думалось, что шарики угадывают его желание — в какую цель попадать! Вскидываешь ствол, смотришь в нужную точку, бах! — и точнехонько. Хоть в прилетевшее на карниз голубиное перышко, хоть в шляпку гвоздя

на заборе… И так сильно эти шарики били! Обыкновенная горошина отскакивала от аптечного пузырька, будто от брони, а «инопланетный» шарик разносил склянку вдребезги!

И торчащий из забора гвоздь вгонял в доску по макушку!

Три дня подряд Генчик дома, на дворе и в огороде тренировался в стрельбе. Не только в меткости, но и в быстроте. Чтобы как ковбой…

Он отработал все движения, все приемы.

Теперь Генчик всегда надевал плотный кожаный ремешок. Не для того, чтобы штаны держались крепче (они-то с резинкой в поясе), а для заряжания пистолета. Справа на ремешке он сделал из проволоки крючок. Двинешь пистолетом вниз — головка ударника цепляется за крючок, и готово, на взводе! Не надо помогать левой рукой. А в левой ладони наготове пули-шарики. Одну тут же вкатываешь в ствол. Чтобы шарик не выскользнул до выстрела, ствол внутри, в хвостовой части, смазан вазелином (из Ленкиного набора косметики).

Ударник на взвод — раз! Шарик в дуло — два! Ствол в мишень три! А уж в том, что промаха не будет, Генчик был теперь уверен на все сто!

Чтобы пополнить боеприпасы, Генчик наве-

стил Сашу. Они славно поиграли у нее во дворе (и мячиком, и на качелях) и опять полетали с откоса. И Генчик наполнил шариками карманы.

— Зачем они тебе? — удивилась Саша.

— Мало ли что. Пригодятся… Красивые такие.

Про настоящую причину Генчик сказать не решился. Было в душе опасение: вдруг пистолет потеряет волшебную силу, если станешь хвастаться…

Но от Зои Ипполитовны Генчик ничего скрывать не собирался. Уж она-то имела право знать о волшебном секрете Фо-мушкиной игрушки (игрушки ли?). И заодно — о чемпионской меткости Генчика Бубенцова…

Из той телефонной будки, рядом с которой недавно он ободрал колени и локти, Генчик ежедневно звонил Зое Ипполитовне. Телефон отозвался лишь на четвертый день.

— Бубенчик! Ну вот я и вернулась!.. Что?.. Конечно, приходи! Без тебя скучно.

Генчик помчался на Вторую станцию, но Петю там не нашел. Пришлось пилить в Окуневку на трамвае. С обычной пересадкой в Зеленом квартале, у рыночной площадки.

И там судьба (а она — хитрая особа, любит всякие совпадения) снова послала навстречу

Генчику пятерых недругов.

— Гы-ы! Глядите! Опять «забинтованный»! — загоготали Гоха и Миха. Это они по привычке, потому что Генчик нынче был без бинта. Но в своей полюбившейся «горошистой» рубашке. По ней и выследили.

Оружие придает человеку уверенность. Но враги-то ничего про пистолет не знали. И радостно приготовились к охоте.

На случай этой встречи план у Генчика был готов заранее.

И страха Генчик не чувствовал. Было в душе кой-какое замирание, но скорее от азарта, а не от боязни.

— А ну, стой! — велел Круглый, вынув из слюнявого рта сигарету. Гоха и Миха поддернули рукава свитеров — для этого они взяли под мышки пластиковые бутылки с разноцветной газировкой. Бычок смотрел исподлобья и не двигался. У него тоже была газировка, он прижимал бутылку к груди.

Буся, как и раньше, был в пластмассовых очках Генчика. Он показывал зубы в тонкой мушкетерской улыбке. И покачивал клеткой со Шкуриком. Шкыдленок стоял в ней на задних лапах, а передними держался за прутья. Смотрел на Генчика

красными глазками.

— Иди сюда, мальчик, — вежливо сказал Буся.

Генчик показал им всем фигу. И — бегом в безлюдный переулок. Враги за ним. Все бежали не очень быстро. Круглому мешала полнота, Бусе — клетка со Шкуриком, остальным — тяжелые бутылки. А Генчик нарочно не отрывался от погони. Пистолет у него был в холщовой сумке с рисунком всадника и надписью RODEO. На правом боку.

Посреди переулка Генчик резко тормознул и повернулся. Встал, прочно расставив коричневые ноги в засохших царапинах. Выдернул оружие. Выхватил из кармана шарики. Руки сами работали: раз! два! три!..

Пятеро тоже остановились. Не от страха, от неожиданности. Поморгали, потом все, кроме Бычка, загоготали. Круглый затянулся сигаретой, сказал, отдуваясь:

— Гоха-Миха, давайте его сюда. Я вставлю ему сигарету и научу курить задом наперед… — И, конечно, он сказал, куда именно вставит сигарету. А пока заложил окурок за мясистое ухо.

Генчик твердо знал, что не промажет. И не промазал! Окурок, рассыпая искры, улетел в лопухи. Круглый схватился за ухо. Не оттого, что царап-

нуло, а просто с перепугу. Гоха и Миха одинаково открыли рты, бутылки в их руках повисли.

Щелк! Щелк! Из пробитого пластика ударили шипучие струи. Как из огнетушителей!

Бычок свою бутылку прижимал к полинялой клетчатой рубашке. И по-прежнему смотрел исподлобья. Генчик знал, что шарик насквозь бутылку не пробьет. А если и пробьет, в грудь Бычка ударит не сильно. Однако… они сошлись с Бычком взгляд во взгляд. В глазах у того не было ни страха, ни удивления. Была какая-то… непонятность.

Генчик опустил ствол. И дерганым, звонким от отчаянности голосом сообщил:

— Я вообще-то в людей не стреляю! Но, если полезете, врежу! Прямо между глаз! Потому что… это… необходимая оборона, вот! Лучше не приставайте! Никогда!..

— Чокнутый, — стараясь держаться с достоинством, заявил Буся. — Тебя кто трогал-то?.. Бутылки продырявил, псих…

Гоха (или Миха) вдруг поднял бутылку и начал хватать ртом ослабевшую струю. Его одинаковый дружок — тоже. Круглый отпустил ухо и зачем-то потрогал другое. Буся растерянно ухмыльнулся и покачал клеткой со Шкуриком. Снял очки и

почесал ими макушку. Щелк! — очки взлетели, как черная бабочка. Генчик не смог отказать себе в таком удовольствии. Затем он шумно (довольно пижонски) дунул в ствол, повернулся и пошел прочь. Не оглядывался. Но готов был мигом обернуться на шум погони.

Погони не было. Но Генчик чувствовал, как все смотрят ему в спину. И отдельно ощутил насупленный взгляд Бычка…

2

У Зои Ипполитовны Генчик провел несколько безмятежных дней. С утра до вечера. Помогал хозяйке наводить порядок в коллекции, вытирал пыль с глобусов, заморских раковин и фотографий на стенах. Чистил колокол (и время от времени ударял в него). Потом они привязали к рангоуту бригантины паруса.

А еще Генчик слушал новые истории о капитане Сундуккере.

Например, о том, как Фома Иванович разгадал тайну заброшенного маяка на маленьком норвежском острове, где якобы обитал дух злобного вождя викингов Олафа Беспощадного (на самом деле там любили собираться и выть бродячие коты). И о говорящем черно-желтом попугае,

которого капитан купил на рынке в Маниле. Попугай произносил фразы на неизвестном языке. Но капитан такой язык знал. Это был один из диалектов племени пагуасов с острова Тагио-Пойо (еще одно доказательство, что остров существовал). Попугай рассказывал о посещении острова крылатыми людьми с медными шарами вместо голов. Вероятно, это были гости с Марса или Венеры. Капитан об этом открытии написал в британскую газету «Морские известия». Но редактор отказался печатать «галиматью, которая оскорбит вкус и доверие добропорядочных читателей».

Тогда капитан научил попугая говорить по-английски, и эта образованная птица во всех тавернах рассказывала, какой редактор дурак.

Редактор «Морских известий» подал на капитана в суд. Суд приговорил Томаса Джона Сундуккера к штрафу в один фунт стерлингов. К более суровому наказанию судья прибегать не стал, потому что капитан сказал: «Я больше не буду». И затем никогда не учил попугая нехорошим словам о редакторе. Зачем, если умная птица и так уже все запомнила накрепко…

Дни стояли жаркие, Генчик часто прыгал под душем, а потом раскачивался на качелях — так,

что воздух делался будто шершавое полотенце!

— Посидел бы ты немножко спокойно, — говорила Зоя Ипполитовна. Потому что она продолжала рисовать портрет Генчика. Уже не карандашом, а медовой акварелью.

— Ладно, — соглашался Генчик. Но долго усидеть не мог, опять начинал мотаться туда-сюда. И при этом ухитрялся постреливать по разным мишеням, расставленным на поленнице и на поперечинах забора. По осколкам посуды, пробкам от графинов, крышкам от банок и всякой другой мелочи.

Про случай в переулке Генчик не рассказывал. Было у него подозрение, что такую стрельбу (даже в благородных целях самообороны) Зоя Ипполитовна не одобрит. Но стрельбу на дворе она вполне одобряла. Сказала однажды:

— Ты просто Вильгельм Телль.

— А это кто такой?

— Есть легенда про очень меткого стрелка, крестьянина из Швейцарии. Один местный владыка захотел, чтобы Вильгельм Телль доказал свою меткость и сбил стрелой из арбалета яблоко с головы собственного сына. Вильгельм яблоко сбил, но вскоре поднял восстание против тирана…

— И восстание победило?

— Насколько я помню, да. Впрочем, у легенды много вариантов. По одному из них написал трагедию знаменитый Фридрих Шиллер.

— Ага, знаю! Он еще про разбойников писал, я видел по телевизору…

— Да… Когда я была в твоем возрасте, то занималась в школьном драматическом кружке. И однажды мне пришлось играть роль этого маленького сына Вильгельма Телля…

— Но вы же были не мальчик!

— Ну, по характеру я не уступала мальчишкам. А кроме того, не было выхода, мальчишки заниматься в кружке не хотели. Даже Ревчика я не могла уговорить. Наша труппа оказалась совершенно «дамского» состава. Вильгельма и тирана играли две девятиклассницы. Кстати, очень рослые и довольно толстые…

— А та, которая Вильгельм, она по правде стреляла в яблоко на вашей голове?

— Н-ну… не совсем. Это был сценический эффект. Стрела летела повыше (к тому же была она с резиновым наконечником). А в это время — гроза, удар молнии, зрители моргают. Яблоко же режиссер дергает за нитку, идущую за кулисы… Я, конечно, не трусиха, но подставлять голову под стрелу этой… ее звали Маргарита Пузырина, она

красила губы, и я считала ее дурой. Стрелять она, разумеется, не умела…

— А если бы я?

— Что — ты?

— Ну… хотите попробовать? — загорелся идеей Генчик. — Я буду Вильгельм Телль, а вы мой сын. Вы положите яблоко на голову, а я…

— Ты это серьезно?! — Зоя Ипполитовна направила на Генчика взгляд. Поверх очков.

— А чего… Я же не промахнусь!

— Я думаю: не сыграть ли нам иную сцену…

— Какую?

— Когда сын болтает непотребные глупости и отец велит ему принести из рощи свежий длинный прут. Папой буду я.

Уверяю тебя, я отлично справлюсь с ролью. Жаль только, что, кроме Варвары, нет зрителей, некому будет награждать нас аплодисментами…

— Мисс Кнопперинг никогда так не поступала, — опасливо напомнил Генчик.

— Но мы же играем в Вильгельма Телля… А Фомушка, кстати, никогда не уговаривал мисс Кнопперинг быть подставкой в глупом и опасном опыте. Разве можно делать такие предложения пожилым дамам? Фи!

Генчик с веселой старательностью изобразил

раскаяние:

— Я больше не буду!

— То-то же… А если тебе так не терпится прострелить яблоко, возьми его на кухне и положи вон туда, на столбик у крана. Если попадешь, можешь взять его насовсем, как приз.

Генчик так и сделал. Выбрал в кухонном шкафу яблочко — небольшое, но аппетитное на вид. С длинным хвостиком. Положил на врытый в землю чурбак с привинченной водопроводной трубой. И пальнул издалека, с крыльца.

— Ага! Вот и промазал!

— Я?! Промазал?! Да я хвостик отстрелил! Чтобы яблоко не дырявить! — Генчик бегом принес яблоко на крыльцо. — Смотрите!

Хвостик был срезан по корешок.

— Бесподобно!.. Ты уверен, что это не случайность?

Генчик надулся. Почти всерьез.

— Ну, ладно, ладно! Вымой яблоко, съешь и утешься. А огрызок отдай Варваре. Она любит витамины… Кстати, капитан Сундуккер тоже был отличный стрелок…

— Вы уже рассказывали, — примирительно напомнил Генчик. — Он отстрелил пуговицы капитана Румба.

— Это что! Однажды в юности, во время войны в Америке, он стрелял с качающейся мачты. Вернее, с гафеля, который мотался туда-сюда, потому что шла сильная волна. И вот в таких условиях он ухитрился перебить из «кольта» флага-фал на вражеском судне, которое шло параллельным курсом, футах в ста от «Пумы», и готовилось к абордажу.

— Подумаешь! — Генчик натянул майку, чтобы не расцарапать пузо, и полез на яблоню. Толстая ветка, к которой был привязан шнур с беседкой, вполне могла сойти за качающийся гафель. А натянутая поперек двора бельевая веревка — за корабельный фал. Если шарик ее и не перебьет, все равно заставит задергаться.

Генчик лег животом на ветку, вскинул пистолет.

— Смотрите. Вон туда… А-а-а!

Нет, ветка не сломалась. Просто Генчик потерял равновесие. Земля вздрогнула.

— Господи боже! — Зоя Ипполитовна с неожиданной силой подняла «летчика» из травы. — Ты живой?

— Да живой я, живой… Майка вот только… за сучок зацепилась. И на брюхе царапина.

— Царапину мажь йодом сам, терпеть не могу

визжащих мальчишек. А мне принеси иглу и нитки, ты знаешь, где они…

Генчик принес. Вставил нитку в игольное ушко. И Зоя Ипполитовна, сидя на крыльце, принялась широко махать иглой. Очки ее сосредоточенно блестели. Генчик, с коричневой полосой на животе, опять болтался в веревочной беседке под яблоней. И развлекался с Варварой.

Варвара уже слопала витаминный огрызок и теперь носилась за искусственной мышью. Эту мышь смастерил для нее Генчик — из деревяшки, оплетенной мохнатым шпагатом. Чтобы мышь прыгала, Генчик постреливал по ней. После каждого попадания серый комок с длинным хвостом взлетал в воздух. Легкомысленная Варвара — за ним. Генчик опять — бах из пистолета. Мышка и кошка опять — прыг!

Зоя Ипполитовна поглядывала поверх стекол. Когда Генчик выбил мышку прямо из кошачьих когтей, нервы «пожилой дамы» не выдержали:

— Ты поранишь несчастному животному лапы!

— Я?! Никогда в жизни!

— Ты все-таки очень самоуверенная личность, Геннадий Бубенцов!

— А вы… неуверенная. Потому что никак мне

не верите… Ладно! Можно я возьму лист из вашего альбома?

— Пожалуйста…

— И иголку. На минуту…

Иглой Генчик приколол бумагу к забору.

— И нитки. Можно? И карандаш…

У крана он копнул кусочек влажной глины. Прилепил этой глиной катушку с нитками к листу. Торцом. Осторожно обвел катушку карандашом. Отошел на десять шагов.

Щелк! Бумага чуть вздрогнула, но катушка удержалась. Генчик подошел, дунул на нее. Катушка упала и запуталась белой ниткой в подорожниках.

А на листе точно в центре карандашного колечка чернела ровная дырка.

ДУХ КАПИТАНА

1

Зоя Ипполитовна и Генчик пили на кухне чай с ванильными сухариками. И рассуждали про меткую стрельбу.

Г енчик честно сказал, что это не его заслуга.

— Ну, может, немножко и моя. Но главное дело в шариках. Наверно, они с каким-то инопланетным свойством. Улавливают человеческую мысль и летят куда надо.

— Ох и фантазер ты, Бубенчик! Совсем как я в юные годы…

— Почему фантазер? Вы же сами видели, какая точность!

— Видела, видела… Но возможно, что секрет не в шариках. Вернее, не только в них…

— А в чем?

Очки Зои Ипполитовны блеснули с загадочной странностью.

— Может быть… в пистолете живет дух капитана Сундуккера. А?.. Или хотя бы капелька его духа…

Генчик перестал болтать ногами. Ведь и у него

раньше были похожие мысли. Но сейчас он изобразил сомнение:

— Разве духи бывают по правде?

— Кто их знает. Порой я почти уверена, что да… Видишь ли, все больше ученых склоняется к мысли, что человеческая душа бессмертна…

— Одно дело душа, другое — дух, — возразил Генчик. И, сам не зная отчего, насупился. А по желобку вдоль спины — царапающий холодок.

— Ты прав… Но не исключено, что дух — это частичка души. Как бы ее представитель для контактов с живыми людьми, а?.. Дух может поселяться в разных вещах, обитать в доме. Может и беседовать с тем, с кем захочет… Ну, чего ты вздрагиваешь! Разве это страшно? Дух доброго человека не может быть злым…

— Я не вздрагиваю! То есть… это от щекотки. Варвара ходит там, об ноги трется. Брысь…

Очки Зои Ипполитовны заискрились чуть насмешливо. Генчик все решил обернуть шуткой:

— А если он есть, этот дух, значит, вы его встречали? Вы же сами говорили, что он бродит по дому!

— Я не встречала, но… слышала. Как потрескивают половицы, как вздыхает и покашливает пожилой мужчина…

У Генчика — опять мурашки. От пяток до затылка. Он зябко потер свои ребристые бока. Хихикнул:

— А вы бы спросили: «Фома Иваныч, это вы?..»

— Видишь ли, дорогой мой… духи не отзываются на простые оклики. Чтобы вызвать их на разговор, нужно выполнить много условий. Есть про это специальная наука, называется «спиритизм».

— А, знаю! Ленка рассказывала! Они с подругой Анжелой и с другими девчонками однажды этим занимались! Хотели дух Юлия Цезаря вызвать, чтобы он помог им экзамен по истории сдать. Только явился не дух, а отец Анжелы и сказал: «Чтобы духа вашего здесь не было…»

— В таком деле никто не должен мешать. И надо относиться к этому со всей серьезностью. Люди, которые давно умерли, не любят легкомыслия…

— Зоя Ипполитовна! — Генчик поддался настроению. — А может, капитан Сундуккер не умер? Вдруг он уплыл в какое-нибудь не наше пространство? В параллельное! Или с инопланетянами улетел…

— Ты опять расфантазировался, голубчик… Впрочем, ничего не известно… Открыл ли он свой полюс? Где и когда окончил свои дни… Только

есть сведения, что первая попытка умереть кончилась у капитана провалом.

— Как это?

— Было это после Русско-японской войны. Где-то в Индокитае. Фома Иванович подхватил жестокую лихорадку и почуял, что ему приходит конец. Позвал в каюту всю команду и стал слабым голосом говорить прощальные слова. Но тут… появилась мисс Кнопперинг!

— Как?! Она все еще была жива?

— Это загадка. Была ли это она собственной персоной или только ее дух — не понять. Но так или иначе она появилась среди роняющих слезы моряков. И ударила зонтиком по каютному столу. Надо сказать, для духа довольно крепко ударила, стаканы подскочили.

«Эт-то что такое! Негодный мальчишка! Кто тебе разрешил умирать? Немедленно прекрати эти глупости!»

Капитан с перепугу сел в постели. Жар у него мигом исчез.

«Я больше не буду…» — прошептал он. А колокол над полубаком звякнул сам собой, подтверждая эти слова.

Мисс Кнопперинг сердито хмыкнула и удалилась. А капитан закричал посвежевшим голосом:

«Что здесь за собрание?! Быстро готовить судно к отходу!..»

Генчик засмеялся и опять болтнул ногами. Кошка Варвара обиженно ушла из-под стола. Зоя Ипполитовна тоже засмеялась.

— Возможно, это просто легенда. Как было на самом деле, мы никогда не узнаем.

— Зоя Ипполитовна!

— Что, голубчик?

— А вы… не пробовали вызвать капитанский дух? А?.. Можно было бы про все расспросить!

Признаться, я… думала об этом. Не раз. Но как-то не решалась. Неловко было… К тому же такими делами не занимаются в одиночку. А кто станет помогать выжившей из ума старухе…

— Опять вы про свое!

— Ну, посуди сам. Ты — всего лишь второй человек, который всерьез слушает истории про капитана. Первый был Тима Ревчик. Но где он сейчас…

— Но я-то… — тихо сказал Генчик. — Я-то вот он. Здесь…

— И ты думаешь… нам следует побеспокоить дух Фомы Ивановича?

— Пуркуа па? — дурашливо отозвался Генчик. А по коже — опять холодные колючки. Третий раз.

— Ну, что же… — Зоя Ипполитовна задумчиво тронула шарик на кончике носа. — Возможно, об этом стоит поразмыслить…

— А что размышлять-то?! — Генчик выбрался из-за стола. — Давайте прямо сейчас!

— Бубенчик! Какое ты нетерпеливое чадо… Я же объяснила: это весьма ответственное дело. Оно требует подготовки и соблюдения всяких правил.

— Каких?

— Прежде всего это три «пол»…

— Натереть пол? Ладно, я сейчас!

— Ох, да подожди ты! Я говорю про три условия, которые начинаются с этих трех букв — ПОЛ… «Полнолуние», «полночь», «полусвет»… То есть приступать надо, когда пробьет двенадцать и когда в небе самая круглая луна. И делать все не при электричестве (духи его не выносят), а при свече или керосиновой лампе…

— Ух ты… — тихонько обмер Генчик. От ожидания тайны.

— Да… Ну, мы, пожалуй, зажжем корабельный фонарь, капитану это понравится… А когда у нас полнолуние? — Зоя Ипполитовна чуть не клюнула носом отрывной календарь над столом. — Ого, скоро. Через двое суток. А что касается полуно-

чи… Тебе разрешат переночевать у меня? Под каким-ни-будь предлогом…

— Я скажу, что у вас повысилось давление и вы боитесь быть одна!

— Тьфу-тьфу-тьфу… Обманывать, конечно, плохо, но что делать? Если сказать настоящую причину, сумасшедшими сочтут нас обоих. Надеюсь, ты никому не проболтаешься о наших планах?

2

Конечно, Генчика отпустили. Мама даже дала для Зои Ипполитовны таблетки «папазол» — чтобы снижать давление.

Петя Кубриков (счастливый после примирения с Еленой) охотно отвез Генчика на Окуневский берег. И по дороге признался, что пишет новый рассказ. Фантастический.

— Про визит летающих тарелок в городской парк.

— А чего тут фантастического? Они все время над городом болтаются. И плюхаются куда ни попадя…

— Да! Но я там придумал такое… Вот прочитаешь — убедишься.

— Ладно, — не стал спорить Генчик. И подумал,

что сегодня в полночь его ждет фантастика почище всяких инопланетян.

До полуночи время шло очень-очень неторопливо. Но Генчик не испытывал досады. Во всем ощущалась какая-то особая значительность. Словно дух капитана Сундуккера уже незримо присутствовал в доме — ждал момента, когда можно будет объявиться.

Зоя Ипполитовна и Генчик разговаривали вполголоса.

Прогремел по мосту через овраг последний трамвай. Солнце ушло за кусты. Круглая луна выкатилась над забором. Она была розовая и такая раздутая, что вот-вот лопнет. Но скоро ее закрыли плотные облака. Стало темно и душно.

— Как же без луны-то? — прошептал Генчик.

— Это ничего. Главное, что по календарю полнолуние… А то, что гроза, — даже лучше.

— Но ведь в атмосфере электричество. Духи его не любят.

— Не любят в лампочках. А в погоде — наоборот…

Гроза обкладывала «Бермудский треугольник». С трех сторон. Вдали погромыхивало. Лиловые вспышки старались раздвинуть тучи. Поезда на близкой насыпи тоже проносились с грозовым

гулом. А в листьях — ни единого движения.

В шерсти у кошки Варвары потрескивали искры, когда она щекочуще терлась о ноги Генчика.

Надо сказать, что полубродячая Варвара испытывала к Генчику симпатию. Давала себя гладить, садилась к нему на колени и сделалась более домашней.

— Ты влияешь на нее благотворно, — говорила Зоя Ипполитовна.

Сейчас Варвара жалась к Генчику, словно тоже чуяла чье-то таинственное присутствие.

За полчаса до полуночи Зоя Ипполитовна зажгла пузатый керосиновый фонарь и выключила во всем доме лампочки. При желтом полусвете фонаря все сделалось другим. Зарницы за окнами — ярче, отдаленные раскаты — суровее, скрип половиц — отчетливей. А в груди и животе у Генчика нарастало замирание.

Встречу с духом готовили, конечно, в той комнате, где коллекция. Слабо искрилась медь подзорных труб, кольца на глобусах и бронзовая рама. На портрет Генчик старался не смотреть. А когда все же не выдерживал и бросал взгляд, казалось, что капитан Сундуккер следит за ним совершенно живыми глазами.

Может, дух уже сидел в этом портрете наготове?

Конечно, бояться было нечего! Дух доброго капитана не может быть злым, ничего плохого он не сделает. Генчик мысленно повторял это все время. Но одно дело — разумные мысли, а другое — чувства. И чем ближе к полуночи, тем сильнее обмирал Генчик. Не только от страха. Еще и от ожидания тайны.

И ни за что на свете не согласился бы он отказаться от встречи с духом капитана.

— Зоя Ипполитовна… Он покажется в натуральном виде? Или только голосом откликнется?

— Думаю, что ни то, ни другое. Мы будем общаться письменно.

Очки Зои Ипполитовны блестели таинственным азартом. Она стала… немного не такой. Непривычной. Может, в ней, как в пистолете, ожила капелька таинственного духа капитана?

Услыхав, что в полном облике капитан не появится, Генчик слегка расстроился. Но и приободрился.

Зоя Ипполитовна расстелила на столе белое полотенце.

— Строго с юга на север, — сообщила она. — Вдоль магнитного меридиана. Это тоже одно из

условий.

— А не повредит, что уже не три, а четыре «пол»? — шепотом обеспокоился Генчик.

— Что ты имеешь ввиду?

— «Полотенце» ведь тоже «пол»…

— А! Ну, я думаю, это не помешает…

На полотенце она поставила совершенно белую тарелку. По ее краю были наклеены вырезанные из газеты крупные буквы. Весь алфавит.

Генчик хлопал глазами.

— Это для чего?

— Скоро поймешь… — Посреди тарелки Зоя Ипполитовна водрузила половину картофелины с воткнутой в нее вязальной спицей. Спица поблескивала и торчала вертикально. Словно антенна.

Потом Зоя Ипполитовна взяла листик бумаги — небольшой, как из записной книжки. Сложила его крест-накрест, расправила снова. Бумага слегка горбилась на сгибах, словно крыша игрушечного домика.

Зоя Ипполитовна фломастером нанесла на край листа синюю черту. Потом серединой, где перекрестье сгибов, аккуратно положила листок на острие спицы. Бумажная «крыша» покачалась и замерла.

— Теперь слушай внимательно, Генчик Бубен-

цов… После полуночи эта вертушка закрутится. Должна… И над некоторыми буквами она будет на миг останавливаться. Как бы запинаться чертой. Эти буквы ты станешь записывать. Они сложатся в слова… Ты понял?

— Ага… — выдохнул Генчик.

— Хорошо… А сейчас — еще одно. Тоже важное условие…

Из облезлой старинной тумбочки Зоя Ипполитовна достала большущий квадратный конверт. Из него вынула черный диск. Пластинка! Генчик издалека догадался — древняя!

Зоя Ипполитовна поднесла пластинку к фонарю, что потрескивал фитилем на краю стола. Дала подержать.

— Только осторожно, она бьющаяся.

— Ага… Ух и тяжелая…

— Да. И очень старая, тысяча девятьсот третьего года. Смотри, звуковая запись только с одной стороны.

Оборотная сторона пластинки была украшена оттиском: пышноволосая дама обнимала ящик с похожей на духовой контрабас трубой. По дуге шла надпись: «Граммофонъ. Сирена-рекордъ». Такая же дама с трубой и надписью была на розовой лаковой этикетке — только маленькая и

золоченая. Золочеными же буквами там было напечатано: «Арія Варяжска-го гостя. Исп. солистъ имп. оперы А.И. Семеновъ».

— Семенов был знаменитый бас, — полушепотом объяснила Зоя Ипполитовна. — Почти такой же известный, как Шаляпин… Капитан очень любил слушать в его исполнении эту арию. Она же морская… Думаю, и сейчас его духу она будет приятна. Создаст нужную атмосферу…

— Но ведь нужен граммофон. Такой, как тут на картинке, — тихонько возразил Генчик. — Разве у вас он тоже есть?

— К сожалению, нет. В семействе Сундуковых было немало граммофонов, но ни один не дожил до наших дней… Однако есть нечто другое. Не столь старинное, но все-таки…

Она вышла из комнаты и вернулась с потертым синим чемоданчиком.

— Патефон, — догадался Генчик. — Я видел такие, только покрупнее…

— Это патефон-подросток, если угодно. Однако звучит вполне со взрослой силой. Сейчас услышишь…

Патефон поставили рядом с фонарем. Зоя Ипполитовна вставила и покрутила ручку. В чемоданчике что-то ожило, шевельнулось.

Вдвоем они осторожно положили пластинку на покрытый голубым сукном круг. Зоя Ипполитовна двинула рычажок, опустила на край завертевшегося диска мембрану — такую никелированную головку с игольчатым клювом.

Зашипело в полутемной комнате. Загудела музыка оркестра. И вдруг живой густой голос запел с могучим вздохом:

О скалы грозные дробятся с ревом волны
И с белой пеною, крутясь, бегут назад,
Но гордо серые утесы
Выносят волн напор, над морем стоя…

Генчик даже слегка присел под напором этого баса. Потом невольно глянул на портрет. Лицо капитана Сундуккера было внимательным и строгим.

…Ария кончилась. Смолкли последние аккорды. Навалилась тишина, только за окнами глухо рокотало.

— Да, сила… — почтительно сказал Генчик. — Так здорово поет… Хотя и с шипеньем, но все равно будто наяву. Будто прямо тут…

Зоя Ипполитовна аккуратно спрятала пластин-

ку в конверт.

— И вот что удивительно, Генчик… Когда звукозапись на современных дисках или кассетах — это понятно: всякая там электроника, магнитные поля, чудеса нынешней физики. Но здесь-то! Ведь это же просто раскатанный в блин кусок твердого асфальта с нацарапанными тонкими бороздками. Чисто механическими. По сути дела, совершенно неживая вещь. Но целый век она хранит в себе голос человека, которого давно нет на свете. И оживает под действием простой пружины и маленькой иглы… Ты меня понимаешь?

— Да, — прошептал Генчик. — Голос… он ведь почти что дух, да? Значит… и дух может жить в неживых вещах…

— Умница!

— И, значит, его можно вызвать, как голос…

— Если постараться…

— Мы постараемся… Ой! — Это в закрытую дверь сильно зацарапались. — Это Варвара!

Варвару незадолго до того выставили из комнаты, чтобы не мешала. Но ей, видимо, очень хотелось побыть на спиритическом сеансе.

— Непоседа… Лучше впустить, а то не даст покоя и все испортит, — решила Зоя Ипполитовна.

Генчик с удовольствием впустил.

— Только веди себя смирно…

— Мр-р… — согласилась Варвара и выгнула спину. Потерлась. Электрические искры кольнули Генчику ноги. Да, атмосфера…

— Ой, уже без двух двенадцать!

— Сейчас… сейчас…

Старые часы (те, что держал в лапах деревянный орел) в соседней комнате начали с дребезжаньем отсчитывать полуночные удары. У Генчика опять замерло в животе. Огонь фонаря качнулся. Варвара прыгнула на подоконник и притихла там рядом с антильской раковиной…

Прогудел последний удар. Эхом отозвался за окном полночный поезд. А эхом поезда — накатившийся гром (и ярко вспыхнуло за стеклами).

— Начали? — одними губами спросил Генчик.

— Да… Нет, постой. Еще одно дело. Ударь-ка, голубчик, в колокол. Но негромко, чуть-чуть…

Генчик звякнул. Слегка. Но медный гул все равно разнесся по дому. И снова эхом отозвалась гроза…

— А теперь, мальчик, ступай сюда.

Генчик на подрагивающих ногах подошел. С замершим дыханием. Зоя Ипполитовна за плечо придвинула его к себе. Генчик сквозь свою горошистую рубашку ощутил, какая холодная у нее

ладонь. Или наоборот — горячая? Не разберешь, озноб или ожог.

— Вот бумага. Возьми карандаш. Будешь записывать буквы, над которыми остановится стрелка.

— Ага…

Зоя Ипполитовна обратила очки к портрету. Сказала негромко, но очень значительно:

— Уважаемый капитан. Мы, ваши друзья, просим вас: обратите на нас благосклонное внимание. Ответьте на вопросы. Мы заранее благодарны всем сердцем. — Затем она протянула обе ладони поверх листка на спице.

Квадратная вертушка сперва была неподвижна. Потом… дрогнула. Сильнее. Повернулась. Синяя черточка медленно пошла над буквами по краю тарелки. И вдруг споткнулась!

— «Я»… — нервно шепнула Зоя Ипполитовна. — Пиши.

— Ага. «Я»…

— «Эс»… «Эл»… «У»…

— Ой… «Я слу…»

— Он слушает! — И Зоя Ипполитовна возгласила приглушенно, но торжественно: — Капитан Сундуккер. Откройте нам: где, когда и как вы закончили свои земные дни?

Вертушка опять побыла в неподвижности. Затем:

— Пиши. «Э»… «тэ»… Еще «тэ»… — Зоя Ипполитовна шептала над Генчиком горячо и прерывисто. А гроза рокотала…

— Получается какой-то «эттайн», — прошептал Генчик.

— «Это тайна»… Духи любят говорить сокращенно… Капитан, извините нас! Мы не собираемся без спросу проникать в ваши тайны. Но, может быть, вы скажете: удалось ли вам открыть свой полюс?.. Пиши, Генчик! «Дэ»… «А»…

— «Да»! Ему удалось!

— Тише, голубчик… Уважаемый капитан. Можно узнать, что это за полюс?

На сей раз вертушка долго подрагивала, но не крутилась. И наконец:

— «Дэ»… «О»… «Эр»… «А»… «Бэ»…

— Какой-то «дораб»…

— «Добра», Генчик. Он говорит: полюс Добра…

— Это где такой? — И Генчик не удержался, опять глянул на портрет. В глазах капитана мелькнула усмешка.

— «Вэ»… *«Эн»… «А»*…«Эс»… Генчик, он говорит: в нас…

В этот миг за окнами сверкнуло и грохнуло изо

всех сил: гроза наконец подобралась вплотную. Генчик подскочил. Варвара метнулась с подоконника. Фонарь замигал — вот-вот погаснет. Согнутый бумажный листок слетел со спицы.

— Все, — громко сказала Зоя Ипполитовна. Шагнула от стола, щелкнула у косяка выключателем. Электрический свет сразу прогнал всю сказочность.

— Значит, больше ничего не будет? — огорчился Генчик.

— Увы… По крайней мере, сегодня — ничего. Природа вмешалась и прервала сеанс… — Зоя Ипполитовна была тоже расстроена. Она вся както обмякла, словно захворала. Присела к столу, облокотилась.

Тогда Генчик утешил ее. И себя:

— А чего горевать! Кое-что мы все-таки узнали!

— Что узнали, голубчик? Капитан Сундуккер не настроен делиться своими тайнами.

— Но он же сказал про полюс Добра!

— Ох, мальчик мой… По-моему, это просто отговорка. Капитан не сообщил ничего нового. О том, что существует полюс Добра и что каждый человек должен открыть его в себе самом, известно давным-давно. Об этом писали многие

философы еще в древности. И капитан знал обо этом с детства. И мы с Тимой Ревчиком знали… Ревчик даже стихотворение сочинил:

Его откроем, этот полюс, — я и ты.
В сердца войдут меридианы доброты
И, как на глобусе, в одной сойдутся точке…
Тогда наступит вечный век весны:
Не будет злости, горя и войны…
Планета сбросит страха оболочку,
И он растает, как дурные сны…

Он очень славные стихи писал. Многие даже сулили ему судьбу известного поэта… Но он предпочел, как говорится, не крылья вдохновения, а крылья в полном смысле…

— Это ведь тоже хорошо, — осторожно сказал Генчик.

— Хорошо, хорошо. Не спорю…

— По-моему, вы зря так сильно расстроились…

— Я не сильно… Жаль только, что мы ничего не узнали.

— Мы узнали самое главное! Что дух капитана Сундуккера есть!

— Ну, насчет этого у меня и раньше не было

сомнений… — Зоя Ипполитовна приободрилась.

— А у меня были, — признался Генчик.

— А теперь нет?

— Не-а…

— Ну, тогда славно! — Зоя Ипполитовна встала и сделалась прежней. — Будем считать, что основная цель достигнута… Ух, как расходилась непогода!

За окнами трубно ревел ливень. Этот шум даже заглушал близкие раскаты грома.

— Наверно, нам пора укладываться, Бубенчик?

— Пора… — вздохнул он. И покосился на окно.

— Надеюсь, ты не боишься спать при грозе?

— Вот еще! — И Генчик подумал, что в крайнем случае можно спрятать голову под одеяло. А то и под подушку.

Зоя Ипполитовна спала в комнате рядом с кухней. А Генчику постелила в большой, где модель бригантины. На раскладушке.

Едва Генчик лег, как в ногах у него устроилась Варвара. Нахально так, будто ее приглашали. Генчик читал где-то, что кошачье электричество может притянуть молнию. Но прогнать Варвару постеснялся.

Впрочем, гроза уже затихала. Ливень разом прекратился, за окнами шуршал мелкий дождик.

Гремело теперь в отдалении, сверкало не сильно. Так что прятать голову Генчик счел излишним. И даже открыл форточку. Сразу запахло мокрыми листьями.

Скоро в разрывы туч пробился лунный свет. Он был теперь не розовый, как вечером, а серебристый с голубизной. Лучи прошли сквозь листву и стекла, отразились в зеркале и упали на паруса модели.

Бригантина «Я больше не буду» словно засветилась изнутри. Это было еще одно сегодняшнее волшебство.

Корабль вырастал, надвигался на Генчика, но не угрожающе, а ласково, словно обещал хорошую сказку. Окутывал мерцающим светом парусов. Паруса шелестели, шептали что-то. Генчик догадывался, что…

Не забыть бы утром, после сна…

ПЛАВАНИЕ

1

Генчик не забыл…

Он проснулся рано, однако Зоя Ипполитовна поднялась еще раньше. На кухне фыркал чайник, позвякивали ложки и блюдца.

Генчик прыгнул к двери.

— Зоя Ипполитовна! Знаете, что мне ночью придумалось?

— Во-первых, доброе утро. Во-вторых, ты мог бы в начале дня предстать перед дамой в более достойном обличии, умытым и одетым…

— Ладно, щас предстану. Только сперва скажу, а то не терпится… Зоя Ипполитовна, почему мы не поставили бригантину под портретом? Она ведь уже готова!

— Да, ты прав. Пора. Но… — Зоя Ипполитовна вдруг пригорюнилась. — Честно говоря, мне это не очень хочется. Даже страшновато как-то…

— Почему?!

— Видишь ли… Я строила бригантину несколько лет. Это было мое главное дело. А теперь все закончено. Что дальше-то? Наверно, ложиться

да помирать!

— Ну что вы такое придумываете!! — Генчик возмущенным чертиком запрыгал на пороге. — Как вам не стыдно! Я для этого, что ли, помогал вам?!

— Успокойся, успокойся… Я же это так, в переносном смысле. Просто мне печально, что весь интерес позади.

— Да ничуточки он не позади! Я про это и хочу сказать! Наоборот, сейчас самое начало!

— Это как же понимать?

— Так и понимать! Корабль для чего строят-то? Чтобы он плавал! Значит, нужно испытание!

— Постой, постой… Но это же настольная модель. Она не рассчитана…

— Как же не рассчитана? Она ведь в точности как настоящая, только маленькая!.. Или боитесь, что в корпусе будет течь?

— Ну нет! Корпус у нее вполне добротный. Просто мне не приходило в голову… Согласись, я уже не в том возрасте, когда пускают кораблики…

— Но я-то в том! Я буду пускать, а вы смотреть!.. И получится, что капитан Сундуккер продолжает свои плавания.

— Гм… Все это соблазнительно, однако…

— Что?

— Чтобы судно было устойчиво на воде, нужен балласт...

— Загрузим! Люки-то есть!

— Обычно в модель насыпают свинцовую дробь. А где ее взять?

— Не обязательно свинцовую! Я наберу в овраге шариков, они тоже тяжелые!

Некоторое время Зоя Ипполитовна еще сомневалась. А вдруг с моделью что-нибудь случится? Вдруг на берегу соберутся любопытные и скажут: окончательно выжила из ума старуха!.. А если хулиганы разбомбят бригантину камнями?.. А если ее унесет ветром?

Генчик лихо разбивал это опасения.

Модель построена на славу, выдержит все испытания!

Испытывать можно рано утром, когда берега пусты. Или попросить Петю Кубрикова отвезти их на середину озера. Там — ни любопытных, ни хулиганов. Он же, Петя, на своей моторке догонит модель, если та попробует уплыть...

Наконец Зоя Ипполитовна сдалась. Конечно же, ей самой тоже хотелось увидеть бригантину в плавании. Но впутывать в это дело старшего спасателя Кубрикова она отказалась.

— Хватит нас двоих. Я знаю одно безлюдное ме-

стечко за старым кирпичным заводом. Когда еще у меня не было стиральной машины, я полоскала там белье. В давние молодые годы…

Испытание назначили на следующее утро. Генчик опять остался ночевать. Вечером он и Зоя Ипполитовна через грузовой люк насыпали в трюм балласт — несколько пригоршней тяжелых «инопланетных» шариков. Генчик набрал их в овраге днем — вместе с девочкой Сашей.

— Куда тебе столько? — удивлялась Саша.

— Город украшать. И пружинчиков награждать…

Генчик не мог рассказать про модель — не его тайна. Может быть, потом он уговорит Зою Ипполитовну показать Саше бригантину. А первое испытание — без посторонних…

Зоя Ипполитовна зарядила старый аппарат «Смена». Показала Генчику, как устанавливать расстояние для съемки, где нажимать.

— Потом мы напечатаем большие снимки. И один повесим в рамке рядом с портретом. Те, кто не знает, будут думать, что это фотография настоящей бригантины. А то обидно: ни одного изображения судна капитана Сундуккера не сохранилось.

— Это ведь, наверно, не очень честно, — нере-

шительно возразил Генчик. — На самом-то деле это лишь модель…

— Ну, во-первых, никого, кроме нас, здесь не бывает. А во-вторых… почему же нечестно? Здесь не обман, а творческое воображение.

Генчик вспомнил Петю Кубрикова и согласился.

Шарики в трюме они сверху залили стеарином, чтобы балласт во время качки не смещался в сторону. Именно из-за таких смещений не раз гибли в море настоящие корабли.

2

Спал Генчик неважно, слишком чутко. Мешали часы. Прошлой ночью он их не слышал, а нынче просыпался каждый раз, когда звучал скрипучий бой.

Но досады у Генчика не было. И удары часов, и свет луны за окном, и всякие скрипы и шорохи волновали Генчика, словно подкравшаяся вплотную сказка.

А еще волновали мысли о завтрашнем испытании. Казалось бы — что особенного? Ну спустят модель на воду. Ну посмотрят, как скользит она под ветерком недалеко от берега. Ну пощелкает Генчик аппаратом… Но нет! Было у него предчув-

ствие, что плавание бригантины — это какой-то особый момент в жизни. Будто что-то изменится после него. А в какую сторону изменится? В хорошую? Или наоборот?

«А с чего наоборот-то? — успокаивал себя Генчик. — Ведь до сих пор все было хорошо! И будет еще лучше…»

Но тревога все же царапала его. Впрочем, непонятно, чего в ней было больше: беспокойства или радостного ожидания.

Ночь стояла безоблачная, луна светила изо всех сил. И ярче, чем вчера, были высвечены паруса бригантины. Иногда чудилось, что они шевелятся…

А тут еще Варвара! Сперва долго шастала по углам, потом улеглась в ногах, но продолжала возиться: чесалась и мыла себя за ухом растопыренной лапой. Но даже когда она успокоилась, Генчику слышались в доме осторожные шаги. Может, и правда дух капитана Сундуккера бродил по комнатам?

Наконец Генчик уснул. И увидел девочку Сашу. Будто он собирается в плавание на бригантине (большой, настоящей), а Саша говорит ему в ухо теплым шепотом:

— Пожалуйста, ну пожалуйста, будь осторож-

нее…

Генчик ей обещает. Ему неловко, что Саша при всех так заботится о нем. На пристани много народа: и Зоя Ипполитовна, и Петя Кубриков, и капитан Сундуккер. И мальчик в матроске — то ли Федя Карасик, то ли Тима Ревчик. И много незнакомых людей… И здесь же Козимода. Просит:

— Возьми м-ме-еня! Я ум-ме-ею плавать…

Генчик понимает, что нельзя брать Козимоду, но и отказать неловко…

Чем там все кончилось, неизвестно. Сон скомкался и оборвался.

Проснулся Генчик в половине шестого. Зоя Ипполитовна была уже на ногах.

— Пора, мой друг, пора… Трубят попутные ветра. — Она держалась бодро.

Генчик — тоже для бодрости — умылся на дворе под тугой струей из крана. Бр-р… Но сразу исчезло желание поваляться еще под одеялом.

Наскоро позавтракали бутербродами и кофе. Настроение у Генчика делалось все лучше. Он даже начал напевать:

Ты — ковбойша, я — ковбой,
Хорошо нам жить с тобой…

— Ты имеешь в виду себя и меня? — осведомилась Зоя Ипполитовна.

— Ага! — с дурашливой дерзостью согласился Генчик. И подскочил от новой удачной мысли: — Зоя Ипполитовна! Надо взять на берег патефон и пластинку! Это же здорово будет — спустим бригантину на воду под любимую песню капитана!

— Гм… Идея неплоха. Однако…

— Ну, какое «однако»? Вы все время чего-то боитесь!

— Я боюсь, что бас солиста императорской оперы Семенова привлечет ненужных зрителей.

— В такую-то рань? Да все еще дрыхнут без задних ног!

— Геннадий Бубенцов! Когда вы, сударь, научитесь прилично разговаривать с дамами?

— Скоро… Значит, я отнесу патефон и пластинку в машину!

— Только осторожно. Пластинка — большая редкость. И очень хрупкая…

Бригантину «Я больше не буду» тоже отнесли в «Запорожец». Даже с балластом она была совсем не тяжелая. Генчик представил, как заскользит она, отражаясь в гладкой воде.

Сплетенный из синего проводка пружинчик стоял на капитанском мостике, держась за тонкий

медный поручень. Он прижился на бригантине и, видимо, ощущал себя командиром судна.

Модель с подставкой осторожно поместили на заднем сиденье. Генчик устроился рядом — чтобы придерживать. И «Запорожец», фыркая и дрожа, через туннель под насыпью выкатил с «Бермудского треугольника».

Путь был недалекий. На средней скорости ехали минут десять. По травянистой колее машина обогнула красное здание с пустыми окнами — заброшенный кирпичный завод. И остановилась на песке в нескольких метрах от воды.

Генчик стряхнул сандалии, босиком выбрался из машины.

Песок был плотный и прохладный. Желтый. От завода на него падала синяя тень. Она немного не достигала воды. Из глубины тени понизу тянул к озеру ветерок, шевелил торчащие из песка одинокие травинки. Щекотал ноги — пушисто, как кошка Варвара.

— Утренний бриз, — с удовольствием сказала Зоя Ипполитовна. Она тоже выбралась из кабины, сняла очки и щурилась на воду. Вода у берега была серебристая, с солнечной рябью, а вдали — вполне голубая. Словно в нее не спускали отходы электростанция и фабрика «Валентина».

Впрочем, озеро и вправду было не очень грязным. Купаться не запрещали, и рыба водилась. Несколько рыбачьих лодок неподвижно чернели на середине воды…

— Ну, что, Генчик-Бубенчик? Приступим?

— Ага! — И Генчик вдруг осип от волнения. Закашлялся. Потом вспомнил: — Ой, а пластинка-то…

— Доставай… Но давай заведем патефон в кабине, чтобы не очень громко. Капитан Сундуккер услышит и так. А посторонним слышать ни к чему…

— Ладно! Хотя тут совсем пусто… А если кто и придет, что такого? Подумают: мальчик сделал модель и пускает ее. А бабушка… то есть взрослая родственница следит, чтобы не пристали хулиганы.

На самом деле, думая о недругах, Генчик уповал не на «бабушку», а на оружие. Пистолет лежал в открытой сумке, а та — в машине, у дверцы…

Патефон поставили на переднее сиденье. Генчик бережно развернул пластинку (квадратный конверт был упакован в теплый платок).

Завели пружину. С должным вниманием послушали, как «о скалы грозные дробятся с ревом волны». На самом деле никаких волн не было,

но суровая музыка и голос из прошлого сделали свое дело — внесли в происходящее долю торжественности. И когда ария кончилась, Генчик и Зоя Ипполитовна разговаривали шепотом, словно капитан Сундуккер незримо присутствовал на берегу.

— Зачем ты раздеваешься? Достаточно зайти в воду по колено.

— Чтобы отпустить — достаточно. А ловить как? Ветер-то с берега.

— Мы привяжем нитку…

— Ну, что вы! Бригантина на привязи! Это даже… как-то неприлично.

— Ты прав…

— И снимать ее надо из воды, от самого уровня. Чтобы паруса были на фоне облаков. Тогда получится как настоящая…

— Ты прав, ты прав, Бубенчик… Но вода-то, наверно, еще холодная.

— Я закаленный!

Конечно, он был закаленный. Но все же вздрогнул, когда вошел в воду выше колен. Она ой как остыла за ночь! Генчик завизжал, заплясал среди брызг и плюхнулся пузом — чтобы уж сразу! Потом выскочил — блестящий, дрожащий и веселый.

Зоя Ипполитовна с бригантиной на руках укоризненно вскрикивала из-за парусов:

— Я же говорила! Говорила! Вылезай сию же минуту!

— Нет! Я сейчас притерплюсь! — Генчик опять бухнулся с головой, побарахтался с пол минуты. И в самом деле прогнал из тела холод. Только слегка покусывало кожу.

Генчик выскочил на берег, схватил фотоаппарат и опять в воду! По грудь.

— Зоя Ипполитовна! Спускайте бригантину! Она пойдет прямо на меня. Крутой бакштаг! — Он уже разбирался в курсах и галсах парусных судов.

Зоя Ипполитовна храбро засучила на жилистых икрах широкие брючины. Стряхнула домашние шлепанцы. Опять взяла модель и вошла в воду.

— Спускайте! Я ее сниму, а потом поймаю. И приведу обратно.

— Дай-то бог… — Зоя Ипполитовна с моделью нагнулась над водой.

Чуть не обмакнула киль. Задержалась.

— Бубенчик! Такой торжественный момент… Обычно в эту минуту о нос корабля разбивают бутылку шампанского…

— Ну, давайте и мы разобьем! Как будто!.. Трах-

бум! Поехали!

И бригантина «Я больше не буду» коснулась днищем воды.

Она отразилась в озере, как настоящий корабль. Гордая, стройная, одетая парусами. Несколько секунд она стояла неподвижно. Потом чуть накренилась влево — ее качнул тот самый «утренний бриз».

Ветер мягко наполнил батистовые паруса: фок, нижний и верхний марсели, брамсель и бом-брамсель, грота-трисель и топсель. Выгнул треугольники стакселей и кливеров. И метровое суденышко, будто живой морской парусник, заскользило от берега.

— Ура!! — Генчик запрыгал в воде. Потом присел по горло, прицелился «Сменой». Щелк, щелк!.. — Зоя Ипполитовна, смотрите, как ровно идет!.. Это мой пружинчик им командует!..

Зоя Ипполитовна — в подвернутых штанах и широкой кофте — стояла по щиколотку в воде прямо и величественно. Как старый адмирал. Очки были воздвигнуты на лоб.

Бригантина подошла к Генчику. Он ласково взял ее за бушприт, развернул носом к берегу.

Ветер сделался почти встречный и прижал тонкую парусину к мачтам. Поворачивать паруса на

другой галс было бы долго и трудно: попробуйте распутать и передернуть два десятка тоненьких концов бегучего такелажа! Да еще одной рукой — в другой-то аппарат! И Генчик стал подталкивать бригантину в корму. «Ну-ка, включай мне на помощь машину!»

У бригантины между мачтами стояла дымовая труба — желтая с черной полосой. На судне капитана Сундуккера, кроме парусов, была и небольшая паровая машина — очень полезная при безветрии. Считалось, что и у модели она есть, — отсюда и труба. Но это была лишь видимость. На самом деле никакого двигателя внутри не было, и Генчик командовал просто так, для бодрости…

Бригантина рыскала, на носу звонил крошечный корабельный колокол (сделанный из латунного рыбацкого колокольчика). Желтые от солнца паруса трепетали, в них змеились голубые тени…

— Ну, не капризничай, — уговаривал Генчик. — Сейчас вернемся, и пойдешь нужным курсом снова…

Счастливая и торжественная Зоя Ипполитовна встретила их на берегу.

— Все было прекрасно! Восхитительное зрели-

ще! Капитан был бы счастлив видеть это…

Мокрый Генчик радостно дышал. Опустил модель на киль-блоки и придерживал ее за гротстеньгу.

У Зои Ипполитовны под сдвинутыми вверх очками сильно блестели глаза. Кажется, она прослезилась от волнения…

— Да, прекрасно… — Зоя Ипполитовна промокнула глаза подолом кофты. — Теперь, голубчик, неси нашу красавицу в машину… — И она пошла к «Запорожцу».

— Как? Уже все?! Нет, давайте еще! Нельзя же так — всего один рейс!

— Но ты немыслимо продрог!

— Я?! — Генчик подскочил. — Да я думать забыл про холод!.. Еще одно плавание совершенно необходимо! Для фотоснимка!

— Разве ты не успел снять?

— Успел! Но я в сторону берега снимал, а там этот домище. Когда он сзади бригантины, не похоже, что она настоящая! Надо на фоне облака! Видите, вон там какое облако!.. Я отпущу бригантину, сниму ее сзади, потом обгоню и поймаю вон там!

С берега в воду уходил полуразрушенный длинный мосток. Наверно, бывший пирс для за-

водских катеров, которые когда-то водились тут.

— Ты уверен, что все получится как надо?

— Вот увидите!

По всем расчетам бригантина должна была своим курсом крутой бакштаг подойти прямо к оконечности пирса.

Не дождавшись окончательного разрешения, Генчик подхватил модель и снова оказался в воде. Там он оглянулся. Зоя Ипполитовна стояла у открытой дверцы «Запорожца». Молча. Генчик опустил модель на рябую от ветерка поверхность. Ах, как опять заскользила она, голубушка!

Генчик схватил висевший на груди аппарат. Пошел следом за бригантиной. Дальше, дальше. Присел так, что вода аж до самых губ. Озеро сверкало на уровне глаз. Дальний берег

был почти не виден в дымке, и впереди — словно открытый морской горизонт. И желтое кучевое облако над ним. А на фоне облака — мачты и паруса.

Генчик щелкал затвором «Смены», пока не кончилась пленка. Потом выскочил, бросил аппарат на песок и помчался к пирсу. Закачались, запрогибались под ногами редкие прогнившие доски.

Добежав до конца, Генчик лег на живот. Вытянул руки.

— Ну, давай, давай! Иди сюда, моя хорошая…

А «моя хорошая»… Или что-то незаметно перестроилось в ее парусах, или слегка изменился ветер… Или бестолковый пружинчик отдал не ту команду! Бригантина изменила курс.

Не очень сильно изменила, однако так, что шла теперь мимо пирса.

Захотела в дальнее плавание?

— Ты что делаешь?! — перепуганно сказал ей Генчик.

Ветер посильнее надавил на паруса. Бригантина качнулась. «Динь», — звякнул колокольчик. Словно дурашливо пообещал: «Я больше не буду…»

Ну да, конечно, бригантина больше не будет уплывать без спросу! Потому что сейчас уйдет на широкую воду и попробуй догони! А потом ищи-свищи!

И когда парусник изящно проскользил в трех метрах от оконечности пирса, Генчик мешком бухнулся в воду.

Не так уж быстро плыла бригантина, но Генчик еле догнал ее, хотя махал руками изо всех сил.

Он ухватил модель за лопасть руля, отдышался, подгребая одной рукой. Оглянулся.

Ой-ей-ей! И берег, и пирс — во-он где! И Зоя

Ипполитовна, совсем маленькая, перепуганно машет руками…

Генчик сроду не заплывал так далеко. Конечно, он умел неплохо держаться на воде, но сейчас перепугался. Потому что и руки уже устали, и двигаться тяжело, и грести-то придется одной рукой, второй — толкать эту непослушную красавицу…

Ну, что делать, он поплыл. Вдоль пирса, чтобы в случае чего ухватиться за ржавые стойки. Но тогда придется отпустить модель! Насовсем…

Он не отпустил. В конце концов нащупал ногами твердое песчаное дно. Отдышался. Теперь-то уж не страшно. И через минуту с «присмиревшей» бригантиной на руках вышел на берег.

Там он снова устало подышал. Помотал головой, чтобы вытряхнуть воду из ушей. Сквозь мокрые ресниц увидел Зою Ипполитовну.

Она сказала с тяжелой укоризной:

— Ну, что же… По крайней мере, теперь я хорошо знаю, что такое предынфарктное состояние…

— Да ничего же не случилось! Вот она, целехонькая!

— Ах, какое разумное дитя! Ты всерьез думаешь, что я боялась *за нее*?

Генчик пяткой начал сверлить в песке лунку.

— Ну, чего такого… Я же умею плавать… Я же

не знал, что она сменит курс…

— Я думаю, не надрать ли кое-кому уши. Только они мокрые и скользкие.

— Конечно, скользкие! — Генчик стрельнул сквозь капли на ресницах виновато-веселым взглядом. — И вообще… «динь-дон».

— Что значит «динь-дон»?

— Ну, это когда в колокол… на котором *«Я* больше не буду»… Ой, Зоя Ипполитовна! А как колокол оказался у вас в доме? Он же был на бригантине?

— Капитан, когда приезжал в гости к брату, привез его на память, как семейную реликвию. А для судна заказал другой… Не заговаривай мне зубы! Имей в виду, ты меня чуть не уморил!

— Динь-дон…

— Да уж, надеюсь, что «динь-дон». Второго раза я не переживу. Ступай за машину, выжми трусики.

Генчик сперва устроил бригантину на заднем сиденье (колокольчик виновато позванивал. «Ладно уж», — сказал Генчик). Потом, прячась за машиной, он похвастался:

— Зато знаете какие я кадры нащелкал!

Зоя Ипполитовна бросила ему пушистый платок.

— Разотрись как следует.

— А как же пластинку-то везти в мокром?

— Я закрыла ее в патефоне. Так надежнее, она прочно сидит на круге…

Не сидела пластинка на круге!

Когда вернулись, перенесли в дом бригантину и открыли патефон, чтобы убрать старинный диск с арией варяжского гостя, Зоя Ипполитовна охнула. На патефонном диске голубела пустая суконная накладка.

У Генчика открылся рот.

— Где пластинка?

— Ой. Ой-ей-ей… Я старая склеротическая метла… Но и ты виноват!

— Я-то при чем?

— Когда я увидела, что ты прыгнул за бригантиной, сразу обмерла! И машинально поставила пластинку на песок. Ребром. Она была в конверте. Я прислонила ее к кирпичам, там торчит из земли остаток фундамента. И репейник рядом…

— Но вы же сказали — она в патефоне!

— Я только собиралась убрать ее туда! А потом из-за всех переживаний забыла! Перепутала! Решила, что она уже там…

— Ну, значит, она на берегу! Едем!

— Едем!

Но тут, как водится, все одно к одному. «За-

порожец» решил, что на сегодня он поработал достаточно. Стартер чихал, мотор не заводился.

Генчик махнул рукой.

— Я сейчас!

Для хорошего бега тут было минут десять.

Уже на полпути Генчик сообразил, что безоружен. Сумку с пистолетом он оставил в машине.

«А, ладно! Обойдется!»

Но, конечно же, не обошлось.

УЖАС

К озеру вел извилистый спуск — между глухих заборов и кирпичных стен заброшенного завода. Генчик разогнался. На последнем повороте скрутил он лихой вираж и вышел на «финишную прямую».

От воды шли ему навстречу те самые. Все пятеро!

И Шкурик был с ними. В клетке, которую нес Буся.

На скользкой траве разве затормозишь сразу! И Генчик с распахнутыми от страха глазами летел прямо в лапы врагов.

И эти лапы — крепкие, потные, безжалостные — ухватили Генчика за локти, за плечи. Даже за волосы.

— Гы-ы!..

— Га-а!..

— Ха-ха!..

— Мальчик в горошинах!

А он сейчас вовсе не был в горошинах. В желтой майке был с Микки-Маусом на груди. Но им-то все равно…

— Хы-ы… Какой хороший мальчик. Сам к нам

в гости пришел! — Это Круглый. И в руках у него была пластинка! Нашли, подобрали, гады!

— Отдайте! Это моя!

— Ха-ха! Докажи! — Это Гоха. Или Миха, черт их разберет в этих одинаковых свитерах, от которых почему-то воняет гнилой рыбой.

— Это моя! Мы тут были… недавно. И забыли…

— Были-забыли… Шкурик, посмотри, как мальчик нервничает… — Буся поднес клетку к лицу Генчика. Шкурик сунулся носом сквозь решетку. Генчик шарахнулся.

— Мальчик боится Шкурика, — с удовольствием заметил Буся. — Мальчик не хочет, чтобы Шкурик забрался к нему под маечку. А Шкурик хочет…

Генчику сразу стало не до пластинки.

— Не надо… — обморочно выдохнул он.

— А если «не надо», веди себя хорошо.

— Что я вам сделал? — со слезинкой в голосе сказал Генчик.

— Гы! Он еще спрашивает! Гоха, погляди на него!

— Ага… — возмущенно пропыхтел тот. И Генчик мельком отметил, что теперь уж не спутает Гоху с Михой. У Гохи одно ухо толще другого и с бородавкой.

— Где твоя пушка-то? Из которой ты нас дырявил… — сумрачно спросил Круглый.

— Да-да! — весело подхватил Буся. — Где твое секретное оружие, которым ты нанес нам такой материальный и моральный ущерб?! Чуть нас не искалечил!

— Я никого не калечил! Я никогда не стреляю по людям!

— А кто с меня очки сбил?

— Но я же тебя не задел! А очки были мои! Я их на трамвайной остановке потерял!

— Тебя как послушаешь, дак все на свете твое, — грозно проговорил Круглый. — Очки твои, пластинка твоя…

— Она правда моя! То есть одной моей знакомой…

— Меняем на твой пистолет, — улыбаясь, предложил Буся.

— У меня же его нету…

— Видим, что нету, — хмыкнул Круглый. — Сходишь, принесешь…

— Это будет материальная ком-пен-сация, — объяснил Буся. — За причиненные убытки. Ты продырявил две наши бутылки. И лишил Круглого недокуренной сигареты. А курево нынче дорого…

— Вы че, совсем психи? — жалобно возмутился Миха. — Когда он с этой стрелялкой, к нему не подойдешь!

— А мы и не будем! Если он начнет выступать, мы пластиночку — о кирпичи!

— Да не его она! — усомнился Гоха.

— Его, его! Или той старухи… Он сегодня под эту музыку с сумасшедшей бабкой корабль пускал. Агентура доложила. Они оба чокнутые…

«Все знают!» — ахнул про себя Генчик. Но это была не главная мысль. Главная — чтобы не вздумали в самом деле Шкурика под майку…

Услышав про сумасшедшую бабку, все гоготнули. Кроме Бычка. Он стоял в стороне и, как раньше, поглядывал исподлобья коричневыми глазами. И то ли улыбался чуть-чуть, то ли просто шевелил губами…

— Ну, пустите вы меня, — сказал Генчик жалобно и устало. — Ну, что вам от меня надо? Какая радость впятером издеваться над одним?

Буся: снова засветился тонкой своей улыбочкой.

— Мальчик! Впятером на одного — это самый кайф. Чтобы пойманный пищал и дрыгался. И боялся. А ты как хотел? Один на один, как в рыцарские времена? Сейчас не та эпоха…

Генчик не выдержал, выдал им с плаксивой яростью:

— Гады! Бандюги!

— Ругается! — обрадовался Круглый.

Буся покачал головой:

— Нехороший мальчик. Такие слова… Извиняйся сейчас же.

— Фиг… — Генчик мертво стиснул зубы.

— Не «фиг», а говори: «Простите меня, пожалуйста, я больше не буду»…

Генчик зажмурился. И в наступившей темноте словно увидел бригантину. Как она, освещенная солнцем, скользит на фоне облака.

— Не «фиг», а «не буду». Ну? — повторил Буся.

— Не…

— Ну-ну! Давай! Тогда отпустим.

— Не… скажу.

Лупить его или даже пытать Шкуриком так сразу было им не интересно. Да и не решались, наверно. Хотя и безлюдное место, но кто знает, вдруг появятся случайные прохожие?

Генчика отвели в развалины заводского корпуса.

Пока вели, Генчик слабо сопротивлялся. Без надежды, на избавление, а так, из остатков гордости. Звать на помощь было бесполезно. Да и

стыдно, несмотря на отчаянность положения…

Внутри было похоже на развалины крепости, многоэтажные стены с дырами оконных проемов подымались со всех сторон. И теперь — никто не услышит, хоть надорвись от крика.

Юго-восточная стена была ниже остальных — обрушенная до половины.

Солнце стояло уже высоко и высвечивало дальний угол развалин. Там была изгородь из тонких деревянных брусьев. Наверно, кто-то в прежние годы устраивал там огород. Или держал скотину. Генчик подумал об этом уже после, когда вспоминал все по порядку. А сейчас было не до того…

Его привязали к изгороди. Крепко-накрепко. Растянули руки по одному из брусьев (он как раз тянулся на уровне плеч), обмотали кусками бельевого шнура. Шнур нашелся в торбе, которую носил на плече молчаливый Бычок. Может, заранее готовились к охоте на Генчика? Ноги притянули к изгороди за щиколотки и выше колен. Крученая тонкая веревка впилась в кожу.

— Дураки. Больно же… — сквозь зубы сказал Генчик.

Буся покивал:

— Конечно. Пленникам всегда бывает больно. И страшно. Такая их доля… Давайте еще за живот

примотаем, чтобы не дергался.

И примотали. Так, что дыхнуть стало трудно. И не шевельнешься!..

— Побудешь тут, подумаешь о своем поведении, — ласково объяснил Буся. — Через часик придем, и ты попросишь прощения. А потом принесешь свою стрелялку.

Генчик закрыл глаза.

— А кто караулить-то будет? — насупленно сказал Круглый.

— Шкурик покараулит. Он же у нас дрессированный, — сладким голосом объяснил Буся. — Иди ко мне, мой хороший…

Шкурика вынули из клетки. На нем была кожаная шлейка — вроде тех, что надевают на крошечных собачонок, когда выводят на прогулку.

В трех шагах от сандалий Генчика вколотили колышек. И посадили Шкурика на привязь из остатка шнура. А остаток этот был метров пять! И Шкурик при желании запросто мог добраться до Генчика.

Вот она, самая главная пытка! Самый небывалый ужас!

«Не надо! Ну, пожалуйста!!» — закричало все внутри Генчика. Но именно внутри. А кричать

вслух — какой прок? Только сильнее обрадуются, когда поймут, как он боится.

Генчик лишь облизал сухие губы. А жмуриться уже не мог. От страха глаза раскрылись до отказа.

Буся понимающе посмотрел на Генчика.

— Веди себя хорошо. Шкурик не любит шума. Будешь орать и звать на помощь — он до тебя враз доберется. И — под маечку или в штанишки. Пикнуть не успеешь, как что-нибудь отгрызет. Хи-хи…

Захихикали и остальные. И ушли, оглядываясь (только Бычок не оглянулся).

И остался Генчик наедине со страхом.

Шкурик пока вел себя спокойно. Посидел рядом с колышком. Почесал себя за ухом — в точности как кошка. Обнюхал колышек острой мордочкой с черным носом. Отошел, волоча за собой шнур. Стал что-то выцарапывать из травы.

«Только не смотри на меня! Не обращай на меня внимания!..»

Шкурик тут же обратил внимание. Сел столбиком, передние лапы-ручки прижал к груди. Поднял мордочку. И красные глазки — прямо на Генчика.

«Не надо! Не подходи! Меня нет! Я… не жи-

вой…»

Кажется, Шкурик поверил. Опять начал что-то вынюхивать в траве.

«Правильно… И не вспоминай про меня!..»

Веревка резала руки, ноги и живот. Очень хотелось пить, пересохло в горле. И солнце жарило безжалостно. Однако все это было не главное. Главным был страх перед Шкуриком. Ужас и отвращение.

Сколько же это будет тянуться? Уж скорей бы они возвращались! Пускай что угодно делают, лишь бы не эта беззащитность перед гадостным зверенышем…

Они сказали — через час. Генчик глянул на тень от колышка. Представил, что она — стрелка солнечных часов (такие часы есть в городском парке). Сколько она должна проползти, чтобы миновал час? Наверно, от стебля подорожника до старой коробки из-под сигарет.

…Если здесь валяется такая коробка, значит, иногда сюда забредают люди! Может, и сейчас кто-нибудь появится? А может, Зоя Ипполитовна забеспокоится и пойдет на поиски? И догадается заглянуть сюда? Ведь наверняка она волнуется: Генчик должен был вернуться самое большее через полчаса…

От жары и боли гудело в голове. А тень колышка вовсе не двигалась. А Шкурик… он опять сидел, поджав передние лапки, и смотрел на Генчика.

«Не надо. Не смотри!..»

Ох, зачем он надел майку с Микки-Маусом! Шкурик, чего доброго, усмотрит в мышонке родственника и захочет познакомиться…

Нет, не усмотрел. Чем-то опять заинтересовался в подорожниках. «Правильно! Ищи там червяков и личинок! А про меня не вспоминай…»

Генчик слизывал с губ сухую корочку. Тень колышка сдвинулась, но еле-еле…

Все равно это когда-нибудь кончится. Не замучают же его до смерти. Все равно он вырвется. И вернется домой. И отыщет Петю Кубрикова. А вдвоем они вновь повстречаются с этими… с инквизиторами… Петя одной рукой возьмет за шиворот Бусю, другой Круглого, ногой отшвырнет клетку с гаденышем… А Гоха, Миха и Бычок будут жаться к забору и подвывать от страха…

Но когда это будет? И будет ли? Скорее всего, он помрет здесь от страха и от горячих лучей. Растворится в солнечном жаре (но, наверно, и тогда будет чувствовать боль от веревок и сухость во рту…).

Единственной влагой были слезинки, которые

бежали по щекам. Генчик старался поймать их кончиком языка. Все-таки жидкость, хотя и соленая…

Потом он сквозь ровный звон в ушах услышал шум. То ли шорох за кирпичной стеной, то ли шаги.

Он позвал:

— Помогите! Сюда!.. — Хотел крикнуть громко, а получилось хрипло и еле слышно. Никто не пришел, не помог. Зато услышал его Шкурик.

Он опять сел столбиком. Несколько секунд смотрел на Генчика, наклонив треугольную головку. И… сквозь траву засеменил к нему.

— Уходи! Пошел отсюда!.. Не надо! — И Генчик закашлялся от сухости в гортани.

Шкурик обнюхал его сандалию. Сел на нее. Генчик ощутил тяжесть крысиного тельца. От омерзения тряхнула Генчика такая судорога, что дрогнула изгородь.

Больше Генчик не кричал, не мог. Шкурик встал на задние лапки, а передними уперся ему в ногу. Генчик ощутил крошечные коготки. Вновь его тряхнуло, словно током. Но Шкурик этого пока не почувствовал. Задними лапками он забрался на виток веревки и усиками щекотнул Генчику колено, ткнулся в него маленьким носом. Генчик

часто переглатывал и мотал головой. Это все, что он мог.

Шкурик вытянулся, взялся своими черными ручками за веревку над коленом. Потом потянулся дальше, уцепился за отворот на коротенькой штанине. Задние лапки его сорвались. Шкурик заболтал ими, зацарапал по ноге, повис. Как пацаненок, который хочет залезть на забор, но не рассчитал сил.

— Пошел! — захрипел Генчик. Затряс головой изо всех сил. И сквозь летящие с ресниц брызги увидел… Бычка.

Бычок деловито сгреб Шкурика, сдернул с него шлейку. Сунул звереныша в торбу, словно безобидного котенка. Из той же торбы он вынул пластиковую бутылку. В ней до половины — апельсиновая жидкость.

Бычок скрутил пробку, поднес горлышко к губам Генчика. В нос и губы ударила шипучая влага. Надо было гордо мотнуть головой, плюнуть: «Уходи, гад!» Но не было сил, была только жажда. Генчик глотнул, закашлялся, глотнул еще. Всхлипнул. В этот миг ослабли на ногах веревки. Оказывается, Бычок, нагнувшись, полоснул по ним складным ножом. Потом он перерезал шнур на руках, на животе. Размотал, отбросил.

Руки у Генчика упали вдоль тела. Он всхлипнул опять.

Бычок смотрел насупленно. И не на Генчика, а в сторону. Сел на корточки, снял у него с ног остатки веревки. Угрюмо посоветовал:

— Уходи вон в ту дыру. Пока они не пришли…

Вот он, значит, кто! Освободитель…

Генчик не ощутил благодарности. Но и злости на Бычка не было. Только проступило сквозь боль и усталость сумрачное любопытство:

— Ты зачем меня отпустил?

Бычок тихо огрызнулся:

— А что, не надо было?

Генчик пожал плечами. Нагнулся, ладошками растер на ногах красные отпечатки шнура. Глянул исподлобья.

— Они же тебя за это… живьем съедят.

— Я скажу, что тебя отвязали какие-то случайные люди… А про Шкурика скажу, что поймал его в траве, тоже отвязанного… Уходи скорее…

Генчик выдернул подол майки, вытер им лицо. И сквозь бурьян пошел к пролому в стене.

Там он оглянулся. Вспомнил:

— А пластинка?

— Она у них… Они с ней играют, крутят на карандаше… Может, я потом унесу.

Генчик не ощутил благодарности и на этот раз. Он сердито спросил:

— А где они сейчас?

— У Круглого на дворе…

— Это где?

Бычок смотрел с хмурым пониманием.

— В Хорошиловском переулке. Номер два…

Сперва ноги двигались плохо, но скоро размялись, и Генчик пустился бегом.

На двор Зои Ипполитовны он проник украдкой. Хозяйки не было видно.

Небось переживает: куда девался Бубенчик? Но сейчас показываться нельзя. Как без пластинки-то? Да еще в таком растерзанном состоянии… Другое дело — вернуться победителем.

«Запорожец» стоял посреди двора. Генчик подобрался к нему с ухватками индейского разведчика. Стекло в дверце было опущено, Генчик потянул с сиденья сумку с пистолетом… Все тихо.

Он опять скользнул к приоткрытой калитке. За калиткой он осмотрел пистолет, зарядил его. Подпоясался ремнем, на котором был крючок (до этого ремень лежал в сумке). Проверил, есть ли в левом кармане шарики. И бегом — в Хорошиловский переулок.

ВЫСТРЕЛ

1

Это было не близко. От старого кирпичного завода еще кварталов пять. И в конце пути Генчик уже не бежал. Шел не торопясь. У стрелка должно быть спокойное дыхание…

Ворота с цифрой 2 на столбе он увидел сразу.

Калитка была открыта. Генчик вошел бесшумно (чиркнули по сандалиям одуванчики).

Враги сидели в глубине двора, у длинного сарая, на штабеле досок, приготовленных, наверно, для ремонта забора. Четверо их было, Бычок отсутствовал. Может, они обо всем догадались и прогнали. А может, сам ушел. Шкурика он, по крайней мере, доставил хозяину. Шкыдленок возился в своей клетке, стоявшей на досках.

А Буся, Круглый, Гоха и Миха развлекались с пластинкой капитана Сундуккера!

Они сделали звуковое приспособление: то ли к игле, то ли к тонкому гвоздю прикрепили жестяную банку, и получилась мембрана. Насадили пластинку на карандаш. Миха (или Гоха? Генчик опять забыл, кто из них с толстым ухом) крутил

карандаш, а Круглый держал иглу с банкой над пластинкой. Острый конец скреб по бороздкам, и банка отзывалась подобием человеческого голоса. Голос был искаженный, со скрипом. Четверо гоготали…

Гоготали, пока банка от меткого выстрела не вылетела из пальцев Круглого.

Круглый разинул рот. Гоха и Миха тоже разинули рты. Лишь Буся не растерялся. Или почти не растерялся. Подхватил у Круглого пластинку. Выдернул и отбросил карандаш. Заулыбался издевательски и глянул на Генчика через отверстие пластинки. Потом опустил ее. И лицо было по-прежнему насмешливым.

Генчик машинально перезарядил оружие. Очень тонким, но бесстрашным голосом приказал:

— Положи пластинку! И всем — десять шагов в сторону! Быстро!

Буся не испугался. С прежней улыбочкой спросил:

— А если не быстро? Будешь стрелять?

— Буду!

— Но ты же не стреляешь в людей! Сам говорил!

— А вы не люди, вы гады!.. Но я не буду в вас!

Я… твоего гаденыша! Навылет! — Генчик вскинул ствол.

Шкыдленок Шкурик — гадкий болотный детеныш — встал на задние лапки, передними схватился за прутья клетки и высунул между ними нос.

Генчик содрогнулся — от вернувшегося страха и омерзения. Как эта тварь скребла по ноге, как старалась забраться под майку! Как тыкалась мерзким мокрым носом!

Буся вмиг почуял, что Генчик и правда выстрелит. Качнулся вперед. Если бы Буся закрыл Шкурика собой, тогда что делать? Но он — дурак! — заслонил крысеныша пластинкой! Серединой!

Сам виноват!..

Генчик знал, что шарик точнехонько пройдет в дырку на пластинке. Буся с перепугу выпустит пластинку, она ребром воткнется в мягкие опилки. Генчик в два прыжка — туда, хвать ее, и обратно! А Шкурик… так ему и надо!

На миг показалось Генчику, что пластинка сделалась прозрачной. Он словно увидел Шкурика сквозь нее — тот, как человечек, держался ручками за проволоку. Потом пластинка стала как мишень: черный диск, ярко-розовое «яблочко»

этикетки, а в нем темная точка отверстия.

Щелк!..

Пластинка разлетелась на куски.

Крупный осколок взлетел, как черная бабочка, описал дугу и упал к сандалиям Генчика.

Упала на него тяжкая неудача. Поражение. Несчастье.

Он молча нагнулся, взял осколок. Зачем-то сунул его в карман. Повернулся и пошел со двора. Уши забила тугая тишина.

Он даже не перезарядил пистолет на случай погони.

Но никто Генчика не преследовал. Молча смотрели в спину.

2

Зое Ипполитовне Генчик рассказал все. Подробно и без утайки.

Он сидел на кухонном табурете, поставив пятки на сиденье и обхватив колени. Говорил и смотрел, как на ветках за окном скачут воробьи. На подоконнике сидела Варвара и тоже смотрела на воробьев. Ей не было дела до несчастий Генчика.

Зато Зое Ипполитовне — дело было.

— Вот и все… — сумрачно закончил Генчик. Подумал и сказал: — Простите меня за пластинку.

— Да разве в пластинке дело…

— А в чем?

— Как ты думаешь: почему ты промахнулся?

Генчик пожал плечами.

— А ты подумай… — Зоя Ипполитовна сидела напротив и пристально смотрела поверх очков. Генчику неуютно было от этого взгляда. Он дернул лопатками.

— Откуда я знаю…

— По-моему, ты просто боишься признаться себе.

— Да ничего я не боюсь! — Генчик сердито спустил пятки с табурета, вцепился в край сиденья, качнулся вперед. — Ничего не боюсь! Я там боялся, привязанный, когда он лез по мне! А сейчас-то чего?..

— Ты думаешь, он лез, чтобы сделать тебе больно? Скорее всего, он просто соскучился. Он ручной, привык, что хозяин с ним нянчится, вот и захотел к тебе на руки или за пазуху…

Генчика передернуло опять.

— Зря ты вздрагиваешь. Он же не виноват, что ты его так боишься. Он не понимает… Это просто безобидный звериный детеныш. И ты промахнулся, потому что в последний миг это понял. Рука сама качнулась в сторону.

— Ничего… ничего я такого не понял! И не хочу! — Генчик со страхом уловил в своем голосе слезинки. И сцепил зубы. И… вспомнил, как Шкурик черными ручками держится за проволоку, смотрит сквозь решетку… — Вы… сами все это напридумывали!

— Ну а дерзить-то, милый мой, зачем? — Зоя Ипполитовна укоризненно потрогала шарик на кончике носа. — Когда сам виноват, недостойное это дело срывать досаду на других…

Сейчас бы шмыгнуть носом, дурашливо улыбнуться и бормотнуть: «Я больше не буду…» Или хотя бы: «Динь-дон…»

Но твердые иглы обиды перли из Генчика, словно из дикобраза. Сквозь кожу. Протыкали ее горячей болью. Легко рассуждать тому, кто ничего не испытал! А если ты привязанный, беспомощный, пересохший от жажды, а по тебе лезет чудовище… Генчик прокашлялся и сипло сказал:

— Я знаю, вам пластинку жалко… Ну, я заплачу! Накоплю денег и…

— Как тебе не стыдно! Разве я про пластинку думала, когда ждала тебя? Я чуть с ума не сошла от беспокойства! Хотела уже идти на берег, а тут, как назло, разболелась нога…

«А у меня, что ли, не болело?» — подумал Генчик. И опять потер на ногах следы от веревок. И сказал, глядя исподлобья:

— Теперь-то что делать?

— Не знаю… Дело в том, что я и сейчас беспокоюсь за тебя.

— Почему? Я же — вот он…

— Меня тревожит твоя ожесточенность.

— Что?

— Твое увлечение стрельбой. Ты все крепче веришь, что с помощью пистолета можно решить многие проблемы. Тебе ужасно нравится твое умение сбить с противника спесь метким выстрелом. Это случается со многими. Сперва — игрушечный пистолет, потом…

— Они же сами нападали! Я первый — никогда…

— Но радость от метких попаданий ты испытывал, верно? И от их испуга… Этакое удовольствие от своей неуязвимости и сил. И от стрелкового искусства… И попасть сквозь дырку пластинки в Шкурика — это ведь тоже искусство… Сначала в крысенка, потом еще в кого-нибудь…

Генчик встал. Машинально надел на плечо ремень сумки с пистолетом.

— За кого вы меня принимаете? — Это получи-

лось чересчур гордо. Будто в кинофильме. Но с настоящей горечью.

— За того, кто ты есть, мой милый. За мальчика. Мальчики любят играть оружием. А потом не всегда чувствуют границу, где кончается игра…

— Но вы же сами рассказывали про капитана Сундуккера! Какой он был стрелок!

— Увы, рассказывала. И, кажется, зря. Видишь ли, одно дело легенда, другое — жизнь. Одно дело отстреливать пуговицы на сюртуке противника и перебивать фалы, другое — лишать кого-то жизни…

— А как же солдаты? — Генчик смотрел ощетиненно. — Почему про многих говорят, что герои? Потому что бывает справедливая стрельба! Или нет?

— Это трудный вопрос… Ох какой трудный. Лучше бы его никогда не было на Земле…

— Но ведь он есть… — Генчик глядел упрямо. И даже слегка насмешливо.

— По крайней мере, настоящий солдат никогда не будет стрелять в беззащитного! — Зоя Ипполитовна, кажется, рассердилась. — А ты хотел убить беспомощного зверька! Не виноватого ни в чем.

Генчик обиженно сопел. И нечего было ответить. Но иглы обиды от этого стали только

острее.

— Значит, вот я какой гад… Да?

— Ну что ты говоришь! Разве я…

— Что «разве я»? Вы же сами сказали!

— Я не сказала, что…

— Нет уж, вы не отпирайтесь!

— А ты, пожалуйста, не кричи на меня! Я старше тебя в шесть с лишним раз…

— Ну и что? Я же не виноват, что родился не в том году, когда вы!.. А ваш Ревчик что, никогда не пулял из рогатки по воробьям?

— Никогда в жизни.

— Ну, и… значит, я вам вместо него не гожусь.

— При чем тут «вместо»? — Она помолчала и сказала вдруг тихо, отчужденно: — Вы совершенно разные. И не надо об этом…

Все теперь катилось под гору. И Генчик сказал язвительно:

— Если я такой, чего же вы со мной дружбу завели? И портрет рисовали…

Акварельный портрет был не окончен — у Зои Ипполитовны в последние дни разболелись пальцы. Но все же он был готов настолько, что сразу видно: замечательная вещь! И Генчик на нем — как живой. Весь как он есть. Веселый, смеющийся…

Зоя Ипполитовна, глядя мимо Генчика, ответила вполголоса:

— Выходит, я рисовала… другого мальчика. Не того, кем ты стал…

— А кем я стал?!

— К сожалению… обманщиком. Обещал не стрелять по живому, а сам…

— Выходит, вам какая-то крыса дороже, чем я!

— Глупости…

— Нет, не глупости!.. А вы… вы тоже обманщица! — Он ужаснулся про себя, но мокрых глаз не отвел.

Зоя Ипполитовна вроде бы не удивилась. Спросила утомленно:

— Да? В чем же именно я обманщица?

— В этом… самом. В капитане… Никакого капитана Сун-дуккера не было! Вы все сочинили!

Вот так и рушится все на свете. Дружба, тайны, сказки, хорошая жизнь.

Зоя Ипполитовна сгорбилась на стуле. Сняла очки и стала протирать полой кофты. Спросила, не поднимая лица:

— И давно ты догадался?

— Да! Давно!.. Только что…

Потом они долго молчали. И Генчик знал, что надо уходить. Наконец он пошел к двери. Но там

оглянулся, словно все еще на что-то надеялся.

— Потому что… я понял: не мог он сделать такой пистолет. Вы сами его сделали. Или где-то нашли. А тогда, сто пятьдесят лет назад, и резины-то никакой не было…

Она покивала, продолжая тереть очки.

— Да. Об этом я не подумала… Хотя Фомушка мог приспособить не резинку, а пружину… Впрочем, какое сейчас это имеет значение…

Ничто сейчас не имело значения.

И Генчик ушел из этого дома. Из «Бермудского треугольника». Из этой жизни, которую успел полюбить…

По дороге к трамвайной остановке он подумал, что надо было вернуть Зое Ипполитовне пистолет. Положить на стол: «Вот, возьмите, пожалуйста». Но пистолет по-прежнему лежал в сумке. Теперь что? Не возвращаться же.

Генчик не стал бы отстреливаться, если бы повстречались враги. Пусть поймают, излупят, замучают до смерти. Пусть натравят целую стаю шкыдлят!

Никто не встретился…

ОСКОЛКИ

1

Генчик не поехал домой. Он добрался до водной станции номер два и отыскал там старшего спасателя Кубрикова. Вдвоем они отправились на моторке в патрульный рейд: смотреть, чтобы купальщики не заплывали за буйки у пляжей, чтобы всякие балбесы не ныряли посреди озера с лодок и чтобы лодки эти не были загружены сверх нормы. Такие полагалось буксировать к ближайшей суше и там высаживать лишних пассажиров. Так и делали.

Впрочем, нарушений было немного. В основном патрулирование свелось к скоростным рейсам от берега к берегу. Зигзагами. И, конечно, Петя дал Генчику посидеть за рулем.

Генчик вел себя так, будто ничего не случилось. Пете про сегодняшние приключения не рассказывал. И про ссору с Зоей Ипполитовной — ни словечка. Он крутил на моторке виражи, смеялся, слушал Петины признания о новых литературных замыслах. Делал вид, что радуется жизни. А в душе сидела заноза. Даже не заноза, а

целая щепка с заусеницами. Чуть шевельнешься — такая боль…

Домой он вернулся под вечер. Спать лег рано. Когда спишь — забывается горе.

Но сон приходить не хотел. И грызла, грызла тоска. И запоздалые мысли, что все надо было сделать не так. Сказать не так. Вести себя не так…

Ох уж эти угрызения, эти бесполезные рассуждения, как бы он повел себя, если бы вернуть злополучный момент!..

Ну какой дьявол дергал его за язык? Зачем он ляпнул, что капитана Сундуккера не было?!

Зоя Ипполитовна этого не простит.

«Ну и пусть! Его же в самом деле не было!»

«Идиот! Для нее-то он был! Она же в него верила! Что плохого, если в жизни есть сказка?»

«Вранье — всегда плохо…» — неуверенно возразил себе Генчик. И тут же беспощадно разгромил себя:

«Это не вранье, а фантазия! Капитана Гранта тоже не было! И капитана Врунгеля, и капитана Блада, и многих других капитанов! А теперь все рано их все знают! Значит, они были!..»

«Я же не хотел говорить ничего плохого! Просто вырвалось!..»

«Вот теперь и корчишься. Так тебе и надо…»

Генчик в досаде грохнул себя кулаком по темени и, видимо, от этого наконец заснул.

Приснилась ему, разумеется, Зоя Ипполитовна. Будто она пришла к Генчику домой.

— Хватит уж дуться-то. Нам совершенно незачем ссориться. Ведь мы из одного экипажа, с бригантины капитана Сундуккера.

Генчик не дулся. Но от радостного смущения смотрел в пол и шевелил пальцами босых ног. Зоя Ипполитовна ладонью приподняла его подбородок.

— А чтобы ты больше не говорил глупостей, смотри, кого я привела…

И в дверях возник сам капитан Сундуккер. Фома Иванович. Совершенно такой, как на портрете. Он шутливо насупил бурые клочкастые брови и пробасил:

— Значит, этот самый салажонок утверждает, что меня никогда не было? Ну и ну! Столько дней палил из моего пистолета, а под конец нате вам!

— Я больше не буду, — счастливо выдохнул Генчик, глядя на большущие старомодные ботинки капитана. И зацарапал пяткой половицу… И проснулся…

С ощущением потерянной радости.

Так хорошо было во сне и так погано наяву.

В то утро Генчик никуда не пошел со двора. Возился за сараем в своем игрушечном городе. Налаживал из ниток и спичечных коробков канатную дорогу — от Кирпичных скал до городского парка. Наладил. Покатал пружинчиков. Но все это без радости, почти машинально. Крепкая заноза по-прежнему сидела в Генчике. Заноза-тоска, заноза — больная совесть, заноза-обида… А обида-то на кого? На себя, дурака? На жизнь? На Зою Ипполитовну?

«Да, и на нее! Зачем она мне… такие слова… что я обманщик…»

Но эта последняя обида была не настоящая. Генчик нарочно расцарапывал ее в душе. Так с досадой и горьким удовольствием расцарапывают зудящую ссадину. И раз за разом Генчик мысленно повторял:

«Все равно обратной дороги нет…»

Он, конечно, себе врал. Обратная дорога была. Можно поехать в «Бермудский треугольник» и постараться, чтобы все наладилось. Чтобы сделалось как раньше…

«Не будет как раньше…»

«А ты попробуй. Надуй губы, посопи и скажи — будто и в шутку, и всерьез: «Я больше не буду…»

Генчик мычал и мотал головой. Ох, до чего же

стыдно… Мотал и мычал. И во время очередного мычания нашел Генчика здесь, за сараем, Бычок.

Да, представьте себе!

Бычок стоял, расставив ноги в мятых спортивных штанах. И дергал подол пыльной зеленой майки. И, конечно, смотрел насупленно. Лобастый, со щетинистой стрижкой. С коричневыми, будто кофе, глазами без единой искорки.

Генчик почему-то не удивился. Тоже насупился.

— Здорово, — сипловато сказал Бычок.

— Привет… — не то хмыкнул, не то выдохнул Генчик. — Ты… — Он хотел спросить: «Зачем пришел?» Не решился. Проговорил неловко: — Как меня нашел-то?

— На водной станции спросил. У того моториста, с которым ты часто ездишь.

— А-а… — И опять не решился узнать: «А чего надо?»

Бычок сказал сам:

— Я твою пластинку собрал. Осколки. Склеить хочу. Тебе ведь, наверно, за нее попало…

— Еще бы! — вырвалось у Генчика. Потому что терять сказку, терять дружбу в тыщу раз хуже самой крепкой нахлобучки, даже если нахлобучка с ремнем.

— Ну вот… А я склею, чтобы она опять… чтобы тебе больше не попадало…

— Не выйдет, — сказал Генчик горько и уверенно. — При склейке нужна сверхточность… И клей особенный. Чтобы даже щелочки не осталось.

— Я умею. — Бычок смотрел теперь уверенно.

— Ну… склеивай, если хочешь… — Генчик, глядя в сторону, пожал плечами. А что ему оставалось сказать?

— Мне нужен последний осколок… — Бычок сделался слегка виноватым. — Он тогда к твоим ногам отлетел, ты его сунул в карман. Помнишь?

Генчик вспомнил.

— Но у меня его нет! Он у той баб… старой женщины, чья пластинка. Я ей отдал, когда рассказывал. Пришел и говорю: «Вот все, что осталось…»

Так оно и было. И Генчик опять пережил сейчас тот момент. Дернул лопатками, как от озноба.

Бычок спросил настойчиво:

— Это та, что живет в доме за насыпью?

— Ну да…

— А она этот осколок не выбросила?

— Откуда я знаю? — У Генчика это уже чуть не со слезами. — Я же у нее больше не был.

Бычок, видимо, все понял. А если не все, то

многое. Переступил, опять подергал майку.

— Ну ладно, я схожу, узнаю… А может, ты со мной?

— Нет. Я туда больше не пойду… Она… на меня злится.

— Из-за пластинки?

— Да. Нет… Вообще…

Пластинку, может быть, и удастся склеить. А все, что было раньше, сказку о капитане Сундуккере разве теперь склеишь?

Бычок понятливо кивнул. Глянул опять:

— А можно я… к тебе еще приду?

— Ну… конечно. Склеишь и приходи.

— А если я… если не получится… Можно я все равно приду?

Они встретились глазами. У Генчика сорвалось — чуть удивленно и неловко:

— Зачем?..

— Ну… — Бычок сильнее задергал майку. — Может, мы подружимся… когда-нибудь…

Генчик сказал ненатурально, деревянно как-то (видимо, от нового удивления):

— Ладно. Приходи.

Бычок подумал секунду, повернулся и пошел.

Генчик догнал его у калитки.

— Нет, ты правда приходи! Без пластинки! Ко-

гда хочешь!

Бычок глянул через плечо. И… улыбнулся наконец. Кивнул и ушел.

А у Генчика заноза-щепка внутри стала меньше. И уже не такая острая. И появилась какая-то надежда. Какая — он сам не мог понять. Прислушался к себе. Постоял у калитки. Потом снова пошел за сарай и постоял там. И решил, что жизнь, может быть, не совсем еще кончена.

Генчик посмотрел на небо. Там были грустные облака. Но не дождевые, а просвеченные солнцем. Под облаками носились туда-сюда несколько круглых темных пятен. Те самые НЛО, которые всем уже надоели и про которые дикторы телевидения каждый вечер говорили, что их нет.

Генчик плюнул, но без досады и даже весело. Потом стал искать в кармане: надо было достать несколько тяжелых шариков, чтобы положить в вагончики игрушечной канатной дороги. Для балласта. А то они слишком болтались от любого ветерка.

Шарики, конечно, нашлись. Но вместе с ними попал в пальцы твердый кусочек. Треугольный и колючий. Генчик достал. Это… это был еще один осколок пластинки. Маленький, с ноготь!

Наверно, он откололся в кармане от того, боль-

шого.

Как же Бычок теперь склеит пластинку? Соединит все куски, а в черном диске — треугольная пробоина…

В этих размышлениях, в новых сомнениях и тревогах провел Генчик время до обеда.

2

В своих терзаниях Генчик не мог догадаться о многом. О главном. Что Зое Ипполитовне тоже не сладко.

Когда он ушел от нее, сразу стало так тошно, что хоть реви, как девчонка…

Зоя Ипполитовна, конечно, не ревела. Она, сжав губы, ходила по комнатам, машинально поправляла на стенах фотографии в рамках, перекладывала на столах и подоконниках всякие вещи.

Приготовила ужин, покормила Варвару, которая сделалась совсем домашней (и, несмотря на это, не чуяла человеческих переживаний, терлась о ноги и мурлыкала, глупая).

Потом Зоя Ипполитовна легла. Свет был выключен, и белесая летняя ночь сочилась в окна. Варвара повозилась в ногах и затихла.

Зоя Ипполитовна думала. Совершенно беспо-

щадно. О том, какая она дура.

— Да-да, именно старая дура, хотя это совершенно некультурный термин!..

Если разобраться, что он такого сделал, этот веселый и бесхитростный Бубенчик? Ну не сдержал слово, пальнул в крысенка. Но не со зла, а от обиды, страха и отвращения. Ведь столько натерпелся в плену у этой шпаны!..

Она-то хотела иметь в друзьях этакого юного рыцаря без страха и упрека. А он обыкновенный мальчишка. Тем и хорош… Ее ненаглядный Ревчик тоже не был героем. Тоже боялся хулиганов, прятал дневник с двойками, чтобы не влетело от отца… И тоже не всегда верил ее сказкам.

Генчик разве виноват, что догадался? И что сгоряча выпалил ей это? Сама виновата, довела ребенка, старая карга… И теперь-то что?

Раньше был в жизни лучик — ожидание, что придет новый день и опять появится неугомонный Бубенчик… Больше уже не появится…

Нет, так нельзя! Утром она позвонит знакомому автослесарю Сене. Сеня починит «Запорожец». И она поедет на улицу Кузнечную. Найдет Генчика и скажет: «Мы оба вели себя крайне глупо. Давай больше никогда не ссориться. А был или не был на свете капитан Сундуккер — это разве так важ-

но? Для нас-то он есть...»

С этой мыслью Зоя Ипполитовна уснула. С ней же и проснулась.

Но дальше все пошло не так, как задумано. Жена слесаря Сени сказала по телефону, что муж уехал в командировку. Добираться до Утятина на трамвае, с пересадкой, это не для старых инвалидных костей. Да и... хорошо ли это — ехать к мальчишке и, по сути дела, просить прощения? Правильно ли? Он, пожалуй, возомнит о себе бог знает что...

Небось посидит дома, а потом прибежит сам, не выдержит. Конечно, она его простит, но надо будет сделать это, не теряя достоинства.

Так размышляла она до полудня. И ждала. И представляла, как Бубенчик станет на пороге — взъерошенный от быстрого бега, неловкий от виноватости, с нерешительной и выжидательной улыбкой. И она скажет суховато:

«Ладно уж, входите, сударь, если пожаловали. Поговорим».

Она так и сказала (с замершим от радости сердцем), когда послышалось в дверях частое мальчишечье дыхание.

Но это был не Генчик. Чужой мальчишка.

На нем была старая зеленая майка, обвисшие

спортивные штаны. А сам — чумазый, со щетинистой стрижкой. Смотрел исподлобья.

Он сказал будто через силу:

— Здравст… вуйте…

— Здравствуй! Тебя Генчик прислал? — это вырвалось у Зои Ипполитовны само собой. И тут же мысль: при чем здесь Генчик? Это же один из его врагов!

Но мальчик кивнул:

— Да… — Потом сердито дернул головой. — Нет! Я сам… Но я от него. Дайте кусок от пластинки. Я ее склею.

— Какой кусок?

— Генчик сказал, что он у вас…

Зоя Ипполитовна вспомнила: да, он в самом деле выложил тогда на стол осколок пластинки. Сердито так, со стуком. И она убрала его на кухонную полку. Машинально.

Там осколок и лежал. Зоя Ипполитовна принесла его. Все это она делала со смутным ощущением, что подобные события уже были. Или сон такой она недавно видела и теперь вспоминала… По крайней мере, в поведении мальчика была какая-то предсказанность.

— Вот этот кусок. А остальные, значит, у тебя?

— Да… — Он взял осколок и той же рукой сер-

дито провел под носом.

— И что же теперь? Ты всерьез надеешься склеить пластинку?

Он опять сказал глухо:

— Да.

— Извини, но, по-моему, это безнадежное дело.

— Безнадежное для тех, кто не умеет… — В хмуром его голосе скользнуло превосходство.

— А ты умеешь?

— Умею! Меня дедушка учил. Он был мастер на это.

— Вот как… Ну, попробуй… — И не удержалась: — А зачем тебе это? Чтобы искупить вину перед Генчиком?

Он зыркнул угрюмо:

— Я ни в чем не виноват! Я же его тогда освободил…

— Ну, допустим… А зачем берешься за склейку?

Мальчик поднял голову. На миг с глаз сошла хмурая пелена. Он сказал ясно и дерзко:

— Неужели вы не понимаете? Я хочу с ним подружиться, вот и все.

Ей стало неловко за себя.

— Может быть, и понимаю… А если пластинка все-таки не склеится?

Он ничего не сказал. Двинул плечом и ушел, тихо прикрыв дверь.

Странный мальчик…

Пластинку, конечно, не отреставрировать, это слишком ювелирная работа. Если даже все куски безошибочно склеятся, игла патефона все равно будет прыгать на швах и скоро диск развалится снова.

Интересно, к кому он понесет пластинку, если все-таки починит? К ней или к Генчику? Скорее всего, к Генчику. «Я хочу с ним подружиться»… Возможно, они подружатся, если даже ремонт не удастся. Хотя очень они разные…. Впрочем, разные по характерам люди чаще всего и сходятся. Она и Ревчик тоже были совсем не похожие, а ведь водой не разольешь…

…Но если пластинка склеится, Генчик обязательно принесет ее сюда. Хотя бы для того, чтобы гордо сказать: «Вот, возьмите, пожалуйста. Она снова целая…»

Ох, если бы пришел…

Нет, едва ли это случится. У всего хорошего в жизни бывает конец. Наступил конец и странной дружбе старухи и мальчугана. Долго длиться она все равно не могла. Слишком уж это вопреки природе.

Зоя Ипполитовна пришла в комнату с портретом. Понимающе, но без особого сочувствия смотрел из облезлой рамы капитан Сундуккер. С грустной, чуть заметной улыбкой глядел с фотографии Тима Ревчик — издалека, из глубины времени…

Бригантина стояла теперь под портретом.

Зоя Ипполитовна погладила тонкий планшир фальшборта. Вот и все… Несколько лет трудилась над маленьким, но почти настоящим судном. Можно сказать, видела в этом смысл жизни. Прогоняла от себя мысли, что это всего лишь игра. Не хотела думать о том, что будет, когда кончится работа.

Но не думай или думай, конец все равно — вот он. Бригантина «Я больше не буду» готова полностью и даже совершила плавание. Мало того, она сделала ей, глупой тетке, подарок — подружила с Генчиком. И уж, конечно, не модель виновата, что дружба оборвалась.

Зоя Ипполитовна опять погладила планшир. Взяла с капитанского мостика синего пружинчика, побаюкала в ладони. «Только ты и остался…»

Затем она сварила на обед вермишелевый суп, но есть не стала, а лишь покормила неприхотливую Варвару.

После обеда она разбирала в ящиках бумаги. Выбрасывала старые письма и квитанции. Наткнулась на тетрадку со стихами, которые сочиняла в молодости. Стихи были глупые. Она скомкала тетрадь, чтобы тоже отправить в мусор. Но пожалела. Расправила опять и спрятала на дно ящика. Дочери потом найдут и лишний раз убедятся, какой сентиментальной дурой была их мамаша. Ну и пусть. Что было, то было…

Под тетрадь она положила недорисованные портреты Генчика: маленький карандашный набросок и акварель. Чтобы не бередить душу. Закончить все равно не удастся, пальцы совсем перестали слушаться…

До полуночи она сидела у лампы с книгою — «Письма И.С. Тургенева из Парижа». Машинально водила глазами по строчкам и слушала тишину. Тишина была не полная — часто разгонял ее гул поездов на насыпи.

Когда пробило двенадцать, Зоя Ипполитовна легла. Приняла таблетку снотворного. И поняла, что утром ей не захочется просыпаться…

МЛАДШИЙ СПАСАТЕЛЬ БУБЕНЦОВ

1

Генчик не верил, что Бычок склеит пластинку. Разве такое возможно? Подогнать одну к одной тончайшие бороздки! И сделать так, чтобы все держалось прочно…

И, конечно, не было смысла искать Бычка, чтобы отдать ему последний кусочек пластинки.

Но осколок обжигал Генчику ладонь. В буквальном смысле. Словно втыкал в кожу иголки крепкого электрического тока.

Только это был не ток, а совесть.

Потому что дело не в пластинке. Дело в Бычке, который сложит все куски черного диска и увидит, что в нем пробоина.

Было в этом что-то обидное и горькое, похожее на измену.

— Да оставьте вы меня в покое! — отчетливо сказал Генчик. Себе сказал, и этой дуре-совести, и Бычку, и всему белому свету. И совсем уже размахнулся, чтобы закинуть осколок в сорняки. Там не найдешь! И всем вопросам конец!

Но вместо этого Генчик ушел в дом и завернул

черный кусочек в обрывок газеты. И спрятал в карман.

А дальше что?

Генчик понятия не имел, где искать Бычка. Ждать, когда тот придет сам? А если не придет? Увидит, что пластинку починить нельзя, и не захочет показываться Генчику на глаза…

— Как же быть-то? — спросил себя Генчик.

В самом деле, не тащиться же сейчас в Хорошиловский переулок, не искать же компанию Круглого и не спрашивать же: где живет Бычок?

Генчик даже запыхтел от злости в ответ на такую идиотскую мысль.

Но… других мыслей не появлялось. А эта — не отвязывалась, как Генчик ни мотал головой.

Может быть, не так уж это и глупо? Если он придет без страха, без оружия, глянет на них в упор и скажет прямо: «Мне до зарезу нужен Бычок! Можете вы это понять? Ну, вы же люди все-таки! Хоть немножко…»

Возможно, опять утащат в развалины и привяжут. Или придумают что-нибудь новое. Но, может быть, и не тронут? Ведь не погнались же в тот раз, не стали хватать, когда он грохнул пластинку…

Было у Генчика предчувствие, что больше мучить его не станут. А если и схватят, то пусть!

После всего, что случилось, не осталось у Генчика страха. Только грустная гордость…

И он поехал в Окуневку. На трамвае.

Погода между тем портилась. Стало пасмурно, в тополях гудел ветер. Он приносил охапки мелкого дождя. В трамвае-то было не холодно, а когда Генчик выскочил на Зеленой остановке для пересадки, по рукам и ногам — сразу колючие мурашки. Ох, надо было одеться потеплее. Да теперь не возвращаться же. Ветер трепал воротник и полы «горошистой» рубашки. Генчик поскорее прыгнул в вагон «семерки»…

В тесных улицах Окуневки было не так зябко. Ветер запутывался в заборах и частом кустарнике. А если и вырывался на свободу, то дул Генчику в спину. Помогал ему бежать. Иногда так шуршал в траве и листьях, что Генчику казалось: кто-то бежит следом. Но Генчик не оглядывался. Оглянешься — задумаешься, задумаешься — начнешь бояться. А сейчас Генчик не боялся. Почти. И с размаха влетел в знакомую калитку с номером «два».

Двор был пуст. За высоким штабелем досок укрывалась от ветра и мороси круглолицая девчушка лет шести. Заворачивала в разноцветную косынку плюшевого мишку. Наверно, сестренка

Круглого. Очень похожа лицом, только симпатичнее.

— Где ребята? — с разгона спросил Генчик. — Где твой брат? Дома?

— Не-а… — Девочка не удивилась. Наверно, решила, что Генчик — их приятель. — Они на берегу. У лодки. Хотели меня покатать, а потом прогнали, потому что ветер…

— Где это на берегу? Берег большой…

— Вон тама… — Она махнула мишкой непонятно куда.

— Где «тама»?!

— Ну, как пойдешь по нашему переулку, то в конце его. За двухэтажным домом.

Переулок был извилистый, но не длинный. И скоро Генчик увидел старый двухэтажный дом из бурого кирпича. А рядом с ним — забор, а в заборе — дыру. Он с разбега сунулся в эту дыру, а в спину его опять подтолкнул сырой ветер. И Генчику открылось неласковое серое озеро с пенными гребешками.

Между забором и берегом был пустырь, на дальнем краю его Генчик увидел тех, кого искал.

Круглый, Буся, Гоха и Миха о чем-то спорили. Выражаясь по-современному, «базарили». Буся разок замахнулся кулаком, Гоха и Миха наска-

кивали друг на друга по-петушиному. Потом замолчали. Увидели Генчика. Уставились, пооткрывали рты.

Генчик остановился в трех шагах. Ветер опять сильно трепал его рубашку.

— Глянь-ка, парни, кто возник… — проговорил наконец Круглый.

— Его нам только не хватало, — отозвался Буся. Без особого удивления. И, кажется, без злости. Он кутался в прозрачную накидку с капюшоном.

Гоха (или Миха) сумрачно спросил:

— Чё приперся? — но тоже без большой сердитости.

Может, они решили, что он пришел проситься в их компанию?

Генчик громко и отчетливо сказал:

— Мне надо Бычка! — И обнял себя за плечи, чтобы не дрожать.

— Ну а мы-то при чем? — отозвался Круглый. И надулся. — Он еще позавчерась отвалил куда-то…

— А где он живет?

— Мы тебе кто? Адресное бюро? — сказал Буся.

— Иди отсюда… — посоветовали вместе Гоха и Миха. По-чему-то с унылостью. А Круглый объяснил:

— Черт его знает, где живет. Он недавно тут начал ошиваться. Где-то на Урюпинском спуске обитает. С папой-алко-голиком… И сам такой же недоделанный…

— Да он в тыщу раз доделанней тебя! — взвился Буся. — Уж он-то Шкурика не оставил бы!

— А я-то чё! Клетка была под дерюгой, я думал, он там! А Гоха-Миха куда глядели, паразиты!

Генчик только сейчас обратил внимание: пустая клетка Шкурика валяется тут на боку. И словно дернули его за язык:

— Где вы его оставили?

— А чё? Опять боишься? — хмыкнул Круглый. Но Буся вдарил по нему злым взглядом, а Генчику сказал:

— Вон там, на Горбунце…

Горбунец был крошечный островок, едва видимый за гребешками волн. Он был плоский, несмотря на «горбатое» название.

Буся — он то ли ощутил что-то вроде симпатии к Генчику, то ли решил еще раз досадить виновнику злым своим рассказом:

— Мы там раков ловили, пока не задуло. Начали сматываться. Я этому круглому придурку говорю: «Возьми Шкурика в лодку», а он, зараза, пустую клетку… А Шкурик за камнями остался

привязанный… Как дождь разойдется, уровень подымется, потому что плотина закрыта аж до августа. Горбунец — весь под воду, и капут шкыдленку… Ладно хоть клетка осталась…

— А почему не сплаваете за ним? Вон же лодка!

Круглый опять хмыкнул и поежился. Он теперь вовсе не выглядел главным. А Буся зло плюнул:

— Ни фига себе, «сплаваете»! В такой-то свистодуй!

— По ветру же! Он же быстро донесет!

Широкая плоскодонка болталась на отмели — была привязана к торчащему из песка столбу. Она была не просто лодка, а парусник: с шестом вместо мачты, с привязанной к поперечине широкой мешковиной. Сейчас мешковина была собрана в гармошку, но Генчик видел: дерни за шнур, и парус тут же распутается.

— Туда-то по ветру! — плаксиво сказал Гоха (или Ми-ха). — А обратно как? Один раз и то еле выгребли. Она к тому же течет, подлюга…

— А зачем обратно? — Генчик сам не понимал, с какой целью спорит. Хотя нет, понимал: представил, как жмется в траве под дождем вымокший крысенок… Ну и пусть жмется! Так ему и надо, гаденышу… И все же Генчик сказал угрюмо: — С

Горбунца можно на тот берег, он же там рядом.

— Ага! — взъелся Буся. Чересчур зло. — А потом вокруг озера пилить обратно, под дождем, да?.. Черт с ним, проще нового поймать да выучить. Они легко дрессируются…

— Ты, что ли, совсем сволочь? — тихо удивился Генчик. И перестал дрожать.

Конечно, они могли сейчас кинуться и раскатать его в блин. Не кинулись. Только захлопали глазами. А Буся заулыбался издевательски. Сверхиздевательски:

— Ты чего вдруг так полюбил этого шкыдленыша?

— Я не полюбил. Но он же… живой.

— А ты про это помнил, когда стрелял?

— Но я же… не в своего. Я его ненавидел! А ты… Он же твой! Ручной.

Буся зевнул.

— Вот именно, что мой. Что хочу, то и делаю, не твоя забота, птенчик… Если ты такой любитель животных, плыви и выручай…

Это он, конечно, так просто брякнул. Точно знал, что никуда этот хлюпик в «горошистой» рубашке не сунется. В такую-то ветрягу и волну! Даже и к лодке-то не подойдет.

А Генчику на миг стало жарко. И ветер в ушах

загудел ровно и зовуще. Словно это был океанский ветер.

Может быть, именно так гудели зюйд-весты и норд-весты в снастях бригантины капитана Сундуккера…

Недруги смотрели на Генчика не двигаясь. У него защипало в глазах от горячего злорадства: ага, не можете, гады! Это вам не вчетвером мучить одного!..

Да нет, не в том дело. Просто если где-то жмется от холода близкой гибели живой комок, кто-то же должен…

«Он же прирученный. Он думает — придут и спасут…»

Генчик дернул с Буси прозрачную накидку, набросил на себя. Буся стоял опустив руки и ничего не спросил. Генчик двумя рывками освободил на столбе швартовый конец. Не снимая сандалий, вошел в воду. У лодки воды было выше колен. Генчик неловко, но быстро перебрался через дощатый борт. Накидка мешала, ветер нещадно трепал ее, брызги громко били по жесткому полиэтилену.

Генчик рванул конец, который удерживал на рее свернутый парус. Мешковина распустилась, заполоскала, как большое знамя. К нижним уг-

лам ее были привязаны веревки (Генчик помнил, что это шкоты). Он по очереди ухватил левый и правый шкот, примотал их к большим гвоздям, вбитым на бортах. Все это — уже в движении. Лодку относило от берега дальше и дальше. Качало. Но здесь, недалеко от земли, волны были еще не сильные…

2

Когда мешковина перестала дергаться и упруго надулась, Генчик схватил весло. Обивая колени о шпангоуты, пробрался на корму: руля-то нет, надо править веслом.

Весло было увесистое. Но лодка послушалась, повернула нос точно к Горбунцу.

С берега что-то кричали. Кажется, «потонешь, псих» и «давай обратно, дурак». Но обратно было не повернуть, если даже захочешь. И Генчик не смотрел на берег. Глянешь — и страшно.

А пока большого страха не было. Так, небольшая дрожь. Может, от азарта, а может, от сырости и ветра. Ветер прижимал к спине и плечам полиэтилен, дергал на голове хрустящий капюшон.

Скоро Генчик освоился, разобрался в обстановке. Плоскодонная посудина — широкая, надежная. Едва ли она может перевернуться.

Волны, правда, сделались крупнее, но не перехлестывали через корму. Они плавно подкатывали под нее (слегка захватывало дух), проходили под днищем, поднимали нос и убегали вперед, шипя пенистыми желтыми гребешками.

Вся вода была почему-то желтоватой, словно Генчик смотрел через очки-фильтры. Может, через тучи пробилось незаметное солнце и растворилось в воде?

Генчику стало даже нравиться это приключение. Второй раз в жизни он плыл под парусом. Но первый раз — это с Петей, там не было ни риска, ни нужды проявлять отвагу. А теперь он был капитан! Он спешил на помощь…

Он умело спешил: Горбунец делался все ближе. Не такой уж дальний путь до него, на Верх-Утятинском озере здесь самое узкое место. Генчик замурлыкал:

Ты — ковбойша, я — ковбой,
Поженились мы с тобой… Ой!

«Ой» — потому что из-под заплаты в днище, недалеко от кормы, вдруг плеснула вода. Прозрачным языком шириной в ладонь. Заплата была жестяная, прибитая гвоздиками. Генчик, удерживая весло, ногой дотянулся с кормовой

скамьи до заплаты, ударил пяткой по жести.

Зря ударил! Жесть прогнулась, из-под нее выскочила гнилая щепка. И вода захлестала!

Черпать было нечем. Да и весло-то не бросишь!

Теперь все изменилось, теперь была беда. Крушение! И оставалось полагаться на судьбу: может быть, лодку принесет к Горбунцу раньше, чем придет ей время идти ко дну.

А может, она и не пойдет ко дну! Деревянная же! Ну наполнится, перевернется, но уцепившегося Генчика все равно удержит. И в конце концов прибьется к земле.

Вода рвалась в лодку уже изо всех сил. Жесть отогнулась, струя была толщиной в руку. Ноги залило по косточку. Потом еще выше. Корма осела, сзади хлестнул гребень. Генчик перепуганно бросил весло, перебрался к мачте, вцепился в нее, стоя на коленях. Накидку с него сорвало и унесло. Наплевать! Лишь бы не перевернуться.

Горбунец был уже — вот он. Однако потерявшую управление плоскодонку ветер гнал теперь мимо.

Генчик понял, что пронесет его метрах в десяти от острова.

Может, и хорошо? Пронесет — и ладно. Еще

несколько минут — и твердый надежный берег. Он всего-то в полусотне метров от Горбунца. А там — улица Дорожная, теплый автобус, десять минут — и дома.

А Шкурик… Но Генчик разве виноват? Он сделал все, что мог…

Все?

Здесь, у плоского островка, волны были меньше, днище чиркнуло по отмели. И Генчик… он отцепился от шеста и сиганул через борт.

Всего-то до колен! Генчик бросился к носу, чтобы ухватить швартовый конец. Но лишенная тяжести лодка приподнялась, волна толкнула ее, ветер надавил… Чертова посудина пошла, пошла — легко и ровно! Генчик хотел догнать, ухватить ее за борт, а нога зацепилась за подводную корягу. Ген-чик плашмя плюхнулся в воду. Небольшая волна насмешливо прокатилась над ним.

Генчик вскочил. Теперь он был мокрый с ног до головы, на ветру. Лодка быстро откатывалась, качалась среди гребней. Генчик метнулся за ней, но попал на глубину и в страхе выбрался обратно. И заплакал — от досады, холода и безнадежности.

Всхлипывая, он выбрался на островок. Подрожал, повсхлипывал еще и глянул на недалекий берег. Может, кто увидит мальчишку на острове

и выручит?

Берег с его кривыми заборами, пустырями и огородами был пуст. Но…. от Горбунца к «большой земле» тянулась цепь камней, бетонных блоков и балок, заливаемых волнами.

Генчик мигом вспомнил, что когда-то Горбунец соединялся с берегом дамбой. Потому что на острове стояла будка с насосом для авторемонтных мастерских.

По остаткам дамбы, наверно, можно добраться до берега!

По крайней мере, это была надежда. А надежда всегда придает силы.

На островке сохранился фундамент насосной станции. Высотой в полметра. Генчик, прячась за фундаментом от ветра, выжал рубашку и майку. Крепко-накрепко. Подержал их на ветру, чтобы стали посуше. Конечно, полностью одежда не высохла, но все же теперь не липла к телу. И вообще Генчику было уже не так холодно — видимо, притерпелся.

Он стал искать Шкурика.

Долго искать не пришлось. Шкурик был неподалеку, сидел среди кирпичных обломков, вцепившись передними лапками в колышек, к которому его привязали. Совсем как Генчик,

недавно цеплявшийся за мачту. И мелко-мелко дрожал.

Без малейшего отвращения и страха Генчик взял звереныша в ладони. Горячо задышал на него, чтобы согреть. Шкурик благодарно пискнул, ткнулся носом в ладонь, ухватился за палец, съежился.

— Подожди… — Генчик сел, положил Шкурика на колени, сдернул рубашку. Завернул крысенка. Подышал еще сквозь влажную ткань. Встал. С обоих колен текли жидкие кровяные струйки. Генчик и не заметил, когда ободрал. «Козимоду бы сюда, вмиг бы вылечила», — подумал Генчик с грустной усмешкой.

И с притихшим тряпичным свертком в ладонях (синим в белый горошек) вошел он в воду. По пояс. И шагов через десять добрался до первого камня. Вернее, до кирпичной глыбы. Отсюда тянулись остатки каменной стены — у самой поверхности. Генчик снял сандалии и сунул под резинку на шортах — босиком по скользким камням пробираться легче. И пошел.

Он одной рукой прижимал к груди запеленатого Шкурика, другой махал, будто канатоходец.

Здесь, в проливе между Горбунцом и берегом, ветер «заходил», дул теперь не в спину, а сбоку.

Волны перекатывались через камни слева направо, гребешки били Генчика по ногам, хотели столкнуть. Но он все же пробирался к спасительной земле — где по щиколотку, где по колено, а где и по пояс.

Он опять начал гордиться собой, потому что все делал как надо. И сквозь дрожь — снова:

Тра-та-та и тра-та-та,
Вот какая красота!
Для ковбойши, для ковбоя,
Для кобылы без хвоста…

И судьба отомстила Генчику за эту гордость. На середине пути камни кончились. Он попытался нащупать их ногами, ухнул по горло и отчаянно выбрался назад, на скрытый под водою бетонный блок.

Над поверхностью торчала из блока ржавая балка. Шириной с Генчика. Этакий могучий рельс — кривой, с выступами по краям.

Генчик укрылся за этой балкой от ветра, прижался с бугристому железу спиной. Глубины было то по колено, то по пояс — зависело от наката волн. Порой волна ударяла так, что гребень взлетал по балке, как по желобу, и брызги сыпа-

лись Генчику на голову.

Над головой летели серые и глинисто-желтые клочья облаков. Генчик, содрогаясь от озноба, смотрел то на облака, то влево — на берег. Там к песку прибилась сбежавшая от него лодка. Шкоты порвались, парус опять полоскался — как развешенная для просушки скатерть.

Совсем недалеко. Если бы не такие волны, Генчик бы доплыл. Ему даже захотелось в воду — в ней теплее, чем на ветру. Может, попробовать? Но плыть он мог, лишь махая двумя руками. А куда денешь Шкурика?

«Посажу на голову! Вцепится в волосы, удержится… А если нет? Но я же не виноват! Здесь мы оба пропадем…»

Они не пропали. Когда Генчик, дрожа, начал разворачивать рубашку, в пролив между берегом и Горбунцом влетела знакомая моторка.

И никаких лишних слов и вопросов! Только по делу!

— Я не подойду, расшибет о камни! Поймаешь веревку?

— Давай!

Бил озноб, но Генчик сумел прижать локтем брошенный конец, потом привычно, одной рукой, опоясал себя беседочной петлей. Пригоди-

лась наука…

— Тащи! — И Шкурика покрепче прижал к груди.

Потом — желтая вода над головой, плеск в ушах, гулкий металлический борт, крепкие руки спасателя Кубрикова. Пыльный брезент, окутавший тело, — такой спасительно сухой. Что-то горячее из термоса. Тепло по жилам.

— Кха… Ой… Петь! Ты как меня нашел? Случайно?

— Не случайно. Пацан прибежал, закричал, что тебя на остров сдуру понесло…

— Не сдуру. За Шкуриком… Петь, дай что-нибудь сухое, Шкурика завернуть.

Петя сунул ему кусок ветоши.

— Петь, а кто прибежал? Бычок?

— Не знаю, бычок или корова. В очках…

— Кто же это?

Но тут сладко навалилась дрема. Двигатель стучал так ровно, качало так уютно…

Оказалось, что спаситель Генчика — не Бычок. И не кто-то из компании Буси и Круглого (на фиг им Генчик нужен!). Когда Петя внес завернутого Генчика в дежурку, тот увидел… Федю Акулова!

Генчик задрыгал ногами.

— Карасик! Ты тут… чего?

Тот смотрел прямо (за очками глаза большие и честные):

— Я шел за тобой следом. Думал, они на тебя набросятся, а я заступлюсь. И тогда мы с тобой помиримся…

— Мы же… вовсе и не ссорились. — Генчику вдруг опять захотелось плакать. От непонятной жалости: то ли к Карасику, то ли к себе, то ли к притихшему у груди Шкурику.

— Ну… все равно. Я шел за тобой и… Ну, в общем, следил. Спрятался у забора и все слышал. Хотел за тобой в лодку, но… не успел. И побежал сюда…

Они помолчали.

Генчик тихо попросил:

— Ты все равно приходи…

— Не знаю. Может, потом… — И Карасик боком выскользнул из дежурки. Странный такой Карасик. Спас Генчика, а все равно будто виноватый…

Петя возился с жарким электрическим обогревателем. Шкурика распеленали. Он теперь сидел у рефлектора и умывался черными лапками. Ожил…

Петя принес просторную клетку.

— Раньше тут жили два попугая. Этому зверю в самый раз…

Потом он велел Генчику раздеться, уложил вниз пузом на лавку и начал тереть рукавицей из шинельного сукна. Генчик терпел, терпел и заверещал.

— Орешь, значит, будешь жить, — с удовольствием сказал Петя.

— Ой, хватит! Всю кожу содрал!

— Так тебе и надо! Чтобы дурью не маялся! Понесло его через озеро в дырявой лодке! Спасатель нашелся!

— Ну и спасатель! Да! Я… живое существо спас!.. Ай!.. Ты старший спасатель, а я младший!.. Ну, хватит меня обдирать!

— Спасатели — и старшие, и младшие — должны головой думать, а… не вот этим местом! Чтобы их самих спасать не пришлось! Мореплаватель в разбитом корыте…

— Ай!.. Я больше не буду!.. Хватит! А то Ленке скажу, чтобы не выходила за тебя!

— Я вот тебе скажу… — Петя поставил Генчика на ноги, закутал в мохнатую фуфайку и опять дал глотнуть горячего чая с сахаром. Просто кипяток!

— Ты меня уморишь, — отдышавшись, сказал Генчик. — Хватит меня мучить, я домой хочу…

— Сиди, пока шмотки не высохли… И расскажи

про все подробно.

Генчик рассказал. И признался даже, как раньше боялся Шкурика и как его чуть не прострелил.

Петя слушал задумчиво. Потом пообещал:

— Я про этот случай рассказ напишу. Будет называться «Младший спасатель Бубенцов».

— Правда? Значит, я попаду в книжные герои! Ура…

— Ну, до книжки мне далеко. А в газете, может, напечатают.

— Хорошо иметь родственника-писателя…

— Ты мне подразнись! Опять варежку возьму.

— Я больше не буду!

Когда одежда высохла, Петя отвез Генчика на моторке к Тележному спуску. И проводил до дома.

Они внесли клетку со Шкуриком в сарай. Шкурик подозрительно принюхивался. Генчик принес ему горсть пшена и молоко в блюдце. Чем кормить детенышей болотных крыс-мутантов, он не знал. Шкурик попробовал и пшена, и молока. И стал умываться. Ну совсем как человечек.

Генчик и Петя постояли над клеткой.

— Вроде бы очухался, — сделал заключение Петя. — Значит, не помрет.

Петя ошибся. Когда на следующее утро Генчик прибежал в сарай, Шкурик лежал в клетке неподвижно. Скорчился и прижимал к груди черные ручки. Глаза были задернуты пленкой.

Генчик просунул руку. Потрогал Шкурика. Погладил. Потом принес со двора большой лопух. Завернул в него крысенка. Только острый голый хвост торчал из лопухового свертка.

Генчик похоронил беднягу Шкурика за сараем, недалеко от своего игрушечного города. Никуда не денешься, рядом с городом всегда бывает кладбище.

В плоский холмик он вкопал похожий на пирамидку обломок кирпича и написал черным карандашом:

ШКУРИК

Большой печали Генчик не чувствовал. Что поделаешь? Он старался, он спасал. Раз несчастный Шкурик не пережил вчерашнего, значит, такая у него судьба.

Правда, ресницы все-таки слегка намокли…

Конечно, жаль Шкурика… Если все живое появляется на свет не зря, значит, и этот шкыдленок жил для какой-то пользы. Для какой? Чтобы радовать своего хозяина Бусю? Но тот его предал… А

может, для того, чтобы отучить от страха Генчика Бубенцова?

«Тогда спасибо тебе, — мысленно сказал Генчик Шкурику. А потом вдруг подумалось дальше, о себе: — А от тебя-то какая польза? Ты зачем на свете?»

В самом деле, какой от него, от Генчика, в человеческой жизни прок? Что он сделал хорошего? Пожалуй, одно: помог старой тетке достроить модель… Но и эта история окончилась плохо.

Нельзя, чтобы она окончилась так!

Генчик понял, что сейчас побежит к Зое Ипполитовне. Сию минуту! В конце концов, есть повод: надо отдать пистолет… А дальше будет видно.

Но расстаться с пистолетом вот так, сразу, было жаль. И Генчик пострелял с крыльца. По бельевым прищепкам на веревках, по жестянкам и головкам одуванчиков.

Меткость была уже не та, что прежде. Случалось, что и мазал. Но огорчения Генчик не чувствовал. Теперь — не все ли равно?

Наконец не осталось в карманах шариков-пуль. Генчик

нащупал напоследок лишь сухую мелкую горошину. Что ж, она тоже годилась.

Но с крыльца Генчик стрелять не стал. Он

подумал, что надо отдать салют над могилой Шкурика. Зарядил последний раз пистолет и пошел за сарай.

Там… ну надо же какое свинство! Раздавив краем восточную часть игрушечного города, лежала в траве летающая тарелка. Выпуклая, серебристая, метра три в диаметре. Блестела иллюминаторами. Как ни в чем не бывало!

Генчик просто обалдел от такой наглости. Разлеглась, как у себя дома!

— А ну, пошла отсюда!

Тарелка тяжело поднялась и повисла метрах в семи от земли. На траве и городе темнела ее круглая тень.

Городской парк с каруселями, мост через канал, дома вокруг площади с фонтаном и сам фонтан — все оказалось всмятку. Валялись вдавленные в песок разноцветные пружин-чики.

Генчик брякнулся над развалинами на колени. В сердцах пальнул через плечо в сторону тарелки и стал горестно собирать несчастных жителей города в ладонь…

НАСЛЕДСТВО

1

Зоя Ипполитовна поднялась поздно. Вялая, как после гриппа. В окна било солнце — словно и не было вчерашнего ненастья.

Но хорошая погода не прибавила бодрости.

Зоя Ипполитовна сварила себе кофе, а Варваре дала вчерашнего супа. Варвара брезгливо фыркнула.

— Тогда лови мышей, — сказала ей Зоя Ипполитовна. Варвара дернула хвостом: где, мол, они у вас, мыши-то? И ушла на двор.

Зоя Ипполитовна поставила на электрическую плиту оцинкованный бачок с водой. Для стиральной машины. Конечно, и душа болит, и скорченные пальцы ноют, но, пока жива, забрасывать хозяйство нельзя…

Вода грелась долго. А когда в бачке наконец забулькало, в наружную дверь застучали. Зоя Ипполитовна отодвинула щеколду, которой запиралась в доме на ночь. Неужели Генчик?

Это был вчерашний мальчишка. С пластинкой в бумажном конверте. А сам — перемазанный, в

пыли и черных крошках. Запыхавшийся, сердитый. Не поздоровался. Просто протянул конверт:

— Вот. Готово.

Зоя Ипполитовна недоверчиво потянула из конверта тяжелый диск. Пластинка оказалась цела.

Ни малейшей трещинки, никакого следа склеек.

— Это… чудо какое-то! Как ты сделал? Будто она и не разбивалась.

Мальчик вскинул ресницы — словно припорошенные сажей.

— Я не смог склеить, не хватило куска. Это другая.

— Как другая?… Откуда?

Он сказал с легкой неохотой, но без задержки:

— Из дедушкиной коллекции.

— Вот как…

Странно это все было. Непонятный ребенок.

— Послушай, мальчик, но зачем? И дедушка… Он разрешил тебе?

— Он умер. Год назад… Он всю жизнь собирал старые пластинки, да теперь мало осталось. Почти все снесли в «комок»…

— Куда?

— В комиссионку.

— Господи… Кто снес?

Он теперь глядел мимо нее. Сказал угрюмо и откровенно:

— Кто-кто… Мать с отцом. С новым… Когда не было денег, чтобы керосинить. Я не успел помешать…

«Как это керосинить?» — чуть не спросила она. Прикусила язык. Нельзя же быть наивнее мальчишки.

— Ну-ка заходи… Как тебя зовут?

— Руслан… — Он не стал упрямиться, прошел за хозяйкой на кухню.

Робко посмотрел на свои перемазанные кеды.

Зоя Ипполитовна положила пластинку на кухонный стол. Подумала: принимать ли подарок? Но сказала о другом:

— Руслан… Прямо богатырское имя. А есть какое-ни-будь… помладше?

Он ответил уже без хмурости, но тихо:

— Раньше было. Дед звал Руськой…

— Что ж, славно, — вздохнула она. Почуяла мальчишечью печаль. — Но скажи… Руська… Почему ты все-таки решил отдать мне эту пластинку?

Он глянул как вчера — прямо и с вызовом:

— Я уже говорил! Я хочу подружиться с вашим

Генчиком!

Это «с вашим» грустно согрело ее на миг. Но ответила она

без пощады к себе:

— Тогда и надо было нести пластинку к нему. Боюсь, что сюда он больше не придет.

— Я и хотел к нему! А по дороге встретились эти… ну, с которыми я раньше был. И за мной… За себя-то я не боялся, а пластинка… Третью такую же нигде не добыть, Ну и начал драпать…

Он впервые сказал такую длинную фразу. И, кажется, запыхался. Задышал часто.

— Похоже, что «драпал» ты через угольные кучи…

— Ну да! Там за складами котельная и рядом уголь — прямо курганы. Я думал, те через них не полезут. А Круглый кричит: «Вперед, не отступать!..» Наверно, догнали бы, но тут откуда-то коза… говорящая… Они ее боятся. Она как заблеет: «М-ме-елочь пузатая! Пошли прочь, а то приму м-ме-еры!» Не верите?

— Верю. Генчик про нее рассказывал…

— Ну вот… А я подумал: до вас ближе, чем до него. Лучше не рисковать…

— Возможно, ты правильно подумал. Но сюда Генчик едва ли придет…

Руслан (Руська!..) смерил ее грустным взглядом. Сказал со вздохом умудренного взрослого:

— Да куда он денется? Он без вас не сможет. И без вашего корабля…

И вдруг оживился. В глазах — блестящие точки. И озорное нетерпение:

— А можно мне посмотреть на ваш корабль? Я его только издалека видел, один раз…

— Разумеется, можно. Однако…

— Я понимаю! Руками не буду, только глазами…

— Не в том дело. Подожди… — Зоя Ипполитовна вышла и вернулась с потертым мохнатым халатом, в который заворачивалась после купания. — Вот… На дворе душ, смой с себя хотя бы верхний каменноугольный слой. Надень это и принеси одежду. У меня как раз вода согрелась для стирки… Кстати, и голову тебе вымою, потому что холодная вода твой ежик не возьмет… И не возражать!

Думала, заупрямится. Но он вдруг блеснул белыми зубами. Сдвинул пятки. И дурашливо, так похоже на Генчика:

— Есть, господин адмирал!

И она засмеялась:

— Шагом марш на водные процедуры… мичман

Руська.

В этот миг в комнате затрезвонил телефон.

Звонил Генчик. Она поняла сразу, когда еще слов не услышала, а только сопение этого негодника.

— Здрасте… это я…

— Да уж чувствую… — Ох, откуда у нее снова тон строгой тетушки?

— Зоя Ипполитовна, а можно я… появлюсь?

— Что ж, появляйся. Куда тебя денешь…

— А… можно я спрошу?

— Что?

— Мы с вами тогда… поссорились?

Ей бы, старой ведьме, воскликнуть: «Да хватит об этом, Бубенчик! Я тебя жду!» А она:

— Ты сам-то как думаешь?

Опять сопение и вздохи.

— Я думаю, что все-таки, наверно, да…

— Вот видишь! А кто виноват?

— Ну… наверно, все-таки я…

— Хорошо, что ты это понимаешь.

— Ага… Но ведь можно же помириться.

— А что говорят провинившиеся мальчишки, когда хотят, чтобы их простили?.. А?

Он шумно дышал там далеко, в будке телефона-автомата. Может быть, обиделся? Не надо…

Генчик неуверенно хихикнул:

— Динь-дон…

— Что-что? Ох и безобразник же ты!

— Они говорят: «Динь-дон», — уже без робости, от души завопил Генчик в трубку.

— Сию минуту марш на трамвай и — ко мне!

— Я уже там, где пересадка!

— То-то же… Кстати, у меня есть для тебя сюрприз.

— У меня, кстати, тоже… — Голос у него прозвучал как-то странно.

— Надеюсь, это не связано со стрельбой?

— Вообще-то… связано. Только не бойтесь, он хороший — этот сюрприз!

— Имей в виду: если опять что-то натворил, будет тебе на орехи!

— Не-а! Вы обрадуетесь! — И гудки.

Прибежал из-под душа Руська. Продрогший.

— Ничего! Сейчас согреешься!

И на радостях Зоя Ипполитовна так взялась за него, что бедняга завопил:

— Горячо же! И глаза щиплет!

— Зато будешь самый чистый Руська на свете…

— Не хочу самый… ай!

Он вертелся, как вьюн, пока она мыла и вытира-

ла ему голову и плечи. Пришлось даже шлепнуть между лопаток. Он не обиделся. Намотал на голову полотенце, выпятил под халатом живот:

— Я похож на турка! Да?

— Самый настоящий турчонок… Ну, пойдем, покажу корабль.

За плечи подвела она Руську к «капитанской» комнате и толкнула дверь. А сама вернулась на кухню. Пусть мальчик смотрит на корабельные чудеса без стесненья.

Зоя Ипполитовна выстирала Руськины штаны и майку,

развесила на дворе. Вернулась. Заглянула в комнату с кораблем.

Руська стоял неподвижно и смотрел. Но смотрел не на бригантину, не на глобусы и корабельные приборы. Вскинув голову, он замер перед фотографией Ревчика.

Услышал шаги, оглянулся. В глазах — тревожный, жалобный какой-то вопрос.

— Она у вас откуда?

— Что?

— Карточка. У нас… у меня есть такая же, только поменьше. Это дедушка, когда был мальчик.

2

Генчик появился через полчаса. К тому времени Зоя Ипполитовна уже знала историю Руськиной жизни. Прямо скажем, невеселую.

Руськин дед, Тимофей Константинович Ревва, после долгой службы в авиации работал в конструкторском бюро, в Москве. Потом ушел на пенсию. Была у него дочь — Руськина мать. Был у нее муж — Руськин отец. Работал инженером на химическом заводе. Там рванула однажды емкость с ядовитым газом, и отца не стало. Руське было тогда семь лет.

Мать погоревала и вышла замуж снова. Новый папаша оказался ничего, но…

— Любил вот это… — И Руська звонко щелкнул себя по тонкому горлу.

Мало того, что сам любил. Начал и жену потихоньку приохочивать к тому же. Сядут вечером на кухне и рюмочку за рюмочкой… Тимофей Константинович наконец разобрался, что к чему. Был он человек решительный и попросту выгнал Руськиного отчима из дома. А дочери велел забыть о нем. Та, как ни странно, послушалась.

После этого дед решил расстаться со столицей, вернуться в город, где родился и учился в школе.

Под старость ему стало казаться, что на родине жизнь пойдет лучше. Руськина мать не спорила. Может, и ей хотелось перемен, чтобы позабыть прошлые беды.

Дед умер прошлой весной, не успел уехать в Белорыбинск.

Но Руськина мать не оставила этих планов. Московскую квартиру продали, деньги выручили немалые. Хватило и на переезд, и на покупку однокомнатной квартиры здесь, на окраине Окуневки. Больше им вдвоем и не надо было.

Но вдвоем они жили недолго. Мать стала работать в художественных мастерских при ткацкой фабрике и там познакомилась с неким Аркадием Артемычем.

Сперва Артемыч показался Руське «нормальным дядькой». Тихий такой, добрый. Но скоро стало ясно — такой он, пока трезвый. И началась прежняя жизнь — такая же, как при московском отчиме. Только деда не было, а Руська попереть Артемыча из дома, конечно, не мог.

Он стал уходить из дома сам. И наконец притерся к компании Круглого и Буси. Но, видать, притерся не очень крепко, раз все закончилось таким образом… Наверно, крепко все же сидела в Руське память о деде, который всегда стремился

жить ясно и без всякого зла.

— Послушай, Руська… А про свои давние годы дедушка рассказывал? — спросила Зоя Ипполитовна. И смутилась, как девочка.

— Да… — Руська кивнул тюрбаном, тот развалился и упал на пол. Руська не стал наматывать его снова. — Он рассказывал. Про всякое. И как дружил с девчонкой. Ее звали Зойка-Пароход… — Руська глянул хитровато, заелозил на табурете, стал тереться отмытым ухом о плечо. Халат съехал с плеч, сполз до пояса, и Руська сидел теперь коричневый, костлявый и какой-то очень беззащитный.

Зоя Ипполитовна провела по его щетинистой макушке ладонью. В это время и возник на пороге запыхавшийся Генчик.

Он увидел Руську, замигал.

— Знаешь, кто это? — значительно произнесла Зоя Ипполитовна.

— Знаю, конечно. Б… Бычок… Привет.

— Не бычок, а Руслан. Но не в этом дело. Он — внук Тимы Ревчика. Того самого! Можешь себе представить?

Генчик, разумеется, удивленно замигал опять. Но его изумление было меньше, чем ожидала Зоя Ипполитовна. Генчик склонил голову к пле-

чу, осмотрел Руську как бы заново. Поскреб в затылке.

— Вот это да… Какое совпадение.

— Это не просто совпадение. Это судьба, — произнесла Зоя Ипполитовна. Словно поставила крупную точку в конце страницы. И присела у стола.

— Пластинка-то не склеилась, да? — неловко сказал Генчик. — Там не хватает кусочка.

— Он принес другую, такую же. Из коллекции деда, — объяснила Зоя Ипполитовна. Однако уже без прежней бодрости. Устало.

— А чего вы… так? — тут же встревожился Генчик.

— Как «так»?

— Ну… вдруг в печали увязли.

— Ничуть не бывало…

— Только не отпирайтесь! Я же ваш характер знаю!

Руська — тот характера Зои Ипполитовны еще не знал. Но

и он почуял неладное. Встревоженно завертел головой на тонкой шее. Даже Варвара перестала мыть себя за ухом и притихла в углу у плиты.

— Что случилось? Говорите, — строго потребовал Генчик.

— Ничего не случилось, уверяю тебя. Просто… перепад настроения, так это, кажется, называется.

— А почему он не в ту сторону, этот перепад? Радоваться надо, что внук нашелся…

— Я радуюсь. Разумеется… А грустно оттого, что жизнь такая короткая. И Руськиного дедушки уже нет…

— Но зато Руська — вот он, — не очень уверенно возразил Генчик.

— Конечно, конечно… Поставь-ка, Бубенчик, чайник. Я распечатаю банку с вишневым вареньем.

Но Генчик видел, что печаль не оставляет Зою Ипполитовну. И чтобы отвлечь ее от грустных мыслей, с нарочитым интересом спохватился:

— А где пластинка? Можно посмотреть?

— Вот там, на столе…

Генчик достал пластинку из конверта. Она была в точности как та, разбившаяся. Генчик дохнул на нее — туманное облачко на миг легло на тонкие бороздки.

Генчик опять подивился тому, что этот асфальтовый блин может хранить в себе живой голос.

Если может сохраняться голос, значит, и дух человека может…

— Зоя Ипполитовна! Я зря тогда наболтал… про это…

— Про что?

— Ну… что капитана Сундуккера не было на свете…

— Но, Бубенчик… ты ведь был прав.

— Нет, не прав! Если его не было, откуда взялся дух? Тогда, ночью…

Зоя Ипполитовна дребезжаще засмеялась.

— Ох, голубчик… Это старая игра. Вертушка в таких случаях чаще всего останавливается на буквах, которых ждут… возможно, я жульничала, сама того не желая. Ты уж прости старуху.

— Нет, не прощу! Это вы не тогда, а сейчас… жульничаете! Сами того не желая…

Она не рассердилась. Помолчала и спросила серьезно:

— Ты как думаешь?

— Да. И вы тоже…

Руська, конечно, ничего не понимал. По-прежнему вертел головой. Тревожно смотрел то на Генчика, то на Зою Ипполитовну.

Она поправила очки, встряхнулась и деловито предложила:

— Оставим капитанскую тему. Все равно теперь это не имеет значения.

— Почему? — Генчик слегка ощетинился.

— Посуди сам. Кому все это надо? Я старая, протяну недолго. Скоро мне… вслед за Ревчиком.

Руська сердито вскинулся:

— Дедушка умер не от старости! Он простудился на подледной рыбалке!

— Ну, все равно. Время — оно ведь безжалостно. И чем больше человеку лет, тем оно быстрее… Помру, и дом этот сроют. Кому нужна развалюха? Ни дочерям, ни городскому хозяйству… Ну, имущество я, конечно, поделю между вами. Одному — портрет, другому — модель. И всякие другие вещи… Но все это будет уже не то. Дома, где обитал дух капитана Сундуккера, не станет… Кстати, я надеюсь, что вы не рассоритесь при дележе наследства. А?

Генчик и Руська переглянулись. Стало им обоим ужасно неловко. И Генчик рассердился. На Зою Ипполитовну.

— Как вам не стыдно!

— Голубчик! Умирать — это разве стыдно?

— Ну… во-первых, вы еще не умерли!

— И не вздумайте, — шепотом предупредил Руська.

— А во-вторых… — Генчик решительно уперся кулаками в бока. — Пусть все навсегда останется

как есть! На самые долгие годы!

— Милый мой! Да кому все это нужно!

— Нужно!.. Можно повесить доску! Ме-мо-риаль-ную! Что здесь бывал знаменитый капитан Сундуккер и хранятся его многие вещи!

— И люди станут смеяться: чем же он знаменит? Тем, что его не было на свете?

— Мало ли кого не было! Шерлока Холмса тоже не было, а в Лондоне есть его музей!

— Голубчик мой! Холмса знают миллионы людей! Это всемирно известный литературный персонаж!

— А вы сделайте, чтобы капитан тоже стал известный! Всемирно! Напишите про него книгу!.. Вы же все про него знаете, надо только записать!

Зоя Ипполитовна пригорюнилась пуще прежнего:

— Думаешь, я об этом не мечтала? Столько бумаги извела, пыталась что-то изложить по-писательски. Но одно дело сочинять в юности глупые стихи, а другое — настоящую книгу. Здесь нужен профессионал. Крепкий литературный талант.

— Ну, тогда… тогда будет вам талант! Он есть! Я приведу! Это знаете кто? Петя Кубриков! Он не только спасатель, у него всегда это… литератур-

ное вдохновение!

Генчик сам разгорелся вдохновением от столь счастливой мысли.

— У него уже несколько рассказов в газетах напечатано! А сейчас он большую повесть пишет, про любовь. «Красавица номер шесть» называется… А когда узнает, что нужен роман про капитана, все бросит, сразу же возьмется за него!

— Н-ну… не знаю даже… Вообще-то, конечно, это мысль… — Зоя Ипполитовна неуверенно двигала по носу очки. — Но… согласится ли этот Петя?

— Да он обалдеет от счастья! Он же сам в душе капитан! Он напишет!

— Это было бы чудо… Хотя в последнее время чудеса не редкость… — И Зоя Ипполитовна посмотрела на Руську.

Он заелозил опять, потом спрыгнул с табурета. Халат упал к ногам. Тощий, в обвисших трусиках, Руська неловко запе-реступал, обхватил колючие плечи.

— Я на двор схожу, посмотрю: может, уже высохли шмотки-то…

— Не спеши, они еще сырые.

— Там в кармане ключи от квартиры были, вы их, наверно, вместе со штанами выстирали.

Заржавеют…

— Не было там ключей! — всполошилась Зоя Ипполитовна. — Я точно помню! Я обратила бы внимание!

— Значит, посеял… — Руська вздохнул, но без большого огорчения. — Когда через угольные кучи лез… Теперь долго домой не попаду, там никого нет.

— Но к вечеру-то мама вернется? Или… еще кто-нибудь?

— Они с Артемычем в гости уехали. До завтра. А может, и до послезавтра…

Зоя Ипполитовна подошла, взяла его за плечо. Осторожно, будто на плече сидела бабочка. Или сам он был бабочкой…

— Не беда. Оставайся здесь. Хоть до послезавтра, хоть… вообще. Если дома тебе не очень…

Руська посапывал и смотрел вниз. Не сказал «нет».

Зоя Ипполитовна виновато глянула на Генчика:

— Ты ведь не будешь возражать, если мы возьмем Руську в свою компанию?

Кажется, она боялась, что Генчик возревнует. Но он хлопнул себя по лбу.

— Ой! Совсем забыл!.. Зоя Ипполитовна, а

можно я приведу к вам еще одного жильца? Не насовсем, а недели на две. Ему некуда деваться, пока чинится его… машина!

— Господи, какой жилец? Какая машина? Он шофер?

— Не-е! Он… в общем-то, обыкновенный пацан. Только не здешний. Слегка похож на осьминога. Он удрал из дома на учебной летающей тарелке и плюхнулся у нас на огороде, раздавил у меня полгорода. И опять полетел! А я сгоряча из пистолета… Да не бойтесь, не шариком, а горошиной… И я же не знал, что там кто-то живой! Горошина в него и не попала, но разбила там какой-то… преобразователь энергии. Эта штука сама восстановится, вырастет заново, но не сразу, а через полмесяца. А пока… надо же ему где-то укрыться! От всяких любопытных…

Руська своими кофейными глазами смотрел на Генчика очень серьезно. А Зоя Ипполитовна взялась за виски.

— Ты меня уморишь своими фантазиями.

— Да правда же! Он пока у меня в ванне сидит, потому что земноводный. Но придет Елена, полезет в ванну… представляете?

Зоя Ипполитовна устремила поверх очков строгий взгляд.

— Отлично! Если это правда, приводи хоть динозавра... Но если... Ох, ну как не стыдно тебе дурачить мою старую голову! Чтобы этого больше не было!

Генчик переглянулся с Руськой. И послушно сказал:

— Динь-дон...

1995 г.

«ЧОКИ-ЧОК», ИЛИ РЫЦАРЬ ПРОЗРАЧНОГО КОТА
Повесть-сказка

Часть I [empty link]

ДОМ НА УПИЦЕ КРАЙНЕЙ [empty link]

НОВОСТЬ

Кривую баньку в заброшенном саду не топили уже много лет. Тепла в ней совсем не осталось. Но запах березовых веников несмотря ни на что сохранился. Ыхало любило этот запах. Поэтому в летнее время оно проживало в баньке как на даче. Уютно здесь было и спокойно.

Иногда Ыхало забиралось на верхнюю полку и впадало в сладкую спячку на несколько суток.

В конце июня, после недельной спячки, Ыхало сидело на полке и беседовало с тенью кота Филарета. Тень упрекала Ыхало:

— Дрыхнешь без задних ног, все новости проспало. А мне и поговорить не с кем…

— Ну какие, Филаретушка, в нашей жизни могут быть новости, — почесываясь, кряхтело Ыхало.

— Громадные, мур-мяф меня подери! Старуха уехала! Насовсем!

— Насовсем?! — Ыхало подпрыгнуло и стукну-

лось макушкой о низкий потолок. — Не врешь?

Тень Филарета поудобнее уселась на стенке холодной печки, полизала растопыренную лапу (точнее, тень лапы).

— Зачем же мне врать? Не первое апреля… Уехала к брату в Калугу, решили вдвоем век доживать. По-моему, правильно…

— А дом?

— А дом продала. Почти со всем имуществом. Даже часы с Петрушей оставила. И Большую картину…

— А кто новый хозяин? — осторожно спросило Ыхало. Потому что хуже, чем при старухе, не будет, но все-таки…

— Хозяин — художник…

— Да ну? Как Орест Маркович, значит!

— Именно! Именно, дорогой Ых! Мало того. Они, можно сказать, родственники!.. Ну, не в полном смысле родственники, а, так сказать, духовные.

— Ты выражайся попроще, я ведь необразованное.

— Ладно, не притворяйся… А дело вот в чем. У первого-то нашего хозяина, у Ореста Марковича Редькина, было много учеников. И самый талантливый — Иванов Иван Климович. Тот самый, у которого знаменитая картина «Необозримые

просторы». А у этого Иванова, у Ивана Климыча, тоже были ученики. Как бы уже творческие внуки Ореста Марковича. Вот один-то из этих внуков, Пеночкин Евгений Павлович, и купил дом… Как прочитал объявление о продаже, сразу кинулся. «Это, — говорит, — колыбель моего вдохновения. Меня сюда однажды в детстве учитель приводил, когда Орест Маркович еще жив был, только седой весь. И я ему свои рисунки показывал, а он меня гладил по головке…»

— Как трогательно, — сказало Ыхало. — Помню, как меня Орест Маркович тоже гладил по темечку.

— Да и меня, мурр-мяу… — разнеженно заметила тень. — То есть не меня, конечно, а… ну, в общем, ясно…

— Ясно, ясно, — вздохнуло Ыхало. — Орест Маркович душевный человек был. Не то что старуха… Она небось за дом-то несусветную цену заломила? А?

— Да уж не без того…

— А хозяин-то новый… Он, видать, человек не бедный?

— Тут целая история, Ых. Поучительная и счастливая, — с удовольствием сообщила тень Филарета. — Он был совсем даже не богатый.

Наоборот, еле на хлеб и краски хватало. Но на недавней, на весенней выставке заметили его и стали хвалить. Талант, он ведь себя все равно рано или поздно покажет…

— От похвал до богатства далеко, — недоверчиво сказало Ыхало.

— Ну, речь тут не о богатстве… Однако если художника хвалят, у него и картины покупают. Сперва одну, вторую, а там, глядишь, и очередь за ними стоит. Иностранцы стали интересоваться… А с одной картиной даже скандал вышел.

С той, что называется «Вечерний вид на город Хребтовск с зеленого холма, на котором пасется желтая лошадь»…

— А что за скандал-то?

— Американец и француз заспорили, кому картину покупать, чуть не подрались. Француз вызвал американца на дуэль, еле их помирили… Евгений Павлович Пеночкин теперь знаменитый… Жена его не хотела только сперва в этот дом переезжать. Старая развалюха, говорит, и далеко от центра…

— Ох, значит, он женат, — огорчилось Ыхало.

— Естественно. Жена костюмером работает в оперном театре.

— И дети небось есть?

— Брат и сестра. Самого младшего школьного возраста.

Ыхало заыхало и заворочалось на полке.

— Теперь не будет покоя…

— Да ладно тебе ворчать. Будто ты себе не найдешь в доме укромный уголок!

— Да они до любого угла доберутся…

— А ты уже заранее боишься!

— Не за себя ведь, а за них. Перепугаются, когда увидят…

— Нынешние дети? Ха! — сказала тень Филарета.

— А ты, видать, доволен, — хмыкнуло Ыхало.

— Мрр-да… Во-первых, старухи больше нет. Во-вторых, не исключено, что мальчишка собирает марки. Тогда я смогу пополнить свои фонды. — Тень погладила себя лапой по животу. К нему был пришит незаметный карман, в котором хранилась коллекция.

Ыхало насмешливо запыхтело. Увлечение кота Филарета (то есть его тени) оно считало причудой. Однако дразнить Филарета не стало, только заметило:

— Ну посуди, какие у ребенка могут быть редкости?

— Всякое случается, — возразила тень. Потом,

как настоящий кот, выгнула спину, потянулась и муркнула: — Ыхушко, сделай одолжение, а? Я лягу кверху лапами, а ты почеши мне пальчиком брюхо. Давно меня никто не ласкал, не баловал…

— Бездельник. Ладно уж, иди сюда… — Ыхало с тень-Фи-ларетом были давние приятели.

Тень растянулась на доске, как тень кота, лежащего на спине. Предупредила:

— Только карман не зацепи, а то оторвешь ненароком, и все марки разлетятся…

— Будто можно по правде оторвать тень кармана, — проворчало Ыхало.

— Всякое бывает… Мур-р…

ЗНАКОМСТВО

— Просыпайся, засоня!

— Сам засоня… Леша — калоша…

— Даша — простокваша.

— Лешка — поварешка.

— Дашка — промокашка…

Это они не ссорились, а так просто. Вроде утренней разминки. Ссоры между сестрой и братом, конечно, тоже случались, но тогда дразнилки были другие, покрепче. Например:

«Лешка —…»

Нет, не стоит продолжать. Очень уж глупо.

Или:

«Дашка —…»

Нет, и это не надо. Мало ли на свете Лешек и Дашек! И начнут их награждать такими прозвищами, а это несправедливо.

Если Леша придумывал чересчур ехидную дразнилку, Даша обижалась и обещала:

— А я маме скажу…

— Ябеда, — говорил Леша. Но знал: маме Даша ничего не скажет. Она была не ябеда, а вполне нормальная сестренка. Правда, чересчур увлекалась куклами и ничего не понимала в технике, но что поделаешь, если уродилась девочкой. Зато книжки читать она любила не меньше Леши, хотя в школу еще не ходила. Брат был старше на год. Он уже закончил первый класс. Вернее, два первых класса: в обычной школе и в художественной.

В художественной школе отметки у Леши были хорошие, а в обычной — троечки. Потому что учительница Леонковалла

Меркурьевна заставляла его писать правой рукой, хотя он был левша. Мама ходила в школу заступаться за сына, папа тоже ходил. Убеждали: нельзя переучивать, раз мальчик от природы такой. Но Леонковалла Меркурьевна говорила:

— Нет, мальчик должен быть такой, как все. И я своего добьюсь…

Своего она не добилась, но троек Леше наставила целую кучу. И двойки бывали… Хорошо, что Леша с родителями и сестрой переехал в этот дом, здесь недалеко другая школа.

И художественная школа теперь ближе, чем раньше. А то приходилось ездить через весь город. У мамы из-за этого было множество хлопот, потому что отпускать Лешу одного она боялась.

Художественную школу Леша любил. Там разрешали рисовать хоть какой рукой. Хоть ногой. Лишь бы ученик проявлял фантазию. У Леши фантазия проявлялась.

…Леша задумался про школу. А Даша про то, можно ли сказать: «Лешка — рыжая матрешка». Наверно, это будет неточно. Во-первых, матрешка — девочка, а Леша — мальчик. Во-вторых, он вовсе не рыжий, а только чуть-чуть золотистый. И у него всего три веснушки — на левой стороне лица. Эта сторона была похожа на папу. И нос был папин — торчал как сапожок. А глаза были мамины — светло-коричневые, с прямыми, будто спички, ресницами. И вся правая часть лица была мамина — без веснушек, с завитками волос над плотно прижатым к щеке ухом. (Левое ухо — па-

пино — слегка оттопыривалось). Кроме того, на правой — маминой — щеке была симпатичная, заметная при улыбке ямочка.

А рот у Леши был не папин и не мамин, а свой собственный. Большой и толстогубый. Иногда улыбчивый, а порой упрямый.

Про Дашу же рассказывать много нечего. Она вся была в маму. Знакомые так и говорили: «Какая у вас славная девочка! Мамина копия…»

Мамина копия нерешительно сказала:

— Леша — старая лошадь… — Она и сама понимала, что это не очень удачно.

Он рассеянно откликнулся:

— Даша — манная каша… — И насторожился: — Тс-с…

Он сел в своей кровати. А Даша, наоборот, ойкнула и вжалась в подушку. Натянула до глаз одеяло.

Комната была просторная. Мебель в ней стояла разная — и знакомая, из прежней квартиры, и та, что осталась от старой хозяйки. У двери возвышался широкий платяной шкаф с львиными мордами на дверцах. А за дверцами кто-то шебур-шал. Потом громким виноватым шепотом попросил:

— Извините, пожалуйста, не могли бы вы меня

выпустить?..

— Мама… — пискнула Даша. Громко завопить она не могла, голос пропал от испуга.

Леша сперва тоже хотел позвать маму и папу. Но пересилил страх. Такой был у Леши характер: если рядом кто-то боялся, сам он делался смелее. Наверно, из упрямства.

— Кто там? — сказал он тонким, но достаточно мужественным голосом.

— Видите ли… мне трудно так сразу объяснить. Я здешний житель…

— А зачем вы туда забрались? Без спросу!

— Простите, пожалуйста. Я из любопытства. Хотелось посмотреть на новых жильцов, а знакомиться я не умею… Можно я выйду? Здесь ужасно пыльно…

— Да кто вам не дает, — храбро сказал Леша. — Шкаф не заперт.

— Не заперт, но вы же сами его ночью заколдовали…

— А-а! — вспомнил Леша.

Ночью было вот что. Лешу разбудила Даша, она сидела на его кровати и трясла его за плечо:

— Лешка, я боюсь…

Он открыл глаза. В окно светила бледная звезда. В комнате (большой и непривычной) стоял

сумрак. Что-то потрескивало, шелестело, пошевеливалось по углам. Леше стало очень даже не по себе. Но от Дашиного страха он осмелел:

— Чего ты боишься, глупая?

— Кто-то возится… По-моему, в шкафу.

— Ну и пусть возится, если охота.

— А если вылезет…

— Я вот ему вылезу!

Чоки-чок,
Двери на крючок.
Кто из шкафа сунется —
По башке щелчок!

Сразу стало тихо. Спокойно. Не страшно. Даша повздыхала и забралась в свою постель. Только попросила:

— Ты не спи, пока я не усну, ладно?

— Ладно, — пообещал брат. И почти сразу уснул.

Значит, все это не приснилось! Ой-ей-ей… Кто же там, в этом шкафу музейного вида?

Леша поднабрался еще побольше храбрости. К тому же при утреннем солнышке все не так страшно, как ночью.

— Ладно, выходите…

Чоки-чок,

Отворись, крючок…

— Только вы не пугайтесь, пожалуйста, — попросили из-за двери.

Леша даже рассердился слегка:

— Вылезайте живо! Мы не нервные!

Но на всякий случай он нащупал под подушкой свою рогатку и шарик из высохшей глины.

Дверцы со скрипом (конечно же, с медленным таинственным скрипом!) растворились, и на свет выбралось… существо.

Представьте себе метровой высоты пузатый самовар с футбольным мячом вместо чайника. А еще представьте, что самовар этот и мяч обмазали клеем и вываляли в клочьях пыльной шерсти, пакли, паутины и всякого мусора, затем украсили мяч-голову большущими круглыми глазами. Зелеными, как бутылочное стекло. Угадывался у мяча и широкий рот, но не было даже намека на нос.

Подставки у мохнатого самовара не имелось, зато были тонкие черные ножки в облезлых, подвязанных веревочками калошах. Самоварных ручек-держалок и крана тоже не наблюдалось, но виднелись руки почти человечьи. Только мох-

натые и с ладонями цвета старых картофелин…

Леша вдруг сообразил, что Даша тихонько визжит, а сам он сидит с рогаткой на изготовку.

— Руки вверх!

Существо послушно подняло руки с растопыренными пальцами.

— Не стреляйте, пожалуйста, я сдаюсь.

Зеленые глаза были испуганные и, кажется, печальные.

Леше стало неловко, и он опустил рогатку.

— Это я так просто… Дашка, не пищи!.. Кто вы такой?

— Видите ли… ых-пых… я… так сказать…

— Вы, наверно, инопланетянин?

— Ни в малейшей степени… Наоборот, я совершенно земное создание. Уроженец этого дома…

— А, понимаю! Вы домовой!

— М-м… если по должности, то, пожалуй, да… А если по происхождению, то не совсем… Вы позволите мне опустить руки?

— Да, конечно… Не обижайтесь.

— Видите ли, настоящие домовые — это порода домашних гномов. В свое время их предки из лесов перебрались в деревни и города и стали обитать рядом с людьми. А я… Мой папа был самовар, а мама — здешнее привидение. Они

полюбили друг друга, и от их горячей любви родилось я…

— А где теперь ваши родители? — вежливо осведомился Леша. По правде говоря, его интересовало лишь привидение, самовар он и без того видел множество раз.

— Ых… увы… Папа состарился, его отправили в утиль, мама последовала за ним. Что с ними стало потом, я не знаю. Это было в давние времена… Меня зовут Ыхало…

— Очень приятно, — тихонько сказала Даша. Во время беседы она перебралась к брату и теперь храбро прижималась к нему.

— Я очень рад, что вам приятно! — обрадовалось Ыхало. — А то прежняя хозяйка меня терпеть не могла. Сперва боялась, а потом стала загонять шваброй в самые глухие закоулки. И совершенно не желала со мной разговаривать… Представьте себе, с той поры, как не стало Ореста Марковича, я впервые разговариваю с людьми.

— Вы приходите к нам почаще, — сказал Леша.

— Вы ужасно симпатичный, — сказала Даша.

— Благодарю вас… Только, простите, с меня иногда мусор сыплется, я давно не чистилось.

— Пустяки! — успокоила его Даша. — У нас новый замечательный пылесос. Фирмы «Филипс».

В это время за дверью раздался мамин голос:

— Эй, Лешки-Дашки, встать, как неваляшки! Я иду…

— Ай… — сказало Ыхало. Хотело забраться обратно в шкаф, но Даша воскликнула:

— Не бойтесь! Мама у нас хорошая!.. Садитесь вот в это кресло…

— Я стесняюсь…

Но деваться было некуда, потому что прикрывшиеся сами собой дверцы заело. Ыхало съежилось в старинном кресле, поджало ножки. Зажмурилось, потом приоткрыло один глаз.

Мама вошла. Она была в халате и со шваброй.

— Мамочка, ты только не волнуйся… — начал Леша.

Мама уронила швабру, слегка присела, взяла себя за щеки. Глаза у нее сделались круглые.

— Мамочка, ты только не пугайся… — опять заговорил Леша. — Это…

Мама качнула головой и сказала нараспев:

— Ка-ка-я прелесть…

— Оно тебе нравится?! — подскочила Даша.

— Я в полном восторге! — Мама сияла.

Ыхало выбралось из кресла и засеменило к маме. Потупилось.

— Позвольте представиться. Меня зовут Ыха-

ло…

— Очень, очень рада! — Мама протянула руку. Ыхало дало ей свою ладонь. Мама затрясла ее, да так сильно, что… рука Ыхала оторвалась! Осталась у мамы в пальцах и шевелилась сама по себе.

— Ай! — ужасно испугалась мама. Уронила руку.

— Ничего, ничего! — Ыхало левой рукой подхватило упавшую правую, приставило к месту. — Не беспокойтесь, пожалуйста, это бывает. Дело в том, что когда я радуюсь, то обязательно размягчаюсь. Делаюсь похожим на маму, которая состояла из тумана… А если огорчаюсь и сержусь — наоборот, становлюсь как металлический папа… А сейчас я просто таю…

Мама отдышалась. Заулыбалась опять:

— Я тоже таю от удовольствия…

— Мама, Ыхало — здешний житель, — начал рассказывать Леша. — Его папа был самовар, а…

— Не надо ничего мне объяснять! — воскликнула мама. — Я все понимаю! Вы, Ыхало, душа этого дома! Не так ли?

— Гм… — Ыхало начало таять прямо на глазах. — Видите ли… я над этим, по правде говоря, не задумывалось. Но в ка-кой-то степени…

— Сейчас мы будем завтракать, — решительно сказала мама. И повернулась к двери. — Женя! Иди сюда! Познакомься, пожалуйста!

Появился папа. С намыленным лицом. От удивления уронил бритвенный помазок…

ИСТОРИЯ КОТА ФИЛАРЕТА И ЕГО ТЕНИ

Леша и Даша умылись и почистили Ыхало пылесосом «Филипс».

После этого все уселись завтракать. Ыхало сначала смущалось, отказывалось от угощения, но, когда появилась банка с малиновым джемом, устоять не смогло. Намазало себе большой кусок батона. Призналось, что любит сладкое.

— А попробовать удается так редко… Старуха никогда не угощала. Иногда мне удавалось, правда, стащить у нее немного варенья. Конечно, это нехорошо, но я брало совсем чуть-чуть. А у старухи варенье все равно пропадало: наварит в громадном объеме, а потом выбрасывает, потому что съесть одна не в состоянии. И ни с кем не делилась. Весьма скупая была особа, прямо вам говорю…

— Судя по всему, она дальняя родственница Ореста Марковича? — заметил папа.

— Весьма дальняя. И ничуть на него не похо-

жая… С Орестом Марковичем жили мы душа в душу. Он, бывало, работает над холстом, а я сижу в уголочке и наблюдаю. Случалось, он и совета у меня спрашивал… Вот помню, как он эту Большую картину писал…

И все посмотрели на картину, которая висела над диваном.

На картине были город и лес. Не город, окруженный лесом, а дома и большие деревья вперемешку — будто они вместе выросли из земли. Дома были старинные, красивые. Между ними — над ручьями, среди лесных зарослей — перекидывались горбатые мосты. А выше всех крыш и деревьев поднимался многобашенный замок — сам слегка похожий на громадное дерево.

Была в картине какая-то зыбкость и загадочность. Порой не разберешь: где кровли, а где верхушки лесных великанов. Что там темнеет: крепостная островерхая башня или пирамидальная ель? И что светится в чаще? Два окошка или глаза какого-то хитрого зверя?

Надо сказать, что перепутывались не только лес и город. С ними еще перемешивалось зеленоватое ночное небо. Просвеченные луной облака висели кое-где среди древесных стволов, цеплялись за высокие цветы и проплывали под

мостами. А звезды дрожали на ветках и карнизах окон.

И было ощущение, что от картины идет еле слышный звон и стрекот, словно там среди травы не умолкают ночные кузнечики.

Это, наверно, вот почему! Казалось, что воздух вокруг леса-города хрустально затвердел, а потом раскололся на множество больших и маленьких кубиков и кубики эти кто-то слегка встряхнул, пошевелил. Теперь все виднелось как бы через множество стеклянных граней — немного запутанно и сбивчиво. Лунный диск, например, оказался надломленным в разных местах, а несколько кусочков от него откололись и светили отдельно… В общем, то ли сказка, то ли сон…

— Удивительное полотно, — сказала мама.

— Орест Маркович никому не хотел продавать эту картину, — объяснил папа. — А я, кстати, видел ее еще в детстве, когда приходил сюда…

Ыхало сказало смущенно:

— Евгений Павлович, а я вас помню. Я в щелку смотрело, когда вы Оресту Марковичу показывали свои рисунки… Только тогда вы были поменьше, в матросском костюмчике и без усов.

— Да-а… — вздохнул папа. — Годы, годы… Тогда я был такой, как нынче наш Алексей.

— Именно, — согласилось Ыхало. — Я вас и узнало, когда посмотрело на Лешу с левой стороны.

— А с правой он похож на меня, — ревниво напомнила мама.

— Совершенно верно, Елена Олеговна, — вежливо сказало Ыхало. — Это я заметило еще раньше.

— Кушайте варенье, — с удовольствием сказала мама. — Не стесняйтесь.

— А где вы живете? — спросила Даша. — Ну, понятно что в этом доме, а где именно?

— Ых-ох… По правде говоря, при старухе я жил где придется. Закутков тут всяких немало. Заберешься поглубже, чтобы не заметила, и сидишь. А летом — в баньке. Старуха туда побаивалась заходить…

— А где вы обитали при Оресте Марковиче? — спросил папа.

— При Оресте Марковиче был у меня постоянный угол. В мансарде, рядом с мастерской, есть чуланчик, по нему проходит каменная труба от камина. От нее так тепло было… ых…

— Полагаю, вам и теперь следует там поселиться, — решил Евгений Павлович. — Если не возражаете…

— Я буду счастлив! Если не стесню вас…

Мама всплеснула руками:

— Не выдумывайте, ничуточки не стесните! Я даже не представляю этот дом без вас!

— Я тоже! — сказали вместе Даша и Леша.

А мама призналась:

— По правде говоря, я не очень-то хотела переезжать сюда. Но теперь, когда познакомилась с вами, ужасно рада.

В это время в больших, похожих на узкий шкаф часах скрипуче растворилось оконце. Высунулся гномик в оранжевом колпачке. В одной руке у него было бронзовое блюдце, в другой — молоточек. Он девять раз ударил по блюдцу. Потом повесил его на гвоздик, снял колпачок и кукольным голоском произнес:

— Пр-риветствую вас.

— Здравствуй, Петруша! — обрадовалось Ыхало. — Видишь, у нас новые хозяева. Познакомься.

— Пр-риветствую вас, — опять сказал Петруша. И окошечко закрылось.

— Ой… Он живой? — шепотом спросила Даша.

— Ну, в определенном понимании… По правде говоря, ведь и весь дом в какой-то степени живой. Это он при старухе замер и закостенел весь. А сейчас, я надеюсь, опять оживет… Вы поэтому

не бойтесь, если он иногда станет покряхтывать, бормотать и, может быть, даже разговаривать, — предупредило Ыхало.

— Как интересно, — сказала мама.

Леша облизал ложку с вареньем и спросил:

— А скажите, пожалуйста, Ыхало, кто-нибудь живой еще в этом доме есть? Ну, вроде вас или Петруши?

— Есть еще тень кота Филарета, — охотно откликнулось Ыхало. — Если хотите, я вас познакомлю. Наверняка она где-то здесь… Кис-кис. Иди, Филаретушка, не стесняйся.

— М-рр… — послышалось из пустоты. А потом на освещенной солнцем клеенке, среди тарелок, возникла кошачья тень. Как бы от кота, лежащего на животе. И опять:

— М-рр, мяу… — ласково так и вежливо.

— Поразительно! — воскликнула мама. — Я только в сказках читала, что тени могут жить сами по себе!

Ыхало вздохнуло:

— У этой тени тоже почти сказочная история. Странная и грустная.

— Расскажите! — подскочил Леша.

— Расскажу, расскажу… Ты, Филарет, не возражаешь?.. Вот и хорошо… Значит, случилось

это давным-давно. Орест Маркович тогда еще мальчиком был. И жил в ту пору в этом доме серый-полосатый кот Филарет. Однажды вечером сидел он на подоконнике и смотрел, как приближается гроза. Надо сказать, что многие коты любят грозу, в кошачьей шерсти от грозы электричество заводится, и это, видимо, приятно…

— Мр-р… — подтвердила тень.

— Ну, вот… Окно еще не успели закрыть, Филарет сидел и впитывал грозовую атмосферу. И тут над садом ка-ак сверкнет молния! Совсем рядом! Всю комнату осветила. А на стене тут же, конечно, отпечаталась Филаретова тень. И в этот же миг — гром! Трах-тарарах!.. Бедный Филарет кинулся с подоконника в сад, и с той поры его не видели. Потом уже Орест Маркович говорил, что, наверно, Филарет угодил в какое-то другое мировое измерение. Я в этом не разбираюсь…

— А тень? — напомнил папа.

— А тень осталась! Да-да! Филарет прыгнул так стремительно, что она за ним не успела! К тому же зацепилась хвостом за гвоздик, на котором висела фотография Орика. То есть маленького Ореста… Вы обратите внимание, хвост у тени так и остался оторванным наполовину…

Тень на столе быстро подобрала под себя обры-

вок хвоста и муркнула недовольно.

— Да ты не стесняйся, Филарет, — сказало Ыхало, — здесь все свои… Можно я про твою коллекцию расскажу?

— М-м? Мр… мя…

— Все понимает, — с удовольствием сообщило Ыхало и погладило тень ладошкой. — Жаль только, что разговаривать по-человечески не научилась. Но по-своему мы с ней часто беседуем…

— А что за коллекция-то? — нетерпеливо напомнил Леша.

— Видите ли, когда тень стала жить сама по себе, жизнь эта показалась ей ужасно скучной. Раньше-то у нее те же интересы были, что у кота. Все вместе, вдвоем. А теперь что? Бесплотное, так сказать, существование… Вот от нечего делать и увлеклась она филателией. Может, потому, что «Филарет» и «филателия» похожие слова.

— Никогда не слыхал, чтобы кот собирал марки! — удивился папа. — И тем более тень кота!

— А между прочим, это весьма удобно, — объяснило Ыхало. — Тень — она совершенно плоская, может проникать в самые тонкие щели. И между листьями альбомов тоже… Она стала бродить по городу, узнавала адреса коллекционеров и… В общем, заберется в альбом и марку за маркой

коготочком себе в кармашек… Теперь у тень-Филарета богатейшая коллекция!

Наступило неловкое молчание, потом Даша нерешительно сказала:

— Но ведь это нехорошо… чужие марки из альбома…

Тень на столе возмущенно фыркнула и взъерошилась, а

Ыхало воскликнуло:

— Вы меня неправильно поняли! Тень вытаскивала не сами марки, а тени от них! Они-то ведь коллекционерам совершенно не нужны! Посудите, какая разница, есть в альбоме под маркой тень или нет!

— Это совсем другое дело! — обрадовался папа. — Вы, Филарет, удивительно остроумный кот… э, виноват, тень кота. — И он тоже погладил тень на клеенке. Тень замурлыкала и растопырила лапы…

— Почешите у него за ухом, — шепотом попросило Ыхало, — он это очень любит.

Папа поскреб ногтем клеенку, где была тень уха. Мурлыканье стало громким и благодарным.

— Знаете что, тень-Филарет, — сказал Леша, — у меня тоже есть марки. Если хотите, я вам все тени от них подарю.

— М-мяу…

— Все прекрасно! — объявила мама. — Однако пора заниматься домом. Надо как следует расставить мебель, развесить шторы и вообще навести порядок.

— Я вам с удовольствием помогу, — пообещало Ыхало. — Только мне надо сперва отвердеть, а то я совсем таю от удовольствия.

ШЕРСТЬ, ХВОСТ И КОЛЛЕКЦИЯ

В доме было несколько просторных комнат и множество закутков, чуланчиков, переходов и лесенок. Дом был почти двухэтажный. Почти — потому что второй этаж не отличался той прочностью и высотой, что нижний. Назывался он «мансарда». Там располагалась мастерская художника. Часть крыши у мансарды оказалась застекленной, чтобы в мастерской было больше света. Ух, как хорошо здесь будет работать папе! Не то что в прежней двухкомнатной квартирке.

Но, кроме мастерской, были в мансарде еще две комнатки и несколько кладовок. В одной из них и собиралось поселиться Ыхало…

Все помещения надо было прибрать, каждой вещи найти свое место. Работы хватило всем. Ыхало помогало папе двигать книжные шка-

фы. Правда, не всегда это получалось удачно. Несколько раз Ыхало сплющивалось в лепешку и дважды теряло руки, потому что временами опять начинало таять — от радости, что оказалось в такой прекрасной семье.

Тень кота Филарета помогать, конечно, не могла. Но она то и дело показывалась на освещенных солнцем обоях и шторах, не покидала компанию.

А гном Петруша каждый час высовывался из окошечка над циферблатом, бил в бронзовое блюдце и говорил:

— Приветствую вас.

Даша остановилась перед часами и задрала голову.

— Скажите, пожалуйста, Петруша, а еще что-нибудь вы умеете говорить?

— Приветствую вас! — радостно сказал Петруша и ударил в блюдечко два раза.

— Пора обедать! — сообщила мама. — Суп и сосиски уже сварились.

Обедали на кухне. Ыхало сперва отказывалось садиться за стол, но его упросили. Оно смущенно приткнулось на табурете между столом и холодильником. Над ним возникла тень кота Филарета и муркнула.

— Он… то есть она спрашивает, — сказало Ыхало, — можно ли скушать тень одной сосиски…

— Хоть все! — воскликнула мама. — Я надеюсь, на самих сосисках это никак не скажется!

— Не скажется. Но… ых… однажды подобный случай стал причиной весьма громкого скандала. Тень кота скушала тень селедки, а старуха это заметила. И сперва не поняла, в чем тут дело. Представьте себе, помчалась в магазин: «Вы мне продали селедку без тени. Забирайте обратно, отдавайте деньги!» Там, конечно, смех. Говорят: «Тени от рублей берите. Хоть тысячу…» Старуха пошла домой и просто булькала от злости.

А по дороге наконец сообразила, кто виноват. Пришла и давай по всем комнатам со шваброй носиться, по стенам стучать. Чтобы, значит, выгнать тень из дома. Но ее разве отыщешь, тень-то, если она в щели… Зато шуму было!

— Мрр-р… — согласилась тень кота, дожевывая тень сосиски.

После обеда решили отдохнуть. Ыхало сказало, что пойдет подремать в баньке. Тень Филарета куда-то пропала. Папа ушел в мастерскую, мама прилегла в спальне, а Даша на диване под картиной занялась своими кукольными выкройками. Она давно решила стать художником-модельe-

ром.

Леша посидел тут же, поразглядывал еще удивительную картину. Решил, что потом попробует нарисовать что-нибудь похожее. И пошел бродить по сонному дому.

Но бродил он недолго. Навалилась на Лешу дремота. В небольшой комнате с зелеными обоями он увидел старинное плюшевое кресло. Плюхнулся в него, отвалился к спинке, вытянул ноги и прикрыл глаза.

Было тихо, только за окном в саду ссорились воробьи. Из-за шторы падала широкая солнечная полоса. Она медленно двигалась. Добралась до Лешиных ног и стала греть ему коленки. Это было приятно. Однако вдруг тепло исчезло, будто махнули прохладным крылом. Леша открыл глаза. На ногах лежала тень, и на левой коленке видно было очертание кошачьего уха.

— А, это вы, тень-Филарет?

— М-р, мяу…

Видимо, тень вспомнила прежние кошачьи привычки и решила подремать на коленях у маленького хозяина.

Леша погладил очертанье кошачьей головы. Тень опять муркнула. Но сам Леша ничего не ощутил. Вернее, почувствовал под ладонью свое

собственное колено с засохшими ссадинками, но ни малейшего намека на кошачье присутствие. Даже досадно сделалось… но тут же у Леши появилась великолепная мысль! Он крикнул на весь дом:

— Даша! Беги сюда! Скорее!

Даша примчалась:

— Что случилось?!

— Помнишь, у тебя среди лоскутков был кусок меха от старой маминой шубки? Давай подарим его тень-Филарету. Тень будет лежать на меху, и мы сможем ее гладить, как настоящего кота. И ей приятно будет, и нам.

— Но ведь мех-то искусственный…

— Какая разница! Все равно пушистый. Неси!

Даша принесла большой клок черной синтетической шкуры. Его положили на солнечном полу.

— Тень-Филарет, идите сюда.

Тень оказалась очень сообразительной. Растянулась на меху и радостно заурчала, когда ее принялись гладить в четыре ладошки. Шевелила растопыренными лапами и обрывком хвоста. Просто млела от удовольствия.

Но всякое удовольствие в конце концов приедается. Тень ускользнула из-под ладоней и

прыгнула на стену у плинтуса.

Тени — они ведь прозрачные. И эта была такой же. Весь узор обоев виднелся сквозь нее, только не так ярко, как на солнышке, а потемнее. В общем, как в тени. И в то же время контур кота был различим великолепно.

Тень горбила спину и потягивалась: разминка после недавних нежностей. Несомненно, что Филарет был в свое время рослым породистым котом, в меру пушистым, в меру упитанным. Тень сохранила все эти признаки. Только оборванный наполовину хвост портил вид.

— Даша, а давай приделаем Филарету новый хвост!

— Как? — удивилась Даша. А тень замерла.

— Сейчас попробуем… Тень-Филарет, вы хотите?

— Мр-р… М-мяу? — Видимо, это означало: «Разумеется. Но каким образом?»

— Вы только не исчезайте, я сейчас!

Леша умчался и мигом вернулся с акварельными красками, кисточкой и блюдцем. В блюдце была вода.

Леша кисточкой разболтал в воде немного черной краски. Провел по обоям полоску. Получилась она сероватая и прозрачная — как

настоящая тень.

— В самый раз, — деловито сказал Леша. — Тень-Фила-рет, вы не двигайтесь, пожалуйста…

Тень послушно замерла, только уши ее ровно шевелились.

Обрывок хвоста стоял торчком. И Леша жидкой серенькой краской нарисовал у обрывка продолжение. Длинное и пушистое! Наверняка даже в самые лучшие времена у Филарета не было такого роскошного хвоста.

— Мр-р? — вопросительно сказала тень. Что, мол, даль-ше-то?

— Сейчас, сейчас… — И Леша беззвучно зашевелил губами. Наморщил лоб. Как назло, не придумывались нужные строчки… Стало тихо. И, к счастью, в этой тишине начало что-то поскрипывать, застрекотало тихонько. То ли старое кресло проснулось, то ли сверчок объявился под обоями.

Леша обрадованно прошептал:

Чоки-чок,
Чоки-чок,
В тишине поет сверчок.
Новый хвост, держися крепко,
Как на дереве сучок.

Разумеется, хвост мало напоминал сучок, но главное, чтобы наколдовать прочность…

Даша прижала к щекам ладошки и широко раскрыла глаза. Ох, как ей хотелось, чтобы хвост прирос!

Леша строго сказал:

— Тень-Филарет, слушайте внимательно. Когда скомандую — вам надо прыгнуть вперед очень быстро, чтобы хвост не успел отвалиться… Приготовились. Ра-аз, два-а… три!!

Тень метнулась так, что на миг ее будто размазали по стене. Потом замерла опять. И хвост… хвост был при ней!

— Ура! — завопил Леша и встал на руки. При этом из карманов у него посыпались винтики, фантики, ластики и увеличительные стеклышки.

Тень кота несколько секунд сидела, вывернув голову и любуясь хвостом. И вдруг подскочила, начала носиться по стенам и половицам, исчезая в темных местах и появляясь на солнце.

— М-мяу-ау! — радостно вопила она. И даже кувыркнулась через голову. Кончилось тем, что из тень-Филарета посыпались какие-то маленькие квадратные тени. Запятнали пол. Тень-Филарет прекратил скачку, начал подбирать квадратики

лапой и прятать в себя.

— Ой, он свою коллекцию рассыпал! — догадался Леша.

— Сразу видно, что мальчишка, — сказала Даша маминым голосом. — Всегда у вас все валится из карманов.

Тень-Филарет недовольно мявкнул. Возможно, обиделся. Даша смутилась. И, чтобы загладить вину, ласково попросила:

— Тень-Филарет, а вы не могли бы показать нам всю вашу коллекцию?.. Ну, конечно, рисунки мы не разглядим, но хотя бы посмотрим, сколько у вас марок. И какой они формы…

— Мр-р… — с удовольствием согласилась тень, помахивая роскошным хвостом. Видимо, она и сама была не прочь лишний раз полюбоваться своим сокровищем.

Даша и Леша раздвинули шторы, чтобы солнце осветило как можно больше места на полу.

В движениях тень-Филарета появилась важность. Растопыренной лапой он стал раскладывать на желтых половицах зубчатые тени марок: квадратики, треугольнички, ромбики. Ряд за рядом…

— Жаль, что ничего на них не видно, — вздохнула Даша.

— Здесь, наверно, замечательные редкости есть… — сказал Леша. — Просто глаза чешутся, так хочется поглядеть… ой, а если…

— Что? — обрадовалась Даша. Она знала: когда брат говорит «ой, а если», у него появляется мысль. А мысли у Леши часто бывали удачные. Сами посудите: только за последний час — и мех для кота, и хвост…

Леша уселся в кресле, зажмурился, посидел с полминуты. И подскочил, словно пружина кресла поддала его снизу:

— Дашка! Надо применить тенескоп!

— Кинескоп? — удивилась она.

— Те-не-скоп!.. Специальный прибор, чтобы разглядывать тени.

— Разве такой бывает?

— Ну… раз название придумалось, значит, и прибор должен получиться.

— А как?

— Не знаю. Попробую. Мне будет помогать… эта самая… ин-ту-иция.

— А-а, — понимающе сказала Даша. — Я тоже буду помогать, ладно?

— Дай-ка бумагу… И принеси клей… И мою коробку со всякими штучками.

Из бумажного листа Леша склеил плотную

трубку. Вставил в нее увеличительные стеклышки. Обмотал трубку медной проволокой, которую нашел в «коробке со всякими штучками». Подсоединил к проволоке батарейку и лампочку от фонарика. Потом подумал и приделал раструб из фольги.

— Это для защиты от всяких теневых помех…

Тень-Филарет уже по всему полу разложил тени марок и

теперь сидел у плинтуса в скромной выжидательной позе.

Леша примотал изолентой батарейку к трубке и сказал, что прибор готов.

— Только вот еще что…

Чоки-чок,

Чоки-чок,

Загорайся, светлячок.

Покажи, что было тенью,

В тенескоповский зрачок…

Лампочка замигала. Леша поднес трубку к левому глазу, а правый прищурил. Навел серебристый раструб на тень кота…

— О-ой… Дашка…

— Что? Что, Лешенька? — Она рядом приплясывала от нетерпения.

— Сейчас… Ух ты… На, взгляни.

Даша взглянула. И тоже сказала «о-ой». Вместо тени у стены сидел красавец-кот — серый, с темными полосками. Он шевелил пушистым хвостом, топорщил белые усы и мерцал зелеными глазами…

— Лешка, вот все удивятся-то!

— Ыхало обрадуется…

Они еще полюбовались котом и стали смотреть марки. Ходили по полу на цыпочках, чтобы не наступить на маленькие зубчатые тени, садились на корточки и по очереди заглядывали в тенескоп.

— Ух ты!..

— Красота какая!..

Надо ли говорить, что марки в тенескопе выглядели как настоящие! И каких тут только не было! Со всего мира! С королями и президентами, с удивительными зверями и птицами, с кораблями и самолетами, со всякими гербами и непонятными знаками…

У Леши в его альбоме не было и сотой доли таких сокровищ. Он совсем забыл, что это лишь тени марок, и завистливо вздыхал. Даша тоже вздыхала — с пониманием.

Тень-Филарет не мешал, смирно сидел в сто-

ронке: любуйтесь, мол…

— Дашка, ты уже долго смотришь, — напомнил Леша. — Дай мне.

— Сейчас… Тут такое…

— Ну, давай. Имей совесть…

— На… Смотри, на этой марке, как на той картине…

— Что? Где? Ну-ка…

ПРЕДЧУВСТВИЕ СТРАНЫ

Марка и правда была как маленькая картина! Знакомая. Город-лес, многобашенный замок, желтое пятнышко луны…

Леша покрутил стеклышко, добавил увеличение.

— Не совсем в точности… Но похоже… Надо же! Значит, она по правде есть, такая страна!

— Там написано: «Австралия», — выдохнула у его щеки Даша.

— Не «Австралия». «А-стра-ли-я», — прочитал Леша.

— Такой страны нету. Наверно, опечатка.

— На марках опечаток, по-моему, не бывает… А если бы «Австралия», было бы напечатано иностранными буквами…

— Там есть иностранная! Буква «И». В виде

палочки.

— Это не иностранная, а старинная. Так в прошлом веке писали… — Леша еще раз прошелся тенескопом по слову на марке: АСТРАЛІЯ. — Значит, и марка старинная. Вот бы узнать, откуда…

— Тень-Филарет, наверно, знает…

— Да не скажет по-человечески…

— А мы попросим Ыхало! Он узнает у Филарета и переведет нам!

— Правильно! Умница Дашка!

Они поблагодарили тень-Филарета и спросили, не сможет ли он потом показать марку из Австралии еще раз.

— М-мяу, мур… — сказала тень. Мол, о чем разговор, сколько хотите. И стала собирать марки в карман.

А Даша и Леша прямо через окно выбрались в сад. Чтобы тут же разыскать Ыхало и узнать про таинственную марку.

Сад был запущенный. Часто росли старые яблони с крючковатыми стволами, подымались три вековые липы и темная высоченная ель. У забора курчавились рябины. И всюду — густая трава и сорняки.

— Ох и работы здесь, — маминым тоном сказала Даша. — Чистить и чистить…

— А мне без чистки больше нравится. Как джунгли…

Но джунгли тоже хороши в меру. Оказалось, что банька, в которой отдыхало Ыхало, по крышу заросла дремучей крапивой. И дверь, и окошко…

— Лешка, нам не пролезть…

Леша вспомнил свой пластмассовый меч.

— Схожу за оружием. Будем прорубаться.

— Не надо. Вдруг Ыхалу не понравится, что мы без спросу… Подождем, когда оно само выйдет.

Но когда появится Ыхало, было неизвестно, поэтому решили погулять просто так. Облазили весь сад. Нашли у забора пустую собачью конуру и два больших фанерных ящика. Обнаружили колодец со сгнившим срубом…

— Ух, какая глубина!.. Смотри, вода блестит.

— Ай, Лешка, не свешивайся!

— У-у-у! — сказал Леша в глубину.

— У-у-у… — ответил колодец. Из него несло сырой прохладой, сразу мурашки по коже.

— Леш, а зачем колодец? В доме же водопровод.

— Это сейчас водопровод, а раньше, наверно, воду брали из колодца… А теперь тут кто-нибудь живет. Вроде Ыхала, только водяной…

— Никто там не живет, — зябко сказала Да-

ша. — Пойдем лучше вон в ту калитку…

За калиткой был чей-то заброшенный двор. Вернее, ничей. Когда-то стоял здесь дом, но его снесли, и получился пустырь.

За пустырем среди ольховых зарослей журчал ручей. Пробрались через кусты, сняли сандалии и перешли на другой берег — неглубоко было. Оказались на покрытой ромашками поляне. За ней зеленела насыпь. С перестуком пробежала по насыпи электричка.

— Здесь ветка на Петуховск, — сказал Леша. — Мне папа говорил.

— А эта ветка куда? — Даша показала мокрой ногой в траву. В траве тянулись рельсы. Они лежали на гнилых шпалах очень близко друг от друга — как на детской железной дороге в парке.

— Узкоколейка. Про нее папа тоже рассказывал. Здесь когда-то ходил маленький поезд, возил грузы со станции на пристань. Но это давно было.

Сейчас между шпал росли репейники, а рельсы прятались под лопухами.

— Жаль, что теперь не ходит маленький поезд, — опечалилась Даша.

— Зато можно здесь играть!.. Мы сами сделаем паровоз и вагоны! И помчимся, как по дикой прерии!

— И на нас будут нападать индейцы, да? Ура!

Они через кусты и ручей притащили сюда из сада фанерные ящики. Хотели и конуру, да она оказалась очень уж тяжелая. Зато рядом с конурой отыскались четыре березовых кругляка — пригодятся вместо колес.

Кругляки положили на рельсы. Сверху поставили ящики. Леша залез в передний ящик и произнес голосом Петруши:

— Пр-риветствую вас! Поехали… куда? Ура, в Астралию!

— Ой, Леш! А мама-то небось нас уже ищет. Мы ведь не сказали…

— Ладно, бежим домой. Скажем и поедем…

Мама и правда искала их. И сказала, что ехать в Астралию и другие страны ее ненаглядным детям сегодня не придется. А придется наводить порядок в своей комнате, потому что там все еще кавардак. А кроме того, не надо забывать и о занятиях. Даша обещала маме помочь разобраться с выкройками, а

Леше полезно посидеть с альбомом. Тот, кто хочет стать художником, должен хоть немного рисовать каждый день.

Леша еще не решил, будет ли он обязательно художником. Но спорить не стал. И Даша не ста-

ла. Стоит ли капризничать, когда впереди почти целое лето, а вокруг столько чудес!

— Пр-равильно, — сказал гном Петруша и ударил в блюдце пять раз.

Леша и Даша прибрались в комнате, потом поужинали. Ни Ыхало, ни тень-Филарет не появлялись.

— Я не хочу картофельную котлету, — дурашливо сказал Леша. — Можно я съем ее тень?

— Ешь котлету! — велела мама. — А то от тебя от самого скоро останется тень, как от Филарета. Худой, как соломина!

— Я толстый! — Леша надул щеки и перестарался: брызнул на стол грибным соусом.

Мама сказала, что поставит его в угол.

— А в углу как я буду рисовать?

После ужина Леша устроился в большой комнате перед картиной и стал срисовывать с нее замок. Он уже нарисовал все башни, но тут стали слипаться глаза. Он таращил их на картину, а там начиналась чехарда: деревья и дома танцевали и прыгали друг через друга. Луна превратилась в золотую рыбку. Шевельнула прозрачным хвостом и поплыла среди марлевых облаков…

Леша не почувствовал, как папа поднял его и унес в постель…

ТАИНСТВЕННЫЙ СВЕТ

Сначала Леша спал очень крепко. Ничего не видел во сне и ничего не чувствовал.

Потом что-то стало его щекотать, покусывать.

Леша сонно вертелся и почесывался. И наконец проснулся.

«Неужели здесь клопы водятся? — подумал он сердито. — Или блохи?»

Он почесался еще раз. Щекотанье прекратилось. Но уснуть Леша не мог. Лежал и слушал, как поскрипывает (наверно, тоже не может уснуть) дом. Тихонько дышала в своей постели Даша. В комнате было темно. Однако в щели между плотной шторой и косяком виден был розовый свет.

Леше наконец стало ясно, что этот свет и не дает ему уснуть. Он был какой-то тревожный.

«Может быть, закат такой?»

Но в соседней комнате дважды звякнул бронзовым блюдцем Петруша. Даже в самые светлые ночи июня в два часа заката не бывает. И рассвета тоже…

«А может быть, это зарево пожара?.. Ой, а вдруг банька горит, где Ыхало?»

Нет, свет виднелся в стороне от баньки. И не вздрагивал, не метался, как отблески пламени.

Он был совсем неподвижный. Словно за темным садом зажгли большую лампу с розовым абажуром.

«А если это инопланетяне?» — У Леши от волнения стало прохладно в желудке.

Там, за деревьями, была тайна, и не пойти туда было невозможно. Особенно сейчас, посреди ночи, когда кругом все такое загадочное и непонятно даже, наяву это или во сне.

Леша машинально, будто кто-то им двигает, стал одеваться. А в груди сидело особое, «обмирательное» чувство.

Потом Леша подумал: не разбудить ли, не взять ли с собой Дашу? Если она будет бояться рядом, у него страх сразу поубавится… Но нет, нельзя ее брать. Вдруг инопланетяне прилетели охотиться за людьми? Тогда уж пусть похитят одного Лешу, а сестренка останется маме и папе для утешения.

Впрочем, пусть попробуют похитить! Без боя он им в руки не дастся!

Под кроватью, в картонной коробке, Леша нащупал горстку глиняных шариков — это были пули. Он положил их в карман. Взял из-под подушки рогатку. В карман рогатка не влезала, Леша сунул ее за поясок на шортах. Потом надел сандалии и опять забрался на подоконник. Тихо

растворил окно в прохладную ночь.

Ночь пахла диким садом.

Небо над головой было мутноватым, белесым, в нем дрожало лишь несколько звезд. Кусты и деревья казались абсолютно черными и мохнатыми. Леша скакнул с подоконника, постоял, взял на изготовку заряженную рогатку и пошел, путаясь ногами в длинной остывшей траве. Пошел туда, где за чащей веток светилась страшноватая загадка.

В стороне осталась банька. Леша уперся в забор, отыскал калитку, выбрался на пустырь. Казалось, что розовый свет стоит совсем недалеко, прямо за кустами, в которых булькает ручей.

Ох, а если в кустах кто-то есть? И хвать за бока… Но все равно надо идти. Тут уж никуда не денешься. Вроде бы ноги от страха не слушаются, но за спиной будто кто-то строго шепчет: шагай, шагай, не оглядывайся…

Леша продрался сквозь кусты. Кажется, порвал рубашку. Сбросил сандалии, перешел ручей. Вода показалась очень теплой. Он опять обулся. Вышел на поляну с ромашками (они светились в темной траве). Рядом громоздились на рельсах узкоколейки ящики-вагоны игрушечного поезда.

А розовый свет широким пятном висел над

насыпью железной дороги. Было ясно, что источник света прямо там, за этим валом. Совсем недалеко…

А может быть, лишь кажется, что недалеко? Вдруг этот свет специально заманивает Лешу? Наверно, лучше вернуться…

Но тут пробежал по насыпи гулкий поезд с цепочкой желтых окошек. И от этого Лешин страх поубавился. Леша зашагал сквозь траву с ромашками. И даже рогатку разрядил, повесил резиной на шею.

Он забрался на крутую насыпь. Здесь пахло теплыми шпалами и железом. Свет подымался из-за берез, чьи стволы белели совсем неподалеку. Леша съехал с насыпи. Березы расступились и опять сомкнулись — у Леши за спиной. А розовое зарево светило за стволами.

Леша опять зарядил рогатку.

Теперь кругом был настоящий лес. Плотный, черный. Вершины уходили в небо. А внизу началась чаща: низкорослый колючий ельник. Он почти совсем заслонил розовый свет. Чтобы не потерять направление, Леша левым плечом вперед ринулся сквозь елки напролом. И… выскочил на просторную поляну.

И наконец увидел то самое.

Сперва показалось, что и правда летающая тарелка. Метра два в диаметре. Она ребром засела в развилке сухой березы. Не очень высоко — взрослый дотянулся бы до нижнего края.

Тарелка испускала равномерный свет, который сперва показался Леше очень ярким. Но это сперва. Леша поморгал и разглядел на светящемся диске какие-то выступы, узоры, чешуйчатый рисунок. И сразу перепуганно понял, что она — живая!

Это была вовсе не тарелка. Это была громадная круглая рыба!

С одного края спускался до земли легкий, будто марля, хвост. Вверху торчал зубчатый плавник. Темнели жабры, и выделялся круглый черный глаз. И рот был! С толстой нижней губой, капризно выдвинутой вперед.

Глаз размером с крупное блюдце блестел, шевелился и смотрел на Лешу.

Леша качнулся назад и пятился, пока его не кольнули в затылок еловые ветки. Тогда он услышал глухой недовольный голос:

— Подожди…

Леша замер.

— Только не вздумай стрелять, — сердито предупредила рыба.

— Нет, что вы… — Леша торопливо повесил рогатку на шею.

Рыба тихонько постонала и вдруг чихнула. Так, что сухая береза качнулась и с нее посыпался мусор.

— Будьте здоровы, — слабеньким от страха голосом сказал Леша.

— Спасибо… Ты, наверно, мальчик Леша, который приехал в старый дом на Крайней улице?

— Да… А вы откуда знаете?

— С высоты все видно, — с кряхтеньем откликнулась рыба. — Да никто другой, кроме тебя, и не мог тут оказаться…

— Почему? — прошептал Леша.

— А вот потому…

Леша решился на новый вопрос:

— Простите, пожалуйста, а вы кто?

— Неужели не видно, кто я?.. Рыба-луна. Разве не слышал про такую?

— Слышал, конечно. То есть читал… Но ведь рыба-луна, по-моему, живет в море. А не на дереве…

— Ну, во-первых, я не совсем обычная рыба-луна, у меня особая должность. А во-вторых, я тоже живу в море… а-ап-чхи!.. Ох, грехи наши тяжкие… Но живу я там днем, а ночью выплываю на небо. И работаю луной.

— Вот удивительно… — Леше стало очень интересно и потому уже не так страшно. — Извините, но разве… в небе мало одной луны?

— Разумеется, мало, — ворчливо откликнулась рыба. — Посуди сам: настоящая луна светит не всегда, бывает и новолуние. Например, как нынче. А в здешней стране лунный свет необходим постоянно. Только при нем тут могут совершаться удивительные дела, без которых жизнь теряет всякий смысл.

— А… в какой это… здешней стране? — спросил Леша с новым замиранием.

— Разумеется, в Астралии.

— Ой… значит, здесь Астралия?

— Да. То есть почти. Так сказать, краешек пограничной области… А-ап-чхи!.. Ох, ну что за мучение…

— Вы, видимо, простудились, — вежливо заметил Леша. Он уже совсем не боялся. Узнав, что здесь Астралия (или почти Астралия), он понял наконец, что это сон. Как ему повезло — увидеть такой замечательный сон!

— Конечно, я простудилась, — капризно проговорила рыба-луна. — Наконец-то ты это сообразил. Может быть, сообразишь и дальше?

— Но… я не понимаю… А! Вам надо помочь, да?

— Само собой! Я совсем ослабела, опустилась и застряла в этой дурацкой березе…

— Едва ли я сумею вас вытащить, — озабоченно сказал Леша.

— Я выберусь сама, если подлечусь. А сейчас у меня высокая температура. Видишь, какого я цвета? Обычно я излучаю чистый мирный свет, а сейчас… ужас просто. Багровый оттенок. При таком зловещем освещении могут случиться всякие кровавые дела, а я окажусь виновата…

— А… как же вам подлечиться? Нужно какое-то лекарство?

— Слава богу, догадался!

— У нас дома, кажется, есть аспирин. Я могу сбегать… — Леша посмотрел на рыбу-луну с большим сомнением. Сколько же аспирина понадобится такой громадине?

— Ну что ты выдумываешь, — со стоном произнесла рыба-луна. — Какой аспирин! Из моего тела лишний жар может прогнать только мороженое!

— Где же я возьму сейчас мороженое? — растерялся Леша.

— По ночам его иногда продают в электричках. Бывает, что продавцы не успевают распродать его за день и ездят до утра.

— Ох… значит, мне нужно садиться в поезд?

— А-ап-чхи-и!! Фу ты, какое несчастье… Конечно, тебе надо сесть в поезд. И походить по вагонам, поискать… Тут недалеко, на насыпи, есть остановка «Сорок четвертый километр». Вот там и садись.

— Без билета?

— В Астралии все ездят без билетов.

«Это ведь сон», — вспомнил Леша.

— А мороженое как продают? За деньги или за так?

— Что за глупости! Мороженое везде продают за деньги.

— Но у меня ни копейки…

— Сейчас натрясу чешуек…

Рыба-луна стала вздрагивать. Чешуйки посыпались в траву. Светлые, размером с пятак. Леша кинулся подбирать их. Они были похожи на покрытые светящейся краской кружочки из пластмассы.

— Это такие деньги в Астралии? — робко поинтересовался Леша.

— Не притворяйся несмышленым! — опять рассердилась рыба-луна. — Неужели ты не знаешь, как превратить мою чешую в пятаки?

— Ой… кажется, знаю!

Горстка чешуек лежала у Леши на ладони.

Чоки-чок,

Чоки-чок,

Превратися в пятачок…

И верхняя чешуйка стала новеньким пятаком.

Чоки-чок,

Чоки-чок…

— Ты можешь заняться этим по дороге, — ворчливо заметила рыба-луна. — Торопись на остановку. Электричка будет через десять минут.

— А как обратно? Она же увезет меня неизвестно куда!

— А это уж смотри сам. Ты ведь мечтал о приключениях…

Леша мечтал, конечно! Когда читал книжки и смотрел телевизор. Но он не думал, что в приключениях бывает такая кусачая еловая чаща. И так сыплются за ворот сухие иголки. И кругом колючая тьма… Чтобы отвлечься от этих неприятностей, Леша, пробираясь к насыпи, бормотал:

Чоки-чок,

Чоки-чок,

Превращайся в пятачок…

Чешуйки лежали в нагрудном кармане рубашки, и с каждым «чоки-чоком» карман тяжелел.

«Мороженое стоит три рубля. Это значит, надо повторить считалку шестьдесят раз...»

И точно на шестидесятом разе Леша выбрался к насыпи.

Ух, как хорошо-то! Не колется, не царапается, и гораздо светлее, чем в лесу... Минут пять Леша топал по шпалам и наконец увидел дощатую платформу с желтой лампочкой на столбе и с надписью: «44-й км». И тут же раздался далекий гул. А еще через минуту подкатила электричка...

«А может, не надо? — подумал Леша. — Уеду за тридевять земель...»

Но если не сесть в вагон, это будет самая настоящая трусость. И рыбу-луну жаль... И сон с приключениями оборвется в самом интересном месте.

Открытые двери вагона нетерпеливо шипели. Леша схватился за поручни и прыгнул в тамбур. Поезд дернулся и набрал скорость.

В вагоне светили бледные плафоны и было пусто. Колеса стучали очень гулко и, кажется, с угрозой. В распахнутые окна залетал зябкий ветер, он гонял над полом колючую пыль.

Леша пошел в проходе между скамейками. Ни

души. Ну, кто здесь будет продавать мороженое!..

С натугой отворяя двери, Леша прошел в другой вагон. «Бу-бу, бу-бу, бу-бу», — гудела от колес пустота. И снова никого. Только на одной скамейке подпрыгивала забытая кем-то мужская туфля…

И в третьем вагоне, и в четвертом не было никого. И в пятом… Все тот же гул, сквозняки и ощущение скорости, будто поезд несется где-то в космосе.

Леша все отодвигал, отодвигал двери, шагал, шагал, придерживая на груди ужасно тяжелый карман… Да сколько же в этом поезде вагонов?! Кажется, что не меньше ста! А сколько времени Леша идет по ним? Наверно, целый час! И за это время — ни одной остановки! Ох, куда его занесло? Ох, какой он маленький и одинокий! Ох, как заблудился он в своем запутанном сне!.. Кончится ли это?..

И вот — кончилось! В конце вагона белела куртка продавщицы! Худая тетка сидела на скамье и дремала, опираясь локтем на синий ящик с надписью: «Мороженое. Кооператив «Пингвин»!

Леша подбежал.

— Здравствуйте! У вас найдется хоть одна порция?

Тетка вздрогнула, подняла лицо. Ой… Что-то

знакомое было

в этом лице. Неужели?.. Нет, просто похожа… Но на всякий случай Леша еще раз сказал «здравствуйте». Шепотом…

Продавщица насупленно спросила:

— А деньги у тебя есть?

— Да! Вот… — Он стал выгребать из кармана пятаки.

Они были новенькие, один к одному. Сверкали. Но продавщица осталась недовольна:

— Ты бы еще копейки принес!.. Это же целый час надо считать!

— Можно не считать! Тут ровно три рубля, честное слово!

Продавщица что-то буркнула, погрузила пятаки в карман куртки. Открыла ящик. Достала белый брикет с надписью: «Сливочное».

— Повезло тебе. Это последнее.

— Большое спасибо! — И он поскорее пошел прочь. Но продавщица строго окликнула:

— Постой… Пеночкин! А почему ты ездишь ночью один?

— Я… у меня важное дело.

— Вижу я, какое дело! Почему ты в таком виде? Растрепанный, рогатка на шее болтается! Срам…

— Но я… понимаете ли…

— Скажи маме, чтобы завтра же позвонила мне. И мы поговорим о твоем воспитании.

— А вот и не скажу! Все равно я уже не в вашем классе! И писать буду левой рукой!

— Ах ты негодник! Я тебя к директору!..

Но тут зашипели тормоза и поезд резко встал. Леша еле удержался на ногах. И бросился к выходу.

Он выскочил на дощатую платформу. Заоглядывался. Где он? Дождется ли обратного поезда?

Горела на столбе лампочка, освещала название площадки… Что это? Не может быть! Вот счастье-то! «44-й км»!

Под лампочкой крякнул черный репродуктор. Сказал мужским хрипловатым голосом:

— Поздравляем Лешу Пеночкина с рекордом. Он без остановки и пересадки объехал вокруг всей Астралии… А сейчас, Леша, торопись, а то растает мороженое.

В самом деле, уже капает! И Леша бросился сперва по рельсам, а потом с насыпи вниз.

Теперь ему повезло. Под ногами сама собой отыскалась тропинка. И стала разматываться, повела, повела на розовый свет, а елки послушно расступались перед Лешей.

Когда он выбежал на поляну, рыба-луна по-

прежнему сидела в развилке березы.

— Ну? Принес?

— Да! Вот…

— Как ты быстро обернулся, — подобревшим голосом сказала рыба-луна.

— Разве? А мне показалось…

— Неважно, что тебе показалось. Кидай мне лекарство… — И она еще сильнее оттопырила нижнюю губу.

— Сейчас, только разверну.

— Не надо, кидай так…

«Не промахнуться бы…» Леша прицелился и бросил размякший брикет, как бросают в корзину баскетбольный мяч. Попал! Губа втянулась, чмокнула. Рыба заворочалась, зашевелила хвостом и плавниками. Потом притихла.

— Ну и что? — осторожно спросил Леша. — Помогло?

— А как же, — размягченно сказала рыба-луна. — Неужели сам не видишь?

Да, Леша видел! Нездоровый розовый оттенок на теле рыбы-луны исчезал. Свет ее делался чистым, золотым. А рот растянулся в улыбке. Рыба снова заворочалась. И вдруг она приподнялась, выскользнула из развилки и повисла в воздухе прямо над Лешей. Теперь, с ребра, она не казалась

круглой, но была все же достаточно выпуклой. Слабо мерцающий хвост колыхался. Крылышки-плавники трепетали. Рыба отряхнулась, как пес, выбравшийся из воды. Леше даже показалось, что на него посыпались капли. Или какие-то твердые шарики. Он ойкнул и отскочил.

— Ничего, ничего, — весело проворчала рыба. — Это пустяки… Ну, я совершенно здорова. Спасибо тебе, Леша Пеноч-кин.

— Пожалуйста… Теперь вы полетите в вышину? Вместо луны? — сказал Леша немного печально. Потому что приключение явно заканчивалось, а надо еще пробираться по зарослям и темноте к дому.

— Да, полечу. Но сначала отвезу тебя домой.

— Правда?! Как?

Рыба-луна шумно опустилась в траву.

— Садись на меня.

— Спасибо! Я сейчас…

Но легко сказать «садись». До того места, где можно удержаться между двух плавников, до самого гребня спины, было метра два. Леша разбежался, подпрыгнул, уцепился за маленький плавник. Зацарапал коленками по гладкой чешуе.

Устал, повисел, зацарапал опять. Никакого

толку. Выбился из сил и повис.

От рыбы-луны пахло, как от копченой селедки, она была очень теплая. Наверно, не остыла еще от недавнего жара.

— Ну, что же ты? — недовольно спросила она.

— Извините, пожалуйста, вы очень скользкая.

— Ох ты, горюшко. Ну, сейчас… — Леша ощутил, как его окутало и подняло что-то мягкое. Это рыба-луна подхватила мальчишку широким хвостом. И он вмиг оказался на рыбьей выпуклой спине. Вцепился в зубцы плавника.

— Не боишься?

— Ага… То есть боюсь немножко. Вы потихоньку, ладно?

— Ладно… — И Лешу мягко приподняло. И темный лес упал вниз. Леша увидел широкое небо с посветлевшим утренним краем. Полетел навстречу упругий ветерок, откинул волосы и словно слизнул с лица, рук и ног противный зуд от лесных иголок.

Не успел Леша понять, боится он или нет, как рыба-луна опустилась в саду у дома. Леша съехал по чешуе в траву. И, конечно, сказал «большое спасибо».

— Пожалуйста. Теперь полечу на работу, пока еще нет полного рассвета.

— До свидания… А скажите, пожалуйста, как вас зовут? Наверно, ведь не просто «рыба-луна»?

— Меня зовут Ихтилена, — добродушно отозвалась она. — От двух научных слов: «ихтио» — «рыба» и «Селена» — «Луна».

— Очень красивое имя, — вежливо одобрил Леша.

— Разумеется. Но друзья могут звать меня просто тетя Лена… Ну, беги в кровать.

Леша подумал, что «тетя Ихтилена» звучит гораздо лучше, сказочнее. Но, чтобы не обидеть рыбу-луну, попрощался, как ей хотелось:

— Всего хорошего, тетя Лена.

— Приятных снов… — Рыба-луна Ихтилена бесшумно взмыла в высоту и почти сразу скрылась за верхушками деревьев.

«Если кто увидит, — подумал Леша, — решит, что ничего особенного, обыкновенный НЛО».

Когда Леша пробрался в комнату, за окном уже явно ощущался рассвет. Леша плотно задернул штору, и в комнате опять сделалась темнота. Даша по-прежнему ровно дышала в этой темноте.

Но едва Леша забрался под одеяло, Даша спросила строгим шепотом:

— Лешка-картошка, ты куда ходил?

— Чего? — растерялся он.

— Не «чего», а отвечай немедленно: где был?

— Ну, где-где… Нельзя, что ли, человеку сходить… куда надо?

— Через окно?

— А что такого? Так интереснее…

— Не морочь мне голову, — маминым голосом произнесла Даша. — «Куда надо» два часа не ходят. Я тут чуть не померла от беспокойства.

— Ну ладно, — вздохнул Леша. — Я хотел утром рассказать, но раз тебе не терпится… Я летал на рыбе-луне…

И он шепотом поведал Даше о своих приключениях. Она не перебивала, только тихонько ахала. А когда Леша кончил, она шепотом потребовала:

— Дай честное слово старшего брата, что не сочинил.

— Самое-самое честное! — Леша откинул одеяло, сел и для убедительности прижал к груди кулаки. — Пусть я лопну, как проткнутый шар, если вру…

Он не лопнул. А Даша вдруг прошептала:

— Ой, Лешка-а… У тебя коленки светятся…

— Где?.. Ох…

Коленки и правда выделялись в темноте двумя желтыми пятнышками. Словно в кожу была втерта светящаяся пыльца.

— Это, значит, когда я на рыбу забирался, с чешуи краску соскреб… Вот, а ты не верила!

— Теперь окончательно верю… А ты очень испугался сперва, когда эту рыбу увидел?

— Не очень… Средне… Подробности потом расскажу, а теперь я спать хочу. Ужа-а-асно… — Леша зевнул и свалился на подушку.

КАПРИЗНОЕ СУЩЕСТВО

Утром Леше, конечно, подумалось, что ночное приключение он увидел во сне. А Даша решила, что ей приснился Лешин рассказ.

Мама уже не первый раз приоткрывала дверь:

— Эй, засони! На часах половина десятого! Ыхало приходило, про вас спрашивало…

«Ыхало! Ура!..» — Леша дернул со стула штаны и рубашку. Из карманов посыпались, застучали по полу твердые шарики.

— Леша, это что?

— Это рогаточные пули.

— А это? — Даша, свесившись с кровати, подобрала блестящий шарик. — Смотри…

— Не знаю… У меня такого не было.

Размером шарик был такой же, как и глиняные, — с крупную ягоду. Но прозрачный. Похоже, что из желтого стекла. Внутри шарика темнело

зернышко, а в нем горела чуть заметная искра.

— Похоже на большую икринку, — задумчиво сказала Даша.

— На икринку? Ой, подожди… — Леша подскочил, с головой забрался под одеяло. Широко раскрыл в темноте глаза. Коленки желтовато светились.

— Дашка, иди сюда! — Они укрылись одеялом вместе.

— Значит, все было по правде!

— И шарик тоже светится, — выдохнула Даша. Теперь, в темноте, искорка в шарике горела ярко.

— Даш, наверно, это правда икринка! Я помню, на меня с рыбы какие-то бусины сыпались. Эта попала в карман рубашки, потому что он был после пятаков оттопыренный…

— Тогда надо положить ее в воду. Вдруг кто-нибудь из нее выведется.

Даша умчалась и принесла стакан с водой. Положила в него шарик. Поставила стакан на подоконник. А за окном с отдернутой шторой было зеленое и солнечное утро.

— Вон там приземлилась тетя Ихтилена. — Леша показал на примятую траву недалеко от окна. Из-за куста вылезло Ыхало. Помахало брату и

сестре ладонью. Они тоже помахали ему. Даша дернула Лешу за майку:

— Побежали умываться в сад! Там кран.

Но Леша вдруг опять забрался под одеяло. Зажмурился.

— Хочу вспомнить все-все, что было ночью. Мне сказали, что я установил рекорд… Ай! Да что же это такое! Опять кусается!

Он вскочил. Пригляделся. По простыне спешил кто-то маленький, черненький. Леша сердито помусолил палец, взял на него эту букашку. Пригляделся. Нет, это был не клоп, не жучок, не блоха. Это…

— Даша, дай-ка со стола увеличительное стекло… Ух ты! Смотри!

На пальце под стеклом сердито дергалась маленькая буква «а». В точности такая, какие печатают в книжках и газетах.

Даша посопела рядом и робко сказала:

— Она живая…

— Она, кажется, пищит… — Леша поднес палец к уху. Буква звенела, как разъяренный комар:

— Отпустите меня немедленно! Что за безобразие!

— Ругается, — прошептал Леша. И спросил: — А ты не убежишь?

— Что за глупости! Разве я за этим щекотала тебя всю ночь? Я нарочно старалась обратить на себя внимание!

Букву посадили на чистый лист раскрытого Лешиного альбома. Стало видно, что у нее выросли крошечные, как у мелкой мушки, лапки. Вернее, ручки и ножки. На ножках буква поднялась, а ручки заложила за спину и принялась туда-сюда шагать по листу.

— Ты — говорящее насекомое? — спросил Леша.

— Сам ты насекомое! — послышался писклявый ответ. — Я буква! Буква «а», самая первая в алфавите! Неужели не ясно?!

— Ясно, — покладисто сказала Даша. — А откуда вы появились, буква «а»?

— Из газеты «Вечерний Хребтовск»! — опять запищала буква. — Из объявления! В нем был адрес: «Улица Пароходная, дом три, квартира два». Вот в слове «Пароходная» как раз я и стояла. Но это была кошмарная жиз-знь!

— Почему? — подозрительно спросил Леша.

— Другие буквы не давали житья! Все время придирались! «Почему другая буква «а», после «эн», стоит спокойно, а ты все время егозишь и высовываешься из ряда?..» Но я, во-первых, не

высовывалась… почти. А во-вторых, как можно сравнивать? Я в слове была вторая по счету, а она только девятая! Это все равно что равнять сержанта с полковником!.. Вот я и ушла!.. Устроюсь где-нибудь, найду место получше… А эти, мои бывшие соседи, меня даже не окликнули! Сомкнули строй, и не осталось промежутка! Будто меня там и не было!

— По-моему, ты напрасно ушла, — сказала Даша. — Это нехорошо. Получилось, что улица не Пароходная, а Проходная. Кто-нибудь прочитает и запутается.

— А я-то здесь при чем? Они сами меня выжили!

— По-моему, ты сама этого добивалась, — заметил Леша.

— Ну и что? Рыба ищет где глубже, а буква — где заметнее. Найду место получше!

— Не всякая рыба ищет где глубже, — возразил Леша. — Я знаю такую, которая по небу летает.

— Это ее личное дело, — ответила буква «а».

— Ох и характер у тебя, — вздохнула Даша.

Леша спросил:

— А что было в том объявлении?

— Откуда я знаю! Я была знакома только с ближними буквами. До остальных-то мне какое дело?

— Как она пищит и звенит, — поморщился Леша. — Да еще кусалась ночью…

Даша задумчиво сказала:

— Она еще маленькая. Может быть, потом исправится и поумнеет. — Иногда она так же говорила про свою куклу Василису.

— Просто у меня дурное настроение. Я очень расстроена.

— А-а… — понимающе протянули Даша и Леша.

Буква «а» приподнялась на ножках и, кажется, чуть-чуть увеличилась.

— Благодарю вас. А не могли бы вы еще раз сказать «а-а»?

— Зачем? — удивился Леша.

— Это вливает в меня новые силы. Ведь звук «а» мой родной. Когда я наполняюсь им, то даже подрастаю.

Леша и Даша переглянулись и разом заголосили:

— А-а-а-а!..

Буква «а» радостно затанцевала и выросла на глазах. Стала ростом в полсантиметра.

— А-а-а-а!!

Буква качалась на ножках и поглаживала выпуклый животик. Она сделалась еще больше.

— А-а-а-а!!

— Что с вами? — Это мама распахнула дверь.

— Ничего! Мы играем! — радостно объявили брат и сестра.

— Что за игры! Я думала, у вас обоих животы схватило!.. Марш умываться, завтрак остывает!

— Сиди здесь, — велел Леша букве «а». — Если будешь себя хорошо вести, мы для тебя снова покричим, и ты еще подрастешь.

— Спасибо! Тогда я смогу устроиться на работу в какой-нибудь престижной вывеске.

Леша закрыл альбом.

ЗВУКОВОЕ ПИСЬМО

Ыхало уселось в плюшевое кресло и втянуло руки и ноги. Оно было похоже на ком серой пакли с большими зелеными глазами. Глаза удивленно мигали. Ыхало слушало рассказ о недавних Лешиных приключениях.

— Ых, какие дела… Сколько живу, а ни о чем таком не слыхало…

Тень кота Филарета тоже слушала Лешу. Но без удивления. Она лежала на куске меха и мурлыкала, потому что Даша гладила этот мех.

— А вот икринка. — Даша показала Ыхалу стакан с желтой бусиной.

— Ых, какие дела. Чудеса…

Но больше, чем историей с рыбой-луной, Ыхало заинтересовалось маркой страны Астралии.

— Ты мне, Филаретушка, про такую и не рассказывал… Что? Давно, говоришь, отыскал? А где отыскал-то, в каком альбоме?

Тень-Филарет негромко поурчал и мявкнул.

Ыхало глянуло на Лешу и Дашу.

— Говорит, что на каком-то старом конверте. Прямо на нем и вытянул тень из-под марки. С трудом, потому что марка была прочно приклеена… Слышь, Филарет, а конверт этот ты где нашел?.. Что? В нашем доме? А может, он и сейчас где-то валяется? — Глаза у Ыхала разгорелись.

Тень прыгнула на освещенную солнцем дверь, потянулась, потом встала на задние лапы, а передней сделала жест: вперед, мол, за мной.

И все, конечно, заспешили за тенью кота Филарета.

Поднялись в мансарду. Папы в мастерской не было: с утра ушел по своим делам. Тень скользнула в полутемный коридорчик.

— Говорит, здесь где-то кладовка, — разъяснило Ыхало. — Ну да, я помню, там старые журналы…

Разглядели маленькую дверь, дернули. В кладовке пахло залежалой бумагой и было совсем

темно. Лешины коленки опять засветились. Но этого света было совершенно недостаточно. Ничего не разглядеть кругом! И уж тем более не увидеть тени кота. Ее было только слышно: «Мр-р, мр-р, мяфф…»

Хорошо, что у Леши оказался с собой тенескоп. Леша включил на нем лампочку.

Тень кота замаячила на корешках могучих книг. Это были подшивки старинных журналов «Нива» и «Живописное обозрение». Слабо блестела позолота.

— Мяу… му-ур…

— Ясненько-понятненько. Ы-ых… — Сопя и кряхтя, Ыхало потянуло с полки тяжелый том. Полка вдруг осела, пудовые книги посыпались на пол, одна треснула Лешу по ноге. Он был в матерчатых домашних тапках, и ему крепко попало по пальцам.

— А-а-а! — Леша заплясал на одной ноге.

— Ай-яй-яй! — перепугалось Ыхало. — Очень больно?

— Ура-а! Тра-та-та, красота! — запищал вдруг кто-то.

— Ах ты, негодная! — воскликнула Даша. И тогда все увидели, как на упавшей книге танцует и вертится черная буква «а». Теперь она была

величиной с ноготь взрослого человека.

— Ля-ля-ля! Ля-ля-ля! А я снова подросля!..

— Я тебе покажу «подросля»! — разозлился Леша. — Кто тебя сюда звал? Тебе велено было сидеть в альбоме!

— А я не обязана! Хочу — сижу, хочу — гуляю! Ля-ля-ля, а я снова…

— Как тебе не стыдно! Леша пальцы ушиб, а ты радуешься! — возмутилась Даша.

— Зато он покричал «а-а»! И я сделалась еще крупнее!

— Разве можно расти на чужих несчастьях! — сурово сказало Ыхало. — Это же совершенно бессовестно.

— А какая мне разница? Главное, чтобы кто-нибудь погромче: «А-а-а!»

— Ну, я тебя!.. — Леша брякнулся на четвереньки и хотел поймать букву «а» ладошкой, как кусачего жука. Но та увернулась и прыгнула за дверь. Послышался затихающий голосок:

— Ля-ля-ля…

— Ладно, попадешься еще… — проворчал Леша. Но уже не так сердито, потому что боль почти прошла. Он сидел на полу и при свете лампочки тенескопа разглядывал упавшую книгу.

— Ух какая! С медными застежками… Это не

журнал…

— Филарет говорит, чтоб открыли, — сказало Ыхало. Глаза его горели азартной зеленью, будто оно тоже большой кот.

У книги откинули крышку. Оказалось, что это альбом с фотографиями. Очень старинными. На снимках были женщины в длинных платьях и усато-бородатые мужчины во фраках, сюртуках и мундирах. Некоторые даже с саблями. Сабли Лешу очень заинтересовали. Но тень-Филарет поторапливал: перелистывайте дальше…

— Ых-ох, это же Орик! Орест Маркович, когда он маленький был! — обрадовалось Ыхало.

С большого коричневого снимка смотрел мальчик Лешиного возраста. Симпатичный такой, большеглазый, задумчивый. Он был в рубашке с кружевным воротником и в широкой соломенной шляпе с лентой.

— Как красиво одевались в старину, — прошептала Даша. Она очень увлекалась модами и выкройками. Вся в маму.

— Подумаешь, — бормотнул Леша. — Сейчас не хуже…

Но мальчик Орест ему тоже понравился. С таким неплохо

было бы подружиться. Сразу видно, что серьез-

ный и не задира. Не то что мальчишки в классе у Леонковаллы Меркурьев-ны. Там Леша за весь год так ни с кем и не сошелся по-приятельски…

— Хорошо, хорошо, Филаретушка, — отозвалось Ыхало на нетерпеливое урчание-мурчание. — Давай дальше…

А дальше… между страницами оказался плотный большущий конверт *с той же самой маркой!*

— Ура… — сказали все. Но шепотом. Потому что приблизилась тайна.

Поразглядывали марку и лишь потом внимательно прочитали адрес:

г. Хребтовскъ
улица Крайняя, домъ 5,
мальчику Оресту Редькину.

А ниже, крупными буквами:

ЗВУКОВОЕ ПИСЬМО

— По-старинному написано, — прошептал Леша.

Даша спросила:

— А как это — звуковое письмо?

— Ну, разве не ясно? Записывают голос на пластинку и посылают.

— Это сейчас можно. А в старину разве так делали?

— А почему же нет? Только пластинки были большие и тяжелые. Видишь, и конверт поэтому такой громадный…

— И без обратного адреса, — вздохнула Даша. — Не узнаем, откуда письмо.

— По марке видно, что из Астралии.

— А где она, эта Астралия?

— Самое обидное, что он пустой, конверт-то, — досадливо сказал Леша. — Была бы пластинка, сразу все узнали бы…

— Интересно, где она? — прошептала Даша.

— Наверно, давно разбилась. В те времена пластинки были хрупкие.

— Разве хрупкую стали бы посылать по почте? — резонно возразила Даша.

— А небьющихся в старые времена не делали.

— А может, делали!

— Я лучше знаю, я читал!

— Какой умный!

— Да уж поумнее некоторых!

— Кого это «некоторых»?

— Всяких простокваш-промокашек…

— Леша — бегемоша…

— Ай-яй-яй, тише, пожалуйста, — быстро сказало Ыхало. — Так мы ни о чем не договоримся.

— А о чем надо договариваться? — спросила Даша (показав брату язык).

— У меня вертится одна мысль. Догадка. Неужели правда?.. Ых, нет, надо сперва проверить…

— Да что проверить-то? — подскочил Леша.

— Если хотите, пошли ко мне в гости.

Ыхало тщательно вырвало у входа в баньку крапиву.

— Проходите, пожалуйста… Само-то я обычно через трубу проникаю, поэтому тут и заросло все…

В баньке, как уже известно, застарело пахло березовым листом. Было полутемно и таинственно. Оконце — маленькое, да и то закрыто сорняковыми джунглями. Ыхало засветило свечку в увесистом медном подсвечнике. На бревнах стены изогнуто обозначилась тень Филарета. Она сидела и вылизывала заднюю лапу.

— Сейчас, сейчас… — пыхтя, торопилось Ыхало. — Вот…

И оно вытащило из-за печки картонную коробку.

— Здесь пластинки. Я их насобирало в доме в

разные годы. Старуха все равно никогда не слушала, а я здесь иногда развлекаюсь… Тут старина всякая. «Амурские волны», Шаляпин, Собинов. Певцы были такие… А вот русские романсы, мадам Вяльцева поет… Это, конечно, на любителя, молодежи это неинтересно…

— Папа любит Шаляпина, — сказала Даша.

— Папа ведь уже не молодежь, — возразил Леша. Просто чтобы сказать поперек.

— Ну и не старый…

— А вот та самая пластинка! — торопливо перебило брата и сестру Ыхало, чтобы опять не поссорились. — Я давно заметило, что она не такая, как другие. Дважды роняло — и ни трещинки. И без наклейки — неизвестно, чья и откуда… Я ее в доме за книжным шкафом нашло… Обратите внимание, она тоже старинная — запись с одной стороны, как в давние времена делали.

Леша взял пластинку.

— Ух, какая тяжелая…

— Лешка, не урони!

— Тебе же сказали, что небьющаяся.

— Все равно…

— Если бы все равно, лазили бы в окно!

— Ха-ха, а ты ночью лазил!

Леша засмеялся:

— Сдаюсь, переспорила… Ыхало, а что на ней, на плас-тинке-то?

— Одну минуточку… Ых… — Ыхало выволокло из-под лавки небольшой чемодан. Положило на скамью. С ржавым повизгиванием открылась крышка.

В чемодане оказался покрытый малиновым сукном диск. А еще — изогнутая блестящая трубка с плоским набалдашником.

— Патефон! — обрадовался Леша.

— Проигрыватель? — спросила Даша.

— Да. Только старинной конструкции.

— А где электрошнур? Или он на батарейках?

— Он вообще без электричества работает… А еще раньше были граммофоны, с большущей трубой. Не слыхала, что ли, про такие?

— Я видела на картинках. Но я думала, что они все равно с проводом… А как же без электропитания?

— Ох и необразованная ты, Дашка! Только и знаешь свою кройку и шитье. Хоть бы изредка техническую литературу читала… Это механическая акустика. Пружина ручкой заводится.

— Да… — вздохнуло Ыхало. — Только, извините, у меня не заводится, пружина давно лопнула. Приходится пальцем вертеть.

— И получается? — удивилась Даша.

— Сейчас покажу…

— А что на пластинке-то? — опять спросил Леша.

— Да, признаться, ничего особенного. Такая приятная песенка. Но в свете последних событий… Давайте послушаем.

Ыхало положило черную пластинку на малиновое сукно. Приготовилось опустить на край блестящую мембрану с иглой. Уперлось пальцем рядом со шпеньком в центре круга — чтобы вертеть.

— Постойте! — подскочил к Ыхалу Леша. — Попробуем без пальца…

Чоки-чок,

Чоки-чок,

Закрутися, как волчок…

Круг шевельнулся. Ыхало отдернуло палец:

— Ой…

Круг завертелся. Быстрее, быстрее…

— Удивительно-изумительно, — прошептало Ыхало. И осторожно опустило на пластинку иглу.

Патефон зашипел. Потом в нем забрякал какой-то инструмент. Словно негромкое пианино

с жестяным звоном. А затем зазвучал голосок, непонятно чей. Похожий на тот, что у Петруши, только без рассыпчатого «р». В общем, кукольный какой-то:

Баю-бай, баю-бай,
Я спою тебе погромче,
Ты смотри не засыпай,
А скорей садись в вагончик.

Трюх-трюх-трюх, дон-дон-дон,
Повезет тебя вагон…

Ты прокатишься версту,
А за ней — саженей триста,
И колеса — стук-стук-стук —
Привезут тебя на пристань.

Ля-ля-ля, ля-ля-ля,
Здесь волшебная земля…

Песенка была как песенка. Словно из какого-то мультика. Но вот этот припев с «ля-ля-ля» напомнил Леше про букву «а», и он поморщился. А кукольный голосок пел дальше:

Ветры флаги теребят,
Улыбаются все лица,

С нетерпеньем ждет тебя
Астралийская столица.
Баю-бай, баю-бай,
Поскорее приезжай…

И пластинка кончилась.

— Ничего не понятно, — сказал Леша насупленно. — Чепуха какая-то. «Баю-бай, приезжай». Если «баю-бай», надо спать, а не ехать куда-то…

— Это ведь просто песенка, — заметила Даша.

— А я-то думал, тайна откроется…

— Какая тайна?

— Ну, что за страна Астралия…

Ыхало осторожно вмешалось:

— Видите ли, мальчик Орест в самом деле играл в такую страну. Приключения описывал, которые в ней случаются, карту рисовал. Я помню… Астралия — это ведь, скорее всего, от слова «астра», то есть «звезда». Я полагало, что это сплошная выдумка.

— Ничего себе выдумка! Я вчера вокруг нее на электричке объехал!

— «Ты смотри не засыпай, поскорей садись в вагончик», — сказала Даша.

Леша опять вспомнил ночную электричку и поежился. Но подумал: «Зато тетя Ихтилена была

хорошая…»

— Марка-то настоящая, — сказал он.

Даша пригляделась (конверт с маркой был у нее в руках).

— А может, нарисованная? Для игры? И звуковое письмо мальчик Орест сам для себя заказал в какой-нибудь студии? Тоже для игры…

— М-мря, мяфф! — обиженно донеслось со стены. Ыхало сказало:

— Марка настоящая. Филарет подделки не собирает… Кто-то и правда приглашал Ореста в столицу Астралии.

— Где же она? — нетерпеливо спросил Леша.

— Тут-то и загадка… Может быть, на другом этаже пространства?

— На каком это на другом? — удивилась Даша. — Под землей?

— Нет… Видите ли, пространство Вселенной — оно ведь очень многоэтажное. Или, как говорят ученые, многомерное. Ну, они-то, ученые, про это недавно заговорили. А домовые, гномы и прочее древнее население Земли про такую многомерность знало всегда. Иногда они даже бывали в тех краях, только нечасто, потому что домоседы… Оттуда к нам, говорят, и залетают всякие штуки, которые называются НЛО…

— Наверно, вы правы, Ыхало, — согласился Леша. — Потому что вчера ночью за насыпью был густой лес, а сегодня — огороды, а потом — новый микрорайон. Видимо, Астралия спряталась на свой этаж. Как бы ее найти, а?

— Ых, это трудная задача… Вчера тебе просто повезло.

— А может, и опять повезет!

— Надо подумать… — Ыхало почесало бока и притихло. Видимо, и правда задумалось.

В саду послышался голос мамы:

— Леша, Даша! Идите обедать! Папа уже пришел!.. Ыхало зовите с собой! А Филарету я припасла отличную тень от свежего окуня!..

— Мр-р…

КТО ЖИВЕТ НА ПРОХОДНОЙ

Оказалось, что к обеду мало хлеба, и Леша помчался в булочную, она была в квартале от дома.

Дом своим фасадом выходил на улицу Крайнюю. Рядом стояли похожие дома, но этот был самый примечательный. Над мансардой блестела частыми квадратиками стеклянная крыша. Над ступенями крыльца был навес — его держали подпорки из кружевного кованого железа. Парадную дверь покрывал деревянный узор. Местами

он потрескался, но все равно был красивый.

К двери были привинчены две таблички. На медной значилось: «Художникъ О.М.Редькинъ». На другой — белой, фаянсовой — «Звонокъ». Под ней краснела новая кнопка, звонок был действующий.

Леша, вернувшись из булочной, дотянулся до кнопки и вдруг остановил руку. Что-то было не так… А, вот что! Слово на белой табличке — с ошибкой, «Званокъ»! При этом буква «а» торчала косо и нахально. Под пристальным Лешиным взглядом она шевельнулась, выпустила ручки-ножки, но было поздно! Леша ухватил ее двумя пальцами.

— Не уйдешь, голубушка! «Ля-ля-ля»…

— Отпусти! — запищала она, задрыгалась. — Имею я право на рабочее место?!

— Нахалка! Свое место надо искать, а не лезть на чужое!.. Куда ты букву «о» девала?

— Не знаю! Ее тут не было!

— Врешь… — Леша глянул вниз. И рядом со своей сандалией сразу увидел на ступеньке черное колечко. Леша подхватил обиженное «о», приложил к прежнему месту. Буква сразу приросла.

— А с тобой мы сейчас разберемся, красавица.

— Пусти-и!

— Нет уж! На клей сядешь, моя хорошая…

— Не имеешь права!

— Имею! Потому что ты безобразничаешь! И к тому же грамоты не знаешь! «Звонок» — это от слова «звон», через *«о»*пишется, а ты суешься…

— А я хотела, чтобы от слова «зван»!

— Такого слова нет!

— Как это нет?! «Зван в гости»! Значит, звонок для званых гостей!

— А сама полезла незваная! Ну, подожди…

Как ни пищала, как ни вертелась буква *«а»*,ничего ей не помогло. В своей комнате Леша выдавил на альбомный лист каплю конторского клея, размазал ее пальцем и на липкое пятно припечатал букву-скандал истку. Она пискнула еще, хныкнула, втянула ручки-ножки и присмирела. Словно капризная девчонка, которую решительной рукой поставили в угол…

Ыхало отказалось от обеда. Объяснило, что существа его породы едят раз в неделю. Но посидеть на кухне за компанию с остальными согласилось. А тень кота Филарета смачно хрустела под столом тенью свежего окуня…

Папа торопливо допил компот и хотел встать. Мама сказала:

— Неприлично уходить из-за стола, пока все не

пообедали. Какой пример ты подаешь детям…

— Но если дети едят так медленно! Прямо как сонные курицы!

— А спешка за едой вредна для желудка, — заметил Леша.

— Но я же не могу сидеть за столом без дела.

— А ты расскажи нам что-нибудь интересное, — посоветовала Даша. И добавила маминым голосом: — Ты должен уделять больше внимания своим детям.

— Ну, хорошо… Со мной сегодня случилась удивительная история. Утром я прочитал во вчерашней газете объявление: «Принимаются заказы на рамы для картин и портретов. Обращаться по адресу: улица Проходная, дом три, квартира два». Вы же знаете, что хорошие рамы сейчас — большой дефицит. Вот я и помчался на эту Проходную…

Леша пяткой толкнул под столом Дашину ногу. А папе сказал:

— Приходишь, а там — никаких рам. Никакого мастера!

— Да! Но зато по этому адресу живет удивительный человек! Я с ним познакомился.

— Чем же он удивительный? — поинтересовалась мама.

— Замечательный старичок! Кол-лек-ци-о-нер!..

— Подумаешь, — сказала Даша. — Кругом коллекционеры.

— Нет, не «подумаешь»! Вы никогда не догадаетесь, что он собирает!

— Что же именно? — поинтересовалась мама.

— А вы попробуйте угадать.

«Уж конечно, не марки, не значки, не монеты, — подумал Леша. — И не вкладыши от жевательных резинок. Что-то совсем необычное. Иначе папа так не восхищался бы». И сказал:

— Наверно, анекдоты.

Мама строго посмотрела на него.

— Или облака разного цвета, — добавил Леша.

— Или запахи всяких цветущих растений, — задумчиво проговорила Даша. — Загоняет их в бутылки и запечатывает. А потом откупорит бутылку и нюхает.

— Не-а… — по-мальчишечьи отозвался папа.

Ыхало повозилось в углу на табурете и вспомнило:

— Я знало в давние времена одного домового, и он, представьте себе, коллекционировал мыльные пузыри.

— Не может быть! — ахнула мама.

— Честное слово! Сам видел. Мы были хорошо знакомы, его звали Памфилий…

— Но ведь пузыри очень быстро лопаются, — сказала Даша.

— Памфилий умел составлять такие мыльные растворы, что пузыри совсем не лопались. Даже когда их протыкали, они съеживались, как дырявые воздушные шарики, только пленка была совсем-совсем тоненькая, вроде как тень Филарета. Хранить их такими было очень удобно, тыща штук умещалась в спичечном коробке. А когда Памфилию хотелось, он надувал через соломинку какой-нибудь пузырь, заклеивал дырку и любовался. Такие были радужные шары…

— Как удивительно, — сказала мама.

— Да… А потом это Памфилию надоело, он надул все пузыри один за другим и выпустил на волю. Вот у ребятишек на окрестных улицах была радость! А постовые дули в свистки и грозили оштрафовать, только не знали, кого…

Мама сказала, что это замечательная история. А папа смотрел с выжиданием: когда же наконец спросят, что коллекционирует старичок, живущий на Проходной улице.

И Леша спросил:

— Ну а старичок-то что собирает? Не пузыри?

— Нет, — торжественно ответил папа. — У него коллекция пробок от графинов.

У всех (даже у Ыхало) сделались непонимающие лица. И наступило молчание. Потом Даша опять сказала:

— Подумаешь.

И папа снова возразил:

— Нет, не «подумаешь»! Это замечательная коллекция! И Евсей Федотыч так увлекательно рассказывает о каждом своем экспонате! Вам, дети, будет очень интересно познакомиться с этим человеком, вы узнаете от него много поучительного… Здесь, в кладовках, я видел несколько стеклянных пробок. Завтра вы отнесете их Евсею Федотычу и передадите от меня привет.

После обеда Леша и Даша увели Ыхало в свою комнату (тень-Филарет скользнул за ними). Там они начали расспрашивать Ыхало, не помнит ли он рецепт мыльного раствора, который придумал домовой Памфилий. Как здорово было бы надуть сотню-другую радужных пузырей, которые не лопаются! И пустить по улицам!

Но Ыхало рецепта не помнило. Вернее, никогда его не знало. Однако дало умный совет:

— Леша, ты ведь можешь попробовать надуть волшебный пузырь с помощью своего заклина-

ния. Ну, которое «Чоки-чок»…

— Ох, не знаю… Тут ведь нужно слово с окончанием на «чок». Для рифмы. А с пузырем это никак не связывается… «Пузырчок», что ли? Но это неправильное слово, оно не годится.

Ыхало заскребло макушку, с которой посыпался мусор.

— Постойте-ка, — вдруг сказала Даша. — У меня что-то вертится в голове… А если так?

Чоки-чок,
Чоки-чок…
Дунь сильнее в кулачок…
Никогда пускай не лопнет
Твой пузырчатый бочок…

— М-м… — засомневался Леша. — Почему «дунь в кулачок»?

— Ну, соломинку сожмешь в кулаке и дуй! Давай попробуем!

Леша согласился неохотно. Было слегка завидно, что не он придумал эти строчки. Но все же они развели в блюдце мыло и отыскали пластмассовую трубку для коктейля. Леша прочитал, что сочинила Даша: «Чоки-чок, чоки-чок» — и так далее. Обмакнул трубку в раствор, стал дуть.

Появился пузырь, отразил в себе солнечное

окно. Сперва он был маленький, но быстро вырастал. И скоро сделался с футбольный мяч.

— Хватит, — прошептала Даша. — Лопнет…

Но Леша передохнул и стал дуть снова. А Даша и Ыхало затаили дыхание.

Пузырь стал уже с большущий арбуз. По его тончайшей пленке плавали изумительно красивые радужные пятна…

И вот он уже сделался как громадный пластиковый мяч для игры на пляже!

Когда Леша снова переводил дыхание, пузырь вдруг оторвался от пластмассовой соломинки и поплыл к потолку.

— Ай! — жалобно пискнула Даша. Было ясно, что про-зрачно-переливчатый шар коснется штукатурки и разлетится в мокрую пыль.

Но шар оттолкнулся от потолка и полетел к Леше. Задел его голову и повис неподвижно. Тогда… Леша, замерев в душе, тронул пузырь мизинцем. Мыльная пленка оказалась упругой, как тонкая натянутая резина. Леша хлопнул пузырь ладонью. Тот отлетел к стене, ударился о нее и отскочил, как обычный воздушный шарик.

— Ой, как здорово! — завизжала Даша и тоже хлопнула пузырь. Он отлетел к Ыхалу, и оно поддало его своей темной ладошкой. Шар опять

взмыл к потолку и вовсе не думал лопаться.

— Ура-а-а-а!! — завопили Леша, Даша и даже Ыхало. Так, что протяжное «а-а-а» пронеслось по комнате, как эхо в гулкой пещере. А когда смолкло, все услыхали писклявое насмешливое «ха-ха-ха»!

На столе, рядом с альбомом для рисования, плясала на тонких ножках знакомая буква. То есть не совсем знакомая, потому что ростом она была уже со спичечный коробок.

Леша и Даша сразу поняли, что зловредное создание снова подросло за счет общего крика, засохший клей отскочил от бумаги и буква освободилась.

— Марш на место! — крикнул Леша.

Но буква опять нахально захохотала и прыгнула со стола… на мыльный пузырь! Он как раз проплывал над столом. За ней метнулся тень-Филарет, но поздно — пузырь всплыл к потолку. Буква «а» крикнула оттуда:

— Не желаю больше с вами знаться! Я отправляюсь путешествовать! — И шар торжественно вылетел в окно. Леша попытался ухватить его, но опоздал.

— Ну и ладно, — сказал он смущенно. — Не больно-то и надо. Все равно с этой писклявой

врединой одни неприятности…

ДВЕРИ ЗАКРЫВАЮТСЯ, ПОЕЗД ОТПРАВЛЯЕТСЯ…

На следующее утро Ыхало не появилось. Видимо, разоспалось у себя в баньке. Леша и Даша постеснялись идти будить его. И тень-Филарета не было видно. То ли тоже спала, то ли охотилась за тенями воробьев.

После завтрака папа ушел в контору, которая называлась «Выставком», — договариваться о новой выставке. Мама посоветовала сыну и дочери заняться чем-нибудь полезным, а сама села за швейную машинку.

— Даша, бежим на узкоколейку, там поезд не достроен, — вспомнил Леша.

Вскоре они выбрались на знакомую поляну и, раздвигая коленками ромашки, пошли к заросшим рельсам. Там все было по-прежнему: два фанерных ящика стояли на березовых катках.

— Вагоны есть, а паровоза нет, — вздохнула Даша.

— Будет! — решил Леша. — В кладовке на первом этаже я видел большущий старый самовар. Чем не паровоз?

Они вернулись в дом, отыскали кривой самова-

рище, покрытый пятнами зеленой окиси. Он был ростом Леше до пояса.

— Надеюсь, это не папа нашего Ыхала, — заметила Даша. — А то было бы неловко…

— Папу ведь отправили в утиль. Давно еще, — грустно напомнил Леша.

К самовару отыскали длинную коленчатую трубу. С пыхтеньем и остановками утащили это добро к рельсам. Потом Леша приволок еще два березовых бревнышка и обрезок широкой доски. Бревнышки — на рельсы, доску — на бревнышки, самовар — на доску. А трубу — на самовар.

— Как старинный паровоз Стефенсона, — сказал Леша. — Я такой в «Детской технической энциклопедии» видел. Маленький такой паровичок с длинной трубой.

— Только дыма не хватает, — заметила Даша.

— Сейчас будет дым.

— Еще чего! — сказала Даша маминым голосом. — Алексей, не вздумай играть со спичками.

— Никаких спичек не надо. Ну-ка, принеси сухого бурьяна. Вон оттуда, от забора…

Даша недовольно пожала плечами, но пошла. Она хотя и подражала маме, но все же была Лешиной младшей сестрой и брата слушалась (правда, не всегда).

Сухие стебли бурьяна и всякие найденные поблизости щепки затолкали в середину самовара. Леша достал из кармана увеличительное стекло.

— Вот им и разожжем в паровозной топке огонь.

— Ой, Леша! А ведь без воды-то котел расплавится!

— Правильно!

Пришлось бежать домой за ведерками и веревкой. Несколько раз ходили к колодцу, черпали воду для самовара. Можно было бы наливать из крана, но брать из колодца было интереснее. Сказочнее…

Вода из самовара била искрящимися струйками.

— Дырявый, — вздохнула Даша.

Но Леша решил:

— Ничего, не скоро вытечет. — Струйки были тонкие, как ниточки.

Веревкой от ведра Леша привязал самовар к доске.

— Это для прочности.

Конечно, самовар и так никуда не делся бы. Но Леше мастерить нравилось больше, чем играть. Игра — что? Ну, сядешь в ящик, скажешь: «Ту-у, поехали», пофыркаешь вместо паровоза. Но ведь

по правде-то с места не сдвинешься. А придумывать и строить — это по-настоящему интересно.

Наконец все было готово. Леша стеклом зажег бумажный жгутик, сунул его в самовар. Огонь затрещал в бурьянном топливе. Леша торопливо поставил на самовар трубу. Из нее повалил настоящий паровозный дым.

— Садись скорее, — заторопилась Даша, будто поезд и в самом деле вот-вот поедет.

Они забрались в передний ящик.

— Осторожно, двери закрываются, — звонко сказала Даша, хотя никаких дверей, конечно, не было. — Поезд следует до станции... Леша, до какой станции?

— До Пристани. Как в песенке. Разве ты забыла?

— Правильно! Поезд следует до станции «Пристань»!.. Леша, гуди!

— Гу-у-у, — послушно изобразил Леша паровозный гудок. И зафырчал: — Чуф-чуф-чуф... — И даже локтями задвигал, как паровозными шатунами... И дым все гуще валил из трубы.

Жаль только, что по правде никуда не ехали.

— Лешик... — вдруг прошептала Даша особым, таинственным шепотом. — А скажи свое «Чоки-чок...».

— Ну и что?

— Не знаю… Вдруг что-нибудь случится?

— Не случится. Это было бы слишком большое волшебство. «Чоки-чок» такого не умеет.

— Ну… попробуй, а?

Леша пожал плечами. Подумал. Пошептал себе под нос. И наконец нерешительно проговорил:

Чоки-чок,
Чоки-чок,
Нас сейчас тряхнет толчок…
И покатит нас по рельсам
Самовар-паровичок…

Он еще успел подумать, что стихи получились, кажется, неплохие. А больше ничего не успел, потому что самодельный поезд вздрогнул от сильного толчка. Дернулся! Самовар засвистел.

— Ой! — громко сказала Даша. Леша не удержался на ногах, сел на кромку ящика.

А ящик уже ехал вслед за шипящим самоваром-паровозом. И его потряхивало на стыках рельсов, а по фанерному днищу скребли подмятые лопухи. В такт потряхиванию у Леши в голове прыгала только одна мысль: «Вот э-то да. Вот э-то да…»

Потому что случилось даже не одно чудо, а несколько.

Во-первых, поехали. Это само по себе удивительно.

Во-вторых, самодельный паровоз и ящики-вагоны не были сцеплены, но все же дружно катились вместе.

В-третьих, по всем законам механики ящики на первом же метре пути должны были съехать с кругляков. Но этого не случилось. Фанерные вагончики бежали как на самых настоящих колесах.

Наверно, все это случилось не только из-за Лешиного «Чоки-чока», но и потому, что страна Астралия была недалеко. Сюда, несомненно, просачивалось ее волшебство. Да и вода из колодца, которую налили в самовар, была, видимо, заколдованная. К такому выводу Леша пришел потом, когда на свежую голову обдумывал все случившееся.

Но в этот момент он ничего не обдумывал. Просто удивлялся и радовался. Сперва еще и боялся немного, но скоро перестал.

А Даша прижимала к щекам растопыренные пальцы, и глаза у нее были большущие от испуга и восторга:

— Ой, Лешка-а…

— Держись! Раз поехали, значит, поехали… По-

пробуем управлять. — И Леша сказал паровозику: — Полный вперед!

Самовар обрадованно свистнул, и поезд припустил в два раза быстрей. Затрясло. Даша пискнула и присела.

— Не бойся… Средний ход!

Скорость убавилась.

— Малый ход…

Самовар запыхтел устало, и поезд стал двигаться не быстрее утомленного пешехода.

— Тпр-ру… То есть стоп!

Поезд стал, ящики ткнулись друг в друга и в шипящий локомотив.

— Малый ход! — торопливо скомандовал Леша (а то вдруг поезд больше не захочет ехать?).

Пых-пых — поезд опять двинулся по заросшей узкоколейке…

Кругом стояли заросли высоких сорняков. Над ними торчали розовые головки кипрея. Носились перепуганные воробьи и галки. Пролетела ворона, она что-то скандально орала. Не то «караул», не то «украли», хотя, конечно, никто ничего у нее не крал.

С поездом между тем происходили удивительные изменения. Ящики стали просторнее. На стенках выросли витые столбики, и оказалось,

что они поддерживают бело-красные полосатые навесы с бахромой и кисточками. Появились желтые лаковые скамеечки. Но самое интересное случилось с самоваром. Высокая трава, сквозь которую пробирался поезд, начистила самовару бока до солнечного сверкания. Кроме того, он заметно вырос, на нем появились всякие паровозные приспособления: движущиеся рычаги, шипящие трубки и различные загогулины. Рычаги и шатуны бойко вертели настоящие колеса.

Короче говоря, мятый облезлый самовар превратился в настоящий маленький локомотив. Очень красивый.

Но все это не так уже сильно удивляло Лешу и Дашу. Может быть, они стали привыкать к чудесам. А может быть, решили, что чудеса эти им просто кажутся. Бывает ведь так, что во время хорошей игры придуманное выглядит как настоящее…

Больше, чем сам поезд, Лешу и Дашу интересовало то, что было вокруг.

Заросли сорняков кончились. Потянулась местность с маленькими, похожими на кочки холмами. На них кое-где махали разноцветными крыльями крошечные ветряные мельницы.

Потом по горбатому мостику переехали ручей

и оказались в светлой березовой роще. Поезд остановился у дощатой платформы размером с положенную на землю дверь.

На столбике вагонной крыши тряслась черная воронка, она сказала голосом гнома Петруши:

— Станция «Одинокий Шар-рманщик».

Тут же на платформе возник небритый дядька в разноцветных лохмотьях. На ремне через плечо у него висел ящик с медными узорами и ручкой. Дядька заулыбался, одной рукой приподнял похожую на ведро с отворотом шляпу, а другой завертел ручку.

В ящике забренчали колокольчики. Дядька хрипло, но весело загорланил:

Жил на свете крот Карлуша,
Это был упрямый крот.
Маму с папой он не слушал,
Делал все наоборот.

Не хотел в земле копаться,
Говорил, что это зря.
И друзей учил кататься
Он на мыльных пузырях.

Собрались звери вместе

И глядят, разинув рты,
Как летают в поднебесье
Очень юные кроты.

«И чему их в школе учат?
Почему не укротят
Непослушных и летучих
Непоседливых кротят?»

Ну а те летают смело
От зари и до зари.
Хорошо, что кто-то сделал
Им такие пузыри!

Закончив песню, одинокий шарманщик поклонился и сказал:

— Благодарю за внимание.

— Спасибо! — крикнули Леша и Даша. И долго махали ему, когда поезд опять поехал. Но потом Даша с сомнением сказала:

— Странная какая-то песня. Получается, что, если хочешь летать, надо не слушаться родителей.

— Но ведь всякие бывают родители, — возразил Леша. — У крота Карлуши были отсталые, под землей жили…

— Любые родители волнуются за своих детей.

Ты думаешь, наши мама и папа не забеспокоятся, когда узнают, что мы укатили неизвестно куда?

— Мы ведь ненадолго. И кроме того, известно куда. На станцию Пристань.

— Это нам известно, а… Ой…

Поезд опять остановился. У такой же, как прежде, платформы. На ней стоял столб с черной табличкой: «Ст. Чьито-ноги».

Ниже этой доски висело объявление: «Детям до четырнадцати лет выходить на платформу без родителей не рекомендуется».

Позади платформы что-то большое ворочалось в зарослях рябины. Оказалось — избушка из темных бревен под острой замшелой крышей. Внизу, в траве и листьях, появилась вдруг из-под избушки могучая птичья нога с когтями. Бревна заскрипели. Распахнулось оконце. Крючконосая бабка хрипло, но ласково пропела:

— Идите сюда, детушки, я оладушек напекла…

Даша вцепилась в Лешину рубашку, хотя тот и не собирался никуда идти.

Черная воронка запоздало произнесла:

— Станция «Чьитоноги». Просьба оставаться на своих местах… Осторожно, поезд отправляется.

Бабка сердито захлопнула окошко.

Когда отъехали подальше, Леша сердито ска-

зал:

— Я бы сошел, конечно, только неохота… Думаешь, я объявления испугался? Или бабки этой? Просто побоялся, что, пока буду с ней разбираться, поезд уйдет без меня…

Даша все еще держала его за рубашку.

— Сумасшедший! Мама сколько раз говорила: не суйся, куда не велено!

— Да не буду, не бу… Дашка, смотри!

Виляя между березовыми стволами, за поездом быстро катил на трехколесном велосипеде крупный серый заяц. Он был в красных брюках. Над глазами у него искрился прозрачный синий козырек на резинке.

Махая лапой, заяц тонко закричал:

— Эй, будьте добры, остановитесь!

— Малый ход, — велел Леша паровозу. — Стоп…

Паровоз пыхнул паром из-под колес и затормозил.

Заяц подъехал.

— Извините, пожалуйста! Вы к Бочкину направляетесь?

— Куда? — нерешительно отозвался Леша. — Мы не знаем… Мы первый раз…

— Мы на станцию Пристань, — сказала Даша.

— А Бочкин — начальник этой станции! Не позволите ли мне с вами?

— Конечно! Садитесь! — обрадовался Леша. — Задний вагон совсем пустой.

Заяц беззаботно оставил в траве велосипед и прыгнул в вагон. Похвалил:

— Какой славный поезд вы смастерили. Я такого еще не видел.

— Спасибо, — вежливо сказала Даша.

— Это вам спасибо… Меня зовут Проша.

— А меня Даша.

— А меня Леша.

— Очень приятно. У нас немножко похожие имена…

Этот разговор шел уже на ходу, потому что поезд тронулся без команды, едва заяц Проша оказался в вагоне.

Проехали еще пять минут, снова пересекли по мостику ручей и вдруг увидели, что из березняка выходит к железнодорожному пути еще одна рельсовая линия. На соединение. Когда поезд проскочил стрелку, Проша вдруг попросил:

— Остановитесь, пожалуйста, на секундочку!

— Стоп! — скомандовал Леша.

Заяц объяснил:

— Я должен доставить Бочкину важный груз.

Я сейчас…

Он выскочил из вагончика и скрылся в березняке.

— Никогда не думала, что зайцы умеют разговаривать, да еще так вежливо, — начала Даша. — Оказывается, они гораздо воспитаннее многих мальчиков…

Но тут затрещали ветки, и по соседнему пути выкатилась из чащи желтая бочка с надписью: «Квас». Бочку на колесах толкал Проша.

Щелкнули рельсы на стрелке, бочка оказалась позади поезда. Ткнулась в хвостовой вагончик. А Проша тут же оказался на прежнем месте.

— Бочкин будет счастлив! Теперь можно вперед без остановок!

Паровоз-самовар задымил погуще, задышал почаще. Видать, бочка была для него немалым грузом. Но все же поехали бодро.

И скоро заблестела среди деревьев синяя вода. Запахло осокой и камышами.

Медный паровичок обрадованно засвистел. И поезд оказался на берегу.

Часть II
ПОГРАНИЧНАЯ ОБЛАСТЬ

БОЧКИН

Река была неширокая, с камышами и кувшинками, но над ней летали настоящие чайки.

Среди камышей виден был причал с мачтой и будочкой. У причала стояло странное судно: размером с небольшой катер, но по форме — старинный пароход. С высокой желтой трубой и большущими гребными колесами.

Рельсы тянулись теперь у самой воды. Река была справа, а лес — по левую руку. На фоне кустов и берез Леша и Даша увидели шоколадного цвета домик с белыми карнизами и наличниками. На первом этаже домика окна были квадратные, на втором — круглые. Над крышей поднималась решетчатая застекленная башенка, похожая на маяк.

Поезд замедлил ход и тихо катился вдоль деревянного перрона со старинными фонарями на столбиках. Из домика выскочил кудлатый бело-рыжий пес. Роста он был громадного, но с такой добродушной мордой, что Леша и Даша ни-

чуточки не испугались. Пес подскочил к поезду и на ходу ухитрился лизнуть в морду зайца Прошу.

— Фу, Лилипут, какой ты невоспитанный, — сказал Проша, вытирая усатую и щекастую физиономию.

«Вот так лилипут», — подумал Леша. А пес уже бежал рядом с первым вагоном и явно был не прочь лизнуть в носы незнакомых пассажиров. Леша хотел дотянуться и погладить собаку. Но тут поезд остановился. Черная воронка что-то заговорила, но ее заглушил звонкий медный удар.

Оказалось, что на крыльцо домика вышел широкий дядька в синем кителе и красной фуражке. Это он ударил в начищенный колокол, который висел под белой доской с черными буквами: «Ст. Пристань».

— Добро пожаловать! — закричал дядька с крыльца веселым басом. — Как я рад! Наконец-то ко мне приехали пассажиры! А то я уже собрался на пенсию, потому что никакого интереса торчать тут в одиночестве!..

Он раскинул руки, словно для объятий, и сбежал с крыльца на перрон.

Леша и Даша выбрались из вагончика. Но их опередил Проша и первый оказался перед толстым дядькой. Тот присел перед зайцем на

корточки и пожал ему лапу.

— Привет, Проша, привет…

Но, видимо, с Прошей он встречался часто, и новые пассажиры интересовали его гораздо больше зайца.

— Я начальник этой станции Бочкин. Здравствуйте! — И он протянул могучую руку.

— Здрасьте. А я — Леша.

— Очень рад! — Бочкин осторожно пожал Лешину ладошку.

— А я Даша…

Бочкин опять сказал, что очень рад, и подержал толстыми пальцами Дашину руку. Его круглое усатое лицо с голубыми глазами просто светилось от восторга.

И тут все увидели, что Лилипут сидит рядом и тоже протягивает лапу. Даша обрадованно взяла ее в обе ладони и потрясла. Леша тоже пожал Лилипутову лапу, а затем не выдержал и обнял пса за лохматую шею. Тот замер, потом замолотил хвостом, лизнул Лешу в щеку и кругами начал носиться по перрону и по ближним лужайкам.

— Что за создание! — всплеснул руками Бочкин. — Ростом с корову, а никакой солидности…

Проша дернул начальника станции за штанину. Ушами показал в сторону поезда.

— Ох! — Бочкин опять взмахнул ладонями. — А я и не заметил на радостях… Неужели полная? — Он повернулся к Леше и Даше. — Извините меня, пожалуйста, я сейчас…

На своих коротких ногах он заспешил к желтой бочке. Торопливо открутил на ней круглую крышку. Зажмурился, часто задышал, облизнулся:

— Настоящий, свежий, хлебный. Холодный… Проша, кружки!

Заяц, мелькая красными штанами, умчался в домик.

— Славный парень, — сказал ему вслед Бочкин. — Излишне хитроват, правда, но должность такая. Он тут у меня работает по доставанию всяких нужных вещей…

Проша вприпрыжку вернулся с двумя стеклянными кружками. Наверно, литровыми!

Начальник станции зачерпнул из бочки одной кружкой, подал ее Даше. Зачерпнул второй — подал Леше.

— На здоровье…

Квас был шипучий, сладкий, прохладный. Леша пил, пил, пил… Уф… Еле осилил. А Даша — та вообще только полкружки выпила.

— Еще? — спросил Бочкин у Леши.

— Что вы! Я сейчас лопну! Большое спасибо…

— И я тоже лопну, — жалобно призналась Даша.

— Проша, а тебе налить?

— Пфы! Вы же знаете, Бочкин, что я такие жидкости не употребляю.

— Ну, что же… Раз желающих больше нет, тогда… Пожалуйста, посторонитесь…

Начальник станции ухватил бочку за края, поднатужился, качнул и поднял ее над собой. Громадную, вместе с колесами! Красная фуражка при этом покатилась в траву (Проша тут же подхватил ее).

Желтая пенистая струя хлынула из горловины бочки в широко раскрывшийся рот начальника. Забурлила. Леша и Даша от изумления тоже раскрыли рты.

Но струя клокотала долго, изумление прошло, и Леша теперь внимательно разглядывал Бочкина.

Фамилия у начальника станции была очень для него подходящая. Он в самом деле напоминал бочку, поставленную на короткие бревна и одетую в тельняшку и просторный синий китель с серебристыми пуговицами.

Пуговицы были разные: одни с якорями, другие со скрещенными молоточками, пришитые вперемешку. Китель распахнулся, и Леше с Дашей

показалось, что под тельняшкой, обтянувшей круглое туловище, в самом деле проступают обручи с заклепками. По крайней мере, внутри начальник станции гудел и булькал, как настоящая дубовая бочка. Даже Лилипут и Проша притихли и смотрели, приоткрыв рты.

Наконец квас кончился. Бочкин легко поставил опустевшую желтую цистерну на рельсы, вытер губы, взял у Проши фуражку и, отдуваясь, застегнул китель.

— Ух… Вы знаете, у меня постоянная потребность в жидкости. Боюсь рассохнуться. Конечно, вода рядом, но временами очень хочется чего-нибудь вкусненького. Хорошо, что Проша выручает, он молодец… Проша, отнеси кружки и посмотри в станционном буфете, не найдется ли там нескольких порций мороженого…

Мороженое нашлось. С малиновым джемом. Даже Лилипуту дали порцию на алюминиевой тарелке со штампом «Ст. Пристань». Он эту порцию слизнул в один миг. Проша тоже не отказался от угощения. Съел свою порцию торопливо, извинился и убежал по каким-то своим снабженческим делам.

Станционный буфет был маленький и уютный.

— Но, к сожалению, в последние годы здесь очень редко бывают пассажиры, — грустно сообщил Бочкин. — Боюсь, что рельсы скоро совсем зарастут.

Леша и Даша молчали с вежливым пониманием. Потому что еще раньше они и Бочкин успели рассказать о себе друг другу. Леша и Даша — откуда и как они здесь появились. Бочкин — о своем житье-бытье.

Оказалось, что Бочкин одновременно начальник железнодорожной станции и речной пристани. С давней поры. В ту давнюю пору здесь было многолюдно и весело: то и дело приходили поезда и пароходы с разным жизнерадостным народом. Только успевай вертеться. А сейчас все опустело и затихло. Только Проша появляется регулярно да порой забредает на чаек Одинокий Шарманщик…

— А еще неподалеку бабка есть, — нерешительно напомнил Леша. — На станции Чьитоноги.

Бочкин покивал:

— Есть, есть такая… Но она ужасная домоседка, и характер у нее так себе… Впрочем, вы не бойтесь. Всякие нехорошие слухи про нее и объявления, это так… слухи они и есть… А вот в Лиловом лесу, говорят, водится настоящий

людоед. Пакостная личность, по имеющимся сведениям. Самого его я не видел, но следы замечал. Так что имейте в виду на всякий случай.

— А где этот Лиловый лес? Далеко? — спросила Даша слегка задрожавшим голоском. А Лилипут поднял голову и рыкнул.

— Как вам сказать, — отозвался Бочкин с задумчивым вздохом. — На соседнем этаже пространства. Переходы тут незаметные. Не успеешь оглянуться, как уже в другой сказочной области…

Леша решился наконец на главный вопрос:

— Скажите, пожалуйста, значит, здесь Астралия?

— Ну разумеется… Правда, самая окраина. Так сказать, пограничная область. А в глубину страны дороги, к сожалению, перекрыты. Потому и станция опустела… Хорошо, что хоть вы появились. Но вы с другой стороны, из Хребтовска. А из нашей столицы — тыщу лет никого. И в нее невозможно пробраться ни по воде, ни по суше. Сколько ни пробовал — рельсы в бурелом заводят, а фарватер в болото.

— А почему так? — огорчился Леша.

— Это очень сложный вопрос. И причина тут, скорее всего, не одна. Возможно, кто-то наложил

на дороги и на столичную местность заклятие. А кроме того, видимо, просто стареет сказка. Нужен ей какой-то новый толчок. А кто знает, какой?..

— И ничего нельзя придумать? — жалобно спросила Даша.

— Кто знает… Думает тут один умный человек. Астралий-ский маг и волшебник, Авдей Казимирович Белуга. Очень эрудированный специалист в области сказочных контактов. Преподавал одно время в Астралийском университете. А сейчас оказался вне столицы и не может вернуться. Проживает неподалеку, в пещере на Желтых Скалах… Если хотите, я вас познакомлю.

— Разумеется, хотим! — сказал Леша.

— Конечно, сейчас не прежние времена, но кое-что интересное в этих местах сохранилось, — оживился Бочкин. — Если не возражаете, я устрою вам экскурсию по окрестностям. Можно и на пароходе прокатиться…

— Прямо сейчас? — подскочил Леша.

Но Даша строго сказала:

— В следующий раз. Извините, но нам пора домой. Мама, наверно, уже тревожится.

— Но, надеюсь, вы скоро приедете снова? Не забудете про меня? — забеспокоился Бочкин.

— Обязательно приедем, — пообещал Леша. —

А можно мы возьмем с собой Ыхало? Это очень доброе существо. Наполовину самовар, наполовину привидение. Но не страшное…

— Разумеется, разумеется! Буду рад познакомиться.

— И тень-Филарета надо взять, — напомнила Даша. — Жаль, что их сегодня нету… Ой, что это?

В углу, где лежал Лилипут, раздалось рычанье и шипенье. Но сам Лилипут не рычал. Он удивленно мигал желтыми добрыми глазами. А тень его на полу припадала на передние лапы и трясла головой. Она-то и рычала. На другую тень, кошачью. Та на солнечной стене вздыбилась, распушила хвост и шипела, как настоящий рассерженный кот.

— Тень-Филарет! — воскликнул Леша. — Я по хвосту узнал!

— Как вам не стыдно! — сказала Даша обеим теням. — Что вы не поделили? Это даже просто невежливо… Вы же обе такие хорошие. Ну-ка миритесь сию минуту!

Тень Лилипута виновато прижала уши. Тень Филарета перестала горбить спину. Тень собачьего хвоста слегка шевельнулась. От кошачьей тени донеслось вопросительное:

— Мр-мя-а?..

Тогда тень Лилипута прозрачным языком лизнула тень кошачьей морды.

— Мр-р… — отозвался тень-Филарет разнеженно и потерся о тень собачьего носа.

— Давно бы так, — сказала Даша.

— Но как тень-Филарет сюда попал? — удивился Леша.

— Тени — они все такие, — объяснил Бочкин. — Всегда без спросу и в любую щель…

— Поедешь с нами домой, — велел Леша тень-Филарету. Но тот не обратил внимания. Он лапой дурашливо цапнул тень собачьего уха и отпрыгнул. Тень Лилипута мигом откликнулась на игру, вскочила. Тень кота бросилась удирать, тень пса — за ней.

— Ну и дела… — покачал красной фуражкой Бочкин. А Лилипут удивленно посмотрел на солнечные половицы, где теперь не было его тени. Вздохнул и положил морду на передние лапы.

— Извините, но нам пора, — опять напомнила Даша.

— Еще порцию мороженого на прощанье? — предложил Бочкин. Ему не хотелось расставаться.

От мороженого даже Даша не могла отказаться. Хотя и сказала:

— Ох, не схватить бы ангину.

— Мороженое, наоборот, полезно от простуды! — заспорил Леша. — Я недавно им рыбу-луну вылечил! Тетю Ихтиле-ну!.. Дядя Бочкин, вы ее знаете?

— Ну как же, как же! Она и ко мне наведывалась за мороженым неоднократно. Очень приятная особа. Трудолюбивая. Светит целыми ночами над всей нашей местностью… Но говорит, что и ей с высоты не видно сейчас столицу. А раньше даже отсюда, с Пристани, весь город был как на ладони. Вернее, как на макушке… Непонятные настали времена и невеселые…

Он задумался, и тогда Леша и Даша стали прощаться. Обещали скоро навестить Бочкина снова. Тот проводил их до поезда. А Лилипут целых пять минут бежал рядом с поездом (который ехал теперь задом наперед: паровозик толкал вагоны). Тень Лилипута прыгала рядом с ним. А куда девался тень-Фи-ларет, неизвестно. В последний момент его видели растянувшимся на желтой бочке (она осталась на станции).

На станциях Чьитоноги и Одинокий Шарманщик оказалось пусто, поезд проскочил их без остановки. Вблизи ромашковой поляны вагоны опять незаметно превратились в ящики, а паро-

воз в самовар. Только сиял он по-прежнему. Леша похлопал его по горячему боку:

— Завтра поедем снова!

СВЕРКАЮЩИЕ ПРОБКИ

Но назавтра поездка к Бочкину не получилась. День оказался пасмурный, сыпал равномерный дождик. И дело тут не просто в погоде, а в том, что не найти было сухого топлива для самовара-паровоза.

Папа вспомнил:

— Друзья мои! Я ведь обещал послать с вами Евсею Федо-тычу графинные пробки! Почему бы вам не отправиться сейчас?

Мама всполошилась:

— В такую-то слякоть!

Но папа сказал, что дети у них не грудные младенцы. Что случится из-за летнего дождика с людьми, одному из которых семь, а другому уже девятый год?

— Они простудятся, — спорила мама.

Тут в углу заворочалось Ыхало. Оно появилось утром, долго извинялось, что вчера проспало целый день и не навестило своих друзей, но зато сегодня обещало маме до вечера помогать по хозяйству. Сейчас Ыхало сказало:

— Нынче мокровато, но не холодно. А если кто и зачихает, я растоплю баньку да так их пропарю, что любая хворь мигом вылетит.

Леше с Дашей и самим интересно было найти улицу Проходную и посмотреть на собирателя пробок (хотя, конечно, пробки — это дело несерьезное).

— К тому же, — вспомнил папа, — вчера я не сказал вам очень важную вещь. Оказывается, в том доме, где живет сейчас Евсей Федотыч, в давние годы жила старушка, бабушка Света, которая одно время была няней малолетнего Ореста Редькина. А Евсей Федотыч ей приходится не то двоюродным внуком, не то троюродным племянником.

Леша и Даша не считали, что тут есть что-то особенное. Ну, внук так внук. Но на маму это почему-то подействовало.

— Хорошо, идите. Только оденьтесь в непромокаемое.

Папа дал Леше две стеклянные пробки: круглую и граненую. Леша сунул их в карманы. Потом он и Даша завернулись в полиэтиленовые накидки с капюшонами. Леша в красную, Даша в зеленую.

— Наденьте резиновые сапожки, — велела мама.

— Ну, прямо как в экспедицию… — проворчал Леша.

В сенях, когда из открывшейся двери пахнуло дождливым воздухом, Леша вдруг подмигнул Даше и, дрыгнув ногами, сбросил сапожки в угол.

— Ты тоже бросай! Будем шлепать по лужам!

— Нет, — вздохнула Даша. — Это неприлично.

— Что за глупости! По дождику только так и надо!

— По дождику — да. Но в гости босиком — это нехорошо.

— А мы не будем заходить! Отдадим на пороге пробки — и назад.

Даше, конечно, тоже хотелось пошлепать по лужам. Но…

— Получится, что мы обманули маму.

— Ничего подобного! Мы ей потом честно признаемся!.. Не сразу, а когда станет ясно, что ничуточки не простудились.

— Ох, Лешенька, не доведут до добра твои фокусы, — сказала Даша. И… тоже сбросила сапоги.

На улице и правда было совсем не холодно. Сквозь мелкие лужицы босые ступни ощущали, какой теплый на тротуаре асфальт. Но встречались и глубокие лужи. Иногда по щиколотку. А один раз Леша провалился в колдобину чуть

не по колено. Завизжал, захохотал, выскочил, обогнал Дашу и оглянулся.

— Ой, Дашка, ты в асфальте отражаешься, как березка!

— А ты… даже не знаю, как кто. Будто красный костер!

— Я потом это нарисую акварелью, — решил Леша.

И они зашагали дальше, очень довольные собой, лужами и дождиком, который уютно шуршал по цветному полиэтилену.

Даже нахальный оранжевый «Москвич», проскочивший у самого тротуара и забрызгавший их с ног до головы, не испортил путешественникам настроения. Но все же Леша, фыркая и вытирая лицо, сказал вслед машине:

Чоки-чок, «Москвичок»,

Съедь с дороги на бочок.

И правда, через полквартала вредный апельсиновый автомобиль задним колесом скользнул в кювет, накренился и забуксовал.

— Ну зачем ты так… — упрекнула Даша.

— Не будет брызгаться. Думает, если маленькие, значит, не придется отвечать…

Улица Проходная была в трех кварталах от

дома, не заблудишься. Леша и Даша свернули за угол и скоро оказались у дома № 3. Это было одноэтажное кирпичное здание с двумя крылечками. На двери правого крылечка краской было написано: «Кв. 2». И белела кнопка звонка. Леша нажал. И очень скоро дверь открылась. На пороге стоял старичок. Леша и Даша сразу поняли, что это и есть Евсей Федотыч.

Старичок был в длинном джемпере, сморщенных брюках и шлепанцах. Сухонький, с седой бородкой, которая торчала вперед, как квадратная лопатка. В круглых, косо сидящих на утином носу очках. Очки сорвались, но не упали, потому что дужки их сзади соединяла цепочка. Старичок тут же подхватил и надел очки профессорским жестом. Он и правда похож был на старенького профессора. Или на часового мастера.

— Здрасьте, Евсей Федотыч, — храбро сказал Леша. — Мы от нашего папы, от Евгения Павловича Пеночкина. Пробки принесли.

— Весьма, весьма рад! Милости прошу…

— Да нет, мы босиком, — пробормотал Леша.

— И прекрасно! Вполне вас одобряю! В вашем возрасте я тоже обожал ходить босиком по лужам. Нет ничего приятнее.

— Мы у вас наследим на полу, — засмущалась

Даша.

— Какие пустяки! — Старичок ловко ухватил брата и сестру за плечи, втянул в прихожую, сдернул с них скользкие накидки. — Вот так! Теперь прошу ко мне в кабинет.

И не успели они снова заспорить, как оказались в просторной комнате с книжными полками до потолка и с камином в углу. Камин был электрический, но почти как настоящий. В его квадратном зеве прыгали отблески пламени, тлели стеклянные угли, и от них несло по ногам пушистым теплом.

Евсей Федотыч подтащил к камину мягкую скамейку.

— Прошу к огоньку. Он, правда, искусственный, но греет изрядно. Вам надо обсушиться.

Леша и Даша больше не спорили. С удовольствием уселись перед камином и протянули навстречу теплу мокрые ступни.

— А я сейчас приготовлю чаек! Как раз чайник согрелся, — заспешил Евсей Федотыч, опять роняя с носа очки.

Скоро он принес корзинку с сухариками и три фаянсовые кружки. Поставил их на столик рядом со скамейкой. Сам уселся на круглый табурет.

— Ну-с, вот… Угощайтесь.

Чай оказался ароматный и очень сладкий. Сухарики — с запахом ванили. Леша так увлекся угощеньем, что даже забыл, зачем они с Дашей пришли. И вспомнил, только когда выпил кружку до половины.

— Ой, Евсей Федотыч, мы же принесли!.. — И он заворочался, вытаскивая из карманов пробки. — Вот…

— Ну-ка, ну-ка… Какая прелесть! — Евсей Федотыч завертел стеклянные экспонаты перед очками. — Удивительно! Даже не ожидал… Передайте Евгению Павловичу мою самую глубокую признательность.

— Ага, передадим, — согласился Леша, хрустя сухариком. Даша посмотрела на него укоризненно: тон брата показался ей недостаточно вежливым.

— Изумительно! — продолжал радоваться Евсей Федотыч. — Вот, извольте взглянуть. Эта граненая пробка — восемнадцатый век. Стиль «алмазное барокко», очень редкий. А это — тоже редкость. От графина, которые в двадцатых годах выпускались на местном заводе «Красный стеклодув». Их сделали очень мало, потому что завод скоро сгорел. Злые языки тогда острили: «Красного стеклодува» склевал красный петух…»

Давайте мы их пока положим вот здесь… — И Евсей Федотыч пристроил пробки на каминной полке. Там уже лежало десятка полтора графинных пробок самой разной формы.

Леша спросил:

— Но это, наверно, не вся ваша коллекция?

— Что вы, что вы! У меня несколько тысяч… Я их вам покажу, разумеется, если вы интересуетесь.

— Конечно, интересуемся, — воспитанно сказал Леша. Ему и правда стало любопытно. Не так, чтобы очень сильно, но все-таки…

— Благодарю вас… Я ведь, позвольте похвастаться, не совсем рядовой коллекционер, а член Международной ассоциации собирателей графинных пробок. И даже имею диплом и почетный знак Хрустальной затычки второй степени. Да-с… Мои коллекции были на выставках в Цюрихе и в Монако. У меня богатейшая переписка с коллекционерами разных стран, в том числе и с самыми знаменитыми — профессором Гансом Зоммерциммером и виконтом де Бугенвилем… А началось, если хотите знать, в детстве, со стеклянной пробки, которую я нашел на свалке. Она так заворожила меня своим сверканием, что я с той поры уже не оставлял этого увлечения. Я даже пошел учиться в архивный институт

специально для того, чтобы побольше иметь возможностей знакомиться с документами о графинном производстве разных эпох и стран. С тех пор я проработал в архивах пятьдесят лет и все это время собирал свои коллекции…

«Чем только люди не занимаются…» — подумал Леша. А Даша спросила:

— Скажите, пожалуйста, а почему вы собираете только пробки? Без графинов?

Евсей Федотыч опять уронил и поймал очки и значительно поднял палец.

— О! Серьезный вопрос! Но его задают люди, не знакомые с глубиной проблемы… Причин тут много. Прежде всего дело в том, что графины недолговечны. Они часто бьются, а пробки после этого владельцы выбрасывают. Тут-то они (пробки, а не владельцы, естественно) и попадают к коллекционерам. Это первое. А второе — то, что графин и пробка лишь на первый взгляд одно целое. На самом деле это разные вещи. Пробка — отдельное произведение искусства. Графин может быть самым простым, а в пробку мастер вкладывает душу. Вот, например. — Он взял с полки прозрачный шарик со стерженьком. — Видите?

Леша и Даша присмотрелись и восхищенно

засопели. Внутри шарика искрился парусами крошечный стеклянный кораблик.

— А вот, извольте взглянуть…

Это была пробка-чертик. Веселый такой бесенок с черными глазками и рубиновыми рожками.

— Или вот… — На стеклянном кубике виднелась матовая письменная вязь. — Здесь, если приглядеться, стихотворение Александра Сергеевича Пушкина «Что смолкнул веселия глас…».

Потом Евсей Федотыч продемонстрировал еще стеклянного рыцаря, крошечный хрустальный глобус и прозрачную головку в турецкой чалме…

Леша и Даша мигали от удивления.

— Но, если смотреть глубже, дело не только в изящных и хитрых формах. Есть еще одна сторона данного вопроса. Для меня она имеет первостепенное значение. Я пишу сейчас об этом большую научную статью «Внутренние свойства графинных пробок»…

— А разве… такие бывают? — нерешительно спросила Даша.

— Представьте себе! Ведь за каждую пробку много-много раз берутся человеческие руки. Не правда ли? А у человеческих пальцев и ладоней есть способность передавать свойства своего хозяина предметам, которых они часто касаются. А

эти предметы, в свою очередь, могут переносить данные свойства на других людей… Я открыл, что графинная пробка — великолепный аккумулятор человеческих способностей, характеров и талантов… Я понятно выражаюсь?

— Вполне, — учтиво сказал Леша.

— Конечно, если хозяин графина был человеком скучным и неинтересным, то и в пробке ничего не останется. А если графин принадлежал скандалисту или жулику, то и заразиться недолго… Но представьте себе, что пробка жила в графине, из которого пил когда-то знаменитый музыкант! Вы подержите ее в руках и… ну, может быть, вы не станете вторым Моцартом, но понимать музыку будете гораздо лучше… Или, скажем, пробка из графина талантливого математика…

— Или художника! — шумно подскочил Леша.

Евсей Федотыч вздрогнул, опять подхватил очки и торопливо закивал.

Даша сказала маминым тоном:

— Как не стыдно перебивать… Евсей Федотыч, у вас нет пробки, которая раньше была у вежливого и воспитанного мальчика? Некоторым было бы очень полезно подержать ее в руках…

Лешу это задело.

— А нет ли у вас пробки, которая была у девоч-

ки, которая никогда не лезла в воспитательницы? Некоторым она тоже очень бы пригодилась…

Евсей Федотыч засмеялся.

— Вероятно, есть, но сразу не отыскать. Зато я могу вам на деле показать чудодейственные свойства пробки от графина, который в давнее время принадлежал китайскому целителю Бун-Дун-Чуну. Одну минуту…

Евсей Федотыч засеменил в своих шлепанцах к двери и скоро вернулся. Пробка оказалась простым стеклянным цилиндриком, даже никакого иероглифа на ней не было.

— Неприметная на вид, да. Но… Вот у вас, молодой человек, я вижу под глазом синяк. А сейчас его не будет…

— Где синяк? — забеспокоился Леша. Даша пригляделась.

— Лешка, правда! Под левым глазом…

— Судя по всему, вы недавно дрались, — торжественно произнес Евсей Федотыч.

— Что вы, он не дрался! Он вообще никогда не дерется!

Леше это не понравилось. Получалось, что он тихоня из тихонь!

— Неправда! Я в мае дрался, в школе, когда Мишка Тузыкин стал дразниться! У меня даже

запись в дневнике есть!

— Подумаешь, запись! Это тебе ваша Леонковалла Меркурьевна из вредности написала. А драки вовсе и не было. Мишка полез, а ты и стукнуть-то его побоялся… Евсей Федотыч, он всегда боится другим больно сделать. Даже из своей рогатки ни разу ни в одного воробья не выстрелил, только аптечные пузырьки расшибает…

Даша думала, что хвалит брата: вот какой он добрый. А ему показалось, что в этих словах он выглядит как трусишка.

— Ничего я не боюсь! Глупая какая…

— Ничего не боишься? — сменила тон Даша. Потому что обиделась. — А кто пищал при ангине, когда медсестра с уколом приходила?

— Это потому, что я был ослабевший от температуры!.. Зато я не пищу один в темноте, как некоторые. И щекотки не боюсь. А некоторые верещат, когда издалека покажешь, как пальцы шевелятся…

— Дорогие гости! — повысил голос Евсей Федотыч. — Мы отвлеклись от главного вопроса. Неважно, дрался уважаемый пациент или нет. Главное, что синяк, так сказать, налицо. И сейчас мы его уберем, да-с… Позвольте… — Он взял Лешу за подбородок и потер у него под глазом

холодным стеклом. —

Гм… Странно… Что это с ней? Потеряла свои свойства от старости?

И Леша понял, что синяк не убирается.

Даша пригляделась опять.

— Евсей Федотыч, да это не синяк! Это когда машина проезжала, ему брызнуло на лицо грязной водой… — Она деловито помусолила палец. — Дай-ка… Ну вот и все. Никакого синяка…

— Жаль, — огорчился Евсей Федотыч. — Так мне и не придется продемонстрировать целительные свойства пробки Бун-Дун-Чуна.

— Но ведь у Леши есть и настоящие синяки! Вот хотя бы на ноге.

— Ага! Пожалуйста… — Леша потер ногу пониже коленки.

— Да? Ну-ка, попробуем… Почему-то и здесь не получается. Что за напасть!.. Год назад я сводил здоровенную шишку со лба своего внучатого племянника, и все было великолепно… Неужели пробки стареют, как люди? Или этот ваш синяк тоже не настоящий?

— Вполне настоящий, — слегка обиделся Леша. — Я вчера этим местом за ящик зацепился.

— Позвольте еще… Гм… Не могу понять…

Леше стало жаль старичка. Он сморщил лоб и

потом что-то прошептал себе под нос.

— Ура! — воскликнул Евсей Федотыч. — Исчез! Без всякого следа! Что я говорил!

— Замечательно! — обрадовалась Даша.

— Спасибо, — сказал Леша. И почему-то вздохнул.

Потом Евсей Федотыч показывал гостям свою коллекцию. Рядом с кабинетом была комната, где многочисленные полки оказались заставлены плоскими коробками. В них — каждая в отдельной ячейке — хранились пробки самых удивительных форм. По сто штук в коробке. Все, конечно, не пересмотришь…

А та стена, что напротив окон, блестела, словно усыпанная тысячами алмазов, хотя день был пасмурный. На ней пробки были воткнуты плотно друг к другу в специальные гнезда. Как электролампочки в патроны. А между ними прятались настоящие лампочки. Разноцветные! Евсей Федотыч щелкнул выключателем, волны цветного света побежали по узорчатым стеклянным головкам, заиграла переливчатая музыка. И каждая пробка засверкала, как драгоценный камень.

Леша и Даша охнули от восхищения.

— Про эту мою стену писали даже в «Вечернем Хребтов-ске», — похвалился Евсей Федотыч (и

опять поймал очки). — Статья называлась «Пещера Аладдина»…

— И правда как сокровище, — прошептала Даша.

На сверкающей стене было лишь одно темное пятно: у самого потолка выделялся черный квадрат. Окошечко, или, вернее, отдушина, заделанная тонкой решеткой.

— А это что такое? Зачем? — Леша показал на отдушину

— Это… Да так, ерунда. Вентиляция. Дом у нас старинный, стены толстые, в них проходят каналы для проветривания, а это один из выходов. Надо бы заделать, да санитарные правила не позволяют… — Евсей Федотыч почему-то заметно поскучнел. Погасил лампочки. И Леша с Дашей поняли, что пора прощаться.

Когда шлепали под дождем обратно, Леша задумчиво проговорил:

— Непонятно, почему Евсей Федотыч вдруг сделался такой… будто расстроился из-за чего-то…

— Просто мы его утомили.

— Но он ведь сам с таким жаром все показывал… Коллекция у него в самом деле удивительная.

— Я знаю, о чем ты думаешь…

— О чем?

— Ты решил тоже собирать пробки от графинов!

— Вовсе нет! Я думаю о той китайской пробке. Неужели она и правда постарела от долгого времени? И потеряла волшебную силу…

— Но ведь она все же убрала твой синяк!

Леша хмыкнул.

— Конечно. Когда я сказал: «Чоки-чок, уберися, синя-чок…»

— Значит, это «Чоки-чок», а не она!

— Наверно, и она тоже. Они вместе… Понимаешь, Даша, я заметил: «Чоки-чок» действует там, где уже есть какая-то сказка… Тут вот, например, оказалась рядом волшебная пробка. Она, хотя и ослабевшая, но все-таки сказочная. И они помогли друг другу. А если рядом нет никакого волшебства, «Чоки-чок» ничего не может…

— А как же ты загнал в канаву «Москвич»?

— Это просто совпадение, — вздохнул Леша. — А в мае, после драки с Мишкой Тузыкиным, «Чоки-чок» мне нисколько не помог.

— А как он должен был помочь после драки-то?

— Когда Леонковалла решила записать про эту драку мне в дневник, я прошептал: «Чоки-чок, потеряйся, дневничок…» Но он никуда из ранца не

подевался, Леонковалла все на пол вытряхнула и нашла. И накатала на полстраницы. А Мишке я тогда крепко по губе вделал, зря ты не веришь.

— Да верю я, верю, — сказала Даша. — По правде говоря, ты иногда бываешь очень храбрый…

ПРИАСТРАЛЬЕ

На следующий день опять было пасмурно и дождливо. Леша и Даша сидели дома. Даша возилась с выкройками для кукол, а Леша рисовал.

Сперва нарисовал акварелью то, что обещал Даше: девочку в зеленом плаще, которая отражается в мокром асфальте. И назвал эту картинку «Березка». Папа посмотрел и похвалил. И Даша похвалила. Затем Леша в альбоме набросал карандашом портрет Бочкина — по памяти. Даша сказала, что похоже. И наконец Леша стал рисовать Ыхало — с натуры.

Пока Леша водил карандашом, Ыхало послушно сидело на табурете. Чтобы оно не скучало, Леша рассказывал про путешествие на станцию Пристань. Ыхало шумно вздыхало и удивлялось, хотя кое-что знало уже от тень-Филарета.

— В следующий раз поедем вместе, — пообещал Леша.

К вечеру тучи разошлись, а утро наступило та-

кое солнечное, что сразу высохли кусты и трава. Леша решил:

— После обеда отправляемся на Пристань!

Так они и сделали. Снова пришли на ромашковую поляну, наполнили водой из колодца и разожгли самовар. Ыхало добросовестно помогало собирать топливо и любовалось самоваром, который напоминал ему папу. Но время от времени оно вздыхало:

— Ых, не знаю, как и быть. Неудобно мне… Не привыкло я среди бела дня появляться при посторонних…

Леша и Даша успокаивали:

— Ничего страшного. Там ведь сказочная страна, и ты будешь очень даже к месту.

— А Бочкин такой славный, он тебе понравится.

Тень Филарета в это время бесшумно шастала по ромашкам.

Наконец поехали.

И все было как в прошлый раз. Только Одинокий Шарманщик не стал играть и петь, а лишь помахал шляпой вслед поезду, который не остановился.

Перед станцией Чьитоноги гостей встретил Лилипут. Он мчался навстречу поезду, разинув

розовую пасть и размахивая лохматым хвостом. Радостно гавкнул и вскочил в хвостовой вагончик.

— Не бойся, — сказал Леша Ыхалу, которое сжалось в комок. — Он такой славный пес…

— Да я и не боюсь… почти…

Когда проезжали станцию Чьитоноги, увидели, что бабка расположилась на платформе, будто уличная торговка. Перед ней на низеньком прилавке лежали груды пирожков и ватрушек. Увидев поезд, бабка засуетилась, заулыбалась, приглашающе замахала руками.

Но поезд не остановился. А Лилипут поступил не очень-то воспитанно: выскочил из вагончика, ухватил с прилавка корзинку с пирожками и одним махом вернулся на место. Бабка вслед махала костлявыми кулаками и неразборчиво ругалась.

У Лилипута желтые глаза горели веселым азартом. Держа ручку корзинки в зубах, он протянул добычу Леше и Даше.

Леша корзинку взял, но очень нерешительно. А Даша сказала:

— По-моему, Лилипут, ты поступил нехорошо.

Но пес дурашливо замотал головой. Все, мол, в порядке, здесь такие правила.

— А что, если пирожки заколдованные? — за-

сомневался Леша. — И вдруг с нами что-нибудь случится? Превратимся в козлят, как Иванушка, или уснем на триста лет, будто Мертвая царевна?

Лилипут опять замотал головой: ничего не случится. И для доказательства ухватил в пасть один пирожок и мигом проглотил — видите, пирожки как пирожки…

И тут вмешалось Ыхало:

— Дайте-ка мне. Я всякое колдовство сразу чую…

Оно старательно разжевало пирожок, облизнулось.

— Вполне доброкачественный продукт.

И тогда Леша с Дашей тоже принялись за неожиданное угощение, не забывая, конечно, Ыхала и Лилипута. Пирожки были горячие, с разной начинкой: с капустой, вареньем, грибами и гречневой кашей.

— Надо на обратном пути крикнуть бабушке спасибо, — решила Даша.

Бочкин радостно зазвонил в колокол и бегом спустился с крыльца.

— Здрасьте, дядя Бочкин!.. А это Ыхало, знакомьтесь, пожалуйста… — Леша помог Ыхалу выбраться на платформу. Ыхало вздыхало и ро-

няло с ног калоши.

Бочкин потряс Ыхалу руку.

— Мне о вас рассказывали. Будьте как дома.

— Дядя Бочкин, Леша нарисовал ваш портрет, — похвасталась за брата Даша. — Леша, покажи.

Альбом у Леши был с собой.

— Да ну, это так, набросок, — засмущался Леша. — По-моему, не похоже получилось…

Но Бочкин пришел от портрета в восторг. Разглядывал так и этак, ахал и наконец спросил: не может ли Леша нарисовать еще такой же? Тогда бы он, Бочкин, повесил портрет в рамке под стеклом над своим рабочим столом в дежурной комнате. Конечно, Леша тут же вынул лист из альбома и подарил Бочкину.

— А вот кваса мы вам сегодня не привезли, — виновато сказал он. — Думали, что Проша опять повстречается, а его не оказалось…

— И не надо! У меня с прошлого раза все еще внутри бульканье. Кажется, я выпил тогда слишком много!.. Вы знаете, порой даже в глазах двоится.

— Разве от кваса так бывает? — удивился Леша. — Я слышал, что в глазах двоится, когда выпьют что-нибудь покрепче.

— И тем не менее, — грустно сказал Бочкин. —

Правда, двоится не все вокруг, а только название станции на вывеске. И не все буквы, а только буква «а»...

— Постойте, постойте! — Леша подскочил к вывеске. — И у меня двоится! А у тебя, Даша?

— И у меня!

Леша расставил ноги, сунул руки в карманы и наклонил к плечу голову.

— Та-ак. Все ясненько. Уже и сюда пробралась! Растолкала другие буквы и втиснулась! А ну, марш с вывески!

Буква «а» (первая по счету) вдруг задергалась, упала на крыльцо. У нее выросли тонкие ножки, она вскочила. И запищала:

— Нигде нет от вас житья!

— Я вот покажу тебе житье! — Леша хотел ухватить букву, но она увернулась и помчалась по ступеням, по перрону.

— Держите ее! — закричала Даша.

За буквой кинулся Лилипут. Он был хотя и не породистый, но с хорошей охотничьей хваткой. Лапой припечатал скандальную букву к доске, а потом осторожно взял в зубы. И принес Леше. Буква, конечно, верещала, но Леша крепко сжал ее в пальцах.

— Спасибо, Лилипут!

Буква «а» теперь была ростом с Лешину ладонь. Черная, гибкая, словно вырезанная из тонкой пластмассы. Верткая такая, того и гляди выскользнет.

— Нет, не уйдешь, — пробормотал Леша.

— Что я вам сделала?! — пищала буква, будто капризная первоклассница. — Почему вы ко мне все время пристаете?!

— Потому что ты лезешь куда не следует, — сказала Даша. — Постоянно безобразничаешь! Вот и начальника станции чуть не довела до нервного расстройства! Разве так можно?

— Никого я не довела! Я себе место ищу! Каждый имеет право искать в жизни подходящее место!

— Вот именно, подходящее, — вмешался Бочкин. — А вы, сударыня, залезли, куда вовсе даже не полагается.

— А куда полагается? Вы бы посоветовали и помогли, вместо того чтобы придираться, — хныкнула хитрая буква.

Леше стало немножко жаль ее.

— Ты сама виновата, — буркнул он. — Попросила бы по-хорошему, и тебе бы обязательно помогли.

— Ну, пожалуйста! Ну, прошу по-хорошему…

Ыхало стояло рядом и недоверчиво качало

головой: мол, знаем мы эти фокусы. Но Леша сказал букве:

— Хочешь ко мне на майку?

Майка была белая, недавно выстиранная и поглаженная. Черная «а» выглядела бы на ней очень эффектно.

Однако буква спросила подозрительно:

— А что это будет означать?

— Как что? У меня же имя Алексей! А ты в этом имени — первая буква.

— Какая же я первая! — Она опять пискляво захныкала. — Тут нужна заглавная, а я — строчная. И сколько ни расти, в заглавную никак не превращусь, потому что у нее другая форма. В этом главное мое несчастье.

— Ишь ты! В заглавные ей хочется, — сказал Бочкин то ли с осуждением, то ли с уважением.

— Ладно, мне годится и такая, я не гордый, — решил Леша. — Ну? Согласна?

— Ладно уж… — пискнула буква «а».

Леша пришлепнул ее к груди. И буква сразу как бы впиталась в материю.

— В самом деле, очень славно получилось, — оценила Даша.

— Дядя Бочкин, помните, вы обещали покатать нас на вашем пароходе? — сказал Леша.

— Как же, как же! Обязательно! Если хотите, сейчас и отправимся!

Пароход «Отважный Орест» был очень маленький, но совершенно настоящий. В нем даже каюты были — уютные, размером с кабину грузовика. Но никто в каютах сидеть не захотел, все расположились на палубе.

Кстати, оказалось, что за короткое время Ыхало успело подружиться с Лилипутом. Может быть, потому, что оба они были косматые. А еще и потому, конечно, что Ыхало понимало собачий язык. Теперь они устроились на корме, прижались друг к другу и о чем-то неразборчиво беседовали. А на носовой палубе разместились тень Лилипута и неизвестно откуда взявшийся тень-Филарет.

Даша села на скамеечку у правого борта. А Леша встал рядом с Бочкиным под парусиновым навесом открытой рулевой рубки. У штурвального колеса. Бочкин обещал дать Леше поуправлять пароходом, когда выйдут на широкую воду.

«Отважный Орест» зашипел, запыхтел, выпустил из желтой трубы два синих кольца дыма и боком отодвинулся от причала.

— Средний ход, — сказал Бочкин в медную трубку и важно поправил фуражку. Она была теперь не красная, а белая с черным околышем

и якорем.

Пароход зашлепал гребными колесами и не спеша двинулся на середину реки.

Сначала река была совсем неширокая. Иногда березовые кусты задевали кожухи колес. Но вскоре берега раздвинулись. А когда «Отважный Орест» обогнул бугристый мыс, украшенный белой башенкой маяка, перед путешественниками открылся синий разлив, похожий на большое озеро. В нем отражались маленькие белые облака. Там и тут подымались над водой покрытые курчавой зеленью островки. Низко носились чайки. Запахло свежестью, полетел навстречу прохладный ветерок.

— Можно теперь? — Леша потянулся к штурвальным рукоятям.

— Ну, попробуй…

Леша попробовал. Пароходик оказался послушным. Через пять минут Леша уже чувствовал себя капитаном. Иногда ради интереса он делал на воде лихие развороты.

— Смотри не посади нас на мель, — сказала со своей скамеечки Даша.

— Если будешь делать замечания рулевому, тебя высадят на необитаемый остров. Женщины на корабле — это всегда неприятности.

— Подумаешь, мужчина…

— Держи между вон теми двумя островами, — подсказал Бочкин. И разъяснил: — Сейчас это безопасный проход. А раньше на левом острове водились пираты. Обстреливали суда из всяких мортир и карронад. Остров до сих пор называется Пуп Однорукого Билли.

— А пиратов там теперь точно нет? — с некоторой опаской спросил Леша.

— Повывелись, — вздохнул Бочкин.

— А они были настоящие?

— Ну, по правде говоря, не совсем. Палили пареным горохом или вареными тыквами. И никого всерьез не грабили, только хулиганили. Даже интересно было… А настоящих злодеев мальчик Орест не захотел, когда придумывал эту страну.

— Значит, она придуманная? — удивился Леша. — Это ее тот самый художник Редькин сочинил, в чьем доме мы живем?

— Ну разумеется! Придумал, когда был маленький. Так она появилась. Здесь ведь сказочный этаж пространства. Ну, не совсем чтобы Астралия, но Приастралье — это уж точно…

— Но как же так? — даже расстроился Леша. — Значит, если бы мальчику Оресту эта страна не пришла в голову, ничего бы и не было?

— Трудно сказать… Все это не просто. Сказочные законы — они ведь сложные. Все равно Астралию рано или поздно кто-нибудь бы выдумал. Не Орест, так другой… Плохо не это…

— А что плохо? — встревожился Леша. И все насторожились. И Даша, и Ыхало с Лилипутом, и даже тени кота и собаки.

— Я ведь говорил в прошлый раз, — печально отозвался Бочкин. — Позакрывались дороги, в середину страны не попасть. И чудеса исчезают помаленьку… Вот, посмотрите, на острове слева зубчатая башня торчит. Это замок рыцаря Бум-бура Голодного. Только *сейчас он опустел, рыцарь, говорят,* давно еще подался в столицу. А раньше, когда он жил на острове, столько было веселья! Он зазывал всех проплывавших мимо острова и угощал царскими обедами. Рыцарь он, по правде говоря, был не из самых храбрых, но кулинар отменный…

Леша не прочь был осмотреть рыцарский замок. Пускай даже опустевший и без обеда. Но сказать об этом он постеснялся, и «Отважный Орест» прошел мимо островка с башней полным ходом.

— А вон на том острове, — продолжал Бочкин, — деревня Мудрые Зайцы. Там и сейчас

жители есть. Проша, кстати, оттуда родом… Как-нибудь заедем туда, только не сегодня, потому что маленькие зайцы пугаются Лилипута, хотя он их сроду не обижал… В деревне этой морковные огороды — на всю округу знаменитые… А вон остров Похитителя Колдунов.

— Как это? — удивился Леша.

— Похититель этот — великан. Его главное занятие — красть всяких магов и волшебников из их жилищ и утаскивать к себе на остров.

— А что потом? Он их ест? — с испугом спросила Даша.

— Нет, конечно! Какой же волшебник даст себя съесть! Они там собираются вместе и устраивают научные конгрессы по всяким колдовским вопросам. А потом разъезжаются по домам… Великан Гаврила — он ведь добродушный дядька. Я же говорю, маленький Орест злодеев тут не селил. По слухам, имеется только людоед, но он появился уже позже, в недавние времена. Наверно, потому, что стало у нас тут все разлаживаться… — Голос у Бочкина опять стал грустным.

— Может быть, волшебство в Астралии стареет, как в пробке Бун-Дун-Чуна? — задумчиво спросил Леша. Сам себя.

— В какой пробке? — не понял Бочкин.

Леша рассказал про коллекционера и про китайскую лечащую пробку. И про то, как помог ей набрать новую силу своим «Чоки-чоком».

— Это же чудесно! — обрадовался Бочкин. — Значит, и здесь ты можешь помочь!

— Как? — вздохнул Леша. —Там был маленький синяк, а здесь целая страна. Непонятно, с какого бока подступиться.

Бочкин тоже завздыхал. Шумно и гулко. Сдвинул на лоб капитанскую фуражку, заскреб в затылке. Совсем как Ыхало. В это время остров Похитителя Колдунов оказался рядом, по левому борту. Бочкин сделал глубокий вдох и закричал таким голосом, что внутри у него отозвалось эхо:

— Эй, Гаврила! Где ты там?

Из ольховой чащи выбрался на узкий пляж косматый дядька в одежде из шкур. Ну, не совсем великан, однако очень здоровый. Раза в два выше обыкновенного человека. С могучими плечами и большущей косматой головой. Он опирался на дубину.

— Здорово, Бочкин! — донесся густой бас. Даже чайки шарахнулись в воздухе.

— Здравствуй, Гаврила! Как живешь?

— Паршиво живу, Бочкин! Скучища! Волшебники повывелись или в спячку залегли. Некого

украсть, не с кем поговорить… Хотел было дона Куркурузо утащить из его пещеры в Желтых Скалах, да неудобно, он важным делом занят. «Не до тебя, — говорит, — Гаврила, я способ вырабатываю, чтобы столицу разблокировать, чтобы, значит, все в наших краях как раньше сделалось…»

— Хорошо, если бы нашел способ-то, — сказал Бочкин.

— Ох, хорошо бы. Да ничего пока у него не выходит…

— Ну, будь здоров, Гаврила.

— И вам доброго здоровьица… — Гаврила помахал дубиной, пароход тонко погудел на прощанье и бодро зашлепал дальше.

Под солнцем искрилась озерная ширь, но горизонт застилала дымка.

— Раньше-то отсюда вся гора со столицей видна была, — с прежней невеселостью объяснил Бочкин. — А сейчас только марево… Ну, ладно, давай, Леша, поворачивать, а то в болото въеде;м. Да и все равно домой пора. Надо вас еще мороженым угостить…

На обратном пути грусть понемногу улеглась. Погода была великолепная, места красивые. Что ни говори, а замечательная прогулка.

— В следующий раз навестим на Желтых Скалах Авдея Казимировича Белугу. Иначе говоря, дона Куркурузо, — пообещал Бочкин. — Узнаем, как у него дела. Может, и продвинулся он в своей работе…

После возвращения на Пристань все путешественники, кроме тень-Филарета, ели в станционном буфете мороженое и пили чай с земляникой и булочками. Булочки были, правда, черствые (не то что бабкины пирожки), но все равно вкусные. Однако Даша все чаще ерзала на стуле:

— Ох, Лешка, уже совсем вечер…

— Какой же вечер! Солнце вовсю светит!

— Потому что лето! А времени-то уже девятый час!

— Ладно, едем! Спасибо, дядя Бочкин…

Обратно поезд мчался как угорелый. Но Даша все равно волновалась:

— Скорее! А то достанется нам от мамы…

На полном ходу проскочили мимо станции Чьитоноги. Бабка торчала в окошке. Ей хором крикнули:

— Бабушка, спасибо за пирожки!

Но она лишь погрозила пальцем и захлопнула окно.

Зато от мамы не попало. Она только сказала:

— Где это вас носило до такой поры? Марш умываться и ужинать.

Даша и Леша умылись во дворе у крана, съели по тарелке гречневой каши с молоком и, усталые, отправились спать. Они думали, что чудеса на сегодня закончились.

ЛУНЧИК ЛУНЯШКИН

Сперва все было обыкновенно. Задернули шторы, чтобы летний закат не мешал спать. Уснули быстро.

А около полуночи Даша растолкала Лешу.

— Смотри, там что-то светится.

В щель между шторами пробивался ровный желтый свет. Похоже на лампу.

Леша прошептал:

— Может, тетя Ихтилена приземлилась за окном?

— Нет, это на подоконнике…

Много раз пробили в соседней комнате скрипучие часы, и гном Петруша сказал:

— Пора спать…

Но какое тут спать, если рядом опять что-то непонятное!

Даша боялась, и поэтому Леша бояться почти перестал.

— Я знаю, что это такое! Икринка в стакане разгорелась!

Помните, стакан с икринкой Ихтилены неделю назад поставили на подоконник. Так он и стоял там, полузабытый. Икринка лежала себе в воде, как желтоватый стеклянный шарик. Только иногда мерцала еле заметной искоркой.

Откуда же такой яркий свет?

Леша храбро выпрыгнул из кровати и отдернул штору… И засмеялся:

— Ой, Дашка! Иди сюда…

На краю стакана сидел маленький рогатый месяц. Мокрый. С глазками, носом и улыбчивым ртом. Ростом со спичечный коробок. Он был похож на елочную игрушку. От него-то, как от ровного пламени свечки, и расходился желтый свет.

Месяц поглядывал на Лешу и Дашу хитрым крошечным глазом и болтал черными тонкими ножками (вроде тех, что у буквы «а»). Как мальчишка на заборе. Ручки у него тоже были. Он держался ими за край стакана.

Даша прижала к щекам растопыренные пальцы.

— Какой миленький…

— Из икринки вылупился. Это сынишка тети

Ихтилены.

— Вот она обрадуется!

Месяц-малыш вдруг тихонько застрекотал. Словно крошечная пичуга или сверчок. И заболтал ножками сильнее. Леша осторожно протянул раскрытую ладонь.

— Не бойся, иди ко мне…

Месяц не боялся. Он ловко вскочил на кромку стакана, а оттуда прыгнул к Леше на руку.

Он был легонький. Такое ощущение, что на ладонь сел кузнечик. И шло от него ощутимое тепло.

Месяц подбоченился, отставил одну ножку, задрал подбородок и опять застрекотал.

— Что-то говорит по-своему, — выдохнула Даша.

— Надо его Ыхалу показать. Ыхало все волшебные и звериные языки знает, оно переведет.

— Прямо сейчас?

— Утром. Неудобно будить Ыхало среди ночи.

Даша мизинцем погладила малыша по теплой выпуклой спинке.

— Живи у нас… Леша, давай придумаем ему имя! Он ведь только родился, и его никак не зовут.

Месяц замер, словно понял, о чем речь, и при-

слушался.

— Давай назовем… Лунчик!

— Почему?

— Ну… похоже на «Лёнчик». У нас в классе Ленчик Максимов был, самый хороший из мальчишек. Никогда ни к кому не лез, не задирался. И веселый…

— Ладно. Еще похоже на «лучик» и на «луну». Ты хорошо придумал… А фамилия пусть будет Луняшкин. Лунчик, ты согласен?

Маленький месяц заплясал на Лешиной ладони. Видимо, обрадовался. А потом вдруг подпрыгнул повыше, задрыгал ручками-ножками, словно карабкался по крутому склону, и быстро поднялся под потолок. В угол, где было совсем темно. И там засветился, будто в небе. Леша и Даша опомниться не успели.

— Ох, он свалится и расшибется, — наконец прошептала Даша.

— Не свалится. Он ведь месяц, приспособлен к высоте. Его мама Ихтилена вон какая большущая, и то не падает.

Леша задернул штору.

— Давай спать. А Лунчик пусть нам светит.

— А он не удерет? Он ведь еще глупенький, новорожденный… Надо закрыть форточку.

— Почему ты решила, что он глупенький? Может, месяцы сразу рождаются с полным соображением… А держать его у себя насильно мы не имеем права. Как сам он захочет, так и будет.

Леша и Даша опять забрались в кровати. И стали смотреть, как маленький месяц Лунчик Луняшкин светит над ними, будто прямо из сказки. А он висел неподвижно, только изредка подмигивал крошечным глазом.

Леша уснул, и ему приснилось много маленьких месяцев. Будто они шеренгами маршируют по гранитной площади. А сам Леша стоит наверху старинной зубчатой башни и смотрит на этот парад. Рядом с ним висит в воздухе теплая, как большая печка, тетушка Ихтилена, а с другого бока пыхтит дядька в блестящих латах и шлеме с перьями. Кажется, рыцарь Бумбур Голодный. Он один за другим ест пирожки и говорит с удовольствием:

— Ну вот, наконец-то открылась дорога на столицу…

А Даше приснилось, что она по своим выкройкам сшила для Луняшкина желтую рубашку, но тот не хочет надевать обновку, выскальзывает из пальцев и удирает под потолок…

Леша проснулся рано и сразу глянул вверх, в

угол, где ночью устроился Лунчик.

Месяца там не было.

Леша расстроился, а потом подумал: «Наверно, приснилось…»

Но тут ощутил он на себе какое-то шевеление. На простыне, которой укрывался Леша, туда-сюда шагал на своих тонюсеньких ножках Лунчик Луняшкин. Шагал сосредоточенно, заложивши ручки за спину.

Утреннее солнце уже пробивалось в щели, и малыш месяц теперь почти не светился. Он был похож на игрушку из желтого фарфора.

— Здравствуй, Лунчик… — Леша протянул к нему ладонь. Малыш сразу прыгнул на нее и подбоченился. Вот, мол, я какой.

Тут и Даша проснулась. Запищала от радости, забралась к Леше на кровать. Потянулась к Лунчику.

— Ой ты мой хорошенький…

— Осторожнее… Что ты над ним сюсюкаешь, будто над куклой? Он ведь живой.

— Разве живого нельзя приласкать? — обиделась Даша.

Леша сказал примирительно:

— Ладно, пошли к Ыхалу, покажем Лунчика…

Было еще прохладно и росисто в тени старых

яблонь. Вход в баньку успел опять зарасти крапивой. Леша поэтому из рогатки пульнул глиняным шариком в оконце. Не сильно, а так, чтобы стекло звякнуло, но не разбилось. Потом еще раз…

Заспанное Ыхало выбралось из печной трубы.

— Что за хулиганство! Вот я вас…

— Простите, пожалуйста… — начала Даша.

— Ой! Ых… — Обрадованное Ыхало скатилось с трубы и крыши в чертополох. — Я думало, это воробьи клювами в окошко стучат, есть у них такая привычка… Доброе утро.

— Доброе утро! Смотри, Ыхало, кто у нас есть! — Леша уже был с Ыхалом на «ты». — Из икринки вывелся… Даша, покажи.

Даша раскрыла ладошки.

— Ых ты-ы! — Ыхало заулыбалось беззубым ртом. — Какой славный месячонок…

Лунчик Луняшкин заприплясывал и застрекотал. Потом прыгнул в руки к Ыхалу.

— Что он говорит? — прошептала Даша.

— Ну что… Радуется. Вроде как «тра-та-та, тра-та-та, хорошо на белом свете…». Вы ему нравитесь… И я тоже… — Ыхало, кажется, засмущалось.

И тогда Леше пришла удачная мысль:

— Ыхало! Если ты Лунчику понравилось, пусть он у тебя живет!

Даша глянула на брата с неудовольствием. Но он сказал:

— У нас дома полным-полно всяких ламп, а в баньке никакого света. Вот пусть Лунчик и освещает ее по ночам…

По правде говоря, Леша боялся, что Лунчика увидят мама и папа и станут расспрашивать: откуда он взялся. И придется рассказывать про ночное путешествие в лес и знакомство с Ихтиленой. А какой маме понравится, что ее сын без спросу шастал ночью по лесу и мотался на электричке? Да еще на границе сказочного пространства…

— Но пусть Лунчик приходит к нам в гости, — потребовала Даша. — И пусть иногда светит и у нас.

— Конечно, конечно! — обрадовалось Ыхало. — Большущее вам спасибо! — Оно было очень довольно, что Лунчику разрешили жить в баньке. Теперь будет гораздо веселее. А то ведь одно-одинешенько там. Заглядывает, правда, тень-Фи-ларет, но чаще всего днем, а по ночам он всегда где-то гуляет…

Лунчик и Ыхало сделались неразлучны. Днем Лунчик жил в кармане Ыхала, который оно специально пришило к своей шкуре. А ночью висел

под низким потолком баньки, сказочно светился и стрекотал. Ыхало умиленно слушало эту ребячью болтовню.

Несколько раз среди ночи приземлялась у баньки тетушка Ихтилена — повидать сынишку. Были у нее и другие дети, но они жили далеко, в разных сказках. А этот — младшенький, любить его полагалось крепче всех. Но забирать к себе Лунчи-ка тетушка Ихтилена не стала. Малыш привык уже к Ыхалу, пусть живет, где ему нравится.

Иногда Лунчик прилетал к Леше с Дашей и до утра светил в их комнате. В такие ночи брату и сестре снились особенно интересные сны.

…А летние дни между тем бежали.

Леша и Даша, Ыхало и тень-Филарет еще несколько раз съездили на станцию Пристань. И Луняшкина брали с собой.

Бочкин опять катал всех на пароходе. Они с удовольствием полазали по развалинам замка на острове Бумбура Голодного. Побывали у Одинокого Шарманщика, который устроил для гостей настоящий концерт. Были и в деревне Мудрые Зайцы, где длинноухое население отмечало день рождения Проши: морковным квасом и пирогами с морковной начинкой. Лилипут вел себя настолько ласково, что зайчата совсем перестали

его бояться.

Навестили и великана Гаврилу, который вблизи оказался настоящим великаном, аж дух захватывало. Но он был добрый дядька. Поднимал в своих ладонях Лешу и Дашу и вертел, как на карусели…

Только с бабкой в избе на «чьих-то ногах» познакомиться не удалось. Когда подъезжали, она захлопывала окошко и задергивала занавески.

А еще никак не могли повидаться с магом и волшебником Авдеем Казимировичем Белугой. Несколько раз приплывали на мыс Желтые Скалы, но пещера волшебника всегда оказывалась запертой на большой висячий замок.

А потом случилось ужасное происшествие, о котором придется рассказать в отдельной главе. Даже в двух.

УЖАСНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Наступили очень жаркие дни. Все прямо плавилось от зноя. По несколько раз на дню Леша и Даша выскакивали в сад, где был устроен летний душ. Попрыгаешь под упругими струями — делается легче. Но ненадолго.

Самым прохладным местом в доме была папина мастерская. Казалось бы, что вверху, у нагретой

крыши, должно быть особенно душно. Однако деревянный потолок не пропускал жар, а в раскрытые окна влетали прохладные сквозняки.

Здесь, в мастерской, Леша с Дашей и проводили время. Папы дома не было, он каждый день заседал в «Выставкоме» и говорил, что там еще жарче, чем на самом солнцепеке. У мамы был отпуск, и она целыми днями хлопотала по хозяйству. Забот хватало: дом-то вон какой большущий.

Даша устроилась за папиным столом и перебирала выкройки для картонных кукол. Ыхало смирно сидело на табурете. Леша красками на загрунтованном картоне писал его портрет. Лунчик висел в воздухе у потолка. Сейчас, днем, он не светился, зато стрекотал и чирикал не умолкая. А иногда старательно произносил:

Све-тит ме-сяц,
Све-тит ясный.
По-смо-три,
Ка-кой пре-крас-ный…

Он учился говорить по-человечески.

Мама и папа видели Лунчика уже много раз, но не удивлялись: они решили, что этот забавный месячонок всегда жил вместе с Ыхалом в баньке…

…В этот день все складывалось неудачно. Портрет у Леши не получался, а мама то и дело отвлекала его своими делами:

— Лешенька, вынеси мусор на помойку…

— Леша, спустись, помоги мне поставить посуду в шкаф…

— Алексей, опять в вашей комнате книги и краски валяются вперемешку…

Леша наконец застонал, как папа в тяжелые минуты:

— Ну почему мне не дают работать спокойно?

— Работай, пожалуйста… — сказала мама с лестницы. —

Ыхало, можно вас на минуточку? Не могли бы вы взглянуть, что там, в дымоходе камина? Я разожгла щепки, чтобы проверить тягу, а дым — весь в комнату…

Ыхало виновато посмотрело на Лешу и слезло с табурета. Возражать маме оно не решалось.

Леша закричал плачущим голосом:

— Ну кто же топит камин в такую жару! Неужели нельзя это сделать потом? Как я буду рисовать Ыхало, если его нет на месте?!

— Это же на одну минуточку, — сказала мама.

— Знаю я твое «на минуточку»!

— Как ты смеешь грубить!

Ыхало, вздыхая и роняя с ног калоши, полезло вниз по лестнице. Леша от досады махнул кистью. Да так неудачно, что перемазал зеленой краской себе живот. Плюнул с досады и стал оттирать краску разбавителем. Живот защипало.

— Ну вот, теперь будет тут пуще прежнего пахнуть скипидаром, — сказала Даша.

— Убирайся, если не нравится. Здесь не закроечная мастерская, а для художников.

— Подумаешь, художник! Папа говорил, что тебе еще рано работать масляными красками, а ты берешь без спросу…

— Я выжимки из старых тюбиков беру, они папе не нужны! И вообще тебя не спрашивают!

— Ох и грубиян ты, Лешенька.

— Сама лезешь первая!

— Еще и маме нагрубил…

— А ты мамина подлиза!.. Шла бы да чистила дымоход вместо Ыхала, все равно бездельничаешь. Только сопишь над своими дурацкими бумажками…

— Сам ты бумажка! Эти выкройки поважнее твоей мазни!

— Я вот сейчас их выкину в окошко… — Леша двинулся к сестрице.

— Мама-а!!

Конечно, мама взлетела по лестнице, как пожарный на сигнал тревоги.

— Что тут такое?!

— Чего он лезет!

— А чего она обзывается!

— А чего он…

— А она…

— Алексей, — сказала мама. — Ты давно не стоял в углу?

Леша очень давно не стоял в углу. Последний раз это было, кажется, в пятилетнем возрасте, когда он без разрешения открыл новые папины краски и перемазал свежий загрунтованный холст (и себя заодно). Сейчас, однако, Леша очень обиделся.

— Опять я виноват, да? А она, как всегда, ни при чем!

— Но ты же старше! И должен уступать!

— А я виноват, что ты меня первого родила? Теперь всю жизнь из-за этого мучиться?

Мама в сердцах сказала, что ей вообще не следовало рожать такого капризного мальчишку.

Леша сказал, что если он тут не нужен, то может уйти. Куда глаза глядят.

Мама сказала, что он может отправляться на все четыре стороны.

— Ка-кой кош-мар! — протрещал под потолком Лунчик. Но было поздно. Леша, глотая обиду, через окно выбрался на крышу пристройки, а оттуда по приставной лестнице спустился в сад.

— Погуляй, остынь, — посоветовала вслед мама.

Конечно, мама не думала, что Леша уйдет далеко. Он не привык гулять в одиночку. Да и наряд его не годился для дальнего путешествия. По причине жары были на Леше только красные выцветшие трусики да сандалии на босу ногу.

Мама не знала, что есть место, где Леш|у рады видеть в любом наряде и в любое время.

Леша отправился прямиком на ромашковую поляну. Там на рельсах раскалялся от жары самовар-паровоз.

Леша похлопал его по обжигающему боку, но вдруг с огорчением вспомнил: зажигательного стеклышка-то с собой нет, огонь в топке не разведешь.

Возвращаться домой не хотелось. Дашка сразу догадается, куда он собрался, когда увидит, что брат берет линзу. И… по правде говоря, перед мамой неловко. Лешу уже скребло внутри оттого, что с мамой он разговаривал не очень-то хорошо.

Леша грустно и задумчиво глянул вдоль рельсов. А что, если двинуться пешком? Это ведь не так уж далеко. На неторопливом поезде (трюх-трюх-трюх) дорога занимает минут двадцать. Пешком получится никак не больше часа. С часик он погостит у Бочкина, потом столько же потратит на обратный путь. За это время мама и Дашка немного поволнуются, поймут, что их сын и брат вовсе не плохой человек, и обрадуются, когда он вернется…

Леша еще раз похлопал самовар — отдыхай, мол, сегодня — и потопал по шпалам.

Он был уверен, что не заблудится. Линия-то одна и ведет прямо на Пристань. Только бабка на станции Чьитоноги слегка беспокоила Лешу — не случилось бы из-за нее какой-ни-будь неприятности. Но Леша решил, что проскочит станцию на полном ходу, бегом, и ни в коем случае не станет соваться на перрон.

Сперва все шло, как он ожидал. Рельсы вели по знакомым местам. С ближних горок приветливо махали разноцветными крыльями мельницы. Солнце жарило плечи сильно, но безопасно, потому что Леша и так был уже обгорелый-загорелый. Летали бабочки и стрекозы. Через десять минут Леша миновал мостик через ручей. Через полчаса

прошел мимо станции Одинокий Шарманщик. Шарманщика не было видно, только прыгали по платформе воробьи…

А дальше случилось неожиданное: рельсовый путь раздвоился. Причем это была вовсе не та стрелка, по которой Проша закатывал бочку с квасом. Ничего подобного раньше здесь не было. По крайней мере, Леша не помнил. Может быть, поезд проскакивал эту стрелку так быстро, что Леша ее не замечал?

Одна колея шла прямо, другая отходила налево. На стрелке стоял столбик с фонарем и рычагом для перевода рельсов.

Надо было выбирать дорогу. Леша знал, что река где-то с правой стороны. И, подумав, зашагал по прямой линии. Решил, что пройдет минут пять и, если места покажутся незнакомыми, вернется и направится по другим рельсам.

Скоро светлый березовый лес потемнел, а потом сменился еловым, совсем сумрачным. У этого сумрака был неприятный лиловый оттенок. У Леши шевельнулось какое-то смутное и опасливое воспоминание. Он подумал, что надо поворачивать назад. Но сперва он решил вытряхнуть из сандалии надоевшую крошку.

Вытряс, нагнулся, чтобы застегнуть ремешок…

И в этот миг на Лешу упала тьма.

Тьма была не полная, ее прокалывали солнечные точки. И пахла она грязной мешковиной. Это и был, без сомненья, большой мешок — его кто-то с размаху набросил на Лешу, а потом подхватил добычу.

Леша вниз головой забарахтался в душном колючем сумраке. Заорал. Но похититель не обратил на мальчишкины крики внимания. Судя по всему, он вскинул мешок на спину и куда-то зашагал, потому что Леша ощущал равномерное встряхивание.

Сперва Леша орал просто так, без слов, а потом закричал:

— Отпустите сейчас же! Я дяде Бочкину скажу! Я Лилипута позову, он вас на клочки!..

Но неизвестный злодей молча и равномерно нес добычу в неизвестном направлении. В этой равномерности и в этом молчании была такая жуть, что Леша наконец притих.

«Что же это такое? — отчаянно думал он. — Куда это меня? Я не хочу!..»

Наконец ходьба прекратилась. Мешок перевернули, тряхнули, и Леша вывалился на грязный земляной пол.

Он тут же перепуганно и сердито вскочил. Пе-

ред ним стоял и ухмылялся незнакомый дядька. Невысокий и лысоватый.

Дядька отошел и запер на висячий замок широченные двери. Точнее, ворота.

Леша беспомощно глянул вокруг. Он был внутри большущего помещения — не то сарая, не то ангара. Было похоже и на музей, потому что всюду виднелось развешанное на стенах старинное оружие: мечи, алебарды, шпаги и кремневые ружья разной конструкции. Через весь сарай тянулись рельсы — такие же, по которым шагал недавно Леша. На рельсах стояло странное сооружение: что-то вроде котла на вагонной тележке. С крышкой, лесенкой и непонятными приспособлениями. Высотой метра два.

Но все это Леша разглядел чуть позже. А в первый момент он смотрел, конечно, на похитителя.

Дядька был с неприметным лицом и бледными глазками. В полинялом спортивном костюме. Из костюма — между резинкой штанов и краем короткой фуфайки — выпирал могучий живот. Он порос курчавыми темными волосками, а среди них чернел похожий на небольшую воронку пуп.

Пузатый дядька облизнул губы и постарался

улыбнуться. Кажется, он хотел казаться симпатичным, но это не получилось. Тогда он развел руками и неожиданно тонким голосом проговорил:

— Я, конечно, очень извиняюсь, что доставил тебя сюда с такими неудобствами… Ты не ушибся?

Чтобы не так сильно бояться, Леша постарался рассердиться. Он даже топнул ногой.

— Отпустите меня сейчас же! Кто вы такой?!

Дядька виновато вздохнул.

— Моя фамилия Людоедов. Ну, и я, соответственно, значит, людоед. Поэтому мне придется тебя скушать…

КОНЕЦ УЖАСНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ

Леша лихорадочно оглянулся. Бежать было невозможно: ворота заперты, маленькие оконца — под самой крышей, не допрыгнешь. К тому же Леша так ослабел от страха, что понял: даже бегать по сараю и отбрыкиваться он не сможет.

Эх, если бы рядом была Даша! Она боялась бы за двоих, а Леша, глядя на нее, набирался бы смелости.

А сейчас он только сумел выговорить слабым голоском:

— Не имеете права…

— Как это не имею права? — обиделся людоед Людоедов. — Я же специально для этого в здешний лес назначен. У меня все по закону, документ имеется. Пожалуйста… — Он снял со стены рамку со стеклом и поднес Леше. Под стеклом оказалась бумага с напечатанными на машинке строчками:

Удостоверение
Настоящим удостоверяется,
что предъявитель сего
Пурген Аграфенович
ЛЮДОЕДОВ
назначен на должность людоеда
в Лиловом лесу
со всеми вытекающими отсюда правами
и обязанностями.

Внизу стояла неразборчивая подпись и фиолетовая печать с черепом и скрещенными под ним вилкой и столовым ножом.

Леша сквозь страх понял одно: надо изо всех сил тянуть время. Тогда, глядишь, и отыщется какое-нибудь спасение.

— Кто это вас назначил? — спросил он. Старал-

ся говорить строго, но получилось жалобно.

— Как кто? — удивился Пурген Аграфенович. — Я сам и назначил!

— Так не полагается! Если каждый сам себя будет назначать, что получится?

— Не знаю, не знаю. На других должностях, возможно, и не так, а людоеды всегда назначают себя сами.

Леша не придумал, что возразить. Да людоед, кажется, и не собирался слушать возражения. Он подошел к котлу, встал на лесенку, с гулом отвалил чугунную крышку на шарнирах. Прямо над котлом с потолка нависала водопроводная труба. Людоедов открутил кран, и толстая струя с шумом ударила в котел. Людоедов стоял на железной ступеньке, морщился от брызг и смотрел, как котел наполняется.

Ни спорить, ни просить о пощаде при таком шуме не имело смысла.

«Никто и не узнает, где я сгинул», — горько подумал Леша. И понял, как он любит маму, Дашу и папу. И Ыхало, и Лунчика, и тень-Филарета. И Бочкина, и Лилипута, и зайца

Прошу. И даже великана Гаврилу. Эх, был бы Гаврила здесь, он бы показал этому Пургену!

Но никого не было. Оставалось надеяться на

собственные силы. А откуда их взять-то?

И тогда Леша представил, что Даша рядом. И что она обмирает от ужаса. От этого Лешин страх начал убавляться. Леша снова оглянулся…

Если бы не людоед, здесь было бы даже интересно. Вон сколько разных музейных экспонатов. Как хорошо было бы помахать вон той тонкой шпагой или пощелкать курком короткого двухствольного мушкета — по размерам он как раз для Леши. И висит низко…

Наверно, Пурген Аграфенович коллекционировал старое оружие. Так же, как Евсей Федотыч — пробки…

Пробки… Китайская пробка… Чоки-чок… Какие-то спасительные мысли начали вертеться у Леши, но тут вода перестала шуметь, и Людоедов спустился с лесенки.

Он оглянулся на Лешу. Опять виновато вздохнул: ничего, мол, не поделаешь. Взял коробок со спичками. Заглянул под котел. И Леша разглядел, что там газовый баллон с горелкой.

Людоедов покрутил у баллона вентиль, чиркнул спичкой. Газ по-змеиному зашипел и вспыхнул синим широким огнем. Людоедов потер ладони.

— Ну-с, все в порядке. Будет бульон… Не очень

ты, конечно, упитанный, скорее наоборот. И скипидаром от тебя попахивает. Но ничего не поделаешь, хочется кушать.

— Не надо, пожалуйста, — хныкнул Леша и начал тереть глаза. Наполовину понарошку.

— Ну вот, начинается, — заворчал Пурген Аграфенович. — Каждый раз одно и то же: «Не хочу, не надо…» Конечно, я понимаю, что тебе не очень приятно. А мне-то что прикажешь делать? Умирать с голоду?

— Но неужели вы не понимаете, как это отвратительно — быть людоедом?! — всхлипнул Леша.

— Почему же отвратительно? У каждого свое предназначение. Если у меня такая фамилия, кем я, по-твоему, еще мог сделаться?

— Извините, но вы говорите глупости! — отчаянно возразил Леша. — При чем тут фамилия? Выходит, по-вашему,

Пушкин должен был сделаться артиллеристом? А художник Репин выращивать репу в огороде? А Редькин — редьку?

— Ну, не знаю, не знаю. Это их дело. А у меня профессия наследственная. Папа тоже был людоед. И дедушка по отцовской линии. Тут уж я ничего не могу поделать…

— И вам не стыдно есть живых людей?!

— Ну что ты выдумываешь! Большой мальчик, а городишь такую чушь! Разве я собираюсь есть тебя живьем? Сваришься, и тогда уж… — Людоедов опять облизнул губы, и рот у него вдруг растянулся, как у громадной лягушки. — Давайка, голубчик, полезай в котел. Пора.

— Не… — промямлил Леша.

— Никаких «не», — повысил голос Людоедов. — Если станешь капризничать, я запихаю тебя туда силой, это будет гораздо неприятнее.

Леша оглянулся на котел.

— Вода, наверно, еще холодная…

— Вовсе не холодная. Уже нагрелась до комнатной температуры.

— Не нагрелась. Я простужусь. А бульон из простуженного невкусный…

— Не успеешь ты простудиться, — заверил его людоед. — Вода греется быстро. Лезь скорее. А то потом опять заупрямишься, скажешь: горячая. А если окажешься в котле сейчас, привыкнешь к постепенному нагреванию и сам не заметишь, как сваришься. Ничего страшного…

Но Леша ежился и переступал, как перед холодным купаньем. Тогда Людоедов приказал самым строгим голосом:

— Раздевайся и марш в котел немедленно!

Леше чего раздеваться-то? Вздыхая и шмыгая носом, снял он сандалии.

— Поживее, пожалуйста, — сказал Пурген Аграфенович.

Леша двумя пальцами взялся за трусики.

— Их… тоже, что ли?

— Ну разумеется, — отозвался Людоедов со сдержанным раздражением. — Зачем же мне бульон с трусиками? Были бы зеленые, тогда еще туда-сюда, сошли бы за капусту. А тут морковного цвета! Я морковку с детства ненавижу всей душой… Поторапливайся.

— Не…

— Опять «не». Теперь-то в чем дело?

— Ну как вы не понимаете, — жалобно выговорил Леша. — Я же стесняюсь…

Людоедов неловко захихикал, заворчал:

— Ну вот, что за глупости… Какие могут быть между нами церемонии? Мы же с тобой все равно что самые близкие родственники. Скоро ты окажешься у меня в животе, и мы превратимся в одно целое.

Леша с отвращением глянул на волосатое пузо людоеда и сказал решительно:

— Не знаю, как там в животе, а пока мне очень

неловко. Вы уж будьте добры, отвернитесь. Или зажмурьтесь.

— Ну что за предрассудки… Ну ладно, если тебе так хочется… — Людоедов закрыл глаза ладонями и повернулся к Леше спиной. — Только не возись. Как окажешься в котле, крикни…

Но Леша, разумеется, и не думал забираться в котел. Он прыгнул к стене и схватил с крюка мушкет с двумя короткими стволами.

У папиного знакомого дяди Сережи было охотничье ружье, и он показывал Леше, как с ним обращаться. И сейчас Леша умело взвел два тугих курка. И направил стволы на людоеда.

Услышав щелчки, Пурген Аграфенович подскочил и оглянулся. И открыл растянувшийся рот. Несколько секунд испуганно мигал, а потом засмеялся. Сначала нерешительно, а затем от души:

— Ай-яй-яй… Ой, не могу… Ой, какой ты лихой разбойник! Только ружье-то не заряжено!

Леше нечего было терять. С отчаянной надеждой на чудо Леша прошептал:

Чоки-чок,

Спусковой крючок,

Окажись в мушкете пуля,

Не очень-то удачные были стихи. И к тому же в них ни слова о порохе. Но все же Леша храбро сказал:

— А вот посмотрим! — Слегка отвел стволы от людоеда и надавил спуск… Ах, какой грянул выстрел! Отдачей Лешу отшатнуло к стене, он чуть не выпустил мушкет. В сарае заклубился синий дым. Пуля попала в замок на воротах, он отлетел, и створки медленно разошлись сами собой.

А Пурген Аграфенович Людоедов оказался сидящим на полу. Он суетливо шевелил ногами, а руки вздернул вверх до отказа. И повторял:

— Сдаюсь. Сдаюсь. Сдаюсь…

Леша быстро пришел в себя.

— То-то же, — сказал он, отплевываясь от пороховой гари. — А ну-ка марш в котел!

— Я не хочу, — хмыкнул Людоедов.

— Считаю до двух… Раз… Раз с половиной… Два! Не хочешь? Вот тебе!

И Леша пальнул мимо Людоедова из второго ствола. Ух, какой опять был грохот!

Но на этот раз Людоедов не испугался. Правда, сперва зажмурился, но потом вскочил и радостно заплясал.

— Ха! Ха! Ха! Ты выстрелил из обоих стволов!

Больше зарядов там нет! И теперь-то я тебя обязательно съем! Живьем!

«Ох я дурень!» — подумал Леша. И зашептал с надеждой уже не просто на чудо, а на сверхчудо:

Чоки-чок,

Спусковой крючок…

И опять, зажмурившись, нажал спуск.

На этот раз выстрел получился самый громкий. Ну прямо пушка! Неизвестно, кто больше испугался: Людоедов или Леша. Пурген Аграфенович упал ничком и схватился за уши. Леша же вжался в стену и решил, что его разорвало на кусочки вместе с мушкетом.

И все же Леша опять овладел собой раньше Людоедова. Проморгался, убедился, что цел, и звонко сказал:

— Вот так! Стволов два, а зарядов двадцать два! И стрелять мимо я больше не намерен. Немедленно лезьте в котел! Считаю до полтора… то есть до полутора… Раз…

— Иду, иду… — Людоедов на четвереньках побежал к котлу. У лесенки боязливо оглянулся.

— Можете не раздеваться, — сказал Леша. — Есть вас я все равно не собираюсь.

— А что собираешься? — опасливо спросил

Пурген Аграфенович.

— Там видно будет… Пошевеливайтесь! — И Леша угрожающе двинул мушкетом. Людоедов мигом забрался по лесенке и с плеском ухнул в котел.

— Ой… ай… сыро…

— Закройте за собой крышку!

— Может, не надо?

— Считаю до…

Крышка с грохотом упала. От удара крышки подпрыгнула и наделась на нее защелка. Она была устроена таким образом, что прижимала крышку неплотно, край можно было приподнимать. Людоедов так и сделал: приподнял крышку макушкой и в щель наблюдал за Лешей.

Леша полез под котел и погасил горелку.

— Что ты там делаешь? — боязливо спросил Людоедов.

— Сделал огонь посильнее…

— Ай! Не надо! Я сварюсь!.. Я больше не буду! Выключи! Уже горячо! Ой-ёй-ёй!

— Какой же вы, оказывается, трус, даже противно, — сказал Леша. Надел сандалии, подтянул трусики и с мушкетом под мышкой стал осматривать котел.

«Что же дальше-то делать?»

Он увидел, что сбоку от котла есть площадка с поручнем, с железной коробкой и рукояткой. У рукояти — табличка со стрелками и словами: «Ход вперед. Ход назад».

Леша догадался, что в коробке, видимо, аккумулятор — как у багажных тележек на вокзале.

Он встал на площадку, осторожно двинул рукоять. И вот удача-то! Тележка шевельнулась и не спеша поехала по рельсам.

Выехали из сарая. Леша добавил скорость. Стук-стук, бряк-бряк — подрагивал котел на стыках. Лиловые ели убегали назад.

— Куда ты меня везешь? — спросил Людоедов из-под крышки.

— В милицию!

— Ну и пожалуйста! Никто ничего не докажет… Если хочешь знать, я не настоящий людоед, а сказочный. На людоедов из сказочного леса законы не распространяются…

— Расскажите это вашему дедушке, — сказал Леша. — По отцовской линии. И бабушке тоже…

— Если хочешь знать, я вовсе никого не ел. Почти… Один раз только съел атамана пиратов, но ему так и надо, потому что он был ужасно кровожадный. И, кроме того, оказалось, что он не человек, а робот. Я потом целую неделю

выковыривал из зубов всякие проволочки и шестеренки…

Леша больше не отвечал, хотя Людоедов продолжал канючить, просил отпустить и обещал, что больше не будет.

Скоро начался березовый лес, и тележка с котлом выехала на рельсовую развилку. Леша затормозил. Как переводят на путях стрелки, он видел в кино. Спрыгнул, ухватился за рычаг с фонариком. Рычаг оказался тяжелый, но все же Леша с ним справился. Рельсы щелкнули и переключились на другой путь.

Леша дал тележке задний ход, и она поехала теперь по левой колее.

Это была правильная дорога! Через пять минут показалась платформа с избой на куриных ногах. Бабка из окна грозила кулаком и кричала:

— Ах ты, окаянный!..

Непонятно только, Леше кричала или Людоедову.

И очень скоро Леша приехал на станцию Пристань.

Ужасную историю про коварного Людоедова с негодованием выслушали Бочкин, Лилипут и Проша, который незадолго до этого пригнал на станцию цистерну со свежим квасом.

— Каков негодяй! — восклицал Бочкин, грозно выхаживая вокруг котла. — Может быть, его и в самом деле сварить?

— Я больше не буду! — доносилось из котла. — Выпустите меня, здесь мокро…

— Я посажу его в водонапорную башню, — решил наконец Бочкин. — Дверь там железная, окна с решетками. Он будет каждый день вручную качать воду в бак. Может быть, работа его перевоспитает.

— Может быть, — не очень уверенно согласился Леша.

— Только чем его кормить? — вдруг засомневался Бочкин.

— Я знаю чем! Морковкой! Одной только морковкой! — подскочил Леша. — Он ее ужасно любит!

— Морковки я достану целый вагон, — пообещал Проша.

Людоедов в котле зарыдал.

— Ой, дядя Бочкин! Его ведь придется иногда выпускать… Ну, хотя бы в туалет. Вдруг сбежит?

— Его будет караулить Лилипут. Пусть попробует сбежать, — усмехнулся Бочкин. А Лилипут разинул розовую пасть и показал такие клыки, что подглядывавший Людоедов спрятался в котле

с головой.

Наконец его, мокрого и хнычущего, выпустили из котла и отвели в башню. Леша с мушкетом шагал позади, как конвоир.

А потом Леша чистосердечно рассказал Бочкину, как поссорился дома и ушел пешком.

Бочкин повздыхал и вывел из маленького депо легкую тележку на вагонных колесиках. У тележки были оглобли как у брички.

— Лилипут тебя быстро доставит домой. А ты уж давай мирись там поскорее…

— Ладно! — обрадовался Леша. — Какая хорошая тележка! А то уж я собирался катить домой на этой штуке с котлом…

— Не стоит. Лучше я сделаю из котла станционный кипятильник.

Леша на прощанье выпалил из мушкета (как салют!), оставил его на память Бочкину и поехал!

Лилипут бежал неутомимо, иногда оглядывался и улыбался добродушной пастью. Рядом с домом Леша оказался через полчаса.

Он перепряг Лилипута в другую пару оглобель, с обратной стороны, обнял его за косматую шею, и тот повез пустую тележку на Пристань.

А Леша с опаской пошел домой. И неловко было, и страшновато: вдруг влетит за долгое

отсутствие.

Но мама сказала:

— Нагулялся, герой? Ладно, нечего дуться, иди обедать… А Ыхало у тебя на портрете получилось очень похоже.

Даша тоже смотрела по-хорошему. Даже чуточку виновато. Леша приободрился и похвастался:

— Знаешь, Дашка, меня чуть-чуть не съел людоед!

КАК ЫХАЛО И ЛУНЧИК ОТПРАВИЛИСЬ НА ЛУНУ

Даша сперва не верила Лешиному рассказу про людоеда. Но потом они съездили на Пристань, и Даша убедилась. Сама посмотрела сквозь зарешеченное окошко на Пургена Аграфе-новича, который внутри башни качал водяной насос. При этом у него сильно колыхался живот.

Впрочем, живот у Людоедова слегка поубавился в размерах. Это и понятно — от морковки не потолстеешь.

Бочкин рассказал, что сперва Людоедов отказывался есть морковь и сообщил, что объявляет голодовку.

Бочкин ему ответил:

— На здоровье. Шашлыки тебе готовить я все

равно не собираюсь.

Голод не тетка. Людоедов потерпел сутки, а потом сжевал сразу полведра морковки.

Вел он себя довольно послушно. В первый день хныкал и просил отпустить, но потом присмирел.

Один раз на прогулке Людоедов пробовал бежать. Но Лилипут догнал его и так цапнул за пятку, что больше таких глупых попыток арестованный людоед не делал.

Один раз Леша с Дашей приехали и увидели, что Бочкин и Людоедов мирно сидят на крылечке станции и увлеченно играют в шахматы. Правда, Лилипут находился тут же и молча приоткрывал клыки, если Людоедов делал слишком резкое движение.

Бочкин слегка сконфуженно сказал Даше и Леше:

— Человек он, конечно, пакостный, но шахматист, надо признать, неплохой… Мне ведь скучно одному-то, а тут все-таки развлечение. Но вы не думайте, я его держу в строгости.

— Может, он еще и в самом деле перевоспитается, — сказала Даша.

А Лунчик заплясал у нее на плече и затараторил:

Жил на свете людоед,
Он наделал много бед.
Не поеду
К людоеду,
Чтобы не попасть
К обеду!

Дуняшкина теперь всегда брали с собой. Ыхало — тот был ленив и предпочитал спать в баньке, а Луняшкину нравилось путешествовать. Он научился хорошо разговаривать и сделался ужасный болтун. Часто молол языком невпопад.

Ему скажешь:

— Лунчик, умойся под краном, ты опять весь перемазанный.

А он в ответ:

Тра-та-та,
Тра-та-та,
Трудно кошке без хвоста!

Тень-Филарет всегда обижался на эти стихи и оскорбленно уходил в какую-нибудь щель. Стихи напоминали ему о времени бесхвостого существования.

А еще Лунчик сочинил такую песенку:

Жил на свете великан,
Ночью залезал в стакан
И сидел там тихо-тихо,
Чтоб не скушал пеликан.

Не дрожи до самых пят,
Ночью пеликаны спят.
И к тому же пеликаны
Великанов не едят!

Эту песенку он всегда распевал, когда устраивался на ночь под потолком в баньке или в комнате у Леши и Даши.

Ыхало очень любило Лунчика. Прямо как собственного ребенка. И терпело все его шутки и шалости.

Однажды Ыхало пришло к Леше и Даше чересчур озабоченное. Повздыхало и призналось:

— Такое вот тут дело, мы с Лунчиком решили на Луну слетать. Очень хочется малышу, каждый день пристает: «Давай полетим к бабушке»…

— К какой бабушке? — очень удивился Леша.

— Он говорит, что Луна — его родная бабушка. Потому что тетушка Ихтилена — дочь Луны. Она родилась из лунного отражения в Русалочьей заводи. Триста лет назад.

— Тут какое-то несовпадение, — заметил Леша. — Ведь Ихтилена из страны Астралии. А эту страну маленький Орест придумал всего сто лет назад. Вместе со всеми чудесами. И с тетушкой Ихтиленой тоже. Какие же могут быть триста лет?

— Но ведь Орест придумал Астралию вместе с ее прошлым, — возразило Ыхало. — Со всей ее историей. И тогда получилось, что история эта была на самом деле. Разве непонятно?

— Теперь понятно. Зато непонятно другое. Что вы на Луне-то будете делать? Там ведь никаких условий для жизни. Воздуха нет, на солнечной стороне жара страшная, на обратной — жуткий холод…

Ыхало сказало, что воздух ему и Лунчику не обязателен, они — сказочные существа. Жара и холод их тоже не пугают. А кроме того, они полетят на Луну, которая светит над Астра-лией, в волшебном пространстве. На той Луне условия могут быть совсем другие, чем на обычной. Ходят слухи, что там есть целые города с лунными жителями.

— Да на чем же вы полетите-то? — вмешалась наконец Даша. — Для этого нужна космическая ракета.

— Не нужна, — объяснило Ыхало. — Есть другой способ. Не очень для меня приятный, зато простой…

Оно рассказало, что недавно по маминой просьбе чистило дымоход камина и убедилось, что эта труба похожа на пушечный ствол, нацеленный в небо. Из нее очень удобно взлетать в космос. А набрать космическую скорость Ыхалу помогут Леша и Даша.

— Как?!

Поеживаясь и смущаясь, Ыхало призналось, что нестерпимо боится щекотки. Теперь из этого неприятного свойства можно извлечь пользу. Ыхало посадит Лунчика в карман, заберется в дымоход, сбросит калошу и спустит в камин ногу. А Даша и Леша куриным перышком (ой-ей-ей) пощекочут ему пятку. Этого достаточно, чтобы Ыхало вылетело из трубы со скоростью, которая позволит быстро достичь Луны…

— А с вами там ничего не случится? — жалобно спросила Даша.

— Плохого — ничего, — успокоило Ыхало.

И добавило:

— А если не соглашусь лететь, Лунчик может удрать один. Это ведь такой сорванец… Он вот и сейчас сидит на лавке и сочиняет хулиганские

стишки. Знаете какие?

Гу-гу-гу, гу-гу-гу,
На Луну я убегу
И у бабушки родимой
Буду прыгать на лугу.

Там чудесные цветы,
Там сбываются мечты,
Там я рыжих лунных кошек
Потаскаю за хвосты.

— Объясните ему, Ыхало, что таскать кошек запрещено, — строго заметила Даша. — Это даже неприлично.

— Да он просто так, для рифмы… Но если он полетит один, то вполне может ухватиться за хвост какой-нибудь кометы и умчаться неведомо куда. И ни в какой телескоп не разглядишь, где он. Лучше уж мы вместе… Хотя, по правде говоря, не очень-то хочется на старости лет…

Маме и папе не стали говорить про полет, чтобы зря их не волновать. А то ведь у взрослых есть привычка переживать по всякому поводу. Вот когда Ыхало и Лунчик вернутся, можно будет все рассказать.

Старт прошел успешно.

Когда в той стороне, где Пристань, всплыла в небо выпуклая розовая Луна, Ыхало пожало Даше и Леше руки, посадило беспечного Лунчика в карман на животе и через камин забралось в дымоход.

До свиданья,

Всем привет,

Съешьте килограмм конфет! —

пищал в кармане Лунчик. Своим поведением он напоминал иногда букву «а», только в нем не было вредности, а одно лишь веселье…

Кстати, буква «а» давно удрала с Лешиной майки и болталась неизвестно где…

Итак, Ыхало забралось в камин, сбросило калошу и спустило левую ногу. Потом глухо скомандовало из трубы:

— Старт…

Леша и Даша куриными перышками защекотали черную пятку.

— Ай-вай-вай!! — заверещало Ыхало и пробкой, со звучным чмоканьем, выстрелилось из дымохода. Только сажа посыпалась да осталась на каминной решетке рваная калоша с тесемками.

Леша и Даша помолчали, подняв глаза к по-

толку.

— Надеюсь, все будет в порядке, — маминым тоном сказала Даша.

— Я тоже надеюсь, — отозвался Леша.

— Мр-р… — раздалось у двери. Оказалось, что при старте присутствовал и тень-Филарет. Ыхало предлагало ему тоже лететь на Луну, однако тень-Филарет не захотел. Он не был уверен, что лунные условия благоприятны для теней земного происхождения.

Даша села в кресло и расстелила на коленях кусок меха.

— Иди сюда, Филаретушка, я тебя поглажу…

Тень растянулась на искусственной шкуре и заурчала.

Леша взял альбом и стал рисовать акварелью, как Ыхало летит в звездном небе, а Лунчик выглядывает у него из кармана и показывает хвостатой комете крошечный красный язычок.

СРОЧНЫЙ ВЫЗОВ

Прошла неделя. От Ыхала и Лунчика не было никаких известий.

Ыхало перед отлетом сказало, что не знает, сколько времени оно с Лунчиком пробудет на Луне. Может быть, пару дней, а может быть, ме-

сяц. Это, мол, в зависимости от обстоятельств. Так что тревожиться пока не было причины.

Леша и Даша не очень и тревожились. Но скучали. И тень-Филарет, видимо, тоже скучал. Грустно мяукал, когда лежал на шкурке, а Даша гладила его и спрашивала:

— Где-то сейчас наше Ыхало? Где-то сейчас наш Луняшкин?

Мама иногда интересовалась:

— А куда это наше ненаглядное Ыхало запропастилось?

Леша объяснял, что Ыхало, судя по всему, отправилось в отпуск, в гости к другим домовым. Лето ведь, у всех отпуска. Мама кивала. Но потом, кажется, забывала Лешино объяснение, и опять:

— Что же это нашего Ыхала так долго не видать?

А вскоре случилась неприятность: Леша и Даша заболели ветрянкой. Они всегда болели вместе.

Хворь была не очень сильная, но плохо то, что врач запретил две недели выходить из дому: чтобы не случилось осложнений.

Приключись такая болезнь во время школьных занятий, Леша бы только радовался. А в каникулы, когда расчудесное лето за окном, когда на рельсах ждет самовар-паровичок и совсем близко

волшебная страна, — ну разве не обидно?

Да еще от Ыхала с Луняшкиным по-прежнему никакой весточки.

Леша и Даша развлекались как могли. Читали, рассказывали друг другу всякие истории, разглядывали в тенескоп коллекцию тень-Филарета. Леша рисовал, Даша вырезала из бумаги для своих картонных девочек и мальчиков разные модные платья и костюмы…

Однажды рано утром кто-то сильно заскреб в оконное стекло. Леша проснулся и увидел… Лилипута!

Ух, как Леша обрадовался! Растолкал Дашу, распахнул окно, сказал Лилипуту:

— Прыгай сюда! — И, конечно, обнял пса за косматую шею.

Под ошейником у Лилипута был конверт с письмом от Бочкина.

Бочкин писал, что беспокоится, почему Леша и Даша так долго не появляются на Пристани. Сообщал, что Пурген Аграфенович Людоедов сильно похудел от морковной диеты, но ведет себя смирно, на жизнь не жалуется, только часто заводит разговор, что никого никогда по правде не ел и людоедом числился лишь по должности. Зато признался, что старинное оружие стащил из

опустевшего замка Бумбура Голодного. Потому что оно, мол, все равно стало ничье, когда Бумбур покинул замок.

А еще Бочкин писал, что главный маг Астралии дон Кур-курузо вернулся к себе на Желтые Скалы из научной поездки и продолжает большую работу по расколдовыванию сказочного пространства.

Леша и Даша сочинили ответное письмо, в котором рассказали о своей ветрянке и о всех последних событиях. И пообещали, что теперь уже скоро появятся на Пристани.

Лилипут умчался.

А Леша и Даша пристали к маме, чтобы та разрешила им погулять. Ну хоть немножко! В саду у дома! До конца двух недель, назначенных врачом, осталось всего два дня! Какое они имеют значение!

Мама наконец махнула рукой: идите. Но добавила:

— Чует мое сердце, что добром это не кончится.

Мамы очень часто бывают правы.

Даша на радостях выскочила в сад босиком и тут же наступила на колючий сучок. Проколола ногу…

Надо сказать, что ревела она не сильно, хотя папе пришлось на руках нести ее в поликлинику, а там было промывание, бинтование и даже укол от заражения. Гораздо хуже укола было то, что теперь Даше снова пришлось сидеть дома. Потому что нога распухла, ступать было больно. И ясно, что такое дело — не на один день.

— Я тебе сделаю костыль, — пообещал Леша. И сделал. Но с костылем можно было кое-как ковылять по саду, а на Пристань в таком инвалидном состоянии не поедешь.

Леша пообещал, что без Даши ездить на Пристань он не будет, дождется, когда сестра встанет на две ноги.

Но получилось иначе.

На следующее утро после неприятности с Дашиной ногой кто-то опять заскреб по стеклу. Леша подумал, что снова Лилипут. Но за окном торчали заячьи уши.

— Проша!

Едва Леша распахнул створки, Проша затараторил:

— Очень-очень срочно! Бочкин просил приехать! Важное дело! Страшно спешно! Тобой интересуется сам дон Куркурузо!

— Ну, куда там спешно-то! — с досадой отозвал-

ся Леша. — Видишь, у сестры нога забинтована.

Даша сидела в кровати. Смотрела во все глаза, слушала во все уши.

Она была хорошая сестренка, хотя иногда и вредничала. Сейчас она рассудительно сказала:

— Надо тебе, Леша, ехать одному. Там, видимо, в самом деле что-то важное. Нельзя ждать, когда моя нога вылечится.

— Ладно, — решил Леша. — Я съезжу, а потом тебе все подробно расскажу… Только сперва надо позавтракать, а то представляешь, какой переполох подымет мама…

Проша дождался Лешу у поезда на ромашковой поляне. Вдвоем разожгли самовар. И помчались на Пристань знакомой дорогой без остановок.

Впрочем, и на Пристани остановка была короткая. У бревенчатого причала нетерпеливо пыхтел пароход «Отважный Орест». Бочкин поздоровался и сказал:

— Такое вот дело, Леша. Узнал про тебя Авдей Казимирович Белуга, то есть наш главный волшебник, дон Куркурузо. И говорит: «Мне крайне желательно познакомиться с этим молодым человеком. Просто необходимо! Не исключено, что он поможет мне решить задачу с расколдовыванием пространства»… А сегодня на заре позвонил

мне по телефону и просит: «Уважаемый Бочкин, пригласите вашего юного друга незамедлительно! Это крайне важно…»

— Как я ему помогу-то? — пробормотал Леша. Он побаивался незнакомого волшебника.

А пароход уже торопливо шлепал колесами. Сперва по реке, потом по широкому разливу среди косматых островов. И через полчаса он пришвартовался к причалу у мыса Желтые Скалы.

Мыс и правда состоял из желтоватых скал. Острых, высоких, без единого деревца. С берега уходила в расщелину крутая тропинка.

— Ты шагай один, — сказал Бочкин. — Казимирыч тебя ждет. А мне надо на станцию, нельзя ее долго оставлять без присмотра.

— Как же я… — оробел Леша.

— Ничего, ничего. Когда свое дело кончите, Казимирыч позвонит, я за тобой приплыву…

Делать нечего, Леша пошел по тропинке, хотя страшновато было одному.

Тропинка скоро перешла в крутую каменную лестницу, а лестница привела к низкой двери, сколоченной из дубовых плах. Дверь эта была прямо в отвесной скале.

Леша и раньше бывал здесь, с Дашей, с Бочкиным и Лилипутом, но тогда на двери висел

могучий замок. Теперь замок оказался снят.

Леша потоптался, побрякал медным кольцом, которое заменяло ручку.

Дверь с медленным скрипом отошла внутрь, и Леша увидел Главного мага. И сразу перестал бояться. Маг смотрел очень приветливо и обрадованно.

Это был старый безбородый мужчина в длинном сером халате, на котором слабо виднелись бледные звезды — как рисунок на выцветшей и застиранной материи. На голове у мага торчал газетный колпак. Маг всплеснул худыми длинными руками и воскликнул неожиданно молодым голосом:

— Кого я вижу! Это, несомненно, Леша Пеночкин! Очень, очень приятный и своевременный визит!

— Здрасьте, — выдохнул Леша.

— Здравствуйте! Позвольте представиться! Авдей Казимирович Белуга, он же — Гран-Палтус дон Куркурузо. Осмелюсь попросить не путать с «кукурузой»…

— Я не спутаю, — вежливо пообещал Леша. — Ни в коем случае.

— Спасибо. А то некоторые, бывает, путают, а от этого возникают помехи в колдовстве… Кстати, я

должен извиниться, что осмелился так настойчиво и в такое раннее время обеспокоить вас своим приглашением.

— Да ничего, пожалуйста. Обидно только, что Даша не смогла со мной приехать, сидит с проколотой ногой. Это моя сестра…

— Как жаль! Но не огорчайтесь, я дам целебный порошок, с его помощью ваша сестра очень скоро вылечит ногу.

— Как хорошо! — обрадовался Леша. — Спасибо!

— Не стоит благодарности.

Леша подумал, что Авдей Казимирович дон Куркурузо чем-то похож на Евсея Федотыча, собирателя пробок. Только Евсей Федотыч маленький, а дон Куркурузо высокий. Точнее, худой и длинный. И вместо больших круглых очков у него маленькое блестящее пенсне. Оно сидит на самом кончике длинного острого носа Главного мага.

Леше сперва казалось, что пенсне это должно то и дело срываться и падать, но нет, прицеплено оно было прочно. Хотя непонятно зачем. Располагалась эта пара квадратных стеклышек гораздо ниже глаз, дон Куркурузо вовсе и не смотрел через них. Может, они и не для зрения, а просто какой-то волшебный талисман?

Во время разговора Леша успел глянуть вокруг. Он был в круглой каменной комнате — большущей и высокой. Свет косыми желтыми столбами падал сверху в широкие застекленные отверстия разной формы. А внизу стояли всякие удивительные вещи: громадные глобусы, опоясанные медными кольцами; телескопы на разлапистых треногах; непонятная машина со *стеклянными*-колбами и похожим на сковородку маятником; странные приборы с прозрачными пирамидами и круглыми зеркалами; чучело допотопного ящера величиной с корову. Были здесь и старинные шкафы с книгами-великана-ми, и широкий дощатый стол, заставленный ретортами и бутылками с разноцветными растворами…

— Будьте как дома, располагайтесь, пожалуйста, — предложил дон Куркурузо. Он показал на широченный диван.

И Леша почувствовал себя как дома. Скинул сандалии и с ногами устроился на диване, который был покрыт не то пушистым мохом, не то шкурой неизвестного зеленого зверя.

— А теперь, если позволите, я приступлю к делу… Или сначала чашечку чая?

— Нет, — решительно сказал Леша. — К делу.

СПЛОШНОЕ КОЛДОВСТВО

— Как вы уже знаете, я по своей должности Главный маг королевства Астралия, — начал Авдей Казимирович Белуга, он же Гран-Палтус дон Куркурузо. — Казалось бы, я должен был предвидеть все изменения, которые произойдут в нашем астралийском пространстве. Но — увы мне, увы! — сказочная природа не всегда постижима даже для магии. По крайней мере, для магии современного уровня… Что-то, видимо, случилось с генератором волшебного мира, начались непредвиденные изменения. Столица и ее окрестности оказались отрезанными от Приастралья. Понимаете, такая непробиваемая блокада, когда пространство никого не пускает внутрь себя. Возможно, это результат старения сказки, а не исключено, что и следствие каких-то поломок в ГВМ… Я понятно изъясняюсь?

— Понятно… Только я не понял, что за ГВМ…

— Это генератор волшебного мира, я уже упоминал. Его, как и всю страну, придумал мальчик Орест Редькин. ГВМ находится… это трудно объяснить, он находится везде. Это как бы само пространство. А его сердце в глубинах нашей Горы. Оно дает сказочную энергию генератору,

а он — всей стране… Но какое-то время назад начались перебои. И наконец случилась вот эта досадная блокада. На беду, я в этот момент находился за пределами столичной области и оказался отрезанным от центра. Попасть обратно не в состоянии, а о причинах всего происшедшего могу лишь догадываться… Увы!..

Во время своей речи дон Куркурузо широко расхаживал по каменной комнате, халат его развевался, под ним обнаруживались полосатые пижамные брюки и вельветовые туфли. Газетный колпак опасно кренился. А длинный нос так дергался, что пенсне металось на нем, как хрустальная бабочка, и от стекол разлетались зайчики. При последнем слове дон Куркурузо резко остановился и горько вскинул руки, причем широкие рукава съехали до плеч.

— Никакое колдовство не помогает? — с пониманием спросил Леша.

— Увы и еще раз увы! Я перепробовал все известные способы. Когда они оказались бессильны, я отправился в научную командировку по разным этажам сказочного пространства, где консультировался с другими магами. Говорят, ум хорошо, а дважды два лучше… И в итоге я вывел верную, на мой взгляд, формулу, которая позволит наконец

осуществить пространственный прорыв… Вот, полюбуйтесь! — Дон Куркурузо широким жестом указал в сторону и вверх.

Леша увидел участок закругленной каменной стены — голой от пола до верха. На высоте трех метров чем-то черным были написаны всякие цифры, буквы и математические знаки.

Леша виновато помигал.

— Мы такого еще не проходили…

— Понимаю, понимаю! Но от вас и не требуется понимания этой формулы. Я жду от вас помощи в другом…

— А… какой помощи-то? — Леша опять слегка оробел.

— Видите ли, процесс колдовства по этой формуле достаточно сложен. В частности, для него необходима глиняная корова… Да-да, не удивляйтесь, именно корова! Это один из древних магических символов. Она должна быть, конечно, не в натуральную величину, однако достаточно крупная, размером с большого кота. И главное — ярко раскрашенная. Чем ярче и красивее, тем лучше. А я, несмотря на все свои магические способности, так и не научился ни лепить, ни рисовать…

— А у меня, думаете, получится? — пробормо-

тал Леша. Рисовать он, конечно, умел, но лепить никогда всерьез не пробовал. Так, по мелочам, из пластилина.

— Я уверен! — с жаром воскликнул дон Куркурузо. — Вы прирожденный художник, я видел портрет Бочкина, который вы нарисовали! И корова у вас получится прекрасно!.. А кроме того, есть еще причина, по которой именно вы должны стать моим помощником!

— Какая?

— Вы сын художника Пеночкина, который учился у Ореста Редькина!

— Не у него самого, а у его ученика.

— Не суть важно! Вы живете в доме, где жил когда-то этот замечательный мальчик Орест! Вы, можно сказать, его духовный наследник. Почти что родственник…

— Ну уж… — засмущался Леша.

— Да-да, не спорьте! Это судьба!

Что-то похожее Леша и сам чувствовал в глубине души. Поэтому он стеснительно посопел и спросил:

— А что надо делать-то?

Разумеется, делать надо было корову. Точнее, лепить ее. Для этого нужна была мягкая влажная глина.

Дон Куркурузо выволок из-под стола деревянную лохань. Она была похожа на отпиленную нижнюю часть бочки. Потом дон Куркурузо притащил тяжелый мешок и высыпал в лохань кучу сухих глиняных комков. К медному крану на стене подключил садовый шланг и наполнил посудину водой.

— Вот так. Теперь замесим тесто!

Дон Куркурузо энергично засучил рукава, подвернул халат, встал на колени и опустил руки в лохань. И начал делать движения, как усердная прачка, стирающая тяжелое одеяло.

Леша стоял рядом и смотрел. Вода стала мутной, но глиняное тесто в ней почему-то не появлялось.

Дон Куркурузо быстро запыхался. Вытер локтем лоб и виновато посмотрел на Лешу.

— Возраст сказывается. Одышка…

— Дайте я попробую…

— Нет-нет! Ни в коем случае не смею вас затруднять!

Дон Куркурузо опять склонился над лоханью и так заработал руками, что колпак его совсем скособочился. Блестящее пенсне металось и прыгало на кончике носа и наконец не удержалось — полетело в лохань.

— Ай-яй-яй, какая досада! — Дон Куркурузо выволок его и побежал промывать стекла под краном.

А Леша в этот момент как раз вспоминал кино про древних гончаров. Как они месили глину.

— Авдей Казимирыч, я попробую!

Леша был без сандалий. Он прыгнул в лохань и увяз до середины икр в жидкой глиняной каше.

— Ай, что вы делаете!

— Все в порядке!

Каша оказалась теплая, было даже приятно. Леша бодро зашагал на месте, выдергивая то одну, то другую ногу. А дон Куркурузо топтался рядом и жалобно говорил, что ему очень неловко позволять Леше заниматься таким тяжким трудом.

— Да ничуть не трудно! — весело заверил его Леша. Но потерял равновесие и едва не выпал из лохани. Маг ухватил его за руки.

— Осторожнее, пожалуйста!

Они посмотрели друг другу в лицо и неожиданно оба расхохотались.

— Вы меня заряжаете своей жизнерадостностью! — объявил дон Куркурузо. — Я молодею.

— Тогда не отпускайте меня! Будем вместе плясать! — И Леша, поворачиваясь, затанцевал в лохани, а дон Куркурузо вокруг нее, и они не

отпускали руки друг друга.

— Изумительно! — восклицал Авдей Казимирович. — Восхитительно!

А у Леши сама собой придумалась песенка, которую он тут же и запел без стеснения:

Нет, не будет
Слишком длинной
Наша славная работа!
Мы замесим
Эту глину
За два счета,
За два счета!

— У вас замечательный стихотворный дар! — воскликнул дон Куркурузо.

— Да нет, это случайно придумалось!

— Не скромничайте! Бочкин рассказал мне про стихи, с помощью которых вы победили Людоедова. В них удивительная поэтическая сила!

Леша опять засмущался и сказал с натугой:

— Ну вот, кажется, замесили… — Глина стала уже густой.

— Дайте-ка я сделаю для пробы блин! — Дон Куркурузо ухватил порцию глины и слепил в ладонях лепешку. — М-да… Почти готово, но

попадаются комочки… Позвольте, сейчас я поработаю…

Но Леша не позволил. Весело замаршировал в лохани опять и продолжил песенку:

Дон-дон,
Длин-длин,
Комом вышел
Первый блин.
А из блина
Из второго
Скоро слепим мы
Корову!

— Чудесно, чудесно! Теперь уже готово, я чувствую!

Дон Куркурузо помог Леше выбраться из лохани, потом они поднатужились и вывалили глиняное тесто на каменный пол. Леша хотел тут же приняться за лепку, но маг сказал, что для коровьей скульптуры нужен каркас. И ловко скрутил его из железной проволоки: тощие ноги, хребет, голову в виде рамки с рогами.

Вдвоем они облепили вязкой глиной этот скелет.

— Ну а теперь нужна рука мастера, — заявил

дон Куркурузо и отошел в строну.

Леша… ох, ну какой же он мастер? И коров-то он видел в натуре всего два раза, у знакомых в деревне. Но никуда не денешься, раз уж взялся…

Скоро Леша пришел в отчаяние. Получалось какое-то непонятное существо на толстых ногах, с похожим на бочонок туловищем и с глупой губастой мордой. Только рога вышли, пожалуй, похожими на коровьи.

Дон Куркурузо деликатно стоял в сторонке, чтобы не соваться под руку.

— Ничего не получается, — чуть не со слезами выговорил Леша. — Уродина какая-то…

Но дон Куркурузо с неожиданным восторгом заверил его, что корова замечательная. Да-да! Смотрите, какая симпатичная добродушная голова, какой просто живой хвост! И как уверенно стоит она на ногах! В ней ощущается удивительная жизненная сила и энергия! Это как раз то, что нам надо!

Леша повеселел. Он решил, что магу виднее.

— Только нужно добавить некоторые детали, — подсказал дон Куркурузо.

— Я понимаю, — вздохнул Леша. — Но я совсем не помню, сколько сосков на коровьем вымени.

— Совершенно не важно!.. Впрочем, делайте

семь! Волшебное число…

Леша так и сделал. Потом еще вылепил на коровьих ногах раздвоенные копыта, отошел и со стороны посмотрел на глиняное существо, брюхатое, разлапистое, с пухлыми улыбчивыми губами.

— Думаете, годится?

— Уверяю вас, прекрасная корова!.. Теперь ее следует подсушить…

Дон Куркурузо повернул к корове растопыренные ладони, и даже Леша ощутил, как от этих ладоней идет волшебное тепло. От коровы пошел парок, она посветлела.

— А сейчас предстоит очень ответственная операция…

В комнате-пещере был большущий камин. Точнее, каменный очаг с медной решеткой. В очаге установили треножник, на него положили противень, а на этот железный лист поставили корову. Она была очень увесистая, хотя Леша предусмотрительно сделал туловище пустым (и с дыркой для выхода горячего воздуха при обжиге; иначе беднягу разорвало бы).

Дон Куркурузо положил в очаг поленья, сунул под них бересту для растопки. Достал из шкафа коробок со спичками. Коробок был большущий,

спички — размером с карандаш. «Специальные, — понял Леша. — Для колдовского огня».

Дон Куркурузо начал чиркать спичками и при этом что-то пришептывал. Наверно, магические слова. Но пришептыва-ние не помогало. Спички шипели, пускали едучий дым и не зажигались.

— Ах ты, наказанье какое… — бормотал дон Куркурузо.

«Коробок старый, истерся», — подумал Леша. И захлопал себя по бедрам. Он был в своих любимых вельветовых штанах — коротеньких, но с большим числом карманов, где лежало множество полезных вещей. Мама про эти штаны говорила: магазин «Тысяча мелочей». В левом боковом кармане Леша нащупал спичечный коробок. Правда, спичек в нем не было, а лежали глиняные шарики для рогатки, но коричневые боковинки были свежие, не исцарапанные.

— Авдей Казимирович, вот!

— Увы, мой друг, это не годится! Волшебные спички полагается зажигать лишь о волшебный коробок… Да дело не в коробке и не в спичках, а во мне. Ослабело мое колдовство. Старость… А тут еще, на беду, потерял я где-то свой колпак со звездами. Без него ужасно неловко. А газетная замена — это, знаете ли, не то.

— А разве вы с помощью колдовства не можете сделать новый колпак?

— К сожалению, тут замкнутый круг: без колпака волшебство срабатывает плохо, а с плохим волшебством колпак не сделаешь.

Леша подумал. Попросил осторожно:

— А вы попробуйте. Еще разок… Ну, пожалуйста.

— Попытка не пытка. Только едва ли будет прок…

Сидя у очага на корточках, дон Куркурузо взялся пальцами за газетный колпак на голове, зажмурился, забормотал что-то, раскачиваясь.

Леша быстро прошептал:

Чоки-чок, Чоки-чок,
Тут большого чуда нету:
Ну-ка, превратись, газета,
Ты в волшебный колпачок…

И… ура! Газета потемнела, стала синим бархатом. На колпаке заблестели серебряные звездочки.

Дон Куркурузо открыл глаза. Секунду сидел неподвижно. Снял колпак, завертел перед носом.

— Удивительно! Невероятно! Непостижимо! Настоящий!

Он вскочил, опять нахлобучил колпак, лихо чиркнул

спичкой-великаншей — та запылала, как факел. От этого огня вмиг загорелась береста, пламя охватило поленья. Дон Куркурузо быстро закрыл зев очага железной заслонкой.

— Дрова мигом сгорят, а жар останется, и все пойдет как надо!.. Но признайтесь, мой друг, это ведь вы помогли мне с колпаком! Не так ли?

— Маленько, — прошептал Леша.

— Наверняка с помощью своего «Чоки-чока»! А?

— Ага, — выдохнул Леша.

— Скажите же наконец, как вы стали обладателем такого чудесного заклинания?

— Случайно… Еще давно как-то мама его сказала… Мы с Дашей болтали за столом и баловались, а мама и говорит: «Чоки-чок, зубы на крючок. Кто слово скажет — тому щелчок!» И мы правда замолчали… А слова эти потом ко мне будто прилипли. И оказалось, что волшебные… Только они не всегда помогают…

— В каких же случаях это заклинание не оказывает нужного действия? — осведомился дон Куркурузо.

— Ну… во-первых, когда рядом нет другого

волшебства. А кроме того, не всегда ведь найдешь рифму на «чок». Вот, например, хочу насчет Ыхала и Дуняшкина узнать, а ничего не придумывается…

— Не могли бы вы подробнее рассказать о своих затруднениях?

Леша рассказал. О том, как Ыхало и Лунчик Луняшкин улетели и как он и Даша тревожатся.

— Одну минуту, — сказал дон Куркурузо. И подошел к старинному телефону, который висел у дверного косяка. Снял трубку, подул:

— Алло!.. Дайте, пожалуйста, справочное «Селена». Благодарю… Справочное? Будьте любезны, скажите, не было ли у вас на Луне за последний месяц гостей с Земли?.. Что? Много?.. Кто такие и как зовут? Видите ли, это довольно запоминающиеся существа. Одно — похоже на косматый самовар, имя у него Ыхало. А другое — несовершеннолетний месяц, Лунчик Луняшкин… В самом деле?! Сердечно благодарю! Да, соедините, пожалуйста…

Дон Куркурузо подмигнул открывшему от удивления рот Леше. Подул в трубку снова:

— Алло! Это гостиница «Кратер дракона»? Скажите, пожалуйста, не живут ли у вас гости с Земли, Ыхало и Лунчик Луняшкин?.. Что значит

«по межпланетному телефону таких сведений не даем»? Мне что, самому прикажете для этого на Луну лететь?.. Что значит «ваше дело»? Вы знаете, барышня, с кем разговариваете? Я Главный маг Астралии Гран-Палтус дон Куркурузо, волшебник первого разряда, кавалер ордена Лунного луча… Давно бы так… — Он слушал довольно долго, потом проворчал: — Благодарю вас. Но в следующий раз будьте полюбезнее…

И он весело повернулся к Леше.

— Ваши друзья живы-здоровы, живут в гостинице «Кратер дракона». Но сейчас их там нет, потому что с утра они отправились в Центральный луна-парк. А вечером собираются на представление в один из цирков. Известно ведь, что цирков на Луне великое множество.

— Большущее вам спасибо! — расцвел Леша. У него с души свалилась тяжесть. Он посмотрел на очаг, в котором гудело за железной заслонкой пламя. — Авдей Казимирович, а долго корова будет обжигаться?

— Боюсь, что долго. Вот если бы мы успели поставить ее в очаг до полудня, тогда другое дело. А то ведь управились только в первом часу…

— Как в первом часу?! — подскочил Леша. — Батюшки мои…

— Что случилось? — перепугался дон Куркурузо.

— Ох и нахлобучка мне будет! И вполне заслуженная… Мама думает, что я ушел ненадолго в сад, а теперь даже к обеду не успею… Позвоните, пожалуйста, Бочкину, чтобы скорее приплыл за мной!

— Ай-яй-яй… — встревожился и дон Куркурузо. Засеменил к телефону. Леша вслед ему спросил:

— Можно я вымою под краном ноги? А то если появлюсь дома с опозданием, да еще в таком виде…

Ноги у Леши почти до колен были в подсохшей глине.

Дон Куркурузо оглянулся. Взялся за кончик носа. Помигал своими зелеными добрыми глазками.

— Знаете что… Вы мне так замечательно помогли с колпаком! Я вам тоже сделаю подарок!

Он прищурился, пошептал и щелкнул пальцами. И на ногах у Леши вместо глины появились сапожки!

Они были из серой узорчатой замши, с отворотами. Вроде мушкетерских, но маленькие и очень легкие. Отвороты свободно болтались вокруг ног, но сами сапожки охватывали ноги

плотно и удобно. У них были красные каблучки. Но самое главное — на них блестели золотистые шпоры-звездочки.

— Ух ты… — прошептал Леша, переступая и позванивая шпорами.

— Это семимильные сапоги. Вам надо представить то место, где вы хотите оказаться, и скомандовать: «Шагом марш!» И вмиг будете, где пожелали.

— Правда? Значит, я не опоздаю к обеду!

— Ни в коем случае… Только, к сожалению, сапоги одноразовые. Носить вы их сможете сколько угодно, но волшебства больше не будет. И лучше не старайтесь его вернуть. Даже вашим «Чоки-чоком»…

— А что будет, если попробую? — опасливо спросил Леша.

— Всякое может случиться. Могут развалиться. А не исключено, что и удерут куда-нибудь. Одни, без хозяина…

— Ладно, я не буду…

— Очень хорошо. А когда мы сможем увидеться с вами опять? Ведь наше дело не закончено.

— Завтра утром!

— Прекрасно. Корова к тому времени остынет, и я покрою ее белой краской. А вам останется

нанести узоры.

— Только позвоните, пожалуйста, Бочкину, чтобы Проша пригнал поезд к моему дому.

— Можете не беспокоиться. Всего вам самого доброго. До встречи.

Леша закрыл глаза. Представил, что он в саду, у своего окошка.

— Шагом марш!

Он думал, что его завертит, понесет по воздуху в стремительном полете. Но только на секунду закружилась голова. И когда он опять поглядел перед собой, увидел знакомое окно, а в нем — Дашу.

— Лешка! Откуда ты свалился?

— Прямо оттуда…

— Мама уже спрашивала: «Где его носит?»

— Сильно волнуется?

— Пока не очень… Ой, Леш, откуда у тебя такие сапоги?

Леша через подоконник забрался в комнату. Похвастался сапожками перед Дашей и спрятал их под кровать. А потом начал подробный рассказ про дона Куркурузо и глиняную корову.

Даша слушала, удивлялась и завидовала. Но все же главным образом ее интересовали сапожки.

— Надень еще раз. Ну пожалуйста!

Леша надел. Прошелся, постукивая каблучками, позванивая золотистыми звездочками.

— Подожди-ка! — Даша, поджав забинтованную ногу, припрыгала к шкафу, достала оттуда мамин красный платок с бахромой. — Вот, возьми плащ. И еще надо шпагу…

Леша охотно надел через плечо свой узкий пластмассовый меч в красных ножнах.

— Теперь ты прямо настоящий принц! Можно будет сделать костюм для новогоднего карнавала.

— Ага… Только мама скажет: откуда сапоги? Рассказывать про Астралию, что ли? Она знаешь как заволнуется! «Куда это вы ездите, в чужую страну!»

— Можно сказать, что Ыхало подарило, — нашлась Даша.

— А кто говорил, что обманывать нехорошо? — поддел Леша.

— Ну, тогда… Ыхало вернется, мы с ним посоветуемся.

— Да, насчет Ыхала новости! — спохватился Леша. И принялся рассказывать, как дон Куркурузо звонил на Луну.

Даша очень обрадовалась, что с Ыхалом и Лунчиком все в порядке.

— А этот дон Кукуруза, видимо, замечательный волшебник!

— Кур-ку-рузо!.. Конечно, замечательный. Он обещал тебе лекарство для ноги… Ох, а я забыл! Но завтра обязательно привезу…

ПРОДОЛЖЕНИЕ СПЛОШНОГО КОЛДОВСТВА

На следующий день мама уехала на дачу к своей подруге. Сказала, что до вечера. Велела хозяйничать дома папе. А папа сказал, что пусть хозяйничают дети — не маленькие. Сам же папа засел в мастерской: он работал над новой картиной «Облачное небо и птицы над старой мельницей в ветреный вечер».

Леша понял, что большого переполоха не будет, если даже он опоздает к обеду.

— Но все же ты постарайся вернуться скорее, — попросила Даша. — А то я все одна да одна.

— А тень-Филарет?

— Да ну его! Он где-то шастает. Может быть, он за тобой увязывается незаметно.

Леша подумал, что это в самом деле может быть.

— Сапожки-то наденешь? — спросила Даша.

— А как же! Мне все равно больше не в чем ходить, сандалии-то остались там, на Желтых

Скалах…

До Пристани Леша добрался без приключений. Даже бабка на станции Чьитоноги не грозила из окошка. Но Бочкин встретил Лешу с виноватым и расстроенным лицом. От досады он даже колотил себя в обтянутую тельняшкой выпуклую грудь, и внутри у него гудело.

— Ужасная неприятность! Людоедов сбежал!

Оказалось, что коварный Пурген Аграфенович делал вид, будто покорился судьбе, а на самом деле разрабатывал план побега. В своем кармане от отыскал семечко ядовитого табака, вырастил из него в уголке своего жилища целый куст, высушил его, размолол на крошки и старательно истолок в пыль. Этот едкий порошок Людоедов бросил в морду Лилипуту, когда тот сопровождал его на прогулке. Пока бедный пес верещал и катался по траве, беглец скрылся в лесной чаще. Где его теперь найдешь?

Лилипут, увидев Лешу, заскулил и стыдливо полез под крыльцо. Конечно, ему было ужасно неловко: такой большущий, такой зубастый — и не смог задержать беглого злодея. Из-за какого-то вонючего порошка!

Леша вытащил пса из-под ступеней, обнял за шею.

— Не расстраивайся, Лилипутище. Фиг с ним, с Людоедо-вым. Он теперь такой напуганный, что все равно близко не сунется…

— Оно, может быть, даже и лучше, что так обернулось, — смущенно сказал Бочкин. — А то, честно говоря, хлопот с ним. Морковку жрал по три пуда в день, половина деревни Мудрые Зайцы на него работала. Проша замучился…

Леша согласился. И стал рассказывать о вчерашних делах. Похвастался сапожками. Видя, что он не очень огорчен бегством своего врага, Бочкин и Лилипут повеселели. Бочкин сказал, что на «Отважном Оресте» уже разведены пары, можно отправляться на Желтые Скалы немедля.

На этот раз Бочкин проводил Лешу к дону Куркурузо (и Лилипут с ним). Главный маг и начальник станции Пристань по-приятельски поздоровались. Бочкин присел на диван. Объяснил:

— Сегодня оставил дежурить Прошу. Пускай привыкает. Скоро сдаст экзамен, будет полноправным помощником начальника станции.

Дон Куркурузо потирал руки и нетерпеливо поглядывал на Лешу. Корова стояла на столе. Она была покрыта ровной белой краской. А краски для росписи были тут же — темпера в пузырьках

всевозможных цветов. В деревянном стакане стояло не меньше десятка разных кисточек.

Леша сбросил сапожки и забрался на стол. Сел перед коровой на корточки.

Накануне Леша разглядывал папины альбомы с разными народными игрушками. Были там и цветные фотографии глиняных расписных коров. И Леша уже в основном придумал, как он раскрасит это волшебное животное.

Один коровий бок он сделал черным. Другой оставил белым, но украсил его двумя крупными рыжими пятнами. Темпера была, видимо, тоже волшебная — ложилась великолепно и сохла моментально.

На бело-рыжем боку Леша изобразил несколько радужных кругов и пустил по всему полю крупные васильки. На черном боку нарисовал он цветы подсолнуха, причем самый большой — с веселой рожицей посредине.

Хвост Леша покрыл рыжей краской, морду оставил белой, но вокруг левого глаза намалевал большущее черное пятно.

Глаза он сделал синими. И они заблестели так живо, что не пришлось даже наносить искусственные блики…

Может быть, Леша и не решился бы на такую

смелую раскраску, но дон Куркурузо подбадривал его восклицаниями. Стоял рядом и то и дело вскрикивал:

— Восхитительно! Поразительно!.. Смотрите, Бочкин, какая экспрессия красок!..

Бочкин соглашался, гулко и одобрительно покашливал. А Лилипут колотил хвостом по полу.

Леша выкрасил в розовый цвет коровьи губы, и выражение морды у нее сделалось веселым и дурашливым.

Леша взялся за рога. Он решил, что левый будет ярко-желтым, а правый вишневым.

— Изумительно! — воскликнул дон Куркурузо, когда работа была окончена. — Только, если вас не затруднит, пометьте рога знаками. На левом нарисуйте белой краской минус, а на правом плюс.

— А, это как на батарейке! Разные полюса напряжения!

— Совершенно справедливо. Полюса напряжения волшебной энергии, разрывающей блокаду и соединяющей разные берега пространства… Теперь мы должны замкнуть их медной проволокой!

Дон Куркурузо, шлепая туфлями, поспешил к шкафу. Начал искать на полках. Иногда бор-

мотал:

— Ах ты, досада какая… Когда нужно, ничего под руку не попадается, как назло.

Леша зашарил в своей «Тысяче мелочей». Вытащил моток тонкой желтой проволоки.

— Авдей Казимирович, такая годится?

— Что?.. О, прекрасно, прекрасно! Вы меня опять выручаете! Позвольте…

Дон Куркурузо щипцами откусил от мотка полметра.

— Сейчас сделаем узелок… Вот так… А это — вот сюда… — Концы проволоки он намотал на кончики рогов. Проволока натянулась как струна. Металлический узелок оказался точно посредине.

Глаза у коровы блестели так живо, что казалось даже, будто она следит за доном Куркурузо.

— Ну-с, а теперь пора! — заявил дон Куркурузо торжественным тоном. И сделался строгим. И взял палочку, похожую на маленькую указку.

«Волшебная палочка», — понял Леша. И заволновался.

Бочкин, кажется, тоже заволновался. Встал с дивана.

Лилипут перестал стучать хвостом.

Дон Куркурузо поправил колпак и предупре-

дил:

— Если вокруг слегка потемнеет, не тревожьтесь, это обычное в таких случаях явление.

У Леши заколотилось сердце.

Дон Куркурузо плавно и величаво поднес палочку к проволоке. Кончиком коснулся узелка…

Ничего не случилось.

Дон Куркурузо подумал, поправил палочкой сидящее на носу пенсне. Озабоченно произнес:

— Кажется, напряжение недостаточное… Увы, именно этого я и опасался.

— Потому что корова неправильная? — сокрушенно спросил Леша.

— Корова прекрасная! Но необходим дополнительный фактор! Иначе говоря, требуется заклинание. Оно послужит как бы трансформатором для повышения энергетического потенциала. Я, наверно, непонятно выражаюсь? Простите…

— А вы знаете это заклинание?

— Конечно, нет! Его просто не существует! Его надо придумать… Но, увы, заклинание это должно быть стихотворным, а в этой области у меня ни малейших талантов… — И Главный маг выжидательно глянул на Лешу.

— Про что заклинание-то? — насупленно поинтересовался Леша.

— Несколько строчек. В них обязательно должны быть слова «корова» и «колдовство».

Леша вздохнул:

— Но у меня ведь стихи получаются очень неуклюжие.

— Это неважно, уверяю вас!

Леша сел на пол, прислонился спиной к мохнатому Лилипуту, обнял коленки, зажмурился и зашевелил губами.

Минут пять прошло в тишине. И тишина эта сплошь состояла из тревожного ожидания.

Наконец Леша неловко заговорил:

— Ну… если вот так…

На лугу стоит корова,
У нее рога.
Меж рогами тонкий провод
Свяжет берега.
У коровы круторогой
Просим одного:
Пусть откроет все дороги
Это колдовство…

— Восхитительно!!! — завопил дон Куркурузо тонким голосом, который, кажется, называется фальцет.

Он схватил Лешу за руки и заплясал с ним, высоко вскидывая ноги в полосатых штанах. Потом кинулся к погасшему очагу, торопливо отыскал там крупный уголь и бросился к стене, на которой была написана таинственная формула.

— Сейчас мы начертаем ваше произведение, и тогда дело, несомненно, пойдет на лад!

Встав на цыпочки, дон Куркурузо начал писать крупные печатные буквы. Из-под угля сыпалась черная пыль, а на стене строчка за строчкой появлялись Лешины стихи.

Наконец дон Куркурузо вытер пальцы полой халата и снова принял торжественный вид.

— Ну-с, приступим… Для начала давайте вместе прочитаем эти волшебные строки.

Он стал дирижировать, и все, кроме Лилипута, начали декламировать: «На лугу стоит корова…» Леша — смущенно, дон Куркурузо — громким фальцетом, а Бочкин — басовито и гулко, будто объявлял о прибытии поезда.

Затем дон Куркурузо опять сделал плавное движение и палочкой тронул узелок на проволоке.

— Гм… должна появиться искра…

Не было искры. И вообще ничего необыкновенного не случилось. Леше только показалось, что у коровы шевельнулся хвост, но это явно потому,

что Леша волновался.

— Странно… — пробормотал дон Куркурузо. Он был похож на ученика у доски, который оправдывается, что «знал, но забыл». — Ничего не могу понять…

Он взялся двумя пальцами за нижнюю губу. Повернулся к стене с заклинанием и формулой. Долго смотрел на нее и вдруг хлопнул себя по затылку — так сильно, что звездный колпак съехал на лоб.

— Ну конечно же! Ведь в формуле написано: корень из двенадцати! А в заклинании всего восемь строк!.. Леша, на вас вся надежда. И хорошо, если бы… Ну, вы сами понимаете.

Леша понимал. Ничего тут не выйдет без «Чокичока». Надо было сразу его как-нибудь вставить, да Леша постеснялся: вдруг Авдей Казимирович решит, что мальчишка самозванно лезет со своим колдовством. Но теперь…

Леша опять зажмурился. Побормотал. И поднял с пола уголь. Начал писать на стене:

Чоки-чок, чоки-чок,
Сена подарю клочок.
Ты за это старой сказке
Новый дай скорей толчок.

Леша писал старательно, как на классной доске. Следил, чтобы не было ошибок. Он был грамотный ученик.

Он писал, а остальные тихо дышали у него за спиной. Только один раз дон Куркурузо прошептал:

— Превосходно…

Леша поставил точку остатком уголька и оглянулся. Дон Куркурузо веско произнес:

— Нет никакого сомнения, что сейчас мы получим нужный эффект!

И все оглянулись на корову.

Коровы не было…

То есть она была, но не на столе. Она ковыляла на своих толстых ногах к приоткрытой двери.

Все, даже дон Куркурузо, так поразились, что несколько секунд стояли не двигаясь.

Леша опомнился первый:

— Держите ее!

Мешая друг другу, они кинулись к выходу. При этом Лилипуту отдавили лапу, дон Куркурузо уронил колпак, а Бочкин на секунду застрял в дверном проеме.

Корова неуклюже, но быстро ковыляла вниз по ступеням.

Леша ухватил ее, тяжелую, шевелящуюся, за

бока.

— Ты куда? Кто тебе разрешил?!

Корова замычала и забормотала что-то неразборчивое, но похожее на речь. И завертела головой.

Дон Куркурузо наклонился над ней.

— Еще раз, пожалуйста…

Корова повторила непонятную фразу. Дон Куркурузо озабоченно перевел:

— Она отказывается работать в таких условиях. Потому что голодная. Говорит: написали, что дадут клочок сена, и обманули.

— Ой-ёй… — виновато сказал Леша.

— Где же его взять, сена-то? — забеспокоился Бочкин.

— Сразу не насушишь. Может, свежей травки?

— У меня есть сухие целебные травы, — вспомнил дон Куркурузо, — очень душистые. Пойдем, голубушка!

Корову опять поставили на стол. Дон Куркурузо достал с полки пучок травы с засохшими желтыми цветами. Запахло лугом. Корова облизнулась красным влажным языком (который Леша не лепил и не раскрашивал!). Дон Куркурузо сунул ей траву в пасть. Корова зачавкала…

Она съела с дюжину травяных пучков и нако-

нец замотала головой: больше не хочу.

— Готова, голубушка?

Корова кивнула.

Опять наступил торжественный момент.

— Ну, уж теперь-то я ручаюсь за положительный результат, — возгласил дон Куркурузо. И решительно прижал конец палочки к проволочному узелку.

Затрещало! Запахло электричеством. Зажегся на узелке белый искрящийся огонек. Но… тут же пропал. И сколько ни колотил Главный маг палочкой по проволоке, больше ничего не случилось.

— Да что же это за напасть такая! — в сердцах воскликнул дон Куркурузо. — По всем законам с третьей попытки должно было получиться!

Корова трясла головой и, кажется, показывала рогами на стену с надписями.

— Что такое? — возмутился дон Куркурузо. — Там все в абсолютном порядке, не выдумывайте, сударыня!.. Хотя… — Он придвинул пенсне ближе к глазам. — Гм… Извините, Леша, но, кажется, там ошибочка… Возможно, она и мешает…

— Какая ошибочка? — смутился Леша. Ведь он так старался, когда писал!

— Видите ли, слово «клочок» следует писать

через «о», а у вас…

Леша пригляделся. И прыгнул к стене.

— Ах ты, каракатица! И здесь успела!..

Коварная буква «а» ускользнула у него из-под пальцев и бросилась к двери. На ее месте оказалась та буква, что полагается, — «о».

Лилипут кинулся за беглянкой и прижал ее лапой к полу.

— Не имеете права! — верещала та. — Я буду жаловаться!

— А ты имеешь право лезть на чужое место?! Который раз уже! — возмутился Леша. Он схватил букву «а» за хвостик, она трепыхалась. Была она словно из бумаги от черного фотопакета. Леша решительно свернул ее в трубочку и сунул в карман, который застегивался на «молнию». — Теперь не убежишь!.. Авдей Казимирович, все в порядке, можно колдовать!

— Постойте, постойте… Позвольте мне поближе посмотреть на эту странную особу.

Леша опять вытащил букву «а». Она распрямилась и снова заверещала. Дон Куркурузо ухватил ее двумя пальцами и начал рассматривать поверх пенсне. Леша коротко рассказал о безобразиях «этой особы».

— Да-да, неприятно… — согласился дон Курку-

рузо. — Но дело в том, что при добром колдовстве рядом не должно быть недовольных. А она смотрите как возмущается… Послушайте, красавица, хотите, я найду вам подходящее место?

Буква запищала, что, конечно, хочет. Она всю жизнь мечтает о настоящей работе, а этот противный Леша и его сестра постоянно гонят ее и обижают… Что значит «никто не гнал с майки»?! Попробуйте вытерпеть, если вас засунут в стиральную машину!

— Ну-ну, успокойтесь… Вон там, в формуле, почти стерлась ваша тезка. Видите, где корень квадратный из «а»? Я посажу вас туда. Но уж будьте добры, ведите себя прилично. Это очень важная формула.

— Я буду прилично! Я всегда хотела! А они…

— Хорошо, хорошо!

Бочкин подтянул к стене стремянку, дон Куркурузо на нее забрался и с размаха прилепил букву «а» на нужное место. Она замерла, будто всегда там сидела.

Теперь-то уж ничто не мешало совершиться колдовству.

— Если и на этот раз не получится, я подам в отставку, — заявил дон Куркурузо. И уже без церемоний так хватил палочкой по проволоке,

что она зазвенела гитарной струной.

И огонек опять вспыхнул на узелке! Белый, трескучий! И больше не гас…

А вокруг стала сгущаться мягкая темнота. Сверху, в застекленные отверстия, глянула круглая луна.

— Не волнуйтесь, не волнуйтесь, — возбужденно попросил дон Куркурузо. — Кажется, получилось. Пространства открываются всегда ночью, такое правило. Эта ночь ненадолго.

И он заспешил к двери.

Все двинулись за ним.

ДОРОГА В ГОРУ

Снаружи перед дверью была маленькая каменная площадка. С нее открывался широкий вид. Сейчас это был ночной вид. Но без темноты. Ночь похожа была на голубовато-зеленый день.

Яркая луна висела почти над головой. Справа видно было широкое озеро с мохнатыми островами, а по воде, как серебряные стружки, рассыпался лунный свет.

Левее озера, где обычно можно было разглядеть лишь невысокий лесистый берег, сейчас подымалась гора.

Она была громадная. Гора-страна.

«Вот она какая, Астралия», — подумал Леша.

Внизу, на склонах горы, лежали вперемежку темные леса и возделанные поля. Среди них там и тут виднелись деревеньки с домиками под острыми крышами, с мельницами и белыми колокольнями, которые под луной блестели, как сахарные.

Ближе к вершине лес охватывал гору кольцом, как пушистый воротник. Затем он опять распадался на отдельные участки (возможно, это были сады и парки). А на вершине и вокруг нее раскинулся город. Столица…

Все это было похоже на картину Ореста Марковича Редькина, которая висела дома у Леши. Но похоже не в точности. Здесь было больше простора и удивительных подробностей.

Гора была далеко, домики казались крошечными, но Леша различал самые мелкие детали. Словно он смотрел сквозь особое стекло, которое придает картине волшебную четкость. Он различал узорчатые переплеты в окнах, чешуйки черепицы и блестящие под луной булыжники на мощеной деревенской улице.

Но больше всего он смотрел на столицу.

Это был удивительный город. Здания перемешивались в нем с деревьями. Старые стволы-

великаны стояли в одном ряду с крепостными башнями. В некоторых стволах были прорублены туннели, и бегущие по мостикам улицы протыкали эти деревья навылет.

Мостов и лестниц было множество. Мосты перекидывались через улицы, соединяли белые причудливые башни, висели на цепях над черными расщелинами. Лестницы вели к вершине.

Там возвышался замок.

Ничего похожего раньше Леша не видел. Даже на картине Ореста Марковича замок выглядел не столь причудливо.

Стоял замок не на земле. Судя по всему, он был построен на остатках дерева чудовищной величины. Похоже, что у этого дерева спилили сверху ствол, срезали на разной высоте могучие отростки и ответвления и вот на этих срезах — как на круглых площадях — поставили разной формы здания и башни с зубцами и флюгерами. Башни соединялись галереями и арками, на которых тоже стояли большие и маленькие постройки. Древесный ствол-великан был опорой для всех этих перепутанных белых сооружений. А разросшийся на нем замок напоминал пышно распустившийся цветок, который превратился в целый городок и повис над столицей.

Надо сказать, что на дереве-гиганте хватило места не только для домов и башен. Там же курчавились парковые рощицы, виднелись на срезах великанских сучьев лужайки с фонтанами и статуями…

Ниже замка, среди заросших откосов, серебряной нитью искрился бесшумный водопад.

В окнах деревень, столицы и замка горели желтые огоньки.

Кое-где на склонах лежали слоистые прозрачные облака. И в этих туманных полосах горели маленькие звезды. Словно кто-то рассыпал там граненые стекляшки.

«Может, потому и называется «Астралия»?» — мелькнуло у Леши. А еще ему вспомнились стеклянные пробки Евсея Федотыча…

Минуты две все смотрели молча. Потом дон Куркурузо произнес довольно торжественным тоном:

— Вы видите перед собой центральную область нашей страны. Эта гора называется Гора. На ней — столица. Имя столицы — Горнавер. То есть «город на вершине». И венчает столицу дворец его величества…

Над дворцом тихо проплыло круглое светлое пятнышко. И Леша разглядел, что это тетушка

Ихтилена.

— Мы там побываем? — шепотом спросил Леша.

— Разумеется. Я уверен, Леша, что вас там давно ждут. Вам следует отправиться немедленно…

— Но… — Как ни прекрасна была сказка, однако Леша не забывал про свой дом. И про маму. Она вернется от подруги, а сына нет дома. Вот будет тарарам! — Авдей Казимирович, это же далеко. Когда же я вернусь? И вообще… сейчас ночь или день?

— Ночь скоро кончится, — объяснил дон Куркурузо. — А насчет того, когда вы вернетесь… Да, вы правы. Следует принять меры. Идемте…

Он взял слегка оробевшего Лешу за плечо и привел снова в свою комнату-пещеру. Сейчас в ней было полутемно. От луны падали сквозь окна в потолке голубые лучи. Мерцали блики на ретортах и стеклянных призмах приборов.

Между рогами коровы по-прежнему горел белый огонек. Маг Гран-Палтус дон Куркурузо подвел Лешу к непонятному сооружению из металлических труб, зеркал и блестящих дисков. Посреди этого механизма неторопливо и звучно щелкал маятник. От машины пахло кислой медью и пластиковой изоляцией.

Маг поставил Лешу между двух квадратных зеркал размером с газетный лист. Пошевелил зеркала на шарнирах.

— Не бойтесь…

Но Леша все-таки боялся. Очень уж таинственно и непонятно все это было.

Дон Куркурузо отступил назад, вскинул вылезшие из рукавов руки и тонко возгласил:

— Темпос мораторис! Квинта-пинта, темпос регулярус!

Маятник замер, пропустил несколько тактов и защелкал снова.

«А дальше что?» — с опаской подумал Леша.

Дон Куркурузо уже обыкновенным голосом сказал:

— Это приставка-регулятор моей машины времени. Я ввел тебя в среду действия стабилизирующего темпорального поля. Короче говоря, с этой поры ты можешь быть в Астралин сколько угодно времени, а домой будешь возвращаться всегда через пять минут после ухода.

— Правда?! — возликовал Леша.

— Чистейшая правда. И маме уже не придется волноваться из-за тебя… — Дон Куркурузо как-то незаметно начал говорить Леше «ты». — Старайся только не набить здесь синяков и шишек.

— Да из-за шишек мама не волнуется, привыкла… Ой…

— Что такое?

— Авдей Казимирович! А если я буду не один? С Дашей или еще с кем-нибудь?

— Ты подержишь их за руку, и они станут обладать тем же свойством. Но это будет п о т о м. А теперь тебе следует идти в столицу, не дожидаясь никаких спутников. Такое у нынешней сказки условие.

— А вы… разве не пойдете со мной?

— Я пока не могу. Необходимо навести порядок в лаборатории и сделать одну срочную работу.

Леша с надеждой глянул на Бочкина и на Лилипута. Лилипут виновато шевельнул хвостом. А Бочкин объяснил:

— Нам пора на станцию. Я боюсь оставлять Прошу одного надолго, он все-таки пока без диплома.

«Ничего не поделаешь», — понял Леша.

Конечно, жутковато ему было. Идти одному в незнакомую страну, да еще ночью. Хоть и светлая она была, а все-таки ночь. Дорога пойдет через леса, а там мало ли что… Может, и Людоедов шатается неподалеку… Но с другой стороны, в новую сказку хотелось очень-очень. И Леша даже

не знал, от чего больше замирает душа: от страха или от желания. И кроме того, он чувствовал: в этом волшебном пространстве действуют свои законы и они велят ему идти. Если не пойдет, в сказке может опять что-нибудь нарушиться. А разве для этого он, Леша Пеночкин, здесь появился?

Дон Куркурузо, Бочкин и Лилипут проводили Лешу до берега. Здесь начиналась каменистая дорожка.

Дон Куркурузо объяснил:

— Сначала она пойдет около воды, потом свернет в кусты, затем соединится со старой мощеной дорогой, которая поведет в гору. По ней и шагай. Смелее.

Легко говорить «смелее». У Леши — мурашки по коже. «Даже рогатку с собой не взял», — подумал он. И решил рассердиться на себя за боязливость. Топнул каблуком. Шпора весело зазвенела. Это придало Леше храбрости.

— Ладно, я пойду…

Он пожал руки дону Куркурузо и Бочкину, потряс лапу Лилипута. Выпрямился. Повернулся. И зашагал по дорожке. Без оглядки. Зачем оглядываться, если твердо решил идти!

Он даже стал бодро насвистывать.

По-прежнему висела над головой яркая Луна, где гостили сейчас Ыхало и Лунчик. Перед Лешей двигалась по тропинке его черная тень. Она была короткая, похожая на карлика.

«Вот если хотя бы тень Филарета была со мной, — подумал Леша. — Все-таки стало бы веселее». И тогда… тогда тень-Филарет будто услыхал Лешу. Нарисовался на лунной дорожке пушистым пятном! И зашагал впереди Лешиной тени, оглядываясь и покачивая роскошным хвостом.

— Ура!.. Ты, Филаретушка, меня не бросай, ладно?

— Мр-р, мяф…

Тропинка повернула налево, начались темные кусты. В них тень Филарета, конечно, исчезла. Но Леша знал, что она рядом.

Часть III
КОРОЛЕВСТВО

КАКТУСЕНОК

Кустарник рос густо. Леше стало ясно, что пробираться здесь в темноте будет нелегко. «Недолго и заблудиться». Но едва он так подумал, как ночь стала светлеть. Очень быстро. Лунный свет погас, а небо в разрывах листьев зазолотилось. Потом оно стало синим, и сквозь кусты ударили солнечные лучи. Опять сделался день!

Засвистели, заперекликались птицы.

И все было бы прекрасно, если бы не слишком вредные кусты. Это был здешний астралийский шиповник. Цветы — очень крупные, пунцовые и белые, пахучие. Прелесть что за цветы. Но шиповник он и есть шиповник. Леша раскатал подвернутые рукава своей клетчатой зеленой рубашки, разогнул и подтянул до отказа отвороты сапожек, поднял воротник. Но это была слабенькая защита. Колючие ветки словно получили приказ не пускать пришельца. Наверно, они еще не знали, что блокада кончилась.

На мощеную дорогу Леша выбрался как после

схватки с дюжиной диких котов. Подумав об этом, он вспомнил про тень кота Филарета. На освещенных солнцем булыжниках тени не было. Застрять она не могла, значит, сбежала или носилась где-то по окрестностям. Ладно, не пропадет.

Леша оглянулся.

Кругом стоял густой лиственный лес: дубы, клены, ясени. У обочины торчал красно-синий полосатый столб с белой доской указателя. На доске черными старинными буквами было написано:

Горнавер 5 км

«Ого, — подумал Леша, — это около часа топать. А то и больше. Дорога-то в гору».

И правда был заметен подъем. Но не сильный.

Дорога была неширокая и уютная. Чуть горбатилась.

Между булыжниками росли мелкие желтые цветы. А сверху на камни и на Лешу падали лучи. Такие ласковые, что почти сразу подсохли и перестали болеть царапины.

Леша вытряс из волос мусор, опять отогнул воротник, рукава и отвороты сапожек и зашагал по выпуклым, как панцири черепах, камням. Стал посвистывать сквозь выпавший недавно зуб. Настроение сделалось прекрасное.

Скоро подъем стал круче. Кое-где попадались даже ступени — гранитные, замшелые. Но Леша усталости не чувствовал. Так прошагал он с полчаса.

Лес обступил дорогу совсем плотно, ветви переплелись над головой в лиственную крышу. В ней стоял птичий гомон и пересвист. А по камням бодро стукали каблучки и тихонько звенели шпоры.

Только птичьи голоса да собственные шаги Леша и слышал на своем пути. Но потом вверху, в сплетении ветвей, раздался шум, и перед Лешей на дорогу упал мальчик.

Упал и вскочил.

Это был зеленый мальчик. Точнее, в одежде всяких растительных тонов. Тесная кожаная курточка с узкими рукавами и шнуровкой блестела, как вымытая дождем тополиная листва. Пышные штанишки сшиты были из полос изумрудного и салатного бархата. Такие же полосатые валики над рукавами украшали плечи. На ухо был надвинут берет цвета пограничной фуражки. Даже кружева на откидном воротнике и манжетах были светло-огуречные. Лишь башмачки на обтянутых зеленым шелком ногах сверкали черным лаком и серебром узорчатых пряжек.

Да еще два пера на берете были разноцветные — алое и лимонное.

И глаза у мальчика оказались не зеленые, как можно было ожидать, а светло-карие с желтыми искорками. Волосы спускались из-под берета темными растрепанными прядками.

Несколько секунд они растерянно стояли друг перед другом — исцарапанный путешественник Леша в мушкетерских сапожках и похожий на пажа или лесного принца незнакомый мальчик.

Зеленый незнакомец, несмотря на свой живописный вид, вовсе не казался гордым. Он виновато помигал, сморщил короткий вздернутый нос и выговорил:

— Ох… Я тебя, наверно, напугал?

Притворяться не было смысла.

— Еще бы! Свалился чуть не на голову. Тут хоть кто напугается.

— Не обижайся, пожалуйста. Я не хотел пугать, я сорвался… — Он глянул вверх, забавно развел руками. — Думал спуститься аккуратно, ветка согнулась, и я — трах… — Мальчик опять сморщил нос и засмеялся, выжидательно поглядывая на Лешу. Словно приглашал и его посмеяться над таким забавным случаем.

И Леша улыбнулся. Но сразу спросил:

— Ты не ушибся?

— Не-е! Я привычный…

Ясно было, что это местный житель. Славный такой. Видно, что ничуть не задиристый.

— Ты в этом лесу живешь?

— Нет, я из столицы. А здесь я сидел и караулил…

— Кого?

Зеленый мальчик опять белозубо заулыбался.

— Тебя. Ты ведь Леша Пеночкин?

— Да! Откуда ты знаешь?

— Все ребята в Горнавере говорят про тебя. Что ты поселился в Хребтовске, в доме Ореста Редькина, и скоро у нас появишься… Да и взрослые тоже поговаривают.

Леша застеснялся такой славы. Пробормотал:

— А как узнали-то? Ведь была блокада пространства…

Мальчик сказал с неожиданной рассудительностью:

— Для слухов разве бывает блокада… — И опять повеселел: — Ну а чего мы стоим? Пошли в город! Ать-два, левой-правой!..

И они зашагали плечом к плечу.

Они были одного роста.

Леша на ходу покосился на зеленого мальчика

и неловко сказал:

— Ты про меня знаешь, кто я и откуда, а я про тебя ничего…

— А я кактусенок!

— Так зовут?

— Да не-е!.. Кактусенок — это значит из кактусят. Есть

такая гвардия в столице. Из мальчиков. Королевская. Кто хочет — записывается. Ну, там трубачи, барабанщики, дежурная стража во время всяких праздников и королевских приемов! Некоторые рыцари нас и в оруженосцы звали, но никто не пошел. Больно надо — таскать за ними щиты и другие тяжести! Кактусята — все самостоятельные и гордые! Видишь — колючки… — Кактусенок пошевелил плечом.

Леша еще раньше обратил внимание, что наплечные валики мальчика щетинятся шипами. Длиной в полспички. Похоже, что они были из зеленой пластмассы. Леша решил сперва, что это просто украшение.

— Это чтобы никто не похлопывал по плечу, — разъяснил кактусенок. — А то есть у некоторых такая привычка: вы, мол, еще маленькие, ничего не понимаете…

— Ага, это бывает, — согласился Леша.

— Вот-вот! А мы этого не любим. У нас даже песенка есть… — И мальчик звонко пропел, маршируя рядом с Лешей:

Между кленов и сосенок
Взял и вырос кактусенок.

А всего нас, кактусят,
Больше чем сто пятьдесят
.
Не задиры и не злючки,
Но торчат у нас колючки…

Леше понравилась песенка. А кактусенок потрогал шипы и чуть горделиво разъяснил:

— Видишь, у меня их по шесть на каждом плече. Это значит, что я кактусенок первого разряда.

— Чин такой? — догадался Леша.

— Ага…

— А звать-то тебя как?

— Ой, я не сказал?.. Ростислав! Это полное имя. А вообще-то Ростик… Подходящее имя для растительного существа, верно?

— Верно! — с удовольствием согласился Леша. Имя ему понравилось.

А Ростик продолжал бойкий разговор:

— Дело в том, что мы не только во дворце и

на праздниках дежурим. У нас есть еще очень важное дело: охраняем все живые растения. Чтобы никто не обижал ни деревья, ни кусты, ни даже травинки. И поэтому все больше и больше приближаемся к зеленой природе. Некоторые — совсем уже как растения. Даже вместо крови из царапин зеленый сок вытекает, потому что в нас хлорофилл. Такое травяное вещество… Вот если я, как ты, где-нибудь исцарапаюсь, сразу увидишь.

Леша подумал, что Ростик — он славный и дружелюбный, но, кажется, любит прихвастнуть. А тот вдруг остановился и попросил:

— Посмотри на мои уши… Вот отсюда, против солнца. Видишь, они тоже зеленым просвечивают.

Круглые оттопыренные уши Ростика просвечивали розовым. Леша решил уклониться от ответа и для этого тоже похвастался:

— А у меня коленки светятся. Я однажды верхом на Ихти-лене катался. Когда забирался на нее, светящаяся краска в кожу въелась и с тех пор никак не отмывается… Только это в темноте можно видеть, а сейчас незаметно.

Ростик поверил и посмотрел на Лешины коленки с уважением, хотя сейчас они были самые обыкновенные: не совсем чистые и очень поца-

рапанные — как и весь их хозяин. Леша тоже посмотрел и сообразил, какой он потрепанный по сравнению с нарядным кактусенком.

— Как же я появлюсь в столице такой обормотистый…

— Да ты что! Вон у тебя какие сапоги! Все рыцари как увидят эти шпоры, с зависти полопаются!

— Ну так это же одни сапоги. А остальное… Вы-то вон как красиво там одеваетесь…

Ростик махнул рукой.

— Мы там по-всякому одеваемся. Это я сейчас при полном параде, потому что в столице турнир и я должен был стоять в дежурной страже. А главный распорядитель Его Етугоро меня прогнал. За утреннее именинное дело.

— А что за именинное дело?

— Сегодня день рождения Ореста Редькина, который основал наше королевство! Разве ты не знаешь?

Леша не знал и смутился. Но тут же ловко перевел разговор:

— Я не про то спрашиваю. Тебя-то за что прогнал этот… Ету-его… Не задень же рождения!

— Для этого дня кактусята шьют специальный наряд и рано утром надевают на памятник Оресту. Так уже много лет делается, обычай такой…

Это рубашка из мешковины, а на ней колючки. Ее на памятник натягивают украдкой, потому что считается, что взрослые про это не знают. А на самом деле все знают, даже король. Он и сам этим занимался, когда мальчишкой был… Все кактусята тянут жребий, кому лезть на памятник и одевать его. На этот раз я вытянул. Ну, я все сделал как надо, а когда спрыгнул на землю, тут откуда ни возьмись Его Етугоро. И разорался: «Безобразие! Нарушение общественного порядка! Что эти зеленые хулиганы себе позволяют!..» И меня на неделю отстранил от всяких дел во дворце. Я было сунулся без спросу, но он увидел и прогнал меня окончательно… Вообще-то он даже не имеет права, потому что наш главный командир не он, а королевский учитель дон Рудо Изумрудо, граф Лукоморский, только он сейчас в отпуске… Я хотел пожаловаться его величеству, а потом думаю: «Пусть! Лучше пойду на дорогу, там подежурю, вдруг сегодня Леша появится!» И смотри, как повезло! Мне теперь все завидовать будут, что я тебя первый встретил.

«Хорошо, что ты», — подумал Леша. Ему казалось уже, что они с Ростиком давние приятели. И вообще он опять чувствовал себя замечательно. Потому что впереди — новая сказка, а рядом

— веселый товарищ. Сердце радостно стукало…

Пока разговаривали, лес кончился, потянулись поля. По сторонам видны были деревеньки с мельницами и колокольнями. Леша увидел луг, на нем паслись лошади. Несколько загорелых мальчишек на гнедых конях без седел промчались вдоль дороги, помахали Леше и Ростику руками.

Затем опять начались густые деревья. Но было уже похоже на парк. Виднелись каменные гроты, статуи, скамейки…

— Скоро столица?

— Уже почти пришли!

Среди замшелых валунов шумели маленькие водопады. С небольшого холма стекал ручей. Над дорогой было сделано для него искусственное русло — широкий железный желоб. По нему вода убегала к другому склону, и ручей терялся среди камней. Желоб местами проржавел, сквозь него били упругие струйки. Ростик и Леша проскочили под ними. Ростик успел набрать воды в ладонь и обрызгал Лешу. И сквозь смех глянул с вопросом и даже с опаской: как Леша отнесется к шутке? Не обидится ли? Можно ли им считаться уже совсем друзьями?

Леша, конечно, не обиделся. Тоже набрал при-

горшню и окатил брызгами Ростика. И оба с хохотом стали бегать друг за другом, потом остановились и встретились блестящими взглядами. Леше было так радостно, что он чуть не обнял нового друга за плечи. Но вовремя вспомнил про колючки. Тогда он взял Ростика за руку, и они опять замаршировали вверх по дороге.

И почти сразу оказались перед городскими воротами.

Это были необычные ворота. В давние времена их прорубили в стволе засохшего дерева. Ствол был толщиной с крепостную башню. Когда дерево высохло, сверху его спилили, остался этакий пень высотой с пятиэтажный дом. Его накрыли острой крышей с узорчатым жестяным флагом. Но дерево оказалось не совсем высохшим. Сквозь замшелую кору пробивались ветки с яркими листиками (похожими на тополиные). А кое-где на великанском пне выросли целые деревца.

От этой удивительной башни тянулись в две стороны крепостные стены. Местами деревянные, сросшиеся с вековыми дубами, а местами — сложенные вперемешку из валунов и потемневших кирпичей. Сквозь листву виднелись верхушки других башен. А по гребню стены шла галерея.

Над воротами висел большой гербовый щит в окантовке из позеленевшей меди. Щит был синий. На нем — зеленый дуб, белые зубчатые башни, а над башнями — золотые и серебряные звезды. Сверху полукругом расположились старинные буквы:

Астралія

Перед воротами был мостик над заросшим рвом, где в темной чаще журчала вода. Кованые створки ворот оказались распахнуты. Нижними краями они вросли в землю: видимо, ворота давно не закрывали. Стражи не было. Каждый мог понять, что королевство живет мирно и ему не грозят никакие враги.

За воротами начался город: перемешанные с громадными деревьями дома, галереи, лестницы, мостики. Улицы взбегали на эти мостики, ныряли в полукруглые туннели, которые насквозь протыкали дома и стволы. Воздух был зеленый от листвы, и его всюду пронизывали лучи солнца. Они высвечивали на фасадах добродушные львиные морды, граненые фонари и разноцветную мозаику.

От всей этой необычности у Леши весело кружилась голова.

Прохожих было мало. Встретился толстый дядька в полосатом, как матрац, костюме и обвисшей соломенной шляпе. Проворчал, глянув на Ростика:

— А, это ты утром устроил скандал у памятника…

Ростик показал ему вслед язык. А Леше объяснил:

— Злится на нас. Кактусята поймали его, когда он хотел вырубить молодые дубки, чтобы вскопать там свой огород.

Потом попалась навстречу тетушка в длинном клетчатом платье с оборками и цветастом платке. Она несла на коромысле деревянные ведра, а в руке — укрытую полотенцем корзинку.

Ростик подпрыгнул:

— Полные ведра — к удаче!.. Тетенька, можно мы напьемся?

— Пейте на здоровье, оленятки резвые… Один слева, другой справа.

Ростик и Леша напились каждый из своего ведра. Вода была холодная, вкусная. Наверно, из волшебного ключа.

— А теперь возьмите по пирожку… — Тетушка покачала корзинкой.

— Спасибо! — Ростик смело выхватил из-под

полотенца два пирожка.

Это были даже и не пирожки, а крупные пироги! С поджаристой корочкой и просто сказочным запахом. Леша только сейчас понял, какой он голодный.

Они с Ростиком еще раз крикнули доброй женщине спасибо и на ходу вцепились в пироги зубами. Начинка была из яблок. Чудо, да и только!

Сперва Леше казалось, что он может съесть с десяток таких пирогов, но доел этот и понял, что сыт. И опять полон сил.

Они стали подниматься к центру по Шахматной лестнице. Мраморные ступени перемежались с площадками из черных и песочно-желтых квадратов. На тумбах перил стояли трехметровые шахматные фигуры — тоже черные и желтые. От верхней площадки лестницы потянулась аллея с кустами, которые светились пышными белыми соцветиями — большущими, как абажуры. Леша таких раньше не видел. Пахли они, как жасмин. Аллея вывела на маленькую площадь, выложенную гранитными шестиугольниками. Из щелей росли подорожники и сурепка. А посреди площади виден был памятник. Небольшой такой, скромный.

На сером неотесанном валуне стоял мальчишка. Кажется, из бронзы. Он вытянул тонкую шею, поднял подбородок и смотрел куда-то вдаль, на горизонт. В каком он костюме, не было видно. Только босые ноги в подвернутых брюках торчали из-под мешковины. Была на мальчике грубая рубаха с деревянными длинными колючками.

— Ура, одели все-таки! — обрадовался Ростик. — Наши постарались.

Подошли ближе. Лицо маленького Ореста было знакомо Леше. Такое же, как на фотографии.

Внизу у валуна лежало множество цветов: и засохших, и сегодняшних — тех, что принесли в честь дня рождения. Леша пожалел, что у него нет с собой никакого цветочка. И решил, что потом придет сюда снова.

Постояли и пошли дальше.

— Я потом тебе весь город покажу, — пообещал Ростик. — А теперь пора на королевский стадион, там турнир в разгаре. Видишь, как мало людей на улицах, все на турнире. Хорошо бы попасть в перерыв, чтобы я поскорее познакомил тебя с королем.

— Ой…

— Не бойся. Его величество Респектабо Первый — очень хороший дядька…

— А что это за имя такое — Респектабо?

— Ну, это от слова «респектабельный». Значит, солидный, представительный. Так полагается королю. Но это он только в торжественных случаях такой. А в другое время он даже в футбол с нами играет, если не видят придворные. И за маленьких всегда заступается… Плохо только, что с семейной жизнью у него нелады.

— А что случилось?

— Развелся с королевой. Не сошлись характерами, больно уж сварливая была. И детей у них не было. Теперь у короля забота: кто его заменит на престоле. Нету наследника…

— Без наследника, конечно, плохо, — пожалел короля Леша.

Говорят, когда-то давно на Гору недалеко от вершины брякнулся большущий метеорит. Рванул так, что осталась воронка метров двести в поперечнике. В этой воронке астралийские короли потом и устроили стадион. Для всяких турниров и местных олимпийских игр. В прежние времена здесь были прекрасные колоннады, арки, лестницы, крытые места для знати. Потом все это пообветшало и пообваливалось. Но колонны еще торчали местами, как свечи. Среди них располагались ярусами скамьи для публики.

Ярко выделялся красный бархатный навес над королевской ложей. Всюду развевались пестрые рыцарские флаги. Блестели длинные золотые трубы — их держали мальчишки, одетые так же, как Ростик.

Других мальчишек и девчонок здесь тоже было полным-полно. И не только на скамейках. Они гроздьями висели на деревьях, сидели на барьере, окружавшем зеленое поле, а самые ловкие ухитрились забраться даже на верхушки колонн.

Ростик правду сказал, одевались тут по-всякому. Некоторые мальчишки, как и кактусята, были в средневековых нарядах, только не зеленых, а разных цветов. Другие — совсем обыкновенные, словно прибежали сюда из Хребтовска. А у многих в костюмах смешивались обыкновенность и старина. А были и такие, кто выглядел совсем чудно, как на карнавале: кто в индейском уборе, кто в ковбойском облачении или в пиратских фуфайках и косынках. Девчонки — тоже кто во что горазд. Одни — будто принцессы, а другие в современных, похожих на пестрые зонтики платьицах или в мальчишечьих штанах и майках.

Так же разнообразно выглядели и взрослые… Ростик знал тут все входы и выходы. Он провел гостя узким туннелем под трибуной, и они ока-

зались у барьера, который огораживал поле. В шумной толпе ребят.

Здесь у Ростика было множество знакомых. Все его весело приветствовали, а заодно и Лешу. Все говорили, что Ростик — молодец: как он лихо натянул шипастую рубаху на Ореста! Правда, вредный Етугоро приказал этот наряд с памятника содрать, но Николка Сверчок и юный граф Андрюшка де Вулканолла потом одели бронзового Ореста снова.

С Лешей тоже разговаривали по-приятельски, как со знакомым. И никто не смотрел косо, не спрашивал: откуда, мол, такой и зачем появился. А когда узнали, что это и есть Леша Пеночкин, совсем обрадовались. Маленький белобрысый Андрюшка де Вулканолла (по прозвищу Вулканчик) даже сказал:

— Ну, сейчас жизнь пойдет веселее.

— Ой, надо ведь представить Лешу его величеству! — вспомнил Ростик.

Но ему наперебой объяснили, что уже не успеть, перерыв кончается.

Леша и Ростик узнали, что до перерыва прошли все предварительные бои, в которых было «много шума и треска, но мало уменья». Король раздал медали: победившим — серебряные, в награду, а

побежденным — бронзовые, в утешение. А два самых лихих бойца сейчас встретятся в финальном рыцарском поединке, чтобы завоевать право выпить порцию знаменитого астралийского вина из хрустального королевского кубка.

Одним из бойцов оказался министр внешней охраны Аугусто-Негусто дон Сеял де Мамалыг. Он победил в недавнем поединке начальника королевской кухни Бумбура Голодного. Соперником маркиза стал барон Виття фон Люмпо-Лампо, которому удалось выиграть бой с министром финансов по имени Монья ля Порт де Монэ. Говорят, что Монья ля Порт долго ругался и упрекал судей в несправедливости, но от повторного боя отказался. Заявил: «Это надо же послушать, что они мне предлагают, эти придурки. Меня мама не роняла с главной городской башни, как некоторых…»

— Ты за кого будешь болеть в финале? — спросил Ростика Леша, заражаясь турнирным азартом.

Ростик досадливо сморщил нос:

— А! Один другого стоит. Оба вредные. Аугусто-Негус-то — лучший друг Его Етугоро. А Виття — тот просто тюфяк. Даже непонятно, как он выиграл у Моньи… Монью жалко, он хороший.

Иногда раздает ребятам мелочь на мороженое, хотя и жалуется, что в казне ничего не осталось… А еще учит какту-сят карточным фокусам…

Трубачи-кактусята перед королевской трибуной заиграли на своих длинных сверкающих трубах. Красиво так. Весь народ сразу притих. На трибуне появился толстый дядька в пудреном парике, в атласном белом камзоле и с длинным жезлом.

— Это король? — прошептал Леша.

— Что ты! Это це-ре-мо-ний-мейстер. Его зовут Туто Рюмбокало. Сейчас объявлять будет…

Туто Рюмбокало трижды грохнул о ступень жезлом и зычно, на весь стадион возгласил:

— Его величество Револьверо… э, то есть Респектабо Первый!

Публика зааплодировала. А Леша слегка испугался за церемониймейстера:

— Ему не попадет за то, что королевское имя перепутал?

— Да не-е… — махнул рукой Ростик. — Он всю жизнь так. Все уже привыкли.

— И король его не увольняет?

— Что ты! Этот Рюмбокало при дворе уже тридцать лет и всегда путает. Получается, что традиция. Король даже веселится от этого… Вот

он, король-то…

Его величество был рослый, в меру упитанный мужчина. В общем, респектабельный. А кроме этого, ничем не примечательный. Разве что белым мундиром с эполетами и белой же фуражкой, похожей на капитанскую. Впрочем, издалека не разберешь.

Респектабо Первый помахал фуражкой публике и сел. Туто Рюмбокало опять сотряс трибуну тройным ударом и объявил:

— Начинается последний и самый главный поединок! За право выпить из королевского кубка, а также за своих прекрасных дам будут биться доблестные рыцари маркиз Аугус-то-Негусто дон Сеял де Мамалыга и барон Виття фон Люмпо-Лампо де Лучина!

ФИНАЛЬНЫЙ БОЙ

Опять заиграли трубачи.

И рыцари с разных сторон выехали на зеленый ковер стадиона.

Леша глянул на рыцарей и замигал от удивления. Потом фыркнул. Он думал, что и вся публика поляжет от хохота. Потому что рыцари ехали — будто клоуны в цирке. Не на лошадях, а… ну

просто смех сказать на чем! Тощий, как Дон Кихот, Аугусто-Негусто, брякая латами, крутил педали большого трехколесного велосипеда. А маленький круглый Люмпо-Лампо восседал на сооружении, которое напоминало тощую лошадь, но весьма отдаленно… Нет, это и правда была лошадь! Только не настоящая, а из некрашеного дерева. Видимо, с каким-то механизмом внутри. Она мотала грубо отесанной головой и бодро перебирала задними ногами. А передних ног не было! Вместо них — что-то вроде большущей велосипедной вилки с колесом от телеги. Колесо вихлялось, и всадник неуверенно ерзал в седле.

Смеха, однако, не было. Видимо, здесь привыкли к таким зрелищам.

— А почему они не на конях? — разочарованно спросил Леша.

— На конях запрещено, — объяснил Ростик. — Давным-давно на турнире у одного рыцаря ранили лошадь, и Орест Редькин, когда узнал, сказал тогдашнему королю: «Пускай рыцари сами калечатся, если им охота, а лошадей надо жалеть». Ну, вот с тех пор так и ездят — кто на чем…

Леша еще хотел спросить, что за странная лошадь у барона фон Люмпо-Лампа, но тут король

опять махнул фуражкой. Третий раз проиграли сигнал трубачи, рыцари наклонили длинные копья, подняли щиты с пестрыми гербами и помчались друг на друга. Аугусто-Негусто сильно раскрутил педали, потом растопырил ноги в острых железных башмаках и дальше катил по инерции. Деревянный конь барона взлягивал на бегу, и седока встряхивало.

Рыцари промазали. Ни один не попал копьем в другого. Но, когда проскакивали мимо друг друга, маркиз Аугусто-Негусто дон Сеял острием рыцарского башмака зацепил заднюю ногу деревянной лошади барона. Лошадь сильно лягнулась на бегу и поддала задом. Круглый Люмпо-Лампо, гремя всякими наплечниками и налокотниками, покатился из седла на траву.

Стадион охнул и замер.

К упавшему подбежали двое слуг.

Лошадь проскакала шагов двадцать, потом вернулась к хозяину. Склонила набок голову и смотрела с любопытством. В наступившей тишине слышно было, как барон приказал слугам:

— На др-рова…

Слуги хотели ухватить лошадь под уздцы, но та, брыкаясь, убежала на другой конец стадиона. Только спицы в колесе замелькали.

Маркиз дон Сеял тем временем развернул свое трехколесное транспортное средство и покатил к поверженному противнику. Концом копья грохнул его по гулкому панцирю. Спросил из-под шлема:

— Признаете ли вы себя побежденным, благородный рыцарь?

Барон фон Люмпо-Лампо что-то невнятно сказал сквозь решетчатое забрало.

— Нет уж, вы отвечайте прямо! — скандально возвысил голос маркиз.

Многие из публики, почуяв, что дело принимает крайне интересный оборот, бросились на поле — поближе к месту действия. Но дежурные кактусята успели раньше и, взявшись за руки, окружили рыцарей широким кольцом. Публика остановилась: колючих кактусят здесь уважали. А кроме того, подоспели и взрослые стражники с алебардами.

Но Ростика, Лешу, Николку Сверчка, Андрюшку Вулкан-чика и еще нескольких ребят кактусята пропустили через цепь. По знакомству.

И Леша оказался совсем близко от участников финального боя.

Люмпо-Лампо лежал и постанывал. А дон Сеял опять сказал с высоты велосипедного седла:

— Нет, вы отвечайте прямо! Признаете себя побежденным?

— Но вы же не сбили меня копьем, — хнычущим голосом возразил барон. — Я свалился из-за этой проклятой клячи…

— Ничего не знаю. Я в седле, а вы на земле. Спрашиваю последний раз..: — Аугусто-Негусто поднял копье. — Признаете ли вы…

— Ну признаю, признаю, — простонал барон. — Куда де-ваться-то…

— Значит, на питье из королевского кубка вы больше не претендуете?

— Какое тут питье, у меня копчик отбит! Оставьте меня в покое… Эй, слуги, поднимите меня!

— Минуточку, — капризным тоном остановил слуг маркиз. — Вы, барон, должны признать и другое…

— Что там еще?.. Ой, мамочки, моя спина…

— Вы должны признать, что моя дама сердца герцогиня Флориэлла Дальнополянская прекраснее вашей дамы.

— Да нет у меня дамы! У меня супруга! Баронесса фон Люмпо-Лампо, вы же знаете, черт вас побери…

— Тем более! — не унимался маркиз дон Сеял. — Вы должны по-рыцарски признать, что герцогиня

не в пример прекраснее вашей баронессы!

В публике послышались смешки. Ростик сказал Леше:

— Вон его баронесса, недалеко от короля. В красной шляпке.

И Леша среди королевской свиты разглядел худую малосимпатичную тетку в заковыристой шляпке из алого плюша. Любопытно, что баронесса сохраняла полное спокойствие.

— Ну и мымра, — прошептал Леша. — Вроде нашей Леонковаллы Меркурьевны. Я бы сразу признал, что герцогиня прекраснее.

— Ага, а она дома знаешь как ему признает, — хихикнул Николка Сверчок. — Зонтиком по хребту, когда он панцирь снимет…

— Я снова задаю вам тот же вопрос, барон!.. — изо всех сил повысил голос Аугусто-Негусто.

— Что вы ко мне привязались-то? — опять захныкал барон фон Люмпо-Лампо. — Как я могу признать, что ваша герцогиня прекраснее, если я ее в глаза не видел?

— Это ничего не значит!

— Как это не значит? Нужны же доказательства! Хотя бы фотографию показали! — Видимо, Люмпо-Лампо очень боялся своей баронессы.

— При чем тут фотография? — надменно воз-

разил маркиз. — Вот мое доказательство! — И он опять крепко брякнул наконечником копья по баронскому панцирю.

Люмпо-Лампо откинул забрало и завыл в сторону трибуны:

— Ваше величество, что он привязался?! Скажите ему!..

Респектабо Первый ответил в позолоченный рупор:

— Ничего не могу поделать, барон. Таковы правила поединка. Вы же сами захотели сражаться… — Кажется, в королевском голосе звучало легкое злорадство.

— Но не могу же я говорить про герцогиню, если даже портрета не видел! — завопил Люмпо-Лампо. Пухлое лицо его в шлеме было красным и мокрым. — Все равно же это будет недействительно, заочно-то!

— Считаю до трех, — объявил маркиз дон Сеял. И опять поднял копье.

Барон быстро опустил забрало и, лежа на спине, поджал к животу упакованные в железо ноги.

— Раз… — начал маркиз.

— Да перестаньте же! Что вы как маленький, честное слово…

— Два… Имейте в виду, я воткну копье!

— Ваше величество!

— Три!.. — И маркиз начал ковырять копьем латы барона, пытаясь найти щель. Латы были хорошие, щель не отыскивалась, Барон слабо отбивался ногами.

Маркиз дон Сеял тяжело прыгнул с велосипеда, бросил копье и щит и вытянул из ножен увесистый меч.

— Ладно, сейчас я так хряпну вас, рыцарь, лезвием по шлему, что дух вон…

— Ва-а-аше величество!!

— В самом деле, маркиз, — прогудел в рупор король, — может быть, уже хватит?

— Нет, не хватит, — строптиво отозвался дон Сеял. — Если вашему величеству угодно, можете не давать мне ни глотка из вашего кубка, а насчет герцогини я своего добьюсь… — И он размахнулся, чтобы плашмя врезать мечом по шлему поверженного барона.

Кое-кто охнул и зажмурился. Леше стало жаль несчастного Люмпо-Лампо. Он шагнул вперед и звонко сказал:

— Как же вам не стыдно?! Разве можно бить лежачего?!

Маркиз очень удивился. Опустил меч. Поднял забрало. Леша увидел черные глазки, сидящие близко у горбатого носа, и похожие на стрелки часов усики.

Аугусто-Негусто проговорил с язвительной учтивостью:

— Мне хотелось бы узнать имя того, кто позволил себе делать замечания маркизу дон Сеял де Мамалыга, рыцарю Бронзового кувшина.

Леша малость растерялся. Но тут вперед высунулся Ростик:

— Зачем вам имя, маркиз? Разве вы и без того не видите, что имеете дело с рыцарем?

— Признаться, не вижу, — заявил Аугусто-Негусто. — Я вообще с трудом различаю источник этого неприличного писка. О рыцарях таких мелких размеров я не слышал…

— Дело не в размерах, — заявил Ростик. — Взгляните на его шпоры!

— Гм… Ну и что же, что шпоры! Может, он их где-нибудь стащил…

Леше стало очень обидно. И от обиды появилась храбрость.

— Эх вы! Не знаете человека, а говорите такое!

Благородный рыцарь называется!

Маркиз сделал издевательский поклон:

— Если юный хозяин золотых шпор считает себя оскорбленным, он может вызвать меня на поединок. Хе-хе… Тем более что мой прежний противник улизнул!

Барон Виття фон Люмпо-Лампо де Лучина не улизнул. Он воспользовался замешательством, отполз в сторону, поднялся и вытащил меч. И теперь стоял в боевой позиции. Это, видимо, не очень понравилось маркизу. Дон Сеял сделал вид, что не замечает противника.

А у Леши зашумело в голове. Этакий боевой дух в него вселился. Конечно, у себя в Хребтовске Леша не посмел бы нарываться на драку со взрослым дядькой, да еще закованным в латы и с мечом. Но сейчас-то он был в сказочном королевстве! Тут свои правила.

Тем более что от Леши, кажется, ждали чего-то подобного. Андрюшка Вулканчик притащил и протянул ему большущую кожаную перчатку с раструбом.

— На, брось ему! Тогда он не сможет отказаться!

А Николка Сверчок горячо прошептал Леше в ухо:

— Он же тяжелый, как груда металлолома. Ты отскочи в сторону и сунь копье в спину. Он и загремит!

Это был неплохой совет!

Но все же Леша начал трусить. Появилась наконец здравая мысль: «Ой, куда это я лезу?» Он вопросительно глянул на Ростика. Но этот лихой кактусенок был тоже заражен рыцарским азартом.

— Пока он со своей трехколесиной управится, ты десять раз увернешься! И древком его по спине!.. А пешком он тебя и подавно не догонит!

Да, от Леши Пеночкина здесь явно хотели подвига… А может, так и надо? Может, сказка специально привела его сюда для этого?

Леша постарался унять дрожь в коленках и крикнул:

— Вот вам! — И швырнул перчатку маркизу под ноги.

«Ой, что же это я делаю?..»

Аугусто-Негусто подцепил перчатку огромным железным башмаком, подбросил и поймал в кольчужную ладонь. Обернулся к трибуне:

— Ваше величество! Мне брошен вызов, и рыцарское достоинство не позволяет мне отказаться от боя!.. Но как я могу драться с таким… микро-

скопическим противником? Пускай он самых благородных кровей, но это же еще дитя! Я в него и копьем не попаду!

— Ничего не могу поделать, — ответствовал с трибуны Респектабо Первый. — Не надо было оскорблять юношу!.. Юноша, вы в самом деле рыцарь?

Отказаться бы, и дело с концом. Но Леша, обмирая от собственного нахальства, гордо вскинул голову и заявил:

— Разумеется, ваше величество!

— Прекрасно! Однако, исходя из юного возраста одного из участников, я разрешаю бой лишь до того момента, когда один из рыцарей окажется на земле. Оставшийся на ногах будет объявлен победителем! — решил король. Видимо, он понял, что маркизу нелегко будет зацепить юркого мальчишку. А в крайнем случае у мальчишки всегда есть возможность упасть в траву и оказаться в неприкосновенности.

— Но если этот рыцарь брякнется на землю, он должен будет признать, что моя герцогиня прекраснее его дамы! — потребовал маркиз. — У вас есть дама, юный рыцарь? Или… ха-ха… по причине слишком молодого возраста вы ею не обзавелись? А?

— Подумаешь, дама! У меня сестра есть! И уж она-то в тыщу раз прекраснее вашей герцогини! — громко сообщил Леша. В публике зааплодировали.

— Но вы не можете драться без доспехов, — вдруг заявил дон Сеял.

— А это уж его дело! — крикнул Ростик. — Может, ему так удобнее!

— Но щит-то у рыцаря должен быть! — не сдавался маркиз. Видимо, он почуял, что противник не так прост, и теперь не прочь был увильнуть от поединка.

— Есть щит! — раздался веселый крик в толпе ребят. Сквозь цепь кактусят проскочил маленький мальчик в красном костюме пажа и бескозырке с надписью: «Герой». Он тащил крышку от оцинкованного бачка. Тут же появилось и подходящее для Лешиного роста копье — небольшая березовая жердь с резиновым набалдашником от костыля.

Взяв оружие, Леша почувствовал себя увереннее. И подумал, что резина — это хорошо: не будет скользить по маркизо-вым латам. Но все равно под желудком было прохладно от страха.

Дон Сеял, однако, заявил, что не может драться с противником, на щите которого нет рыцарского

герба.

Леша оттопырил губу и дерзко сказал:

— Забоялся!

— Не забоялся, а имею право знать, какой герб у моего соперника! Вдруг никакого нет? Рыцарские законы не позволяют сражаться с самозванцем и салагой!

— Забоялся, забоялся! — зашумели зрители. Здесь явно болели за Лешу. Тут же сочинилась и зазвучала в разных местах песенка:

Нету герба у салаги,
Но мальчишке хоть бы хны!
А у дона вдруг от влаги
Заржавели все штаны!

— Не буду сражаться, если противник без рыцарской эмблемы! — решительно заявил маркиз. И Леша, по правде говоря, обрадовался: он ведь не виноват, что нет подходящего щита. А раз дон Сеял отказался — это его дело. Все поймут, что маркиз струсил.

Но тут совершенно неожиданно раздалось:

— Мр-мяф! — И на круглую крышку прыгнула из травы кошачья тень. По-львиному встала на задние лапы и распушила хвост!

Леша так обрадовался, что опять забыл про

страх:

— Филарет!.. Вот, смотрите, есть герб! Большой боевой

кот!

— Не вижу, — заявил дон Сеял.

— Есть! Есть! Мы видим! — закричали ребята и взрослые. — Не отпирайтесь, маркиз!

Маркиз брюзгливо сказал:

— Странный какой-то кот. Прозрачный, как тень.

— Ну и что! — гордо ответил Леша. — Это мой такой герб! Я… рыцарь Прозрачного кота, вот!

— Ура! Да здравствует рыцарь Прозрачного кота! — шумела публика.

Маркиз упорствовал:

— А на чем вы будете сражаться? Полагается верхом.

— А я могу и пешим! — опять расхрабрился Леша. А позади этой храбрости в голове у него прыгало: «Надо придумать что-нибудь с «Чоки-чоком»! Для победы…» Но ничего не придумывалось.

— Сейчас пригоним велосипед! — подскочил Ростик.

— Э, так не полагается! — заспорил дон Сеял. — У рыцаря должен быть собственный конь. Можно

сражаться на чем угодно, хоть на черте с рогами, но только на своем. Напрокат брать нельзя… Скажите ему, ваше величество!

— В самом деле! — отозвался король. — У вас, молодой человек, есть что-нибудь такое, что можно оседлать?

— Но я же не знал!.. Я пришел пешком…

— Ага! Вот видите! — обрадовался Аугусто-Негусто.

Но рано он обрадовался. Раздался шум воздуха, и прямо с неба перед Лешей хлопнулось в траву что-то темное и мохнатое!

— Леша, я здесь!

— Ыхало!

Леша сделался такой счастливый, что на глазах у всех облапил Ыхала за шею.

— Как здорово, что ты тут! Прямо как с Луны свалилось… Ой, правда с Луны?

— Разумеется! Мы с Лунчиком смотрели в большой телескоп, что тут происходит. И я поняло, что лучше мне быть рядом с тобой…

— И я понял! — Это из кармана у Ыхала высунулся Лунчик.

— Да-да, и он тоже! Я сунуло его в карман, залезло в трубу телескопа и попросило лунного астронома пощекотать мне пятки. Он пощекотал

так, что я взмыло со скоростью света! Еле успело затормозить у Земли!

— Ыхало, можно я буду сражаться на тебе верхом?

— О чем разговор! Мы этого маркиза вмиг зароем носом в землю!

Теперь Леша уже ни капельки не боялся. Он вспомнил книжки про воспитанных дворян, взял Ыхало за руку и повел к трибуне.

— Ваше величество! Позвольте представить вам моего друга Ыхало, которое любезно согласилось служить мне конем в поединке с маркизом!

— Очень приятно, — сказал Респектабо Первый. — Желаю удачи… И давайте приступать, господа. А то уже время обеда, и пора как следует подкрепиться. Тем более что в честь дня рождения нашего основателя Ореста Редькина обед обещает быть праздничным…

Потом король… незаметно подмигнул Леше.

Ростик с Вулканчиком привязали щит с тенью Филарета к правому Лешиному локтю. Это чтобы пальцы были свободными и Леша мог держаться за Ыхало. Леша сел на Ыхало и растопырил ноги, боясь зацепить своего «коня» колючими шпорами. Ыхало ухватило Лешу под коленки.

— Главное, держись крепче…

Леше подали копье. Он взял его левой рукой под мышку и выехал на поле.

В полусотне шагов от него выкатил на стартовую позицию маркиз дон Сеял. Демонстративно захлопнул забрало. На щите у маркиза был зубчатый зеленый дракон, вылезающий из бронзового кувшина. У Леши опять засосало под желудком.

Ыхало снова предупредило:

— Главное, держись крепче.

От волнения Леша не услышал сигнала трубачей. Он вдруг увидел, что маркиз лихо вертит педали и стремительно приближается. Тут и Ыхало понеслось навстречу противнику.

Батюшки мои! Какой тут бой! Удержаться бы! Леша пригнулся, вцепился в шкуру Ыхала… А дальше…

Дальше все случилось очень быстро. Не понадобились ни хитрые приемы, ни «Чоки-чок». Под носом у маркиза (когда Леша решил, что конец) Ыхало просто-напросто подпрыгнуло метра на три. И повисло в воздухе. Дон Сеял пролетел вперед, в открывшуюся пустоту, и на скорости обалдело оглянулся. При этом он неосторожно опустил ноги. Острый железный башмак воткнулся в землю, и рыцарь Бронзового кувшина с лязгом полетел в траву.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО КОРОЛЬ АСТРАЛИИ

Несколько раз Аугусто-Негусто дон Сеял перевернулся, потом сел, раскинув ноги. Помотал головой. Подбежавшие слуги сняли с него шлем.

Ыхало плавно приземлилось и рысцой подвезло Лешу к маркизу. Тот жалобно сказал:

— Это не считается. Я сам зацепился.

— Считается! Считается! — закричали подбежавшие кактусята. — Сам король так распорядился!

— Нечего было рот разевать, — заявил юный граф Андрюшка де Вулканолла.

— Ох, кажется, я сломал себе шею…

— Вы сами виноваты… — нерешительно начал Леша, но его перебил Ростик:

— Если бы, маркиз, вы сломали шею, то не разговаривали бы сейчас.

Позвякивая, подошел барон Виття фон Люмпо-Лампо и учтиво поздравил юного рыцаря со славной победой.

Леша засмущался и неловко слез с Ыхала. Опять запели трубы, и Туто Рюмбокало (це-ре-мо-ний-мейстер!) зычно объявил:

— Его величество Реставрато… э, Респектабо Первый приглашает рыцаря Прозрачного кота

подняться к королевскому креслу!

Леша еще раз виновато посмотрел на маркиза и пошел к трибуне. Заправил на ходу рубашку, отряхнул штаны. За ним двинулись, как свита, Ыхало, Ростик, Вулканчик, Николка Сверчок, несколько кактусят и мальчик в бескозырке с надписью: «Герой».

Леша опять вспомнил, что надо держаться по-придворно-му, как в книжках. Он хотя и волновался, но ловко, со звоном шпор, взбежал по каменным ступеням и опустился перед королем на одно колено.

— Ваше величество! Я…

— Ну, полно, полно! — замахал руками Респектабо Первый. — Что за церемонии, встаньте, пожалуйста!.. Теперь-то, молодой человек, вы ответите на наше любопытство и назовете свое имя?

Леша разглядел, что у короля добродушное лицо с симпатичной бородавкой на носу. Он поднялся и стал соображать: как лучше представиться? Но тут из-за его плеча сунулся Ростик:

— Ваше величество! Это же Леша Пеночкин! Тот самый!

С лица короля слетели остатки важности. Оно сделалось совершенно счастливым.

— Не может быть! Леша? Который почти что родственник нашего Ореста, основателя Астралии? Наконец-то!

Он вскочил, прижал Лешу к своему мундиру.

— Немедленно во дворец!.. Благородный рыцарь Бумбур! Позаботьтесь о праздничном обеде как можно скорее!

— Нам тоже можно на обед? — довольно бесцеремонно поинтересовался Ростик.

Король оглядел свиту юного рыцаря.

— Ладно уж, валяйте… Бумбур, побольше мороженого!.. Ох, надо ведь еще закрыть турнир. Почтенный Туто, объявите…

Опята заиграли трубачи. И затем Туто Рюмбокало сообщил всему стадиону, что слово берет «его величество Регенпу-по… э, Респектабо Первый».

Король поднял рупор:

— Почтенные жители столицы! По итогам турнира первое место присуждается рыцарю Прозрачного кота, юному гостю Астралии Леше Пеночкину, прибывшему к нам из Хребтов-ска. Он вышел победителем в поединке с маркизом дон Сеял и получает право пить из древнего королевского кубка!

И под звуки труб король вручил Леше прозрачную граненую посудину, в которой колыхалась

рубиновая жидкость. Литра два, наверно.

— В честь своей победы выпейте это славное королевское вино!

Вот тут Леша перепугался, пожалуй, больше, чем перед поединком.

— Ваше величество! Я же никогда вина не пил! Да я просто помру!

Король опять подмигнул.

— Тс-с… Здесь малиновый сок.

Это другое дело! Леша запрокинул голову и начал пить. Но это оказалось дело непростое. Пил, пил, а конца нет. Уф, сейчас ремешок порвется…

— Ваше величество, я лопну…

— Ладно, давай сюда… — Король одним духом проглотил оставшийся напиток, отдал кубок кому-то из свиты и объявил, что турнир закончен.

— Поехали по дворец!

— А можно мы мимо нашего дома проедем? — запритан-цовывал мальчик в бескозырке. — Я крышку домой занесу, а то от мамы попадет.

— Можно, можно, — проворчал его величество.

Леша отдал мальчику щит.

— Спасибо тебе большое. И твоей маме.

Со щита прыгнула и удрала куда-то кошачья тень.

Королевская карета была просторная, как целая комната. Его величество и шумная ребячья компания свободно разместились на пухлых шелковых сиденьях. Мальчишки ничуть не стеснялись короля, и Леша тоже перестал стесняться.

Ростик примостился рядом с Лешей и Ыхалом.

Четверка белых лошадей не спеша защелкала копытами. Карета закачалась, как каюта на корабле, который плывет по пологим волнам. Так замечательно! Леша впервые в жизни ехал в карете. Да еще в королевской!

Он стал смотреть в окошки.

Заднее стекло заслоняли мундирными животами два гвардейца, которые стояли на запятках. Зато в боковые видны были красивые дома, столетние дубы, мраморные статуи и перила мостов, перекинутых над оврагами и бурными речками. Мосты гудели под каретой.

Мальчишки пересмеивались, вспоминая, как загремел с велосипеда маркиз дон Сеял. Хвалили Лешу и ловкого Ыхало. Король слушал этот гвалт, усмехался и подмигивал Леше, когда встречался с ним глазами. И задумчиво пощипывал на носу круглую бородавку.

Потом карета ненадолго остановилась. Мальчик в бескозырке, которого звали длинным

именем Филимон, потащил домой крышку от бачка. Но скоро вернулся с ней же. Сказал, что его мама просила подарить эту крышку Леше Пеночкину навсегда. На память о победе над Аугусто-Негусто («чтобы ему было пусто»), Леша обрадовался. Он решил, что нарисует на крышке тень кота черной краской и повесит этот щит над своей кроватью.

Карета остановилась у подножия чудовищно громадного древесного ствола, на котором располагался дворец. Ствол обвивала спиральная лестница. По ней, а потом по разным переходам, галереям и мостикам все пошли от одной дворцовой постройки к другой и наконец оказались в зеленом круглом зале с широкими окнами. В нишах между окнами стояли скульптуры: мальчишки с крылышками — видимо, амуры. Только они не стреляли из луков, а занимались кто чем: играли на барабанах и дудках, дули в паруса игрушечных корабликов, забавлялись мячиками, а двое даже поспорили — отбирали друг у друга обруч…

Посреди зала был накрыт широченный круглый стол. Со всякими тарелками, разноцветными графинами, вазами, полными винограда и яблок. С громадным тортом посредине.

Компания без особых приглашений разместилась на стульях с высокими узорчатыми спинками. Только Ыхало скромно устроилось в нише с мраморным мальчиком. Сказало, что обедать не хочет, потому что совсем недавно подкрепилось на Луне. А малыш Лунчик уснул…

Король куда-то ушел. Зато появились несколько придворных — в бархате, с золотыми цепями на груди. Наверно, министры. Тоже сели к столу.

Все притихли и чего-то ждали.

Наконец в дверях возник Туто Рюмбокало.

— Интересно, как он сейчас перепутает имя короля? — прошептал Леше Ростик. Леше это было тоже интересно.

Туто Рюмбокало трижды грохнул жезлом по паркету.

— Его величество Регуляро… э, то есть Респектабо Первый!

Мальчишки сдержанно хихикнули, но тут же умолкли и поднялись вслед за министрами. Вошел его величество. Теперь он был не в белом мундире, а в салатном, с золотым шитьем. На голове слегка набекрень сидела небольшая корона.

— Прошу садиться, господа.

— Шапку-то сними, — запоздало толкнул в бок

Филимона Николка Сверчок.

Филимон стащил со стриженой головы бескозырку, зато уселся на стуле как на лужайке — сложив калачом ноги с продранным на коленках красным шелком.

Респектабо Первый наполнил малиновой шипучей жидкостью бокал. Кактусята и остальная компания тоже взялись за бутылки с газировкой. Король объявил:

— Уважаемые гости! Я поднимаю свой королевский тост за юного рыцаря Лешу Пеночкина, известного многими славными делами. Он победил в Лиловом лесу чудовищного людоеда Людоедова! Он помог нашему славному дону Куркурузо расколдовать окружающее пространство…

«Все знает!» — удивленно подумал Леша. А король продолжал:

— Он завоевал на сегодняшнем рыцарском турнире первое место! И, без сомненья, совершит еще немало замечательных дел!

«Ох…» — подумал Леша. Но пугаться было некогда. Все опять встали.

— Ура! Ура! Ура! — гаркнули четыре министра, не теряя официального выражения лиц. Мальчишки тоже кричали «ура» — не так дружно, зато

искренней и звонче.

А дальше пошло веселье. Все ведь отчаянно проголодались и теперь без стесненья принялись за королевские яства, фрукты и сладости.

— Налегайте, налегайте, дорогие гости, — уже совсем по-домашнему подбадривал король. — Наш министр кухонного хозяйства сегодня постарался.

Министр и рыцарь Бумбур Голодный — толстый мужчина с бакенбардами — привстал и поклонился, не переставая жевать.

— Да, кушайте, господа, — вздохнул министр финансов Монья ля Порт де Монэ. Это был довольно молодой придворный с грустным носом и не менее грустными коричневыми глазами. — Кстати, знаете ли, в какую сумму обошелся королевской казне этот торт?

— Монья! — воскликнул его величество. — Ну разве это тема для праздничного обеда!

— Так и что же такого я сказал? — удивился министр финансов. — Я думаю, что юным жителям Астралии не помешает знать наши экономические проблемы… Кстати, турнир тоже обошелся недешево. И деньги за билеты едва ли покроют все расходы…

— Зато организован турнир был великолеп-

но, — поспешил сменить тему король. — Это заслуга нашего уважаемого Его Етугоро.

Теперь еще один министр привстал и поклонился. Он был тощий, в пудреном парике и темных очках. Губы у него то растягивались, то сжимались в точку.

— Я сумел бы это сделать лучше, ваше величество, если бы меня не отвлекали иные заботы. Например, сегодня утром пришлось разбираться с безобразным случаем на площади Ореста Редькина. Кстати, виновник находится здесь и как ни в чем не бывало кушает ананасное пирожное. Удивляюсь, откуда у нынешней молодежи такая бесцеремонность.

— Ябеда, — негромко, но вполне различимо произнес Ростик.

— Ну-ну, господа, не будем сейчас ссориться, — поспешно попросил король. — Вы лучше возьмите кусочек торта, господин Етугоро. Вы ведь сегодня так утомились…

— Благодарю, ваше величество, но вы же знаете, что я не ем ничего, кроме морковного пудинга. К тому же мои заботы на сегодня не кончены. И потому я прошу вашего позволения удалиться… — Его Етугоро встал и церемонно раскланялся.

Туто Рюмбокало поспешно выбрался из-за стола и объявил:

— Королевский министр, распорядитель массовых дел и праздников господин Его Етугоро удаляется по важным делам!

Господин Етугоро зашагал к дверям. Что-то неуловимо знакомое почудилось Леше в его походке.

Король помахал вслед ушедшему стаканчиком с мороженым и заметил:

— Замечательный человек. Уже десять лет при дворе и каждый день горит на работе. Хотя со странностями. Никак вот с юным поколением не найдет общего языка…

— Ну, этому поколению тоже палец в рот не клади, — проворчал Бумбур Голодный. — Вы, ваше величество, запретили бы им носить колючки. Раньше только на плечах носили, а теперь до чего дошло! Недавно дал внуку шлепка за дерзкие разговоры, а у него на штанах шипы! Два дня ходил с забинтованной рукой и не в состоянии был полноценно исполнять королевскую службу…

Юный народ опять захихикал. Послышалось:

Не задиры и не злючки,
Но у нас растут колючки…

От множества событий, пестроты и сытости Леша осоловел и немного заскучал. Стал смотреть сквозь широкие окна. С вершины Горы видны были дальние горизонты. Леше показалось даже, что он различает крыши и телевышку Хребтовска — сквозь марево сказочного пространства.

Впору было уже загрустить по дому. И зашевелилось беспокойство: а правда ли он вернется домой через пять минут после ухода? Вдруг что-нибудь нарушилось в волшебстве Главного мага? Здесь-то вон уже сколько времени прошло!

Но едва Леша начал тревожиться, как возник Авдей Казимирович Белуга, дон Куркурузо! Будто из-под паркета! Рядом с Лешиным стулом. Был дон Куркурузо в новом зеленом халате с золотыми полумесяцами. Он согнулся над Лешей и прошептал:

— Я знаю, о чем ты беспокоишься. Не бойся. «Темпос регулярус» действует безотказно.

И Леша опять повеселел.

В конце обеда король объявил, что передает заботу о Леше Ростику и его приятелям.

— До вечера. Покажите гостю столицу и развлеките играми. А я пока займусь государственными делами. — Он зевнул и поправил корону…

Мальчишки с Лешей долго бродили по запутан-

ному волшебному городу. Катались на качелях, привязанных к ветвям могучих дубов и ясеней. Купались в бассейне у водопада. Лазили по развалинам старинного замка, в котором обычно жили привидения, но теперь были в летнем отпуске.

Ыхало неутомимо ходило вместе с компанией. Лунчик сидел у него на голове и всех развлекал песенками своего сочинения.

Когда выбрались из развалин, навстречу попалась глиняная корова. Та самая, расписная, ростом с большого кота. Вышла из травы и тихонько замычала. Все ее обступили, за-удивлялись. Леша присел на корточки.

— Чего тебе?

— Скучно одной, сму-утное состояние, — сказала корова голосом усталой тетушки. — Сделай мне сыночка. Бычка.

— Как? Прямо сейчас?.. А если не получится?

— А ты не сму-ущайся, попробуй.

Набрали в замковом рву сырой глины. Леша слепил толстенького бычка ростом с котенка. Сказал неуверенно:

— Он ведь необожженный, нераскрашенный…

— Ему-у это ни к чему-у. Он и так для меня самый красивый.

И тут у Леши сочинилось в один миг:

Чоки-чок,чоки-чок,
Ты красивый самый.
Сделайся живой, бычок,
Побеги за мамой…

Едва он это произнес, как бычок дурашливо подпрыгнул и заскакал вокруг коровы. Та тоже подпрыгнула от радости. И вдвоем они умчались в густую траву, даже спасибо не сказали. Ну и ладно. Лишь бы жилось им хорошо…

В сумерках, когда над склонами Горы повисла яркая Ихтилена (а большой луны почему-то не было), затеяли игру в перекатибол. Это вроде футбола, только играют мягким, набитым травой мячом и на пересеченной местности. Мяч закатывается в буераки и ямы. А игроки не только ищут его, но и делают для другой команды хитрые засады. Как в «сыщиках-разбойниках».

Шумная была игра, увлекательная и долгая. Света от Их-тилены не всегда хватало, поэтому Лунчик тоже светил и азартно пищал.

Правила у игры были сложные. Один раз команды так заспорили, что Леше даже показалось: дело пахнет дракой. Но драки не случилось, а конопатый кактусенок Яшка Божья Коровка (королевский трубач) звонко сказал:

— Так дело не пойдет! Надо позвать его величество, он знает в правилах все хитрости!

— Разве можно из-за этого тревожить короля? — удивился Леша. — Он ведь, наверно, занят важными делами!

— А это разве не важное дело, если спор посреди столицы! — возразил Ростик. — Его величество всегда заботится о спокойствии…

Филимон и Николка Сверчок помчались во дворец и скоро в самом деле привели короля. Респектабо Первый был в фуфайке с изображением короны и в полосатых шортах. Он сказал ворчливо:

— Ну, что тут у вас? — И в два счета рассудил спор. Но заметил, что дальше играть уже поздно. Родители небось волнуются.

— И гость наш, смотрите, с ног валится.

Леша и правда почувствовал, что он еле держится и засыпает на ходу.

Все пошли провожать короля и Лешу во дворец.

— Давай я тебя понесу, — предложило Ыхало.

Леша был бы рад. Но перед ребятами неудобно. И он отказался.

Король шагал рядом с Лешей. Он взял его за плечо, и они незаметно отстали от остальных.

Только Ыхало пыхтело у Леши за спиной.

— Леша, у меня есть для тебя очень важное предложение, — негромко проговорил Респектабо Первый.

— Какое, ваше величество? — сонно пробормотал Леша.

— Что, если ты сделаешься наследником престола?

У Леши вмиг пропал сон.

— Я?!

— Да. Астралийским принцем и прочая, прочая… А когда я уйду на пенсию, станешь королем.

У Леши побежали по коже мурашки и по-комариному зазвенело в ушах.

— Но… ваше величество… Я не знаю… Я ведь хотел стать художником.

— Ну и на здоровье! Одно другому не мешает! Можно до обеда писать картины, а потом править королевством. Или наоборот… Понимаешь, необходим острый молодой ум, который подтолкнет страну на новое развитие. К прогрессу, так сказать…

— Но… я же не умею. Страной править — это ведь… не в кораблики играть, — мудро сказал Леша.

— Научишься. Чего такого? Время еще есть…

— И я… не здешний. У меня в Хребтовске мама, папа, Даша…

— Ну, разве это сложность? Далеко ли до Хребтовска, если волшебным путем? Тем более что существует «Темпос регулярус»… Видишь ли, у меня детей нет, а наследник необходим…

— Но, ваше величество! Почему бы вам не усыновить здешнего мальчика? Например, Ростика! Или еще кого-ни-будь… Они все обычаи знают и это… местные условия…

Король серьезно сказал:

— Местные мальчики — замечательные мальчики. Но у тебя самые большие права на престол. Во-первых, ты из дома, где жил Орест Редькин, основатель Астралии. Почти что его родственник. Во-вторых, ты снял блокаду с Горы и столицы…

— Дон Куркурузо снял.

— С твоей помощью. Ну и вообще…

«Что «ну и вообще»? Неужели никого другого не нашлось?» — подумал Леша. Он ничуть не был обрадован.

— Кто-то должен продолжать придумывать Астралийскую сказку, — вздохнул король. — Без этого страна захиреет. А у тебя художественное воображение…

— Ох уж…

— Правда, правда! Ты еще сам этого не знаешь в полной мере…

На Лешу опять стала наваливаться дремота. Он не удержался, зевнул:

— Ваше величество, можно я подумаю?

— Конечно! Конечно! Разве я тороплю? Подумай! Вопрос-то серьезный…

Во дворце Леша почти не помнил, как Ыхало помогло ему раздеться и улечься в просторную, удивительно мягкую постель. Даже умыться не было сил.

Леша закрыл глаза. В них замелькали старинные дома, мосты, деревья, лестницы, пестрые флаги, рыцари и ребячьи лица…

НОЧНЫЕ РАЗГОВОРЫ

Казалось, после такого бурного дня Леша должен был спать до позднего утра. Как говорится, без задних ног. Однако он проснулся в середине ночи. Поворочался, вспомнил все, что было, и вдруг почувствовал, что спать ему совершенно не хочется.

Высоко над кроватью, под сводчатым потолком спальни, дремал и светил вполсилы Лунчик.

Узорчатые створки окна были распахнуты в королевский сад (разбитый на срезах великанских ветвей, как на лужайках). Оттуда пахло какими-то полузнакомыми травами и ночной влагой. Сквозь листву мигали яркие астралийские звезды.

За окном кто-то вполголоса разговаривал.

Леша прислушался. Один голос он узнал сразу — Ыхало. А второй… Леша и про него догадался! Жалобно и скрипуче, но вполне по-человечески говорила деревянная лошадь. Лошадь звали Дромадерой. Удрав со стадиона (чтобы не быть переделанной «на др-рова»), она бродила по столице и несколько раз встречалась ребятам. Смотрела вопросительно и печально. Ростик сказал ей один раз:

— Убежала, и ладно. Живи сама по себе. Зачем тебе этот Виття?

Лошадь вздохнула, будто не деревянная, а настоящая. Потом с Дромадерой познакомилось Ыхало и о чем-то несколько раз беседовало с ней при встречах. Леше было тогда не до того, чтобы слушать их разговоры. А сейчас он подошел на цыпочках к окну и лег животом на широкий прохладный подоконник.

Лошадь чуть заметно светилась некрашеной

древесиной. А Ыхало было совсем незаметно среди темных кустов, только по голосу угадывалось, где оно. Дромадера и Ыхало беседовали на лужайке у окна.

— …А колесо-то тебе зачем? — спросило Ыхало. — Для лошади передние ноги вроде бы удобнее…

— Говорят, для пущей проходимости. Меня же не спрашивали, когда делали. Какую Виття заказал, такую и сколотили. Лошадей и живых-то не очень спрашивают, а уж такое дерево…

— Но ты ведь живая!

— А ему на это наплевать! Загонял совсем. Думает, если деревянная, значит, ни ума, ни нервов. А я, между прочим, устаю не меньше обыкновенной кобылы. И ласкового отношения хочется. А он разве понимает? Он в сто раз больше чурка, чем я…

— Бесчувственный человек, — согласилось Ыхало. — Совершенно неблагородная личность. А еще барон! Родословной небось гордится…

— Родословная! Пфы!.. — с настоящим лошадиным фырканьем отозвалась Дромадера. — У меня родословная не в пример древнее. Мой предок был троянский конь!..

— Ну и тем более незачем расстраиваться, —

утешило ее Ыхало. — Плюнь ты на этого барона, Дрёмушка, не переживай…

«Как оно ласково ее называет, — подумал Леша. — Совсем друзьями сделались…»

— Я бы плюнула, да как одной-то жить? — печалилась Дромадера-Дрёмушка. — Заводная ручка-то у Витти. А у меня завод вот-вот кончится. Свалюсь где-нибудь, как рассыпанная поленница…

— Я же тебе говорю: не бойся! Проснется Леша, и что-нибудь вместе придумаем.

— А я уже проснулся! — весело сказал Леша с подоконника.

— Ой! — испугалась и, кажется, застеснялась Дромадера.

А Ыхало встревожилось:

— Ты почему не спишь? Уж не заболел ли?

— Просто выспался! А у вас что случилось?

— Тут такое дело… — стало разъяснять Ыхало. — У Дремы внутри двигательный механизм. Инерционный называется. Ну, вроде как в игрушечном автомобиле, только большой. С маховиком. Раскрутишь, и его хватает на несколько дней. Только крутить надо особой, секретной ручкой, а она у барона. Он ведь эту ручку ни за что не отдаст. А завод на исходе… Ты уж помоги

Дрёмушке, Леша.

— А как?!

— Ну, «Чоки-чоком» своим. Средство безотказное…

— Его надолго тоже не хватит…

— Почему не хватит? Помнишь, ты мой патефон завел? Он с той поры так и вертится…

— Правда? — удивился и обрадовался Леша. — Тогда давайте попробуем! — Он прыгнул из окна в мягкую траву. — Только надо посмотреть, какой он, механизм-то…

— У меня сбоку дверца, — смущенно выговорила Дрема. — Надо крючок откинуть, она и откроется.

Леша встал на цыпочки.

— Не видно ничего…

— Минуточку! — Ыхало темной тучкой скользнуло в окно и тут же вернулось с Лунчиком. Тот спросонок недовольно стрекотал и дергался. Но в конце концов разгорелся в ладони у Ыхала.

Внутри у Дромадеры оказался тяжелый чугунный диск и какие-то шестеренки и рычажки. Диск медленно, неохотно вертелся.

Леша почесал в лохматом после сна затылке. Начал неуверенно, а закончил бодро:

Чоки-чок, чоки-чок…

Ты вертись, большой волчок…
Чтоб сто лет подряд у Дремы
Был всегда лихой скачок!

Сначала вроде бы ничего не изменилось. Но, приглядевшись, Леша заметил, что маховик вертится все быстрее и быстрее.

Дромадера наклонила деревянную голову на один бок, на другой. Прислушивалась к себе. С удовольствием сказала:

— Ого…

Перебрала задними ногами.

— Кажется, у меня свежая кровь разбежалась по жилам. Конечно, в переносном смысле… Ура! — Она подскочила. — И теперь не нужно будет заводиться?

— Очень долгое время не нужно, — порадовало Дрему Ыхало. — А когда потребуется, Леша подзаведет.

— Я вам так благодарна, так благодарна!.. Пускай теперь Виття ездит на ком хочет! Хоть на собственной баронессе! Только на нее где сядешь, там и слезешь, ха-ха! И-ххо-хо!..

Дромадера встала на дыбы и потанцевала на задних лапах, а переднее колесо у нее при этом крутилось, как брошенный рулевым штурвал.

— Всю жизнь мечтала быть свободной! Буду гулять, где хочется, и катать на себе детей! Это самое приятное занятие, я всегда о нем мечтала!.. А теперь давайте я прокачу вас!

— Давай!.. Ыхало, подсади меня, пожалуйста! — И Леша взгромоздился на Дромадеру. — Надеюсь, ты без заноз?

— Я очень гладко оструганная лошадь!

Ыхало устроилось позади Леши, а Лунчика уложило спать в карман.

И они поехали!

Это была чудесная прогулка по волшебной ночной столице! Как большущие светляки, горели в листве редкие фонари, белели в сумерках мраморные статуи рыцарей и прекрасных дам, шептались и ворковали под мостами ручьи и маленькие водопады. Лишь в одном месте было оживленно: на площади с цветными лампочками танцевала молодежь. На Дромадеру и седоков никто не обратил внимания…

На небо выплыла Ихтилена, рассеяла по улицам желтый мягкий свет. Лунчик высунулся из кармана:

— Мама, привет!

Тетушка Ихтилена опустилась совсем низко и ласково помахала плавниками.

Вернулись к дворцу, когда сквозь деревья стал проступать рассвет.

Леша сказал Дромадере спасибо и через окно вернулся в спальню. Снова захотелось подремать, и мягкая постель казалась очень уютной.

Ыхало осталось в саду с Дромадерой.

Леша сладко зевнул и натянул шелковое одеяло. Но едва он это сделал, как в спальне послышался шум. Не просто в спальне, а под кроватью. Кто-то с сопением выбирался оттуда!

Леша не заорал «мама» только потому, что от испуга перехватило дыхание.

«Надо скорее позвать на помощь Ыхало!»

— Ы… — начал Леша. — Ых…

— Пожалуйста, не бойтесь, — раздался пыхтящий и жалобный голос. — Умоляю вас не пугаться и не сердиться на меня за дерзость! Я пришел с самыми добрыми намерениями…

— Кто вы такой? — наконец сумел выговорить Леша.

На фоне окна появился силуэт невысокого толстяка. Силуэт по-придворному раскланялся.

— Я, с вашего позволения, барон Виття фон Люмпо-Лампо де Лучина де… ну и так далее…

Леша почти перестал бояться. Даже совсем перестал. Потому что Виття, судя по всему, сам

чего-то боялся. Леша вспомнил, что и на турнире барон не блистал храбростью.

И Леша сказал таким тоном, словно он был уже настоящий принц:

— Странное время для визита выбрали вы, барон.

— Приношу мои глубочайшие извинения, но…

— Вы, наверно, явились за Дромадерой? Но вы теперь не имеете на нее никакого права! У нее новый завод, и она свободная лошадь!

— И чудесно! Пусть делает что хочет! Я вовсе не из-за нее. Я ради вас, уважаемый и доблестный рыцарь Прозрачного кота!..

— Меня зовут Леша.

— Уважаемый и доблестный Леша Прозрачного кота… Прежде всего я должен сердечно поблагодарить вас за то, что вы избавили меня от этого бесчестного и незнакомого с рыцарскими правилами маркиза дон Сеял… — Барон опять раскланялся.

— Да ну, пустяки…

— Я обязан вам жизнью. И поэтому счел своим рыцарским долгом предупредить вас о грозной опасности… — Голос Витти стал приглушенным и зловещим. На цыпочках барон подошел к кровати и присел на край. Леше опять сделалось

жутко: прямо хоть под одеяло лезь с головой.

— Я догадываюсь, что наш король уже подкатывался к вам со своим предложением, — произнес Виття со смесью почтительности и насмешки. — Насчет того, значит, чтобы вы записались в наследники престола…

Леша собрал остатки смелости и гордости. Сказал дерзко:

— А вам-то какое дело?

— Не соглашайтесь, Леша Прозрачного кота! — жарко зашептал Виття. — Ни в коем случае. Это сулит вам ужасную гибель!

— Почему?

— Вы знаете, для чего нужны в Астралии наследники? Думаете, чтобы потом делаться королями? Ха-ха… Они нужны, чтобы ими могли кормить подземного змея!..

Леша обмер.

— Кого… кормить?

— Внутри Горы живет ужасный громадный трехголовый змей. Длиной в полмили. Не слыхали?.. Ну естественно. О нем у нас предпочитают помалкивать. Но, увы, этот змей — печальная реальность. И у него крайне странный вкус. Каждые десять лет он требует себе к праздничному обеду юного наследного принца. Не в гости, а…

на закуску. И грозит развалить и сжечь всю Гору, если принца не дадут… И что делать? Короли всегда вынуждены были заманивать посторонних мальчишек, объявлять их наследниками, а потом… Своих-то жалко, даже если они есть… А Респектабо к тому же бездетный. Вот и уговаривает вас… Конечно, потом он будет объяснять этот неблаговидный поступок государственной необходимостью, но вам-то не легче… Не соглашайтесь, возвращайтесь домой…

Леша еле дышал. Что же это такое? Неужели правда?

Он вспомнил короля. Славный такой, лицо добродушное, с мальчишками дружбу водит… А если это притворство? Кто их знает, сказочных королей!

— А вы не врете?

Виття фон Люмпо-Лампо сказал проникновенно:

— Зачем? Зачем же мне вас обманывать, Леша Прозрачного кота? Какая мне выгода? Я просто хочу отблагодарить вас.

Я пришел сюда с риском для жизни. Если Респектабо узнает, что я открыл вам ужасную тайну, меня самого отдадут змею. Не вместо принца, конечно, а дополнительно.

— А… скоро назначено это… когда он принца есть должен? — совсем уже перепуганно пробормотал Леша.

— Очень скоро! Через две недели! Змей уже присылал предварительную заявку.

Леша сразу успокоился. Две недели! Уж как-нибудь за это время он сумеет разобраться, какой тут змей и что ему надо! И правда ли, что Респектабо Первый задумал такое коварство!

— Благодарю вас, барон! Я подумаю, как быть… Меня уже пытались один раз съесть в этих краях. И ничего, пока жив…

— Да-да, я слышал. Но змей гораздо чудовищнее людоеда. А король хитер… Будьте осторожны.

— Хорошо, буду, — зевнул Леша.

Виття встал и, кланяясь, попятился к окну. Леша вылез из постели и проводил его. Сказал через подоконник:

— Ыхало, не трогай барона, он был у меня в гостях.

А то ведь храброе и верное Ыхало могло бы оставить от барона одни клочки. Не разберешь потом, где Люмпо, где Лампо, а где фон…

Леша опять забрался под одеяло и стал думать о зловещем плане короля. Но долго думать не получилось. Несмотря на все тревоги, Леша стре-

мительно уснул.

ЧТО БЫЛО ВНУТРИ ГОРЫ

Когда Леша проснулся, большущие старинные часы с позолоченными рыцарями показывали половину десятого.

В окно сквозь листья пробивались горячие лучи. За окном паслась Дромадера.

Ыхало дремало в углу спальни. Но оно сразу вскочило, когда в комнату вошли два дядьки в париках и красных с золотыми шнурами куртках.

Дядьки осведомились, не угодно ли его высочеству встать, умыться и позавтракать. Они именовали Лешу как настоящего принца, хотя он еще не дал согласия на такую должность.

«Знаем мы это дело, — подумал Леша. — Сейчас «ваше высочество», а потом на закуску страшилищу».

Но особой боязни он не ощущал. Потому что и утро было хорошее, и Ыхало рядом…

Леша поплескался и пофыркал в мраморной умывальной комнате. И даже зубы вычистил — щеткой с ручкой из слоновой кости и серебра. Потом в столовой с красивыми дубовыми стенами выпил простоквашу и съел яичницу.

Ыхало от завтрака отказалось.

Дядьки в париках вытерли Леше губы салфеткой (он возмущенно дрыгнулся) и сообщили, что «ваше высочество могут найти государя в саду, где его величество изволят в этот час заниматься физкультурными упражнениями».

Леша вышел в разбитый на висячих террасах сад.

Его величество Респектабо Первый на лужайке у мраморной беседки упражнялся с гантелями. Он был в голубом тренировочном костюме с королевским вензелем на пузе: буква Р с завитушками и римская единица.

Король бросил гантели в траву и заулыбался:

— Привет, Леша! Как спал?

— Здравствуйте, господин король, — сухо ответил Леша. И подумал, поглядывая на симпатичное лицо: «Неужели он правда злодей?»

Король мигнул. Сделался серьезным. Мизинцем потрогал на носу бородавку.

— Ты позволишь высказать мне две догадки?

— Пожалуйста, — буркнул Леша.

— Или у тебя после вчерашнего торта болел живот…

— Не болел у меня живот! — возмутился Леша.

— Или тебя успел посетить любезнейший Люмпо-Лампо. И поведал историю о страшном змее,

который спит и видит, как ему слопать наследника астралийского престола!

Теперь замигал Леша.

Король понурился и развел руками.

— Что мне делать с этим бароном, будь он неладен? Недели не может прожить без какой-нибудь интриги… Ты ему поверил?

— Ну, как вам сказать…

— Понятно, понятно. Ты здесь человек новый и не знаешь еще, какой этот Виття… как бы выразиться поделикатнее… не совсем мудрый и недостаточно смелый…

— Короче говоря, дурак и трус? — обрадовался Леша.

— Это звучит не по-королевски, зато совершенно точно… А сказкой про змея-великана внутри Горы астралийских детишек пугают с давних пор.

— Значит, нет никакого змея?!

— Разумеется!.. Говорят, было такое чудовище в незапамятные времена. И вроде бы правда требовало себе на обед принцев. Но люди придумали выход: стали выпекать сладкие хлебные фигуры с изюмом, ростом с мальчика. И змей был вполне доволен. А потом у него от старости началась чесотка, он стал скрестись, трясти город. И то-

гдашний Главный маг Астралии, дон Пом-Идорус, превратил змея в ничто. В пустоту. Такие вот дела… Пустота эта в форме громадного дракона и сейчас есть внутри Горы. Там и музейные пещеры, и… всякие служебные помещения… Да это всем известно!

— А зачем же этот… фон Виття наплел мне всякое такое? — все еще недоверчиво спросил Леша.

— Ха! Да очень просто! Ему да еще некоторым страсть как неохота, чтобы ты стал принцем, а потом и королем. Во-первых, они сами были бы не прочь прибрать власть к рукам. А во-вторых, новый король — это всякие новшества в жизни, изменения. Чего доброго, в правительстве начнутся перемены и, значит, кой-кого попросят на пенсию… ну и, кроме того, у придворных всегда склонность к интригам, они без этого не могут…

— А почему же вы этого Виттю не уволите из баронов?

— Да куда же он денется? И жена его со свету сживет. У него такая супруга, ой-ёй-ёй… Жаль беднягу. Пусть уж интригует потихоньку…

— Ваше величество, а можно побывать в этих змеиных пещерах? — Леша уже полностью поверил королю, и ему хотелось новых приключений.

— Конечно, можно! Если хочешь, сейчас и отправимся… Почтенное Ыхало, надеюсь, не откажется сопровождать нас? А вон и еще попутчик! Он, кстати, давно здесь вьется, тебя дожидается!

Из гущи большого каштана спустились и подрыгались зеленые ноги в лаковых башмачках с пряжками. И в траву прыгнул Ростик. Он помахал перед собой снятым беретом.

— Доброе утро, ваше величество! Леша, привет!

— Ростик, здравствуй! Идем с нами в пещеры?

Конечно, Ростик пошел. По дороге Леша поведал ему про ночной визит Люмпо-Лампо. Ростик только рукой махнул: мол, чего еще ждать от этого барона.

Леша хихикнул:

— Вот бы мою знакомую букву «а» в его звание. Вместо буквы «о»…

Король между тем рассказывал, что от легенды про змея остался обычай: в праздник Летнего звездопада люди идут к пещерам карнавальной процессией и несут большущий свежеиспеченный хлеб. Ну, как бы для того, чтобы умилостивить змея. Только хлеб уже не в форме детской фигуры, а просто сдобный каравай. А потом на полянах перед входом в пещеру раскидываются

шатры, балаганы, цирки и карусели — начинается гулянье.

В этом году праздник должен быть особенно интересным и ярким, раз Астралию посетил Леша Пеночкин. А кроме того, всех ожидает невиданное новшество: гастроли артистов лунного цирка.

— Мы уже успели побеседовать с почтенным Ыхалом, он обещал договориться на Луне с акробатами и клоунами… Только есть тут одна трудность. И немалая…

— А что такое? — встревожился Леша.

— На Луне-то, как известно, сила тяжести в шесть раз меньше, чем у нас. Их артисты к нашим нагрузкам не приучены. Как они здесь будут кувыркаться и летать под куполом?

— Надо под цирковой ареной уменьшить гравитацию, — подал идею Ростик. Оказывается, здешние жители понимали кое-что в современной науке и технике!

— И я про то же говорю! — отозвался король. — Но для этого масса энергии требуется! А наш ПВД чахнет и чахнет…

— А что за ПВД, ваше величество? — заинтересовался Леша.

— Почти Вечный Двигатель… Вечных двигате-

лей, как известно, не бывает, но такой, который работает много-много лет подряд с одной раскрутки, юный Орест Редькин придумал. И этот двигатель в свою очередь заставляет вырабатывать энергию Генератор Волшебного Мира…

— ГВМ? — вспомнил Леша.

— Да-да!.. Ведь без энергии королевство не может существовать, а с нефтью и углем у нас небогато… Вот этот ПВД и крутится в подземной станции с давних пор. Говорят, что по расчетам он должен был работать еще лет двести, но в последнее время стал что-то ослабевать, обороты падают…

Конечно, Леша подумал, что его «Чоки-чок» может здесь пригодиться. Как в истории с Дромадерой.

— А мы побываем на этой станции, ваше величество?

— Разумеется! Ты должен все знать про наши дела.

Но сначала они пошли по музейным помещениям этой громадной пещеры. По гулким сводчатым коридорам и залам. Было очень интересно. На стенах висело рыцарское снаряжение, в стеклянных витринах лежала старинная посуда и тяжелые монеты разных веков. Стояли чучела

единорогов и гигантских полосатых медведей, которые в древности водились в лесах Астралии…

Молодчина был мальчик Орест Редькин! Он придумал не просто сказочное королевство, а королевство с тысячелетним прошлым. И прошлое это получилось такое всамделишное, что от него остались книги, утварь и описания давно минувших событий. Значит, они на самом деле были! Ведь не случайно же на склонах Горы мальчишки то и дело отыскивают монеты с профилями давних астралийских королей!

— Ваше величество, а почему Орест Редькин не стал здешним королем? — спросил Леша.

— Тогда не было нужды. Вполне благополучно правил Огурелло Первый, потом его сын Огурелло Второй, мой дедушка. И страна процветала. Хотя, признаться, дедушка был со странностями и его порой звали Одурелло… А Оресту, когда он стал большой, сделалось трудно бывать у нас. В вашем Хребтовске, да и в других городах вашего пространства наступили трудные времена. Связь с заграницей ох как не одобрялась. Пускай даже с волшебной. Считалось, что раз имеешь дело с чужой страной, значит, шпион. Один раз он даже пошутил невесело: «Если узнают, что бываю у вас, тут же: Орест — под арест…»

Леша опять вспомнил суетливую букву «а». Как много может значить одна буква!

А про прежние суровые времена он слышал и раньше. От папы.

Наконец музейные залы кончились. Потянулся коридор, выложенный серой гладкой плиткой. Сделалось полутемно, только редкие лампочки горели на стенах, за проволочными сетками. Лунчик выскочил из кармана Ыхала и полетел впереди, светил, как фонарик. Иногда в стенах видны были перегороженные тяжелыми решетками арки. В них темнела пустота.

— Там что? — прошептал Леша.

— Всякие малоисследованные туннели, — неохотно отозвался король. — У змея-то было очень сложное тело. Множество лап, три головы с длинными шеями, извилистый хвост…

— Его величество специально велел поставить решетки, — сказал Ростик.

— Мое величество знает, что делает. А то некоторые любопытные личности полезут куда не надо, ищи их потом. Как в книжке про Тома Сойера…

Наконец коридор сделал поворот, и в конце его засветилась высокая стеклянная дверь.

Король выволок из кармана связку ключей…

Зал за дверью был просторный, квадратный. С яркими лампами. От такого света Лунчик опять юркнул в карман к Ыхалу.

Посреди зала было что-то вроде круглого бассейна, окруженного поручнями. Король поманил гостей:

— Идите ближе… Вот главный двигатель.

Воды в бассейне не было. Там не спеша, с тихим урчанием, вертелся горизонтальный, размером с цирковую арену круг. Он был из черного металла. Под бегучими краями этого диска были заметны большущие медные шестерни. Они тихо поворачивались. Вверх по стенам бассейна тянулись не то кабели, не то трубы — толщиной в королевскую руку.

В одном месте на краю бассейна подымался мраморный столбик, красивый такой, с узорами. Высотой до Лешиного плеча. Вроде как подставка для небольшой статуи. Но статуи не было, а на гладкой каменной площадке блестел граненый стеклянный шарик. Король поднял его. Оказалось, что внизу у шарика матовый стерженек. В камне для него было сделано гнездо.

— Вот, — сказал его величество. — Эта маленькая деталь — главная во всей машине. Она — как свеча зажигания в моторе… Ну, сравнение это,

конечно, приблизительное… Стекло заряжено особой энергией. Она-то и крутит маховик… Такую вот волшебную штучку сюда принес и вставил сам Орест Редькин…

— Такую же или эту самую? — захотел уточнить дотошный Ростик.

— В том-то и дело, что не эту… Настоящую хрустальную свечу, которую подарил Астралии Орест, кто-то украл несколько десятков лет назад. Маги и волшебники нашли другую, такую же, но это все же не то. Все их заклинания гораздо слабее энергии, которую вложил в свой стеклянный шарик мальчик Орест… Видимо, поэтому колесо с той поры все замедляет и замедляет ход. И Астралия стареет…

Граненый шарик со стерженьком что-то напомнил Леше. Очень знакомое. Но это мелькнуло в голове и забылось. Потому что Леша думал о другом, грустно и беспомощно. О том, что никакой «Чоки-чок» не поможет раскрутить такой громадный диск. Тут и пытаться нечего. Это ведь не патефон и не волчок внутри Дромадеры. Здесь что-то сильное надо, просто великанское. Но что?..

Король сказал, что пора возвращаться. Леша послушно кивнул. Обратно он шел задумчивый

и опечаленный.

Когда вышли из пещеры на солнечный склон Горы, король осторожно спросил:

— Ну что, Леша, ты еще не думал над моим предложением? Как насчет должности астралийского принца?

— У меня же ничего не получится, — прошептал Леша.

Я ведь не знаю, как разогнать маховик…

— Никто не знает, — вздохнул его величество. — А что поделаешь? Все равно будущий король нам необходим… А энергию, может быть, наскребем как-нибудь. Старшеклассники в королевской гимназии, например, хотят проложить сквозь пространство прямой коридор к Марсу. А на Марсе, говорят, всяких горючих запасов полным-полно.

— Как же так? — удивился Леша. — До Марса они могут проковырять пространство, а разорвать блокаду вокруг Горы не могли!

— Это разные вещи, — опять вздохнул король. — Одно дело сверлить космос над своей территорией, а другое — соединить сказку и обычную жизнь. Поэтому тебя и зовут в короли…

— Я еще подумаю, — пробормотал Леша.

— Ну, подумай, подумай…

Ыхало вдруг сказало, что ему и Лунчику пора снова отправляться на Луну.

— Надо как следует договориться с артистами в цирке. Да и Лунчик не успел попрощаться с бабушкой… Мы там еще денек погостим, а потом сразу домой. В одно время с тобой, Леша. Или даже раньше.

— Раньше не получится! Я ведь вернусь так, будто всего пять минут назад из дома ушел!

— Ну и ладно. А мы с Лунчиком несколько раз облетим вокруг Луны против ее вращения и тоже отмотаем время назад!

Ыхало забралось на высокий камень и свесило черную пятку. Леша вцепился Ыхалу в щиколотку, а Ростик пощекотал пятку колосками травы-овсяницы. Ыхало заверещало, тогда Леша отпустил его ногу. И Ыхало черной свечкой взмыло в голубизну. Пропало там.

— Эх, даже не попрощалось со мной, — скрипуче вздохнул кто-то. Оказалось, подошла Дромадера.

— Оно скоро вернется, — сказал Леша. И соврал для утешения: — А пока, Дрема, оно передало тебе привет.

Дромадера повеселела. Предложила всем покататься на ней. Король отказался. Объяснил, что надо готовиться к приему послов с островного го-

сударства Акватыква. Оказалось, что в ближнем море-океане имеется такой остров с весьма развитой цивилизацией. Тоже, разумеется, сказочный. Видимо, его, как и Астралию, кто-то придумал. А возможно, он вырос сам по себе, в силу закона о развитии сказочных пространств.

— А вы катайтесь, — разрешил король ребятам. — Только ты, Леша, не опаздывай к обеду. К двум часам.

— А Ростику можно? Мы обещали друг другу, что везде будем вместе!

— Да, ваше величество, мы обещали, — подтвердил Ростик.

— Валяйте. Надеюсь, Монья не разорится на лишнем едоке…

Леша и Ростик поехали на Дромадере и вскоре встретили других приятелей: юного графа Андрюшку Вулканчика, Николку Сверчка, Филимона в бескозырке, конопатого Яшку Божью Коровку и еще нескольких кактусят. Дромадера покатала всех. А потом нашлось другое развлечение. По склонам горы бежало несколько мелких горных речек, и по ним было очень весело мчаться, улегшись пузом на автомобильную камеру. Да, в Астралии были и автомобили, только немного и все старых марок.

Наигравшись и обсохнув, погуляли по столице, а потом Леша и Ростик отправились во дворец.

Вежливые дядьки в париках накормили «его высочество и его степенство кактуса первого разряда» королевской окрошкой, пирожками с малиной и молоком.

— Уф, — сказал Леша. — Я растолстею здесь, как Бочкин. Дома меня не узнают…

Ростик заметил, что, если не хочешь растолстеть, надо больше двигаться. И, хитро поблескивая глазами, предложил «одно тайное приключенческое дело».

— Давай снова отправимся в пещеру. Одни. Я там приметил решетку с разогнутыми прутьями. Можно забраться в неразведанный ход. Вдруг найдем что-нибудь такое… таинственное.

Лешу защекотали мурашки: и боязно, и хочется. Но для начала он разумно возразил:

— Влетит.

— А кто узнает?

— Ха! Взрослые всегда до всего докапываются.

— Сильно не влетит. Ты ведь почти принц. И за меня заступишься…

— А если заблудимся?

— У меня мел есть. Будем делать отметки на стенах.

— Там темно…

— А у меня — вот! — Ростик вытащил из кармана вполне современный электрический фонарик. А затем еще моток бечевки, ножик и мел. Видимо, его пышные средневековые штанишки тоже были «Тысяча мелочей».

Леша подумал, что отказываться от приключений в сказочной стране глупо.

Конечно, хотелось уже и домой. Там, дома, время стояло, но Леша-то не видел маму, папу и Дашу почти два дня и успел соскучиться. Тем более что казалось, будто прошла целая неделя. Но он решил: «Побываю с Ростиком в пещере, а потом — к себе в Хребтовск».

ТАЙНА СТЕКЛЯННОЙ СВЕЧИ

Главные ворота пещеры не закрывались. Она ведь считалась музеем, а вход во все музеи Астралии был бесплатный и круглосуточный.

В залах, как и в прошлый раз, никого не оказалось. Леша и Ростик пробежали их без оглядки. И опять очутились в длинном сером коридоре с зарешеченными арками по сторонам.

— Вот, смотри… — Ростик лучом фонарика повел по решетке из вертикальных ржавых прутьев. Два прута были искривлены. Раздвинуты.

Таким тощим пацанятам, как Леша и Ростик, можно пролезть, если постараться.

Они постарались. Правда, Леша зацепился шпорами, а Ростику мешали шипы на плечах, но все же оба исследователя скоро оказались позади решетки, в темном коридоре.

— Кажется, это была одна из лап змея, — прошептал Ростик.

— А что мы будем здесь искать? — тоже шепотом спросил Леша.

Ростик ответил серьезно:

— Приключений. В этом главный смысл жизни.

— Неужели самый главный? — удивился Леша.

— По крайней мере, в Астралии, — объяснил Ростик. — Она для того и создана, чтобы распространять вокруг себя по всем пространствам… это… энергетическое поле приключений и тайн.

Леша вспомнил жизнь здешней столицы, которую видел вчера и сегодня. Продавцы торговали в лавках, садовники продавали цветы, извозчики зазывали прохожих в свои коляски, шоферы на трескучих грузовиках возили всякие грузы, каменщики строили мост через речку, кровельщики чинили острую крышу старого дома. Кстати, некоторые махали Леше руками.

Но не назойливо, без криков. Не как наследному принцу, а как доброму знакомому… В открытые окна типографии было видно, как печатаются книжные листы с цветными картинками. А с верхних площадок дворцового сада можно было разглядеть поля на склонах Горы — там работали крестьяне, издалека похожие на крохотных разноцветных человечков.

Леша сказал:

— Что-то не похоже, чтобы все мечтали о приключениях. Живут себе и живут.

Ростик согласился:

— Конечно, живут. И неплохо. Но все радуются, когда случается что-то необычное… Только последнее время это бывает редко. Самое главное событие — то, что ты появился… А еще — обнаружили остров Акватыква. В океане.

— Я и не знал, что рядом океан. Мы там побываем?

— Конечно! Можно даже попросить у его величества корабль и сплавать на остров. Вдруг там тоже случится какое-нибудь приключение!

Леша подумал, что приключения бывают всякие. Одно дело — катанье на надувных камерах по горной речке, а другое, например, встреча с Людоедовым. О таком и вспоминать не хочется…

Коридор между тем соединился с другим — похожим на внутренность широченной трубы. Труба эта плавно изгибалась вдали — там, куда еле доставал сильный луч фонарика.

Несколько минут шли молча. Слышно было только чирканье мела, которым Ростик делал отметки. Да еще звяканье Лешиных шпор.

Раньше Леша думал, что в подземельях всегда холодно и сыро, но в этом коридоре воздух оказался сухой и теплый. Сильно пахло известкой. «Может, потому, что камень — известняк?» — подумал Леша.

Коридор был без ответвлений. Скоро он стал делать крутые повороты. Казалось даже, что он описывает кольца.

— По-моему, мы попали в хвост змея, — прошептал Ростик. — Говорят, он тянется на несколько километров. Извивается и делается все уже. Здесь почти никто не бывал.

Нельзя сказать, что Леше хотелось шагать в темном извилистом подземелье несколько километров. Тем более что ничего интересного пока не обнаруживалось. Но сказать это он не решался.

А коридор и правда сузился. «Труба» стала такой небольшой в поперечнике, что перья на берете Ростика чиркали по своду. Шепот шумно

шелестел и разбегался взад и вперед, словно мохнатые мыши.

Скоро каменная труба сделалась неровной. Порой — такой узкой, что приходилось лезть на четвереньках. Пролезешь, а потом можно встать и разогнуться — словно внутри бочки поперечником полтора метра.

— Это знаешь что такое? Это следы от позвонков на хвосте змея! — возбужденно объяснил Ростик. — Значит, змей на самом деле существовал! А потом испарился! Мы сделали историческое открытие! — И он опять опустился на четвереньки, чтобы пробраться к следующему «позвонку».

С фонариком в руке Ростик храбро лез впереди. На локтях и коленях. Шипы цеплялись за каменные стенки. Одно перо на берете отломилось. Леша подобрал его и сунул под рубашку. «Да, Ростик не то что я, он герой», — подумал Леша. И вспомнил Филимона с надписью «Герой» на бескозырке, в потрепанном красном костюме пажа. С дырами на коленях и локтях. И подумал, что у Ростика будут такие же дыры… Но случилось еще хуже: Ростик спиной зацепился за острый каменный выступ и разодрал кожаную курточку от лопаток до поясницы.

Когда выбрались в просторный «позвонок»,

Леша осмотрел прореху и сказал с сочувствием:

— Влетит тебе от мамы…

Ростик закинул назад руки, пощупал дыру.

— Не влетит. У меня ведь нет мамы. А папа уплыл на корабле. Исследовать океан дальше острова Акватыква…

Леша виновато притих. Он-то думал, что в Астралии все счастливые, а тут вот какое дело… Ростик, видать, почувствовал Лешино смущение и сообщил беспечным тоном:

— Я живу сейчас у своего дядюшки, аптекаря Норуса Тео-доруса. И у его жены. Они меня никогда не ругают, только жалеют… Иной раз даже сам себе готов уши надрать за всякие фокусы, а они лишь вздыхают и качают головами…

Леша сказал ворчливо:

— Качай не качай, а вон какая дырища… Зачем ты эту крокодилову кожу таскаешь на себе, когда такое тепло на улице…

— Ну… потому что полагается быть в придворной форме, раз я с тобой…

— Почему?!

— Я же… твой постоянный сопровождающий. Вроде как оруженосец…

«Вот тебе и на!» — расстроился Леша. И не удержался:

— А я-то думал…

— Что? — встревожился Ростик.

— Оруженосец — это ведь все равно что слуга. Ты же сам говорил, что кактусята быть оруженосцами не желают.

— Так это у бестолковых рыцарей, а не у тебя!

— Ну, все равно. Я думал, что мы…

— Что? — прошептал Ростик.

— Что мы друзья…

Ростик засопел, зацарапал башмаком камень.

— Я разве против? Я только думал… хочется ли тебе. Ты ведь ничего не говорил…

«Разве про это говорят…» — подумал Леша. Он положил руку на плечо Ростика. Рядом с шипастым валиком. Шепотом признался:

— У меня в классе никакая дружба не получалась. Не люблю, когда пристают и силой хвастаются…

— И я не люблю… По-моему, друзья — это те, кто всегда вместе, до конца. Никогда не бросают друг друга…

— Полезли дальше, — решительно сказал Леша. — Теперь моя очередь быть впереди, дай фонарик…

Скоро «позвонки» кончились. Узкий лаз извивался и делался все теснее. Леша понял, что

дальше надо ползти на животе. «Но ведь змеиный хвост кончается, наверно, острием, — подумал он. — Не превращаться же нам в ужей…»

— Ай, — послышалось сзади.

— Что? — испугался Леша.

— Ты мне шпорой нос поцарапал.

— Я нечаянно…

— Да не сильно, не бойся… там, впереди, что-нибудь видно?

— Пока ничего… Ой, видно!

Лаз опять сделал короткий поворот. И больше не суживался. Метрах в пяти перед Лешей было квадратное, забранное решеткой оконце. В него пробивался дневной свет.

Леша, извиваясь угрем, торопливо полез вперед и прижал к решетке лицо.

Все, что угодно, ожидал он увидеть, но такое…

Знаменитый коллекционер графинных пробок Евсей Федотович Кубиков был безмерно изумлен, когда со звоном полетела на пол решетка, а за ней свалились в комнату двое мальчишек.

Один — в мушкетерских сапогах со шпорами, другой будто целиком из сказок братьев Гримм.

— Э-э… позвольте… Как это понимать? Вы откуда?.. Вы не ушиблись?

— Мы не ушиблись! Здрасьте! — дерзко сказал

Леша, поднимаясь с пола. И Ростик встал с ним рядом.

— Ох, да это же Леша Пеночкин! — Евсей Федотыч вылез из кресла и растерянно затопта́лся. — Весьма рад… Но почему таким странным путем?

— Потому что это вовсе даже не вентиляция! И вы это прекрасно знаете! — заявил Леша. Он разговаривал так сурово оттого, что в нем сидела уверенная догадка. И обида за страну Астралию, которую он считал уже своей. И злая досада на коварного коллекционера Кубикова. Этой досадой и этой догадкой он еще там, в тесном лазе, поделился с Ростиком. И Ростик все понял. Тогда Леша и толкнул решетку…

— Признавайтесь, Евсей Федотыч! Ведь это вы стащили из подземной станции стеклянную свечу! Блестящий шарик с палочкой! Решили, что это тоже пробка для коллекции! Много лет назад!

Евсей Федотыч поймал на лету упавшие с носа очки и что-то попытался сказать. Потом сел в кресло И понурился.

— Никуда не денешься… Правду говорят, что рано или поздно наступает день, когда надо каяться в грехах.

— Это уж точно, — все так же сурово произнес Леша и постукал об пол каблуком со звонкой шпорой.

— Вы уж говорите про все, пожалуйста, сразу, — потребовал Ростик, хотя и не так уверенно.

— Придется, придется. От судьбы не уйдешь… — Евсей Федотыч развел руками в обвисших рукавах свитера. — Да, было такое… Вы садитесь, пожалуйста. А я расскажу, как это случилось. Поверьте, я сделал это не нарочно… То есть нарочно, однако по неразумению. Ведь мне было тогда примерно столько же лет, сколько вам… Нет-нет, я не хочу сказать, что в этом возрасте все безответственные и бестолковые. Вы — прекрасный пример тому, что это не так… Но я был именно безответственный и бестолковый…

Я живу в этом доме с самого рождения. И мне всегда хотелось узнать: что за этим окошком с решеткой? И вот один раз я не выдержал. Дождался, когда взрослые ушли из дома, поставил стремянку, снял решетку и полез…

Страшно было до ужаса, но и любопытно сверх меры… Я уже плохо помню этот подземный путь, ведь с той поры прошло больше полувека… Но в конце концов я выбрался в светлый зал, где в углублении вращался громадный круг. Наверно,

я был очень легкомысленный мальчик. Убедившись, что в помещении ни души, я спустился на этот круг и покатался на нем, как на карусели. А потом… потом-то я и увидел эту пробку…

— Это не пробка, а свеча с волшебным зарядом, — хмуро перебил Евсея Федотыча Леша. — Ее вставил туда Орест Редькин, когда придумал Астралию…

— Я ведь ничего подобного не знал…

— Может, сперва это и была графинная пробка. Но Орест зарядил ее своей фантазией. Вы же сами говорили, что пробки заряжаются от людей…

— Несомненно, несомненно!

— Вот и получилась свеча зажигания для подземной станции. Самая главная деталь…

— Ах, если бы я это знал тогда! А я увидел пробку — красивую, сверкающую, — и сердце у меня заколотилось. Я ведь в ту пору как раз начал собирать свою коллекцию!.. Я схватил этот блестящий шарик и, ни о чем не думая, вернулся домой…

— Совсем ни о чем не думая? — подозрительно спросил Ростик.

— Да… сначала. Потому что пробка была прекрасна, от нее исходило какое-то особое тепло. И радость. Как от волшебного талисмана… Но через какое-то время я стал понимать, что совершил

неблаговидный поступок. Даже начал опасаться, что это мне принесет несчастье. И однажды решил вернуть пробку на место. Пробрался в подземный зал снова. Но там, на каменном столбике, была уже другая пробка (или, как вы говорите, свеча), такая же. И я решил, что ничего страшного не случилось. Уже без всякого беспокойства вернулся с прежней добычей к себе.

Леша спросил с грустным удивлением:

— И вам не хотелось узнать, что там за подземелье, какая там вокруг волшебная страна?

— Ну… во-первых, я не догадывался про волшебную страну, я думал, что это просто подземный цех или станция какого-то завода… К тому же коллекция уже тогда была для меня самым главным и заслоняла все остальное. Я считал вполне справедливым, что таинственный ход привел меня именно к хрустальной пробке. И она стала главным экспонатом моей коллекции…

Леша опять открыл рот, но Евсей Федотыч поднял ладонь.

— Простите, я доскажу… Однажды случилось, что меня опять стала грызть тревога. И, видимо, совесть. Да-да… Но к тому времени я так подрос, что уже не мог пролезть в это оконце. По прошествии же нескольких лет стало мне казаться, что

все случившееся было детским сном…

— А пробка? — подал голос Ростик.

— Да, вы правы… Когда я открывал ящик, где она лежала, снова все вспоминалось… Но разве случилась какая-то беда

оттого, что я давным-давно взял себе эту стеклянную безделицу?

— Еще бы! — подскочил Леша. — Целая страна стареет и может совсем пропасть без энергии! А вы говорите — «безделицу»!

— Какой ужас! Но, может быть, еще не поздно что-то исправить?

— Значит, эта свеча до сих пор у вас?! — воскликнул Рос-тик.

— Без всякого сомнения! И если она необходима, я сию минуту… я сниму с души многолетний груз!

Евсей Федотыч зашлепал домашними туфлями к шкафу.

Леша повернул сияющее лицо к Ростику:

— Мы вставим свечу на место, и Астралия… ну, все в ней опять помолодеет! Как при Оресте!

— Теперь ты просто обязан стать наследным принцем, — заявил Ростик.

Леша вовсе не был в этом уверен. Сейчас, однако, было не до спора. Евсей Федотыч принес в

ладонях ту самую волшебную свечу.

Когда-то, видимо, она в самом деле служила пробкой графина. Мальчик Орест зарядил ее своим безудержным желанием, чтобы Астралия жила сказочной и кипучей жизнью. Так оно и было до поры до времени…

— Вот, пожалуйста… — шепотом сказал Евсей Федотыч. — И попросите жителей этой страны: если можно, пусть они извинят глупого восьмилетнего Евсейку, который причинил им такие неприятности.

— Да они ничего не узнают! — воскликнул Ростик. — Просто маховик завертится быстрее и всякие веселые дела начнут случаться каждый день! Спасибо вам!

— Ох… это вам спасибо, что не сердитесь на меня, старого…

— Но только нам придется еще раз побеспокоить вас, — вежливо предупредил Леша. — Когда полезем обратно. Это самый короткий путь в Астралию…

— Пожалуйста, пожалуйста! Всегда располагайте мной! В любую минуту!..

— А сейчас, Ростик, давай забежим ко мне домой! А то

я… — Он чуть не сказал «соскучился». Но вышло

бы, что соскучился и по маме, а у Ростика-то мамы нет, и получилось бы неловко. — А то смешно даже: быть рядом с домом и не заглянуть!

— Конечно, забежим! — обрадовался Ростик.

— Ох, а как ты пойдешь в таком… нездешнем костюме? Все глазеть будут…

— Подумаешь! Я уже не раз ходил! Если спросят, скажу: из театрального кружка!

Леша замигал от удивления.

— Ты ходил? Здесь? У нас?

Ростик смутился:

— Ну да… Я ведь тебе не все еще про себя рассказал… Я потом объясню!

— Значит, у тебя тоже есть дорога сюда? Своя?

— Конечно! У многих есть…

Леша даже обиделся. Почему Ростик скрывал такое дело?

Но всерьез обижаться было некогда, очень хотелось домой.

— Пошли!

ВСЯЧЕСКИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Леша собирался по пути расспросить Ростика: когда и как тот бывал в здешних краях. Но не получилось: оба спешили, чтобы прохожие меньше их разглядывали.

Впрочем, никто не обращал особого внимания на двух мальчишек: одного в сапогах со шпорами, другого в зеленом наряде пажа (теперь, кстати, весьма потрепанного). Возможно, думали, что это новая мода: в наше время моды меняются быстро…

Даша очень удивилась, увидев Лешу и Ростика.

— Леша, ты почему так быстро вернулся? А это… кто?

Настольные часы с календариком показывали, что Леша ушел из дома за час до этого момента. Почему не пять минут назад? Да потому, что надо прибавить время, которое он и Ростик потратили на разговор с Евсеем Федотычем и на дорогу от его дома.

— Это Ростик. Он кактусенок, — объяснил Леша. Не правда ли, очень понятно? Даша захлопала ресницами. Пришлось Леше коротко рассказать ей про все, что с ним случилось.

Даша поверила. И достала зеленые нитки.

— Ростик, ну-ка снимай курточку.

В швейных делах Даша была опытным человеком. Она аккуратно зашила прореху на кожаной куртке. Потом — прямо на ногах у Ростика — заштопала дыры на зеленом шелке. Приметала перо к берету. Надела берет на Ростика.

— Повернись… Все в порядке… Леша, нарисуй, пожалуйста, Ростика в полный ростик… ой, то есть в рост. Я с картинки сделаю выкройки. Он такой красивый. То есть костюм его… — И Даша порозовела.

— Нарисую, нарисую красивого Ростика, — засмеялся Леша. А у Ростика сделались розовыми оттопыренные уши.

Даша, чтобы сменить разговор, торопливо сказала:

— Между прочим, Ыхало и Лунчик вернулись. Полчаса назад. Спят в бане. Обещали, что потом расскажут про все приключения.

«Значит, и правда отмотали время назад», — подумал Леша.

Мама по-прежнему была в гостях у подруги, папа наверху писал свою картину. Размеренно тикали часы.

Леше казалось, что он никуда не уходил из дома и все удивительные события ему приснились. Но ведь они же были! Вот и Ростик рядом!

И Леше очень захотелось опять туда. Конечно, дома хорошо, но слишком уж привычно (и даже скучновато). Это там, в Горнавере и других местах Астралии, его снова станет тянуть домой. А сейчас…

«Это что же, я теперь так и буду рваться то туда, то сюда?» — подумал он. Однако без большой опаски, даже весело.

— Ростик! А когда мы двинемся обратно?

— Давай через час! Мне тут надо забежать еще в одно место…

— Куда?

— Ну… я тебе потом объясню.

— Ладно, как хочешь, — равнодушным тоном согласился Леша и подавил в себе досадливое чувство. — Давай через час встретимся у дома Евсея Федотыча, — предложил он. — А от него — опять в столицу. Через «змеиный хвост».

— Договорились! — И Ростик убежал. Но на прощанье успел шепнуть Леше: — Какая у тебя симпатичная сестра…

Чтобы как-то протянуть этот час, Леша снова принялся рассказывать Даше про дона Куркурузо и глиняную корову, про турнир и короля, про подземелье и стеклянную пробку-свечу.

— Покажи пробку-то, — попросила Даша.

— Она у Ростика в кармане… Ну ничего, в следующий раз посмотришь.

— В какой это следующий раз? Вы пробку поставите на место, я и не увижу…

— Почему не увидишь? Мы с тобой вместе схо-

дим в пещеру, где ПВД. Я попрошу короля…

— Это когда еще! Нога все болит и болит! Ох, Лешка, ты, конечно, опять забыл принести лечебный порошок?

— Голова моя дырявая!.. В следующий раз обязательно принесу. Попрошу у мага.

— Опять «в следующий раз»! Ты уйдешь, а мне тут снова одной сидеть!

— Но ведь по здешнему времени всего пять минут!

— По-моему, тебе просто не хочется брать меня с собой! — заявила Даша. Иногда она любила покапризничать. А теперь к тому же была причина.

Леша пробормотал:

— Глупости говоришь. Просто нельзя тебе с больной ногой…

— А я придумала! Можно вылечить ногу, когда придем к Евсею Федотычу! Китайской пробкой и «Чоки-чоком», как твой синяк! А до Проходной улицы ты довезешь меня на велосипеде! И не спорь!

Леша и не думал спорить.

Он вытащил из кладовки старенький велосипед-подросток, вытер с него пыль, подкачал колеса.

Даша празднично суетилась:

— Как ты думаешь, какое мне надеть платье?

— Спортивный костюм надень. Знаешь, по какой подземной кишке ползти придется…

Когда ехали на Проходную, Даша спросила:

— А почему подземный хвост змея ведет прямо в комнату Евсея Федотыча?

— Наверно, Орест придумал. Специально, чтобы побыстрее добираться до столицы. Ведь в той квартире жила когда-то его старушка-няня. Наверно, он бывал у нее. Вот и решил сделать такой проход…

— Может, потому и улица — «Проходная»?

— Может быть… Не егози, а то свалишься…

Леша был уверен, что Ростик ждет его у дома на Проходной, у крыльца.

Но Ростика не было.

Подождали. Леша спросил у прохожего, который час? Оказалось, Ростик уже опаздывает на десять минут. Леша забеспокоился. Подождали еще минут пять…

— Леша, а может, он уже там, у Евсея Федотыча?

Позвонили. Никто не открыл. Подергали ручку — заперто.

Подождали еще. Позвонили снова: раз, другой, третий. Настойчиво. Никакого результата.

Прошло, наверно, полчаса. Потом еще столько же. Леша и Даша сидели на ступеньках, очень расстроенные. Леша даже бояться начал — неизвестно чего. И думал, думал: что же случилось?

Что случилось с Ростиком, станет известно позже. А с Евсеем Федотычем произошла неприятная, хотя и обычная для людей его возраста вещь. Он вышел из дома, чтобы купить в булочной свежий батон к обеду, и вдруг почувствовал, что у него сильно закололо сердце. Присел на лавочку у чьих-то ворот, прикрыл глаза. Прохожие заметили, что человеку плохо, помогли дойти до поликлиники, которая была за углом. Там Евсею Федотычу дали капель, сделали укол. Ему стало лучше, и он отправился домой.

Но вернулся он, когда Леши и Даши на крыльце уже не было. Потому что Леша сердито и печально сказал:

— Пошли. Сколько можно ждать…

У него появилось подозрение. Нехорошее такое. А что, если Ростик один вернулся в столицу? Ведь пробка-то — у него!.. Может, решил стать героем в глазах всей страны и короля?

Конечно, это скверное дело — подозревать друзей в нехороших поступках. Но… во-первых, мыслям не прикажешь. Во-вторых, друзья-то

они лишь со вчерашнего дня. И что Леша знает о Ростике? Если по правде говорить, этот кактусенок кажется легкомысленным и непонятным. Почему он так таинственно исчез? Ничего не объяснил. От друзей разве что-то скрывают?

Леша отвез очень огорченную Дашу домой. Посидел насупленно, подумал. И решил:

— Вот что! Двинусь-ка я туда своим ходом. Надо все выяснить до конца!

— Пешком? — ахнула Даша. — А если опять Людоедов?

— Я возьму рогатку.

— Я буду страшно волноваться! И за тебя, и за Ростика. — Она ведь ничего не знала о Лешиных подозрениях.

— Не успеешь ты поволноваться, я же вернусь через пять минут… И уж на этот раз обязательно принесу лекарство!

Леша побежал на ромашковую поляну. Была надежда: вдруг Бочкин попросил Прошу пригнать сюда со станции поезд? Но поезда, к сожалению, не было.

И Леша зашагал по шпалам. Рогатка торчала у него за поясом. Глиняные пули были наготове, в верхнем кармашке.

На развилке Леша на этот раз свернул куда

следует, налево. Недалеко была уже станция Чьитоноги. Леша стал шагать еще тверже, чтобы добавить себе храбрости. Шпоры зазвенели громко и по-боевому. И Леша вдруг подумал:

«А почему бы все-таки не попробовать еще раз колдовство с сапожками?»

Конечно, дон Куркурузо предупреждал, что не надо, но ведь и маги иногда ошибаются. Вон сколько он возился с коровой…

Страшновато стало, но Леша представил, какой длинный путь до Горнавера: по рельсам, потом на пароходе до Желтых Скал, затем по дороге, ведущей на Гору… Он встал прямо, зажмурился, сдвинул каблуки.

— Шагом марш!

Ничего не получилось.

Тогда Леша сказал:

Чоки-чок, чоки-чок,
Левый, правый каблучок!
Ну-ка, сделайте в столицу
Удивительный скачок!

«Удивительного скачка» не вышло. Но сапожки вдруг дернулись и.. ¸побежали по шпалам! Сами собой! Так, что Леша еле успевал перебирать ногами. Он понимал, что вот-вот брякнется.

— Эй, стойте! Вы с ума сошли! Да подождите вы, бешеные!

Но сапоги не слушали! Мчались все быстрее! И Леша наконец свалился и крепко треснулся о шпалу, вскинув ноги.

Сапоги подергались, соскочили с ног и помчались по шпалам — одни, без хозяина!

— Подождите! Куда вы?!

Но сапоги — топ-топ-топ, дзинь-дзинь-дзинь — скрылись за поворотом.

— Дураки, — сказал им вслед Леша. И, признаться, даже всхлипнул: слишком уж много неприятностей свалилось на него за последний час.

Потом он встал. Потер ушибленное место. Снял и сунул в карманы носки. И зашлепал дальше босиком. Потому что все равно ведь надо идти. Все выяснить до конца!

Что поделаешь, в сказках бывают не только радости, но и много всяких трудностей. Леша понимал: чтобы победить, надо шагать вперед. Если даже от тебя сбежали волшебные сапоги. Орест Редькин тоже не повернул бы назад… Вот кто мог бы стать настоящим другом — мальчик Орик!

А Ростик?.. Неужели он и правда такой обманщик?

А может, с ним что-то случилось?

Ох, как все непонятно и тревожно…

Леша задумался, глядя под ноги, а когда опять посмотрел вперед, вздрогнул. И перепуганно остановился.

Навстречу ковыляла бабка! Та самая, со станции Чьитоноги. Одной рукой она опиралась на клюку, а другой… несла Лешины сапожки.

Бабка встала в пяти шагах, улыбнулась ртом, из которого торчал зуб, похожий на огрызок желтого карандаша.

— Вот, изловила их, неслухов… Ну-ка, ступайте к хозяину! — Она поставила сапожки на шпалу. Те постояли и побрели к Леше. Остановились перед ним. И казалось, что они — не сами по себе, а в них вставлен очень виноватый, просящий прощения мальчишка. Только невидимый.

— Надевай, не бойся…

— Спасибо, бабушка, — пробормотал Леша. Торопливо натянул сапожки прямо на босые ноги. И покосился на бабку уже не так опасливо.

— Ты им спуску-то не давай, — посоветовала бабка. — Держи в строгости.

— Ладно, — буркнул Леша.

— Но и не колдуй зря. Все равно они одноразовые, толку больше не будет. Как обувки — годятся,

а для транспортной цели — без всякой пользы…

— Спасибо, бабушка, — опять сказал Леша.

— Не стоит благодарности, голубчик… А чего вы в гости-то не заходите? Я каждый день угощенье готовлю, а вас все нету. Иногда мимо прокатите на своем самоваре, да ищи-свищи… Подчас прямо досада берет.

— Все времени нет, — виновато сказал Леша. — Да еще и боязно…

— А чего боязно-то? Или кто про меня всяких глупостев наговорил? Дак ты не слушай пустобрехов-то! Я отродясь ребятишкам худого не делала!

— Вы, наверно, обиделись, что мы тогда у вас корзинку с пирогами ухватили…

— И-и, милый ты мой! Неужто я детских шалостев не видела? Ухватили, и кушайте на здоровье! Я еще спеку… У меня и сейчас есть свеженькие. Может, зайдешь?

— Извините, бабушка, но опять времени нет! Мне вот так, до зарезу, скорее надо в Горнавер. Во-он туда! — Леша показал на вершину Горы, которая в дымке вырисовывалась над деревьями.

— До зарезу?!

— Ага…

— Ну, тогда постой малость… — Бабка уковыляла в избу. И тут же вернулась с большущей

метлой. К толстенному длинному черенку было приделано мотоциклетное седло.

Бабка боком, привычно, устроилась на седле, а Леше велела:

— Садись давай впереди меня. Не забоишься?

— Ну а если и забоюсь, так что? — храбро отозвался Леша. — Главное, чтобы добраться поскорее…

Он тоже сел боком, как на жердь изгороди. Бабка одной рукой (костлявой и твердой) ухватила его поперек живота. А он изо всех сил схватился за черенок метлы.

— Ты зажмурься, оно тогда не так страшно.

Лешины глаза, однако, зажмуриваться не хотели, наоборот, раскрылись широко-широко.

Метла дернулась, земля вмиг оказалась далеко внизу, воздух кинулся навстречу, начал рвать волосы и теребить ресницы. Зато Гора стала приближаться, будто в кино, когда на экране растет изображение.

— Куда тебя в столице-то высадить? — крикнула бабка.

— Лучше всего у дворца! В саду!

Не прошло и трех минут, как Леша оказался на лужайке, где утром встретился с королем. А бабка стремительно взмыла ввысь. Леша едва успел

крикнуть вслед спасибо.

— В гости приходи-и-и!..

Леша постоял, привыкая к твердой земле после сумасшедшего полета. Огляделся. Где искать Респектабо Первого?

На счастье, появился в беседке Туто Рюмбокало.

— Господин цер… цермер… Господин Рюмбокало! Здравствуйте! Вы не знаете, где сейчас его величество? У меня важное дело!

— Приветствую вас, рыцарь Прозрачного кота, — церемонно ответствовал Туто Рюмбокало. — Его величество Рене-сансо… э, Респектабо Первый отправился с послами государства Акватыква осматривать достопримечательности столицы… Кстати, он весьма сожалел, что вы до сих пор не согласились на его предложение и он не может представить вас послам как официального наследника престола.

Леша поморщился. До престола ли ему сейчас? Главное — выяснить, что с Ростиком. И куда Ростик девал свечу! Едва ли он успел передать ее королю, если даже собирался…

А может, у Ростика и не было такого плана? Может, он хотел пробраться к Почти Вечному Двигателю один и поставить свечу на место са-

мостоятельно? Чтобы всем сделать сюрприз!

Может, он не такой уж хитрый и обманчивый, а просто с ветром в голове? Решил пошутить с Лешей?.. Ничего себе, шуточки!.. Да ладно, пускай он, Ростик, будет хоть какой, лишь бы с ним не случилось ничего плохого! И лишь бы ПВД заработал с новой силой…

Леша сказал Рюмбокало, что подождет короля в саду. Но когда церемониймейстер удалился, Леша подумал: а зачем сидеть и ждать? Можно ведь и без короля побывать в пещере. Вдруг Ростик как раз там и устанавливает свечу!

Правда, ключ от зала с ПВД у короля, но хитрый Ростик вполне мог запастись отмычкой…

Тут, на счастье, высунулась из кустов Дромадера.

— Дрема! Отвези меня к пещере! Скорее!

Они помчались как на пожар! По улицам, по мостам!..

Вот и вход. Леша прыгнул с Дромадеры и помчался по знакомым залам и коридорам. Свернул в серый коридор с решетками. Сейчас поворот, а за ним — стеклянная дверь станции ПВД!

Но тут пришлось уменьшить скорость. Остановиться. Из-за поворота вышел навстречу… барон Виття фон Люмпо-Лампо!

— Леша Прозрачного кота! Какая удача! Я как раз искал встречи с вами, чтобы предупредить о страшной опасности!

— Да идите вы с опасностями! — в сердцах крикнул Леша. — Не морочьте голову!

— Я не думаю морочить! Я…

У Леши шевельнулось новое подозрение.

— Лучше скажите, где Ростик! Это, наверное, вы его заманили куда-то!

— Что вы! Что вы! Никакого Ростика я не знаю!

Это было уже чистое вранье! И Леша понял, что надо действовать храбро и быстро. Он выхватил из-за пояса рогатку, вложил глиняный шарик, растянул резинку.

— Руки вверх!

Барон усмехнулся, глянул мимо Леши, щелкнул пальцами.

И на Лешу упала тьма.

Такая же, как в Лиловом лесу — пыльная, пахнущая мешковиной…

КОВАРНЫЕ ЗАГОВОРЩИКИ

Леша уже потом догадался, что за ним следили. И в городе, и здесь, в пещере. Подлый Виття фон Люмпо-Лампо отвлек Лешу разговором, а другой злодей — Его Етугоро — выбрался из боковой

ниши и набросил на мальчишку мешок.

Леша не очень удивился. И не очень испугался. В глубине души он чего-то подобного ждал. Так всегда бывает: если уж начались неприятности, сразу не прекратятся. Поэтому он молчал и даже не дергался, пока его куда-то несли.

Вскоре Лешу довольно осторожно вытряхнули из мешка. Он встал. Увидел, что находится в каменной комнате без окон, с яркими лампочками. Значит, по-прежнему в подземелье.

Вытряхнул Лешу из мешка Его Етугоро — главный распорядитель всех массовых дел и праздников. Рядом пританцовывал и потирал руки Виття. А за длинным столом сидели еще двое: маркиз Аугусто-Негусто дон Сеял и незнакомый дядька с похожим на красный кулачок лицом, окруженным торчащими, будто жесткие швабры, бакенбардами. Потом узнал Леша, что это начальник астралийской полиции его превосходительство Бельдевул Хвост де Каракара.

Виття и Его Етугоро тоже поспешно уселись за стол. Виття поигрывал рогаткой, которую успел выхватить у Леши. Обезоружил, так сказать.

— Свинство какое! — сказал Леша. — Четверо на одного! Да еще такие здоровые!

— Ну и что! Ну и что! — заподскакивал Виття. —

Мы же не на турнире!

— Вы забыли, что я почти королевский принц? Я скажу его величеству, он вам покажет!

— Пфы! — опять подпрыгнул Виття. — Очень мы боимся этого величества! Рекукамбо Первый, ха-ха…

Бакенбардистый дядька тоже насмешливо пфыкнул, а у маркиза под крючковатым носом зашевелилась ядовитая улыбка.

Его Етугоро привстал и насмешливо проговорил:

— Мы приносим извинения вашему «почти высочеству», что обошлись с вами несколько бесцеремонно. Но жаловаться его величеству вы не станете. После того, как вы ответите на несколько вопросов, мы почтительнейше попросим вас отправиться домой и забыть дорогу в Астралию…

— Чего вам надо-то? — совсем не по-придворному перебил его Леша.

— Нам надо, чтобы вы открыли один ма-аленький секрет! — опять подскочил Виття. — Один ма-а…

— Постойте! — перебил его бакенбардистый генерал Хвост. — Пускай Етугоро ведет допрос.

— А собственно говоря, почему вы прерываете меня, ваше превосходительство?

— Для порядка! — Генерал блеснул красными глазками. — Продолжайте, господин Етугоро!

Его Етугоро впился в Лешу колючим блеском темных очков.

— Барон прав. Один ваш маленький секрет. С помощью какого заклинания вы сумели сделать стреляющим незаряженный мушкет? Да еще так стреляющий, что из двух стволов ухитрились выпустить три пули подряд!

— Ка… кой мушкет? — почему-то очень испугался Леша. — Когда?

— Ты забыл? — И у Его Етугоро вдруг, будто у громадной лягушки, растянулся рот.

— Людоедов!

— Он самый, милый мой! — заулыбался Етугоро. Стащил темные очки и парик. — Удивляешься, да? Небось думаешь: «Как это он десять лет служит при дворе, если совсем недавно сидел в башне у Бочкина?» Хе-хе…

Леша в самом деле удивлялся. И мысли его перепуганно прыгали.

— Чтобы ты не отвлекался на посторонние размышления, объясняю сразу. Когда я не выдержал издевательств твоего друга Бочкина и освободил себя, то прежде всего пробрался в пещеру к шарлатану Куркурузо. Лишь чуть-чуть опередил

тебя, но двух минут было достаточно. Я кое-что понимаю в колдовстве и сразу разобрался, где там у этого бездельника машина времени. Самое лучшее место для укрывательства после побега — прошлые времена. Хе-хе… Машина проста в управлении, я отвел рычаг на десять лет назад и — пожалуйста! Явился ко двору и с той поры верно служу Респектабо Первому, хотя данное величество этого и не заслуживает.

— Втерлись в доверие, значит, — заметил Леша. Он уже пришел в себя.

— Именно! Именно!.. А прежде чем воспользоваться машиной, я прихватил у Куркурузо его колпак, — самодовольно сообщил Етугоро-Людоедов. — Рассеянный дурень уронил его за бочку с глиной и не мог найти. А колпачок-то не простой! Я сразу сообразил, что он, помимо всего, — шапка-невидимка!.. Вуаля! — Етугоро выхватил из-за пазухи синий звездный колпак, вывернул на левую сторону, нахлобучил его и пропал! А через несколько секунд возник опять. — Ну как?

— Не забывайте, что вы обещали передать после установления новой власти эту шапку в распоряжение законного правительства, — скрипуче напомнил генерал Бельдевул Хвост.

— Обещал, обещал… Сейчас речь не об этом.

Надо разобраться с «наследником», хе-хе…

У Леши в голове опять началась сумятица: «Значит, они задумали захватить власть!.. Где же Ростик?.. Знают ли они о пробке?.. Что делать-то?..»

Он оглянулся на дверь. Может, так: «Чоки-чок, отопрись, дверной крючок?»

Но дверь была предусмотрительно закрыта не на крючок, а на могучий засов с висячим замком.

— Ускользнуть вам, сударь, не удастся, — хрипло сообщил генерал Хвост. — Лучше отвечайте по-хорошему.

— Да про что отвечать-то?

— Не притворяйся! Про мушкет! — рявкнул дон Сеял и стукнул кулаком по столу. Так, что мигнули лампы, а Леша даже подскочил. Но отвечать не стал. Сказал упрямо:

— Все равно вам мой секрет не поможет. Это только я умею.

— Поможет или не поможет, мы сами разберемся, — заявил Етугоро. — Ты давай выкладывай.

— Да зачем вам это! — отчаянно крикнул Леша. Он чувствовал, что рассказывать злодеям про «Чоки-чок» ни в коем случае нельзя.

— Он еще спрашивает! — перебил Виття. — Ка-

кие там, в несказочном пространстве, бестолковые дети!.. Для армии это нужно, для армии! Если не надо будет делать ни порох, ни пули и каждый солдат сможет заряжать ружье с помощью двух-трех слов, тогда что?

— Что? — бормотнул Леша, стараясь протянуть время.

— Такая армия будет непобедима! — веско произнес дон Сеял.

— Кроме того, стреляющие ружья нужны полиции, — напомнил генерал. — А сейчас у нас что? Позор для цивилизованной страны! Всего десять полицейских, да и те вооружены алебардами! Попробуйте тут навести порядок!

— Разве в Астралии нет порядка? — возразил Леша.

— Ни малейшего! — отрезал генерал Хвост. — Вот вам наглядный пример: проникают в страну всякие подозрительные личности!..

— А разная зеленая мелкота совсем обнаглела, — вмешался маркиз. — Нельзя даже кустики вырубить, чтобы расчистить место под гараж для велосипеда. Сразу скандал на все королевство.

— Ну, ладно! А зачем вам армия-то? С кактусятами воевать? — Леша снова тянул время. Он ждал, что откуда-нибудь придет спасение.

— Он глуп так же, как наш король, — отозвался Виття.

— Неужели непонятно? Если будет армия, враг всегда найдется. Во-первых, этот остров Акватыква! Может, они только притворяются мирной страной…

— А если даже не найдется врага за пределами государства, всегда можно разделить армию на две. Они прекрасно сумеют сражаться друг с другом, — заявил дон Сеял.

— Зачем?! — уже совершенно искренне изумился Леша.

— Для воспитания в людях боевого духа и героизма! — воскликнул генерал Хвост. — Без этих качеств настоящая нация не может существовать!

— Да, мы должны воспитывать героев! — поддержал его дон Сеял. — Наступают трудные времена. Стране нужны будут сильные личности! Скоро эта дурацкая вертушка Ореста Редькина остановится совсем, и в стране наступит энергетический голод. Начнутся трудности и борьба!

— И превосходно! — заявил барон Виття фон Люмпо-Лампо. — Без борьбы не бывает развития и прогресса! Борьба за лучшее будущее — задача любого нормального общества!

— Эта страна поросла плесенью! — заразился общим энтузиазмом Его Етугоро. — Мы разрушим эту сонную жизнь и на ее месте построим новую — светлую и свободную!

— А сейчас она разве не свободная? — опять удивился Леша.

Дон Сеял возбужденно объяснил:

— Это сонная свобода! А мы добьемся такой, чтобы никакого спокойствия!

— Только борьба! — завопил Виття. — Цель человечества в вечной борьбе! Ура!..

Тут все четверо забыли про Лешу. Вскочили, задрали подбородки и заголосили:

Мы взорвем этот пакостный свет!
Он протух, как гнилая селедка!
И к другой, лучезарной земле
Поплывет наша храбрая лодка!

Они спели, посмотрели друг на друга и, кажется, слегка смутились. Строго глянули на Лешу.

«Про свечу им, значит, ничего не известно. Это хорошо», — подумал Леша. И сказал:

— Вы же всю страну разорите!

— И прекрасно! Мы построим на ее обломках новую! — отрезал Виття.

— Там не будет места всяким глупостям вро-

де сказок и приключений, — добавил генерал Хвост. — Число полицейских возрастет в четыреста раз. И школы я предлагаю тоже подчинить полицейскому ведомству. Чтобы новое поколение росло таким, каким полагается…

— Его светлость герцогиня Флориэлла Дальнополянская предлагала свою кандидатуру на должность директора главной столичной гимназии, — сообщил дон Сеял. — Она уже разработала ряд реформ.

— Каких? — полюбопытствовал Виття.

— Например, соединить в одном предмете обучающую и воспитательную роль. В указке! Известно, что слова «указание» и «наказание» имеют один корень. И в школьном деле корень тоже должен быть один. Только указки для этого следует делать прочными и гибкими…

«Экая новость, — подумал Леша. — Наша Леонковалла давно знала такой способ…»

Он сказал:

— Король все равно не позволит!

— Ха! — опять подскочил Виття. — При чем тут король, если полиция и армия будут подчиняться не ему, а нам!.. Ну, говори свой секрет, пока не поздно! А то худо будет!

Нельзя сказать, что Леша не боялся. Но злость

на этих подлых заговорщиков была сильнее страха.

— Ничего я вам не скажу!

— Худо будет, — повторил Виття зловеще и ласково.

— Пусть! Можете меня даже съесть!

Злодеи посмотрели на Людоедова. Тот развел руками:

— К сожалению, не могу! Этот бесстыдный Бочкин так долго кормил меня морковью, что я совсем испортил здоровье: не в силах есть ничего, кроме морковных блюд. Недаром так похудел!

— Тогда я р-разорву его на части! — пообещал генерал.

Етугоро-Людоедов покачал головой:

— Если мы разорвем или съедим нашего пленника, кто нам откроет волшебство? Есть другие способы, чтобы заставить его заговорить!

— Да-да! — воскликнул барон Виття. — Мое изобретение! «Веселое кресло»! Оно развязывает язык лучше всяких хитроумных мучений!.. — Он захихикал и заегозил.

Леше отчаянно захотелось домой.

— Ну! — прищурился дон Сеял. — Последний раз спрашиваем! Будешь говорить?

— Нет… — слабым голоском откликнулся Ле-

ша.

Его схватили за плечи, лязгнули засовом на двери, втолкнули пленника в другую комнату.

Она была гораздо просторнее первой. И с таким же ярким светом. У стен громоздились механизмы и приспособления, жуткие на вид: скамейки с шипами, какие-то колеса с петлями и деревянные рамы с цепями. Не было ни малейшего сомнения, для чего все это. Потому что прямо против Леши на стене висела черная мраморная доска в деревянной раме и с медными старинными буквами:

Помъщеніе
для
пытокъ

«Мамочка…» — простонал про себя Леша.

Етугоро-Людоедов по-лягушачьи заулыбался и потер руки. Виття захихикал:

— Не бойся, мальчик, мы не какие-то мучители. Тебе будет даже весело. Потому что… хе-хе… Вот сейчас…

И он выкатил из угла на середину комнаты большущее деревянное кресло на роликах. С какими-то крючками и отростками.

С Леши мигом сдернули рубашку и майку. Стащили сапожки. Он заверещал, забрыкался, но

было поздно. Его усадили на жесткое сиденье, прижали к твердой спинке. Хлоп — на ногах, на руках, на плечах защелкнулись холодные железные скобы. Наверно, электромагнитные.

— Приступаем к демонстрации! — Виття, пританцовывая, нажал кнопку на пульте у стены. С боков и снизу у кресла выросли механические руки. Суставчатые. С длинными шевелящимися пальцами. На некоторых пальцах были волосяные кисточки.

Леша никогда не боялся щекотки — не то что Даша или Ыхало! Но сейчас ему стало жутко от своей беспомощности. Он понял, что вот-вот заревет. И крепко зажмурился.

— Действие такое, — объяснял своим сообщникам Виття. — Верхние конечности обрабатывают пациенту бока и подмышки, а нижние мягко, ла-асково щекотят его под коленками. И пяточки, пя-аточки…

— Прекрасно, прекрасно, — радовался Людоедов-Етуго-ро. — Давайте попробуем…

— Да зачем? — возразил генерал Хвост. — Подследственный и так готов выложить всю подноготную. Смотрите, какой он перепуганный!

— Ну, самую чуточку, — умиленно попросил Етугоро. — Любопытно, как он будет дергаться

и визжать…

— Ни в коем случае! — возразил дон Сеял. — Мальчишка от хохота потеряет связность речи и не сможет ничего рассказать толком. Соображать надо своей головой, Егоро… тьфу, Еготуто…

— Моя голова очень даже соображает, — ответил бывший Людоедов. — А вы себе много позволяете, господин маркиз. Будто самый главный начальник!

— А кто же здесь начальник, позвольте узнать? Не мне ли поручено разработать план всех изменений в стране? По-моему, ясно, что председателем новой государственной коллегии буду я! И как первое лицо в государстве, я…

— Отставить! — рявкнул полицейский генерал.

— Что значит «отставить», господин Хвост?! — возмутился дон Сеял.

— Мы договорились, что власть в стране будет принадлежать военным! Чтобы все было «ать-два»! Следовательно, первым лицом в государстве является главнокомандующий!

— А не кажется ли вам, господа… — начал с вкрадчивой угрозой Етугоро.

Виття перебил его:

— Постойте, постойте! Спорные вопросы такой

важности не следует решать при посторонних. Выйдем в соседнее помещение…

— Сначала пусть пленный скажет свой секрет! — потребовал генерал Бельдевул Хвост и потряс пышными эполетами на малиновом мундире.

— Ни в коем случае! — заявил маркиз дон Сеял. — Мальчишка никуда не денется. Сперва мы должны разобраться, кто же у нас глава государства! Идем!

И они друг за другом исчезли в дверном проеме, который тут же задвинулся решеткой.

СТАРАЯ ЗНАКОМАЯ

Тихо стало. И еще страшнее, чем раньше.

Леша перестал жмуриться, широко открыл глаза. Только это он и мог сделать. Кресло так держало его зажимами, что не двинешься. Леша начал глазами шарить по ярко освещенному помещению. Но стало совсем жутко от вида всяких приспособлений.

А может, все это ужасный сон?

Леша попытался проснуться. Не получилось. Может, все-таки зареветь? Но громко реветь все еще было стыдно. Леша только всхлипнул. И тогда услышал:

— Нечего нюни распускать! Смотри сюда!

Это был писклявый капризный голосок. Знакомый!

— Ты где?!

— Сюда смотри, балда! На надпись!

Леша глянул на черную доску. «Помъщеніе для пытокъ»… Ой! «…для пытакъ»!

Нельзя сказать, что Леша сразу обрадовался. Проговорил с досадой:

— Уже и сюда пролезла…

— Ох и дурень! Ради тебя пролезла-то! Или не хочешь, чтобы тебя спасли?

— Как ты меня спасешь? Побежишь за помощью, что ли? — У Леши появилась надежда.

— Я не побегу, я теперь тяжелая, медная. Вон кто побежит… Да оглянись ты! Налево!

Леша, чуть не вывихнув шею, глянул налево и назад.

На освещенной стене металась кошачья тень! И только сейчас Леша различил сердитое и жалобное: «Мяу! Мяу!»

— Тень-Филарет!

— Он бы давно уже помчался за Ыхалом, да зацепился за тень гвоздя! Видишь?! — пищала буква «а».

Леша видел.

— Филаретушка, милый! Рванись! Я тебе потом новый хвост нарисую!

— Мр-мяу! Мя-ау! — Тень дернулась и беспомощно замерла.

— Слишком крепко ты ему хвост приколдовал! — пропищала буква. — Не может оторвать!

— Что же делать?

— Слушай, что делать, и больше не называй меня глупой…

— Не буду!

— Сейчас эти олухи-министры придут, включат щекотал-ку, и ты заорешь…

— Не буду!

— Заорешь, я сказала! Вот так: «А-а-а!» И я начну расти…

— Зачем?

— Не перебивай! Головой упрусь в раму. Рейка поднимется! Она прибита длинным гвоздем. А рядом с ним под штукатуркой провод! Гвоздь порвет изоляцию!

— Ну и что?

— И будет «коза»!

— Какая еще коза?

— Ка-зэ! Короткое замыкание, бестолочь! Погаснет свет, тень гвоздя пропадет!

— И тень-Филарет освободится! Ура! Только ты

беги скорей, Филарет! Пусть Ыхало мчится сюда со скоростью света!

— Мр-мяф!

— Я начинаю орать!

— Не спеши! Надо, чтобы они не догадались!..

В эту минуту четверо заговорщиков отодвинули решетку и вошли. Впереди с довольным лицом шагал дон Сеял. Видимо, главным выбрали все же его.

— Ну-с, рыцарь Прозрачного кота, — ехидно начал он. — Включаем кресло, или вы все скажете без этой крайней меры?

— Ничего не скажу!

— Господин Люмпо-Лампо…

Барон подбежал к пульту и нажал кнопку. Механические руки задвигались, зашевелили волосатыми пальцами. Леше сделалось ужасно противно! Он заорал от души:

— А-а-а!

Виття выключил кресло.

— Ну? Скажешь?

— Нет… А-а-а-а-а!..

Сквозь прищуренные веки Леша видел, как буква «а» увеличивается в росте. Упирается макушкой в раму. Приподнимает лакированную рейку… Трах! Синие искры и полная тьма!

И несколько секунд — полная тишина.

В этой тишине Етугоро тонко сказал:

— Ай, что это?

Электромагниты выключились, зажимы ослабли. Леша соскользнул с кресла, метнулся к стене, присел там на корточки.

Раздался мужественный голос генерала:

— Объявляю чрезвычайное положение! Господин Люмпо-Лампо, зажгите запасную люмпу! То есть лампу!

— Запасной нету…

— Господин Люмпо-Лампо, вы идиот, — тем же тоном сообщил генерал. — Караульте дверь, чтобы мальчишка не улизнул.

— Решетка тяжелая, ему не отодвинуть, — успокоил в темноте дон Сеял.

А Етугоро вдруг взвизгнул:

— Ай! Там чьи-то глаза!

— Где? — простонал Виття.

— Вон… светятся…

Леша понял, что светятся его коленки. Заслонил их ладошками, потом открыл опять. Несколько раз. И тихонько протянул:

— Ы-ы-ы-ы…

— Ай! — пискнул Виття. — Оно мигает… и воет…

— Стыдно, барон! — гаркнул генерал. — Здесь никого нет! Кроме пленника и нас… Ой!

— Ай! Кто меня пнул?

— Прекратите!

— Хулиганство какое!

— Это мальчишка! Надел сапоги и лягает нас!

— Держите его!

Но Леша никого не лягал. Судя по дробному топоту и звону, сапожки принялись бегать сами по себе. Наверно, они отлично видели в темноте, потому что не ошибались: давали заговорщикам точные пинки по самым подходящим местам!

— Ай!

— Ловите! Да не меня!

Бумм! Это, кажется, генерал и Етугоро брякнулись лбами. А Виття завыл, потому что с размаху сел на скамейку с шипами.

— Ой-ей-ёй-ёй!

— Господа, будьте мужчинами!

— Оно опять мигает! Я боюсь!..

— Ха-ха-ха! Хи-хи-хи! — Это пронзительно веселилась буква «а». Она уже прыгнула с вывески и при этом ухитрилась угодить по темени маркизу.

— Меня убили!..

— Господа, сохраняйте спокойствие!

На Лешу мешком упал хнычущий Виття. У него из кармана вывалилась Лешина рогатка. Леша рванулся из-под Витти в другой угол, присел там. На ощупь зарядил рогатку, пальнул наугад. И, кажется, удачно.

— Караул! Мне отстрелили ухо! Отставить! — заорал генерал Хвост.

— Перестаньте меня пинать, я больше не буду, — совсем уже печальным голосом просил Етугоро.

— Станьте цепью! Ловите негодяя! — пытался командовать маркиз дон Сеял.

Но никто не успел выполнить такую разумную команду. В помещении разлился ровный желтый свет. Это повис под потолком и ярко разгорелся Лунчик Луняшкин!

А у дверей стояло с дубинкой в руке Ыхало! Глаза у него горели грозной зеленью. Рядом с Ыхалом так же грозно сверкал глазами большущий серый кот! Потом кот взлетел в воздух, как мяч, и растопыренной лапой дал пощечину Витте!

— Ай-яй-яй!

— Мр-мяф! Пш-ш-ш…

А в дверном проеме, за решеткой, трясла железные прутья и прыгала на одной, на здоровой ноге Даша.

— Лешенька, держись!

КОНЕЦ КОВАРНЫХ ЗАГОВОРЩИКОВ

Да, но откуда же взялся кот?

И что за это время случилось в Хребтовске?

…Тень кота Филарета, освободившись от тени гвоздя, ринулась по подземным переходам. Ей тут все пути были давно известны.

Буквально за минуту домчался бесшумный и стремительный тень-Филарет до отдушины в комнате Евсея Федотыча. И не задержался там ни на секунду: через щель в окне скользнул на улицу. Еще полминуты — и тень была в баньке.

Баньку наполнял храп Ыхала. Оно отсыпалось после всех путешествий и приключений.

— Мр-мяу-мяф! Вставай!

— Хр-р-пф… Хр-р-фу-у…

— Да вставай же, тебе говорят!!!

Но голос тени — он же совсем не громкий. Это, можно сказать, тень голоса. И Ыхало дрыхнуло по-прежнему. Безмятежно, как грудное дитя.

— Вставай, мур-мяф тебя раздери!

— Хр-р… Пф-ф-ф…

— М-мяф-ф!! — Тень Филарета в великой досаде подпрыгнула и грянулась о дощатый барьер полатей. И…

Можете верить, можете нет, но это произошло. Тень превратилась в настоящего кота!

Потом Леша, Даша, Ыхало и все их друзья (и сам Филарет!) долго ломали голову, отчего случилось такое чудо. И решили, что, скорее всего, там, в «помъщенiи для пытакъ», во время «козы» сильный электрический разряд прошел по тени и наделил ее новой жизненной силой. А тут еще — досада на Ыхало и громадное нетерпение! И тревога за Лешу! Вот и возродился кот из тени во всей своей природе! От нервного напряжения…

Но это обсуждали потом. А в тот момент Филарет даже не очень удивился своему превращению. Нога Ыхала свешивалась с полки, и Филарет мохнатой лапой щекотнул черную пятку.

— Уай-вай-вай!! — Ыхало взлетело под потолок, стукнулось макушкой и брякнулось на пол. — Ты с ума сошел?! Ай… Ты кто?

— Не рассуждай! Лешу захватил Людоедов! Вперед!

— Вперед!.. А куда?

— К Федотычу! Там проход!

Даже стукнувшись макушкой, Ыхало сообразило здраво:

— Федотыч меня не знает! Не пустит!

— Возьмем Дашу!

Кинулись в сад, к Дашиному окну. Даша сидела на подоконнике, свесив забинтованную ногу.

Ыхало скомандовало, часто дыша:

— Верхом на меня! Леша в опасности. Подробности на бегу!

Даша хотя и боялась темноты и щекотки, но в общем-то была девочка решительная. Подходящая для своего брата. Уже через две секунды она сидела на Ыхале, а оно мчалось, пугая прохожих на улице Крайней. (Потом по этому поводу было в округе много всяких слухов.) Филарет мчался рядом. На скорости он излагал Ыхалу все, что случилось с Лешей. Ыхало переводило с кошачьего на человечий — Даше.

Они подлетели к крыльцу Евсея Федотыча. Дверь оказалась отперта. Евсей Федотыч только что вернулся из поликлиники и сидел в кресле, бледный и утомленный. Перед ним топтался Ростик и виновато пытался объяснить, почему он опоздал. Хотя объяснять это Евсею Федотычу было ни к чему.

Ыхало, Даша и Филарет ворвались, как бременские музыканты в дом разбойников.

— Евсей Федотыч!... Ой, Ростик!

— Где это окошко?!

— Ростик, Леша в плену! Скорей!..

— Ых! Я полезу первое!

— Лучше Ростик! Он знает дорогу!

— Мр-мяу-мяф!

— Даша, ты останься! Куда ты с больной ногой!

— Вот еще новости! Ыхало, подсади!..

Только Евсей Федотыч ошарашенно молчал, глядя на суматоху, в которой принимало участие косматое чудище. Все это едва не стоило Евсею Федотычу второго сердечного приступа. Но, к счастью, обошлось…

Минуту спустя компания уже пробиралась тесным «змеиным хвостом». Впереди — Филарет, за ним — Ростик, потом Даша и Ыхало. Где совсем тесно, Даша ползла на четвереньках, а когда делалось просторнее, Ыхало подхватывало ее на спину.

Ростик обронил где-то свой фонарик, и Лунчик летел впереди Филарета, освещал дорогу.

Даша в этом стремительном движении все же успела упрекнуть Ростика:

— Где ты был? Почему не пришел вовремя?

— Из-за бабушки! Усадила меня чай пить! И все уговаривает: «Не спеши, посмотри, как еще рано…» А потом оказалось, у нее часы стоят!

— У тебя есть в нашем городе бабушка?

— Есть, есть! Потом все объясню!..

Они все же слегка сбились с пути и оказались в зале с рыцарским оружием. Зато здесь Ыхало запаслось шишковатой палицей древнего воина.

Ростик торопливо сказал:

— Вы давайте скорее туда, а я — за кактусятами! Позову на помощь! — И скрылся в проходе.

Вот наконец и серый гладкий коридор с лампочками. Филарет встал на задние лапы и жестом полководца вытянул переднюю: «В ту сторону!»

Помчались опять.

В одной из арок решетчатая загородка была отодвинута. Лунчик ринулся туда. Остальные за ним.

Слышны стали перепуганные вопли министров.

Ыхало животом ударилось о новую решетку. Лунчик пролетел сквозь нее и осветил картину битвы. Филарет тоже скользнул без остановки. А Ыхало… Не надо забывать, что оно было наполовину привидением и умело разжижаться в воздухе — до состояния киселя, а то и тумана. Так оно и сделало. И в один миг просочилось сквозь решетку. И протащило за собой дубину.

Одна Даша осталась по ту сторону и видела все сквозь железные прутья.

— Леша, держись!

Леша держался. Он опять вскинул рогатку.

— Руки вверх!

Маркиз дон Сеял, барон фон Люмпо-Лампо, генерал Хвост и Етугоро-Людоедов подняли руки.

Казалось, победа полная. Но… в поднятых руках у Етугоро был вывернутый колпак дона Куркуру-зо! Етугоро и нахлобучил его. И — пропал!

— Держите его! — закричал Леша.

Но как держать того, кого не видно?

В этот момент посреди каменного пола будто сам собой откинулся люк. И что-то невидимое ухнуло в него. И оттуда послышался етугоров-ский голос:

— Господа, за мной!

Все растерялись, даже Ыхало. Впрочем, не все! Маркиз, барон и генерал мигом сообразили, что к чему. Один за другим скакнули в квадратную черноту.

— Стойте, негодяи! — грозно завопило Ыхало. А Филарет прыгнул следом за беглецами. Леша и Ыхало хотели тоже кинуться в люк, но тут за-кричала Даша:

— А я?! Не бросайте меня!

— Ох! Ых!.. — спохватилось Ыхало. — Ну-ка, посторонись! — И ударом палицы сокрушило решетку. Даша допрыгала до брата и повисла у

него на шее.

— Лешенька! Они с тобой ничего не сделали?

— Ничего! Подожди, Дашка, нужно догнать этих…

Но тут из люка не торопясь выбрался Филарет. У него была очень довольная морда.

За ним вылезли три беглеца: Виття, Аугусто-Негусто и Бельдевул Хвост. Они пожимали плечами и переговаривались:

— Что мы такого сделали?

— Странно даже…

— Эти мальчишки позволяют себе черт знает что…

Они посмотрели на Лешу и его друзей, еще раз пожали плечами и опять на всякий случай подняли руки.

Один Лешин сапожок вдруг подскочил и дал пинка начальнику полиции Бельдевулу Хвосту.

— Прекратите! — взвизгнул тот. — Я генерал и требую, чтобы со мной обращались в соответствии с моим званием!

Леша схватил сапожки и натянул их.

— Вы молодцы, но хватит уже…

А из люка появился Ростик! За ним — Филимон в бескозырке и дюжина кактусят.

— Какие ловкие, — сказал Ростик. — Вздумали

удирать! От кактусят не уйдешь.

Зеленое воинство было вооружено самодельными луками, самострелами и такими же, как у Леши, рогатками.

— Ростик! — радостно закричал Леша. — Ты откуда?

— Леша! Я немного опоздал! Из-за бабушки! Ты не сердись…

— Я не сержусь! Пробка у тебя?

— Здесь! — Ростик хлопнул по карману.

— Мы протестуем, — заявил барон Виття фон Люмпо-Лампо де Лучина. — Это беззаконие. Какое вы имели право нападать на нас?

— Мы пожалуемся его величеству, — пообещал маркиз дон Сеял.

— Валяйте, жалуйтесь, — донеслось из люка. И оттуда появился Респектабо Первый. Он был в короне и парадном мундире: видимо, не успел переодеться после встречи с послами. А за королем вылез Главный маг Астралии Авдей Казимирович Белуга, Гран-Палтус дон Куркурузо.

— Мне уже все известно, — сообщил король. — Раньше всех мне рассказала про этот глупый заговор почтенная Дромадера. Она утром слышала, как злоумышленники совещались в садовой беседке…

— Как жаль, что я не успел пустить ее на топливо для камина, — горестно сказал барон фон Люмпо-Лампо.

— Это ничего бы не изменило, — объяснил дон Куркурузо. — Меня о том же самом предупредила глиняная корова…

— Да и все равно бы у них ничего не вышло, — заявил Филимон и гордо поправил бескозырку с надписью: «Герой».

— Правильно!.. Ребятки, отведите-ка этих господ в зал королевского суда и не спускайте с них глаз, — распорядился его величество. — А это что за милая девочка?

Даша попыталась на одной ноге присесть в поклоне. Ростик подхватил ее.

— Ваше величество! Позвольте представить вам мою сестру Дарью! — спохватился Леша. — Только у нее болит нога…

— Очень приятно, — сказал король. — То есть приятно не то, что болит нога, а… Ну, в общем, ясно, что я имею в виду…

— Нога — это пустяки. Это мы в один миг, — сказал дон Куркурузо. — А что это за славное существо кошачьей породы?

— С вашего позволения, это бывшая тень Филарета, — подало голос Ыхало. — Она, видите ли,

превратилась…

— Я сразу догадался, — сказал Леша.

Кактусята и Филимон увели под конвоем трех заговорщиков. Виття хныкал, дон Сеял презрительно улыбался, а Бель-девул Хвост шел с поднятой по-генеральски головой. Ростик остался с Лешей.

Двинулись по коридорам — на солнышко, на свежий воздух.

Дон Куркурузо перед этим подержал в ладонях Дашину ногу, пошептал над ней, и теперь Даша уже храбро ступала на забинтованную пятку.

Когда все оказались на лужайке перед пещерой, то ждала их еще одна неожиданность. Навстречу двигались Етугоро, Бочкин и лохматый Лилипут. У бывшего людоеда был перепуганный вид, а Бочкин выглядел весьма довольным. Лилипут же время от времени рычал и показывал большие зубы. Етугоро при этом подпрыгивал так, что успевал несколько раз перебрать в воздухе ногами.

— Здрасьте, ваше величество, — сказал Бочкин. — Здрась-те все. Вот, получайте беглеца. Надумал воспользоваться шапкой-невидимкой. А нет того соображения, что от Лилипута ни в какой шапке не уйдешь, он по запаху любого злодея

чует за версту… Авдей Казимирыч, возьмите ваш колпак да больше не теряйте.

— Мяу-мурр, — послышалось вдруг из травы. Лилипут вздернул уши и… замахал хвостом. Серый кот прыгнул к нему, начал тереться боком о добродушную песью морду. Лилипут лизнул его в нос…

НОВЫЙ ГЕРБ АСТРАЛИИ

Суд над заговорщиками состоялся в тот же день.

Сперва, правда, возникло затруднение, потому что председатель королевского трибунала Ревизо Крюка де Творо находился в летнем отпуске и уехал на дачу в какое-то соседнее сказочное пространство. Король полистал толстые книги астралийских законов и вычитал, что в этом случае он на основании статьи три тысячи сто одиннадцать дробь семьдесят семь имеет право назначить главным судьей самого себя.

Респектабо Первый так и сделал.

Но тут обнаружилась другая сложность: не было судейской мантии и парика.

Мантию наскоро соорудили из синей шелковой шторы, а с париком — никак. Церемониймейстер Туто Рюмбокало сказал, что свой парик отдать

он не может, потому что без него перепутает не только имя его величества, но и вообще все на свете. А парики слуг и тем более парик злодея Етугоро, конечно, не годились.

Выручил всех опять Леша. Сделал из газеты «Астралийские новости» шапку и…

Чоки-чок, чоки-чок,

Превратися в паричок…

Между тем под окнами Дома правосудия собралась толпа. Все уже знали о заговоре. Большинство негодовало и требовало как следует наказать злоумышленников. Но были и такие, кто их жалел.

Король с балкона пригласил из толпы несколько человек в судебные заседатели. Вызвались два пекаря, смотритель городских фонтанов, один граф, несколько торговцев, директор начальной школы и два безработных водителя городского трамвая (трамвай давно не работал из-за нехватки энергии).

Но оказалось, что недостает еще трех человек. Тогда король включил в состав суда юного графа Андрюшку де Вулка-ноллу, конопатого кактусенка Яшку Божью Коровку и маленького Филимона.

Адвокаты подсудимых запротестовали:

— Им нельзя, они несовершеннолетние!

— А мучить несовершеннолетних можно?! — возмутилась Даша.

Король сослался на статью закона, в которой говорилось: если обидели детей, значит, дети могут заседать в суде. Все присяжные заседатели — и маленькие, и большие — дружно решили, что четверо обвиняемых виноваты в заговоре против государства и в коварном нападении на рыцаря Прозрачного кота Лешу Пеночкина. А Его Етугоро был также признан виновным в краже колпака-невидимки и в попытке людоедства. (Доказательств, что он в самом деле съел кого-нибудь, у суда не нашлось.)

В конце концов король-судья огласил приговор. Суровый, но справедливый.

Бывшего людоеда Его Етугоро приговорили к изгнанию в прошлое — туда, где нет людей. К динозаврам. Главный маг дон Куркурузо взялся устроить это с помощью машины времени.

Его Етугоро презрительно сказал:

— Ну и подумаешь! Все равно я людей уже не ем, а видеть динозавров гораздо приятнее, чем вас. Буду жить-поживать и выращивать морковку. — И он показал суду язык. За то ему дополнительно

объявили выговор.

Генерал Бельдевул Хвост был разжалован в подпоручики и в этом звании тут же уволен на пенсию без права ношения мундира.

Маркиза Аугусто-Негусто дон Сеял приговорили к принудительным работам в городском парке в течение месяца и предупредили, что за новое преступление лишат дворянского звания.

Барону Витте фон Люмпо-Лампо назначили полтора месяца домашнего ареста. В это время он не имел права есть ничего сладкого. Кроме того, каждый вечер на пять минут барон обязан был усаживаться в придуманное им «веселое» кресло — чтобы на себе испытывать результат этого адского изобретения.

Барон зарыдал.

— А если он не захочет усаживаться? — усомнился маленький Филимон. — Это, выходит, каждый вечер специальных дежурных к нему посылать?

— Я поговорю с его супругой, — пообещал король. — Баронесса весьма решительная дама, она держит мужа в строгости… Нечего реветь, Виття, раньше надо было думать… Заседание королевского суда объявляю закрытым.

Надо сказать, Лешу интересовал не столько

приговор, сколько совсем другие вопросы. Сразу после суда Леша подступил к Ростику:

— Значит, у тебя в Хребтовске есть бабушка?

— Ну, есть… У нее часы остановились, вот я и…

— Да хватит про часы! Давай про бабушку!

— Ну, что про бабушку… Она, когда еще девчонкой была, жила то в Хребтовске, то здесь… А мама — всегда в Хребтовске… А потом… когда мамы не стало, мы с папой почти насовсем переехали сюда. Только он ушел в экспедицию, поэтому я у дяди…

— И ничего не рассказывал, — вздохнул Леша.

— А чего тут особенного? Думаешь, только мы с тобой знаем дорогу между Астралией и Хребтовском? Таких людей немало… Ты лучше расскажи, как это тень превратилась в кота?

Филарету удивлялись многие. Он сам себе тоже удивлялся и радовался. Это же так прекрасно — после того как несколько десятков лет был бесплотной тенью, стать настоящим, полным жизни котом! Лишь одно огорчало Филарета: у него не было тени. Но Леша пообещал нарисовать ему прекрасную густую тень и накрепко соединить с хозяином при помощи «Чоки-чока».

От приступа счастья Филарет потерял всякий интерес к своей коллекции марок. Зачем она

жизнерадостному коту? И Филарет преподнес марки в подарок его величеству.

Король был в восторге. Оказалось, что он ярый филателист. Его величество поцеловал Филарета в усатую морду и предложил ему титул императора всех астралийских котов.

Но Филарет отказался. Он дал понять, что ему достаточно звания кошачьего герцога. В тот же вечер он отправился заводить знакомства с прекрасными кошками-аристократками, и у него было несколько победных дуэлей со столичными котами из дворянского сословия.

Вечером Леша и Ростик в зале ПВД поставили на место хрустальную свечу Ореста Редькина. Это было сделано торжественно, в присутствии короля, членов правительства и многих жителей столицы.

Едва стерженек пробки вошел в гнездо, как маховик ПВД заметно увеличил обороты. Лампы прибавили свет… А в столице в это время зажглись в листве тысячи фонариков и на рельсах зазвонили ожившие трамваи.

В слоистых облаках, лежащих на склонах Горы, замерцало множество новых звезд.

— Прекрасно! — заявил Респектабо Первый. — Отныне начинается новая жизнь! Завтра — гран-

диозный праздник! Господин Монья ля Порт де Монэ! Вам придется выделить из казны приличную сумму на карнавал!

— Ну так и что, — сказал министр финансов. — Как будет угодно вашему величеству. Только потом не говорите, что Монья пускает деньги на ветер… А кто будет распоряжаться праздником? Ведь, как известно, прежний распорядитель сейчас развлекает динозавров… Кстати, он совсем не плохо справлялся со своими обязанностями…

— Ну, и не так уж хорошо, — вмешался Ростик. — Всегда придирался к ребятам. И приказал вырубить шесть каштанов, чтобы проложить аллею к своему новому дому. За это не к динозаврам надо, а еще дальше…

— Мы создадим комиссию для подготовки праздника из юных жителей Астралии, — решил его величество. — А возглавить ее попросим уважаемого дона Куркурузо. Ведь в таком деле не обойтись без волшебства…

Праздник был восхитительный!

Три вечера подряд над Горой взлетали фейерверки, каких давно уже не помнила Астралия. Вертелись сотни сверкающих каруселей. Тысячи жителей в маскарадных костюмах веселились и устраивали игры и приключения. Даже самые

почтенные горожане и крестьяне из окрестных деревень на этом празднике чувствовали себя мальчишками и девчонками.

С Луны срочно прилетели артисты цирка «Селено-поле-но». Они без перерыва давали представления на круглой поляне, где было в шесть раз уменьшено земное притяжение. До упаду смешили зрителей клоуны из группы «Лунус Переплю-нус». Поражали лунные слоны-канатоходцы: они были похожи на земных, только крупнее, зеленого цвета и очень ловкие. Но больше всех вызывала восхищение Серебряная Танцовщица. Это была прекрасная девушка в легких одеждах небесного цвета с серебристыми блестками. И с голубыми веснушками на симпатичном курносом лице. Она танцевала на кончиках сверкающих мечей. Тысячи зрителей замирали, а потом кричали: «Браво!» И громче всех — его величество Респектабо Первый…

Особо надо сказать о карнавальном шествии. Оно состоялось на второй день праздника. Длинная процессия двигалась от королевского дворца до площади Ореста Редькина и при этом опоясывала вершину горы спиралью. Одетые в самые удивительные костюмы, астралийцы несли тысячи разноцветных фонарей. Фонари эти отра-

жались в тысячах радужных мыльных пузырей, которые взмывали над головами и не лопались. Надувать такие пузыри научил здешних ребят Леша.

Играли оркестры. А впереди колонны выбивали звонкую дробь зайчата-барабанщики из деревни Мудрые Зайцы. За ними маршировали кактусята с пестрыми знаменами. Вместе с кактусятами шагало Ыхало. У него через плечо была надета малиновая лента ордена Астралийской Доблести первой степени. Орден этот пожаловал Ыхалу король. Такие ордена были у всех, кто принимал участие в схватке с заговорщиками. Только у Филарета лента висела не через плечо, а была повязана бантом вокруг шеи…

Леша, Даша и Филимон в бескозырке ехали на Дромадере. Филимон ехал стоя и держал большущий флаг с гербом Астралии. Он был очень горд.

У Леши был круглый щит с изображением Прозрачного кота. На Даше — ярко-зеленый берет с желтым и красным перьями — подарок Ростика. Над беретом висел и распевал стихи Лунчик.

Впереди Дромадеры шагали Филарет и Лилипут (с малиновой лентой поперек живота), а сбоку трусила глиняная расписная корова. Вокруг нее прыгал подросший глиняный теленок.

Над всем этим праздничным шествием возвышался великан Гаврила. Он неторопливо шагал, подняв над головой карусель, где верещала от веселого страха пестрая астралийская малышня.

А еще выше летала туда-сюда и светила, как настоящая луна, тетушка Ихтилена.

Даша то и дело говорила:

— Как красиво! Верно, Леша?

Леша соглашался. Мало того, он твердо решил, что, когда подрастет, обязательно напишет большую картину: «Карнавал в столице Астралии Горнавере».

Когда процессия проходила по улице Красной Шапочки, сквозь музыку и шум донесся истошный визг. Он летел из открытого окна. Это в своем баронском особняке Виття фон Люмпо-Лампо сидел в щекотальном кресле.

Даша поежилась.

— Леша, ты должен попросить короля, чтобы он помиловал барона. А кресло пусть разломают.

— Пожалуй, — согласился Леша. И подумал, что иначе этот противный визг может надолго засесть у него в ушах и помешает работать над картиной.

На третий день стало известно, что ожидается еще одно торжественное дело: прибивание над

воротами нового щита с гербом Астралии. Старый щит порядком обветшал, и король решил, что пора заменить его более красивым и ярким.

Вот тут-то и пришло время торжества для нашей старой знакомой — буквы «а».

После ареста заговорщиков буква куда-то исчезла. Леша решил, что она опять отправилась на поиски «престижного места». И жалел, что не успел как следует поблагодарить ее за спасение.

На самом деле буква все это время жила в королевской сокровищнице, под покровительством министра финансов.

Король решил в награду за подвиг поместить букву на гербе Астралии. В начале слова!

— Если вы, конечно, согласны, — вежливо сказал он.

Буква запищала, что она согласна, только не видит никакой возможности. Ведь в названии королевства первая буква должна быть заглавной.

— А я — обычная, строчная…

— Это дело поправимое, — сказал король. И послал за кузнецом.

Леша тоже был при этом разговоре. Он спросил у буквы:

— А как ты сделалась медной? Была вроде бы из пластмассы…

— Ох, это совсем не трудно. Постепенно заменяла атом за атомом. Я могла бы, если бы хотела, сделаться даже золотой… А вот заглавной — никак…

Пришел кузнец — большой художник в своем деле. Осмотрел букву, кивнул и понес в кузницу. Леша, Даша, Ыхало, Филарет и Ростик пошли за ним. И Лунчик — в кармане у Ыхала.

В кузнице пахло горелым металлом и дымом. Гудел в горне оранжевый огонь.

Кузнец разогрел букву «а». Она попискивала, но терпела. Чего не вытерпишь ради того, чтобы стать заглавной.

Кузнец молоточком стал менять у буквы форму.

Сначала она была такая: а

Затем сделалась такая: *а*

Потом превратилась в такую: *А*

И наконец стала, какой хотела: А

Причем со всякими старинными завитушками.

Новый щит с гербом стоял тут же. На лазоревом поле белели три зубчатые башни, поднимался могучий дуб и сверкали звезды. А вверху полу-

кругом выстроились буквы:

…СТРАЛІЯ

Горячую букву А кузнец опустил в холодную воду, как новую подкову. Она заверещала, зашипела и быстро остыла. Тогда ее надраили до золотого блеска.

Потом кузнец просверлил в букве отверстия для болтов и привинтил ее на место. Та сияла от счастья. Будто и правда золотая.

— Не вздумай снова удрать. Это будет очень нехорошо с твоей стороны, — сказала Даша.

— Разве я сумасшедшая?! Это самое лучшее место на свете! Я о таком и мечтала!..

И буква А засияла еще сильнее…

В полдень великан Гаврила прибил над городскими воротами новый щит с астралийским гербом. Трубачи-кактусята дули в золотые фанфары, зайчата лупили в барабаны, праздничный народ ликовал, разноцветные флаги плескались на ветру…

А на следующее утро Леша, Даша, Ыхало, Филарет и Лунчик уходили домой. Их провожали до станции Пристань Бочкин, Ростик и Лилипут.

Был ранний час, веял прохладный ветерок, и на солнце сверкала крупная астралийская роса.

Когда вышли из ворот, Леша оглянулся на герб. Звезды и буквы сияли в утренних лучах, и ярче всех, конечно, буква А.

Леша помахал ей рукой.

Но буква не пискнула, не шевельнулась. Она понимала, что на этой должности надо соблюдать солидность.

Можно было добраться до дома очень быстро. Бочкин сказал, что теперь, когда стало много энергии, от столицы до Пристани и дальше бегает веселая сказочная электричка. Но Леша и Даша (у которой уже совсем не болела нога) решили, что хорошо пройтись через Астралию пешком. Вниз под Гору, до Желтых Скал, затем по берегу Залива до Пристани, а оттуда по шпалам прямо к дому.

— Надо зайти в гости к бабке на станции Чьитоноги! — вспомнил Леша.

— И Одинокого Шарманщика навестить! — подпрыгнула Даша.

— Кстати, он сейчас вовсе не одинокий, — сообщил Бочкин. — К нему приехала на каникулы целая куча племянников. Очень славные ребята, все музыканты.

— А ты свою бабушку навестишь? — спросил Ростика Леша.

— Обязательно. Только попозже. Скоро отец

должен вернуться из плавания, мне надо его встретить…

— А свой берет ты подарил мне насовсем или на время? — спросила Даша. В этом берете и в своем зеленом спортивном костюме она была похожа на мальчишку-кактусенка.

— Конечно, насовсем! — Было видно, что Ростик готов сделать Даше еще и не такие подарки.

Лунчик дразнил Филарета: подлетит, пострекочет, покажет красный язычок — и удирать! Фйларет притворно сердился, подскакивал и махал когтистыми лапами.

Бочкин, Ыхало и Лилипут о чем-то беседовали на ходу…

Леша топал босиком. Сапожки он отпустил погулять, и они умчались вперед. Носились туда-сюда по тропинке и звенели шпорами, как звенят колокольчиками на лугу резвые телята.

Никто никуда не спешил. В Астралии наступил спокойный послеполуденный отдых. А в Хребтовске, дома у Леши и Даши, прошло за это время всего несколько минут. Мама по-прежнему была в гостях у подруги, а папа в мастерской стоял перед мольбертом и задумчиво смотрел на неоконченную картину…

Часть IV, очень короткая
О ТОМ, ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ

Дальше было много всякого. Интересного. Добираться до Горнавера стало очень легко. Сперва Леша и Даша ехали до Пристани на самодельном поезде с паровозом-самоваром (который, как выяснилось, приходился Ыхалу дядюшкой). А там пересаживались на звонкую электричку с разноцветными вагончиками (Леша сам разрисовал их — пестро, как глиняную корову).

Кроме того, бабка Глаша со станции Чьитоноги сообщила всем, что открывает регулярную авиалинию между своей платформой и столицей, и несколько раз подбрасывала Лешу и Дашу по воздуху, на большой пассажирской метле. Даша сперва визжала, но скоро привыкла.

У Ихтилены вывелось из икры много лунят — братьев и сестренок. Они расселились в окрестных лесах и в столичном парке. Иногда казалось, что это большие жуки-светляки. Лунчик время от времени летал к ним в гости. Но постоянно он жил по-прежнему вместе с Ыхалом.

Отец Ростика вернулся из плавания. Его па-

русный корабль «Океанский бродяга» пришел в портовый городок Грин-Бумсель, который располагался у западного подножия Горы, на берегу Изумрудной лагуны. Эта лагуна соединялась, кстати, широкой протокой с Заливом у Желтых Скал, а значит, и с речкой, где стояла Пристань. И оказалось, что от Пристани можно плавать прямо в Грин-Бумсель на пароходике «Отважный Орест».

Отец Ростика открыл в Астралийском океане архипелаг, населенный жизнерадостным племенем югги-лакамбуры, которым управлял вождь Якки Белый Гусь. Он приехал в гости к Респектабо Первому. Опять был в столице праздник (совпавший с праздником Летнего звездопада): фейерверк, выступления артистов лунного цирка и футбольный матч между столичными мальчишками и зайчатами-барабанщиками (счет: три — три). Король и Якки Белый Гусь так развеселились, что танцевали туземную румбу на площади среди карнавальной толпы. А с ними — Серебряная Танцовщица с Луны (земная нагрузка ей, видимо, не мешала).

Ростик ни на шаг не отставал от отца, даже про Лешу и Дашу вспоминал лишь временами. Но они не обижались. Понимали: у человека такая

радость!

Бочкин слегка завидовал отцу Ростика. Он ведь тоже был капитаном судна, но дальше Грин-Бумселя ни разу не плавал. И теперь поговаривал, что неплохо бы отправиться на «Храбром Оресте» в дальнюю экспедицию. Тем более что Проша сдал экзамены на должность помощника начальника станции и с этой поры имел право заменять Бочкина, пока тот в командировке.

Среди шумных и веселых событий король не забывал иногда напоминать Леше: не надумал ли тот окончательно сделаться наследным принцем Астралии? И Леша почти согласился. Без особой, правда, охоты.

А Даша радовалась:

— Значит, я буду принцесса!

Впрочем, в последнее время король возвращался к этому разговору все реже. Может быть, считал, что дело решенное, а может быть, просто утомился от частых праздников и приемов гостей.

Его величество сделался задумчивым и рассеянным. Все чаще сидел один в королевском кабинете. Его любимым занятием стало разглядывать коллекцию, которую подарил Филарет. Особенно его величеству нравились марки с

серебристым и голубым отливом. Он смотрел на них подолгу и вздыхал…

А Филарет никогда не вспоминал о своем прежнем увлечении. Он вел теперь жизнь кота-дворянина, полную любовных похождений и боевых подвигов.

Был Филарет знаменит и в Астралии, и в Хребтовске. И немудрено! Единственный в мире сумчатый кот! Ведь карман-то, где раньше лежали марки, у него сохранился. Правда, некоторые жители Хребтовска отказывались удивляться. Пожимали плечами:

— Что здесь особенного? Он же австралийский. В Австралии полно сумчатых животных.

Но, во-первых, они путали Австралию с Астралией. А во-вторых, даже в Австралии сумчатых котов нет.

Леша хотел нарисовать Филарету хорошую, густую тень, но тот, поразмыслив, отказался. Быть не только сумчатым котом, но и единственным в мире котом без тени — это тоже оригинально!

Кроме того, Филарет, оказывается, сохранил способность снова превращаться в тень. Когда хотел. Это было очень удобно, если встречались превосходящие по силе коты-противники или бестолковые окраинные псы, не признававшие

дворянского достоинства Филарета.

А большой карман на животе очень пригодился. Симпатичная придворная кошечка Муринелла родила Филарету сынишку Митю. Филарет им гордился. Словно кенгуру, таскал сына в кармане и хвастался перед знакомыми. Юный кошачий герцог Митя де Филаретто был очень славный, все его любили, особенно Даша. Митя Дашу развлекал и утешал в печали. А печалилась Даша оттого, что Ростик уехал с отцом в какую-то деревню к родственникам и не показывался в столице.

Время в Астралии мчалось большими веселыми скачками, а в Хребтовске еле ползло. Но, оказывается, и здесь оно двигалось. Потому что папа успел написать картину «Портрет детей художника с Ыхалом и тенью кота Филарета на солнечной стене». Картина появилась на выставке, и о ней много спорили. Некоторые критики возмущались: что за Ыхало и почему художник ударился в такую неуемную фантазию! Но многим картина нравилась…

То, что тень Филарета превратилась в настоящего кота, папу и маму не очень удивило. Они уже привыкли к чудесам.

Впрочем, эта привычка не мешала маме трезво

смотреть на вещи и напоминать детям о будничной, несказочной жизни. Однажды мама сказала:

— Уважаемые школьники! Вы не забыли, что через три дня у вас начинаются занятия?

Гном Петруша высунулся из окошечка на часах и подтвердил:

— Скор-ро пер-рвое сентябр-ря!

Вот такие дела. Пускай лето хоть самое бесконечное, а все равно приходит день, когда надо садиться за парту.

Леша уже знал, где находится школа, в которой будут учиться он и Даша. Совсем недалеко, в двух кварталах. Поэтому в первый день занятий он отказался от маминого и папиного провожания. Сам отвел Дашу в первый класс, а потом отыскал на школьном дворе место, где собирался второй «Б».

Учительница Вера Васильевна оказалась молодой и веселой. Совсем не похожей на Леонковаллу Меркурьевну. Она обрадовалась Леше, словно давно ждала его.

— Говорят, ты хорошо рисуешь! Да?

— Только левой рукой, — на всякий случай предупредил Леша.

— Это неважно! Мы будем с тобой выпускать

классную газету. Придумай название!

— Акватыква! — бухнул Леша. И немного испугался. Но Вера Васильевна обрадовалась еще больше:

— Замечательно! Такой газеты еще ни у кого никогда не было!

Потом она сказала, что до звонка много времени и пусть Леша познакомится с ребятами, побегает с ними на школьном дворе.

Утро стояло солнечное, совсем летнее, даже жаркое. Пестрая толпа шумела и резвилась среди кленов и рябин.

— Вон там, у волейбольной площадки, наши ребята.

Леша подошел…

Второклассники оказались дружелюбные. Сразу сказали:

— Будешь играть в скакалки-вышибалки? Тогда становись вон в ту команду…

Леша поиграл. Это было, пожалуй, не хуже, чем резвиться с кактусятами в Горнавере.

Потом он отошел, чтобы передохнуть. Оглянулся. И заметил стоящего в сторонке мальчика. Тот стоял спиной к Леше и что-то разглядывал в листве клена.

Мальчик был «растительных тонов». В са-

латной рубашке, в шортах защитного цвета, в зеленых гольфах и в спортивной кепочке «пограничной» расцветки. Мало того! За плечами у него висел ярко-зеленый лаковый ранец с улыбчивым чело-вечком-кактусом на крышке.

Леша подошел осторожно. Постоял еще, посмотрел, чтобы не ошибиться. Потом сказал:

— У кого-то здесь уши зеленым просвечивают…

— Леша!

— Ростик!

Они обнялись.

Ростик сказал, что будет жить в Хребтовске, у бабушки, и учиться здесь, во втором «Б». Потому что отец опять ушел в далекое плавание.

— Я просился с ним, но он говорит, что еще маленький, — вздохнул Ростик. — Ну и ладно. Зато будем вместе с тобой…

Вот это было счастье!

Вера Васильевна, конечно, позволила им сесть за одну парту. Потому что друзья.

— Только не болтайте на уроках и не отвлекайтесь. Договорились?

Но они, по правде говоря, иногда болтали.

А на переменах бегали к первоклассникам — повидаться с Дашей.

Решено было, что в первое же воскресенье они опять отправятся в Горнавер, чтобы навестить друзей и узнать новости.

Но случилось так, что в столице Астралии Леша и Ростик оказались еще раньше.

В четверг на уроке чтения вдруг сильно постучали в дверь. Потом дверь отворилась, и на пороге возник… Туто Рюмбокало! При полном параде — в парике и расшитом белом камзоле. Он поднял свой жезл, чтобы трижды грохнуть о половицы, но вовремя спохватился: школа все-таки, а не дворцовый зал. Стукнул осторожненько, однако с торжественностью.

— Его величество Результате… э, Респектабо Первый просит Лешу Пеночкина и Ростика Цветкова срочно пожаловать на заседание Королевской коллегии…

Конечно, все ужасно удивились. А одна девочка спросила:

— Сейчас театр будет, да?

Ростик и Леша растерянно смотрели то на церемониймейстера, то друг на друга, то на Веру Васильевну.

Вера Васильевна пришла в себя раньше остальных.

— Ну, хорошо. Пусть Леша и Ростик идут, раз уж

Королевская коллегия. Но только попросите его величество в дальнейшем назначать совещания попозже, чтобы они не совпадали с уроками.

Туто Рюмбокало важно согласился передать королю эту просьбу. Леша же оглянулся в дверях и успокоил учительницу:

— Не волнуйтесь, пожалуйста, мы вернемся через пять минут…

Когда шли по школьному коридору, Леша деловито спросил:

— На чем поедем?

Туто Рюмбокало вдруг по-ребячьи подмигнул, достал из кармана серебряный молоточек и металлическую пластинку с какими-то буквами. По углам у нее торчали гвоздики. Туто Рюмбокало остановился у двери третьего класса «А».

Наложил на дверь пластинку и застучал молоточком.

— Там же урок! Нам попадет! — испугался Леша.

Туто Рюмбокало приложил палец к губам:

— Тс-с…

На металлической полоске было написано: «Лифт».

Туто Рюмбокало открыл дверь. Класса не было! Была просторная кабина лифта. Опять чудеса!

Они вошли. Туто Рюмбокало нажал одну из множества кнопок. И кабина помчалась. Непонятно, вниз или вверх.

— А что случилось-то? — запоздало встревожился Леша. — Почему такая срочность? Что-то важное?

Туто Рюмбокало покивал значительно и слегка печально.

— Крайне важное… Король просто не знает, как быть.

— Неужели несчастье какое-то? — испугался и Ростик.

— Трудно сказать. В какой-то степени любовь — это всегда несчастье, — задумчиво сообщил Туто Рюмбокало. — Хотя и радость тоже… Вы обратили внимание, сколь задумчив и рассеян был государь последнее время?

Леша и Ростик закивали.

— Это объясняется сердечными причинами, — доверительно сообщил церемониймейстер. — Король влюблен.

— В кого?!

— Вы не поверите… Он испытывает самые сильные и нежные чувства к Серебряной Танцовщице… Долгое время его величество не решался открыть ей свое сердце. А вчера наконец ре-

шился…

— А она что?!

— Она… ответила благосклонностью и согласилась стать королевой Астралии. Скоро свадьба.

— Ну и прекрасно! — воскликнул Леша.

— Значит, опять будет праздник! — обрадовался Ростик.

— Праздник-то праздник, но этим ведь дело не кончится, — замялся Туто Рюмбокало (а лифт между тем все ехал и ехал). — Возникает один очень деликатный вопрос.

— Какой?! — опять разом спросили Ростик и Леша.

— Видите ли… через какое-то время после свадьбы у жены и мужа появляются дети. И… возможно, родится королевский сын. По закону он должен сделаться наследником трона… И в этом случае… В общем, государь очень неловко чувствует себя перед Лешей. Сперва уговаривал его стать наследным принцем, а теперь…

— Да пусть рождается королевский сын! Слава богу! — обрадовался Леша. — Потому что мне эта королевская должность ну вот ни капельки не нужна! Я просто не знал, как быть! И не хочется, и отказываться неловко…

— Значит, вы не будете обижаться на его ве-

личество?

— Да нисколечко!.. Вот разве что Дашка огорчится. Она уже всерьез нацелилась сделаться принцессой…

— А она ею и будет! Король в любом случае пожалует вам титулы принцев королевской крови!

— Тогда и Ростику, — попросил Леша. — Чтобы, когда принцесса Дарья вырастет, жених у нее тоже был принц…

Ростик незаметно дал Леше тумака, но Туто Рюмбокало серьезно заявил:

— Нет ничего проще.

— А я, если его величество разрешит, стану потом директором королевской картинной галереи…

— А я — директором Астралийского ботанического сада, — решил Ростик. — Только сперва мы с тобой, Леша, попутешествуем. На папином корабле.

— А твой папа нас возьмет?

— Я думаю… Или, в крайнем случае, можно попросить Бочкина, чтобы отправиться в плавание на «Отважном Оресте».

— А если Бочкин не захочет взять нас, тогда… мы… однажды ночью… — начал Леша дурашливым и таинственным шепотом, — проберемся и…

Я ведь умею управлять пароходом…

— Ай-яй-яй, — сказал Туто Рюмбокало. Леша и Ростик засмеялись. Они были уверены, что добрый старик на них не наябедничает.

Лифт наконец остановился. И они вышли в королевском саду — прямо из ствола толстенного ясеня. Зашагали по солнечным лужайкам и оплетенным цветами висячим мостикам.

— У короля есть еще один деликатный вопрос к Леше, — осторожно сказал Туто Рюмбокало.

— Какой?

— Понимаете, в чем дело… Его высочество герцог Филарет последнее время взял обыкновение часто обращаться в тень. Это само по себе никому не мешает. Но одновременно с этим превращаются в тени и все марки коллекции, которую герцог преподнес государю. Один раз король показывал коллекцию послам, и вдруг… Получилось очень неудобно… Король хотел узнать: не можете ли вы, Леша, сделать так, чтобы марки всегда оставались марками и не зависели от превращений его высочества Филарета? С помощью вашего «Чоки-чока»…

— Надо попробовать…

И Леша на ходу стал бормотать себе под нос. Никакие подходящие рифмы не шли в голову. Но

Леша не унывал. До зала заседаний Королевской коллегии оставалось еще шагов полтораста. Леша был уверен, что за это время он успеет что-нибудь придумать.

1992 г.